

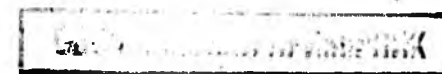
**ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ**

**НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ
СТРАН ЕВРОПЫ
И АМЕРИКИ**

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Под редакцией профессора И. П. Дементьева
и профессора А. И. Патрушева

Рекомендовано
Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений

Москва
«Простор»
«ЧеРо»
2000

680050

Редакционная коллегия:

И.В. Григорьева, Г.И. Зверева, В.В. Согрин, И.П. Дементьев, А.И. Патрушев

Научно-вспомогательная и организационная работа выполнена

В. Г. Васениным, Н. В. Кирсановой

Рецензенты:

кафедра истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД РФ
(зав. кафедрой д-р исторических наук, проф. В. О. Печатнов),
д-р ист. наук Л. П. Ренина (Институт всеобщей истории РАН)

Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки (Учебное пособие для студентов).

Под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева – М.: Простор, 2000. – с. 432
ISBN 5-900 451-22-4

В учебном пособии рассматривается историческая наука XX века в ведущих странах Европы и Америки. Показаны основные историографические направления и школы, творчество ведущих историков отдельных стран, их вклад в развитие мировой исторической науки. Значительное внимание уделено становлению и развитию «новой научной истории», её главным чертам и особенностям. Охарактеризованы проблематика исторических исследований, исторические центры, учреждения и периодика. Книга является продолжением вышедшего в 1990 г. учебного пособия «Историография истории нового времени стран Европы и Америки»

Вышедший в 1990 г. коллективный труд "Историография нового времени стран Европы и Америки" охватывал историю исторической науки по проблемам нового времени от эпохи Возрождения до начала XX века и получил благожелательную оценку научной общественности. Настоящее издание представляет собой продолжение и завершение этого труда. Оно содержит обзор развития европейской и американской исторической науки в новейшее время. В нем рассматриваются за период с 1918 г. до середины 1990-х годов главные проблемы как новой, так и новейшей истории.

За прошедшее время между выходом в свет двух томов в стране произошли глубокие перемены. После распада СССР возродилось суверенное Российское государство, произошли существенные изменения в общественно-политической жизни, создавшие основу для идейного плюрализма. Уходит в прошлое целая эпоха. Это оказало глубокое влияние на историческую науку, органически включенную в жизнь современного общества. Перед отечественными учеными встала настоятельная потребность в формировании нового понимания истории и обогащении самих подходов к постижению прошлого. Это понимание должно учитывать новейшие тенденции в развитии зарубежной историографии и вести с ней постоянный творческий диалог, что непременно предполагает знание этих тенденций. То обстоятельство, что при сохранении определенной национальной специфики почти во всех странах наблюдаются одинаковые либо сходные явления и процессы интеграционного характера, позволяет говорить о поистине единой мировой науке, органической частью которой становится

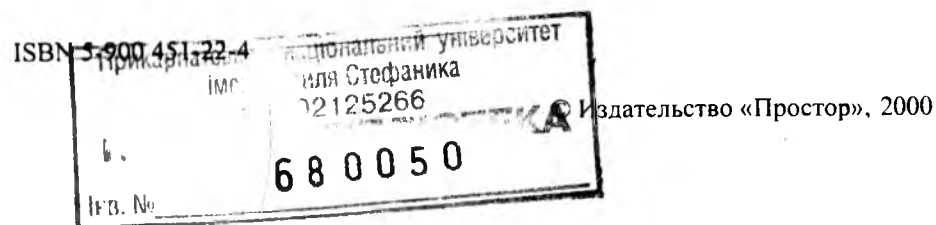
русская историография.

Авторы настоящего учебного пособия стремились воспроизвести с возможной полнотой явления и процессы, происходящие в зарубежной исторической науке XX века, ее достижения и слабости, основные проблемы и результаты ее развития к середине 90-х годов нашего столетия. При этом особое внимание обращено на "новую историческую науку", выдвинувшую в последние десятилетия количественный анализ и плодотворный междисциплинарный подход.

При анализе советской историографии авторы отходят от представления о марксизме как единственно научной методологии социально-исторического познания, но и не приемлют нигилистического отрицания материалистического понимания истории. Это дает возможность более взвешенно и объективно рассмотреть развитие советской историографии, выделить действительно глубокие исследования, обогатившие мировую историческую науку и отсеять конъюнктурные работы.

К сожалению, ввиду трудностей объективного и финансового характера выход в свет данного издания затянулся на несколько лет. Кроме того, рамки определенного объема книги вынудили отказаться от рассмотрения исторической науки ряда тех стран, которые были представлены в первом томе (Австрия, Испания, Скандинавия, страны Восточной Европы). Конечно, это в известной мере обеднило содержание данного труда, но, тем не менее, в нем достаточно полно представлена историческая наука тех стран, которые играют ведущую роль и определяют общий уровень развития мировой историографии.

Таковы некоторые проблемы, связан-

ные с написанием учебного пособия по историографии нового и новейшего времени. Конечно, более выверенные оценки деятельности историков, школ, направлений в свою очередь зависят от нашего отношения к тем или иным изучаемым историческим событиям, а процесс их нового осмысления далеко не закончен. Авторский коллектив кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, работавший над созданием этой книги, пытается, однако, уже сейчас дать

хотя бы неполные ответы на возникающие проблемы.

Поэтому мы оставляем право за читателем, (а учебное пособие предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей курсов историографии всеобщей истории), полное право как на согласие с нашими трактовками и интерпретациями, так и на сомнения, возражения и критику, которую редакционная коллегия учебного пособия с благодарностью примет.

Часть

I

Историческая наука в межвоенный период (1918-1945)

Введение

Ураган первой мировой войны разметал многие привычные старые каноны, обнаружил хрупкость европейской цивилизации и культуры, резко усилил сомнения в поступательной направленности исторического процесса. Были поколеблены и уверенность в настоящем, и вера в будущее, возросли настроения скепсиса и разочарования.

В горниле войны и революций сгорели три крупнейших империи - Российская, Австро-Венгерская и Османская. Однако, кроме России, революционный подъем 1918-1920 гг. везде потерпел неудачу. Мировая и гражданская войны изолировали российскую революцию от остальной Европы в течение трех лет наиболее остро социального кризиса капиталистической системы, что позволило успешно справиться с пролетарскими выступлениями в Германии, Австрии, Италии и Венгрии. Эти поражения показали, что исторически сложившийся перевес сил капитализма в Центральной и Западной Европе над радикальной частью рабочего класса сохранился и после первой мировой войны. Тем не менее, пролетариат оставался грозным противником буржуазии, опасавшейся роста хорошо организованных и жестко руководимых Коминтерном коммунистических партий.

Оказался краткосрочным и подъем экономики. Уже в 1929 г. из США в Европу перекинулся величайший в истории экономический кризис, вызвавший гигантскую безработицу и новый всплеск социальных конфликтов. Кризис завершил начавшийся ранее процесс свертывания либерально-парламентарной демократии и установления террористических автори-

тарных и тоталитарных режимов в Италии, Германии, Австрии, Венгрии, Испании, Португалии и ряде других стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

Мировой экономический, демографический (почти во всех промышленно развитых странах коэффициент воспроизводства населения был в 1930-1939 гг. меньше единицы, т.е. умирало больше, чем рождалось) и политический кризис означал конец того типа развития и экономического роста, который был характерен для XIX века. Новые технологии, научные открытия (волновая механика, квантовая физика, создание искусственных изотопов, первые шаги кибернетики и телевидения, зарождение ракетной техники, создание антибиотиков, проникновение в тайны человеческой души на основе психоанализа), изменение самого образа жизни в 30-е годы являлись проблеском новой цивилизационной системы, родовыми схватками будущего мира.

Новым явлением в развитии мировой исторической науки 20-30-х годов стало возрастание интереса к марксизму, до первой мировой войны явление редкое и присущее только отдельным, наиболее глубоким ученым, например, Максус Веберу. Однако потрясения войны и революции в России, которые, казалось бы, подтверждали марксистскую концепцию о неизбежной смене обреченного капитализма социализмом привели к новой тенденции, к ускоренному развитию социально-экономических исследований, истории социально-классовой борьбы, рабочего движения, к попыткам нащупать общие закономерности исторического развития. Так, на VI Международном конгрессе ис-

ториков в Осло в 1928 году его председатель, крупнейший норвежский историк Х. Кут сделал доклад о роли классовой борьбы в истории, используя принципы марксистской методологии, интерес к марксизму особенно заметен был в Германии и Франции.

В 20-е годы советскую историческую науку, которая, естественно, была метрополией марксизма, за рубежом еще рассматривали как наследницу дореволюционной российской, имевшей высокую научную репутацию.

Однако диалога и сотрудничества не получилось. Уже к концу 20-х годов историков старой школы в СССР перестали допускать к участию в международной научной жизни.

Поворот к конфронтации ясно прозвучал в апреле 1929 года в выступлении М. Н. Покровского на пленуме Коммунистической академии, в котором он потребовал положить конец "мирному сотрудничеству" марксистов с учеными иных теоретических и политических взглядов и начать на них "решительное наступление". С этого времени советская историческая наука окончательно вступила на путь идейно-научного изоляционизма, имевшего для ее развития пагубные последствия, подмену диалога монологом, творчески бесплодным в силу монопольного диктата идеологии.

Все это не могло не сказаться на развитии мировой исторической науки, которую невозможно обособить или оторвать от совокупности всей интеллектуальной деятельности человечества. На рубеже 20-30-х годов возрастает стремление ответить на тревожные вопросы эпохи либо созданием глобальных теорий всего исторического процесса, либо в форме исторических сопоставлений и аналогий с прошлым, либо путем расширения исторического горизонта, включения новых сфер и проблем в область исследования.

Интерес к вопросу о смысле истории приобрел такое значение потому, что в отличие от прошлого были поставлены под сомнение не просто представления об

отдельных сторонах исторического процесса - моральной, социально-экономической, религиозной. Оказалась поколебленной сама ценность и целостность истории как таковой. Классический позитивизм XIX века с его верой в линейный прогресс вновь и окончательно проявил свою неспособность ответить на новые вопросы и решить новые проблемы.

О вулканической взрывной подпочве истории сигнализировала необыкновенно артистическая книга немецкого философа **Освальда Шпенглера** (1880-1936) "Закат Европы" (2 тома, 1918-1922), ошеломляющее впечатление от которой как нельзя лучше соответствовало духовной атмосфере послевоенной Европы.

В основе концепции Шпенглера лежала идея культурно-исторического цикла в сочетании с принципом замкнутости локальных культур. Пионером этих идей Шпенглер не был. О круговороте в истории не раз писали самые различные мыслители от древности (Чжоу Янь, Гераклит, Платон) до нового времени (Дж. Вико, И. В. Гёте, Н. Я. Данилевский, Ф. Ницше). Но в отличие от них Шпенглер абсолютизировал свою основополагающую идею, превратив самобытность каждой отдельной культуры в полную ее обособленность.

Опираясь на обширный материал истории, археологии, этнографии, филологии, искусствоведения и прочих наук и продемонстрировав широчайшую эрудицию, Шпенглер раздвинул границы традиционной исторической науки и показал несостоятельность европоцентризма. Будучи историком культуры, он специфически толковал ее не как единую общечеловеческую, а как расколотую на восемь отдельных культур, каждая из которых возникает как органический порыв некой души по темной воле рока из бессознательных недр не менее темной прадуши.

Эти культуры, по концепции Шпенглера, следующие: египетская, вавилонская, китайская, греко-римская, византийско-арабская, западноевропейская и культура маяя. Иногда он упоминал и о рождаю-

щейся только сейчас девятой культуре - русско-сибирской.

Каждая из этих культур подчинена жесткому биологическому ритму продолжительностью примерно в тысячу лет и проходит этапы жизни как организм - рождение, цветение, увядание, смерть. Каждая из них непроницаема для остальных, поскольку устремлена к самовыражению в присутствии только ей ритме и тактах, к самопониманию в только ей грезящихся образах и символах. Ни одна из этих мировых культур не имеет, по Шпенглеру, никаких преимуществ перед другими. Но не потому, что все они равновелики, а потому, что они природные живые организмы, по отношению к которым такое понятие как оценка неприменимо вообще.

В развитии каждой из культур Шпенглер выделял два главных этапа - восхождения и упадка, который он называл "цивилизацией" или "окостенением", связанным с наступлением эпохи масс. Символами этой эпохи являются огромные города, приходящие на смену тесно связанным с природой деревням и небольшим городкам. Последней конвульсией каждой культуры, по Шпенглеру, является появление "Цезаря" (человека или государства, все равно), ведущего мировую войну и устанавливающего свое абсолютное господство над данной культурой. Хотя эта череда войн есть форма самоотрицания и гибели культуры, Шпенглер относился к этому с мрачным воодушевлением, ибо не видел для людей эпохи цивилизации никакого иного смысла, кроме участия в таких войнах.

Концепция Шпенглера была чрезвычайно, "свинцово", по словам Томаса Манна, фаталистична. Она не оставляла человеку никакой иной перспективы, кроме предписанного ему культурой требования "героического пессимизма". Но она настолько отвечала смятению умов послевоенной Европы, что появление книги "Закат Европы" стало подлинной сенсацией, а ее автор - кумиром тех кругов, которые ориентировались не на разумность теоретической аргументации (ее у Шпенг-

лера не было вообще), а на эмоциональные переживания, навеянные пророчески эстетствующей манерой изложения и ожиданием грядущего апокалипсиса западной культуры.

На первый взгляд, внешне сходную с концепцией Шпенглера направленность носила и грандиозная теория исторического развития, созданная британским ученым **Арнольдом Джозефом Тойнби** (1889-1975) в монументальном двенадцатитомном труде "Постижение истории" (в 1934-1939 гг. вышли первые шесть томов).

Как и Шпенглер, Тойнби считал историческое существование человечества раздробленным на замкнутые единицы, которые он называл цивилизациями и насчитывал их (в окончательном варианте) 21. Но от своего немецкого предшественника Тойнби отличался в двух отношениях. Во-первых, он не настаивал на фаталистическом характере истории, а признавал за человеком способность к свободному выбору и самоопределению. Во-вторых, Тойнби отвергал непроницаемость друг для друга отдельных культур и считал, что объединяющую роль в истории играют мировые религии (ислам, буддизм, христианство), которые и являются высшими ценностями и ориентирами исторического процесса. Таким образом, в отличие от Шпенглера Тойнби восстанавливал, хотя и в ослабленной форме, идею единства мировой истории.

Неповторимый же облик каждой цивилизации Тойнби связывал с географической средой ее обитания, а динамику развития (стадии возникновения, роста, надлома, упадка и разложения) - с "законом вызова и ответа", включая в "вызов" как природные, так и социальные факторы.

Адекватный "ответ" на "вызов" - это, по Тойнби, заслуга "творческого меньшинства", которое выдвигает новые идеи и проводит их в жизнь благодаря своему дарованию и моральному авторитету в массах. Но по мере развития цивилизации правящая элита постепенно и неумолимо превращается в замкнутую самовоспроизводящуюся касту, утрачивает творческие

способности и деградирует. Она превращается в "господствующее меньшинство" и опирается не на талант и авторитет, а на материальные инструменты власти, прежде всего на силу оружия. Она уже неспособна адекватно реагировать на новые "вызовы", что ведет к надлому и гибели цивилизации.

Кризис усугубляется появлением "внутреннего и внешнего пролетариата". К первому Тойнби относил слои людей, ведущих паразитическое люмпенское существование, которые не хотят ни трудиться, ни защищать родину, но зато готовы в любой момент затеять кровавую смуту, если не получают вожделенных "хлеба и зрелищ".

"Внешним пролетариатом" являются те народы на границах цивилизации, которые еще ведут варварское существование и угрожают постоянными набегами и вторжениями. Внутренние противоречия и внешние удары ведут цивилизацию к гибели, которая, однако, фатально не предопределена и может быть отсрочена либо рациональной политикой правящей элиты, либо "единением духа" на основе общих ценностей, главной из которых Тойнби считал вселенскую религию.

В поистине фантастической по богатству содержания концепции Тойнби было немало логических неувязок, неясностей и фактических ошибок, сомнительных аналогий. Но он впервые столь глубоко разработал понятие "цивилизация" и стремился показать, что история доступна для понимания и постижения, а человечество способно дать достойный ответ на все новые и новые "вызовы".

"Культурно-историческая монахология", т.е. представление об истории человечества, как состоящей из замкнутых дискретных единиц, Шпенглера и Тойнби при всех издержках раз и навсегда показала несостоятельность глобальной схемы мирового исторического процесса на основе обобщения опыта только Западной Европы.

В мировой исторической науке межвоенного периода наблюдалось определен-

ное противоречие. С одной стороны, разочаровавшись в позитивизме, многие историки декларировали непознаваемость прошлого. Так, столь видные представители американской историографии как **Чарльз Бирд** (1874-1948) и **Карл Лотус Беккер** (1873-1945) заявили, что историческое познание произвольно и лишено всякой научности. Они утверждали, что "написание истории - акт веры" (Ч. Бирд), что "каждый сам себе историк" (К. Беккер).

Происходит это, по их словам, потому, что историк творит субъективно, он создает факты прошлого, исходя из собственных идей и представлений своего времени. На британской почве подобные идеи пропагандировал неогегельянец **Робин Джордж Коллингвуд** (1889-1943), для которого "вся история есть история мысли", а в Италии, где господствовала "этико-политическая школа", ее лидер **Бенедетто Кроче** (1866-1952) не уставал повторять, что "любая история есть современная история". Хотя следует признать справедливой мысль Кроче и Коллингвуда о том, что историю как таковую не следует сводить к истории самосознания, но для большинства людей последняя есть все же самый насущный и важный раздел исторического знания.

Впрочем, все эти теоретические декларации настолько противоречили коренным предпосылкам и практике исторической науки, что и оставались лишь декларациями, которым на деле не следовали даже сами их авторы, создатели значительных и совершенно реалистических исторических произведений.

Ряд историков, не поддавшихся методологической растерянности, осознал необходимость возрождения и обновления истории именно как науки, а не как спекулятивной абстракции или художественного творчества. Против как устаревшего позитивизма, так и иррационалистического субъективизма выступили французские историки **Марк Блок** (1886-1944) и **Люсьен Февр** (1878-1956), создавшие в конце 20-х годов журнал "Анналы эконо-

мической и социальной истории", ориентированный на построение обобщающего исторического синтеза.

Строго говоря, требования французских историков обратиться к сравнительному анализу социально-экономических процессов, к психологической стороне исторической жизни, к синтезу истории и географии оригинальными не являлись.

Новизна "Анналов" межвоенного периода заключалась в другом: в новой концепции творчества самого историка. Традиционной истории-повествованию была противопоставлена история-проблема. При таком подходе историк переставал быть рабом источников, зависимым от текстов, а становился активным создателем научной проблемы, диктовавшей как отбор материала, так и угол зрения, под которым этот материал анализировался.

Сама постановка научной проблемы вызвана потребностями современного историку общества. Не в том смысле, что историк переписывает прошлое в угоду настоящему, а в том, о котором еще прежде писали Генрих Риккерт и Макс Вебер.

Историк исходит и не может не исходить, хотя и обычно неосознанно, из той системы ценностей, которая характеризует его собственную культуру. Ею он руководствуется при отборе и анализе материала, поэтому любая историческая концепция или теория неизбежно приобретает релятивный характер.

Разумеется, это не означало, будто каждый историк сочиняет свою собственную историю в духе презентистов. Блок и Февр подчеркивали, что речь идет об изменении точки зрения на целое, на общую картину прошлого в соответствии с новым пониманием и новыми потребностями человеческого общества. Иначе говоря, историческое познание руководствуется определенной ценностной системой, но само оно не должно выносить оценочных суждений, ибо, как подчеркивал еще Макс Вебер, ценность и оценка - это совершенно различные понятия, путать которые недопустимо.

Блок считал, что задача ученого закан-

чивается объяснением того, как и почему произошло то или иное событие. Что касается оценок, то они всегда имеют субъективный характер, и поэтому от них лучше воздержаться, тем более что стремление судить, в конце концов, отбивает желание объяснять.

История рассматривалась Блоком и Февром как "тотальная" или "глобальная". Под этим понятием подразумевалась не всемирная история, а история людей, которые жили в определенном регионе в определенное время, взятая в аспекте максимально возможных точек зрения с максимально возможной широтой охвата. Тем самым отвергалось разделение истории на политическую, экономическую, социальную, духовную и тому подобные частичные истории, она приобретала комплексный синтезирующий характер.

В сущности, та задача, которую поставили основатели школы "Анналов" - органически, а не механистически соединить социальное и культурное в историческом исследовании, показать их взаимную обусловленность - до сего времени остается нерешенной проблемой. Но Блок и Февр показали, в каком направлении должно продвигаться историческое исследование, чтобы исполнить свою роль, и в этом их огромное достижение и значение для последующего развития историографии.

К концу 30-х годов позитивистская методология, по-прежнему на практике владеющая умами большей части историков, в целом исчерпала потенциал дальнейшего развития. В методике и технике критики источников и анализа фактов она достигла такого уровня формального совершенства, превзойти который в принципе было, видимо, уже невозможно. Но позитивистская историография оставалась описательной, беспроблемной наукой, уже не отвечавшей духу и потребностям новой эпохи.

На смену классическому позитивизму приходит неопозитивизм, основные идеи которого сформировались в рамках деятельности Венского кружка, объединившего философов и физиков Венского уни-

верситета. Организатором кружка являлся **Мориц Шлик** (1882-1936), руководитель кафедры философии индуктивных наук университета, а наиболее видными представителями - **Отто Нейрат** (1882-1945), **Рудольф Карнап** (1891-1970) и особенно **Людвиг Витгенштейн** (1889-1951), автор знаменитого "Логико-философского трактата" (1921).

Венский кружок разработал ряд основополагающих принципов неопозитивизма, которые в той или иной форме были восприняты многими историками, но лишь после второй мировой войны. Принципы эти заключались в признании нескольких постулатов.

Все социальные явления подчиняются общим и для природы, и для истории законам, носящим универсальный характер (натурализм).

Методы социально-исторического исследования должны быть такими же точными, строгими и объективными, что и методы естественных наук (сциентизм).

Субъективные аспекты человеческого поведения можно исследовать анализом не сознания, которое в принципе непосредственно не наблюдаемо, а открытых поступков и поведения (бихевиоризм).

Истинность всех научных понятий, гипотез и утверждений должна устанавливаться на основе эмпирических процедур и практической проверяемости (верификация).

Все социально-исторические явления должны быть описаны и выражены количественно (квантификация).

Социология и история должны быть свободны от оценочных суждений и связи с любой идеологией (методологический объективизм).

В мировой исторической науке межвоенного периода наблюдались как общие тенденции, так и специфические явления, обусловленные национальными особенностями и традициями. Лидирующее положение занимали французская и британская историческая наука, быстрыми темпами развивалась также историография США. Ведущая прежде во многих отношениях

германская историческая наука в начале 20-х годов была оттеснена на второй план ввиду поражения и дискредитации ее националистических историко-политических концепций. Так, немецкие историки не были даже приглашены на первый после войны международный конгресс, состоявшийся в Брюсселе в 1923 г., они появились лишь на следующем конгрессе 1928 г. в Осло.

Общей тенденцией этого периода явилось становление современной экономической истории, тесно связанной с зародившейся тогда же, на рубеже 20-30-х годов количественной историей. Последняя получила толчок для своего развития в связи с созданием научной истории движения цен в виде длинных статистических рядов, охвативших огромный период от XIV до XIX в. и требующих математической обработки.

Экономическая история, которая получила в то время наибольшее развитие в Великобритании, Франции и США, соединила целый раздел истории с другой важнейшей гуманитарной наукой - экономикой, сохранив при этом стремление изучать не застывшие структуры, а движение, развитие, изменения в сфере экономики. Начав с движения в области цен, она пыталась выяснить волновую структуру и конъюнктурную динамику в сфере хозяйства. Не случайно, классическая работа того периода, созданная французским ученым **Франсуа Симьяном** (1873-1935) называлась "Долгосрочные экономические колебания и мировой кризис" (1932). Не производство и отношения, возникающие в его сфере, а процессы обмена и распределения являлись главным объектом исследования экономических историков.

Со становлением экономической истории было тесно связано и постепенно зреющее в межвоенные годы оформление социальной истории. Ее контуры оставались еще неясными, границы - расплывчатыми, сама социальная история зачастую рассматривалась как придаток к истории хозяйства.

Самое известное определение социаль-

ной истории дал британский ученый Дж. Тревельян, когда назвал ее историей без политики, т.е. она охватывала все сферы жизни человеческого общества за исключением политической. Но действительно самостоятельным предметом социальная история при столь неопределенной трактовке стать не могла.

Замена господства политики господством экономики проявилась в устойчивом общепринятом выражении - социально-экономическая история, подразумевающим неразрывную прочную связь. Такое двуединство с приматом экономики во многом происходило под влиянием марксизма, хотя первыми крупными специалистами по экономической истории были не марксисты, а те ученые, которые находились под впечатлением от глубокого воздействия индустриализации на трансформацию общества и на изменение положения отдельных социальных групп.

В условиях послевоенного времени, когда историческая наука попала под огонь резкой критики и начала утрачивать популярность и прежний престиж, ряд ученых увидел причину этого в том, что история боится переходить от описания к обобщению и бросить вызов другим общественным наукам.

Так, французский ученый **Апри Берр** (1863-1954) полагал, что история должна объединиться с психологией и социологией и попытаться объяснить эволюцию человечества глубже, чем любая другая отдельно взятая гуманитарная дисциплина. Это было стремлением возродить ту исключительную роль, которую играла историческая наука в XIX веке и утратила в первой половине XX века, превратившись из "наставницы жизни" в науку узких специалистов-профессионалов. При всех своих притязаниях она была неспособна к синтезу и не предлагала собственного взгляда на мир. В лучшем случае, история заимствовала отдельные положения и выводы из экономики, статистики, антропологии, психологии, географии, социологии. Такое положение и стремилась преодолеть школа "Анналов", но и ей в целом

не удалась попытка сделать социальную историю стержнем гуманитарных исследований.

Растущий интерес к социальным и экономическим аспектам исторического процесса сопровождался усилением разработки истории рабочего и, отчасти, социалистического движения, ставшей благодаря усилиям британской лейбористской историографии во главе с **Джорджем Коулом** (1889-1959) и американской "висконсинской школы", руководимой **Джоном Коммонсом** (1862-1945), общепризнанным и равноправным сюжетом академических исследований. Одним из центров изучения этих проблем стал созданный в 1935 г. в Амстердаме Международный институт социальной истории.

Таким образом, в 20-30-е годы в мировой историографии произошли явные изменения и наметились новые тенденции, хотя внешне сохранялось прежнее преобладание историографии позитивистского толка и политико-дипломатической истории, получившей дополнительный мощный стимул развития в обстановке жарких дискуссий о проблемах происхождения мировой войны и степени ответственности за нее отдельных государств.

Любопытно отметить в связи с этим парадокс, связанный с публикацией в 20-е годы многотомных серий дипломатических и внешнеполитических документов, предпринятых в большинстве стран участниц мировой войны.

С одной стороны, в распоряжении исследователей оказалось невиданное и недоступное прежде количество источников, обогативших базу историографии. Но поскольку все эти публикации имели преимущественно односторонний, а иногда даже и фальсификаторский характер, то это влекло за собой скепсис и разочарование в возможности действительно объективного и научного познания прошлого вообще. В различных странах этот скепсис проявлялся по-разному, имел свое национальное обличье.

В Германии, как и прежде, доминировали идеи идеалистического историзма и

толкования прошлого в иррационалистском духе. Сложные социально-политические проблемы развития Веймарской республики и острые конфликты приводили к ярко выраженной политизации исторической науки, к размежеванию ученых на консервативно-националистическое, реваншистское крыло и пестрое либеральное направление, выступившее с критикой реакционных трактовок национальной истории. Значительную активность проявляли историки, стоявшие на демократических и марксистских позициях. Однако процесс либерализации и демократизации германской исторической науки в 1933 г. после прихода нацистов к власти оказался прерванным, многие талантливые ученые были вынуждены покинуть Германию (после 1938 г. такой процесс развернулся и в Австрии) и эмигрировать большей частью в США или Великобританию. Сама же историческая наука постепенно превращалась в мифотворчество, в служанку идеологии и пропаганды национал-социализма, хотя в большинстве своем немецкие историки не разделяли постулатов нацизма и предпочитали заниматься подчеркнута академическими и далекими от политической конъюнктуры проблемами.

В еще меньшей степени идеологизация коснулась историографии в фашистской Италии, где тоталитарная система вообще не достигла такой степени зрелости, как в Германии. Среди итальянских историков преобладали идеи неогегельянкой "этико-политической" школы Б. Кроче и сохранялся известный простор для либерального толкования прошлого с некоторым националистическим оттенком.

Неогегельянство было едва ли не единственным философским учением, укоренившимся в тот период на британской почве и представленным, прежде всего, Р. Коллингвудом. В целом английские историки почти не проявляли интереса к теоретико-методологическим проблемам и продолжали линию традиционного эмпиризма. Позитивистски окрашенный эмпи-

ризм был присущ как ведущему либеральному направлению, так и выступившей с его резкой и во многом обоснованной критикой консервативной "ревизионистской" школе Льюиса Нэмира.

В отличие от британской во французской исторической науке, в основном также позитивистской, тенденция к созданию широких обобщающих работ, к исследованию не отдельных событий и лиц, а крупных социальных и экономических процессов была выражена несравненно отчетливее. Во Франции связь между историей и другими гуманитарными науками, прежде всего социологией, была намного прочнее, чем в других странах.

Быстро развивавшаяся в те годы американская историография, ведущим в которой было экономическое направление во главе с Ч. Бирдом, отдавая в теории дань неокантианству и презентизму, на практике придерживалась эмпиризма. Помимо прагматизма, на американскую историческую науку определенное влияние оказывала философия критического реализма. Книга одного из крупнейших ее представителей А. О. Лавджоя "Великая цепь бытия" (1936) сыграла большую роль в становлении школы "интеллектуальной истории". Она ориентировалась на изучение социально-экономических, философских, научных, религиозных, эстетических идей, игравших ключевую роль в процессе познания. Практическим применением этих принципов стала работа П. Миллера "Новоанглийская мысль" (1935), в которой впервые появился сам термин "интеллектуальная история", а прошлое Новой Англии как определенного социального и культурно-географического региона трактовалось на основе анализа идей пуританизма, наиболее распространенного среди поселенцев.

Существенной чертой межвоенного периода являлась жесткая конфронтация между марксистской историографией и различными направлениями немарксистской исторической науки. Представителями первой были, прежде всего, советские историки, выступившие с особенно резкой

критикой немарксистской методологии истории на международном конгрессе 1933 г. в Варшаве (В. П. Волгин и Н. М. Лукин).

Марксистская историческая и общественная мысль этого периода развивалась в сложных условиях. Если в 20-е годы в советской историографии еще существовали возможности для известного разномыслия (Н. И. Кареев, Д. М. Петрушевский) и предпринимались попытки противостоят догматизации марксизма, обогатить его новейшими достижениями мировой историко-социологической мысли (А. И. Неусыхин), то на рубеже 20-30-х годов победа Сталина во внутрипартийной борьбе привела к деформации марксизма, превращавшегося из научного метода социально-исторического анализа и познания едва ли не в собрание догм, а подчас и средство простой пропаганды. Серьезная теоретическая деятельность фактически была прекращена.

В Западной Европе центром марксистских социальных исследований становится в это время Германия. В 1923 г. во Франкфурте-на-Майне создается независимый Институт социальных исследований во главе с историком австромарксистской школы **Карлом Грюнбергом** (1861-1940). В штат института входили как социал-демократы, так и коммунисты, он поддерживал тесные связи с Институтом Маркса - Энгельса в Москве и готовил совместное издание полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, первый том которого вышел в 1927 г.

Создание центра марксистских исследований в капиталистической Германии было новым явлением, которое означало определенное отделение теории от политики. Такая тенденция четко проявилась после того, как в 1929 г. Грюнберг ушел в отставку, а новым директором стал философ **Макс Хоркхаймер** (1895-1973). Под его руководством Институт переориентировался от изучения традиционных проблем рабочего движения на солидной эмпирической базе к разработке "социальной философии". Перемены выразились и в

том, что в 1932 г. вместо прежнего "Архива истории социализма и рабочего движения" институт стал издавать новый периодический орган под нейтрально звучащим названием "Журнал социальных исследований", а большинство его сотрудников в отличие от первого состава не принимало активного участия в политической деятельности.

После прихода Гитлера к власти Институт перебрался в США, где присоединился к Колумбийскому университету в качестве ассоциированного учреждения. На новом месте, в политической обстановке, где не было ни массового рабочего движения, направленного на социалистические идеалы, ни сколько-нибудь заметной марксистской традиции, Институт постепенно стал приспосабливаться к окружающей среде, проводя историко-социологические исследования эмпирического характера и воздерживаясь от какого-либо участия в политической жизни.

Примечательной чертой в развитии мировой марксистской мысли этого периода стало зарождение так называемого "западного марксизма" или "неомарксизма", основные идеи которого впервые были изложены в книгах венгерского философа **Дьёрдя Лукача** (1885-1971) "История и классовое сознание" (1923) и немецкого ученого и политического деятеля **Карла Корша** (1886-1961) "Марксизм и философия" (1923), а также в меньшей степени в ставших известными лишь после второй мировой войны "Тюремных тетрадях" итальянского революционера и мыслителя **Антонио Грамши** (1891-1937).

В их работах идеи Маркса дополнялись принципами неогегельянства, неокантианства, "философии жизни" и фрейдизма. В центр марксистской философии помещался человек как субъект исторического действия, а центральным основополагающим понятием выступала категория отчуждения, понимаемая в социально-экономическом смысле. Многие идеи были почерпнуты Лукачем у Макса Вебера, а Грамши использовал категорию "этико-политической истории", разработанную

Бенедетто Кроче. Теория Маркса стала объектом критики неомарксистов за ее "механистичность" и жесткий "экономический детерминизм". Но речь шла не об ошибках марксизма в собственно экономической области, а о неправомерной абсолютизации такого подхода к сфере культуры, об игнорировании взаимоотношений индивида и общества.

Неомарксистская критическая школа ориентировалась не на экономические, а на социокультурные проблемы, на исследование культурных феноменов как отражения реалий современного общества. Она стремилась исследовать подавление личности окружающей ее и господствующей над ней культурной средой. Сама капиталистическая цивилизация рассматривалась Коршем и Лукачем как фатальный процесс прогрессирующего "сумасшествия" разума, возрастания иррациональности в истории.

В рамках неомарксизма в 20-е годы зарождается и фрейдомарксизм, у истоков которого стоял австрийский психолог и мыслитель **Вильгельм Райх** (1897-1957). Стремясь соединить марксистскую концепцию революции с идеями Зигмунда

Фрейда, он утверждал, что социальная революция невозможна без революции сексуальной, поскольку сохранение сексуального подавления формирует консервативный тип характера, человека, который склонен к слепому подчинению.

На основе психоанализа Райх пытался интерпретировать взаимоотношения между экономическим базисом и идеологией, в частности, при анализе германского национал-социализма в книге "Массовая психология фашизма" (1933), где это явление объяснялось деструктивным невротическим началом в характере отдельного человека.

Таким образом, в 20-е - 30-е годы наметился ряд новых тенденций в развитии мировой исторической науки и социальной мысли, которые в полной мере развернулись уже после второй мировой войны. В этом смысле, рассматриваемый период был временем их генезиса, как бы переходным этапом от историографии XIX века к современной исторической науке, периодом неоднозначным и противоречивым, но означавшим в целом дальнейший прогресс мировой исторической науки.

Глава 1 **Становление и развитие советской историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки**

Победа в России в октябре 1917 г. революции, выступавшей под демократическими лозунгами, и приход к власти партии большевиков определили в дальнейшем переход к монопольному господству марксистско-ленинской методологии.

Но при оценке развития советской исторической науки межвоенного периода надо учитывать различие ее положения в

отдельные десятилетия. Монопольный идеологический диктат оформился не сразу. В 20-е годы историческая наука еще не была полностью унифицирована марксистской исторической теорией. И после Октября 1917 года в исторической науке продолжали трудиться видные представители старых, дореволюционных направлений и школ (Н. И. Кареев, Д. М. Петру-

шевский, Е. В. Тарле и др.), выходили их труды, не вписывавшиеся в рамки официальной государственной идеологии. Именно старые научные кадры сделали очень много для признания советской исторической науки за рубежом. Они олицетворяли собой национальную историческую науку и в значительной мере сохранили определенную линию преемственности в развитии российской и советской исторической науки, подготовив ряд учеников. Их широкая эрудиция, профессионализм, культура исследования, тщательный анализ источников - все эти качества вызывали уважение со стороны европейских ученых и давали советской исторической науке официально признанную возможность участия в научном диалоге на международной арене.

Тогда еще существовал известный георетико-методологический и идейный плюрализм, хотя пределы его год от года неуклонно сужались. Переломным в этом отношении стал 1929 год, когда официальный руководитель исторической науки М. Н. Покровский объявил об окончании "периода мирного сожительства" с учеными дореволюционной школы, началась чистка в Академии наук, а ставший председателем Совнаркома В. М. Молотов заявил, что 1930 год должен стать "последним годом для старых специалистов", деятельности которых фактически был положен конец печально известным "академическим делом" С. Ф. Платонова и ряда других видных историков в 1929-1931 годах.

Социальный заказ, исходивший от нового строя, ставил перед зарождавшейся советской историографией (и в том числе перед историографией нового времени стран Запада) задачу создания новых научных и учебных учреждений, а также и тематики исследований, соответствующей требованиям коммунистических постулатов.

Самое пристальное внимание начинает уделяться пропаганде теории марксизма-ленинизма, организации новых научных центров. Следует также учесть значитель-

ный интерес к изучению социалистических и коммунистических идей и международного революционного движения, который был характерен для российской общественной мысли конца XIX - начала XX в.

Нельзя не отметить и о том, что многие прогрессивные ученые, сформировавшиеся еще в дооктябрьское время, решительно отвергавшие марксизм, но не ставшие на путь эмиграции и стремившиеся честно служить своей Родине, готовы были предоставить ей свои знания и опыт. Среди них самой крупной фигурой был патриарх отечественной историографии Н. И. Кареев, выдающийся специалист в области истории нового времени стран Запада, и в первую очередь, истории Великой французской революции.

Но, к сожалению, ни его научный потенциал, ни потенциал ряда других ученых, готовых лояльно сотрудничать с Советской властью, не был использован. Кареева отстранили от преподавания в университете, о чем он с горечью писал в конце 1925 г. Д. М. Петрушевскому, поздравляя последнего с 35-летием его научной деятельности: "Поздравляя Вас с Вашим юбилеем, посылаю Вам вместе с пожеланиями здоровья, бодрости, благополучия всякого рода и выражение своего соболезнования по поводу того, что Вы оторваны от любимого профессорского дела, которому еще долго могли бы приносить пользу, - соболезнования товарища по общей судьбе, нас обоих постигшей, тем более искренне прочувствованное"¹.

Возможность подготовки кадров в сфере общественных наук после Октября в течение длительного времени была предоставлена членам партии и тем, кто считался к ним близким и рассматривался как "попутчик".

Этот вывод подтверждается при рассмотрении тематики публикаций и науч-

¹ Дунаевский В. А. Размышляя над воспоминаниями почетного академика АН СССР Николая Ивановича Кареева "Прожитое и пережитое" // Новая и новейшая история, 1991, № 6.

ных исследований, увидевших свет в межвоенный период. Наибольшее внимание было обращено на изучение марксизма и утопического социализма, истории революций на Западе в новое время (главным образом Великой французской революции XVIII в.), международных отношений в новое и новейшее время и отчасти истории международного рабочего и социалистического движения.

Первым марксистским центром общественных наук явилась Социалистическая (в дальнейшем Коммунистическая) Академия, образованная 25 июня 1918 г.

Для объединения ученых с ноября 1919 г. в Академии начали формироваться особые кабинеты (по истории социализма, II и III Интернационалов, внешней политики), перед которыми была поставлена задача изучения важнейших проблем новой и новейшей истории.

После создания в 1925 г. Общества историков-марксистов работа кабинетов Коммунистической Академии осуществлялась в контакте с соответствующими секциями Общества. С декабря 1922 г. Академия стала издавать периодический орган "Вестник Социалистической Академии" (в дальнейшем "Вестник Коммунистической Академии").

Другими научно-исследовательскими центрами явились Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и Институт В. И. Ленина, которым была вменена первоочередная задача издания и популяризации их трудов.

Существенное место в пропаганде марксистской мысли заняли печатные органы института К. Маркса и Ф. Энгельса - "Архив К. Маркса и Ф. Энгельса" (основан в 1924 г.) и "Летописи марксизма" (основаны в 1926 г.).

Уже первая книга "Архива К. Маркса и Ф. Энгельса" включала часть рукописи их труда "Немецкая идеология", считавшейся утерянной и извлеченная из архива Э. Бернштейна Д. Б. Рязановым во время его поездки в Берлин летом 1923 г. Большое число документов было опубликовано и в "Летописях марксизма". Значительное место заняла публикация сочинений вид-

ных представителей социалистического движения: Г. В. Плеханова, П. Лафарга, Р. Люксембург и др. Намечен был выпуск трудов социалистов-утопистов Р. Оуэна, А. Сен-Симона, Ш. Фурье и других.

Говоря о деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса в 20-е годы, нельзя не отметить его первого директора Д. Б. Рязанова (1870-1938). Энергичный собиратель и публикатор литературного наследия основоположников марксизма, Рязанов прошел сложный путь. Еще юношей он начал революционную работу сначала в России, где был близок к народникам, а затем за границей. Живя там, в 1889-1890 гг., он перешел на позиции социал-демократии. Длительное время Рязанов был вне партии, вступив в нее только в 1917 г. Никогда не примыкая к меньшевикам, Рязанов не считал себя и ленинцем, однако глубокое знание наследия Маркса и Энгельса во многом сближало его с лидером большевиков. Сам Рязанов так определил свою политическую позицию на собрании членов Социалистической Академии (апрель 1924 г.): "Я не большевик, я - не меньшевик и не ленинец. Я только марксист и как марксист - я коммунист"².

Рязанов был человеком бурного темперамента, блестящим полемистом, о чем свидетельствуют стенограммы партийных съездов, на которых он выступал. Эти качества Рязанова вызывали неудовольствие Сталина. И хотя в 1930 г. был торжественно отмечен его 60-летний юбилей и издан специальный сборник статей и материалов, ему посвященных³, уже в феврале 1931 г. Рязанов был снят с поста директора института, исключен из партии и сослан в Саратов, где работал в библиотеке местного университета до очередного ареста в июне 1937 г., и обычного исхода - расстрела в январе 1938 г.

В 1922 г. была создана Российская Ассоциация научно-исследовательских ин-

² Вестник Коммунистической Академии, 1924, № 8, с. 392.

³ На боевом посту. Сборник к шестидесятилетию Д. Б. Рязанова. М., 1930.

ституты общественных наук (РАНИОН), куда вошел и Институт истории. В его составе было уже много специалистов по истории нового времени, а также представителей молодого поколения - аспирантов института (именуемых сотрудниками 2-го разряда).

Вехой в развитии исторических учреждений стал 1929 г., когда Институт истории РАНИОН был переведен в систему Коммунистической Академии. Объясняя целесообразность этого, глава советской историографии М. Н. Покровский, базируясь на партийных установках, определившихся к концу 20-х годов, утверждал, что "РАНИОН не сделался органом той науки, которую мы единственно называем наукой...", а аспирантов там готовят "по рецепту 1910 года"⁴. Как видим, политика стала все более жестко вторгаться в науку.

С 1934 г. перед Институтом истории и созданным в 1932 г. сектором новой истории была поставлена основная задача - написание школьного учебника по новой истории. Коллектив под руководством академика Н. М. Лукина к концу 1935 г. завершил подготовительную работу, выпустив макет учебника.

Все более прочное место в планах работы секторов (в частности сектора новой истории) Института истории Коммунистической Академии начинают занимать монографии. Сходные процессы наблюдались и в работе Института истории Ленинградского отделения Коммунистической Академии (ЛОКА). Но вскоре решением ЦК ВКП(б) и СНК от 8 февраля 1936 г. Коммунистическая Академия была ликвидирована, а ее учреждения переданы в Институт истории Академии наук СССР. Первым его директором был назначен один из видных ученых - специалистов по истории нового времени - академик Н. М. Лукин. Заведующим сектором новой истории стал академик В. П. Волгин.

Созданное в 1921 г. Научное общество

⁴ Покровский М. Н. Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист, 1929, Т. 14, с. 3.

марксистов явилось первым после революции идеологическим центром, объединившим научные силы одного из крупнейших городов страны - Петрограда.

Более широкую деятельность (уже в масштабе всей страны) развернуло Общество историков-марксистов, организованное при Коммунистической академии.

В первые годы своего существования (1925-1929 гг.) оно включало единую секцию истории Запада. С 1929 г. она была разделена на две секции: истории промышленного капитализма и истории империализма.

Наиболее серьезное достижение Общества историков-марксистов состояло в объединении ученых, работавших в центре и на местах, проведении всесоюзных совещаний, а также организации творческих дискуссий по спорным вопросам методологии и истории исторической науки.

Большой резонанс имела Первая всесоюзная конференция историков-марксистов в конце 1928 - начале 1929 г. Работа конференции шла преимущественно в секциях, т. к. доклады на пленуме носили в основном информационный характер. Среди шести секций была образована и секция истории Западной Европы. Все девять докладов, заслушанных на ее заседаниях, относились к новой истории.

Рост научной активности исследователей создал условия для проведения дискуссий по различным отраслям исторического знания. В частности, имевшей непосредственное отношение к истории нового времени, явилась дискуссия на тему "Буржуазные историки Запада в СССР", состоявшаяся 18 декабря 1930 г. в Москве на открытом заседании методологической секции Общества историков-марксистов. Несколько позднее подобная дискуссия прошла в Ленинграде на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и отделения Общества историков-марксистов.

Время проведения этой дискуссии характеризовалось резким обострением политической борьбы в стране, проходившей на фоне сложной международной обстановки,

что сразу же определило ее направленность. Напомним, что еще в 1927 г. И. В. Сталин, преувеличивая возможности развязывания новой мировой войны, окончательно обозначает одним из главных политических врагов для советского государства международную и в первую очередь германскую социал-демократию. Его, а также и Г. Е. Зиновьева, утверждения о социал-демократии как "социал-фашизме", в конечном счете, приобретают характер сложившейся политической теории⁵, суть которой ясно сформулировал В. М. Молотов на XVI съезде ВКП(б): "... социал-демократия ... идет по пути фашистского перерождения. Она уже выработала для этого соответствующую идеологию"⁶.

Параллельно с обозначением "главного врага" вовне Сталин и его окружение начали борьбу против "внутреннего врага" - им становится крестьянство и интеллигенция.

Помимо массовых репрессий, затронувших миллионы людей и нанеших разрушительный удар по деревне, велась борьба против интеллигенции, чтобы держать ее в постоянном страхе. Подобная политика, коснувшаяся отдельных представителей интеллигенции еще в 20-е годы (например, высылка из страны в 1922 г. выдающихся русских мыслителей) принимает в дальнейшем форму фальсифицированных процессов, которые явились прелюдией будущих широких репрессий 1937-1938 и последующих годов.

Начав с технической интеллигенции ("Шахтинское дело", 1928 г.), Сталин вскоре обратил свои взоры на гуманитариев. Первая акция коснулась историков, большинство которых было связано о

⁵ См., например: Жестяников Л. В. Фашизм и социал-фашизм. М.-Л., 1932; Богомольный Я. И. Жорес и жоресизм. М.-Л., 1934. См. об этом периоде: Фирсов Ф. И. Сталин и Коммунистический Интернационал // История и сталинизм. М., 1991, с. 131-199.

⁶ Всесоюзный XVI съезд Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л., 1930, с. 417.

Академией наук. Как ученые, они сформировались еще в дооктябрьское время, став в своей значительной части гордостью отечественной исторической науки. Чистка в Академии наук продолжалась более года и завершилась в феврале 1931 г. Это так называемое "дело академика С. Ф. Платонова", получившее также название "Академического", давно известное за рубежом⁷, теперь дополнено введенными в научный оборот документами из советских архивов⁸.

Следующим явился также фальсифицированный процесс "Союза инженерных организаций" (Промпартии) (ноябрь-декабрь 1930 г.), на котором фигурировало имя академика Е. В. Тарле. Эти обстоятельства наложили сильный отпечаток на ход дискуссии и увели ее от творческого решения рассматриваемых проблем. Главные доклады (в Москве - Н. М. Лукина, в Ленинграде - Г. О. Зайделя) не избежали перекосов и были (особенно в Ленинграде) явно политизированы.

Так, Н. М. Лукин направил огонь критики против "буржуазных историков-идеалистов" (Н. И. Кареев, В. П. Бузескул, Д. Н. Егоров и др.), хотя и не покинувших СССР, но и не пересмотревших, по мнению Лукина, своих методологических установок. Более того, имея в виду выступления Кареева на страницах зарубежной исторической печати ("La Révolution française", "Revue historique" и др.), Лукин

⁷ См. например: *Graham L. R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927-1962.* Princeton, 1967; *Barbè J. D. Soviet Historian in Crisis 1926-1932.* London, 1981; *Лициферов Н. П.* Три главы из воспоминаний // Память. Историч. сборник. Вып. 4. Париж. 1981 (В 1989 г. эти воспоминания с дополнением были переизданы в журнале "Звезда", 1989, № 4); *Ростов А.* Дело четырех академиков // Память. Вып. 4.

⁸ *Брачев В. С.* "Дело" академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории, 1989, № 5, с. 117-129; *Перченко Ф. Ф.* "Дело Академии наук" // Природа, 1991, № 4, с. 96-104; *Левин А. Е.* "Заговор монархистов". Кому он нужен? // Вестник Академии наук, 1991. № 1, с. 123-129.

утверждал, что его последние работы "проникнуты определенной тенденцией, которая сводится, главным образом, к игнорированию значения марксистских работ, вышедших за последнее время, и затем к целому ряду антимарксистских вылазок"⁹.

Еще более резкий характер приняла дискуссия о "буржуазных историках Запада в СССР", прошедшая в Ленинграде, где центральной мишенью стал Тарле.

Как в докладе Зайделя, так и в прениях деятельности Тарле был сразу же придан политический характер¹⁰. Рассматривая тематику работ Тарле, Зайдель стремился показать наличие в ней ярко выраженной политической направленности. "Тематика Тарле, - заявил он, - ... выросла из потребности русской буржуазии в России в конце 90-х гг., перед лицом надвигавшейся революции, осмыслить историю рабочего движения, чтобы по-своему, в своих классовых интересах истолковать современную роль рабочего класса и использовать его в собственных целях"¹¹. Что же касается оценки позиции Тарле в области внешнеполитических проблем рубежа XIX-XX веков, то здесь оппонент Тарле пошел еще дальше.

Тарле и его ученики, утверждал Зайдель, стремились развернуть программу реставрации русской буржуазии, программу "внешней политики русского неимпериализма". У Тарле усматривалось даже наличие специальной программы, сводившейся к возрождению франко-русского союза, размежеванию империалистических задач на восточных границах Великобритании и России, неукоснительному признанию Версальских решений.

Резко тенденциозный подход к обсуж-

давшимся на ленинградской дискуссии проблемам сразу придал ей "проработочный" характер. От учеников Тарле Я. М. Захера, П. П. Щеголева, А. И. Молока и других требовали публичного признания их теоретических ошибок. Присутствовавшие на дискуссии историки выступали с "покаянными" речами, а Я. М. Захер, которого не было, вынужден был покаяться письменно, прислав соответствующий документ президиуму заседания. Характер дискуссий снизил позитивную сторону их результатов, которые, тем не менее, должны быть отмечены.

К выступлениям иного рода может быть отнесен доклад Н. П. Фрейберг, посвященный исторической концепции и методологическим взглядам Н. И. Кареева.

Признавая громадную эрудицию Кареева, его внимание к новейшей литературе по основным вопросам истории нового времени, точность в использовании фактического материала, Фрейберг полагала, что пока нет марксистских работ по ряду разделов истории Западной Европы, книги Кареева являются подчас "совершенно незаменимым пособием".

В то же время в ее выступлении было высказано принципиальное суждение о важности не только критики буржуазных теорий, но и необходимости противопоставления им "собственных марксистских исследований". Только в этом случае, - заключала Фрейберг, - книги Кареева перестанут быть "необходимым пособием" любого исследователя истории Запада.

В сложной обстановке прошла и дискуссия о "Положении и задачах западноевропейского научного фронта"¹², которая продолжалась с февраля по май 1931 г.

Уже с первых дней дискуссии начали проявляться ее отрицательные стороны, сильно сузившие творческий подход к обсуждаемым проблемам. Это, прежде всего, объяснялось позицией инициатора дискуссии - кафедры истории международного рабочего движения и Коминтерна

Международной Ленинской школы. В выступлениях ее представителей подчеркивалось, что дискуссия сможет достичь своей цели лишь при условии, если она в чисто негативном плане даст возможность пересмотреть и "переворочить" все, что было написано по истории Запада. Дискуссия в значительной степени пошла именно по этому пути и способствовала явной односторонности в подходе к обсуждавшимся проблемам. В конечном счете, подобные тенденции и возобладали, хотя некоторыми учеными были сделаны попытки к их пресечению. "Очень многие из выступавших, - заявил, в частности, С. М. Моносов, - занимались такой критикой, которая пишется не через "и", а через "ы"... Критика должна носить не только критический характер, но и сочетаться с известной творческой работой"¹³. Но, видимо, это разумное суждение не для всех было убедительным. Результаты дискуссии оказались мизерными. Это можно почувствовать из той оценки, которую ей дал Н. М. Лукин. Выправляя текст стенограммы своего выступления, он делает следующую вставку: "Заканчивая свой доклад, - пишет он, - я выражу пожелание, чтобы участники предстоящих прений, ведя решительную, непримиримую борьбу со всеми антиленинскими установками в наших исторических работах, не превращали большевистской самокритики в огульное обвинение некоторых товарищей, в отрицание всего того действительно ценного, что было сделано по линии истории Запада. Иначе составление каталога наших прегрешений может в значительной степени заслонить основную задачу дискуссии, задачу помочь решительному повороту историков Запада в сторону обслуживания политических требований партии и Коминтерна"¹⁴. Но Лукин недооценил тот факт, что идеологические задачи, которые были поставлены перед общественными науками с начала 30-х гг. Сталиным и его окружением, отнюдь не

требовали дискуссий. Нужны были не дискуссии, а аксиомы. И это было в самой жесткой форме выражено в письме Сталина в журнал "Пролетарская революция" в октябре 1931 г. Есть все основания рассматривать это письмо как четко определенный рубеж в развитии как советской исторической науки в целом, так и советской историографии нового времени стран Запада, в частности. Однако необходимо сказать и о тех публикациях, которые в известной степени подготовили его появление.

Речь идет о двух статьях, увидевших свет в том же журнале "Пролетарская революция" (в 1929 и в 1930 гг.), которые, видимо, оказали воздействие на содержание "Письма" Сталина. Автор первой - С. С. Бантке - стремился доказать, что В. И. Ленин вступил во II Интернационал с целью его раскола: "Ленин и те, кто шел за ним, еще до войны чувствовали себя иностранным телом внутри II Интернационала и поэтому он (Ленин) шел на раскол..."¹⁵. Такая постановка вопроса весьма импонирует Сталину, и он ею воспользовался.

Иначе было со статьей А. Г. Слуцкого "Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса"¹⁶, в которой наряду с рассмотрением отдельных сторон деятельности социал-демократии и характера ее взаимоотношений с большевиками, говорилось об известной недооценке Лениным центризма¹⁷. А. Г. Слуцкий писал, что если из соображений внутривнутрипартийной борьбы в

⁹ Историк-марксист, 1931, Т. 21, с. 48.

¹⁰ Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. М.-Л., 1931; Зайдель Г., Цвибак М. Вредительство на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы // "Проблемы марксизма" 1931, №3.

¹¹ Зайдель Г. и Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте, с. 12.

¹² Архив АН СССР. Ф. 337, оп. 1, д. 238.

¹³ Архив АН СССР, Ф. 371, оп. 2, д. 173, л. 113.

¹⁴ Там же, д. 172, л. 29.

¹⁵ Бантке С. С. В. И. Ленин и большевики на международной арене в довоенное время. - Пролетарская революция 1929 № 2-3. с. 57.

¹⁶ Пролетарская революция, 1930, № 6.

¹⁷ Подобная точка зрения в советской историографии еще раньше высказывалась И. М. Альтером. Так, в статье "Роза Люксембург о пролетарской революции". (Под знаменем марксизма, 1928, № 7-8, с. 182), поддерживая утверждение германского коммуниста Пауля Фрелиха, он писал: "Ленин накануне войны недооценивал оппортунизм Интернационала и переоценивал революционность масс. Это верно".

России Ленин "не желал выступать против Бебеля и Каутского, которых меньшевики считали "своими", то все же в этом есть и некоторая доля недооценки центризма"¹⁸. В работе Слуцкого несколько преувеличивалась роль германских левых радикалов, которые, по его мнению, уже в 1911/1913 гг. "приходят к пониманию антимарксистской сущности каутскианства"¹⁹.

Помещая статью Слуцкого, редакция "Пролетарской революции" одновременно готовила материалы для того, чтобы продолжить обсуждение проблемы взаимоотношений большевиков со II Интернационалом. Подобной цели должна была послужить статья К. А. Поль "Большевики и довоенный Интернационал", появившаяся в двух номерах журнала в начале 1931 г. В статье была рассмотрена советская историография деятельности отдельных групп, входивших во II Интернационал (в первую очередь большевиков и германских левых радикалов). К. Поль решительно возражала против тезиса С. Бантке о том, что Ленин стремился расколоть Интернационал.

Что же касается "Письма" Сталина, то оно отличается противоречивостью и декларативностью выводов. С одной стороны, Сталин решительно отверг вывод Слуцкого о недооценке Лениным опасности центризма в германской и международной социал-демократии. С другой, он утверждал, что Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903-1904 гг., когда в России сформировалась группа большевиков и, когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демократии, - вел линию на разрыв с оппортунистами и у нас, в Российской социал-демократической партии, и там, во II Интернационале, в частности в германской социал-демократии"²⁰.

¹⁸ Слуцкий А.Г. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса. Пролетарская революция, 1930, № 6, с. 65.

¹⁹ Там же, с. 50.

²⁰ Сталин И. В. Соч. Т. 13, с. 86.

Подобное сталинское утверждение вытекало из его мнения о "безраздельном господстве оппортунизма" во II Интернационале на всем протяжении его деятельности"²¹.

Много места в "Письме" заняла оценка германских левых социал-демократов. Сталин безосновательно приписал Р. Люксембург авторство в создании теории перманентной революции, которая обязана своим происхождением А. Парвусу и Л. Д. Троцкому. Сталин же, объединив Парвуса и Розу Люксембург, утверждал, что именно они "сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции" и лишь в дальнейшем она (эта схема) "была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма"²².

Анализ содержания "Письма" показывает, что оно содержало целый ряд существенных ошибок. В то же время характер выступления Сталина - грубые обвинения и шельмование упомянутых им авторов, навешивание на них ярлыков ("гнилые либералы", "троцкистские контрабандисты", "жульнические крючкотворы" и т.п.) сразу привели к невозможности в дальнейшем принципиальных обсуждений, к самобичеванию и к покаянным письмам, а затем и к репрессиям по отношению к лицам, подвергшимся сталинской критике.

Требование о признании всех сталинских суждений в качестве откровения принимало подчас самые резкие формы. Уже достаточно многочисленные и пребывающие в эйфории формирующегося

²¹ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1953. с. 385. Здесь уместно заметить, что Сталин в дальнейшем сам менял свое мнение по первому из затронутых в этой цитате вопросов. Во всех курсах по истории партии, вышедших после 1931 г. большевики стали именоваться партией с 1903 г. Так продолжалось семь лет. А в "Кратком курсе истории ВКП(б)" эта точка зрения вновь претерпела изменение: оформление в самостоятельную партию стало датироваться 1912 г. (См. История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938, с. 134-139).

²² Сталин И. В. Соч. Т. 13, с. 90, 91.

сталинизма историки-талмудисты упорно доказывали, что письмо Сталина явилось новым шагом в развитии марксистско-ленинской теории. Более того, секретарь Общества историков-марксистов Х. Г. Лурье заявила, что до появления письма Сталина историки вообще не имели методологии и не знали, что такое теория и практика.

Таким образом, из "Письма" были сделаны весьма конкретные и далеко идущие выводы. И не случайно несколько лет спустя, в период массовых репрессий историк и доносчик А. В. Шестаков в докладе "Методы и приемы вредительской работы на историческом фронте" 31 октября 1937 г. в Институте красной профессуры стремился установить прямую связь между событиями 1937 и 1931 гг., отмечая особое значение "Письма", которое, по словам Шестакова, явилось "образцом заостренной борьбы на политическом фронте и вместе с тем на научном историческом фронте"²³. На протяжении более чем двух с половиной десятилетий на обсуждение вопросов, которых касался Сталин в своем "Письме", было наложено табу. Разрешалось лишь дословное повторение идей "величайшего теоретика".

Так, например, в отчетах тех лет о работе Института истории АН СССР в целом, а сектора новой истории в частности, можно найти немало материалов, которые порочили "носителей старых методов работы". Один из безымянных авторов подобных "произведений" декларировал, что от прошлых лет в Институте истории осталось "тяжелое наследие", т.к. прежние руководители "создали обстановку", срывающую планы института. И лишь благодаря приходу в 1937 году в институт новых людей он "постепенно очищался от вредителей".

В тяжелом положении оказались и высшие учебные заведения. В частности, прежний уровень кафедры новой и новейшей истории МГУ, практически раз-

²³ Архив АН СССР, ф. 638, оп. 1, д. 188, л. 1.

рушенной репрессиями 1936 г., а особенно 1937/38 гг., когда произошла полная (и отнюдь не равноценная) замена ее состава, не сразу удалось восстановить, хотя и новый коллектив стремился внести посильный вклад в подготовку высококвалифицированных кадров. В дальнейшем в 1939/1940 и 1940/1941 учебных годах уровень работы кафедры заметно вырос, благодаря участию в ее работе крупных специалистов по истории нового времени (В. М. Хвостов, А. С. Ерусалимский, И. С. Звавич, Л. И. Зубок, Е. А. Степанова и др.).

Основное внимание было в эти годы направлено на подготовку учебников для высшей и средней школы. В 1939 г. вышел учебник по новой истории под редакцией Е. В. Тарле и др.; в 1940 г. появился учебник по новой истории колониальных и зависимых стран, где впервые была сделана попытка дать обобщенную характеристику истории стран Центральной и Южной Америки. Несколькими годами ранее были опубликованы сборники документов по новой истории, предназначенные для студентов.

С 1928 г. советские историки включаются в работу Международной ассоциации историков и их контакты с зарубежными учеными начинают приобретать уже достаточно организованный характер. В августе 1928 г. они приняли участие в VI Международном конгрессе историков в Осло.

Успешным было участие советских историков и в следующем VII Международном конгрессе в Варшаве (август 1933 г.). На нем советские делегаты (В. П. Волгин, Н. М. Лукин, П. Ф. Преображенский) выступили с докладами по тематике новой истории.

Многие планы были сорваны начавшейся войной. Многие законченные работы так и не увидели света. Многие из тех, кто учил или учился, вынуждены были сменить перо на винтовку и автомат. Такие видные наставники молодежи, как зав. кафедрой истории нового времени Московского университета М. С. Зоркий и

известный ученый-латиноамериканец В. М. Мирошевский погибли на фронте, как и многие аспиранты и студенты вузов, специализировавшиеся по истории нового и новейшего времени. Война нанесла науке тяжелый урон.

Но и в эти годы было опубликовано много брошюр и документальных сборников, в которых раскрывались исторические корни агрессивной политики германской реакции в средние века, новое и новейшее время, показывались боевые традиции свободолюбивых народов. Советские историки изучали опыт партизанской борьбы народов Европы против иноземных захватчиков, доказывали неизбежность краха планов германских агрессоров, тщетно пытавшихся осуществить свои идеи об установлении мирового господства.

Рассматриваемый исторический период достаточно краток. Он ни в коей мере не мог исчерпать всех тенденций развития историографии нового и новейшего времени. Оставалось еще много лакун. Не следует переоценивать этот период, но также недопустима и его недооценка.

В ряде случаев в силу малочисленности кадров советских историков, слабой подготовки многих из них, невозможности использования многих архивных фондов, в опубликованных работах имелись существенные недостатки, а также и серьезные теоретические ошибки под влиянием субъективизма и догматизма. Этот вывод следует отнести и к общей оценке роли М. Н. Покровского, который не смог преодолеть вульгарного "экономического материализма", сочетавшегося у него с социологизмом и схематизмом, и, понимая направленность сталинского руководства исторической наукой, в конечном счете, пытался к нему приспособиться.

Еще в 20-е годы Покровский, тогда фактический руководитель исторической науки, свел содержание школьного и вузовского курсов истории к преподаванию обществоведения, где центральное место занимал процесс смены общественно-экономических формаций на уровне вуль-

гарного социологизирования. Историческое образование утратило одну из своих важнейших функций - воспитание патриотизма. Акцентируя внимание на изучении классовой борьбы и абсолютизируя ее, Покровский выхолащивал из истории вопросы материальной и духовной культуры, вклад крупных политических деятелей, полководцев, дипломатов. Для Сталина, который уже тогда начинал проявлять имперское мышление и готовился к ревизии исторической науки с целью возвышения собственной роли в истории, такое ее преподавание было неприемлемо. Поэтому вскоре после смерти Покровского в 1932 г. началась подготовка и выработка известного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б), принятого 16 мая 1934 г., о преподавании гражданской истории, и способствовавшего восстановлению исторических факультетов в университетах, созданию стабильных учебников для школ и вузов и решению других проблем исторического образования.

Но эти меры не могли изменить коренного содержания формирующейся политической системы в стране и ее отражения в общественном сознании. Применительно к работам по истории нового и новейшего времени стран Запада (конечно, несопоставимо с изданиями по отечественной истории) возобладало цитатничество, начетнический подход к наследию прошлого, а в первую очередь к освоению трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, высказывания которых (а последнего особенно) рассматривались как аксиома, не допускающая никакого бы то ни было сомнения в истинности содержащихся в них выводов. Пожалуй, единственным исключением была критика в адрес Ф. Энгельса со стороны Сталина (лишь он мог себе это позволить - В. Д.), который был очень нерасположен к одному из "основоположников научного коммунизма".

Буржуазные революции XVII-XIX вв. и Парижская Коммуна. Наибольшее число исследований советских историков было посвящено буржуазным революци-

ям. Логика первых послеоктябрьских лет и последующего за ними периода была такова, что именно в изучении опыта революций прошлого (в первую очередь), а затем в истории рабочего, социалистического и коммунистического движения и, наконец, в экономической истории и истории современных международных отношений авторы видели целевую задачу создаваемых ими работ. Естественно, что подобный подход не мог не привести к образованию существенных лакун в сфере познания всемирной истории, из которой искусственно (почти целиком) была изъята и внутривосточная и культурная тематика.

Если на первых порах хронологические рамки новой истории по-прежнему начинались XVI в.²⁴, то, в конечном счете, возобладала общая линия исследования от английской буржуазной революции через Великую французскую революцию конца XVIII в., буржуазно-демократические революции 1848-1849 гг. к Парижской Коммуне 1871 г.

Ценный вклад в исследование важной и мало изученной аграрной истории английской революции внесли труды профессора Горьковского университета, ученика П. Г. Виноградова и А. Н. Савина С. И. **Архангельского** (1882-1958)²⁵, видевшего в аграрном законодательстве 40-50-х годов XVII века объяснение тех сдвигов, которые произошли в эту эпоху на пути капиталистического развития.

Рассматривая этот путь, Архангельский приходил к заключению, что соци-

²⁴ На этой позиции находилось большинство ученых старой школы: Н. И. Кареев, Е. В. Тарле, А. Г. Вульфийус, Н. М. Пакуль и др., считавшие началом капитализма середину XVI в. и придерживавшиеся мнения, что период новой истории открывает первая буржуазная революция, прошедшая в Нидерландах (См., например: Пакуль Н. М. Нидерландская революция. Харьков, 1929).

²⁵ См. *Архангельский С. И.* Аграрное законодательство Великой английской революции. Ч. 1-2. М.-Л., 1938-1940; Ч. 1 (1643-1648); Ч. 2 (1649-1660).

альные результаты капиталистического развития Англии достаточно четко выявились еще при Тюдорах и первых Стюартах, когда земельная собственность в значительной части перешла из рук старой знати в руки купцов и промышленников. Под этим же углом зрения он анализировал и последствия принятых парламентом законов, подготовивших переход феодальных поместий в руки буржуазии и примкнувшего в ней нового дворянства.

Изучение важнейших проблем английской революции, особенно активизировавшееся со второй половины 30-х годов, способствовало созданию коллективного двухтомного труда "Английская буржуазная революция XVII века". Он в значительной степени был подготовлен еще накануне войны и должен был составить часть многотомной "Всемирной истории", но увидел свет под редакцией акад. Е. А. Косминского и др. только в 1954 г.

Особенно пристально ученые изучали Великую французскую буржуазную революцию 1789-1799 гг.

Первым из советских историков, приступивших к исследованию наиболее близкого концепции большевиков якобинского периода Французской революции, явился **Н. М. Лукин** (1885-1940). Его книга о Робеспьере²⁶ впервые была опубликована в 1919 г. и в дальнейшем неоднократно переиздавалась.

Николай Михайлович Лукин - воспитанник Московского университета. Уже в его выпускном сочинении "Падение Жиронды" (1909) написанном в семинаре проф. Р. Ю. Виппера и удостоенном факультетской премии, молодой ученый высказал суждение о том, что в ходе борьбы с жирондистами формировался блок демократических сил, ставший в дальнейшем опорой якобинской власти.

Революционная и партийно-публицистическая деятельность имела для Лукина, как историка, немалое значение.

²⁶ *Лукин Н. М.* Максимилиан Робеспьер. В кн.: Лукин Н. М. Избр. труды, Т. 1, М., 1960, с 15-156.

В 20-30-е годы опубликованы его основные исследования. Часть из них была написана на материалах французских архивов, которые он изучил в 1928 г. во время пребывания во Франции.

Велика была и научно-организаторская деятельность Лукина в этот период, однако она вовсе не прерывала его исследовательских поисков. Большое место Лукин отводил анализу тактики якобинцев в период обострения противоречий внутри страны. Вместе с тем он обоснованно отмечал, что якобинцы никогда не стремились к уничтожению классов, считая экономическое равенство химерой. "Специфические нужды рабочих, как класса, живущего продажей своей рабочей силы, были совершенно чужды якобинства", указывал Лукин, формулируя вывод, особенно важный потому, что этот вопрос был в историографии крайне запутан. Установление якобинского террора он оценивал как факт исторической необходимости.

Однако сама концепция якобинизма²⁷, базировавшаяся у Лукина на ленинских оценках, в дальнейшем приобретает все более и более зримые черты апологии и поддержки террора как системы власти, четко "вписавшейся" в повседневную практику советской партokratической диктатуры, начавшей формироваться при Ленине, и пышно расцветшей в годы массовых репрессий.

Поддержка карательной политики сталинщины, обрушившейся с особой жестокостью на интеллигенцию с конца 20-х гг. и в 30-е гг., вызвала резкие протесты за рубежом, во многих органах прогрессивной печати, среди которой был и издаваемый видным французским историком Альбером Матъезом журнал "Annales historiques de la Revolution française" (1931, v. 44, № 2). В этой публикации подвергся критике и Н. М. Лукин, который всегда придерживался теоретических постулатов

²⁷ См. ее критический анализ в кн.: Ревуненков В. Г. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры. Л., 1966.

коммунистической партии, слово которой было законом, хотя к ярым ортодоксам он никогда не принадлежал. Да и судьба его после ареста в 1938 г. предельно трагична²⁸.

Одной из важных проблем, привлечших внимание советской науки, явился термидорианский переворот 27/28 июля 1794 г. Интерес к этой проблеме способствовал появлению двух серьезных исследований П. П. Щеголева (1903-1936) и К. П. Добролюбского (1885-1953)²⁹. В специальной главе книги первого, названной им "Конец максимума", на основе материалов, хранящихся в Национальном музее в Париже, было показано большое значение максимума цен для спасения французской революции от внешних и внутренних врагов. В исследовании К. П. Добролюбского были освещены общественные настроения в Париже в годы термидора, материальные условия жизни парижского населения, нарастание политической реакции и выступления против нее народных масс. Добролюбский подчеркивал, что с самого начала термидорианцы старались ослабить и ограничить применение максимума и реквизиций, а затем возвратились к неограниченной свободе обогащения, которую ранее защищали жирондисты.

Большой вклад в изучение народных движений жерминаля и прериала 1795 г. был внесен Е. В. Тарле (1874-1955), изучавшим в течение ряда лет материалы парижского Национального архива, которые были положены в основу его монографии³⁰.

Интерес Тарле к истории сформировался еще в гимназии и развился в студенческие годы. В то время в Киевском университете кафедре всеобщей истории воз-

²⁸ См. Дунаевский В. А. "Дело" академика Н. М. Лукина. - Новая и новейшая история. 1990, № 6.

²⁹ Щеголев П. П. После термидора. Л., 1930; Добролюбский К. П. Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930.

³⁰ Тарле Е. В. Жерминаль и прериаль. М., 1937.

главлял И. В. Лучицкий, чья широчайшая эрудиция и демократические взгляды оказали на его молодого ученика самое благотворное влияние. Своим мастерством анализа архивных документов, великолепной обработкой статистического материала Тарле во многом обязан своему учителю.

Настроенный антимонархически Тарле с удовлетворением встретил Февральскую революцию, однако, события Октября ввергли его, впрочем, как и большинство представителей российской интеллигенции, в растерянность, что четко прослеживается на материалах журнала "Анналы" (издаваемого Тарле совместно с Ф. И. Успенским) в 1922-1924 гг. Но, как и Н. И. Кареев, Тарле стал лояльно сотрудничать с Советской властью и, получив с 1923 г. возможность вновь работать в иностранных архивах, он сосредоточился на изучении истории международных отношений XIX - начала XX в. Параллельно с названной тематикой Тарле не прекращал и работы в области изучения истории массового движения во Франции, важнейшим итогом которой стали монографии "Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства" (1928) и "Жерминаль и прериаль" (1937) - одно из самых выдающихся произведений маститого ученого.

Отмечая значение жерминальского и особенно прериальского восстаний, Е. В. Тарле подчеркивал, что в истории пролетариата эти выступления, особенно второе, "занимают огромное и на века памятное место". Автор обратил особое внимание на тот факт, что у плебейской массы на этот раз не было союзников среди средней буржуазии и очень мало мелкобуржуазных союзников. Таким образом, Е. В. Тарле показывал, что вопрос стоял "именно о победе или поражении либо собственников, либо неимущих"³¹.

Исследование Е. В. Тарле, целиком основанное на архивном материале, отличало в то же время большое художественное

³¹ Там же, с. 139.

мастерство, не столь часто встречающееся в исторических трудах. Многие показанные им события (казнь прериальцев, самоубийство Ромма и др.) полны настоящего драматизма.

Работы советских историков подготовили появление обобщающего труда "Французская буржуазная революция 1789-1794" (1941), вышедшего под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле. В этом фундаментальном труде на основании многолетних исследований советской историографии (в первую очередь работ Н. М. Лукина и созданной им школы по изучению истории Великой французской революции), был рассмотрен общий ход революции 1789-1794 гг. (в соответствии с периодизацией того времени).

Хотя Н. М. Лукин, еще за несколько лет до выхода в свет книги был репрессирован, а его работы изъяты, основные его выводы были приняты на вооружение тогдашней советской исторической наукой, что нашло свое отражение и в этом издании.

Таким образом, можно сделать вывод, что в изучении французской революции XVIII века советская историография добилась определенных успехов. Этот же вывод может быть распространен в известной степени и на сводные работы по историографии французской революции. Обобщающие труды в этой области принадлежали выдающемуся ученому Н. И. Карееву (1850-1931)³², работы которого, благодаря систематизации обширного историографического материала, не потеряли значения до настоящего времени. Так, трехтомный труд Кареева, обстоятельно разбиравший значительное число исследований по истории французской револю-

³² Кареев Н. И. Историки французской революции. Т. 1-111 Л., 1924-1925; Он же. Западная Европа в новое время. (Революция и наполеоновская эпоха). СПб., 1922. (О научном вкладе Н. И. Кареева см. в кн.: Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988 и ряд других работ этого автора).

ции, при всем том, что его концепция явно не совпадала с марксистской, встретил, тем не менее, в общем, благожелательное отношение со стороны советских историков.

Уделяя особое внимание исследованию Великой французской революции конца XVIII в., советская историография обратилась также к изучению буржуазно-демократических революций середины XIX в. Однако здесь было сделано значительно меньше.

Толчок в этом направлении был дан 75-летним юбилеем революций 1848-1849 гг., к которому был приурочен выпуск специального сборника и отдельных статей и брошюр³³. Вскоре революциям 1848-1849 гг. была посвящена уже сравнительно немалая по тому времени литература, значительная часть которой касалась революции 1848 г. во Франции.

В первую очередь следует назвать имя **А. И. Молока** (1898-1977), работы которого базировались на материалах французского Национального архива и относились преимущественно к сюжетам, связанным с июньским восстанием рабочих Парижа. Отмечая его значение в процессе становления пролетариата, Молок пришел к выводу, что рабочие в провинции не остались равнодушными к вопросу о том, кто победит на баррикадах Парижа.

Событием огромной важности считалась Парижская коммуна 1871 г. Естественно, что, исходя из классового принципа, положенного в основу литературы тех лет, тема Парижской коммуны стала одной из центральных.

Первой общей работой по ее истории явилась книга **Н. М. Лукина**³⁴, базировав-

³³ Молок А. Июньское восстание 1848 г. и собственники провинций. "Под знаменем марксизма", 1930, № 4; Он же. Июньское восстание 1848 г. - "Борьба классов" 1932, № 11-12; Он же. Июньские дни. Очерк истории восстания парижских рабочих 23-26 июня 1848 года. М.-Л., 1933.

³⁴ Лукин Н. М. (Антонов). Парижская коммуна. Изд. 3. М., 1926. (изд. 1-М., 1923). Из 4-го издания Н. М. Лукину удалось опубликовать

шаяся частично на первоисточниках. Большое место в ней было отведено анализу социально-экономической политики Коммуны и ее взаимоотношениям с Центральным комитетом национальной гвардии. Внимательно прослеживалась военная деятельность Коммуны. Ею Лукин начал заниматься, готовя курс лекций "Из истории революционных армий", прочитанный им в Академии Генерального штаба.

Много нового в изучение различных сторон деятельности Коммуны внесли труды Молока. В специальной работе³⁵ он рассматривал политику Парижской Коммуны по отношению к крестьянству, отмечал, что некоторые публицисты Коммуны (Андре Лео, Луи Даже) доказывали необходимость и возможность союза между коммунарами и бедным крестьянством. В других монографиях³⁶ Молок изучал проблемы быта и культуры Парижской Коммуны, народного просвещения во время ее существования, военной деятельности Коммуны и германской интервенции против нее.

Интересные материалы о русских женщинах - участницах Парижской коммуны - Е. Л. Дмитриевой (Томановской), А. В. Корвин-Круковской (Жаклар), Е. С. Бартеневой, В. А. Потапенко - разыскал историк и библиограф И. С. Книжник-

только первую часть. (Н. Лукин (Антонов). Парижская коммуна 1871 г. Ч. 1. Эпоха второй империи. Правительство национальной обороны. Изд. 4. перераб. М., 1932.

³⁵ Молок А. И. Парижская Коммуна и крестьянство. Л., 1925.

³⁶ Молок А. И. Народное просвещение во время Парижской Коммуны 1871 года. М.-Пг., 1922; Он же. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г. Пг., 1922; Он же. Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года. Л., 1939 и др. (О жизни и научной деятельности А. И. Молока см.: Дунаевский В. А., Цфасман А. Б. Александр Иванович Молок (1898-1977). - Новая и новейшая история, 1990, №3.

Ветров³⁷.

Промышленный переворот в странах Западной Европы и в США. История революционных движений, занявшая основное место в советской историографии нового времени, изучалась наряду с другой крупной проблемой - завершением промышленной революции в ведущих странах Европы и США. Интерес к исследованию вопросов экономической истории зарубежных стран, а также массовых выступлений трудящихся, определил второе основное направление советской историографии новой истории.

Во второй половине 20-х годов появились исследования Тарле и Ф. В. Потемкина, существенно обогатившие представления о развитии промышленности и рабочего класса во Франции в 10-30-е годы XIX в., в эпоху перехода от мануфактуры к фабрике. Первым к анализу этих вопросов обратился Тарле, опубликовавший в 1928 г. монографию³⁸, где широко использовались документы французского Национального архива и продолжившую его дореволюционные работы. Отмечая тяжелое положение трудящихся, Тарле рассматривал выступления рабочих Парижа и провинции против введения машин, анализировал деятельность рабочих организаций. Заключительная глава книги посвящена лионскому восстанию 1831 г.

Серьезный вклад в изучение движения рабочих Лиона был внесен исследованиями Потемкина³⁹, базирующимися на материалах Национального архива в Париже.

³⁷ Все отдельные статьи в доработанном виде были сведены автором в монографию, увидевшую свет незадолго до его смерти: Книжник-Ветров И. С. Русские деятельницы I Интернационала и Парижской Коммуны. М.-Л., 1964.

³⁸ Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца империи до восстания рабочих в Лионе. М.-Л., 1928.

³⁹ Потемкин Ф. В. Причины восстания лионских рабочих в 1831 г. - Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 4, 1929 и др. Итогом работы явилась монография Ф. В. Потемкина "Лионские восстания 1831-1834 гг.", изданная в 1937 г.

Не ограничиваясь анализом преимущественно шелкоткацкого производства (что имело место в работе Тарле), Потемкин пришел к выводу, что в лионском восстании приняли участие не только рабочие этой отрасли промышленности, но и других предприятий. На основе анализа большого статистического материала и таблиц, составленных автором по архивным данным, Потемкин устанавливал периодизацию промышленной революции в шелкопрядильном производстве, относя ее к 1825-1855 гг.

Аграрный переворот в Англии и содержание парламентских огораживаний были рассмотрены в работах В. М. Лавровского⁴⁰. Изучив значительное количество разнообразных источников и статистически обработав их, автор показал те изменения, которые произошли в социальных отношениях и аграрном строе Англии в конце XVIII - начале XIX вв. Лавровский привел ряд фактов, подтверждающих капиталистическую трансформацию английской деревни, чему в первую очередь способствовали огораживания.

В 1934 г. была опубликована монография А. В. Ефимова⁴¹, посвященная этапам формирования и развития капитализма в США. Особое внимание автор уделил проблеме промышленного переворота, специфике формирования и развития американского рабочего класса, созданию национального рынка. В монографии рассматривались экономические и политические проблемы, характерные для страны в целом.

Монография Ефимова, несмотря на недостатки, связанные с уровнем развития

⁴⁰ Опубликованный цикл статей В. М. Лавровского явился основой для монографий автора: "Основные проблемы аграрной истории Англии, конца XVIII в. и начала XIX века". (М.-Л., 1935) и "Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII и начала XIX века (М.-Л., 1940).

⁴¹ Ефимов А. В. К истории капитализма в США. М., 1934.

еще только зарождавшейся советской американистики, полемизировала с работами зарубежных историков, где утверждалась исключительность развития Соединенных Штатов. На основании большого круга источников автор показал, что капитализм в США развивался в соответствии с общим ходом истории капитализма, но со специфическими особенностями, которые в первую очередь определяло наличие в США свободных земель.

Рабочее и социалистическое движение в странах Западной Европы и США в период перерастания свободного капитализма в монополистический. В период перехода от свободного капитализма в монополистическую стадию рабочее и социалистическое движение оказалось в новой ситуации. Создание в отдельных странах социалистических партий проходило в обстановке борьбы между различными тенденциями в рабочем движении, получившими широкий отклик в социал-демократической литературе Запада.

Авторы ряда работ, посвященных этой проблеме, выделили некоторые особенности международного рабочего движения этих лет - поиски новых путей для объединения, стремление определить степень зрелости рабочего движения. В своей общей характеристике этого промежуточного этапа в истории международного рабочего движения они считали, что значение этого этапа заключалось в подготовке условий для создания новой международной организации трудящихся - Второго Интернационала.

На протяжении многих лет единственной общей работой, посвященной истории II Интернационала, была монография Г. С. Зайделя⁴². Написана она в форме отдельных очерков. Значительное место при рассмотрении деятельности II Интернационала автор отводил политике германской социал-демократии и, в первую очередь, К. Каутскому. Особенно обстоятельно он останавливался на позиции Каутского в

годы русской революции 1905-1907 гг.

Одним из кардинальных вопросов, раскрывавших борьбу марксизма с реформизмом, явился вопрос о роли Ф. Энгельса в создании II Интернационала, изучение всех обстоятельств, связанных с его выступлениями против инакомыслящих в международном (в первую очередь германском) рабочем и социалистическом движении.

Среди работ советских авторов наибольшее место занимали исследования истории германской социал-демократии, ставшей главной силой европейского рабочего движения к исходу XIX века. Первым исследователем рабочего и социалистического движения в Германии стал Н. М. Лукин. Его монография, охватившая период конца XIX-начала XX века, состояла из ряда очерков, среди которых выделялись разделы о положении рабочего класса и развитии социалистического движения в Германии того времени. Определяя замысел книги, Н. М. Лукин писал, что "Это не новейшая история Германии вообще, а история социально-экономическая и политическая, причем особое внимание уделено рабочему движению и внешней политике"⁴³. Действительно, очерк о рабочем движении имел принципиальное значение. Так, весьма важен пересмотр Лукиным концепции Ф. Меринга о "бесплодности" ревизионизма, его, якобы, неспособности пустить прочные корни в рабоче массы, а также опровержение утверждения Ф. Меринга, будто в Германии ревизионизм никогда не был больше, чем настроением.

Изучая историю германской социал-демократии, советская историография сосредоточила основное внимание на позднем этапе ее деятельности - начале XX века. Причем, этот вопрос рассматривался в тесной взаимосвязи с анализом роли на международной арене партии русских большевиков, что, в конечном счете, и привело к запрету со стороны партийных

органов продолжать работу над этой темой.

Более благоприятно (до середины 30-х годов) сложилась ситуация в изучении французского социалистического и рабочего движения конца XIX - начала XX вв. Большую роль сыграл здесь семинар, организованный Н. М. Лукиным в 1928-1929 гг. для слушателей Института Красной Профессуры и аспирантов Института истории РАНИОН. В работе семинара принимали участие С. С. Бантке, В. М. Далин, А. В. Ефимов, Э. А. Желубовская, С. В. Захаров, А. З. Манфред, Т. В. Милицына, Е. С. Николаев.

Результатом деятельности семинара явился сборник "Социалистическое движение во Франции" (1934). Часть статей сборника представляла собой переработанные семинарские доклады, другая в значительной части была основана на новых материалах (в том числе и архивных). А спустя несколько лет появились первые монографии учеников Лукина.

В. М. Далиным была издана книга⁴⁴, в которой рассмотрены особенности французского рабочего движения в начале XX века, формы и методы создания рабочей аристократии.

В книге дан анализ борьбы двух тенденций в массовом движении Франции эпохи империализма, на основе которого автором прослежены социальные корни перерождения гедизма. Свои выводы Далин подкреплял статистикой стачечного движения начала XX века. Уделяя особое внимание тактике Всеобщей конфедерации труда, он показал, как курс руководителей конфедерации, возглавлявших растущее в стране массовое движение, привел в предвоенные годы к кризису анархо-синдикализма во Франции. Исследование, раскрывавшее борьбу течений во Французской конфедерации труда и предшествующих ей организациях (Федерация синдикатов, Федерация бирж) с 1886 по 1906

гг. опубликовала Т. В. Милицына⁴⁵. Анализируя содержание анархо-синдикализма, его влияние на теорию и практику французского рабочего движения, автор пришла к заключению, что к началу XX века конфедерация притягивает сравнительно широкие массы пролетариата, которые склонны были видеть в революционном синдикализме "боевую, враждебную реформизму и тред-юнионизму доктрину".

Хронологически цикл работ о социалистическом движении во Франции завершила монография С. С. Бантке⁴⁶ о создании коммунистической партии во Франции. Книга была написана на основе архивных материалов Парижской секции большевиков Института Маркса-Энгельса-Ленина, документов архива внешней политики России, нелегальных и полуполитических брошюр, воззваний, листовок и других источников.

Бантке много сделал для выяснения позиций французской социалистической партии в вопросе о войне и милитаризме в предвоенные годы и показал первые антивоенные выступления во Франции после объявления войны.

Изучение западноевропейского утопического социализма. Стремление человечества к лучшей жизни уже многие века находило свое воплощение в появлении различных утопических идей. И еще с периода Возрождения эти поиски приводят к созданию работ (Т. Мор, Т. Кампанелла и др.), в которых такие стремления получают определенное обоснование. А по мере развития капиталистических отношений и роста классовых противоречий, утопические тенденции до появления марксизма и укрепления его международных позиций, приобретали достаточно широкое звучание. Неудивительно, что этот

⁴² Зайдель Г. Очерки по истории Второго Интернационала (1889-1914 гг.) Т. 1. Л., 1930.

⁴³ Лукин Н. М. Очерки по новейшей истории Германии. 1890-1914 гг. Л.-М., 1925, с. 1-2.

⁴⁴ Далин В. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М.-Л., 1935.

⁴⁵ Милицына Т. Борьба течений в профессиональном движении во Франции. М., 1937.

⁴⁶ Бантке С. Борьба за создание коммунистической партии Франции. Ч. 1. Циммервальское движение во Франции в годы мировой войны 1914-1918 гг. М., 1936.

сюжет не мог не привлечь внимания советских исследователей⁴⁷. К тому же многие из них должны были задуматься над содержанием нового строя, пришедшего к власти в России, который был объявлен социалистическим, но который уже по прошествии 70 лет своего существования явил собой ни что иное, как утопию⁴⁸.

Но после октября 1917 г. подобные соображения могли быть сугубо умозрительными. Ответить на этот вопрос могла только практика "социалистического строительства" в одной, отдельно взятой стране, оказавшаяся, увы, совершенно несостоятельной. И вполне понятно, что прежде чем прийти к этому выводу предстояло разобраться в том, что же представляли собой утопические теории, появившиеся до Маркса, и названные Лениным одним из трех источников марксизма.

Ученым, взявшим на себя функции организатора всей этой деятельности, явился один из крупнейших представителей советской историографии нового времени - **В. П. Волгин** (1879-1962). Научная деятельность Вячеслава Петровича Волгина началась еще до революции. Поступив на историко-филологический факультет Московского университета в 1899 году, Волгин смог окончить университет только в 1908 г., из-за преследований, которым он подвергался за участие в революционном движении. Автор ряда работ, опубликованных в социал-демократической печати, Волгин избрал темой выпускного сочинения (написанного под руководством проф. Р. Ю. Виппера) жизнь и деятельность одного из самых ярких представителей французского утопического социализма - священника Жана Мелье. И этому направлению общественной мысли Волгин оставался верен в своих исследованиях до последних дней жизни.

⁴⁷ См. Дунаевский В. А., Кучеренко Г. С. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981.

⁴⁸ Капустин М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990.

Опубликовать свою книгу о Мелье⁴⁹ Волгину удалось только после революции. Ведя, как и Н. М. Лукин, в 20-30-е гг. огромную научно-организаторскую работу, Волгин публикует несколько изданий "Очерков по истории социализма", а затем университетский курс лекций "История социалистических идей" (1928-1931), в котором он стремился дать, говоря словами автора, "связное изложение развития социалистических идей в сжатой и по возможности доступной форме" за весь период существования человеческого общества.

Волгиным были обстоятельно рассмотрены взгляды английских утопистов (Д. Уинстенли, Д. Беллеса, У. Годвина и др.), представителей французской социалистической мысли (Буассель, Бабёф, Буонаротти, Дезами и др.). Самое пристальное внимание он уделил анализу воззрений крупнейших социалистов-утопистов XIX в. - Сен-Симона, Фурье, Оуэна.

Научная задача В. П. Волгина состояла не только в анализе и систематизации идей социалистов-утопистов различных исторических эпох. Надо было определить предмет изучения, т.е. специфику именно социалистических идей, отличающую их от других революционных демократических учений. Главным теоретическим результатом исследований Волгина явилось то, что он отчетливо и тонко сумел провести разграничение между утопическим социализмом и эгалитаризмом (уравнительством).

Волгину также принадлежала инициатива в публикации нескольких серий трудов социалистов-утопистов, где текстам предшествовал большой вступительный очерк, написанный обычно им самим.

Исследование международных отношений в новое время. Внимание к истории международных отношений проявилось с первых дней становления советской исторической науки. Началом рас-

⁴⁹ Волгин В. П. Жан Мелье и его "Завещание". М., 1919.

крытия тайной дипломатии явилось издание сборника секретных документов из архива министерства иностранных дел царской России⁵⁰.

К публикации тематических сборников, содержащих документы периода первой мировой войны или ее кануна, приступил Центрархив, заведующим которого стал М. Н. Покровский, а еще ранее Народный комиссариат иностранных дел. В 1922 г. при Центрархиве начал выходить журнал "Красный архив", печатавший материалы по международным отношениям нового времени. На его страницах было помещено много архивных документов с подробными комментариями, а также статьи по различным вопросам внешней политики.

Новым стимулом к углублению изучения истории внешней политики послужило начало выхода (с 1931 г.) многотомной публикации дипломатических документов⁵¹. Построенная по хронологическому принципу, эта публикация отвечала самым высоким требованиям специалистов-исследователей.

Большая заслуга в организации публикаций по истории международных отношений, бесспорно, принадлежит **М. Н. Покровскому** (1868-1932). Поставив перед собой задачу разоблачения, в первую очередь, политики правящих кругов дореволюционной России, он направил основной удар против русского империализма и недооценил агрессивные устремления Германии. Желание раскрыть дипломатические тайники российского самодержавия, определяло антиантантовскую направленность концепции Покровского. В связи с этим, анализируя действия России и ее союзников, он искал факты для доказательства тезиса о первоочередной ви-

⁵⁰ Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел. Вып. 1-7. П., 1917-1918.

⁵¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. 1878-1917. Сер. 3-я, 1914-1917. М., 1931-1938.

новности царизма, а также Англии в развязывании войны. Подобный подход определил известную односторонность в дореволюционных работах Покровского, которая не была им преодолена и в последующих трудах, что привело ученого к серьезным ошибкам.

В соответствии со своей схемой "торгового капитализма" Покровский утверждал, что в сфере международных отношений решающее значение имела борьба за торговые пути. По сути дела, весь внешнеполитический курс России конца XIX - начала XX вв. он рассматривал сквозь призму борьбы за Босфор и Дарданеллы.

Наряду с исследованиями М. Н. Покровского и его учеников по истории международных отношений в период первой мировой войны по этой теме был опубликован ряд работ ученых, оставшихся в первые годы Советской власти еще в основном на своих прежних позициях.

Наиболее видной фигурой среди них был Е. В. Тарле. В противоположность М. Н. Покровскому он старался доказать решающую роль Германии в развязывании войны, зачастую преуменьшая агрессивность стран Антанты. Эта тенденция, характерная для русской довоенной историографии, проявилась не только в работах Тарле, но и в руководимом им журнале "Анналы". В то же время, объясняя причины вступления в войну России, Тарле доказывал, что решающим фактором, подготовившим этот акт, явилось "психологическое состояние правительственной организации". Однако со второй половины 20-х годов у Тарле под воздействием формирующейся идейной обстановки в стране наметилось стремление пересмотреть свою концепцию. Эта тенденция уже обнаруживается в изданном в 1927 г. (и в следующем году переизданном) курсе лекций о Европе в эпоху империализма.

Советские историки создали ряд трудов о возникновении военно-политических блоков, приведших к первой мировой войне. Так, в 1928 г. было издано одно из выдающихся в советской

историографии исследований в этой области, созданное С. Д. Сказкиным⁵². На основе архивных материалов автор осветил отношения России с Германией и Австро-Венгрией в связи с восточным вопросом в 80-х гг. XIX века. Большое место в монографии отведено анализу политики Бисмарка в отношении России. Целью этой политики, по мнению Сказкина, было желание ослабить Россию, отвлечь ее внимание от Европы "маленькими успехами" на Балканах. "Русофильство" Бисмарка, как убедительно показал автор, имело весьма своекорыстный характер.

Монография С. Д. Сказкина явилась одним из крупнейших в советской историографии того времени исследованием по истории международных отношений, в котором особое внимание было обращено на связь внешней и внутренней политики. Это, в частности, проявилось в объяснении им изменения соотношения классовых сил как результата социально-экономического развития стран. В меньшей мере учтена в работе Сказкина связь внешней политики с внутривнутриполитической борьбой, что было вообще характерно для советской историографии международных отношений тех лет.

Приход германского фашизма к власти и подготовка им новой мировой войны усилили внимание советской историографии к различным проблемам войны 1914-1918 гг. Увидели свет документальные публикации, исследования, появившиеся в различных исторических журналах в 1938-1941 гг. Большую роль в деле разоблачения антиисторических и реакционных "теорий" сыграл сборник "Против фашистской фальсификации истории" (М.-Л., 1939).

В течение ряда лет под влиянием концепции М. Н. Покровского советская ис-

ториография игнорировала Отечественную войну 1812 г., но со второй половины 30-х годов положение изменилось. Именно в это время, вернувшись к тематике своих дореволюционных работ, Е. В. Тарле создал обобщающие работы о Наполеоне и его нашествии на Россию.

Книга Е. В. Тарле "Наполеон" (М., 1936), созданная в значительной степени как антитеза многочисленным сочинениям французских историков (А. Тьера, А. Сореля, А. Вандаля и др.), явилась выдающимся художественно-историческим сочинением. Главное ее значение заключалось в том, что автору на основе анализа огромного фактического материала удалось показать, как рухнули замыслы Наполеона об установлении мирового господства.

В еще большей степени этот тезис получил отражение во второй книге Тарле "Нашествие Наполеона на Россию" (М., 1938). С первых страниц автор подчеркнул захватнический характер планов французского императора. Умело используя архивные документы, Тарле раскрывал величие подвига русских солдат и офицеров, партизан и ополченцев. Тарле утверждал, что не морозы и не бескрайние просторы России, как это пытались доказать многие историки войны 1812 г., а сопротивление русского народа сокрушило Наполеона и его армию.

Однако в монографии заметна недооценка роли Кутузова в войне, не совсем точно освещено контрнаступление русской армии - это была дань тогдашним концепциям. Дальнейшая работа над этими сюжетами, знакомство с новыми архивными материалами способствовали тому, что в более поздних трудах Тарле пересмотрел ряд выводов и отказался от некоторых утверждений, содержащихся в "Нашествии Наполеона на Россию".

Накануне войны Е. В. Тарле создал еще одну блестящую работу, посвященную мэтру буржуазной дипломатии Талейрану⁵³. Показав облик этого непре-

взойденного по беспринципности и продажности человека, Тарле в то же время отдал должное выдающимся способностям французского дипломата.

Е. В. Тарле принадлежит также фундаментальный труд о Крымской войне⁵⁴. Используя огромный архивный и печатный материал, автор показал сложный клубок международных противоречий, который сложился в Европе и Малой Азии к середине XIX века. Приводя доказательства агрессивности планов западных держав и России на Ближнем Востоке, историк рассмотрел их экономические позиции в этом районе, отмечая решительное расхождение интересов, в первую очередь, Англии и Австрии с политикой России.

В труде Тарле детально выяснена закулисная дипломатическая борьба враждующих сторон, из которой Англия и Франция вышли победителями. В то же время показаны разногласия между этими державами. Много нового автор внес в описание военных действий. Тарле останавливается и на значении войны как пролога к переменам внутри России. Однако недостаточно глубокий анализ внутреннего положения России и стран Европы, отсутствие четкого разграничения между официальной Россией и Россией народной, известное игнорирование связи между фронтом и тылом являются недостатком этого в целом выдающегося исторического произведения.

Итог достижений советской историографии в области изучения проблем международных отношений нового времени был подведен в первом и втором томах "Истории дипломатии" (1941-1945), изданной в серии "Библиотека внешней политики". Задача, стоявшая перед авторами, была не из легких. Предстояло определить место дипломатии в период с XVI в. и до заключения Версальского мирного договора в 1919 г. (применительно к разделам по истории нового времени), в общем развитии мирового исторического процесса,

выявить основные узлы международных противоречий этого периода, показать методы и приемы дипломатической службы отдельных держав и ее главных представителей. На основании анализа большого количества архивных и опубликованных документов, обширной литературы авторам удалось проследить важнейшие перипетии международных отношений нового времени.

Таким образом, рассматривая историческую литературу 20-40-х годов по истории международных отношений нового времени, можно сделать вывод, что эта тема привлекала самое пристальное внимание советской историографии. Широко используя недоступные ранее архивные фонды, советские ученые создали серию оригинальных исследований, не потерявших своего значения до настоящего времени.

Изучение новейшей истории. Советская историография новейшей истории стала создаваться сразу же после революции 1917 г. Сложность международной обстановки, мощный размах рабочего движения и рост коммунистических партий в капиталистических странах под влиянием победы революции в России, усиление национально-освободительного движения, обострение противоречий между капиталистическими государствами, активизация крайне правых элементов в ряде европейских стран, приведшая, в конечном счете, к установлению фашистской диктатуры в Италии, Германии и Испании, борьба Советского Союза за мир - все эти особенности, характеризовавшие ход новейшей истории, нашли отражение в исторических исследованиях.

На первых порах работы по новейшей истории носили публицистический характер. Значительная их часть не выдержала испытания временем. Многие суждения и оценки оказались несостоятельными. В первую очередь, это относится к установке на мировую революцию, на подталкивание ее методом "революционных войн", преувеличенную оценку остроты классовой борьбы и др.

⁵² Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия, Т. 1. 1879-1884. М., 1928. (Книга переиздана в 1974 г.).

⁵³ См. Тарле Е. В. Талейран. М., 1939.

⁵⁴ См. Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1-2. М., 1941-1943.

Уже в 20-е годы наметились основные линии изучения новейшей истории. В центре внимания находились вопросы международного рабочего движения и классовой борьбы в капиталистических странах, история международных отношений и в меньшей степени - внутренняя политика зарубежных государств. Важное значение имела публикация источников.

Сводным источником по истории международного коммунистического движения явились стенографические отчеты конгрессов Коммунистического Интернационала и материалы пленумов его Исполнительного Комитета⁵⁵. В первой половине 30-х годов было предпринято издание основных решений Коминтерна⁵⁶ за 13 первых лет его существования.

Понятное (исходя из установок компартии) внимание советских историков к развитию международного коммунистического и рабочего движения, привело к появлению работ, сугубо критически рассматривавших деятельность П Интернационала в послевоенный период его существования. Догматическое положение о том, что социал-демократия объективно является умеренным крылом фашизма, а также имевшее хождение в те годы определение "социал-фашизм" еще в большей степени искажали проблему. Что же касается взаимоотношений между коммунистическими партиями и Коммунистическим Интернационалом, то эта тема на всем протяжении 20-40-х гг. являлась запретной.

Ряд исследований был посвящен проблеме воздействия Октябрьской революции на другие страны Европы. Наибольшее внимание советской историографии

⁵⁵ Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала. Материалы и документы. 1914-1919 гг. М., 1934; Послевоенный капитализм в освещении Коминтерна. Сб. документов и резолюций конгрессов и Исполкома Коминтерна. М., 1932 и др.

⁵⁶ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919-1932 гг. Под ред. Б. Куна. 1933.

привлекли революционные события в Германии в 1918-1919 гг. и 1923 г. К работам этого цикла относится книга А. М. Панкратовой⁵⁷ о германских фабзавкомках, и основанное на широком использовании современной событиям немецкой прессы, брошюр, мемуарной литературы исследование К. И. Шелавина⁵⁸ о германской революции 1918-1919 гг. В труде Шелавина в научный оборот было введено большое число фактов из истории революции, подробно освещен ход событий. Однако в целом в этих работах недоставало реалистического понимания характера ноябрьской революции 1918 г. в Германии как буржуазно-демократической. Авторы исходили из посылки о пролетарском характере этой революции.

Среди работ, посвященных новейшей истории Англии, выделяется книга А. В. Лепешинской⁵⁹ исследовавшей причины и ход английской всеобщей забастовки 1926 г.

В 30-е годы было опубликовано несколько серьезных исследований об экономике Франции в новейшее время⁶⁰. Среди них особенно богата историческими фактами книга А. И. Шнеерсона, в которой автор выясняет особенности развития финансового капитала во Франции после первой мировой войны, обострение классовых противоречий в стране, способствовавших образованию во Франции в 1936 г. Народного фронта, а также консолидацию прогрессивных сил против фашизма и реакции.

⁵⁷ Панкратова А. М. Фабзавкомы в германской революции (1918-1923 годы). М., 1924.

⁵⁸ Шелавин К. Авангардные бои западноевропейского пролетариата. Очерки германской революции (1918-1919 гг.). Ч. 1-2. Л., 1929-1930.

⁵⁹ Лепешинская А. Английская всеобщая забастовка 1926 г. (Опыт исследования). М.-Л., 1930.

⁶⁰ Романский А. Экономика современной Франции. М., 1931; Шнеерсон А. И. Финансовый капитал во Франции. М., 1937; Коган М. Государственные финансы Франции и Народный фронт. М., 1939.

Принципиальное значение имел вопрос о роли классовой борьбы в Соединенных Штатах Америки, так как пропаганда "американской исключительности" оказывала влияние и на историческую науку. Это проявлялось, в частности, в попытках некоторых авторов доказать исключительное якобы положение американских рабочих по сравнению с пролетариатом других стран. Однако подобные тенденции не были характерны для общей линии исследования советскими учеными этого вопроса.

Так, в исследованиях по истории США⁶¹, опубликованных в 30-е годы В. И. Ланом (1902-1990), был дан общий анализ причин роста массового стачечного движения в стране, рассматривались особенности политических партий. Остановливаясь на своеобразии общественно-политической жизни США (отсутствие в их прошлом феодализма, быстрое развитие капиталистических отношений и движение населения на Запад), Лан отмечал особенно важную роль последнего из этих факторов. Вместе с тем, подчеркивая наличие общих главных тенденций, характерных как для американского, так и для европейского империализма, автор приходит к заключению, что "разразившийся осенью 1929 г. экономический кризис наглядно продемонстрировал крах теории "исключительности" американского капитализма". Во втором издании монографии Лан рассмотрел политику монополистического капитала в США, положение фермерства, кризис 1929-1933 гг., "новый курс" Ф. Рузвельта, профессиональное, коммунистическое и социалистическое движение, а также особенности буржуазного партийно-политического механизма США.

Анализу экономических аспектов "нового курса" Ф. Рузвельта посвящено ис-

⁶¹ Лан В. И. Классы и партии в США. М., 1932 (изд. 2-е, доп. и перераб. под назв. "Классы и партии в США. Очерки по экономической и политической истории США". М., 1937).

следование С. А. Далина⁶². Разбирая основные черты этого курса, автор неверно полагал, что правительству Рузвельта не удалось достичь главной цели - подъема капиталистического хозяйства и смягчения классовых противоречий.

Одно из центральных мест в советской историографии новейшего времени после известных шагов назад в 1939-1941 гг., заняло изучение фашизма. Уже в 20-х годах фашистский переворот в Италии, попытка путча в Германии вызвали появление работ, авторы которых пытались объяснить причины усиления фашистской опасности, появление крайне реакционных стремлений среди различных социальных групп в капиталистических странах.

Несколько книг об итальянском фашизме было опубликовано еще в 20-е гг. Г. Б. Сандомирским⁶³. Они отличались живостью изложения, были основаны на личных впечатлениях автора, побывавшего в Италии в период установления фашистской диктатуры, но не являлись научным исследованием и содержали много неверных выводов (в первую очередь утверждение о предстоящем быстром крахе итальянского фашизма).

Захват власти германским фашизмом вызвал появление литературы по этой теме, правда, на первых порах не столь обширной. Среди изданий, предоставлявших собой непосредственный отклик на это событие, можно назвать сборник, в котором освещалась борьба Компартии Германии против установления фашистской диктатуры, аграрная политика фашизма, проблема средних слоев, подготовка к войне и т.д.⁶⁴ Однако, это издание, как и большинство других, отрицали возмож-

⁶² Далин С. А. Экономическая политика Рузвельта. М., 1936.

⁶³ Сандомирский Г. Б. Фашизм. Ч. 1-2. М.-2, 1923; Он же. Закат фашизма. Л., 1925; Он же. Теория и практика европейского фашизма. М.-Л., 1929.

⁶⁴ Германский фашизм у власти. Под ред. Е. Варги, Ф. Геккерта, Е. Хмельницкой. М.-Л., 1934.

ность относительно длительного существования фашистских режимов, игнорируя избирательные успехи фашистов, и в то же время слишком радужно оценивали успехи Коммунистической партии Германии, размах революционного движения в стране.

Проблема средних слоев и их взаимоотношений с фашизмом в годы террористической диктатуры явилась предметом исследования А. Н. Сидорова⁶⁵. Утверждая, что в годы фашистского режима в Германии произошла небывалая концентрация экономической и политической власти в руках верхушки финансового капитала, автор рассмотрел средства, с помощью которых нацизм и германские монополии использовали мелкую буржуазию для подготовки новой мировой войны.

Существенное место в литературе по истории новейшего времени заняла история международных отношений и внешней политики СССР.

Наряду с изданием документальных материалов⁶⁶ уже с начала 20-х годов в советской историографии намечались важнейшие линии изучения международных отношений. Тематика исследований охватывала общие тенденции развития, межимпериалистические противоречия, отдельные проблемы международной политики (в разных районах мира), проблемы репараций, разоружения и другие вопросы.

Из работ, появившихся сразу же после Октября, наиболее примечательны не-

сколько книг М. П. Павловича (Вельмана)⁶⁷, стремившегося теоретически рассмотреть сущность империализма. Написанные в своей значительной части еще до войны, они были направлены против буржуазных и реформистских теорий империализма. Однако Павловичу не удалось избежать вульгаризации в освещении империализма. Утверждая, что империализм порождается промышленным капиталом, автор приходил к заключению, что "только с момента перемещения центра тяжести капиталистического хозяйства от хлопчатобумажной индустрии к металлургической начинается эпоха империализма". Пытаясь доказать наличие "отраслевых империализмов" (металлургического, железнодорожного), Павлович создавал абстрактные схемы, основанные на малоубедительных фактах.

Различные вопросы международных отношений новейшего времени были предметом изучения Л. Н. Иванова (1903-1957). Он исследовал взаимоотношения великих держав, их морское соперничество, деятельность различных международных организаций, вопросы разоружения⁶⁸. В книге о послеверсальской мировой системе⁶⁹ автор рассмотрел внешнюю политику капиталистических стран и Советского Союза, национально-освободительное движение на Востоке,

⁶⁷ См. Павлович М. П. (Мих. Вельман). Что такое империализм? (Железный вопрос в мировом конфликте). Пг., 1918; Его же. Империализм и борьба за великие железные и морские пути будущего. Изд. 4-е. Л., 1925; Его же. Французский империализм. Кн. 1-2. М.-Л., 1926 и др.

⁶⁸ Иванов Л. Морское соперничество империалистических держав. М.-Л., 1936; Он же. Лига Наций. М., 1929; Он же. Крах конференции по разоружению. Харьков, 1934 и другие его работы. (См. Л. Н. Иванов. Морская политика и дипломатия империалистических держав. (Между первой и второй мировыми войнами). Избр. произведения. М., 1964).

⁶⁹ Иванов Л. Мировая политика после Версаля. М.-Л., 1927.

деятельность Лиги Наций, проблемы репараций, межсоюзнические долги.

Обобщающим трудом о международных отношениях в период между двумя мировыми войнами явился третий том "Истории дипломатии" (1945). В этой работе были показаны последствия политики "умиротворения" агрессоров, уступок и сговора с ними, которую проводили в первую очередь правительства Англии и Франции, рассчитывавшие направить германскую агрессию в сторону СССР. Заслугой авторов является освещение борьбы СССР за мир, его стремления выполнить свои обязательства, касающиеся коллективной безопасности и противодействия агрессорам, хотя на том этапе оставались недоступными все документы, связанные с подписанием советско-германского пакта 1939 г. и его крайне негативных последствий для всей международной политики в целом.

В общем же "История дипломатии",

основанная на широком использовании иностранных документальных публикаций, многочисленных архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, стала заметным явлением в советской историографии новейшего времени.

Создав ряд крупных монографических и коллективных трудов, учебников и учебных пособий, советская историография 30-40-х гг., находившаяся в жесточайших шорах сталинизма, не избежавшая массовых репрессий, лишенная возможности доступа ко многим архивным материалам и общения со своими зарубежными коллегами, тем не менее, подготовила почву для дальнейших поисков в познании новой и новейшей истории стран Европы и Америки, создав тем самым предпосылки для появления фундаментальных трудов следующих поколений ученых-специалистов в этой отрасли исторической науки.

Глава 2

Французская историография межвоенного периода. Кризис позитивистской историографии. Формирование школы "Анналов".

В межвоенный период во Франции сохранялась организация науки, сложившаяся в конце XIX - начале XX веков. Главными центрами исторических исследований и подготовки историков были гуманитарные ("словесные") факультеты университетов, где работало большинство французских ученых. Только университеты имели право выдавать дипломы, принимать к защите диссертации и присуждать ученые степени, которые открывали путь к научной карьере.

Кроме университетов, исследования в

области истории традиционно велись в таких известных научно-учебных заведениях, как Коллеж де Франс, Высшая нормальная школа, Национальная школа хартий, Практическая школа высших знаний и др. В 1939 г. было создано особое государственное учреждение - Национальный центр научных исследований, задача которого состояла в поддержке научных исследований, однако, к началу второй мировой войны центр еще не успел развернуть свою деятельность.

Большую роль в координации работы

историков по-прежнему играли научные общества и издаваемые ими журналы. После окончания первой мировой войны вновь развернули свою деятельность "Общество новой истории" и его журнал "Обозрение новой и современной истории" ("Revue d'histoire moderne et contemporaine"), "Общество по истории Французской революции", издававшее журнал "Французская революция"; ("La Révolution française"), "Общество по изучению робеспьеризма" с журналом "Революционные анналы" ("Annales révolutionnaires"), "Общество по истории революции 1848 г." органом которого являлся журнал "Революция 1848 г." ("La Révolution de 1848") и многие другие общества историков.

Единственным общесторическим журналом до конца 20-х годов оставалось основанное еще в 1876 г. "Историческое обозрение" ("Revue Historique"). Наряду с журналами очень важной формой распространения результатов исторических изысканий была публикация диссертаций, которым во Франции традиционно придавали большое значение.

Вплоть до 1958 г. существовала только одна ученая степень, на которую могли претендовать французские историки (как и филологи), - степень доктора гуманитарных наук (docteur ès lettres).

Требования к докторским диссертациям были очень высокими. На защиту выносились сразу две диссертации: "основная" и "дополнительная". "Основная диссертация" должна была содержать научное исследование крупной исторической проблемы, основанное на исчерпывающем изучении всех имеющихся по данному вопросу источников, в первую очередь, архивных документов. "Дополнительная диссертация" имела целью показать компетенцию автора в области источниковедения и историографии. Она могла состоять из историографического очерка или публикации документов с комментариями. Как правило, работа над диссертацией требовала значительного времени (часто 10-15 лет), но в результате формировалась

целая библиотека крупных научных исследований, выполненных на высоком профессиональном уровне.

Развитие исторической науки в межвоенный период во многом определялось общественно-политической ситуацией и особенностями духовной культуры того времени. После победоносного окончания войны во Франции широко распространились патриотические и националистические настроения. Целый ряд официальных церемоний: "Парад Победы" в 1919 г., празднества по случаю возвращения Эльзаса и Лотарингии, "вечный огонь", зажженный в 1923 г. под Триумфальной аркой в честь "неизвестного солдата", были направлены на закрепление чувств "единства нации", "верности Родине", "неразрывных связей" Франции и ее колониальных владений.

С другой стороны, общие условия острого послевоенного кризиса, Октябрьская революция в России, революции в Германии и Австро-Венгрии дали мощный толчок подъему революционных и социалистических идей. Во Франции обострилась классовая борьба, значительно усилилось рабочее движение, возникла сильная Коммунистическая партия, возросло влияние марксизма. Общественное внимание гораздо больше, чем раньше стали привлекать экономические и социальные вопросы, положение трудящихся масс, народные движения. В то же время огромные жертвы и колоссальные социальные потрясения, связанные с первой в истории человечества мировой войной, революциями, национально-освободительными движениями, массовыми эмиграциями, беженцами, еще более подорвали веру в общественный прогресс, вызвали настроение пессимизма и разочарования.

В 30-е годы на французское общественное мнение сильно повлияли мировой экономический кризис, наступление фашизма, угроза новой мировой войны, создание антифашистского Народного фронта.

Новое поколение историков уже не удовлетворяла традиционная позитивист-

ская историография, уделявшая главное внимание описанию событий политической, дипломатической и военной истории. По свидетельству известного французского историка-марксиста Пьера Вилара, поколение 20-х годов волновали новые проблемы: "демография, миграция, колонизация, развитие городов и промышленности, изменения системы сельскохозяйственного производства, прогресс энергетики, а также, еще более близкие к живой, трепещущей истории, кризис Британской империи, будущее огромных пространств Америки, пробуждение народных масс в Азии, рождение советских планов"¹.

В среде историков росло стремление к обновлению тематики, познавательных методов и содержания исторической науки.

Эти поиски новых путей были тесно связаны с общей интеллектуальной атмосферой межвоенного времени. Начавшийся в XX веке "кризис физики" и последовавшие в первые послевоенные годы крупнейшие научные открытия, (прежде всего в области теории относительности и квантовой механики) привели к пересмотру прежней механистической картины мира. В отличие от предвоенного времени, когда научные открытия обычно оставались достоянием узкого круга специалистов, они освещались в массовой печати и входили в сознание широких слоев населения.

Исключительно большое впечатление на общественное сознание произвел установленный А. Эйнштейном "принцип относительности", согласно которому не существует независимой от наблюдателя абсолютной системы отсчета физических явлений, как не существует и "абсолютного времени", не связанного с какой-либо системой отсчета. В свою очередь, квантовая механика доказала, что невозможно одновременно точно измерить импульс и координаты элементарных частиц. Обладая свойствами и частицы и волны, они не

имеют строго определенной траектории, и закономерности микромира носят вероятностный характер. С огромным интересом были восприняты исследования австрийского психиатра З. Фрейда, начатые еще в начале XX века, но получившие широкую известность в межвоенный период. Они выявили, что поведение человека часто определяется не его сознанием, а "подсознанием", закрепившимися в подсознании "комплексами" вины, страха, сексуальными влечениями и т. п.

Все эти научные открытия часто истолковывались как свидетельство неспособности разума к объективному познанию мира, отказ от абсолютной истины и объективной реальности, от идеи закономерности и причинности.

Большую популярность приобрели в это время труды французского философа А. Бергсона, который, по его собственным словам, стремился "преодолеть точку зрения разума" и утверждал, что подлинное понимание жизни и творческой деятельности человека дается не разумом, а интуицией.

Пересмотр унаследованной от XIX века естественно-научной картины мира не мог не найти отражения в науках об обществе, в том числе и в исторической науке. Революция в естествознании, особенно, - как выражался видный французский историк Люсьен Февр, - "великая и драматическая теория относительности"², остро поставили общие вопросы о сущности и принципах научного познания, о типе научного мышления. Друг и единомышленник Февра, историк Марк Блок, писал: "Кинетическая теория газов, эйнштейновская механика, квантовая теория коренным образом изменили то представление о науке, которое еще вчера было всеобщим. Представление это не стало менее высоким - оно сделалось более гибким. На место определенного последние открытия во многих случаях выдвинули бесконечно возможное; на место точно измеримого -

¹ Vingt-cinq ans de recherche historique en France. P., 1965, t. I, p. XV.

² Февр Л. Бои за историю. М., 1991, с. 32.

понятие вечной относительности меры"³.

Блок и Февр отчетливо ощущали, что "вся концепция мира, вся стройная система, выработанная поколениями ученых в течение следовавших друг за другом веков, разлетелась вдребезги... Нужно было заменить старые теории новыми. Нужно было пересмотреть все научные понятия, которыми пользовались до сих пор"⁴.

Первоочередной задачей Блок и Февр считали решительный пересмотр методологических принципов позитивистской историографии.

Позитивистская историография и ее критика. После окончания первой мировой войны историки традиционно-позитивистского направления сохраняли большое влияние на французскую историческую науку. Они возглавляли исторические кафедры в большинстве французских университетов, определяли курс журнала "Историческое обозрение", являлись авторами самых крупных коллективных трудов и учебников.

В 1920-1922 гг. под редакцией старейшины позитивистской школы Э. Лависса вышла в свет монументальная "История современной Франции от революции до мира 1919 года" (10 тт.). Одним из ее основных авторов был главный идеолог методологии позитивизма Ш. Сеньобос. В 1929 г. завершилось издание "Истории французской нации" (19 тт.), предпринятое группой историков-позитивистов во главе с Г. Аното. В 1933 г. Сеньобос опубликовал "Искреннюю историю французской нации". Во всех этих работах история Франции рассматривалась прежде все как "история нации", которая, несмотря на внутренние раздоры и войны с другими державами неуклонно продвигалась по пути прогресса, цивилизации и демократии.

Поиски новых подходов к изучению процессов общественного развития в это

время продолжали представители смежных с историей наук: философы, социологи, географы, экономисты, которые начали критиковать позитивистскую историографию еще в довоенный период.

Философ и социолог Анри Берр, выдвинувший до войны задачу создания целостного "культурно-исторического синтеза", в 1920 г. опубликовал первый том задуманной им грандиозной 100-томной серии монографий "Эволюция человечества". Она была призвана продолжить знаменитую "Энциклопедию" Дидро и осветить историю человечества с точки зрения синтеза всех гуманитарных наук⁵. Считая определяющим фактором исторического развития духовную жизнь, Берр выдвигал на первый план изучение культурно-исторических процессов.

Существенное воздействие на французскую историографию оказали труды некоторых географов, работавших в тесном контакте с историками. Особенно важное значение имела школа "географии человека", основателем которой был **Пьер Видаль де ля Блаш** (1845-1918). Эта школа изучала влияние на общество природного окружения и демографических факторов, как в прошлом, так и в настоящем. Ее представители первыми начали разрабатывать проблемы миграции населения, экономического и демографического роста, ставшие впоследствии объектом исторических исследований.

Продолжал начатые в довоенный период изыскания социолог и экономист Франсуа Симиан. Подвергнув критике историков-позитивистов за их пристрастие к эмпирическому описанию фактов, относящихся, главным образом, к политической истории, Симиан поставил задачу изучать массовые, повторяющиеся, статистически наблюдаемые совокупности экономических и социальных явлений на протяжении длительного периода времени. Главным предметом его исследований

стала непривычная для большинства французских историков того времени тема: эволюция заработной платы, цен и доходов, а также их восприятие в "коллективной психологии" различных слоев общества.

Попытку пересмотра методологии позитивизма с релятивистских позиций предпринял начинавший тогда свою научную деятельность после обучения в Германии, молодой философ и социолог Раймон Арон. В 1938 г. он опубликовал книгу "Введение в философию истории", в которой обосновал релятивистское и субъективистское понимание истории в духе немецких неокантианцев.

Однако, ни Берр, ни Симиан, ни Арон, ни ученые из школы "географии человека" не были историками, и поэтому их воздействие на французскую историческую науку того времени все же было ограниченным.

Возникновение школы "Анналов". Главную роль в перестройке французской историографии сыграли историки **Люсьен Февр** (1878-1956) и **Марк Блок** (1886-1944). Профессор Дижонского и Страсбургского университетов, а затем глава кафедры истории современной цивилизации в Коллеж де Франс, Февр начинал свою научную работу в качестве географа. Позднее он обратился к истории средневековой культуры и исторической психологии. Талантливый писатель и полемист, Февр обладал и качествами выдающегося организатора науки.

Блок долго работал вместе с Февром в Страсбургском университете, а в 1936 г. - после победы Народного фронта - возглавил кафедру экономической истории в Парижском университете, которую оставил в начале войны, уйдя в армию, а затем участвуя в движении Сопротивления.

Основные исследования Блока и Февра относятся к истории средних веков. Главные произведения Февра "Судьба Мартина Лютера"(1928) и "Проблема неверия в XVI веке. Религия Рабле" (1942). Кроме того, Февр написал огромное количество полемических статей и рецензий, часть

которых позднее была собрана в сборниках "Битвы за историю"(1953) и "За целостную историю"(1962).

Основные труды Блока - "Короли - чудотворцы" (1924) и "Феодалное общество" (т.1-2, 1939-1940). Европейскую известность ему принес новаторский обобщающий труд "Характерные черты аграрной истории Франции" (1931).

Воззрения Февра и Блока на содержание и методы исторической науки складывались под сильным воздействием Дюркгейма и особенно Берра, с которым они тесно сотрудничали, стремясь реализовать его идею "исторического синтеза" путем организации междисциплинарных исследований. С большим уважением Февр и Блок относились к марксизму. Февр считал, что "многие из идей, которые Маркс выразил с бесспорным мастерством, давно уже перешли в общий фонд, составляющий интеллектуальную сокровищницу целого поколения"⁶. К числу таких идей Февр относил, прежде всего, мысль о ведущей роли экономики и социальных отношениях в развитии общества.

Блок и Февр остро критиковали традиционную позитивистскую "событийную" историографию, которая, по выражению Блока, прозябала "в эмбриональной форме повествования"⁷. Они утверждали, что история призвана не просто описывать события, а выдвигать гипотезы, ставить и решать проблемы. Основную задачу исторической науки Блок и Февр видели в создании всеобъемлющей синтетической "глобальной" истории, охватывающей все стороны жизни человека, - "истории, которая стала бы центром, сердцем общественных наук, средоточием всех наук, изучающих общество с различных точек зрения - социальной, психологической, моральной, религиозной и эстетической, наконец, с политической, экономической и

³ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986, с. 13.

⁴ Febvre L. Combats pour l'histoire. P., 1953, p. 29.

⁵ Вышло только 6 томов задуманной Берром серии.

⁶ L. Febvre. Pour une histoire à part entière. P., 1962, p. 674.

⁷ "Annales". Economies, Sociétés, Civilisations, 1953, p. 514.

культурной"⁸. Решение подобной задачи предполагало широкий контакт и взаимодействие истории с другими науками, прежде всего - науками о человеке. Февр настойчиво обосновывал мысль о существовании "внутреннего единства, связующего между собою - нравятся нам это или нет - все научные дисциплины". Он говорил в 1941 г., обращаясь к студентам: "Историки, будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами; не закрывайте глаза на то великое течение, которое с головокружительной скоростью обновляет науки о физическом мире"⁹.

В отличие от Берра, выдвигавшего на первый план "культурно-исторический синтез", Февр и Блок придавали особенно большое значение изучению экономических и социальных отношений. Февр доказывал, что для понимания "глубокой жизни" страны совершенно недостаточно описать деятельность монархов, дворцовые интриги и перевороты, "указы и приказы". Необходимо, прежде всего, дать представление о ее природе, населении, хозяйственной деятельности, орудиях производства, торговле, городах, системе собственности, общественных классах, религии, языке, региональных различиях и многих других факторах общественного развития¹⁰.

Одной из важнейших новых проблем, открытых для исследования основателями "Анналов", является не изучавшаяся ранее история общественной психологии, коллективных представлений и ценностей, которую Блок и Февр определили как историю ментальностей (*histoire des mentalités*), введя это, ныне широко принятое понятие в историографию. "В истории чувств и образа мышления", отмечает А. Я. Гуревич, они видели свои "заповедные уголья" и увлеченно разрабатывали эти

темы"¹¹. Намечая перспективу новых исследований, Февр предлагал написать историю ненависти, историю жалости, историю страха, историю жестокости, историю любви и других чувств"¹².

Основываясь на выдвинутом ими новом подходе к изучению истории, Блок и Февр подвергли пересмотру оба главных понятия исторической науки: исторический факт и исторический документ. Они доказывали, что к числу исторических фактов относятся не только "события", но и "процессы", в том числе процессы социально-экономического развития и общественной психологии. Обесценение монеты, понижение заработной платы, возрастание цен - все это, - писал Л. Февр, "бесспорно, тоже исторические факты, причем, с нашей точки зрения, куда более важные, чем смерть какого-нибудь государя или заключение непрочного договора"¹³. В отличие от историков позитивистского направления, которые абсолютизировали значение письменных документов ("текстов"), Блок и Февр значительно расширили круг источников. Напомнив известную фразу из "Введения в изучение истории" Ланглуа и Сеньобоса: "история пишется по документам", Февр писал: "История, несомненно, создается по письменным документам. Когда они есть. Но она может и должна создаваться без письменных документов, если их вовсе не существует. Пригодно все, что может использовать изобретательность историка, собирающего мед не только с обычных цветов. Слова. Знаки. Пейзажи и черепица. Форма полей и количество сорняков. Фазы луны и формы упряжи. Экспертиза камней геологами и химический анализ металла шпаги химиками. Словом, все, что зависит от человека, служит человеку, выражает его присутствие, активность, вкусы, все челове-

ские проявления"¹⁴.

Стремясь к созданию всеобъемлющей, "глобальной" истории, Блок и Февр не придерживались монистического подхода к интерпретации исторического процесса. На первый план в их объяснении выступала то географическая среда и рост населения, то развитие техники и обмена, то коллективная психология (ментальность). Нередко именно она предстала как ведущее начало, поскольку все явления общественной жизни осуществляются, проходя через сознание и субъективную психологическую мотивацию человека, а история всегда понималась Февром и Блоком как "наука о человеке", "наука о людях" - "единственных подлинных объектах истории".

Полемизируя с историками-позитивистами, основатели "Анналов" доказывали, что материал источников и достоверяемые ими факты всегда являются результатом творческой активности ученого, проведенного им отбора, который зависит от поставленной им проблемы, от выдвинутой гипотезы. "Всякая история есть выбор", - писал Февр. Историк "сам создает материал для своей работы", постоянно "конструирует" свой объект изучения, отбирая и группируя необходимые ему источники и факты. Отсюда Блок и, особенно, Февр делали релятивистские выводы, утверждая, что исторические факты не существуют без историка, они созданы или "изобретены" историками¹⁵.

Тем не менее, в спорах о принципах и границах исторического познания Блок и Февр горячо отстаивали познавательные возможности истории, исходя из уверенности, что природа, а в ней и человек, как часть природы и объект истории, познаваемы и объяснимы. Они подчеркивали, что истории "коснулся глубокий и всеоб-

щий кризис научных идей и концепций, вызванный внезапным расцветом некоторых наук", но были убеждены в ее способности к обновлению¹⁶. В 1941-1942 гг. Блок написал книгу "Апология истории или ремесло историка" (впервые опубликована в 1949 г.). Созданная в трагических условиях войны и поражения Франции, книга исполнена оптимизма относительно будущего истории. Как "серьезное аналитическое занятие история еще совсем молода", писал Блок; это "наука о людях" ("о людях во времени"), которая "должна быть все более отважной исследовательницей ушедших эпох"¹⁷.

В 1929 г. Блок и Февр основали новый общесторический журнал с программным названием "Анналы экономической и социальной истории" (*Annales d'histoire économique et sociale*). Вокруг "Анналов" сплотилась группа единомышленников - школа "Анналов", - которые считали необходимым уделить главное внимание изучению социально-экономических проблем и обновить методы исторического исследования.

Школа "Анналов" постепенно приобрела широкую известность и в течение нескольких десятилетий оказывала решающее влияние на развитие французской историографии. Новаторские труды М. Блока и Л. Февра, выдвинутые ими идеи означали переход к новому пониманию содержания и задач исторического мышления. Они заложили основу "новой исторической науки" или, - как ее называют в США, - "новой научной истории" завоевавшей после второй мировой войны ведущее положение в мировой историографии.

Изучение социально-экономической истории. Наряду с основателями "Анналов" большую роль в обновлении тематики и методов французской историографии сыграли труды специалистов по экономической истории, в первую очередь Ф. Си-мьяна (1873-1935) и Э. Лябрусса. "В

⁸ Блок М. Апология истории. с. 11.

⁹ Февр Л. Бои за историю, с. 48, 37.

¹⁰ Там же, с. 65.

¹¹ Гуревич А. Я. Марк Блок и "Апология истории". // в книге: Блок М. Апология истории. М., 1986, с. 210.

¹² Февр Л. Бои за историю, с. 123-125.

¹³ Там же, с. 13.

¹⁴ Все эти примеры использования новых источников Февр заимствовал из трудов современных ему историков. См. Febvre L. Combats pour l'histoire, p. 428.

¹⁵ Февр Л. Бои за историю, с. 14-15, 30-31, 68-70.

¹⁶ Там же, 32-37.

¹⁷ Блок М. Апология истории, с. 18, 38.

шквальные 30-е годы, - писал известный французский историк Клод Виллар, - Франсуа Симиан и Эрнест Лябрусс придали новый смысл социальной истории как истории количественной и "конъюнктурной", ищущей в эволюции цен часовой механизм социальной истории"¹⁸. В 1932 г., в разгар экономического кризиса, вышла в свет основная работа Симиана "Заработная плата, социальная эволюция и деньги". Исследуя статистику денежного обращения, цен и доходов на протяжении длительного периода времени с 1789 по 1928 г., Симиан стремился объяснить причины и динамику экономического роста, выявить смену экономических циклов от фазы подъема ("фаза А") к фазе спада ("фаза Б"). Наиболее важными Симиан считал вековые экономические циклы "большой длительности", на фоне которых развиваются "короткие" и "промежуточные" (приблизительно, десятилетние) циклы. Главный показатель экономических циклов и причину их смены Симиан усматривал в приливах и отливах денежной массы, в изменении стоимости денег, за которым следует движение цен, определяющее уровень заработной платы, прибыли и других доходов. Колебания цен и доходов в свою очередь воздействуют на коллективную психологию, а через нее - на социальные отношения. Свою систему взглядов Симиан определил как "социальный монетаризм с возмущающими колебаниями".

Попытка Симиана дать анализ циклов экономического развития с помощью статистических методов и связать динамику экономического роста с изменениями в социальных отношениях и в коллективной психологии являлась новым для французской историографии вкладом в изучение социально-экономической истории.

Предложенные Симианом методы развил и применил в конкретном историческом исследовании Эрнест Лябрусс (1895-1988). В молодости Лябрусс испытал сильное воздействие марксизма. В

начале 20-х годов он принадлежал к руководству Союза коммунистической молодежи и являлся одним из редакторов центрального органа Французской коммунистической партии - газеты "Юманите". В дальнейшем Лябрусс перешел в Социалистическую партию и в 30-е годы был близок к ее руководству. Вслед за Симианом Лябрусс доказывал, что экономические циклы своим ритмом определяют историческое развитие, их важнейшим признаком он также считал изменение цен и зависящее от него движение доходов разных социальных групп.

Будучи историком, Лябрусс стремился более конкретно, чем Симиан, исследовать влияние движения цен и доходов на социально-политическую борьбу и на возникновение революционных движений, особенно Французской революции 1789 г.¹⁹ Поэтому наряду с экономическими процессами "большой длительности", которые привлекали преимущественное внимание Симиана, Лябрусс тщательно изучал и непосредственно воздействующие на социальную активность "короткие" (сезонные), "циклические" и "межциклические" (10-20 лет) колебания цен и доходов. Под этим углом зрения были написаны его главные исследования "Очерк движения цен и доходов во Франции XVIII века" (2 тт., 1933-1936) и "Кризис французской экономики в конце старого порядка и в начале революции" (1944, вышел лишь первый том этого труда).

На основе громадного архивного материала, подвергнутого статистической обработке, Лябрусс установил, что в 1726-1789 гг. происходили длительное падение реальной заработной платы и рост стоимости жизни. Он выявил динамику арендной платы, возрастание бремени десятины и натуральных сеньориальных платежей, взимавшихся с крестьян, и показал, что эти процессы повлияли на обострение со-

¹⁹ С 1926 г. и до конца жизни Лябрусс был активным членом руководства Робеспьеристского общества и его журнала.

циальных противоречий во Франции XVIII в. и созревание в ней революционного кризиса.

Суммируя данные установленных им статистических серий, Лябрусс пришел к выводу, что в середине 1789 г. во Франции встретились три экономических процесса разной длительности: высшая точка "долой волны" экономического подъема и роста цен, обогатившей французскую буржуазию с 1730-х годов; затем - вершина "межциклического" ухудшения экономической конъюнктуры, которой отмечены последние два десятилетия старого порядка, и, наконец, вызванные неурожаем острейший продовольственный кризис и катастрофический для массы бедноты сезонный взлет дороговизны, достигший пика в июле 1789 г. Тем самым, Лябрусс соглашался с Мишле, видевшим в событиях конца XVIII в. "революцию нищеты", но не отвергал и противоположный тезис Матьеза о "революции процветания". По мнению Лябрусса, длительный процесс повышения цен и экономического роста в XVIII в. обеспечил подъем буржуазии и ее реформаторский порыв; внутри долгого (с 1733 г.) процесса подъема короткий период упадка "выглядит эпизодом"²⁰.

Размышляя об общем истолковании истории, Лябрусс скептически отзывался о понятии "исторический материализм" и с некоторой подозрительностью относился к поиску "причин исторических процессов. Однако он считал, что "материалистическая интерпретация истории" утвердилась как одна из наиболее влиятельных и наиболее плодотворных гипотез. Сравнительное изучение экономического движения и развития институтов позволит проверить эту гипотезу"²¹.

В центре внимания Лябрусса находилась сфера обращения, история народона-

²⁰ Labrousse C.-E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. P., 1944. p. XLVIII-L.

²¹ Labrousse C.-E. Op.cit. P., 167; Idem. Esquisse du mouvement des prix des revenus en France au XVIII siècle. T. I-II. P., 1933. T-1. p. XXVI.

селения, техники, объем производства, характер форм собственности. Производственными отношениями Лябрусс интересовался меньше. Экономике Франции XVIII - первой половины XIX в. он определял как "экономику хлеба и текстиля", беря, таким образом, за основу наиболее важные из производимых тогда продуктов.

Следуя логике своего подхода, Лябрусс связывал социальные движения, революционные и политические кризисы непосредственно с колебаниями экономической конъюнктуры. Например, Французская революция выступала у него как следствие экономического кризиса "старого типа", в котором определяющую роль играет движение хлебных цен, и порожденное им "кризиса нищеты".

Уже первый фундаментальный труд Лябрусса, появившийся в разгар кризиса 1929-1933 гг., когда экономические проблемы оказались в центре внимания общественности, создал известность его автору. В последующие годы Лябрусс выдвинулся в число ведущих специалистов по экономической и социальной истории и сыграл большую роль в развитии французской историографии.

Изучение Великой французской революции. В 20-30-е годы одной из "больших тем" французской историографии оставалась история французской революции конца XVIII в. Проблемы происхождения революции, ее исторических результатов и значения для последующей истории, роли народных масс, революционного насилия и революционной диктатуры сохраняли не только научное, но и политическое значение. Специфика межвоенного периода состояла в том, что наряду с традиционным противостоянием республиканских и монархических (в 30-е годы также профашистских) идей и ценностей, особенно большое влияние на подходы историков к Французской революции оказывали такие новые явления эпохи, как Октябрьская революция, провозгласившая своей целью строительство социализма, рост коммунистического и

¹⁸ Aujourd'hui l'histoire. P., 1974, p. 181.

социалистического движения. Вольно или невольно историки обращались к аналогиям между революцией 1789 г. и Октябрьской революцией. Как отмечал известный французский историк Ф. Фюре, "историки французской революции опрокидывали в прошлое свои чувства и оценки, касающиеся 1917 г. и стремились выделить в первой революции то, что, по их мнению, предвещало вторую. Механизмы идентификации (Французской) революции и ее героев с событиями настоящего воздействуют на историков XX века так же, как они воздействовали на историков XIX в."²². Идеино-политическая ориентация историков зачастую определяла направление, тематику и содержание их исследований.

Историки, продолжавшие традиции Тэна, находили новые основания для осуждения революции 1789 г. в параллелях с ненавистной для них революцией в России. Так, член Французской академии монархист П. Гаксотт в 1928 г. издал книгу "Французская революция", в которой отождествлял якобинцев и большевиков. Осуждая революционное насилие и "анархию", Гаксотт именовал приход якобинцев к власти "пролетарской революцией", в результате которой воцарился "коммунистический террор" и "диктаторский коммунизм", оставивший после себя "только руины"²³. Несмотря на поверхностный и в значительной степени компилятивный характер книги Гаксотта, она имела большой успех и многократно переиздавалась, выдержав к 1947 году 180 изданий.

Монархистам продолжали противостоять историки традиционного республиканского направления во главе с А. Оларом. Как и прежде, они видели во французской революции главный источник демократических и республиканских учреждений и ценностей, которые они про-

тивопоставляли уже не только монархистам, но и особенно идеям и практике Октябрьской революции, прежде всего идеям революционного насилия и диктатуры пролетариата. В специальной статье "Теория насилия и Французская революция" (1924) Олар попытался доказать, что хотя эта революция и применяла насилие, вынужденная к этому ее врагами, в целом, в отличие от революции Октябрьской, всякая теория насилия была "чужда и даже прямо противоположна духу (французской) революции", которая имела в основном "легальный и юридический характер"²⁴. В последние годы жизни (он умер в 1928 г.) Олар подходил к мысли о необходимости пересмотра прежних, преимущественно историко-политических, подходов к истории Французской революции. В 1919 г. он опубликовал книгу, посвященную ликвидации феодальных отношений и крестьянским волнениям в годы революции ("Французская революция и феодальный режим"). Но в целом, школа Олара, придерживавшаяся принципов традиционной позитивистской историографии и занимавшаяся, в основном, изучением политической истории революции, постепенно сходилась на нет.

После смерти Олара созданное им "Общество по изучению истории Французской революции" утратило положение главного центра исследований по истории революции. В 1935 г. оно прекратило свое существование. В 1940 г. перестал выходить основанный Оларом журнал "Французская революция".

Инициатива в изучении Великой французской революции перешла к более левому историографическому направлению, в деятельности которого радикальный республиканизм соединился с социалистической ориентацией. Его лидером стал Альбер Матьез (1874-1932). Выходец из крестьянской семьи, человек социалистических взглядов, Матьез продолжал руководить "Обществом по изучению робеспьер-

²⁴ Aulard A. Etudes et Leçons sur la Révolution française. 9-e série. P., 1924, p. 1-27.

еризма" и его журналом "Революционные анналы" (с 1924 г. - "Исторические анналы Французской революции" - "Annales historiques de la Révolution française"). В начале 20-х гг. он был членом Коммунистической партии и публиковался в коммунистической печати. В течение ряда лет Матьез активно сотрудничал с советскими историками, был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, его работы переводились на русский язык²⁵.

Вслед за Жоресом, чью "Социалистическую историю Французской революции" Матьез высоко ценил и опубликовал в 1922-27 годах второе ее издание, он развивал социальную интерпретацию революции конца XVIII в. С его точки зрения это была революция, которая обеспечила победу буржуазии, для ее достижения вынужденной пойти на крупные уступки социальным требованиям народа, чтобы заручиться его поддержкой. Поэтому якобинский режим, а не 1789 год и Декларация прав человека и гражданина, были, согласно Матьезу, ключевым периодом революции. Аналогии с Октябрьской революцией, которую Матьез горячо приветствовал, укрепили его в этом подходе. Победа большевиков представлялась ему продолжением дела якобинцев. В брошюре "Большевизм и якобинизм" (1920) он писал: "Якобинизм и большевизм, это две диктатуры, в равной мере рожденные гражданской и внешней войной, две классовые диктатуры, использующие те же средства: террор, реквизиции, таксацию, - и ставящие, в конечном счете, ту же цель, преобразование общества, и не только русского общества или французского, но

²⁵ Матьез резко оборвал это сотрудничество в 1930-31 годах. В письме к группе советских историков (Н. М. Лукину и др.), протестуя против ареста Е.В. Тарле и С. Ф. Платонова, он писал: "В России Сталина нет больше места для свободной и независимой науки, для науки вообще. История, в особенности, является теперь лишь отраслью пропаганды" (Annales historiques de la Révolution française", 1931, N.VIII, p. 1562.

всеобщее преобразование общества"²⁶.

В отличие от Олара, для которого главным героем революции был Дантон, Матьез отводил эту роль Робеспьеру, которым безмерно восхищался. Он доказывал, что Робеспьер был "великий патриот", "великий демократ" и даже "социалист по действиям и намерениям", ибо "Робеспьер хотел пришествия Республики равенства, другими словами - социализма"²⁷. Всех противников Робеспьера, как справа, так и слева (включая "бешеных" и эбертистов), Матьез считал контрреволюционерами и называл "наймитами врагов народа". Особое его негодование вызывал любимец Олара и его школы, лидер умеренных якобинцев Дантон. В глазах Матьеза, это был "демагог, жаждавший наслаждений, который продавался всем, кто хотел его купить"²⁸.

Основной научный вклад Матьеза в разработку истории Французской революции связан с обращением к изучению ее социальной истории. Первая мировая война и революции в Европе, сопровождавшиеся инфляцией, дороговизной, обнищанием народных масс, введением карточной системы привлекли его внимание к аналогичным проблемам, стоявшим перед революционерами XVIII века: расстройству экономики и финансов, бедствиям трудящихся, народным волнениям, государственной регламентации экономической деятельности. В главных трудах Матьеза: "Французская революция" (3 тт. 1922-1927) и особенно в монографии "Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора" (1927), были впервые подробно исследованы положение городских народных низов (главным образом в Париже) в критический период революции - 1792-1794 гг. Матьез изучил развернувшееся в это время мощное на-

²⁶ Цит. по: Friguglietti J. Albert Mathiez, historien révolutionnaire (1874-1932). P., 1974, p.164.

²⁷ Mathiez A. Etudes sur Robespierre. P., 1958, p. 20-22, 279.

²⁸ Ibid., p. 20-21.

родное движение против политики экономического либерализма, за регламентацию торговли и проведение аграрно-уравнилельных мер; тщательно исследовал социальную политику якобинского правительства. Проблемы, открытые для исследования этими работами, будут привлекать внимание исследователей вплоть до 70-х гг. нашего века.

В условиях послевоенной Франции энергичная защита Матьезом революционных методов якобинцев во главе с Робеспьером вызывала большой общественный резонанс. Правая печать называла Матьеза "террористом" и "единственным профессором по истории классовой борьбы в Сорбонне". Несмотря на свои научные заслуги, Матьез лишь в 1926 г. впервые был приглашен прочесть курс лекций в Сорбонне, но так и не смог занять пост руководителя кафедры истории французской революции.

В 1932 г. Матьез умер от кровоизлияния в мозг во время семинара в Сорбонне, и ведущая роль в изучении Французской революции перешла к одному из самых выдающихся французских историков XX века - **Жоржу Лефевру** (1874-1959). Как и Матьез, Лефевр вышел из демократической среды. Его отец был мелким служащим, а дед - рабочим. Много лет Лефевр работал учителем в средней школе и лишь в 1924 г. начал преподавать в университете. В 1932 г. он сменил Матьеза на постах председателя "Общества робеспьеристских исследований" и редактора журнала "Исторические анналы французской революции", а в 1937 г. возглавил кафедру истории Французской революции в Сорбонне.

В молодости Лефевр являлся сторонником Ж. Геда и, особенно, Ж. Жореса, которого считал своим главным учителем. Через них он воспринял влияние марксизма. Идеи Маркса, по мнению Лефевра, "понемногу проникли в умы всех историков, в том смысле, что даже самые упрямые из них должны сегодня учитывать

экономические и социальные факты"²⁹. Лефевр интересовался географией и современной ему социологией. Влияние идей Э. Дюркгейма очень ощутимо в некоторых его работах. Среди своих научных предшественников он особенно высоко ценил работы и методы исследования русского историка И. В. Лучицкого. Одним из первых Ж. Лефевр поддержал попытки Симьяна и Лябрусса ввести в изучение истории количественные (в первую очередь, статистические) методы, без которых, как полагал Лефевр, "не существует науки"³⁰.

Подобно Матьезу, Лефевр считал историю Французской революции таким сюжетом, изучение и особенно преподавание которого имеет большое гражданское значение, утверждает традиции и ценности демократии и равенства. В своих работах он продолжал "якобинское прочтение" истории революции, очень высоко оценивал историческую роль якобинцев и Робеспьера, которого называл "самым выдающимся из первых вождей французской демократии". Вместе с тем Лефевр не разделял свойственной Матьезу идеализации робеспьеризма.

Вклад Лефевра в изучение Французской революции связан, прежде всего, с разработкой ее социальной истории. Лефевр выдвинул задачу изучения истории революции "снизу", то есть исследования не чисто политических - правительственных, парламентских, - а глубинных, народных компонентов революционной истории. При этом сам Лефевр - первым из французских ученых - занялся углубленным изучением того, какова была роль крестьян в революции и как воздействовала революция на последующие исторические судьбы крестьянства. Решению этой задачи посвящены главные его исследования: "Крестьяне департамента Нор во время Французской революции" (1925), "Ве-

²⁹ Lefebvre G. Réflexions sur l'histoire. P., 1978, p. 238.

³⁰ Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française. P., 1963, p. 199.

ликий страх" (1932), "Аграрный вопрос в эпоху террора" (1932).

Лефевр убедительно доказал, что во время революции крестьянство выступало не в качестве вспомогательной силы буржуазии, а как самостоятельная общественная группа, наделенная сознанием собственных целей и собственной волей. Главная мысль Лефевра состояла в том, что в рамках Французской революции развертывалась особая, автономная крестьянская революция - автономная по своему происхождению, методам, целям и - главное - по своим антикапиталистическим тенденциям. Целью этой революции была борьба за сохранение и укрепление крестьянского хозяйства, образа жизни, социальных и духовных ценностей сельского мира. Крестьяне вынудили буржуазную революцию уничтожить сеньориальный строй. Но они протестовали против безоговорочного торжества буржуазной земельной собственности и "аграрного индивидуализма", требовали сохранения общинных институтов и ограничения крупного землевладения. Результаты крестьянской революции были, согласно Лефевру, одновременно революционные и консервативные: она разрушила феодальный режим, но закрепила мелкокрестьянскую аграрную структуру Франции. В итоге капиталистическая эволюция была очень медленной и оставалась незаконченной³¹. Труды Лефевра, посвященные аграрно-крестьянской истории революции до сих пор сохраняют свое научное значение; дискуссии вокруг поставленных в них проблем продолжаются и в современной историографии.

Лефевр создал также новаторские труды, посвященные социально-исторической психологии, истории ментальностей. Главным из них является его книга "Великий страх" (1932) - история "гигантского ложного слуха"³², ставшего событием общенационального значения. В книге вос-

создана детальная история интереснейшего социально-психологического феномена - волн массовой паники, охвативших во второй половине июля 1789 г. почти всю территорию Франции и вызванных ложными слухами о появлении банд разбойников.

Значение этой книги Лефевра выходит за рамки исследования революции 1789 г. По существу, она явилась одним из первых опытов конкретного изучения истории ментальностей, в частности - той "истории чувств", за которую ратовали Блок и особенно Февр. Основатели "Анналов" сразу же откликнулись на "Великий страх" сочувственными рецензиями, а Февр специально отметил близость исследования Лефевра к программе этого журнала³³.

"Великий страх" Лефевра, а также его статья "Революционные толпы" (1934) были первым серьезным исследованием "революционной толпы" и присущих ей черт коллективного сознания. В этом отношении работа Лефевра противостояла крайне упрощенным суждениям И. Тэна и Г. Лебона, которые сводили психологию революционной толпы к двум доминантам - возврат к варварским инстинктам и слепое подчинение главарям, манипулирующим массовым сознанием. В послевоенные годы, начатое Лефевром специальное изучение "революционных толп" было продолжено целым рядом исследователей. В итоге, как верно подчеркнул М. А. Барг, ныне возможно говорить как об "одном из открытий в области исторической науки" об "открытии феномена народных движений - "мятежной толпы" в век европейского Просвещения..."³⁴.

Изучение буржуазных революций XIX века. История революций XIX века в межвоенный период изучалась, главным образом, в "Обществе истории революции 1848 года", созданном еще в 1904 г. под руководством видного историка, социали-

³³ Февр Л. Цит. соч., с. 414.

³⁴ Барг М. А. Предисловие. В кн.: Рюде Джордж. Народные низы в истории. 1730-1848. М., 1984, с. 5.

ста Жоржа Ренара. После окончания первой мировой войны члены общества решили распространить свои исследования на революции 1830 и 1870 гг. В связи с этим общество стало называться "Общество истории революции 1848 г. и революций XIX века". Соответственно был переименован и издаваемый Обществом научный журнал. Продолжая намеченную в 1904 г. программу исследований экономической, политической, религиозной, интеллектуальной и моральной эволюции французского общества, Ренар, возглавивший кафедру истории труда в Коллеж де Франс, предложил сосредоточить главное внимание на экономическом и социальном развитии Франции. Он рекомендовал изучать использование машин и средств транспорта, смену посевных культур, роль заводов, банков, мануфактур, торговли, изменения земельной собственности, колебания цен и заработной платы.

Изучение политической истории революций, народных восстаний, массовых движений в его программе отходило на второй план. Сам Ренар в межвоенный период (он умер в 1930 г.) занимался по преимуществу историей труда и экономического развития, возвращаясь к оценке революции 1848 г. лишь попутно.

Считая необходимым сотрудничество классов, Ренар особенно прославлял "дух братства и равенства", который, по его мнению, воплотился в революции 1848 г., а в дальнейшем нашел свое практическое проявление во всеобщем и равном избирательном праве, равенстве граждан перед законом, обязательной для всех воинской службе. Но если в своих довоенных работах Ренар доказывал, что революция 1848 г. способствовала продвижению Франции по пути "демократии и социализма", то в 20-е годы он стал утверждать, что революции, которые всегда сопровождаются развалом экономики, голодом и насилием, неизбежно приводят к диктатуре.

В 20-е и 30-е годы историки, группировавшиеся вокруг "Общества истории революции 1848 г. и революций XIX века", опубликовали ряд ценных работ об

экономике Франции и положении трудящихся накануне революции 1848 г., о коммунистических и социалистических идеях этого времени, об июньском восстании рабочих 1848 г. и бонапартистском перевороте 1851 г. Они ввели в обращение богатый и ценный фактический материал, но их работы, как правило, носили описательный характер и, в основном, следовали методологическим традициям позитивистской историографии. Общественный интерес к истории буржуазных революций XIX века постепенно угасал. Деятельность "Общества" клонилась к упадку.

Изучение рабочего и социалистического движения. Парижская коммуна. В период между двумя мировыми войнами история рабочего и социалистического движения еще не была осознана как особая историческая дисциплина и не стала предметом официальной "университетской" науки. Кафедра истории труда в Коллеж де Франс занималась главным образом историей экономического роста, прогрессом техники, условиями труда, иногда положением и бытом рабочих. Собственно рабочее и социалистическое движение изучали лишь очень немногие профессиональные историки. В межвоенный период самым известным из них был Эдуард Доллеан, поклонник Прудона и один из основателей неопрудонистского направления в историографии французского рабочего движения. В своих работах о жизни и деятельности Прудона, Оуэна и особенно в "Истории рабочего движения" (3 тт., 1939), Доллеан уделял главное внимание прудонизму и анархо-синдикализму.

О рабочем и социалистическом движении более позднего периода рассказывали, по преимуществу, сами его участники, обычно члены Социалистической партии или профсоюзов. Целый ряд книг по истории рабочего, профсоюзного и социалистического движения опубликовал социалист Поль Луи, который в 1920-1923 гг. входил в Коммунистическую партию. Среди них: "Французский синдикализм" (1922), "История социалистической пар-

тии"(1922), "История рабочего класса во Франции от революции до наших дней"(1927). Большой интерес к истории социализма и рабочего движения проявлял видный деятель Социалистической партии, адвокат, публицист и историк **Александр Зеваэс** (1873-1953). Под его редакцией была издана "История социалистических партий во Франции" (12 тт., 1911-1923). В послевоенный период Зеваэс опубликовал серию работ по истории рабочего и социалистического движения, в их числе - "Социалистическая партия с 1904 по 1923 г."(1923), "Жюль Гед" (1928), "Стачка в Дсказвиле"(1938). Труды Луи и Зеваэса носили описательный и зачастую компилятивный характер. В них отсутствовал серьезный анализ процессов социально-экономического развития, расстановки классовых сил, однако благодаря обильному фактическому материалу они в течение долгого времени оставались главным источником сведений о рабочем и социалистическом движении недавнего прошлого.

В итоге, как отметил известный историк-марксист К. Виллар, "история рабочего движения долго была чисто позитивистской и событийной историей, в которой выделялись три основных направления: описание социальных конфликтов, история идеологий, более или менее оторванных от окружающего их контекста, наконец, освещение деятельности "верхов" (руководства движениями, партиями, интернационалами), оставляющее в тени рядовых активистов и массы, на которых они влияли"³⁵.

Особое место занимало изучение истории Парижской коммуны, интерес к которой оживился после победы Октябрьской революции, провозгласившей себя наследницей коммунаров. Содержание появившихся в это время работ о Парижской коммуне определялось главным образом идейно-политическими взглядами их авторов. Историки-марксисты вслед за Марксом и Лениным считали, что Парижская

коммуна была первой в истории пролетарской революцией, диктатурой пролетариата, которая создала рабочее государство нового типа и начала осуществлять переход к социализму.

Правые историки, являвшиеся противниками всякой революции, стремились опровергнуть "марксистский миф" о Коммуне. Они утверждали, что "Коммуна не была ни социалистической, ни даже революционной"; обвиняли коммунаров в развязывании "дикарских инстинктов парижской черни" и фактически оправдывали репрессии версальцев³⁶. Сторонники Социалистической партии подчеркивали свои симпатии к Парижской коммуне, но истолковывали ее не как первый опыт диктатуры пролетариата, а как борьбу за республику, демократию и "освобождение труда" путем сотрудничества классов.

Самым крупным профессиональным историком, занимавшимся в это время изучением Парижской коммуны был профессор Сорбонны социалист **Жорж Буржен** (1879-1958). Начав исследование истории Парижской коммуны еще в довоенное время, Буржен в 1924 г. совместно с Г. Анрио опубликовал первый том протоколов Парижской коммуны³⁷, а в 1928 г. выпустил в свет монографию "Первые дни Коммуны". В 1939 г. под руководством Буржена была издана коллективная работа "Война 1870-1871 гг. и Коммуна". Учитывая жгучую политическую актуальность споров, развернувшихся вокруг оценки Парижской коммуны, Буржен предлагал применить к ее истории "критические методы, используемые при изучении других великих революционных периодов Франции"³⁸, уделяя особое внимание сбору и проверке достоверности фактического материала.

³⁶ Парижская коммуна 1871 г. Под редакцией Э. А. Желубовской, А. З. Манторед, А. И. Молока, Ф.В. Потемкина. т. II, М., 1961, с. 612.

³⁷ Второй том протоколов Парижской коммуны опубликован Бурженом в 1945 г.

³⁸ Цит. по: Парижская коммуна 1871 г. т. II, с. 612.

³⁵ Aujourd'hui l'histoire. P., 1974, p. 181.

Буржен с симпатией относился к Парижской коммуне, отмечал ее пролетарский характер и ее значение в борьбе рабочих за демократию и республику, но, в отличие от марксистов, не считал ее государством нового типа, стремившимся к социализму.

Существенную роль в изучении Парижской коммуны, а также французского социалистического и коммунистического движения, сыграли работы преподавателя истории, активиста профсоюзного движения, социалиста, состоявшего одно время в Коммунистической партии, **Мориса Домманже** (1888-1976).

Ученик и друг Матьеза, Домманже в 20-е годы занялся историей социалистического и коммунистического движения. Он написал серию биографий французских коммунистов и социалистов: Г. Бабёфа (1922), О. Бланки (1924), В. Консидерана (1929). В 1926 г. Домманже издал биографию одного из руководителей Парижской коммуны Э. Варлена, а в 1937 г. - исследование "Люди и факты Коммуны". Считая себя марксистом, Домманже стремился показать прогрессивную роль социалистических, коммунистических и революционных идей в развитии общества; он высоко оценивал деятельность парижских коммунаров.

Изучение первой мировой войны. Одной из самых злободневных проблем послевоенной историографии и публицистики стала история первой мировой войны. Невиданные ранее масштабы войны, вызванные ею революционные преобразования, появление новых государств и новых границ, естественно, привлекали внимание к ее истории. Первоначально история первой мировой войны разрабатывалась в публицистике: в печати, в бесчисленных выступлениях и мемуарах политических и военных деятелей. Они стремились прежде всего ответить на главный вопрос, который тогда волновал общественное мнение Франции и других, участвовавших в войне стран: почему началась война и кто несет ответственность за нее? Как известно, статья 231 Версаль-

ского договора 1919 г. возложила всю ответственность за войну на Германию. В выступлениях французских государственных деятелей, поддерживавших этот тезис, была сформулирована официальная, "антангофильская" точка зрения, приверженцы которой заявляли, что Франция и другие страны Антанты неизменно стремились к миру, а Германия и Австро-Венгрия были виновниками войны. Противостоящее им направление пересматривало ("ревизовало") официальную точку зрения и потому называлось "ревизионистским". Вопреки "антангофильской" пропаганде "ревизионисты" утверждали, что главная причина войны коренилась в союзе Франции с агрессивной Россией, которая, несмотря на миролюбие Германии, спровоцировала войну и втянула в нее Францию.

Особую позицию занимали коммунисты, которые, в соответствии со взглядами В. И. Ленина и Коминтерна, доказывали, что война была порождена системой империализма, а ее виновниками являются империалисты всех стран, в том числе и Франции.

Полемика вокруг происхождения войны и ответственности за нее приобрела еще более широкий размах после публикации советским правительством тайных договоров, разоблачивших империалистические устремления стран Антанты, а также публикаций немецких дипломатических документов, имевших целью доказать миролюбие Германии. Большой резонанс получила изданная немецким правительством в 1922-1927 гг. огромная (40 томов) публикация германских дипломатических документов. Она содержала множество ценных, но тенденциозно подобранных документов, общее содержание которых должно было показать, что Германия не хотела войны. В ответ французское правительство приступило к изданию своих дипломатических документов, оправдывающих политику Франции. Значение этого мероприятия, затянувшегося на 30 лет (с 1929 по 1959 гг.) далеко вышло за пропагандистские рамки. 43 тома

под общим названием "Французские дипломатические документы (1871-1914)" содержат огромный фактический материал о политике великих держав в конце XIX - начале XX века и о происхождении первой мировой войны. По своему научному уровню французская публикация превосходила немецкую.

В 20-е годы к изучению первой мировой войны приступили и профессиональные французские историки. Ведущую роль среди них играл **Пьер Ренувен** (1893-1974), ученик Олара, участник войны, один из руководителей французской публикации дипломатических документов, позднее - профессор Сорбонны и член Французской академии.

С начала 20-х годов Ренувен был руководителем "Общества по истории войны", и бессменным редактором его журнала "Обозрение истории мировой войны" ("Revue d'histoire de guerre mondiale"). Он первым начал читать курс лекций по истории войны в Сорбонне. В 1925 г. вышла в свет первая крупная работа Ренувена - "Непосредственные причины войны", основанная на материалах его лекционного курса. В ней освещалось состояние международных отношений в течение двух последних месяцев перед началом войны. Обещая сохранять полную беспристрастность и широко используя публикации немецких документов, Ренувен, по существу, примыкал к "антангофильской" точке зрения. Вместе с тем он воспринимал и некоторые черты "ревизионистской" концепции, утверждая, что первоначально Германия и Австро-Венгрия не хотели войны, но Россия толкнула Францию на конфликт с ними.

Поставленного марксистами вопроса об империалистическом характере войны и ответственности за нее всей системы империализма Ренувен не касался.

В 1929 г., когда во Франции отмечалась 15-летняя годовщина начала войны, был издан коллективный труд французских историков "Дипломатическая история Европы (1871-1914 гг.)". Важнейшие главы этого двухтомного издания, завое-

вавшего большой авторитет, были написаны Ренувеном. На этот раз Ренувен более отчетливо поддержал "антангофильскую" точку зрения, подчеркивая ответственность Германии и Австро-Венгрии за развязывание войны. Он выступал против "ревизионистов", утверждавших, что французское правительство лишь следовало в фарватере царской России, и доказывал, что укрепление англо-французской Антанты было следствием агрессивности Германии, а военные мероприятия Франции накануне войны носили исключительно оборонительный характер. Основное внимание Ренувен уделил фактам политико-дипломатической деятельности. Вместе с тем он стремился перейти от традиционной "дипломатической истории" к более многосторонней "истории международных отношений", включающей внешнюю политику в рамки общ исторических процессов. Не ограничиваясь изучением деятельности дипломатов, Ренувен считал необходимым показать экономическое соперничество великих держав, гонку вооружений, идеологическую подготовку к войне, состояние национально-освободительных движений.

Последней крупной работой Ренувена в межвоенный период была опубликованная в 1934 г. монография "Кризис и великая война (1904-1918)". В ней еще яснее проявилось его стремление выйти за рамки чисто "дипломатической" истории. Продолжая придерживаться "антангофильской" концепции, Ренувен значительно обновил содержание своего труда, включив в него, наряду с описанием дипломатических и военных событий, историю "политической, экономической и социальной жизни", психологию и "моральные устремления" воюющих народов. По его мнению, войну вызвали, в первую очередь, военное соперничество и националистические "страсти". Экономической и торговой конкуренции великих держав Ренувен отводил второстепенную роль, утверждая, что финансисты и промышленники всех стран хотели мира.

Отступая от обычных канонов позити-

вистской историографии, Ренувен рассматривал не только "события" войны, но и экономические, политические и моральные "силы", которые воздействовали на них. Такой, новый по тому времени, подход к изучению войны и международных отношений, как и введение в научный оборот огромного количества свежего документального материала создали Ренувену репутацию лучшего французского специалиста по истории международных отношений.

Историография колониальной политики. Победа в войне и дальнейшее расширение французских колониальных владений нашли свое отражение в историографии колониализма. Главным центром изучения "колониальной истории" являлось созданное накануне войны "Общество истории французской колонизации", которое издавало журнал "Обозрение истории французских колоний" ("Revue d'histoire des colonies françaises"). Основная мысль публикуемых там работ состояла в утверждении, что французские колонизаторы принесли в отсталые колонизируемые страны культуру и цивилизацию. В результате их деятельности Франция стала "матерью-родиной" для населения французской колониальной империи, и благодарные "туземцы", вступив в созданные колониальными властями войска, с оружием в руках защищали "родину-мать" от Германии.

Наиболее известной работой этого направления была "История французских колоний и французской экспансии" (6 тт., 1929-1933) под редакцией Г. Аното и А. Мартино. Ее авторы уверяли, что французская колониальная политика была "свободна от всякого империализма", имела целью только "развить, обогатить, облагородить" население французских колоний. По их словам, французские колонизаторы, осуществляли "мирное проникновение" в колонии и способствовали распространению "принципов цивилизации" в "еще вчера варварских заморских территориях". В 1931 г. - к 100-летию завоевания Алжира - вышла целая серия

книг, превозносивших французских завоевателей и "замечательный подъем", будто бы пережитый Алжиром благодаря колонизации.

Одним из редких историков и общественных деятелей, выступавших тогда с критикой колониализма, был Ш.-А. Жюльен. Левый социалист, одно время примыкавший к компартии, Жюльен занимался главным образом историей завоевания Алжира. Он стремился выявить классовые корни деятельности колонизаторов и уделял большое внимание социальным движениям. Его первая крупная работа - "История Северной Африки" (1931) представляла собой систематическое изложение истории североафриканских народов, проникнутое глубоким уважением к их национальной культуре.

Зарождение "политических наук". В межвоенный период во Франции начался процесс становления современной социологии и политологии, объединяемых тогда термином "политические науки". Специалисты в области "политических наук" занимались, главным образом, проблемами власти, государственным и политическим устройством общества, но в связи с этим затрагивали и некоторые проблемы истории Франции. Их главным центром была "Свободная школа политических наук", специалисты которой особенно охотно занимались "избирательной географией", т.е. изучением результатов голосования и влияния политических партий в различных районах Франции. Пионером в этой области стал журналист и политический деятель правого направления, профессор "Свободной школы политических наук", академик **Андре Зигфрид** (1875-1959). Еще в 1913 г. он опубликовал книгу "Политическая картина Западной Франции в годы Третьей республики" - первую французскую работу по избирательной географии. Ее центральная идея состояла в попытке объяснить результаты голосования влиянием природных условий и социально-экономической структуры соответствующих районов, а также политических традиций их населения. Отмечая большую

устойчивость результатов голосования в одной и той же местности на протяжении довольно значительного промежутка времени, Зигфрид связывал этот факт с размещением населения и структурой собственности, которые, в свою очередь, по его мнению, определяются географическими условиями. Он полагал, что мелкая собственность, которая на Западе Франции преобладает на известковых почвах, является опорой политической свободы, республики и демократии. Напротив, крупная собственность, характерная для бедных, скалистых почв с редким населением, дает преимущество аристократии, монархистам, и, особенно, церкви, рекомендациям которой следует большинство избирателей этих районов. В конечном итоге, по парадоксальному выражению Зигфрида, "гранит родит священника, а известняк - учителя"; можно говорить о "республиканском известняке" и "роялистском граните"³⁹.

Последующие изыскания показали, что Зигфрид сильно преувеличил значение географического фактора, но его попытка выявить мотивы политического поведения избирателей и иерархию этих мотивов открыла путь для других работ. В послевоенный период исследования по избирательной географии стали одним из главных направлений французской политологии, а работа Зигфрида - настольной книгой политологов.

Зарождение марксистской историографии. Победа Октябрьской революции и образование Французской коммунистической партии стимулировали процесс становления марксистской историографии, продолжавшей традиции первого поколения французских марксистов. Как и в XIX веке, марксистская концепция истории первоначально излагалась в публицистике, и лишь потом находила выражение в работах профессиональных историков. Историческая проблематика приобрела большую политическую актуальность в

годы Народного фронта, когда на первый план выдвинулась защита порожденных Великой Французской революцией демократических традиций против наступления фашизма. В это время французские коммунисты пересмотрели свойственный им в 20-е годы, унаследованный от геддистов, узкий и ограниченный подход к революции 1789 г. как к "революции Третьего сословия", осуществленной только в интересах буржуазии. В июне 1934 г. Генеральный секретарь Французской коммунистической партии М. Торез впервые заявил: "Мы ценим революционные традиции наших отцов, великие уроки 1789, 1848, 1871 годов"⁴⁰. Наряду с символами пролетарской революции - "Интернационалом" и красным знаменем, - коммунисты приняли отвергавшие ими ранее символы Великой французской революции, ставшие государственными символами Франции: трехцветное знамя и "Марсельезу". Трехцветное знамя они теперь воспринимали как "символ битв прошлого", а "Интернационал" и красное знамя как "символ битв и побед будущего"⁴¹.

В это время началось формирование первого поколения профессиональных историков, положивших в основу своих исследований марксистскую методологию. К их числу принадлежали О. Корню, Ж. Брюа и А. Собуль. Огюст Корню занимался, главным образом, изучением жизни и деятельности Маркса. Его монография "Молодость Карла Маркса" (1934) была первой во Франции работой историка-марксиста, защищенной в Парижском университете в качестве докторской диссертации. Разносторонний историк Жан Брюа занимался, главным образом, историей рабочего и революционного движения и одновременно выступал в качестве публициста, освещающая в партийной печати многие важные события французской истории. На его статьях воспитывалось целое поколение более молодых историков-марксистов. В конце 30-х годов появились

³⁹ Siegfried A. Tableau politique de la France de l'Ouest sous la IIIe République. P., 1913, p. 20.

⁴⁰ Thorez M. Oeuvres. t. 6. P., 1951, p. 173.

⁴¹ Дюкло Ж. Мемуары, т. I. М., 1974. с. 199.

первые научные труды Альбера Соболя: исследование политических и социальных идей Сен-Жюста (1937) и общий обзор революционных событий начала революции - книга "1789 год - год свободы" (1939).

Работы историков-марксистов того времени были немногочисленны, но они заложили основу марксистского направления во французской исторической науке.

Глава 3

Историческая наука Великобритании в 1918-1945 гг.: традиции и новации.

Итоги первой мировой войны, закрепленные в системе договоров Парижской мирной конференции, в значительной степени определили сохранение ведущего положения Великобритании в Европе и в мире. В то же время они способствовали развитию кризисных явлений внутри Британской империи и постепенному утверждению в обществе идей преобразования империи в Содружество наций. В 20-30-е годы в стране началась разработка экономической и социальной политики, которая предполагала решение проблем структурной перестройки; тогда же обозначились серьезные изменения в социально-политической структуре британского государства. В политической жизни общества наблюдалось снижение влияния либеральной партии, упрочение позиций лейборизма, рост активности радикально-демократического и рабочего движений. В период мирового кризиса ведущие политические партии занимались интенсивными поисками стабилизации внутривнутриполитической обстановки. Конец 30-х - первая половина 40-х годов характеризовались вступлением Великобритании во вторую мировую войну и активным участием в ней в составе антифашистской коалиции.

Организация исторической науки в 1918-1945 гг. В этот сложный, насыщен-

ный противоречивыми тенденциями период британской истории продолжался процесс профессионализации исторического знания. В академической среде постепенно утверждалась мысль о том, что труд историка требует высокой профессиональной подготовки, специальных навыков исследовательской работы. В Оксфорде (1917) и в Кембридже (1920) была учреждена ученая степень доктора философии, которая присуждалась выпускникам университетов, подготовившим диссертации по исторической проблематике.

В результате усилий академических историков по созданию системы обучения аспирантов в 1921 г. при Лондонском университете открылся общенациональный центр по подготовке профессионалов-историков из вузовских преподавателей, выпускников университетов, сотрудников архивов и музеев. Институт исторических исследований, созданный на общественные средства и частные пожертвования, был поддержан ведущими университетами страны. Во главе его встал медиевист, профессор А. Поллард. В 30-е годы институт стал курировать выпуск многотомной "Викторианской истории графств". Он выступал также в качестве организатора встреч историков-профессионалов разных стран. В 1921 г. в Лондоне состоялась

первая англо-американская конференция профессоров истории. С 1926 г. эти встречи приобрели регулярный характер. С середины 30-х годов начали проводиться научные конференции британских и французских историков.

В межвоенный период окрепли позиции национальных исторических обществ. В то время Королевское историческое общество возглавляли поочередно такие видные историки как Ч. Омэн, Дж. Фортескью, Т. Таут, Ф. Поуик, Ф. Стэнтон. В 1918 г. при этом обществе был создан комитет по изучению исторических источников, члены которого занимались выявлением архивных документов и подготовкой их к публикации. С 1921 г. в Кемденской серии Королевского исторического общества начали публиковаться документы по истории британской внешней политики. В 1932 г. была открыта серия справочников по истории. Члены общества приступили в 1937 г. к периодическому изданию научной библиографии британской истории, которая включала в себя перечень монографий и статей, опубликованных после 1900 г.

В 20-30-е годы заметно возрос авторитет Исторической ассоциации, в которой насчитывалось около ста местных отделений и 4,5 тыс. членов. Руководство ассоциацией осуществляли профессиональные историки Ч. Ферс, А. Грант, Дж. Гуч и др. На страницах журнала "История" ("History"), издаваемого ассоциацией, велась полемика о содержании предмета истории и ее образовательной, воспитательной функции. С 1922 г. Историческая ассоциация начала публиковать информационный "Ежегодный бюллетень исторической литературы" ("Annual Bulletin of Historical Literature"). Важное место в деятельности ассоциации заняло изучение проблем локальной истории. В середине 20-х годов был создан комитет по локальной истории. Он координировал выявление, сбор и систематизацию исторических источников, которые проводили местные исторические и антикварные общества и архивы графств, оказывал им помощь в

составлении путеводителей и справочников. В 1930г. устав Исторической ассоциации пополнился положением о сотрудничестве с Королевским историческим обществом и другими организациями в области гуманитарного знания.

В межвоенный период заметно выросло влияние региональных исторических обществ (например, Шотландского исторического общества) и некоторых университетских объединений историков-профессионалов. В 1922 г. в Кембриджском университете было учреждено историческое общество, члены которого спустя три года основали "Кембриджский исторический журнал" ("Cambridge Historical Journal"). Вскоре вокруг журнала сформировалось научное сообщество, в которое входили многие известные британские историки (Дж. Бери, Дж. Клепэм, Г. Темперли, Дж. Роуз и др.). Исторические общества и журналы поддерживали связи с Британской архивной ассоциацией, созданной в Лондоне в 1932 г. В её задачи входило обеспечение сохранности и использование архивных материалов, координация деятельности общественных организаций и отдельных лиц, заинтересованных в улучшении работы архивной службы. Ассоциация начала издавать журнал "Архивы" ("Archives") и выступила инициатором проведения ежегодных конференций архивистов, историков, публикаторов документов. Значительную помощь историкам-профессионалам и любителям оказывала открывшаяся в 1924г. библиотечная Ассоциация по информационному обеспечению (служба "Аслиб"). Образование единой информационной службы в библиотечном деле страны содействовало интенсификации изысканий в области истории и других гуманитарных дисциплин.

В 20-30-е годы в университетских центрах, национальных, региональных и местных исторических обществах ведущее положение по-прежнему занимали историки-медиевисты. Их научная и организационная деятельность во многом определяла облик исторического знания в стране.

В то же время заметно возрос авторитет историков-профессионалов, занимающихся изучением новой истории. В академической среде постепенно преодолевался дисциплинарный парадокс, выражавшийся в том, что преподаватели университетских кафедр новой истории занимались преимущественно преподаванием истории средних веков. По мере размежевания медиэвистики и истории нового времени в системе высшего образования происходило формирование отдельных кафедр (в 1930 г. открытие кафедры новой истории и в 1937 г., истории средних веков в Кембридже, соответствующая реорганизация исторического факультета в Оксфорде в 1937-1939 гг. и др.).

В первой трети XX в. значительно повысился престиж новой истории в колледжах и школах Лондонского университета, в университетах Эдинбурга, Глазго. Новая история утвердилась в качестве самостоятельной академической дисциплины в "городских" ("краснокирпичных") университетах, открытых в конце XIX - начале XX в. - в Манчестере, Лидсе, Бирмингеме, Шеффилде и других городах. К 1939 году в университетах страны работало уже около 400 профессионалов-историков (в 1900 году их было не более 30). Организационные перемены в британской историографии, опосредованно выражали глубинные процессы, происходившие в самом историческом знании - его теоретических основах, методологии, структуре, содержании, функциях.

Теоретико-методологические основы исторической науки. Значительное воздействие на британскую историографию первой трети XX в. оказывали изменения мировоззренческих установок в сообществе историков. Они обуславливались новыми процессами в интеллектуальной культуре стран Западной Европы, общенаучной революцией конца XIX - начала XX в., переосмыслением открытий в естественных науках и технологических изобретений, их опосредованным воздействием на гуманитарное знание. Ведущим методом познания в британской историогра-

фии оставался позитивизм в его оторванном от исторической социологии виде. Пересмотр ортодоксального позитивизма середины прошлого века, предпринятый **Дж. Бери** (1861-1927) одним из создателей Кембриджской школы историков, привел его к мнению о неприемлемости распространения на историю общесоциологических законов. Понятие закономерности сводилось им к установлению причинно-следственных связей в историческом процессе.

Дж. Бери учитывал значимость материальных и социальных факторов для развития общества. Однако он полагал, что ключевой фактор перемен следует искать в психологической сфере. При этом Бери подчеркивал определяющее воздействие индивидуальной воли на ход истории. Древняя, средневековая и новая история характеризовались Дж. Бери как определенные ступени во всемирно-историческом процессе, этапы "раскрытия духа", "эволюции мысли". Особо важное значение Бери придавал изучению новой истории (с конца XV в.) и считал возможным выделять последние 30-40 лет в отдельную фазу общественного развития - "новейшую" или "современную историю"¹.

Суждения Дж. Бери о содержании исторического процесса, в целом, совпадали с субъективистскими, релятивистскими умонастроениями британских историков 20-30-х годов. К тому времени многие историки-профессионалы разделяли тезис о необходимости изучения истории "ради нее самой". В конечном счете, это положение сводилось к задаче исследования единичного, уникального как основного компонента - слагасмого исторического прошлого. История выглядела особой областью знания, по отношению, к которой было невозможно применять методы познания, используемые в естественных науках. Индивидуализация "историческо-

¹ Selected Essays of J. B. Bury / Ed. H. Temperley. Cambridge, 1968. p. 9-10, 16-27, 32-38, 43-49, 55-59.

го метода" приводила сторонников подобного взгляда. (А. Поллард, Дж. Протеро, Дж. М. Тревельян и др.) к утверждению о большей близости истории к литературе и искусству, нежели к собственно науке. Использование британскими историками элементов позитивистского метода в сочетании с неокантианскими представлениями о специфике исторического познания придавало методологии истории черты эклектизма.

Поиск историками новых подходов к изучению прошлого обусловил появление в 30 -40-е годы философско-исторических трудов А. Дж. Тойнби и Р. Коллингвуда.

А. Дж. Тойнби. В 1934 г. в Великобритании вышла первая книга двенадцатитомной работы **Арнольда Джозефа Тойнби** (1889-1975) "Постижение истории"². Ее автор был хорошо известен в среде профессионалов своими трудами в области истории международных отношений. Тойнби получил классическое гуманитарное образование в Оксфорде и в Британской археологической школе в Афинах. В годы первой мировой войны начал заниматься общественно-политической деятельностью. В 1919 г. в составе британской делегации он участвовал в работе Парижской мирной конференции. Позднее стал преподавать историю международных отношений в школе экономики и политики Лондонского университета. В 1926 г. Тойнби возглавил научные исследования в Королевском институте международных отношений и занимал пост директора в течение тридцати лет.

Концепция всемирно-исторического процесса, основы которой были изложены в первых томах "Постижения истории", вышедших в 30-е гг., складывалась под влиянием научной революции рубежа XIX-XX вв. и первой мировой войны. Война 1914-1918 гг. соединила в общественном сознании прошлое и настоящее, переплела исторические судьбы различ-

² *Toynbee A. A Study of History. V. I. L., 1934.* (Русский перевод: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991).

ных культур. Она обусловила обостренное понимание А. Тойнби идеи общности, целостности и хрупкости развивающегося мира. Глубокие размышления о настоящем и будущем человечества побудили историка обратиться к системному сравнительно-историческому изучению прошлого. Избранный им культурно-исторический подход строился на основе анализа и сопоставления мирового социального опыта человечества и формировался с учетом открытий в европейской социологии, антропологии и истории конца XIX - первой трети XX века.

В методологии истории А. Тойнби соединились подходы, свойственные ортодоксальному позитивизму прошлого века и новейшему иррационализму и интуитивизму. Историком был введен в оборот огромный эмпирический материал, однако факты, приводимые в книге "Постижение истории", служили скорее иллюстрацией к априорно конструируемой схеме всемирно-исторического процесса, чем исходными данными для научных обобщений. В качестве базового элемента исторического развития Тойнби использовал понятие локальной цивилизации, которое предполагало установление определенных пространственно-временных параметров для народов и стран, объединенных общей духовной культурой. Историк подразделял цивилизации на первичные, вторичные и третичные. В соответствии с этой классификацией современный Тойнби мир складывался из пяти основных цивилизаций (западной, ортодоксальной христианской, исламской, индуистской, дальневосточной), каждая из которых унаследовала в себе черты предшествующих цивилизаций. Так, цепочка исторического развития западного общества у Тойнби выглядела следующим образом: эллинистическая цивилизация - западная цивилизация (I - 675-1075 гг.; II-1075-1475 гг.; III - 1475-1875 гг.; IV - с 1875-х гг.). Исторический прогресс связывался А. Тойнби главным образом с областью общественной психологии и морали и означал всемерное развитие человеческого духа, формирование

творческой гармонической личности.

Тойнби стремился выявить опосредованные связи между научно-техническим и технологическим прогрессом, с одной стороны, и духовным прогрессом в обществе, с другой. Историк полагал, что в новое время (с конца XV в.) развитие Западного мира определялось в основном становлением двух институтов - индустриальной системы в экономике и демократии в политике. Под последней понималось "парламентское управление в суверенном независимом национальном государстве".

Период с конца XV в. до 1875 г. А. Тойнби определял как процесс создания великих держав, каждая из которых претендовала на то, чтобы стать мировой. Это была эпоха утверждения национальных государств, отстаивавших свою целостность, самоценность, независимость от остального мира. Историк придавал огромное значение 60-70-м годам XIX в. как периоду перехода западной цивилизации в новое состояние, которое характеризовалось возрастанием общественной интеграции в экономической, политической и духовной сферах. По убеждению Тойнби, в конце XIX - начале XX в. национализм, распространяясь вширь и охватывая культурную среду малых народов, начал терять свое былое созидательное свойство формирования независимых государств. В то же время все заметнее обнаруживался процесс трансформации и распада великих держав, ускоренный первой мировой войной.

Отказываясь от свойственного британской академической историографии антропоцентризма и европоцентризма, он предлагал по-новому исследовать историю Великобритании как отдельной страны и как части целого. Тойнби полагал, что изучение истории британского общества и государства, воплотивших в себе наиболее существенные свойства западной цивилизации (индустриальность, парламентская демократия, национализм), возможно лишь при сопоставлении британской истории с социальным опытом других стран (в том числе принадлежащих к иным ци-

вилизациям) и с учетом того, что история Великобритании, как и других национальных государств, составляет часть истории более широкого сообщества³.

Глобальные культурно-исторические построения А. Тойнби оказали значительное воздействие на направление историографического процесса в XX в. Работа "Постижение истории" открывала возможности использования в историографии элементов позитивистской методологии в сочетании с новейшими методами исторического познания. Она способствовала преодолению в среде историков имперского высокомерия по отношению к небританской и несвропейским культурам.

Р. Дж. Коллингвуд. В отличие от Тойнби другой известный британский историк **Робин Джордж Коллингвуд** (1889-1943) выступил с критикой самих основ позитивистской методологии.

Получив классическое образование в Оксфорде, Коллингвуд в течение почти тридцати лет работал в университете в качестве преподавателя и профессора философии и античной истории. Был членом Лондонского общества антикваров и Британской академии. В занятиях археологией и древней историей Коллингвуд видел возможность выработки методов познания истории и изучения взаимоотношений истории и философии. В обобщенном виде его размышления о содержании истории были изложены в "Автобиографии" (1939) и в "Идее истории" (1946)⁴.

Коллингвуд полагал, что история представляет собой не последовательность единичных событий, скрепленных причинно-следственными связями, которая выглядит как закономерность, а процесс. Диалектическое развитие и изменение явлений в ходе этого процесса, составляет его суть. "Процессы - это вещи, которые не начинаются и кончаются, но превра-

³ *Toynbee A. A Study of History. V. 1, p. 20-27.*

⁴ *Collingwood R. An Autobiography. L., 1939; Idem. The Idea of History. L., 1946. (Русский перевод: Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980).*

щаются друг в друга", - утверждал Коллингвуд. "История ножиц и клясы", предлагаемая позитивистами начала XX в., не могла, по его убеждению, отразить многообразие исторической реальности и надлежащим образом служить будущему. Он призывал историков преодолевать "рабскую зависимость" от накопленных и традиционно трактуемых исторических фактов. Задачей исследовательского мышления, по его словам, было не пассивное наблюдение фактов, содержащихся в источнике, а творческий анализ информации, заложенной в нем. По мнению Коллингвуда, работа историка заключалась в том, чтобы оказывать помощь в диагностике моральных и политических проблем современного общества.

Концепция "исторического понимания", предлагавшаяся Р. Коллингвудом, в целом строилась на идеалистических основаниях. Исторический процесс в его представлении - это то, что доступно познанию, а познанию может быть доступно только мышление. "Всякая история, - писал Коллингвуд, - это история мысли... Нет ничего кроме мысли, что могло бы стать предметом исторического знания". Из этого рассуждения следовало, что историческое знание как таковое представляло собой лишь "воспроизведение в уме историка мысли, историю которой он изучает"⁵.

Критика вигско-либеральной концепции истории. В начале XX в. в национальной историографии Великобритании в целом сохранялась приверженность либеральной концепции истории. В соответствии с ней исторический процесс представлял как поступательное восхождение общества и государства по ступеням прогресса в ходе борьбы старого с новым, как неуклонное расширение представительной демократии и индивидуальной свободы. Эту концепцию в той или иной степени разделяли историки различных направлений в историографии - от консервативного

⁵ *Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. с. 122-128, 133-145, 152-158, 368-369, 378.*

до радикально-демократического.

Вместе с тем, в работах ряда известных историков 20-30-х годов наместилась тенденция к переосмыслению некоторых положений этой концепции (А. Тойнби, Р. Коллингвуд). Тогда же появились труды таких видных консервативных историков как Л. Нэмир, Г. Дэвис, Дж. Кларк. В них содержалась принципиальная критика викторианской интерпретации исторического прошлого Великобритании. Значительное влияние на направление британской историографии оказали критические работы преподавателя Кембриджского университета **Герберта Баттерфилда** (1900-1979) "Вигская интерпретация истории" (1931) и "Англичанин и его история" (1944)⁶.

Ко времени выхода в свет этих книг Г. Баттерфилд был известен исследованиями по европейской истории нового времени и истории международных отношений. Баттерфилд обозначил либеральную концепцию истории термином вигская. Он отнюдь не намеревался возродить ушедшую торийскую традицию в интерпретации истории. По утверждению Баттерфилда, вигизм (как историографическая традиция) выполнил свою задачу в историческом знании, дав британцам возможность осознать преемственность современного демократического общества с историческим прошлым. Не отрицая богатства познавательного опыта историков XIX в., Г. Баттерфилд стремился пересмотреть историческую концепцию в соответствии с изменившимися условиями общественной жизни. Он утверждал, что каждому поколению следует писать историю заново и указывал на огромную роль исследователя в приближении прошлого к настоящему. Вместе с тем, Баттерфилд считал необходимым освободить изучение истории от конъюнктурного подчинения современным ценностям.

Вигский взгляд на историю исключи-

⁶ *Butterfield H. The Whig Interpretation of History. L., 1931; Idem. The Englishman and his History. L., 1944.*

тельно через призму настоящего, отмечал Баттерфилд, привел к тому, что из истории стали произвольно отбираться факты, соответствовавшие априорной концепции исторического развития. В итоге история упрощалась и подгонялась под схему. Подобная интерпретация истории, писал Баттерфилд, "это результат абстрагирования вещей от исторического контекста и суждения о них в отрыве от их содержания, оценки этих вещей... с помощью прямой ссылки на настоящее". Он полагал, что понятия "прогрессивность" и "реакционность", содержавшие в вигской историографии моральную оценку, должны исчезнуть из лексикона историка-профессионала, которому следует занимать позицию беспристрастного наблюдателя в отношении событий прошлого (писать историю "ради нее самой"). Баттерфилд порицал историков за неверно задаваемые вопросы прошлому. Например, вместо того, чтобы спрашивать, кому мы обязаны нашей религиозной свободой, замечал Баттерфилд, следовало бы спрашивать, как возникли эти религиозные свободы.

Историк определял исторический процесс как переход от одного состояния вещей к другому путем столкновений, взаимодействий воли и побуждений индивидов и различных групп. Бессмысленно заниматься поисками "неумолимой логики истории", как это делали вигские историки, утверждал Баттерфилд. Суть исторического познания заключается в постижении всего многообразия уникальных элементов, соединение которых дает в истории неожиданные, причудливые результаты. Дело историка-профессионала состоит не в "формулировании общих истин или утверждений, претендующих на то, чтобы выглядеть всеобщими законами", а в скрупулезном изучении всей совокупности элементов, создающих разнообразие и изменение.

"История в действительности - это форма описательного произведения, которое сродни книгам о путешествиях", - полагал Баттерфилд. "Историк описывает

весь процесс, который лежит в основе изменения вещей... Он ни судья, ни присяжный. Историк находится в позиции человека, который призван дать свидетельство"⁷. Критические суждения Г. Баттерфилда содействовали ревизии наиболее устаревших положений вигской концепции истории и стимулировали становление новых тенденций в исторической науке Великобритании.

Политическая история. Изучение истории внешней политики Великобритании. В 20-40-е годы XX в. в структуре исторического знания произошли серьезные перемены. Несмотря на то, что господствующее положение в ней занимала политическая и конституционная история, постепенно упрочивались позиции экономической и социальной истории как отраслей исторической науки. В самой же политической историографии основное место принадлежало изучению истории внешней политики Великобритании - дипломатической, имперской и колониальной истории. Быстрое оформление этих исследовательских областей во многом обуславливалось результатами первой мировой войны и активностью национальных движений народов, входивших в состав Британской колониальной империи. Позже направление научных разработок в области истории внешней политики стало определяться изменением характера отношений между ведущими странами мира в 30-е годы, усилением опасности фашизма, вступлением Великобритании во вторую мировую войну.

Главные позиции в исследовании проблематики внешнеполитической истории принадлежали ученым Кембриджского и Лондонского университетов, где сложились традиции изучения дипломатической истории на основе критического анализа архивных и опубликованных источников. В период Первой мировой войны британское правительство установило тесные

⁷ *Butterfield H. The Whig Interpretation of History. N.Y., 1951. p. 10-14, 23-24, 30-32, 39-50, 67, 96, 129-132.*

контакты с рядом академических историков. На Парижской мирной конференции 1919 г. Г. Темперли, Р. Ситон-Уотсон, Ч. Уэбстер и другие университетские историки выступали в роли экспертов британской делегации.

В 1920-1924 гг. под редакцией Г. Темперли была издана шеститомная "История Парижской конференции", ставившая целью оправдать политику Великобритании в годы первой мировой войны и на мирных переговорах. Заинтересованность правительства в углубленном исследовании внешнеполитической проблематики нашла свое выражение в создании в 1920 г. Королевского института международных отношений. Основу института составили университетские историки. Фактически он стал выполнять функции научно-исследовательского центра, который работал с учетом заказов министерства иностранных дел. Преимущественное внимание в этом институте уделялось аналитическому изучению событий современной международной жизни.

В 1924 г. правительство поручило Г. Темперли и другому видному либеральному историку Дж. Гучу, руководившему Исторической ассоциацией, подготовить к изданию документы по предыстории первой мировой войны. Основная идея официальной одиннадцатитомной публикации "Британские документы о происхождении войны, 1898-1914", вышедшей в 1927-1938 гг.⁸, сводилась к тому, чтобы доказать вину Германии в развязывании мировой войны. Хотя отбор архивных источников для публикации был проведен весьма тенденциозно, тем не менее, сам факт издания дипломатических документов имел огромное значение для профессионального исторического знания. В научный оборот вводился массив архивных материалов из фонда министерства иностранных дел, таким образом, расширялась источниковая база для изучения событий недавнего

⁸ *British Documents of the Origins of the War. In 11 vols. L., 1927-1938 / ed. H. Temperley, G. Gooch.*

прошлого.

К тому же периоду относилось издание академической трехтомной "Кембриджской истории британской внешней политики", которая вышла в 1922-1923 гг. под редакцией А. Уорда и Дж. Гуча⁹. В подготовке коллективной работы принимали участие Ч. Уэбстер, Дж. Роуз, Дж. Клепэм. Она охватывала дипломатическую историю с последней четверти XVIII в. до Парижской конференции 1919 г. и строилась по принципу, характерному для предшествующих кембриджских научных изданий - как позитивистская "мозаичная" история. Эта работа базировалась на документальных источниках МИД и Государственного архива Великобритании. Каждый том был снабжен краткой библиографией. Подобного рода официальные издания выходили в Великобритании на протяжении всего межвоенного периода¹⁰.

Изменение политической конъюнктуры в 30-е годы повлекло смещение некоторых акцентов в трудах британских историков при освещении истории внешней политики европейских стран (Дж. Гуч, Г. Николсон и др.). Это выражалось, в частности, в стремлении представить англо-германские отношения в новом свете и переложить ответственность за возникновение Первой мировой войны на третьи страны¹¹.

В 20-30-е годы в историографии международных отношений началось формирование восточноевропейского и славянского направления исследований. Оно осуществлялось главным образом преподавателями Оксфорда и Школы славянских исследований, открытой в Лондонском университете в годы первой мировой войны. В межвоенный период деятельность историков и политологов этой шко-

⁹ *Cambridge History of British Foreign Policy / ed. A. Ward, G. Gooch. In 3 vols. Cambridge, 1922-1923.*

¹⁰ *Foundations of British Foreign Policy, 1792-1902 / ed. H. Temperley, L. Penson. L., 1938.*

¹¹ *Gooch G. Before the War: Studies in Diplomacy. In 2 vols. L., 1936-1938.*

лы расширилась за счет интенсивного изучения истории дореволюционной России и ее политики в Европе и на Дальнем Востоке. Важное место в Оксфордском и Лондонском университетах занимала разработка проблем истории стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы и их взаимоотношений с Великобританией. Становление этого исследовательского направления связано с именем **Р. Ситона-Уотсона**, профессора Лондонской школы славянских исследований, внесшего вклад в формирование национальной государственности Чехословакии, Венгрии, Югославии.

В 20-30-е годы продолжалось изучение проблем истории создания и упрочения Британской колониальной империи. Эта тематика исследовалась в Кембридже, Оксфордском университете на кафедре колониальной истории, в школе восточных исследований Лондонского университета. В этот период университетские историки выпустили в свет двенадцать томов исследований в серии "Британская империя" и начали издавать "Кембриджскую историю британской империи"¹².

Большая часть изысканий осуществлялась при прямом содействии государства. Исследование колониальной проблематики, в конечном счете, было подчинено целям оправдания британской экспансии и доказательства положительной роли Великобритании в истории культуры народов колониальных и зависимых стран.

Политическая история. Изучение британской истории XVII-XVIII вв. Значительное место в британской историографии 20-30-х годов уделялось исследованию проблем политической истории Англии XVII в. Профессиональная разработка истории Английской революции осуществлялась в русле сложившегося в середине прошлого столетия подхода, который воплощался в трудах С. Гардинера и Ч. Ферса. Трактровка революции в соот-

ветствии с либеральной концепцией истории сводилась к высокой оценке деятельности парламента, заложившего основы британской демократии в борьбе с неограниченной королевской властью.

Укрепление в британской историографии тенденции пересмотра вигской интерпретации истории повлияло на проблематику истории революции 1640-1660 гг. и Реставрации. В 1934 г. университетским издательством Оксфорда началось издание четырнадцатитомной "Оксфордской истории Англии". В подготовке этой работы принимали участие ведущие историки Великобритании. Главным ее редактором стал профессор **Дж. Кларк**. В томах "Оксфордской истории", посвященных новому времени, было заметно стремление авторов преодолеть сложившуюся историографическую традицию. В числе первых вышли работы Г. Дэвиса "Ранние Стюарты" (1937) и Дж. Кларка "Поздние Стюарты" (1934)¹³. В целом Г. Дэвис следовал хронологии и канве политических событий, принятых в историографии XIX в. Однако в книге была заметна попытка выйти за пределы рассмотрения Английской революции как религиозно-политического конфликта. Г. Дэвис подчеркивал необходимость воссоздания экономического и социального фона для более глубокого проникновения в проблематику политической истории Англии середины XVII в. и, в частности, понимания сущности пуританского движения и деятельности О. Кромвеля. Автор книги стремился избегать употребления термина "революция", отдавая дань ревизии вигизма в историографии.

Подобный подход к эпохе революции был характерен и для Дж. Кларка. Его работа "Поздние Стюарты" была логическим продолжением книги "Семнадцатый век"

(1929)¹⁴. Как и Дэвис, он включал в политическую историю XVII в. сюжеты из социально-экономической и культурной жизни Англии. Кларк предлагал читателям заново осмыслить канонические для либеральной историографии темы истории революции, давал новую оценку "Славной революции" как достижения политического торизма.

Значительный вклад в изучение политической истории Великобритании XVIII в. внес Л. Б. Нэмир. **Льюис Бернштейн Нэмир** (1888-1960) - видный историк консервативного направления - вошел в историю исторической науки не только как один из серьезных критиков традиционной викторианской историографии, но и как новатор в технике изучения источников, методике исторического исследования.

Нэмир происходил из семьи иммигрантов. После завершения учебы в Лондонской школе экономики и Оксфорде он стал университетским преподавателем. В течение двадцати лет Нэмир занимал кафедру новой истории Манчестерского университета. В тот период им были написаны работы по политической истории Англии и истории европейской дипломатии нового времени. Наибольшую известность Нэмиру создали книги "Политическая структура при восшествии на престол Георга III" (1929) и "Англия в эпоху американской революции" (1930)¹⁵.

Эпоха правления короля Георга III долгое время оставалась "забытым" периодом в британской историографии. Его серьезное изучение началось лишь в первые десятилетия XX в. Опираясь на тщательное исследование источников, Нэмир подверг аналитическому рассмотрению систему политической власти в Великобритании в 60-70-е годы XVIII в., показал рыхлость формировавшейся двухпартий-

ной системы, сложность внутривластных отношений у вигов и тори, ограниченные масштабы власти британского монарха.

Историк опроверг одно из важнейших положений вигской концепции истории о том, что в XVIII веке в стране происходил поступательный процесс укрепления институтов парламентской демократии. Он отрицал, что внутривластная борьба была соревнованием продуманных программ организованных партий. Нэмир утверждал, что политические деятели того времени руководствовались больше своими личными интересами и амбициями, нежели определенными идеологическими установками. Он показал размах коррупции правительства и аристократии, циничную борьбу представителей обеих политических группировок за доходные места. Однако историк был далек от мысли давать поведению политических деятелей тех дней какую-либо моральную оценку. Свою исследовательскую задачу он видел в другом, - установить, "как это было, выявить важнейшие мотивационные факторы человеческого поведения". Л. Нэмир учитывал, прежде всего, комплекс психологических факторов, влиявших на действия людей. Политические идеи представлялись ему своеобразным обоснованием эгоистического поведения индивидуумов. Стремясь понять, как выглядела и работала парламентская система XVIII в., Нэмир использовал новую технику исследования - структурный количественный анализ основных компонентов этой системы, ее мельчайших деталей и функционирования.

Историк взял на вооружение метод просопографии (коллективной биографии), который в британской историографии до того времени не применялся. Собирая свидетельства о жизни, карьере, социальных связях, поведении отдельных членов парламента, Нэмир исследовал механику политического управления, состав палаты общин, сам электоральный процесс. Он рассматривал структурный количественный метод как возможность преодолеть любительство в отечественной историографии. Высокий профессиона-

¹⁴ Clark G. The Seventeenth Century. Oxford, 1929.

¹⁵ Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III. L., 1929; Idem. England in the Age of the American Revolution. L., 1930.

¹³ The Oxford History of England. Gen. ed. G. Clark. In 14 vols. Oxford, 1934; Davies G. The Early Stuarts, 1603-1660. Oxford, 1937; Clark G. The Later Stuarts, 1660-1714. Oxford, 1934.

¹² The Cambridge History of British Empire. In 8 vols. Cambridge, 1929-1959. V. 1. Makers of Empire / ed. H. Gunn. 1924.

лизм историка, новаторство исследовательской методики, парадоксальность выводов, - все это обеспечило успех работам Нэмира и содействовало формированию школы его последователей в 30-40-е годы.

Формирование экономической истории. В начале новейшего времени все большее место в структуре исторического знания стала занимать экономическая история как область исследований и как подход к изучению прошлого. Вслед за созданием в 1920 г. кафедры экономической истории в Манчестерском университете аналогичные кафедры были открыты в Лондонском университете (1921), Кембридже (1928), Оксфорде (1931). Оформление экономической истории как академической дисциплины в 20-30-е годы связано с именами таких университетских историков-профессионалов как У. Эшли, Дж. Энвин, Дж. Клепэм, Р. Тоуни, Т. Эштон, Е. Липсон.

Первым профессором экономической истории в Кембридже стал Дж. Клепэм, в Оксфорде - Дж. Кларк. В 1926 г. образовалось Общество экономической истории, которое возглавлял бирмингемский профессор У. Эшли. Созданию общества сопутствовал выпуск с 1927 г. научного журнала "Экономико-историческое обозрение" ("Economic History Review"). Организация Общества экономической истории и журнала ускорили размежевание экономической истории и "исторической экономики" - отрасли политической экономики, которая сформировалась в Европе последней трети XIX в. на волне критики классической политэкономии. Историки 20-30-х годов, посвятившие себя исследованию сюжетов экономической истории, расходились в понимании ее предмета и методов изучения. Одни рассматривали ее как область науки, находящуюся на стыке политэкономии и истории и предлагали развивать ее в русле "исторической экономики". Другие отрывали эту дисциплину от теории и стремились придать ей сугубо прикладной характер, используя методики технических и естественных наук. Большинство ученых видели в экономиче-

ской истории самостоятельную исследовательскую область. Экономическая история определялась ими как перспективная отрасль социальных наук и фундамент исторического знания.

Содержание дискуссий по поводу существования экономической истории и ее положения в историографии в значительной мере обуславливалось воздействием на академическую среду марксистской политической экономии и социологии.

Складывание социальной истории. Пересмотр вигской политико-конституционной историографической традиции способствовал выработке более широкого взгляда историков на прошлое. Оформление экономической истории в британской историографии первой трети XX в. стимулировало рождение социальной истории как автономной области исторического знания.

В то время большая часть профессионалов не проводила четкой границы между экономической и социальной историей, отводя последней роль "младшей сестры". Так, Дж. Клепэм, один из наиболее авторитетных экономических историков, выражая мнение своих коллег, утверждал: "Поскольку основными заботами общества всегда были и остаются заботы экономические, постольку большая часть социальной истории представляет собой просто экономическую историю"¹⁶.

Социальный аспект присутствовал в работах экономических историков в основном как фон или дополнение к изучаемым вопросам. Проблемы социально-экономической истории рассматривались ими в рамках социальных наук, связанных с потребностями британского общества и государства. Политизация экономической и социальной истории нашла организационное выражение в создании Национального института экономических и социальных исследований, который был образован в 1938 г. в Лондоне при содействии

¹⁶ Clapham J. H. Economic History as a Discipline/ Encyclopedia of the Social Science / ed. E. Seligman. N.Y., 1930-1934. V 5. p. 329.

правительства.

Несколько иначе трактовалось содержание социальной истории в работах либеральных и радикально-демократических историков, которые группировались в основном вокруг Лондонского университета (школы экономики и политики). Историки, связанные с Лондонской школой экономики (Б. и Дж. Хэммондн, С. и Б. Веббн, Р. Тоуни, Дж. Коул), подразумевали под социальной историей быт, положение, поведение низших слоев общества в различные исторические эпохи.

Их исследования положили начало систематическому изучению в британской историографии истории отношений предпринимателей и работников по найму, фабричных и сельскохозяйственных рабочих, их организаций, истории социальных движений в раннее новое время и в период промышленной революции. Выдвижение в историческом знании 20-30-х годов на первый план вместо "героических" сюжетов политической истории тем обыденной жизни, смещение акцентов от изучения истории государственных и общественных институтов к истории повседневности, повышение массового спроса на книги по истории британской культуры обусловили появление более емкого толкования социальной истории.

Подобный взгляд на историю через призму обыденности человеческого существования нашел яркое воплощение в работе известного кембриджского историка Дж. М. Треvelyяна "Социальная история Англии"¹⁷. В его представлении структура исторического знания складывалась из трех основных компонентов - экономической, социальной и политической истории. В этой системе социальная история составляла главное звено, связывавшее две другие области историографии.

Дж. М. Треvelyян трактовал предмет социальной истории предельно широко. Он полагал, что сфера социальной истории - это "повседневная жизнь населения

¹⁷ Trevelyan G. M. English Social History. L., 1944.

данной страны в прошедшие времена; она охватывает как общечеловеческие отношения, так и экономические отношения разных классов друг к другу, характер семейных отношений, домашний быт, условия труда и отдыха, отношение человека к природе, культуру каждой эпохи, возникшую из этих общих условий жизни и принимавшую непрерывно менявшиеся формы в религии, литературе и музыке, архитектуре, образовании и мышлении"¹⁸. Дж. М. Треvelyян предлагал изучать социальную историю, как и всю историю в целом, в русле "чистой" историографии, родственной по духу и смыслу искусству и литературе.

Во второй половине 30-х годов область социальной истории расширилась за счет включения в нее локальной истории. В трудах по локальной истории содержались целостные культурно-исторические характеристики местного общества (города, графства, региона).

Английская революция в работах экономических и социальных историков. Повышение внимания историков либерального и радикально-демократического направлений к экономической и социальной истории обусловило разработку и формирование нетрадиционных подходов к изучению вопросов британской истории XVII-XIX в. В то же время декларированный либеральными историками отказ от вигизма в историографии по сути дела не изменил главные идейные ориентиры представителей этого направления. Динамика экономической и социальной жизни Великобритании в новое время по-прежнему описывалась с помощью апробированных категорий "роста", "достижений", "успеха".

При всей новизне избираемых тем, сюжетов, подходов историков либеральной и радикально-демократической ориентации оставались верны профессиональной историографии. В целом они разделяли позитивистскую идею поступательного

¹⁸ Треvelyян Дж. Социальная история Англии. М., 1959. с. 15.

прогресса. Их внимание к истории общественных организаций, политических партий, социальных движений во многом определялось установками на значимость исследования институтов и механизмов демократии.

Неудовлетворенность экономических историков политико-конституционной трактовкой Английской революции породила стремление к интерпретации этого исторического события с учетом изменений в материальной, хозяйственной жизни Англии раннего нового времени. Начало было положено работой "Аграрная проблема в XVI столетии", вышедшей в 1912 г. Ее автор - преподаватель в Оксфорде, а затем профессор Лондонского университета **Ричард Тоуни** (1880-1962) поставил задачу детально исследовать социально-экономические предпосылки революционной эпохи.

В 20-е годы он обратился к изучению проблематики социально-экономической истории Великобритании XVIII-XIX в., уделяя особое внимание переменам в английском обществе в связи с наступлением торгового и промышленного капитала. Он принимал также деятельное участие в разработке программных документов Лейбористской партии.

В 1926 г. Тоуни опубликовал свой наиболее важный труд "Религия и рост капитализма". В нем подвергался критике тезис, выдвинутый немецким социологом М. Вебером о том, что протестантизм с его повышенным интересом к вопросам этики и личного преуспевания содействовал рождению капитализма. В своей работе Р. Тоуни доказывал, что капитализм возник независимо от этого феномена и протестантизм адаптировался к капиталистическому развитию, выражая себя в процессе этого приспособления достаточно самостоятельно и противоречиво.

В 1941 г. в журнале "Экономико-историческое обозрение" Р. Тоуни была опубликована статья "Подъем джентри,

1558-1640"¹⁹, в которой на обширном статистическом материале было показано формирование в английском обществе кануна революции социальной группы нового дворянства. Автор обратился к изучению экономических корней Английской революции, увязывая ее причины с процессом становления капиталистического хозяйства новых дворян. Постановка проблемы взаимосвязи экономической и политической власти в статье Р. Тоуни позднее, в послевоенные годы, стала предметом острого научного спора в британской историографии.

Обращение к социально-экономической проблематике раннего нового времени было характерно и для тех профессиональных историков, которые придерживались марксистской методологии. В 1938 г. **А. Л. Мортон** предпринял попытку написать краткую историю Британии с марксистских позиций. Очерк национальной истории, содержащийся в этой книге, во многом строился на основе концепций позитивистской либеральной и радикально-демократической историографии XIX в.

Автор сосредоточил внимание главным образом на процессе экономического развития британского общества, отмечая неизбежность слома отживших социально-политических отношений на рубеже средневековья и нового времени. В построении А. Мортон Английская революция середины XVII в. выглядела как рубеж двух исторических эпох²⁰. Сходная точка зрения была высказана в небольшой научно-популярной работе молодого историка Кристофера Хилла "Английская революция", вышедшей в 1940 г. События 1640-1660 гг. трактовались в ней как буржуазная революция, знаменовавшая собой начало смены феодальной формации капи-

¹⁹ Tawney R. Religion and the Rise of Capitalism. L., 1926; Idem. The Rise of the Gentry, 1558-1640 // Economic History Review. 1941. V.II. №1.

²⁰ Morton A. L. A People's History of England. L., 1938. (Русский перевод: История Англии. М., 1950).

талистической.

Изучение проблем промышленной революции в Англии. Либеральные и радикально-демократические историки первой трети XX в. проявляли значительный интерес к периоду промышленной революции. В начале XX в. понятие "промышленная революция", широко употреблявшееся в леволиберальной историографии (в трудах Веббов и Хэммондов), подразумевало качественное преобразование социальных отношений в конце XVIII-первой половине XIX в. В 20-30-е годы либеральные историки, которых не удовлетворяла традиционная вигская интерпретация истории, поставили под сомнение это понятие. Инициаторами пересмотра стали экономические историки Г. Си, Дж. Клепэм, Дж. Неф, которые утверждали, что экономические изменения в истории никогда не были ни внезапными, ни революционными. Эти перемены возникали постепенно, естественно, в процессе эволюции.

В частности, эта мысль содержалась в фундаментальной, основанной на многочисленных источниках, трехтомной работе кембриджского историка **Джона Клепэма** (1873-1946) "Экономическая история Великобритании"²¹. В ней развевалась панорама экономической жизни общества на протяжении XIX - начала XX в. В этой работе Клепэм трактовал экономическую историю как "отрасль общей институциональной истории". Автор исследовал экономические аспекты деятельности общественных институтов Великобритании, детально рассматривая историю основных отраслей промышленности, транспорта, торговли, банковского дела. При этом он стремился избежать употребления понятия "промышленная революция".

В "Экономической истории", равно как и в других своих работах первой половины XX в. Дж. Клепэм отстаивал положение о "методологической определенности" экономической истории, которая, по его

²¹ Clapham J. H. An Economic History of Modern Britain. In 3 vols. L., 1926-1938.

убеждению, базировалась на беспристрастном количественном анализе. Дж. Клепэм подверг критике тезис леволиберальной и радикальной историографии о снижении жизненного уровня работающих по найму в процессе формирования фабричного производства. Именно эта мысль последовательно проводилась в трудах Веббов и была продолжена в книгах Дж. и Б. Хэммондов ("Городской рабочий", 1917 г., "Квалифицированный рабочий", 1919 г.²²). Клепэм утверждал, что индустриализация привела не к снижению, а, наоборот, к возрастанию уровня жизни наемных работников.

Проблематика "рабочей истории". Дж. Д. Г. Коул. Изучение леволиберальными и радикально-демократическими историками социальных последствий промышленной революции совершалось в 20-30-е годы в русле фабианской традиции, которая была заложена С. и Б. Веббами и продолжена Хэммондами. В тот период выходило множество мемуаров деятелей рабочего движения XIX - начала XX в., обобщающих работ о происхождении тред-юнионов и экономическом положении различных групп трудящихся по найму. Интерес историков к социальным аспектам промышленной истории Великобритании обусловил формирование самостоятельной области социально-экономических исследований "рабочей истории".

Наибольшую известность в 20-30-е годы в разработке проблематики "рабочей истории" получили работы **Джорджа Дугласа Говарда Коула** (1889-1959) - профессора Оксфордского университета, социалиста, принадлежавшего к левому крылу лейбористской партии, одного из поборников гильдейского социализма в Великобритании. Дж. Коул был автором трудов по экономике, социологии, политологии, истории общественной мысли. В профессиональную британскую историографию он вошел как талантливый эконо-

²² Hammond J., Hammond B. The Town Labourer. L., 1917; Idem. The Skilled Labourer. L., 1919

мический и социальный историк. Его перу принадлежали научно-популярные биографии Р. Оуэна, У. Морриса, У. Коббета, Кейр Гарди, К. Маркса.

К разработке проблематики "рабочей истории" Дж. Коул обратился в процессе раздумий об истории британского общества и государства в XIX - начале XX в., о содержании социалистического идеала. Известность Коулу снискали его книги по истории рабочего движения ("Краткая история английского рабочего движения", 1925-1927 гг.; "Простые люди", 1938; "Портреты чартистов", 1941). В трудах этого историка содержалась целостная концепция становления фабричного пролетариата в тесной связи с качественными переменами в экономической жизни и социальной структуре британского государства. Основные этапы этой истории хронологически были представлены следующим образом: 1) последняя треть XVIII в. - 1848 г. - период рождения индустриального рабочего класса, характеризовавшийся попытками слепого бунта против "новой промышленной системы", 2) 1848-80-е гг. XIX в. - период адаптации промыш-

ленных рабочих к капиталистическим, условиям производства и буржуазному государству, создание профсоюзов и кооперативных организаций для защиты своих прав; 3) 80-е гг. - первая мировая война - укрепление самосознания рабочего класса и тред-юнионизма, распространение социализма в среде пролетариата, образование самостоятельной политической партии.

Трактовка Коулом социализма как последовательного расширения политической и экономической демократии, расширения общественной собственности, кооперации и социального планирования сочеталась с этическим пониманием этого идеала. Коул предполагал переход общества к социализму через установление социальной справедливости, распространение образованности и культуры. Он оптимистически оценивал возможности организованного рабочего движения в рамках социал-реформизма. Его концепция "рабочей истории" оказала значительное влияние на европейскую социал-демократию середины XX века.

Глава 4

Германская историография в 1918-1945 гг.

Проблема преемственности или разрыва с прошлым.

Условия развития исторической науки. Первая мировая война закончилась для Германии поражением и Ноябрьской революцией, в огне которой родилась Веймарская республика. Были завоеваны важные буржуазно-демократические свободы и социальные права трудящихся. Однако основы экономического и политического господства монополистического капитала остались неприкосновенными.

Сохранилось и крупное юнкерское землевладение.

Тяжелое поражение и условия Версальского мирного договора существенно ослабили международные позиции Германии. Уровень промышленного производства снизился по сравнению с 1913 г. почти на половину. Монополии стремились с помощью методов государственного регулирования возложить основные тяготы

восстановления хозяйства и репарационных платежей на плечи трудящихся, страдавших от невиданной в истории Германии инфляции. Растущее обнищание масс в годы послевоенного революционного кризиса вело к усилению социальной напряженности в стране.

После поражения революционного рабочего движения в 1923 г. и стабилизации промышленно-финансового положения начался экономический подъем. Усиленный приток иностранных, прежде всего американских, капиталов в Германию способствовал рационализации производства и развитию передовой технологии. Ускорился процесс концентрации производства и капитала. Германские монополии сумели восстановить свои позиции на мировом рынке. К началу 1929 г. Германия вновь заняла второе место среди индустриальных держав мира после Соединенных Штатов Америки.

Но в конце этого же года разразился мировой экономический кризис, принявший в Германии особенно разрушительный характер. К осени 1932 г. промышленное производство снизилось почти вдвое и было отброшено к уровню 1918 г. Безработица достигла 7,5 млн. человек или почти 45% лиц наемного труда. Началось массовое разорение и банкротство тысяч мелких предприятий ремесла и торговли. Озлобленные массы мелкой буржуазии, проникнутые реваншистскими, антисоциалистическими и антикапиталистическими настроениями, резко качнулись вправо, в сторону растущей, как на дрожжах, национал-социалистической партии, способной на самую виртуозную социальную демагогию.

Экономический кризис перерос в политический, слабая парламентарно-демократическая система республики оказалась в параличе. Реакционные круги финансового капитала усмотрели выход из опасной ситуации в установлении нацистской диктатуры и подготовке новой войны. Расколотый между социал-демократами и коммунистами пролетариат Германии не смог оказать сопротивления. В январе

1933 г. рейхсканцлером Германии стал Адольф Гитлер.

В стране воцарился жестокий террористический режим, развязавший в 1939 г. вторую мировую войну. Попытка германского нацизма еще раз повернуть вспять колесо истории и установить свое мировое господство принесла народам неисчислимые бедствия, стоила более 55 миллионов человеческих жизней.

Состояние исторической науки. Крах кайзеровской империи поверг немецких историков в состояние шока. Прежний мир был потерян: историки оказались перед выбором - либо принять и поддержать новорожденную республику, либо бороться против нее и добиваться восстановления монархии. Поэтому отношение к Веймарской республике стало основополагающим для разделения историографии на отдельные направления: консервативных ее противников, либеральных, леволлиберальных и демократических сторонников.

Многие прежние концепции германской историографии оказались дискредитированными. Но радикального разрыва с прошлым не произошло. Наоборот, большинство историков стремилось сохранить преемственность традиций и возродить "национальное самосознание" как непременную предпосылку восстановления внешней мощи и внутренней стабильности германского государства. Общей чертой немецких историков стало отклонение тезиса о главной ответственности Германии за развязывание мировой войны, идеологическая борьба против Версальского договора, требование возвращения территорий бывшей Германской империи.

Внешне историография оставалась процветающей академической наукой. Если в 1920 г. в 23 германских университетах (после войны были созданы университеты в Гамбурге и Кёльне) работало 206 историков, среди них 90 ординарных профессоров, то в 1931 г. их число увеличилось до 238 профессоров и доцентов. На этот же год в высших учебных заведениях обучалось 104 тысячи студентов, из них 4,9 тыс. изучали историю как основной

предмет, а 3,6 тыс. - как второй предмет. Влияние историков выходило далеко за пределы университетов, в стенах которых они готовили будущих учителей гимназий, воспринимавших и передающих их идеи немецкой молодежи.

В веймарской Германии не существовало общенационального центра исторических исследований, научные учреждения и университеты находились в ведении отдельных земель. Университеты сохранили традиционную автономию, все вопросы преподавания и научных исследований решали сами ординарные профессора, не заинтересованные, поэтому, в централизации исторической науки. К тому же, философские факультеты, куда входили исторические кафедры и семинары, стали оплотом антиреспубликанской оппозиции. Они отвергали попытки веймарской администрации увеличить число лояльных профессоров путем создания новых кафедр. Лишь с большим трудом властям удалось, например, создать в Берлинском университете в 1922 г. кафедру истории социализма, демократии и политических партий, руководителем которой стал близкий к социал-демократии Г. Майер.

Поддержавшие республику историки, кроме Берлина, имели достаточно прочные позиции также в университетах Гейдельберга, Лейпцига, Франкфурта и Киля. В большинстве других, куда в число прочих входили знаменитые университеты Бонна, Фрейбурга, Галле, Гёттингена, Йены, Кенигсберга, Мюнхена, Тюбингена, тон задавали консервативно-националистические противники Веймара, несмотря на то, что властям удалось отправить в начале 20-х годов на пенсию самых открытых и агрессивных врагов республики - пангерманских профессоров Д. Шефера, Г. Белова, Р. Фестера.

В методологическом отношении большинство историков оставалось на позициях идеалистического немецкого историзма с его культом индивидуального и абсолютизации идиографического метода. Они по-прежнему с подозрением и недоверием

относились к социологии и стремились воспрепятствовать ее утверждению в университетах. Тем не менее, в 1919 г. первые кафедры социологии появились в университетах Кёльна и Франкфурта, в 1923 г. кафедра социологии была организована и в Берлине.

Среди крупных историков старшего поколения лишь Отто Хинтце и Курт Брейзиг стремились использовать социологические теории и метод типологизации в историческом исследовании. Однако Хинтце после войны не создал крупных произведений, а обосновал необходимость сближения истории и социологии в целом ряде блестящих рецензий и статей, где разобрал взгляды М. Вебера, Э. Трёльча, М. Шелера, Ф. Оппенгеймера, О. Шпенглера. Что же касается Брейзига, в 1923 г. получившего в Берлинском университете, несмотря на сопротивление факультета, профессию по "социологии и всеобщей исторической науке", то его многотомные работы по глобальной истории становления человечества были встречены академической историографией гробовым молчанием. Историки отвергали политическую левизну социологов и с негодованием воспринимали позитивистские и, тем более, материалистические черты их концепций. Созданный в 1919 г. Кёльнский институт социальных наук воспринимался ими как рассадник марксизма и материализма.

После войны увеличилось количество исторических и историко-политических журналов, ведущим среди которых оставался мюнхенский "Исторический журнал" (*Historische Zeitschrift*), руководимый Ф. Мейнке. Наряду с ним известное влияние завоевали новые издания - "Архив политики и истории" (*Archiv für Politik und Geschichte*), "Немецкий кварталник литературно-духовной истории" (*Deutsche Vierteljahresschrift für Literatur- und Geistesgeschichte*), библиографические "Годовые отчеты по немецкой истории" (*Jahresberichte für Deutsche Geschichte*), "Немецкая политика" (*Deutsche Politik*) и "Журнал политики" (*Zeitschrift für Politik*).

Старые и новообразованные исторические учреждения и комиссии осуществили в эти годы публикации важных источников. Специально для издания источников по новой истории Германии в 1928 г. была организована Имперская историческая комиссия, выпустившая до 1939 г. восемь томов документов по внешней политике Пруссии¹. Активную работу по изданию источников вела Историческая комиссия Баварской Академии наук, под эгидой которой вышло 28 томов документов по немецкой истории XIX-XX вв.² Видный либеральный историк Г. Онкен издал источники по рссийской политике императора Наполеона III и документы по предстории и созданию немецкого Таможенного Союза³. Обработав архив Ф. Лассалья, Г. Майер опубликовал шесть томов его неизвестных произведений и писем⁴. Много шума наделала обнаруженная и изданная Майером переписка Лассалья и Бисмарка, со всей определенностью показавшая, что между ними имела договоренность о совместных действиях в деле объединения Германии.

Но самой значительной публикацией источников стали изданные министерством иностранных дел дипломатические документы "Большая политика европейских кабинетов, 1871-1914"⁵. В удивительно короткое время, за шесть лет, в свет вышла огромная публикация из 40 томов (54 книги), включавших почти 16 тысяч документов. Важным психологическим преимуществом было и то, что германское правительство первым открыло столь большое количество документов из тай-

¹ Die auswärtige Politik Preußens 1858-1871, 8 Bde. Oldenbourg, 1932-1939.

² Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts, 28 Bde. München. Издание продолжает выходить и ныне превысило 60 томов.

³ Die Rheinpolitik Kaiser Napoleon III., 3 Bde. Stuttgart. 1926; Vorgeschichte und Begründung des Zollvereins, 3 Bde. Berlin, 1934.

⁴ Lassalle F. Nachgelassene Briefe und Schriften. 6 Bde. Berlin, 1919-1925.

⁵ Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1871-1914, 40 Bde. Berlin, 1922-1927.

ных дипломатических архивов. Выход первых томов был встречен яростными нападками правых группировок, опасавшихся ущерба престижу Германии. Но вскоре стало очевидно, что избранный издателями "Большой политики" принцип публикации документов не по хронологическому, а по тематическому плану не столько проясняет, сколько затушевывает агрессивную политику Германии. Многочисленные купюры и целенаправленные обширные комментарии вели к оправданию внешней германской политики и стремились доказать невиновность Германии в развязывании мировой войны.

Съезды Союза историков. Такую же политическую направленность показали все пять съездов Союза немецких историков, состоявшихся в период Веймарской республики. Они проходили под знаком двух главных проблем - ответственность за войну и вопрос об Австрии, потерявшей свои славянские и венгерские владения и ставшей чисто немецкой, которую теперь можно было вернуть в лоно единой Германии.

Съезды показали также, что историческая наука потеряла часть своего авторитета и обнаружила банкротство многих концепций, за что подвергалась критическим нападкам со стороны либерально-демократической прессы.

Еще одним неожиданным новым противником академической науки выступила многочисленная и шумная, популярная "историческая беллетристика". В книгах ее лидера Эмиля Людвига о Бисмарке, Вильгельме Втором, Наполеоне, в произведениях П. Виглера о Вильгельме I, В. Хегемана о Фридрихе II и Наполеоне, Г. Ойленберга о Гогенцоллернах, написанных живо и увлекательно, показывался истинный облик этих исторических деятелей, правда, с явным уклоном в сторону психологизма. Историческая беллетристика, выходявшая массовыми тиражами, имела такой читательский успех, что в рецензии "Исторического журнала" с ужасом отмечался тот факт, что некий известный прусский генерал был застигнут, ко-

гда он с увлечением читал книгу Людвиг. Негодование историков вызывали не столько действительно уязвимые с позиции научной критики стороны исторической беллетристики, сколько присущая этим книгам "совершенно определенная демократически-социалистическая тенденция" и "ненависть их авторов к бисмарковско-кайзеровской империи"⁶.

В унаследованном от прошлого антидемократическом духе немецкой историографии проявилась теперь тенденция к более открытой, чем прежде, политизации. Уже на франкфуртском съезде 1924 г., подчеркивалось, что при сохранении научного характера Союза историков сейчас возникло особое "тесное родство со сферой политики". Реваншистскую окраску имело приветствие съездом создания в 1920 г. при Франкфуртском университете Научного института Эльзас-Лотарингии и надежда, что институт непременно вернется в "старый германский университет Страсбурга". После главного доклада лейпцигского историка Э. Бранденбурга "Причины мировой войны" съезд принял резолюцию, объявившую "чудовищной ложью" тезис о единоличной ответственности Германии в развязывании войны.

Для съезда 1926 г. был демонстративно избран Бреслау как "форпост германизма на Востоке", а все его основные доклады в той или форме подчеркивали исконно немецкий характер восточных провинций Пруссии.

Съезд 1927 г. в Граце обсуждал не менее острую проблему возвращения Австрии в единое германское государство. В его докладах упор был сделан на "историческую общность и единое будущее обеих стран".

Последние съезды веймарского периода в Галле (1930) и Гёттингене (1932) проходили в условиях экономического кризиса и политической нестабильности. Проникнутые националистическим духом, они изобиловали, прежде всего, антифранцуз-

скими выступлениями. В Гёттингене группа молодых остфоршеров (ученые, изучающие Восточную Европу) выступила с открытой пропагандой немецкой колонизации на Востоке. Даже далекие от современности доклады по археологии доказывали, что уже с начала железного века восточные территории Пруссии были заселены германскими племенами.

Консервативная историография. Задающее тон в германской историографии консервативное направление не признавало республику как законную форму государства, объявляя эту систему "импортированной с Запада" и глубоко чуждой немецкой сущности. Считая демократию и парламентаризм величайшей социально-политической опасностью для современности, консерваторы неустанно пропагандировали возврат к авторитарным формам правления или даже к восстановлению монархического режима. Заметную роль в их исторических представлениях стала играть антикапиталистическая демагогия, выраженная в требованиях создания "народного сообщества" под эгидой сильной государственной власти, защищающей трудящихся и средние слои от своекорыстного эгоизма крупных капиталистов и банкиров еврейского, прежде всего, происхождения.

Особенно показательной в этом отношении была эволюция **Вернера Зомбарта** (1863-1941) в сторону социально-консервативных позиций. Он превратился в идеолога средних слоев, пропагандиста особого немецкого пути развития, противника индустриализма, требовавшего возродить социально-экономические ценности доиндустриального прошлого. Классическим произведением социально-консервативной историографии стала книга Зомбарта "Пролетарский социализм"⁷, направленная против марксизма и либерализма.

В последнем своем крупном произведении "Немецкий социализм" Зомбарт

стремился указать выход из "пустыни экономического века"⁸. Автор защищал идею автаркии, предлагал ликвидировать крупные предприятия и возродить мелкое ремесло и сельское хозяйство. Капитализм с его конкуренцией и стремлением к прибыли был изображен как порождение дьявола. По мысли Зомбарта, лучше всего было бы зачеркнуть последние полтора века и снова начать с эпохи просвещенного абсолютизма. Теперь он разочаровался в своей прежней апологии капитализма и, мучительно раздумывая о будущем, в 1933 г. писал: "Были ли напрасны мои жизнь и творчество, как мне иногда кажется, или же имели все-таки смысл, может определить только будущее"⁹.

Изучая историю Германии нового времени, консерваторы противопоставляли кайзеровскую империю и Веймарскую республику. Основание империи они рассматривали как "ослепительный восход солнца, позолотивший полвека немецкой истории", Веймарская республика казалась "темной долиной, которую нужно покинуть как можно скорее"¹⁰. Консерваторы резко отвергали любую критику Бисмарка, рассматривая это как антинациональное кощунство.

Тюбингенский историк **Адальберт Валь** (1871-1957) в книге "Германская история от основания империи до начала мировой войны" проводил линию преемственности от освободительной войны 1813 г. до объединения Германии под эгидой Пруссии. Валь объявлял империю вершиной немецкой истории и критиковал преемников Бисмарка за ошибки, приведшие к изоляции Германии.

Другой тюбингенский профессор **Иоганнес Галлер** (1865-1947) в книгах "Эра Бюлова" (1922) и "Эпохи германской истории" (1923) показал приверженность

пруско-юнкерской традиции. Он резко осуждал быструю индустриализацию Германии, приведшую к формированию сильного рабочего класса. Галлер обвинил канцлера Бюлова в форсированном строительстве военно-морского флота, что повлекло за собой обострение отношений с Англией. Считая идеалом государства военно-бюрократическую систему Пруссии, Галлер утверждал, что естественным направлением германской внешней экспансии должен был быть восток Европы, прежде всего - Польша, Прибалтика, запад России. Книги Галлера пользовались большой популярностью среди молодежи из-за их хорошего литературного стиля и вносили весомую лепту в поддержание националистических и реваншистских настроений.

Восходящим светилом консервативной историографии был представитель нового поколения, фрейбургский профессор **Герхард Риттер** (1888-1967), с достаточной лояльностью относившийся к республике. Исследуя англо-германские отношения на рубеже XIX-XX вв., Риттер верно отметил глубину их противоречий и убедительно показал, что распространенный среди историков тезис о возможности союза с Англией - это не более чем красивая легенда¹¹. Но сам Риттер объяснял невозможность такого союза не объективным обострением межимпериалистических противоречий, а извечными геополитическими факторами и принципиальной противоположностью немецкого и британского мышления. Одновременно он выступил за более тесную связь Германии и Советской России, рассчитывая использовать ее для укрепления международных позиций немецкого империализма.

Подобную идею сближения Германии и России Риттер проводил в самом крупном своем произведении того времени - двухтомной биографии инициатора и руководителя прусских реформ начала XIX

⁶ Historische Belletristik. Ein kritischer Literaturbericht. München, 1929, S. 6-7.

⁷ Sombart W. Der proletarische Sozialismus, 2 Bde. Jena, 1924.

⁸ Sombart W. Deutscher Sozialismus. Berlin, 1934.

⁹ Sombart W. Mein Leben und Werk. - ZStA Merseburg, Rep. 92. Nachlaß Sombart, Nr. 2 b, Bl. 240.

¹⁰ Marcks E. Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1925, S. 83-85.

¹¹ Ritter G. Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft 1898-1901. Freiburg, 1929.

в. барона К. Штейна¹². Книга была основана на богатейшем архивном материале и практически всей существующей литературе. Смысл ее состоял в подчеркивании оригинального характера реформаторской политики Штейна. Идеи Штейна базировались не на принципах Великой Французской революции, как доказывал ранес либерал Макс Леман, а коренились, по мнению Риттера, в либеральном мышлении старой Священной Римской империи, в учении Лютера и Канта и, частично, в английских конституционных порядках. Поэтому реформы Штейна вовсе не порывали радикально с традициями германского прошлого, они произошли исторически именно на немецкой национальной почве. Либерализм Штейна, как доказывал не без основания Риттер, был в основе консервативным, ибо путем реформ удалось сохранить и даже укрепить существовавшее прусское государство.

Другим важным аспектом книги была проблема создания единого немецкого государства. Риттер противопоставил реалиста Бисмарка моралисту Штейну и сделал вывод, что для успеха государственной политики необходимо отбросить мешающие моральные принципы, что удалось сделать только Бисмарку, в то время как Штейн остался в плену морализма. В итоге, Штейн под пером Риттера - это олицетворение страстного национального подъема, во время которого немецкая лютеранская сущность восстала против ее угнетения воплощенной в Наполеоне чуждой западноевропейской властью и сбросила ее. Германия XX века, попавшая в такое же положение, что и Пруссия столет назад, должна найти в себе силы и разорвать оковы Версальского диктата, таков актуальный вывод Риттера.

Либеральное направление. Либеральные историки принимали и поддерживали Веймарскую республику, считая ее неизбежностью и наилучшим в данных условиях заслоном против социальных

потрясений. Ярче всего их умонастроение выразил Мейнеке: "Глядя в прошлое, я остаюсь в сердце монархистом, глядя в будущее, разумом я становлюсь республиканцем". Не отказываясь от борьбы за ревизию Версальского договора и возвращение утраченных территорий, прежде всего восточных, либералы выступали за более гибкую внешнюю политику и примирение с западными державами.

Идейным лидером и духовным наставником либерального направления после смерти Фридриха Наумана и Макса Вебера стал **Фридрих Мейнеке** (1862-1954).

В межвоенный период, кроме огромного количества небольших работ, Мейнеке опубликовал два фундаментальных произведения, развивающих его понимание истории как царства идей и духа. В 1924 г. появилась его наиболее значительная книга "Идея государственного разума в новой истории"¹³. Явный отпечаток на концепцию автора наложило крушение Германской империи. Мейнеке отказался от слепого преклонения перед государством силы. Теперь политическая власть и государство предстанут в его глазах не создателями, а губителями ценностей культуры. Чтобы ограничить их пагубное воздействие, Мейнеке предлагает ориентироваться на несколько туманную категорию "государственного разума", которую следует отличать от абстрактной теории государства. Эта категория определяет государственные интересы не в смысле создания идеального государства, а в интересах государства, существующего в конкретном выражении. Политика силы, свойственная государству, не идентична государственному разуму, т.к. задачей подлинно великого государственного деятеля Мейнеке считает сохранение необходимого равновесия морали и силы. В Германской империи баланс был нарушен в пользу второй, что и привело к катастрофе 1918 г. Отметив реальный дуализм и даже имманентное противоречие силы и духа, Мейнеке

подчеркнул, что в принципе возможна их гармония, а мостиком между ними как раз и должен явиться "государственный разум".

Центральной проблемой политической мысли со времени Ренессанса Мейнеке считает неразрешимое противоречие между учением о естественном праве и реальным ходом истории. Государство как выражение силы, как феномен с собственными жизненными интересами и волей оказывается несовместимым с идеей государства как средства для общего благосостояния, подчиненного этическим нормам и законам. Практически это означало, что государственный деятель должен придерживаться в теории общего нравственного закона и абсолютных ценностей. В реальности же происходит их постоянное нарушение. Оно неизбежно, ибо выступает трагической необходимостью, вытекает из темной демонической подосновы жизни. Поэтому и несостоятельно обвинение Германии в сознательном развязывании первой мировой войны - таков политический смысл рассуждений Мейнеке.

В книге "Возникновение историзма" Мейнеке нарисовал грандиозную картину генезиса историзма как одной из величайших духовных революций в жизни Европы¹⁴. Идеалистический немецкий историзм выступил в его концепции высшим выражением человеческого духа. Он тщательно проследил истоки историзма у крупнейших французских, английских и немецких просветителей. При этом Мейнеке искал почву историзма не в социальной природе и направленности Просвещения, а в духовной жизни людей. Стремясь показать постепенное преобразование просветительского мышления в историческое, Мейнеке обосновал тезис о диаметральной противоположности Просвещения и историзма, трактуя последний как преодоление просветительского прагматизма и рационализма.

К создателям раннего историзма Мей-

неке относил Мёзера, Гердера и Гёте, укладывая их в русло антипросветительской реакции в идейной жизни Германии XVIII в. Неправомерно считая Гердера и Гёте неоплатониками, имея в виду иррациональный аспект философии Платона, Мейнеке настойчиво подчеркивал якобы присущий им иррационализм мышления. Подлинный их облик автор подверг столь радикальной препарации, что многокрасочная и противоречивая картина генезиса историзма в Германии приобрела совершенно иной характер, чем на самом деле. Тем не менее, концепция Мейнеке получила широкое распространение, она и сегодня поражает воображение читателя своим размахом.

В межвоенный период продолжалась интенсивная деятельность **Германа Онкена** (1869-1945), издавшего ряд значительных исторических источников. Особый интерес вызвала его публикация трехтомного собрания документов по рейнской политике Наполеона III, извлеченных из многих европейских архивов. Сборник ставил целью показать, что экспансионистская политика Наполеона, добивавшегося установления границы по Рейну, была непосредственной причиной франко-германской войны 1870-1871 гг. и исторической прелюдией к первой мировой войне из-за реваншистских устремлений Франции.

В 1933 г. после многолетней подготовки Онкен опубликовал два тома о дипломатической предыстории мировой войны, созданные на базе практически всех опубликованных к тому времени документов из немецких и британских архивов¹⁵. Автор стремился проследить взаимосвязи внутреннего развития и внешней политики не только Германии, но и всей Европы. Главным виновником войны Онкен считал русский национализм и панславизм. Но автор подверг основательной критике и немецких политиков, не сумевших, по его

¹² Ritter G. Stein. Eine politische Biographie, 2 Bde. Stuttgart-Berlin, 1931.

¹³ Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München - Berlin, 1924.

¹⁴ Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. München-Berlin, 1936.

¹⁵ Oncken H. Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges, 2 Teile. Berlin, 1933.

мнению, использовать все шансы для примирения с Великобританией. Книга Онкена вызвала нападки и справа, и слева. Для консерваторов она была чересчур пробританской, для леволибералов - оставалась слишком апологетичной.

Возражая критикам его оценок позиции Англии, Онкен в 1937 г. написал работу "Безопасность Индии"¹⁶. В ней он объяснил англо-русское соглашение как британскую уступку России, бывшей на протяжении всего XIX в. ее главным соперником в Азии. Онкен утверждал, что поворот Англии был вызван не немецкой политической созданием сильного военно-морского флота, а стремлением урегулировать отношения с самым опасным конкурентом, которым являлась Россия, рвавшаяся к Персидскому заливу. Подчеркивая необходимость сближения Англии и Германии, Онкен указывал, что теперь главной угрозой Британской империи являются не Россия или Германия, а итальянский империализм, наступающий в Африке, и усилившиеся стремления колониальных народов к независимости.

За примирение с Англией выступал и крупный либеральный историк **Эрих Бранденбург** (1868-1946). В книге "От Бисмарка к мировой войне" он осудил внешнюю политику Германии за ее близорукость и хаотичность¹⁷. Бранденбург верно отметил, что к войне привели противоречия ведущих держав, их борьба за сферы влияния и колонии. Но автор считал, что внешняя политика Германии была в целом направлена на поддержание мира, иначе она развязала бы войну при более благоприятных условиях во время русско-японской войны или в период кризиса 1909 г. Вынужденная начать войну, Германия добивалась не мировой гегемонии, а только равенства с другими великими державами. Их естественным правом Бранденбург объявил территориальный раздел мира, порожденный экономиче-

скими интересами.

Вторую важнейшую причину войны он видел в противоречии между устаревшими европейскими границами и национальным принципом. Поэтому Бранденбург указывал, что самой ужасной ошибкой Германии была поддержка ею Австро-Венгрии и Турции, которые стремились сохранить господство над другими народами. Правда, столь верная оценка сопровождалась объяснением позиции Германии не заинтересованностью в сохранении контроля над Багдадской железной дорогой, а ее верностью союзническим обязательствам.

Своеобразное место в либеральном направлении занимал **Франц Шнабель** (1887-1966). Из-за своих либерально-католических взглядов и антипатии к Пруссии он не смог получить профессуру ни в одном немецком университете и преподавал в Высшей технической школе Карлсруэ. Главным произведением Шнабеля был обобщающий труд по германской истории XIX в.¹⁸ В отличие от известного сочинения Трейчке и других подобных историй, освещавших главным образом политико-дипломатические события, Шнабель уделил много внимания социально-экономическим процессам, развитию техники и особенно культурным и религиозным аспектам. Он подчеркивал, что идея объединения Германии под эгидой Пруссии не имела глубоких корней в прошлой немецкой истории, а была насильственным деянием Бисмарка.

Леволлиберальные историки. Историки, стоявшие на леволиберальных позициях, были чужаками для академической университетской историографии. Они твердо выступали за сохранение и расширение парламентаризма, за мирное сотрудничество между государствами, против милитаризма, пруссачества и национализма. Левые либералы критиковали государственную структуру Германской империи и считали ее исторически обреченным анахронизмом, не подлежавшим

восстановлению. В прошлом Германии они искали историческое обоснование Веймарской республики, поэтому обращали главное внимание на периоды либерально-демократического подъема и революционных битв.

Одним из первых историков, давших общую критическую картину Германской империи, что вызвало яростные нападки консервативного крыла, был профессор Кёльнского университета **Йоганнес Цикурш** (1876-1945). До войны он занимался проблемами социально-экономической истории Силезии и до 1927 г. работал в Бреслау.

Трудом жизни Цикурша стала трехтомная "Политическая история новой Германской империи"¹⁹. В центре внимания автора стояла проблема Пруссии, поскольку ее дух и порядки оказались перенесенными и на всю империю.

В методологическом отношении Цикурш стоял на почве идеалистического историзма, а главным содержанием истории считал индивидуальные явления. Отсюда проистекал его повышенный интерес к выдающимся личностям: "герой" Фридрих Великий, "политический гений" Бисмарк, "циничный" дипломат Бюлов, "волевой" Людендорф чередой проходят по немецкой истории. Характеристики Цикурша даны с настоящим литературным блеском и запоминаются надолго.

Но, отдавая дань великим личностям, Цикурш вовсе не считал, что они творят историю по своему усмотрению. Наоборот, они всегда выражают определенные политические идеалы, стратегические концепции, групповые интересы. Даже "демоническая гениальность" Бисмарка проявлялась для Цикурша не столько в личностном содержании его политики, сколько в его способности осуществить необходимую задачу национального объединения на основе уже отжившей своей традиции "прусско-протестантского воен-

но-дворянского государства Гогенцоллернов".

В работе Цикурша не использован новый архивный материал, но на основе уже известного автор стремился к иному анализу различных факторов, пытаясь выделить типические моменты и раскрыть причинные взаимосвязи. В основу автор положил единую концепцию взаимоотношения основания и крушения империи. По его мысли, история Германской империи показала, что политический гений может совершить чудо даже против духа времени, но время ставит все на свои места, превращая великие дела в великую трагедию.

В первом томе Цикурш основательно исследовал внутривнутриполитические предпосылки и последствия основания империи, лишь изредка упоминая о внешнеполитических факторах. Конституционный конфликт начала 60-х годов в Пруссии он показал как классовую борьбу двух социальных сил - юнкерства и буржуазии. При этом Цикурш несколько преувеличивал степень возможности буржуазно-парламентарного пути создания национального государства еще в 1862 г., хотя сам же признавал, что у либерально-буржуазных партий не было массовой базы.

Второй и третий тома, посвященные периодам канцлерства Бисмарка и правления Вильгельма II, по научному уровню стоят ниже первого. Цикурш не показал связи внутренней и внешней политики империи, очень мало внимания уделил развитию экономики, духовным и культурным процессам. Изложение сосредоточено на политических факторах, во внешней политике - на механизме системы союзов, во внутренней - на деятельности рейхстага и партий, с одной стороны, правительства и бюрократии - с другой. Критика имперских порядков и антидемократизма давалась теперь не концентрированно, как в первом томе, а была рассеяна во множестве отдельных кратких замечаний. Несмотря на эти недостатки, труд Цикурша убедительно опровергал многие

¹⁶ Oncken H. Die Sicherheit Indiens. Berlin, 1937.

¹⁷ Brandenburg E. Von Bismarck zum Weltkriege. Berlin, 1924.

¹⁸ Schnabel F. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert, 4 Bde. Freiburg, 1929-1937.

¹⁹ Ziekursch J. Politische Geschichte des Neuen Deutschen Kaiserreiches, 3 Bde. Frankfurt, 1925-1930.

мифы, созданные историками о Бисмарке и империи, указывая на ее ахиллесову пяту - антидемократический авторитарный характер.

Крупнейшим произведением леволиберальной историографии стала написанная **Файтом Валентином** (1885-1947) история германской революции 1848-1849 гг.²⁰ Из-за противодействия академических кругов Валентин не смог получить место ни в одном университете и работал в Высшей торговой школе Берлина. Его фундаментальный труд был основан на огромном материале, почерпнутом из различных немецких архивов, а также архивов Вены и Москвы. По богатству источников и использованной литературы (свыше полутора тысяч названий) книга Валентина до сих пор не имеет себе равных.

Автор убедительно показал характер революции, направленной против отживших феодально-абсолютистских порядков и политической раздробленности страны. Главными вехами революции в его изложении выступают мартовские революции, апрельское республиканское восстание в Бадене, сентябрьское восстание во Франкфурте-на-Майне, борьба за имперскую конституцию в Саксонии, Бадене, Рейнской области. Из архивов Валентин почерпнул сведения о множестве неизвестных ранее народных волнений в городах и многочисленных локальных выступлениях крестьянства, что показало важность недооценивавшегося прежде аграрного вопроса в ходе революции. В книге проводилась новая и важная мысль о связи немецкого, польского и итальянского вопросов как выражения общих процессов формирования национальных государств.

Причину неудачи немецкой революции Валентин находил в социальной области - расколе средних слоев, отделении из эгоистических соображений буржуазного "денежно-титолованного патрициата" от на-

родного движения и переходе его на сторону реакции из-за страха перед социальной революцией. Социальная сторона связана у Валентина с идейно-исторической. Одно из главных противоречий революционного движения заключалось, по его выводу, в противоречии демократии и либерализма. Первая выступила в 1848 г. уже с политической программой, либерализм же остался идейно-мировоззренческим течением без ясной политической цели.

Главной силой революции Валентин считал не народные низы, а демократическую мелкую буржуазию и выражавшую ее интересы демократическую левую Франкфуртского парламента во главе с Р. Блюмом и К. Фогтом. Что же касается самостоятельного рабочего движения и деятельности Маркса и Энгельса, то Валентин полагал, что они сыграли в революции весьма незначительную роль, гораздо меньшую, чем Стефан Борн и его "Рабочее братство".

С леволиберальным направлением связано и начало изучения политических партий в немецкой историографии. Зачинателем этого выступил сотрудник Имперского архива в Потсдаме, в 1930 г. перешедший из либеральной Демократической партии в СДПГ, **Людвиг Бергштроссер** (1883-1960), написавший первую историю политических партий в Германии, переизданную за десять лет шесть раз²¹.

Бергштроссер несколько фаталистически рассматривал историю как осуществление неизбежной тенденции развития в направлении парламентарной демократии. Источник слабости Германской империи он находил поэтому в том, что ее конституция имела компромиссный характер, сохраняя прусскую абсолютистскую тенденцию, что вызывало напряженность в социально-политической сфере. Ноябрьская революция, по мнению Бергштроссера, была не радикальным разрывом с прошлым, а революционным ускорением раз-

вития в сторону парламентаризма, перескочившим через ряд ступеней.

С либерально-демократических позиций Бергштроссер резко критиковал прусскую бюрократию и эгоистичные интересы крупных аграриев и промышленников. Он подчеркивал, что буржуазно-юнкерские партии слишком тесно связаны с узкими экономическими интересами и не в состоянии "примирить рабочих с государством". Не случайным был поэтому его повышенный интерес к партии Центра, и издание им в 1921-1923 гг. двухтомника документов по развитию политического католицизма в 1815-1914 гг. Бергштроссера интересовала широта социальной базы партии Центра и ее тесная связь с избирателями. Объяснял это Бергштроссер тем, что Центр был не социально-классовой, а мировоззренческой партией, и полагал, что этот пример опровергает марксистские схемы классового анализа. Считая, что социал-демократия тоже должна отказаться от классового характера, Бергштроссер рассматривал ее историю как развитие в сторону политического реализма и позитивного сотрудничества с государством, что и превратило ее после Ноябрьской революции в демократическую правящую партию. Естественно, что при таком подходе в центре внимания автора оказались лассальянцы, ревизионисты, реформистские лидеры профсоюзов и, наконец, Эберт, Шейдеман, Гаазе. Оценивая левых социал-демократов и коммунистов, Бергштроссер не находил за ними никакой исторической перспективы, утверждая, что КППГ подобно либералам 1848 г. страдает отсутствием реализма и приверженностью к догматичным доктринам, оторванным от действительного хода событий.

Радикально-демократическое направление. В большинстве вопросов демократические историки занимали позиции, почти идентичные леволиберальным. Но некоторые моменты позволяют определить их взгляды как демократические. Они выступали за упрочение и расширение демократических завоеваний Ноябрь-

ской революции, критически оценивали политику правых лидеров социал-демократии, проявляли большой интерес к марксизму и стремились использовать его теоретико-методологические принципы в практике исторического исследования. Произведения демократических историков принадлежат к числу лучших, созданных в немецкой историографии межвоенного периода.

Демократические традиции германской истории подчеркивала в своих произведениях **Хедвиг Хинтце** (1884-1943), жена известного исследователя Пруссии Отто Хинтце. Она проводила линию преемственности от Реформации и Крестьянской войны через освободительное движение против Наполеона и революцию 1848-1849 гг. до Веймарской республики, несколько преувеличивая при этом ее демократизм.

Хинтце являлась одним из видных специалистов по истории Великой Французской революции и много сделала для популяризации идей и оценок А. Олара, А. Матьеза и Ж. Жореса в Германии. Ее диссертация "Единство государства и федерализм в старой Франции и во время революции"²² была принята в Берлинском университете к защите только из-за уважения столичных профессоров к своему коллеге Отто Хинтце. Критиками эта работа не без основания была расценена как подлинная "апология Горы". Действительно, несмотря на то, что Хинтце осуждала террор с морально-этической точки зрения, этап якобинской диктатуры она считала "героическим периодом великого движения". Хинтце подчеркивала, что социально-экономические аспекты революции наиболее плодотворно можно исследовать, опираясь на методологию исторического материализма. Ее отношение к марксизму несло отпечаток двойственности. С одной стороны, Хинтце считала, что суть этого учения - в экономической интерпретации

²⁰ *Valentin V. Geschichte der deutschen Revolution von 1848/1849*, 2 Bde. Berlin, 1930/1931.

²¹ *Bergsträsser L. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland*. Mannheim, 1921.

²² *Hintze H. Staatseinheit und Föderalismus im alten Frankreich und in der Revolution*. Stuttgart-Berlin, 1928.

истории, с другой, она не раз подчеркивала, что ортодоксальные марксисты, к которым она относилась Лафарга, Каутского и Меринга, упростили взгляды своего учителя Маркса в направлении вульгарного экономизма и механицизма.

С именем видного историка **Густава Майера** (1871-1948) связано исследование раннего немецкого рабочего движения, издание материалов архива Лассалья и, наконец, капитальная биография Ф. Энгельса²³, итог долголетней работы над архивами, в ходе которой он установил авторство и опубликовал анонимно изданные работы молодого Энгельса. Написанная ярким языком, биография Энгельса примечательна тем, что Майер показал его не просто как личность, но поставил во взаимосвязь с общей ситуацией времени, с политикой и идеями, экономикой и обществом. Явная симпатия в изображении Энгельса, объективная оценка его выдающейся исторической роли вызвали отрицательное отношение к автору большинства коллег по Берлинскому университету, третировавших Майера как "марксиста".

Воздействие марксизма испытал и молодой, талантливый историк **Экарт Кер** (1902-1933), которого Г. Риттер называл "особо опасным для нашей истории салонным большевиком". Первая и единственная крупная работа Кера "Строительство военно-морского флота и политика партий 1894-1901" принадлежит к числу наиболее значительных произведений межвоенной немецкой историографии²⁴. Учитель Кера Мейнеке, к чести его всегда защищавший ученика и опекавший его, несмотря на противоположность их позиций, оценил работу как "очень хорошую, очень интересную, но ужасно радикальную". В ней Кер убедительно опроверг аксиоматический тезис "примата внешней политики" над внутренней. Он показал,

что экспансионистская внешняя политика Германской империи на рубеже XIX-XX вв. коренилась во внутривосточных и социально-экономических факторах. Автор подробно осветил отношение различных классов (буржуазия, прусские крупные аграрии, пролетариат) к проблеме гонки морских вооружений и раскрыл классовый характер этой политики, направленной на подавление революционной активности немецкого рабочего класса. Нарушив одно из священных табу буржуазных историков, Кер обрисовал Германскую империю как классовое государство, защищавшее интересы юнкерства и буржуазии. Их, а не общенациональными интересами, диктовалась внешняя политика империи.

Опираясь на Макса Вебера и Франца Меринга, Кер подверг уничтожающей критике прусское юнкерство, приходившее в экономический упадок, но сохраняющее политическое ведущее положение в стране. Он показал, что на ускоренное строительство флота юнкерство согласилось только в обмен на введение протекционистских пошлин, ограждавших его от иностранной конкуренции. По социально-консервативным мотивам юнкерство возражало до 1912 г. даже против увеличения сухопутной армии, так как это требовало пополнения офицерского корпуса представителями буржуазии и могло привести к его либерализации.

Общий вывод Кера гласил, что, поскольку для немецкой монополистической буржуазии главным противником была Англия, а для прусского юнкерства - Россия, внешняя политика Германии оказалась перед неразрешимой дилеммой, которая и привела к мировой войне.

Под влиянием идей К. Маркса и М. Вебера находился и друг Кера, **Вольфганг Георг Хальгартен** (1901-1975), который до конца жизни вынашивал идею довести до конца фундаментальный труд Вебера "Хозяйство и общество" и написать книгу о его социологической концепции.

Уже первая работа Хальгартена о польской проблеме в период мартовской

революции 1848 г. в Пруссии стала заметным явлением в немецкой историографии²⁵. Автор резко осуждал разделы Польши и особенно остро критиковал агрессивную политику Пруссии. Необычным было и то, что Хальгартен при анализе прусско-польских отношений опирался на оценки К. Маркса, Ф. Меринга и на работы ведущего советского историка 20-х годов М. Н. Покровского.

Оценивая революцию в Германии, Хальгартен пришел к выводу, что она могла быть успешной лишь в случае победы не только над внутренней, но и над внешней реакцией. При этом он преувеличивал степень революционности первого прусского либерального правительства, считая, что оно стремилось встать во главе либерального общегерманского движения и совместно с Францией и Польшей сокрушить оплот европейской реакции - царскую Россию. Крах этой политики Хальгартен объяснял антидемократическим курсом французского министра Ламартина и контрреволюционной позицией прусской армии. Но он указал и на растущий национализм немецких либералов, которые не решились провозгласить независимость Польши. Хальгартен не оправдывал политику либеральной буржуазии, но считал, что она не могла опереться на демократические силы Германии из-за их слабости и распыленности. Реальное соотношение сил заставило буржуазию искать союза с прусской монархией.

Большим шагом в науке стала книга Хальгартена об империализме, законченная накануне прихода фашизма к власти и опубликованная в Париже²⁶.

Огромный материал, собранный автором, позволяет понять многие политические процессы в Европе перед мировой войной. Хальгартен исходил из тезиса о

том, что война была вызвана воздействием империалистических сил с обеих сторон. На базе новых архивных данных он показал социально-экономические основы и взаимосвязи империалистической внешней политики. Была вскрыта та решающая роль, которую сыграли военно-промышленные и финансовые круги в гонке вооружений, экспансии и сползании мира к войне. Не упрощая противоречий между юнкерством и буржуазией, а также между отдельными группами промышленно-финансового капитала, Хальгартен показал принципиальную общность их целей, толкавшую Германию на экспансию одновременно в нескольких направлениях и ускорившую начало войны.

Богатый материал книги Хальгартена свидетельствовал о тесном переплетении империалистической политики Германии, Франции, Великобритании и раскрывал подоплеку дипломатических конфликтов и международных кризисов 1890-1914 г.

Историю политической структуры Германии изучал в своих работах "Ступени прусского консерватизма" (1930) и "Германские партии" (1932) **Зигмунд Нойман** (1904-1962). Он пытался уяснить специфическое в Германии соотношение развития экономики и отношений буржуазии и дворянства.

Нойман исходил из того, что немецкая буржуазия со второй половины XIX в. повернула на путь идейной феодализации, охватившей политическую, духовную и идеологическую стороны. Не успев, как следует, консолидироваться, немецкая буржуазия оказалась перед угрозой поднимавшегося рабочего движения и политически капитулировала поэтому перед юнкерством. Отсутствие у нее политического опыта и ответственности привели к слабости парламентарной демократии после Ноябрьской революции. Германский капитализм Нойман определял как "бюрократический монополистический капитализм", поскольку с самого зарождения он оказался под опекой и присмотром государства. Нойман одним из первых обратил внимание на своеобразный путь Германии

²³ Mayer G. F. Engels. Bd. I. Berlin, 1919. 2 Bde., Den Haag, 1934.

²⁴ Kehr E. Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894 bis 1901. Berlin, 1930. Кер умер совсем молодым от сердечного приступа.

²⁵ Hallgarten W. Studien über die Polenfreundschaft in der Periode der Märzrevolution. München-Berlin, 1928.

²⁶ Hallgarten W. Vorkriegsimperialismus. Paris, 1935. Сокр. русск. пер.: Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. М., 1961.

к индустриализации и победе капитализма, объясняя этой спецификой слабость и деградацию ее первой плюралистической демократии.

Опираясь на теорию идеальных типов Макса Вебера, Нойман разработал типологию политических партий, исходя из первоначального значения: партия, т.е. часть целого. Поэтому Нойман предупреждал, что если партия не способна идти на компромиссы и учитывает не интересы общества, а только свои узкие партикулярные интересы, то возникает опасность неофеодализма, под которым подразумевался авторитарный режим харизматического вождя.

Нойман обосновал теорию политического плюрализма, считая важнейшей предпосылкой и условием демократии социальное, экономическое и культурное многообразие. Он выделил либеральные репрезентационные (представительские) партии XIX в. и современные интеграционные партии, требующие от своих членов постоянного участия в работе, а не только участия в выборах. В свою очередь, интеграционные партии выступают в двух вариантах - демократическом и абсолютистском. Примером последнего у Ноймана были национал-социалистическая партия, итальянская фашистская партия и сталинистские компартии. СДПГ того времени Нойман наделял тремя характерными атрибутами: обуржуазивание, узурпация власти партийными бонзами, одряхление руководства, в силу которых она утратила характер пролетарской классовой партии и превратилась в аморфное политическое объединение.

Социал-демократическая историография. Ноябрьская революция превратила СДПГ из оппозиционной в правящую партию, но социал-демократическим историкам путь в университетскую академическую науку по-прежнему оставался практически закрытым. Их рассматривали как людей, исповедующих не научные, а партийно-политические идеалы, а потому стоящих вне науки вообще. Так, в 1921 г. философский факультет Берлинского уни-

верситета воспрепятствовал приглашению крупного ученого из Вены Л. М. Гартмана из-за его принадлежности к социал-демократии.

В области истории социал-демократические ученые занимались в основном двумя проблемами - теоретическими концепциями исторического процесса и историей немецкого рабочего движения.

В первой области общепризнанным авторитетом оставался **Карл Каутский** (1854-1938), с 1924 г. живший в Вене. Там Каутский опубликовал двухтомное произведение "Материалистическое понимание истории" (1927), которое он сам рассматривал как квинтэссенцию своего творчества. В этой работе Каутский отделил метод и мировоззрение марксизма друг от друга. По его мнению, материалистическое понимание истории как метод может быть совместимо с любым другим мировоззрением, а не только с материалистической философией. Далее, он настаивал на "теории производительных сил", по которой развитие капиталистического общества является естественно-необходимым процессом, в конце которого организованный пролетариат подхватывает выпавшую из рук господствующих классов политическую власть. Таким образом, для Каутского социализм предстает столь же неизбежным и естественным конечным результатом истории, как день приходит на смену ночи. Поэтому он полагал, что главная задача рабочего класса и его партии состоит не в том, чтобы совершить революцию, а в том, чтобы этой революцией воспользоваться для создания социалистического общества. Столь фаталистическое понимание обедняло многообразие и сложность исторического развития, превращало его из живого и противоречивого процесса в сухую предопределенную схему.

Социал-демократической литературе, посвященной истории немецкого рабочего движения, была присуща одна общая тенденция - повышенное внимание к реформистской линии от С. Борна и его "Рабо-

чего братства" через Ф. Лассалья к правым лидерам предвоенной социал-демократии. Такая позиция при некоторых нюансах выражалась в работах Г. Кунова по всеобщей экономической истории, М. Кварка - о начальном этапе рабочего движения в Германии, П. Кампфмейера, написавшего обстоятельную биографию лидера баварских социал-демократов, ревизиониста Георга фон Фольмара. В эти годы появилась и первая обобщающая работа по истории социал-демократии, книга Р. Липинского "Социал-демократия от ее зарождения до современности" (2 тома, 1927-1929), написанная с левоцентристских позиций.

Необычной фигурой на стыке социал-реформистской и ортодоксально-марксистской историографии являлся **Артур Розенберг** (1889-1943). В 1920-1927 гг. он был членом КПГ и одним из лидеров ультралевого крыла партии. Из-за несогласия с превращением Коминтерна в инструмент диктата и давления на партии Розенберг покинул ряды компартии и отошел от политической деятельности.

Будучи до войны видным специалистом по истории древнего Рима, Розенберг затем полностью обратился к истории современности. Его первой большой работой в этой области была книга о предистории и рождении Веймарской республики. Идеи книги были не слишком оригинальными. Автор считал, что основание империи в 1871 г. было плодом компромисса между немецкой буржуазией и прусским юнкерством. Это потребовало установления бонапартистского режима, что с блеском осуществил Бисмарк. После его отставки Вильгельм II, не обладая политическим талантом Бисмарка, уже не мог долго удерживать такое равновесие. Но путь к парламентаризму был заблокирован из-за отсутствия политической зрелости у либеральной буржуазии и социал-демократии. Поэтому империя погибла, только потерпев поражение в мировой войне, когда власть сама упала в руки социал-демократов.

Дальнейшее развитие эти идеи полу-

чили в другой книге Розенберга по истории республики²⁷, написанной уже в эмиграции. В ней автор подчеркнул, что роком немецкой революции явилась коалиция социал-демократов с буржуазными партиями. Розенберг считал, что даже на базе имеющейся конституции имелась возможность укрепить в Германии демократию и перейти далее к социализму, если бы правительство решилось повести за собой народные массы и средние слои, проводя более разумную политику, экспроприровав крупную земельную собственность и горнодобывающую промышленность и проведя более последовательную демократизацию экономики.

Но СДПГ не поняла, что нельзя построить "революционное государство с опорой на юридически-чиновничий аппарат прежней системы". В этой работе Розенберг заложил основы, широко распространенной уже после второй мировой войны концепции "третьего пути" Ноябрьской революции - между буржуазно-демократической республикой и большевизмом, которому в 1932 г. он посвятил особую книгу²⁸.

Ее главная идея состояла в том, что социально-экономическая отсталость России и разрушение хозяйства во время мировой войны обусловили вытеснение демократических Советов всеобъемлющей диктатурой партии, превратившей Советы в "декоративный символ". Это помогло России преодолеть экономическую отсталость, но бюрократический аппарат принуждения, которому подчинены массы, несовместим, по убеждению Розенберга, с истинно социалистическим обществом в понимании Маркса. Резюмируя итоги своего анализа, Розенберг писал: "Или живая демократия, истинное правление Советов, или правление аппарата. Третьего в России не было и не будет"²⁹.

²⁷ Rosenberg A. Geschichte der Deutschen Republik. Karlsbad, 1935.

²⁸ Rosenberg A. Geschichte des Bolschewismus von Marx bis zur Gegenwart. Berlin, 1932.

²⁹ Ibid., S. 201.

В последнем крупном, но малоизвестном произведении Розенберга была разработана оригинальная типология демократии³⁰. Он исходил из того, что демократии самой по себе не существует. Она всегда проявляется как определенное политическое движение, выражающее интересы определенных общественных сил с их целями.

Розенберг выделил пять типов демократии, среди которых радикально доведенным до конца является только марксистское ее понимание. **Социалистическая демократия** означает подлинное самоуправление народа на базе общественной собственности на основные средства производства. Среди буржуазных типов демократии близкой к ней является **социальная демократия**, существовавшая во Франции во время Робеспьера и в США при Джефферсоне. Она признает идею классовой борьбы и стремится установить власть "трудящихся масс", но при сохранении принципа частной собственности.

Три других типа буржуазной демократии отклоняют идею классовой борьбы и направлены на примирение трудящихся и имущих слоев. **Либеральная демократия** играла определенную роль до 80-х г. XIX в. и стремилась разрешать конфликты на базе мира, свободной конкуренции и торговли, парламентарной системы. В связи с процессом концентрации капитала и его монополизации наступает период **империалистической демократии**, самым ярким примером которой служит Великобритания со времен Дизраэли. По несколько иному пути пошла **колониальная демократия** в США и Канаде, где широкое переселение на свободные земли явилось клапаном для снятия назревавших конфликтов.

Розенберг считал, что социализм должен отмежеваться от либерализма, чтобы осуществить истинную демократию. Но без либеральных средних слоев пролетариат в одиночку не может свергнуть гос-

подство капитала. А поскольку их интересы различны, то Розенберг делал вывод о том, что революционное учение Маркса, в котором смешаны реализм и утопизм, оказалось перед неразрешимой апорией. Свой идеал демократического социализма он считал неосуществимым в обозримом будущем.

Марксистская историческая мысль. В марксистской исторической литературе 20-30-х гг. не было создано крупных произведений. Теоретики и публицисты КПГ осмысливали опыт немецкого и международного рабочего движения, уроки Парижской Коммуны, Октябрьской революции в России и Ноябрьской революции в Германии.

Газеты и журналы компартии разъясняли рабочим массам стоящие перед ними задачи, опираясь на примеры исторического прошлого. В марте 1923 г. вышел специальный номер газеты "Роте Фане" (Красное Знамя), посвященный юбилею мартовской революции 1848 г., материалы которого критиковали отход немецкой либеральной буржуазии от защиты интересов нации.

К десятой годовщине Ноябрьской революции историки-коммунисты выпустили первую значительную работу - "Иллюстрированная история германской революции". В ней была дана широкая картина предыстории и хода революции, раскрывался героизм рабочего класса как главной силы, свергнувшей монархию. Саму Ноябрьскую революцию авторы трактовали как социалистическую, но потерпевшую поражение.

Серьезный анализ состояния Германии и изменений, происшедших после мировой войны, был дан в книге **Рихарда Зорге** (1895-1944) о германском империализме, вышедшей под псевдонимом³¹. Зорге исследовал новые черты послевоенного немецкого империализма как внешнего, так и внутреннего характера. Отметив растущую агрессивность империализма и

реальную угрозу прихода к власти фашистской партии, Зорге обосновывал возможность самого широкого применения тактики единого фронта для активизации беспартийных, социал-демократических и мелкобуржуазных масс в борьбе против империализма, фашизма и войны. Книга Зорге убедительно доказывала, что, несмотря на широковещательные заявления о близком приходе социализма, веймарская Германия продолжает оставаться чисто капиталистическим государством.

Послевоенные международные проблемы были освещены в книге Т. Нойбауэра "Германская внешняя политика сегодня и завтра" (1932), где показывалось историческое значение Рапалльского договора и обосновывался принцип мирного сосуществования. Остро полемический характер имела книга репортажей Альфреда Курсллы "Муссолини без маски", показавшая истинный облик итальянского фашизма и разоблачившая его социальную и национальную демагогию.

Важные марксистские работы были опубликованы в годы второй мировой войны. В. Пик выпустил первую обобщающую опыт прошлого книгу "К истории КПГ" (1943), показавшую героический путь немецких коммунистов, их борьбу за социально-экономические, политические и демократические права трудящихся, за мир и социализм. Хотя книга не была свободна от идеализации прошлой политики КПГ, ее появление сыграло большую роль в пропаганде социализма.

Видный деятель КПГ и профсоюзного движения Пауль Меркер в годы эмиграции в Мексике подготовил чрезвычайно содержательную и аналитическую работу по новейшей истории Германии³². Присущий автору широкий кругозор позволил, несмотря на недоступность многих материалов, глубоко раскрыть корни и сущность национал-социалистического движения, государственную структуру фашистской

Германии, ее историческую обреченность. Книга Меркера не утратила своего значения до настоящего времени, хотя ряд оценок, например, советско-германского пакта 1939 г., бесспорно, устарел. Демагогический, антинародный и антинациональный характер фашизма показывала также книга В. Ульбрихта "Легенда о немецком социализме" (1945).

Историография в Третьей империи. Приход Гитлера к власти был воспринят неодинаково историками различных направлений. Либеральные ученые являлись естественными противниками террористической политики германского нацизма. Они опасались, что такая политика приведет не к сплочению немецкой нации, а к новому нарастанию социальных противоречий и классовых конфликтов. Отпугивала их также социальная демагогия нацизма, его плебейская массовая база.

Консервативно-националистическим историкам было легче приспособиться к идеологии фашизма, хотя до 1933 г. и они относились к национал-социализму с опасливой осторожностью. Между консерваторами и нацистами существовали принципиальные мировоззренческие различия. Главные произведения нацистской идеологии "Моя борьба" Гитлера и "Миф XX века" Розенберга ставили в центр истории расу, историки отводили эту роль государству, первые пропагандировали австро-великогерманские идеалы, вторые были в основном приверженцами Пруссии.

В первые годы нового режима было уволено около 15% университетских профессоров; среди историков увольнения были вызваны большей частью расовыми, а не политическими причинами. Исключением в этом смысле явилось отстранение от работы Ф. Валентина, Ф. Шнабеля, В. Гёца, Г. Онкена. В 1935 г. Ф. Мейнеке был вынужден покинуть пост редактора "Исторического журнала", который перешел к **Карлу Александру фон Мюллеру** (1882-1964), единственному ординарному профессору, еще до 1933 г. ставшему членом НСДАП.

³⁰ *Rosenberg A. Demokratie und Sozialismus. Amsterdam, 1938.*

³¹ *Sontar R. Der neue deutsche Imperialismus. Hamburg-Berlin, 1928.*

³² *Merker P. Deutschland - Sein oder nicht sein, 2 Bde. Mexico, 1944-1945.*

Объясняя причины изгнания Мейнеке, газета "Фёлькишер Беобахтер" писала, что смена руководства "Исторического журнала" была "неизбежной, ибо нельзя оставлять ведущий орган немецкой исторической науки" в руках "старой клики либеральных тайных советников". Другой ведущий журнал "Исторический кварталник", руководимый либералом Э. Бранденбургом, был поставлен в столь сложное финансовое положение, что в 1938 г. вынужденно прекратил существование.

На ведущую роль в германской историографии претендовал молодой и честолюбивый **Вальтер Франк** (1905-1945). Он получил известность как автор биографии пастора А. Штёккера, лидера христианско-социального движения в кайзеровской Германии, которому он стремился придать характер массовой антисемитской партии. Другим крупным произведением Франка была книга "Национализм и демократия во Франции Третьей республики" (1933), в которой проводилась идея, что аналогичны "пивной путч" нацистов в 1923 г. и буланжистское движение. Франк рассматривал оба явления как выступление "плебисцитарного национализма против парламентарной демократии". Написанная живо и интересно, книга ярко изображала моральное разложение и коррупцию в Третьей республике, оказавшейся во власти денежных тузов. Было очевидно, что, беспощадно критикуя парламентарную демократию во Франции, Франк направляет удар против Веймарской республики и требует ее ликвидации.

В 1935 г. по настоянию Франка была распущена Имперская историческая комиссия, а вместо нее был создан Имперский институт истории новой Германии. Став во главе Института, Франк начал яростные атаки как против либералов, так и против опеки ведомства Розенберга, ядовито высмеивая претензии людей, не получивших должного образования, на духовное руководство нацией. В итоге трений Франк был по настоянию Розенберга отправлен в 1941 г. в отставку. Про-

пагандируемая им "борющаяся наука" обратилась против него самого. Франк ушел в частную жизнь, в 1943 г. опубликовал трехтомник документов из архива колониального деятеля Германии Карла Петерса. Он готовил фундаментальную биографию Петерса, когда наступил крах фашизма. В день капитуляции Германии Франк застрелился.

Нацистскому режиму не удалось поставить историков под полный контроль и насадить в университетах свою официальную идеологию. Но антидемократизм, национализм и реваншизм немецкой буржуазной историографии были точками ее соприкосновения с идеологией фашизма. Это позволило историографии без существенных трений занять свое место в системе национал-социализма. Конечно, в эти годы было невозможным появление не только открыто оппозиционных работ, но даже таких, которые недостаточно соответствовали официальной идеологии. Так был наложен запрет на печатание пятого тома "Немецкой истории XIX века" Шнабеля.

С другой стороны, пример Г. Риттера, проявившего гражданское мужество, когда он выступил в защиту Г. Онкена или критиковал нацистскую интерпретацию Лютера на Международном историческом конгрессе 1938 г. в Цюрихе, показывает, что политически консервативный историк, которого к тому же нельзя было обвинить в неарийском происхождении, мог позволить себе известное инакомыслие. Но книги Риттера вполне соответствовали духу Третьей империи. Его научно-популярная биография Фридриха Великого (1936) воспевала личность короля-солдата и обосновывала линию преемственности от него до церемонии в Потсдамской гарнизонной церкви, где над прахом Фридриха президент Гинденбург и канцлер Гитлер обменялись символическим и торжественным рукопожатием.

Большинство историков рассматривало национал-социализм как радикальное выражение национальных немецких традиций. Поэтому они не видели никаких при-

чин для отказа от сотрудничества с режимом. Но чисто нацистские сочинения писали исключительно молодые историки, скорее не из идейных, а из карьеристских побуждений. Такими были работы руководителя отдела "еврейского вопроса" в Имперском институте Вильгельма Грау, который не устал доказывать, что "в искоренении истинно германского народного духа еврейский финансовый капитализм и большевизм идут рука об руку. Ротшильд и Маркс - это братья по крови и духу". Мистикой и ненавистью к культуре была проникнута книга Кристофа Штедингга "Империя и болезнь европейской культуры" (1938).

Немецкие историки в эмиграции. Установление нацистского режима привело к значительной эмиграции историков по политическим и расовым мотивам, хотя нельзя сказать, что историография превратилась в изгнанную науку, как случилось это с социологией и политологией. Среди покинувших родину были видные ученые Ф. Валентин, Г. Майер, А. Розенберг, Г. Хальгартен, Э. Канторович, Г. Ротфельс, большая группа учеников Мейнеке - Х. Хольборн, Д. Герхард, Г. Мазур, Г. Розенберг и другие. Некоторые из эмигрантов обратились к историческим исследованиям только в изгнании - Э. Эйк, Ф. Нойман, Г. Манн, А. Дорпален. Они придерживались различных историко-политических взглядов, но в большинстве являлись либерально-демократическими сторонниками Веймарской республики. Они критически относились к истории Германии и стремились выйти за пределы традиционного политико-дипломатического подхода, выступая за применение в историческом исследовании методов других социальных наук.

Большинство эмигрантов нашло прибежище в США, где сравнительно быстро утвердилось в американских университетах. Этому способствовали плюрализм американских учебных заведений, относительно большое количество преподавательских мест, более демократичная система высшего образования. Со своей сто-

роны, эмигранты содействовали преодолению тогдашнего антитеоретического эмпиризма в американской историографии и познакомили ее с идеями М. Вебера, К. Маннгейма, В. Дильтея, Г. Зиммеля. Интеграция эмигрантов в американскую жизнь сопровождалась принятием ими ценностей американской либеральной демократии, которую они воспринимали довольно некритично, за исключением Ф. Ноймана, А. Розенберга, Г. Хальгартена.

Работы, созданные историками-эмигрантами, способствовали переосмыслению немецкой истории. Прежде всего, их занимал важнейший вопрос - каким путем и в силу чего пришла Германия к январю 1933 г.? При различиях в частности ответ сводился в целом к объяснению этого запоздалым развитием буржуазного общества в Германии, что привело к мощному блоку промышленников, юнкерства и бюрократии и воспрепятствовало своевременной демократизации общества.

Такие идеи четко проводились в созданной юристом по образованию **Эрихом Эйком** (1878-1964) трехтомной биографии Бисмарка, одной из самых фундаментальных в мировой историографии³³. Автор показал Бисмарка как человека, который, с одной стороны, привел немцев к желанной цели национального единства, но, с другой, его аморальные методы заложили основу будущих конфликтов. Поэтому, Бисмарк несет историческую ответственность за установление авторитарного правления и пренебрежение идеалами либерализма и демократии.

В целом Эйк оценивал всю структуру и политику Германской империи как "ошибочное развитие". Внутри страны не разрешенные Бисмарком, а подавленные им социально-классовые противоречия должны были рано или поздно привести к взрыву, предотвратив который можно было или государственным переворотом, или большой войной. К тому же, аннексия Эльзас-Лотарингии привела к росту недо-

³³ Eycck E. Bismarck. Leben und Werk, 3 Bde. Erlenbach, 1941-1944.

верия и опасения всей Европы в отношении Пруско-Германской империи. В итоге, Германия оказалась центром раздражения, и август 1914 года был естественным следствием всего развития.

В 1942 г. одновременно в Лондоне и Нью-Йорке вышла одна из интереснейших работ, посвященных национал-социалистскому режиму - "Бегемот", созданная социал-демократом **Францем Нойманом** (1900-1954)³⁴. На немецком языке книга была опубликована только много лет спустя, в 1977 г.

Это была попытка проследить взаимосвязь политического и социально-экономического структурного развития, приведшего к национал-социализму как явлению капиталистического общества. Написанная на базе большого фактического материала, обширной статистике и прессе книга Ноймана трактовала Третью империю как результат развития экономики и общества в эпоху монополистического капитализма. По своей социально-экономической природе нацизм представлял собой, по оценке Ноймана, тоталитарный монополистический капитализм. Он (капитализм) являлся одним из четырех структурных элементов нового режима; тремя другими выступают нацистская партия, армия и государственный аппарат. Между этими элементами существуют значительные противоречия, но, в конечном счете, они представляют собой звенья единого целого. Важен был основной вывод автора - в нацистской Германии нет революционного разрыва с прошлым, как утверждала официальная пропаганда, в ней существует "частно-капиталистическая экономика, регулируемая тоталитарным государством"³⁵. Образно само название книги Ноймана, оставившей глубокий след в историографии фашизма, "Бегемот" - сильное, тупое и злобное животное как символ германского нацизма.

Историческая наука в годы второй

мировой войны. С начала второй мировой войны историки, воодушевленные первыми крупными успехами Германии, с удвоенной энергией принялись обосновывать и развивать идею немецкой культурной миссии в Европе. В 1940 г. в "Историческом журнале" появилась программная статья В. Франка "Немецкие науки о духе во время войны", где было заявлено, что после победы Германии в новой "Великой империи" науки о духе займут в табели о рангах приоритетное положение. Они призваны, по словам Франка, отбросить все прежние никчемные ценности и создать современные ориентиры, воспитывающие совершенно нового человека грядущего.

Историки стремились также осмыслить опыт прошлой войны, чтобы избежать ее ошибок. В 1939 г. появилась капитальная двухтомная работа А. Вегерера "Начало мировой войны", "в которой подробнейшим образом излагались все перипетии июльского кризиса 1914 г. Но из такого скрупулезного исследования автор делал ничего не говорящий вывод о том, что войну предопределила "судьба". Единственными виновниками войны Вегерер объявил Сербию и подстрекавшую ее Россию, отметив, впрочем, что большая доля ответственности лежит на провокационно ведущей себя Франции. Примечательным образом автор не упоминал о роли Великобритании, что было связано с надеждами гитлеровской верхушки на возможное установление союза с Англией.

В противоположность этому Риттер в книге "Государство силы и утопия"³⁶ занял четкую антианглийскую позицию, которая настолько отвечала духу нацистской пропагандистской машины, что, несмотря на войну, книга в 1943 г. вышла сразу третьим и четвертым изданиями. Риттер исходил из геополитической трактовки принципиальной противоположности германского "континентального" и британского "островного" мышления.

Первое открыто и честно, в духе Макиавелли признает жестокость политики, второе, идя по стопам Мора, прикрывает эту жестокость лицемерными рассуждениями о гуманности, справедливости и демократии. Английский империализм, при оценках которого Риттер высказал ряд справедливых суждений, изображен им как особенно пагубный для Европы.

В последующих изданиях "Государства силы" (1943) Риттер смягчает резкость формулировок, его оценки становятся более сдержанными, начинает явственно звучать призыв к нацистскому руководству подумать, пока не поздно, о приемлемом для Германии мире. Тем самым

Риттер начал постепенно поворачивать к идее сближения с Западом, идя в этом отношении по стопам Мейнеке. Образно выразил эту общую для большинства немецких историков тенденцию ещё в 20-е гг. идеолог консерватизма Артур Мёллер ван ден Брук: "Мы были германцами, мы являемся немцами, мы будем европейцами".

В конце 1943 г. переход к "тотальной войне" привел к закрытию большинства исторических журналов, научных учреждений, дезорганизации университетов. Провозглашенное нацистской идеологией "обновление немецкой исторической науки" закончилось полным его крахом.

Глава 5

Историческая наука в США: подъем прогрессивистской школы

После первой мировой войны США утвердились в качестве ведущей в экономическом отношении страны мира. Продолжавшийся в 20-е годы подъем американской промышленности получил название "просперити" (процветание). США также значительно укрепили свои экономические позиции в Европе, усилилось их проникновение во многие страны Латинской Америки. Видные политики, экономисты, социологи вновь обратились к теории "американской исключительности", провозглашали, что "Форд победил Маркса",

На рубеже 20-30-х годов стабилизация в капиталистическом мире сменилась самым разрушительным и глубоким экономическим кризисом, при этом в США он принял очень острый характер. 30-е годы, ознаменовавшиеся массовыми "голодными" походами на Вашингтон, беспреце-

дентным ростом профсоюзного движения, выступлениями фермерско-рабочих партий, социалистов и коммунистов, вошли в историю как "красное десятилетие". Обострение экономических и социальных противоречий в стране стимулировало критически настроенную интеллигенцию к переосмыслению американского исторического опыта, поиску корней тех социальных болезней, которые обострились в 30-е годы. Социально-критическое видение американского прошлого характеризовало в эти и последующие годы исследования многих американских историков.

Большое и одновременно противоречивое воздействие на развитие общественного сознания американцев, в том числе и на историческую мысль оказал "новый курс" Ф. Д. Рузвельта, избранного президентом США в 1932 г. и остававшегося на этом посту вплоть до своей смерти

³⁴ Neumann F. Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism. London, N. Y., 1942.

³⁵ Ibid., p. 214.

³⁶ Ritter G. Machtstaat und Utopie. München-Berlin, 1940.

(1945). "Новый курс" Рузвельта, опиравшегося на широкую демократическую коалицию, осуществил посредством разностороннего государственного регулирования серию прогрессивных социальных реформ в интересах американского народа, способствовавших существенному преобразованию классического капитализма. Вместе с тем по мере развертывания социальных мероприятий "нового курса" многие деятели либеральной и даже радикальной интеллигенции, среди них и критически мыслящие историки, стали усматривать в политике Рузвельта средство ликвидации всех бед капитализма. Подобная оценка "нового курса" не могла не повлиять на их ретроспективное видение американского прошлого: успехи либерально-реформистской политики Рузвельта и нью-дилеров высветили в их сознании исторический путь США как прогрессирующее утверждение идеалов демократии и "социально-ответственного государства". Во второй половине 30-х годов происходит переход с критических на апологетические позиции в освещении истории США таких признанных лидеров либеральной историографии как Ч. Бирд, А. Шлезингер-старший, Л. Хэкер.

Состояние исторической науки. Для межвоенного периода характерна противоречивость методологических основ исторической науки. Релятивизм, отрицание объективности исторического познания, проявившиеся в выступлениях отдельных историков еще в начале 1900-х годов, получили дальнейшее развитие. Значительную роль при этом играла философия прагматизма.

Одним из наиболее влиятельных вариантов прагматизма стал так называемый инструментализм, создателем которого был видный американский философ Джон Дьюи. Гносеология Дьюи основана на рассмотрении научных понятий лишь как "инструментов", истинность которых всецело определяется их практической полезностью. Констатируя неизбежную зависимость исторической науки от политических течений современности, Дьюи ин-

терпретирует это с позиций релятивизма и делает вывод о невозможности объективного исторического познания прошлого.

Видные американские историки обращаются также к идеям европейских неокантианцев - В. Виндельбанда, Г. Риккорта и других, выдвинувших положение о принципиальном различии между методологией естественных и общественных наук и утверждавших, что в истории невозможно установление общих законов, что цель познания - лишь описание отдельных неповторяющихся событий.

В своих выступлениях в 20-х годах и президентском обращении к Американской исторической ассоциации в 1931 г. известный историк К. Беккер выдвинул тезис, что представления любого человека об истории ничем принципиально не отличаются от научной истории и что объективной истории быть не может вообще, ибо история - это "акт мысли", которая творит историю соответственно интересам современности. Подобные взгляды были развиты влиятельными историками - президентами Американской исторической ассоциации Ч. Бирдом, Г. Боултоном, У. Доддом. Они подвергли критике историческую терминологию, объявили "символами", продуктами сознания историка такие понятия, как закономерность общественного развития, причинность явлений и т.д.

Результатом скептического отношения к возможностям познания явилось также возрождение взглядов на историю как на искусство, в котором решающая роль принадлежит творческому воображению историка. Видное место в исторической литературе занял жанр литературно-исторической биографии.

И все же ведущие позиции в американской исторической науке сохраняла методология позитивизма. Релятивизм еще не внедрился в практику исторических исследований, и позитивистская теория многих "равноправных факторов" определяла подход большинства историков к изучению прошлого. В конце 20-х и начале 30-х годов экономическая и социальная исто-

рия заняла важное место в американской историографии. Усиление внимания к этой проблематике происходило под влиянием целого ряда факторов - экономического развития страны, роста рабочего движения и внутренней эволюции позитивистского направления.

Новые внутри- и внешнеполитические задачи, вставшие перед американским обществом, привели к расширению социальной функции исторической науки. Значительно укрепились ее организационные основы. Активизирует свою деятельность Американская историческая ассоциация; в этот период к ней примыкают объединения местных исторических обществ, число которых возросло к 1945 г. до 833. На ежегодных общих собраниях ассоциации и на заседаниях ее секций обсуждались важнейшие проблемы новой и новейшей истории США и методологические вопросы. Свидетельством роста авторитета Исторической ассоциации было участие ее представителей в работе Совета по исследованиям в области социальных наук и Американском совете научных обществ.

Стремление оказывать влияние на широкие круги читателей и специализация научных интересов привели к появлению ряда сводных работ по истории США, в создании которых приняли участие большие группы ученых. Важнейшие из них - "Хроники Америки" (50 т., 1918-1921) и "История американской жизни" (12 т., 1927 -1948)¹, уделившая много места социальной и культурной истории.

После первой мировой войны в США значительно выросло число исторических журналов. С 1918 г. начал выходить журнал "Испано-американское обозрение", ("Hispanic-American Historical Review") посвященный истории Латинской Америки, с 1929 г. - "Журнал новой истории", ("Journal of Modern History") целью кото-

рого было стимулировать изучение новой истории европейских стран, с 1935 г. - "Журнал истории Юга" ("Journal of Southern History") и др. К 1945 г. в США издавалось 86 исторических журналов.

Под влиянием общественно-политической практики и в результате развития исторической науки расширялась проблематика исторических исследований.

Рост конкретно-исторических знаний был во многом связан с расширением источниковой базы американской историографии, совершенствованием методики изучения и публикации источников, улучшением постановки архивного дела. Широкий размах получили энциклопедические издания и справочно-библиографическая служба². В связи с практическими нуждами правительства США важнейшими центрами хранения рукописей и документов стали Национальный архив в Вашингтоне, основанный в 1934 г. и рукописный отдел Библиотеки конгресса. Богатые коллекции документов были сосредоточены при крупных университетах (при Висконсинском - документы по истории рабочего движения, Йельском и Стэнфордском университетах по истории первой мировой войны и т.д.) и местных исторических обществах. В период между двумя мировыми войнами в США были предприняты крупные издания документов (важную роль в этом деле играла Национальная комиссия по историческим публикациям).

Либерально-реформистское ("прогрессистское") направление. Одно из

² "Dictionary of American Biography", ed. by A. Johnson, w. 1-22. New York, 1928-1944; "Dictionary of an American History". ed. J. Adams, w. 1-5. New York, 1940; "Encyclopedia of the Social Science", ed. E. Selign, w. 1-15, New York, 1930-1934. Были изданы путеводители по американским и иностранным историческим архивам, путеводители по исторической литературе ("Guide to Historical Literature", ed. G. Dutcher, New York, 1931; "Guide to the Diplomatic History of the United States, 1775-1921", ed. by S. Bemis, G. Griffin. Washington, 1935).

¹ "The Chronicles of America Series", ed. by A. Johnson, w. 1-50. New Haven, 1918-1921; "History of American Life", ed. by D. Fox, A. M. Schlesinger, w. 1-12. New York, 1927-1948.

ведущих мест в исторической науке заняло либерально-реформистское направление, за которым закрепилось название "прогрессивистской школы". Прогрессивистская школа, с момента возникновения на рубеже XIX-XX вв. сосредоточившаяся на изучении экономических факторов и социальных конфликтов в истории США, достигла научной зрелости в 20-40-е гг., когда она стала признанным лидером либерально-демократической историографии. Историки-прогрессивисты Ч. О. Бирд, Л. М. Хэкер, А. М. Шлезингер-старший, Дж. Т. Адамс, К. Ван Вудворд создают крупные обобщающие труды по истории США. Эти труды имели серьезные отличия от общих работ по американской истории, принадлежавших перу Дж. Бэнкрофта, Дж. Скулера, Дж. Мак Мастера и других ведущих историков XIX - начала XX в.: если последние стремились вместить в многотомные сочинения все имевшиеся в их распоряжении сведения по американской истории, воздвигая "монблан" фактов, то историки-прогрессивисты использовали фактическую ткань для теоретического осмысления исторического опыта США. Их историческому синтезу был присущ ряд важных нововведений.

Создавая синтетические полотна американской истории, историки-прогрессивисты активно размышляли над связью прошлого США со всемирно-историческим процессом. Многие среди них ограничивались раскрытием непосредственных отношений между историческим развитием Америки и Европы, таких, например, как зависимость истории США колониального периода от процесса формирования капиталистических отношений и ранних буржуазных революций в Западной Европе, в первую очередь, в Англии. Но ведущие историки-прогрессивисты пытались пойти дальше: формулировали задачу выявления единой внутренней логики, общих закономерностей исторического развития США и всемирно-исторического процесса. Так, Дж. Джеймсон стремился выявить типологи-

ческую общность Американской и Французской революций конца XVIII века; А. Шлезингер-старший охарактеризовал демократический подъем и приход к власти партии Э. Джексона в США в 1820-ые гг., революцию 1830 г. во Франции и установление в ней буржуазной монархии, парламентскую реформу 1832 г. в Англии как общеисторическую фазу восхождения буржуазии; Ч. Бирд рассмотрел Гражданскую войну в США 1860-х гг. как конкретно-историческую форму буржуазной революции.

Идею единства американского исторического развития и всемирной истории наиболее последовательно развил А. Шлезингер-старший. Этот историк, заявивший о себе в 1918 г., монографией "Колониальные купцы и Американская революция", обратился затем к обобщающим трудам, главным среди которых стала "Политическая и социальная история Соединенных Штатов"³. "Чем дольше я изучаю историю Соединенных Штатов, - писал Шлезингер, - тем больше убеждаюсь в единстве человеческой истории. Пять ведущих тенденций американского развития ни в коем случае не характеризуют уникальности Соединенных Штатов, а в равной степени присущи истории Западной Европы рассматриваемого периода". В качестве пяти ведущих тенденций американского и европейского исторического развития им были названы факторы, характеризующие становление и утверждение буржуазного строя. Хотя выбраны они были весьма произвольно (наряду с, несомненно, важными, такими как введение машинного производства или образование нации, назывались и более частные факторы, например, развитие общественных школ, гуманитарные реформы, улучшение положения женщин и детей) и хотя Шлезингер следовал позитивистской концепции "равенства факторов", необычным было то, что он исходил из единства европейской и американской истории, подчи-

³ Schlesinger A. M. Political and Social History of the United States. 1829-1925. N. Y., 1925.

ненности ее определенным общеисторическим закономерностям. Это отличало его от историков, следовавших теории "американской исключительности".

Вместе с тем единство всемирно-исторического процесса толковалось историками-прогрессивистами скорее с романтически-идеалистических позиций: высший смысл американской истории, как и истории других стран, заключался, согласно их концепции, в противоборстве "аристократического" и "демократического" принципов, в движении от несвободы к свободе и равенству. И уже в противоречии с этой концепцией находилось последовательное применение ими социально-экономического анализа при изучении конкретных проблем американской истории. При этом историки-прогрессивисты разделяли американское общество на два основных класса - привилегированную господствующую верхушку, с одной стороны, и приниженные социальные классы и слои от средней и мелкой буржуазии до пролетариата - с другой. Двучленную схему классового размежевания американского общества на привилегированное меньшинство, присваивающее себе экономические, социальные и политические блага, и демократическое большинство, выступавшее за их перераспределение на справедливой основе, историки-прогрессивисты использовали при изучении всех без исключения этапов американской истории.

В историческом синтезе прогрессивистских историков были выделены три крупных периода американской истории: "ранний" - от образования колоний в Северной Америке до конца XVIII века; "средний" - до 1860-х гг.; "поздний" - до современных им событий. Каждый период американской истории имел стержнем социальные конфликты между "верхами" и "низами", а венцом - общественно-политическое потрясение. Кульминацией первого этапа исторического развития США была признана Война за независимость 1775-1783 гг., охарактеризованная как социально-политическая революция, второго - Граж-

данская война 1861-1865 гг., которая была определена как вторая американская революция, наконец, в качестве финала третьего этапа подразумевалась победа антимонопольных сил над всевластием монополий. Прогрессивистская школа первой в историографии США дала разносторонний анализ революционной, леворадикальной и демократической традиций в американской истории, борьбы фермерства, массовых антирестовских движений, системы и методов социального господства элиты на разных этапах прошлого США. Вместе с тем прогрессивистским концепциям были присущи противоречия и упрощения, обусловленные не в последнюю очередь методологическим эклектизмом. Признавая важную роль социальной борьбы в истории США, прогрессивисты отводили в ней ведущую роль либерально-демократическим течениям среднего класса. Прогрессивисты искали из возможности безграничного развития демократии в Америке, а недвусмысленно характеристикой их мировоззрения было то, что многие из них восприняли "новый курс" Ф. Д. Рузвельта 30-х гг. в качестве третьей, "антимонопольной революции" в США. Используемый ими метод "экономической интерпретации истории" применялся, как правило, при изучении непосредственных материальных мотивов различных профессиональных и имущественных групп, но не подкреплялся обобщающим анализом капиталистического способа производства.

Наибольших научных результатов историки-прогрессивисты добились в изучении "раннего" и "среднего" периодов американской истории. В их исследованиях колониального этапа (1606-1776 гг.) была раскритикована апологетическая концепция о развитии американского общества как изначально образцовой демократии среднего класса. Прогрессивистские историки обнаружили равнообразные пережитки феодализма в центральных и южных колониях, показали, что недемократические принципы получили выражение в политическом устройстве и религиозной жизни.

Принципиальное значение в развитии прогрессистской концепции колониальной истории США имела монография Дж. Адамса "Провинциальное общество"⁴. **Джеймс Т. Адамс** (1878-1949) доказал, что на всем протяжении колониальной истории шла социально-экономическая дифференциация общества, а возможности социальной мобильности оставались ограниченными.

В серии работ историков-прогрессистов (М. У. Джернигана, Л. Э. Смита и др.) впервые была исследована история законтрактованных белых слуг, европейских бедняков, продававших себя лендлордам и плантаторам Северной Америки на срок от трех до семи лет. Они показали, что колониальная экономика в немалой мере основывалась на принудительном труде негров и белых. К 1770 г. в качестве законтрактованных слуг (сервентов) было ввезено не менее 250 тыс. белых мужчин, женщин и детей и, кроме того, еще 250 тыс. негров-рабов. Смит с полным основанием утверждал, что от половины до двух третей всех белых иммигрантов составляли законтрактованные слуги, сервенты по обязательству или осужденные преступники. Острые социальные контрасты колониального периода, послужили, по заключению историков-прогрессистов, важнейшей причиной революции 1775-1783 гг.

В пику "имперской школе" историки-прогрессисты не уделяли сколько-нибудь пристального внимания антиколониальному аспекту Американской революции. По их убеждению, важнейшую и даже главную сторону революции составлял вопрос о внутривластных преобразованиях в Северной Америке, по этой причине она характеризовалась как "внутренняя революция". Наибольший авторитет среди прогрессистских исследований революции завоевал Дж. Ф. Джеймсон. **Джон Ф. Джеймсон** (1850-1937) первым в историографии США поставил задачу

раскрыть типологическую общность Американской и Французской революций конца XVIII в. Исследование Джеймсона заключало в себе ряд необычных для немарксистской историографии оценок Американской революции. Вопреки укоренившейся в историографии США оценке Американской революции как политической и антиколониальной, а Французской - как социальной, заменившей "старый порядок" (феодальный) "новым" (буржуазным), Джеймсон называл обе революции социальными.

Социальный характер двух революций проявился, по Джеймсону, в том, что обе они в отличие от верхушечных "дворцовых" революций были вызваны к жизни широкими движениями народных масс, являлись, по его определению, "популистскими революциями". Обе революции преследовали цель изменить общественные системы, имевшие схожие черты, отягченные феодальными правами в системе землепользования, эксплуатацией подневольного труда, государственными религиями, аристократическими политическими устройствами. К глубинным социальным преобразованиям революции Джеймсон относил уничтожение феодальной фиксированной ренты (квнт-ренты), отмену майората и неотчуждаемости земельной собственности, конфискацию земель лоялистов и распродажу их небольшими участками⁵. Другой известный прогрессистский историк М. Дженсен раскрыл глубину демократических политических требований низов в Американской революции, их воздействие на преобразования в политической, религиозной, правовой сферах⁶. Для многих прогрессистских историков было свойственно вместе с тем стремление утверждать, что демо-

кратические преобразования революции были ограничены на ее завершающем этапе, что получило отражение в конституции 1787 г.

При изучении "среднего периода" американской истории прогрессисты сосредоточивались на трех ее ключевых моментах: джефферсоновской демократии, охватывавшей первые 16 лет XIX в. (особенно президентство самого Джефферсона), джексоновской демократии и Гражданской войне. "Золотым веком" демократических реформ в США при этом признавалось президентство Э. Джексона (1829-1837 гг.). Своим классическое воплощение прогрессистская концепция джексоновской демократии получила в монографии А. Шлезингера-младшего, увидевшей свет в 1945 году⁷. Рассматривая джексоновскую демократию как продукт двух социальных факторов - уравнилельно - индивидуалистического духа западной границы и рабочего движения восточных штатов, Шлезингер-младший в наиболее полной мере по сравнению с предшественниками выявил активную роль рабочих в демократических преобразованиях 30-х гг. XIX в. Привлеченный им для освещения этого вопроса богатейший фактический материал служил обоснованию характерного для прогрессиста, но уязвимого для критики вывода о глубоко народном, "антикапиталистическом" характере джексоновской демократии (вопрос о ее социальной сущности Шлезингер-младший подменял вопросом о ее массовой базе). Он доказывал также, что ни профсоюзы, ни весьма многочисленные рабочие партии 20-30-х гг. прошлого века не были в состоянии выразить интересы пролетариата и что это оказалось под силу только демократической партии во главе с Э. Джексоном. Политический характер выводов Шлезингера-младшего в наибольшей степени выявлялся в заключительных главах, протягивавших нить между реформами Э. Джексона и Ф. Д. Рузвельта и идеализиро-

вавших либерально-реформистские методы общественных преобразований на основе широкой левоцентристской коалиции под руководством демократической партии США.

Новые подходы были развиты в исследованиях прогрессистских историков, посвященных истории рабства и Гражданской войны. Родоначальник прогрессистской школы Ф. Д. Тернер считал рабство побочным продуктом социально-экономического развития США и не придавал его изучению самостоятельного значения, другие историки-прогрессисты в начале XX в. так же не уделили внимания эпохе Гражданской войны. Фактически только в 20-е годы эта проблематика была поставлена во весь рост прогрессистскими авторами, при этом наиболее оригинальные и плодотворные концепции были развиты **Чарлзом О. Бирдом** (1874-1948) и **Артуром М. Шлезингером-старшим** (1888-1965). В их трудах раскрыт глубокий исторический парадокс: развитие связей плантационного рабства с капиталистическим рынком сопровождалось усилением его несовместимости с промышленным капитализмом Северо-Востока. Историки-прогрессисты, признавая наличие капиталистических черт у плантационного рабства и даже используя в отношении его определение "хлопковый капитализм", безусловно, не отождествляли его с капиталистической системой (хотя и не давали убедительного определения соотношения капиталистических и некапиталистических начал плантационного рабства, называя его "полуфеодальным, полукапиталистическим").

И Бирд, и Шлезингер в отличие от большинства американских историков рассматривали Гражданскую войну не как историческую аномалию, а как закономерность, обусловленную социально-экономической и политической несовместимостью капиталистического Северо-Востока и рабовладельческого Юга. Бирд определял капиталистический Северо-Восток и рабовладельческий Юг как "антагонистические системы", а фундамен-

⁴ Adams J. T. Provincial Society. 1690-1763. N. Y., 1927.

⁵ Jameson J. F. The American Revolution Considered as a Social Movement. Princeton, 1926.

⁶ Jensen M. The Articles of Confederation: An Interpretation of the Social-Constitutional History of the American Revolution. 1774-1781, Madison, 1940.

⁷ Schlesinger A. M., Jr. The Age of Jackson. Boston, 1945.

тальной причиной их конфликта считал "столкновение двух господствующих систем организации труда - свободной и рабской". В отношении Гражданской войны он использовал определение "вторая американская революция", а ее главными вопросами объявлял смену господства одного класса другим - плантаторов-рабовладельцев промышленной буржуазией - и изменение в отношениях собственности⁸. Бирд сознательно отказался писать историю гражданской войны как военную историю: характерному для традиционной историографии описанию походов, наступлений и отступлений, драматических сражений он демонстративно предпочитал анализ социального законодательства, межпартийных и внутрипартийных размежеваний, изменения состояния промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Имея в виду главный итог Гражданской войны - отмену рабства он подчеркивал не столько ее морально-этическую сторону, сколько заключенный в ней факт экспроприации собственности плантаторов-рабовладельцев на сумму 4 млрд. долл. (беспрецедентной, по словам историка, конфискации "в истории англосаксонского права").

Бирд признавал ограниченный характер гражданской войны как социальной революции: она освободила негров без земли, обрекла их тем самым на униженное экономическое, социальное и политическое существование. Со схожих с Бирдом позиций проанализировал Гражданскую войну А. Шлезингер-старший, не называвший, правда, ее революцией.

Анализ историками-прогрессистами проблем Гражданской войны, заключавший принципиально новые для американской историографии подходы, не был в то же время свободен от недостатков и противоречий. Признавая несовместимость капиталистической и рабовладельческой систем, они не раскрыли конкретно-исторического механизма воздействия

этого противоречия на драматические события эпохи Второй американской революции. Историки—прогрессисты не дали сколько-нибудь удовлетворительной картины расстановки социальных сил и их взаимоотношений в эпоху гражданской войны. Фактически они отказались от раскрытия роли негритянского народа в уничтожении позорного института рабства. Не был решен ими вопрос о вкладе в революционный процесс различных социальных сил, вошедших в революционный лагерь (буржуазии, рабочих, фермерства). Бирд и Шлезингер не поставили вопроса об этапах Второй американской революции, о том, какое место в ней занимал период Реконструкции.

Некоторые из этих недостатков исследований мэтров прогрессистской историографии были преодолены в трудах их последователей А. Коула, Г. Била, К. Ван Вудворда в 30-40-е гг. В частности, они рассмотрели Реконструкцию (1865-1877 гг.) как конечную фазу Второй американской революции, показали ее вклад в ликвидацию и ограничение аристократических привилегий плантаторов, предоставление юридических и политических прав негритянскому населению, расширение прав белых бедняков.

В 30-40-е гг. прогрессистскими историками Д. Хиксом и Ч. Дестлером, также впервые, была всесторонне освещена история борьбы фермерства в период от окончания Реконструкции до начала XX века. Именно в эти годы тема антимонопольных движений масс была прочно освоена прогрессистской историографией.

30-40-е гг. явились десятилетиями высшей активности прогрессистской школы, но вместе с тем в это время в ее развитии выявились серьезные внутренние противоречия. Главное из них заключалось в пересмотре социально-критических позиций в подходе американской истории, восприятии релятивистских методологических принципов рядом ее видных представителей. Перипетии прогрессистской школы наиболее рельефно проявились в

научном творчестве ее признанного лидера Ч. Бирда.

Преклонение Бирда перед социально-экономическими реформами "нового курса" Ф. Д. Рузвельта имело непосредственное отношение к эволюции его исторических взглядов и восприятию теории "американской исключительности". Разительные перемены, происшедшие в мировоззрении Бирда за десяток лет, нашли отражение в завершающих томах его главного труда "Развитие американской цивилизации" (подготовлен совместно с женой). Первые два тома; появившиеся в конце 20-х годов⁹, трактовали американскую историю как неотъемлемую часть всемирно-исторического процесса, подчиненную определенным общим закономерностям. В третьем¹⁰ и особенно четвертом томах¹¹, опубликованных в конце 30-начале 40-х годов, США рассматривались как особое, подчиняющееся специфическим законам культурно-психологическое сообщество, как уникальная и самая совершенная цивилизация. К специфическим закономерностям американской цивилизации при этом были отнесены географическое положение, наличие "свободных" земель, "равенство экономических возможностей", высокая социальная мобильность, политическая демократия. Показательно изменение Бирдом оценок федеральной конституции 1787 г. В 1913 г. в ставшей классической еще при его жизни монографии "К экономической интерпретации американской конституции" он писал о консервативном и даже антидемократическом характере федеральной конституции, а три десятилетия спустя превозносил ее авторов за дальновидность и гибкость, отказываясь видеть в основном законе США какие-либо недостатки.

Отход Бирда от принципов прогрессистской историографии проявился также в

трудах по методологии и философии истории. В 30-40-е гг. он решительно отверг принципы классического позитивизма, которым в значительной степени следовал в предшествующий период, при этом главной критике подверглась идея исторической закономерности. Бирд поставил под сомнение и наличие объективных исторических фактов, объявив их категорией субъективного восприятия историка. В конечном итоге Бирд, по существу, отказал историографии в праве именоваться наукой и приравнял ее к разновидности общественно-политической мысли. "История! Да это кот, которого тянут за хвост туда, куда он меньше всего хочет идти сам", - эта нигилистическая фраза отразила эволюцию ведущего прогрессистского историка на завершающем этапе творчества.

В 30-40-е гг. позиции прогрессистской школы покидают также другие видные ее представители. Они отказываются от идеи социального конфликта как важнейшего фактора американского исторического развития и объявляют таковым реформы просвещенных президентов от Т. Джефферсона до Ф. Д. Рузвельта. Эта концепция послужила основанием новой школы в американской историографии - неолиберальной, которая оформилась уже в 50-е годы.

Консервативные направления в изучении американских революций XVIII-XIX вв. Консервативное направление в американской исторической науке пыталось утвердиться на ведущей позиции в изучении двух классических тем американской истории - Войны за независимость и Гражданской войны.

Определенным трамплином для этого послужило состояние изучения колониального периода.

В разработке колониальной истории США и Войны за независимость 1775-1783 гг. значительное место заняли историки "имперской школы", зародившейся в начале 1900-х годов. **Чарльз М. Эндрюс** (1863-1943) в работе "Колониальный пе-

⁹ Beard Ch. A., Beard M. R. The Rise of American Civilization. V.1-2. N. Y., 1927.

¹⁰ Idem. America in Midpassage. N. Y., 1939.

¹¹ Idem. The American Spirit. A Study of the Idea of Civilization in the United States. N. Y., 1942.

⁸ Beard Ch. A., Beard M. R. The Rise of American Civilization. V.1-4, N.Y., 1927-1942, V.1.

риод американской истории"¹², **Эдвард Чаннинг** (1856-1931) в "Истории Соединенных Штатов"¹³ и другие рассматривали американские колонии, прежде всего, как часть организации Британской империи и в войне за независимость США видели лишь эпизод развития английской колониальной системы. Противоречия между американскими колониями и Англией сводились ими к вопросу о степени самоуправления заморских территорий Британской империи. Хотя историки "имперской школы" прямо не отрицали необходимости войны за независимость, но они близко подходили к этому выводу, утверждая, что предоставление колониям статуса доминиона могло бы предотвратить восстание в Америке.

Опираясь на постулаты, сформулированные "имперской школой" о преимущественно политических противоречиях английских колоний и метрополии, К. Ван Тайн, Р. Кашленд и другие историки, занимавшиеся непосредственно событиями Войны за независимость, выступили против основных положений прогрессивистской историографии Американской революции. Они отрицали революцию как крупнейшее антиколониальное и социальное движение, ставили под сомнение глубокие общественные перемены в стране после победы восставших колонистов.

Консервативные и даже реакционные тенденции в трактовке рабства и Гражданской войны ярко проявились в деятельности историков-бурбонов¹⁴. Большинство этих историков по своему происхождению, положению (профессора и преподаватели университетов южных штатов) и общественной ориентации были связаны с

Югом, где продолжал существовать расизм и дискриминация негров. Одним из наиболее известных представителей этого направления являлся **Улрих Б. Филлипс** (1877-1934). Центральная тема его работ "Рабство негров в США", "Жизнь и труд на старом Юге"¹⁵ - экономическая и социальная необходимость рабства. Филлипс одним из первых ввел в научный оборот документы, касающиеся хозяйственной деятельности крупных плантаций (финансовые отчеты, инструкции и г.д.). Но картина рабства нарисованная лишь на основе документов их владельцев внес свидетельств негров-рабов приобрела искаженный характер. Филлипс пытался доказать, что рабство было наиболее гуманным способом соединения труда и капитала, и, поскольку рабы как собственность плантаторов были дороги, последние "бережно и патриархально" обращались с ними. Систему рабства он также рассматривал как "школу", в которой "варварская раса" подготавливает себя к жизни в цивилизованном обществе.

Другая группа историков - Дж. Рэнделл в работе "Гражданская война и реконструкция"¹⁶ и Э. Крэйвен в "Происхождении гражданской войны"¹⁷ - выступила с критикой либеральной концепции гражданской войны. Отрицалась ее неизбежность, она объявлялась "бесплодной войной", делом "заблуждающегося поколения". Определяющей причиной войны назывался специфический настрой общественного мнения, созданный умелым пропагандистским манипулированием устойчивыми идейными образами, эксплуатацией взаимных предубеждений и предрассудков южан и северян. Этот пересмотр направлялся во второй половине 30-х годов Южной исторической ассоциа-

цией. Основные положения этой концепции были развиты историками уже после второй мировой войны.

Школа Коммонса. Историография рабочего движения. В тесной связи с либерально-реформистским (прогрессивистским) направлением в историографии развивалась коммонсовско-висконсинская школа истории рабочего движения. Для нее характерен интерес к экономическим фактам, использование методов экономической интерпретации и ориентация на либеральные государственные реформы.

Важным шагом в развитии этой школы стал выход в свет в 1918 г. двух начальных томов коллективного труда "История рабочего движения в США"¹⁸, завершеного уже в 1935 г. (в этом году вышли 3 и 4-й тома, доведшие исследования до 1932 г.). Руководителем и автором основополагающих концепций труда был **Джон Коммонс** (1862-1945). Начав свою научно-педагогическую деятельность в 80-х годах XIX в., Джон Коммонс с 1904 г. прочно связал свою судьбу с Висконсинским университетом, в стенах которого и формировалась его школа. Им был опубликован ряд работ по истории экономического развития США и тред-юнионизма. Под его редакцией вышла еще в 1910-1911 гг. 10-ти томная "Документальная история американского индустриального общества", которая в американской историографии считается классической.

Исследовательские принципы были сформулированы Коммонсом под влиянием немецкой исторической школы в политэкономии и особенно историко-хозяйственной схемы ее представителя Карла Бюхера. Главный постулат немецкой исторической школы заключался в закреплении за национальными историческими условиями и потребностями главенствующей роли в определении характера экономики, социального развития, политических институтов той или иной страны.

¹⁸ *Commons J. a.e. History of Labor in the United States. V. 1-2. N. Y., 1918; V. 3-4. N. Y., 1935.*

Другой отправной принцип Коммонса был обусловлен историко-хозяйственной схемой Бюхера, положившего в основу периодизации экономического развития общества уровень товарно-денежных отношений. Согласно Коммонсу, на ранней стадии развития капитализма в США промышленная буржуазия находилась в полной зависимости от ссудного капитала и торговой буржуазии и вынуждена была искать выход за счет эксплуатации наемных рабочих. Когда же в конце XIX в. предприниматели получили самостоятельность и возможность увеличить прибыль, борьба между капиталистами и рабочими, вызванная условиями найма, стала затихать. По Коммонсу, организованное рабочее движение в лице тред-юнионов было в первую очередь вызвано к жизни не противоречиями между трудом и капиталом, а главным образом конкуренцией между соперничающими группами самих рабочих, прежде всего между квалифицированными (с более высоким заработком) и неквалифицированными рабочими из числа эмигрантов.

Выдвинутая немецкой исторической школой концепция уникальности социально-экономического развития каждой страны была распространена Коммонсом на американское рабочее движение: "Рабочее движение в Америке возникло из специфических американских условий и только путем осознания этих условий мы окажемся в состоянии провести различие между характером движения и методами его организации в США и других странах". Это положение послужило еще одним аргументом в обосновании тезиса о преимущественно рыночном сознании американских рабочих.

Историки данной коммонсовско-висконсинской школы уделили первостепенное внимание воздействию на рабочее движение постоянного притока эмигрантов, наличию свободных земель, огромных ресурсов внутреннего рынка, своеобразной системе механизма государственного управления. Все это проливалось новым светом на особенности рабочего движе-

¹² *Andrews Ch. The Colonial Period of American History. V. 1-4. New Haven, 1934-1938.*

¹³ *Channing E. A. History of the United States. V. 1-6. N. Y., 1905-1925.*

¹⁴ Этот термин употребляется американскими историками для характеристики защитников рабовладельческого Юга, которые, подобно французским королям династии Бурбонов эпохи Реставрации, "ничему не научились и ничего не забыли".

¹⁵ *Phillips U. American Negro Slavery. N. Y. 1918; Idem. Life and Labour in the Old South. Boston, 1929.*

¹⁶ *Randall J. The Civil War and Reconstruction. N. Y., 1937.*

¹⁷ *Craven A. The Coming of the Civil War. N. Y., 1942.*

ния в США сравнительно с европейским: неразвитость самосознания американских рабочих, ограниченность их политического видения, слабость социалистических партий и т.д. (Американские марксисты, выдвигавшие нереальную программу немедленных революционных социалистических преобразований, обращали внимание главным образом на общие закономерности развития капитализма и оставляли в тени специфику американского развития и условия рабочего движения в США).

В свою очередь, абсолютизация особенностей рабочего движения обусловила внимание висконсинцев почти исключительно к истории тред-юнионистского движения, объединявшего в лучшие годы не более пятой части американских рабочих (в центре исторических работ Американская федерация труда); в их книгах не нашлось места ни радикальному юнионизму, ни действиям и умонастроениям массы неорганизованных рабочих.

Все это явилось главными причинами падения влияния коммонсовско-висконсинской школы после второй мировой войны.

Леворадикальное направление. Левее прогрессистской школы стояли по их политическому звучанию работы историков радикального направления, выступавшего с открыто антимонаполистических позиций. В 1920-е гг. его наиболее ярким представителем являлся **Вернон Л. Паррингтон** (1871-1929). В фундаментальной трехтомной монографии "Основные течения американской мысли"¹⁹ он создал синтетическую картину трехвековой эволюции американского "духа": от экономических, социологических, политико-правовых идей и доктрин до "высокой" прозы и поэзии. Суть американской истории заключалась, по Паррингтону, в борьбе сторонников права собственности

и концепции прав человека. Элементы противоречий были заложены в самих Декларации независимости 1776 г. и федеральной конституции 1787 г.: "Мы, пожалуй, не совершим большой ошибки, если будем рассматривать политическую историю Америки после 1790 г. в основном как борьбу между идеалами "Декларации независимости", в которой провозглашались, главным образом, права человека, и положениями американской конституции, призванной служить узкопрактическим целям защиты прав собственности". Паррингтон с сочувствием относился к рабочим США, но подлинными героями американской истории у него выступали так называемые "третьи партии" - по преимуществу, мелкобуржуазно-радикального и социально-реформистского толка, вынуждавшие двухпартийную систему в интересах самосохранения идти на уступки трудящимся массам. Жесткой критике подвергнуты Паррингтоном выразители консервативной идейно-политической традиции в США. В 30-е годы на книге Паррингтона воспитывалось целое поколение американской радикальной интеллигенции.

В 30-е годы лидером радикального направления выступил М. Джозефсон, подготовивший серию ярких исследований, посвященных раскрытию экономических и политических аспектов и последствий утверждения господства монополистического капитала в США²⁰. Джозефсон одним из первых среди немарксистских авторов использовал для обозначения новой эпохи капиталистического развития определение "монополистический капитализм". Он уделил определенное внимание экономическим основам монополизации, но в еще большей степени, следуя канонам антимонаполистической критики, подчеркивал роль буржуазных политических партий и государства в обеспечении самых благоприятных условий для поглощения или порабощения крупным капита-

лом мелких предпринимателей. Важным отличием Джозефсона от Бирда, Шлезингера-старшего и других видных представителей прогрессистской школы было критическое отношение к либеральному реформизму. Джозефсон считал, что антимонаполистическое законодательство конца XIX - начала XX века предназначалось его инициаторами для успокоения общественного мнения, но отнюдь не для расправы с "баронами-грабителями", как характеризовал он монополистов. Если либерально-реформистские историки видели смысл усилий президентов—реформаторов типа Т. Рузвельта и В. Вильсона в реализации демократических требований третьих партий, то Джозефсон определял буржуазный реформизм республиканской и демократической партий США как способ утонченной борьбы с антимонаполизмом и независимыми политическими действиями третьих партий.

С позиций радикального реформизма выступила группа исследователей рабочего движения, среди них Г. Дэвид, Дж. Коулман, С. Йелн, подвергшие всесторонней критике коммонсовско-висконсинскую школу. С. Йелн в монографии "Бою американских рабочих" (1936) проследил историю стачечного движения американского пролетариата, начиная с "великих стачек" 1877 г. Йелн отмечал, что в истории американского пролетариата происходили стачки разных типов - от простых экономических до радикальных политических, обнаруживших высокий уровень классово-сознательности части пролетариата США. Историк дал высокую оценку деятельности "Индустриальных рабочих мира", заключавшей, по его мнению, радикальную альтернативу оппортунистической практике АФТ. Йелн доказывал, что профсоюзы США смогут противопоставить себя в качестве реальной силы капиталу, преодолев разобщенность между белыми и черными, квалифицированными и неквалифицированными рабочими.

Негритянская историография. Одним из новых явлений в развитии американской исторической науки в межвоен-

ный период явилось оформление в качестве самостоятельного направления негритянской историографии.

Становление профессиональной негритянской историографии связано в значительной степени с деятельностью **Картера Г. Вудсона** (1875-1950). Вудсон родился в Виргинии в семье бывших рабов. Талантливый негритянский юноша одним из первых черных американцев смог получить блестящее образование: ремеслу историка он обучался в Сорбонне, где в числе его наставников был Олар. В 1912 г. Вудсон защитил докторскую диссертацию в Гарвардском университете. В 1915 г. основал Ассоциацию по изучению жизни и истории негритянского народа, а в 1916 г. приступил к изданию ежеквартального "Журнала негритянской истории" ("Journal of Negro History") - колыбели научной негритянской историографии.

Вокруг журнала сплотилась группа способных негритянских историков, у которых не было шансов пробиться на страницы "белых" исторических журналов. Его ведущими авторами становятся Дж. Х. Франклин, Ч. Уэсли, Б. Броули, сам Вудсон, выдвинувшийся вскоре в лидеры негритянской историографии.

Формулируя методологические принципы, негритянская историография испытала определенное воздействие прогрессистской школы, но в отличие от последней она намеревалась решительно преодолеть расизм и шовинизм "белой" историографии, максимально полно выявить самостоятельную роль афро-американцев в истории США.

В своих исследованиях К. Вудсон и его последователи²¹ нащупывали социально-экономические корни возникновения расизма и расовой проблемы в Северной Америке. Они привели документальные

¹⁹ Parrington V. L. Main Currents in American Thought, V.1-3. N. Y., 1927-1930. Рус. пер.: Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. т.1-3, М., 1962-1963.

²⁰ Josephson M. The Robber-Barons. N. Y., 1935; Idem. The Politicos. 1865-1896. N. Y., 1938.

²¹ Woodson C. The Negro in Our History. Washington, 1922; Brawley B. A. Shot History of American Negro People. N. Y., 1939; Wesley Ch. Negro Labor in the United States, 1850-1925. N. Y., 1927; Franklin J. H. From Slavery to Freedom. A History of American Negroes. N. Y., 1948.

данные, свидетельствующие, что складывание рабовладения в США предшествовало формированию расистской идеологии и являлось экономической первоосновой расизма. Рабское состояние негров, вопиющее неравенство белых и черных в США, приходил к выводу Вудсон, возмущал в массах белых американцев презрение к неграм, а отношение к неграм-рабам как к существам низшего сорта формировало чувство расового превосходства белых над черными.

Рассматривая те или иные события американской истории сквозь призму расовой проблемы, негритянские авторы выставляли им, как правило, более низкие оценки, нежели белые историки. Они подвергли критике революцию 1775-1783 гг. и особенно конституцию 1787 г., отказавшиеся распространить демократические права на черных американцев и сохранившие рабовладение. В отличие от историков—прогрессистов, доказывавших, что демократическое развитие Соединенных Штатов в первой половине XIX в. получило мощный импульс благодаря преобразованиям президентов Т. Джефферсона и особенно Э. Джексона, негритянские историки считали, что в этот период во внутренней политике происходило усиление консервативных тенденций. При этом если прогрессисты подтверждали свою концепцию в первую очередь фактом отмены имущественного ценза и распространения избирательного права на всех взрослых белых мужчин в первой трети XIX в., то негритянские историки выдвигали факты, свидетельствующие о лишении в этот период избирательного права свободных негров и резком ухудшении правового и экономического положения черных рабов. Естественно, что наиболее всесторонне консервативные тенденции американской истории раскрывались ими на примере рабовладельческого Юга, общество которого характеризовалось негритянскими историками не только как отсталая социально-экономическая, но и как политическая система, культивировавшая насилие.

Особое место в исследованиях негритянских историков заняла тема борьбы черных американцев за свое освобождение, выживание и самосохранение. Они категорически отвергли как расистский миф школы Филлипса о "биологической неполноценности" негров, так и концепцию ряда либеральных белых историков о "социально обусловленной неполноценности" афро-американцев, согласно которой порабощение и античеловеческие условия существования превратили негра в покорное и инфантильное человекообразное существо "сэмбо" (так презрительно называли негров на Юге США, что в переводе с языка банту в Западной Экваториальной Африке означает "обезьяна"). В собственных исследованиях негритянские историки показали, что негры не смирились с порабощением и что их активное, проявившееся в самых разнообразных формах сопротивление плантационному рабству явилось движущим фактором развития культуры, расово-этнического самосознания негритянского народа США в самый мрачный период его истории.

Раскрытие активной роли черных американцев в борьбе за свое освобождение, завоевание равных с белыми юридических, политических и социально-экономических прав составило главное содержание исследований негритянских историков о Второй американской революции. При этом они посвятили относительно немного работ Гражданской войне, сосредоточившись преимущественно на заключительном периоде революции - Реконструкции. Подобный интерес объясняется тем, что именно в годы Реконструкции накал освободительной борьбы негритянского народа был наиболее высок.

Лучшим исследованием радикального крыла негритянской историографии явилась монография Дюбуа "Черная Реконструкция"²². Борец за освобождение негритянского народа, Уильям Дюбуа (1868-1963) в своем исследовании подверг кри-

²² Du Bois W. Black Reconstruction, N. Y., 1935.

тике не только историков-расистов, но и слабости прогрессистских авторов. Недостаток экономического детерминизма, лежавшего в основе концепции Второй американской революции Ч. Бирда, заключался, согласно Дюбуа, в обезличивании великой драмы американского народа. Он отверг и подход тех прогрессистских историков, которые видели в Реконструкции только реализацию прагматических экономических интересов Севера США. Дюбуа считал необходимым реабилитировать Реконструкцию, защитить ее как от критиков "справа", так и от критиков "слева", которые, несмотря на противоположность мотивов, умалили и исказили вклад негритянского народа в американскую демократическую традицию.

Среди действующих сил Реконструкции в книге Дюбуа выделены аболиционисты, северо-восточная буржуазия, рабочее движение, белые бедняки Юга, фермерство Запада, негритянский народ США.

Анализ Дюбуа позиций пролетариата Северо-Востока и белых бедняков Юга был нацелен, прежде всего, на выявление причин и последствий трагического раскола белых и черных трудящихся Соединенных Штатов. Низкий уровень классового самосознания пролетариата северо-восточных штатов явился, согласно Дюбуа, главной причиной того, что расовые различия в период Реконструкции возобладала над принципом солидарности трудящихся, не позволили создать демократическую коалицию "снизу", которая только и могла стать надежной основой успехов революции.

Отличительной чертой концепции Дюбуа явилась мысль о развитии двух Реконструкций, имевших между собой принципиальные различия: первая воплотилась в программе и действиях конгресса США, вторая выразилась в революционных инициативах и достижениях негритянского народа. Подобное разделение Реконструкции на "черную" и "белую" уязвимо для критики, но следует признать, что, воспользовавшись подобным расчленением,

Дюбуа смог провести важные различия между мотивами двух главных участников Реконструкции.

Марксистское направление. Отдельные историки-марксисты, начавшие свою деятельность с публицистических выступлений в партийной прессе, уже в конце 20-х годов составили основу марксистского направления. Их главные усилия концентрировались на освещении проблем истории и современности, и в первую очередь рабочего движения. В книге А. Бимбы "История американского рабочего класса" (1927) была предпринята попытка дать обобщающий очерк развития рабочего движения в США от колониального периода до 1920-х годов. Автор сосредоточил главное внимание на выявлении организационных форм рабочего движения и истории стачечной борьбы.

В работе А. Рочестер "Популистское движение в Соединенных Штатах" (1943) отмечается связь антимополистической борьбы фермеров с выступлениями рабочих в конце XIX в. Рочестер указывала на традиционализм идеалов фермерства, но подчеркивала, что фермерское движение объективно сыграло положительную роль, отстаивая демократические свободы.

В 30-е годы историки-марксисты обратились к изучению революционных традиций времен Войны за независимость и Гражданской войны 1861-1865 гг. В работе Д. Харди "Первая американская революция" (1937) обосновывалось положение о неизбежности революционной войны американских колоний против английской метрополии. Автор показывал, что политика английских правящих кругов, стремившихся превратить колонии в аграрный придаток Англии, делала американскую буржуазию ее непримиримым противником. Исследование Войны за независимость США было продолжено Г. Морейсом. В работе "Битва за свободу Америки" (1944) он вслед за историками-прогрессистами проанализировал внутренний аспект Войны за независимость, борьбу демократических элементов против лоялистов-тори. Морейс защищал

действия радикальных сил, выступавших за углубление революции. Перу Морейса принадлежит также исследование "Деизм и история Америки XVIII в." (1934) об идеологии американского Просвещения.

Исследователем проблем Второй американской буржуазной революции выступил историк и экономист Д. Аллен. В работе "Реконструкция. Битва за демократию"²³, основанной во многом на материалах книги Дюбуа, Аллен обратился к наиболее яркой главе истории борьбы негритянского народа за свое освобождение. Он дал развернутую концепцию Гражданской войны и Реконструкции 1865-1876 гг. как двух этапов буржуазно-демократической революции. Анализируя результаты Гражданской войны, Аллен делал вывод, что она не выполнила всех стоявших перед ней задач и явилась незавершенной буржуазной революцией. В связи с этим на втором этапе революции, в период Реконструкции, выдвинулась задача разрешения аграрного вопроса на Юге путем раздела плантаторских латифундий и наделения земель негров и белых бедняков.

Историография внешней политики. Традиционалисты, либералы, радикалы. После первой мировой войны историография внешней политики окончательно оформляется в самостоятельную отрасль исторической науки. Появилась целая серия серьезных монографических исследований, основанных на изучении широкого круга документов. Вместе с тем, большинство американских историков следовало устоявшимся господствующим общественно-политическим тенденциям, трактовке внешней политике США, близкой к официальной. А. Б. Дарлинг, близкий к прогрессивистской историографии, формулируя их кредо, писал, что американская экспансия была трудной и жестокой, но она распространяла сферу свободы и демократии и поэтому заслуживает по-

ложительной оценки²⁴. В 20-е и 30-е годы большинство американских историков-международников занималось историей внешней политики США в Латинской Америке и на Дальнем Востоке, т.е. в районах, где с давнего времени осуществлялась экспансия американского капитализма. Историография взаимоотношений Соединенных Штатов со странами Европы длительное время вращалась главным образом вокруг проблемы первой мировой войны.

Важнейшей темой в историографии латиноамериканской политики США были происхождение и эволюция доктрины Монро. В своем большинстве американские исследователи ограничивались разработкой ее дипломатической истории, развивая идеи о том, что в области внешней политики США руководствовались стремлением защищать страны Латинской Америки от угрозы интервенции со стороны Священного Союза, т.е. оборонительными целями. Ведущим североамериканским специалистом по истории доктрины Монро считается **Декстер Перкинс** (1889-1984). Его труды "Доктрина Монро (1823-1826)", "Руки прочь! История доктрины Монро"²⁵ отличают обилие фактического материала, в том числе из архивов Лондона, Парижа, Берлина и Мадрида, тщательный анализ конкретной истории доктрины. Но, занимаясь исключительно внешнеполитической историей, он абстрагировался от ее социально-экономических корней, особенностей развития американского капитализма в начале XIX в. Отрицание экспансионистских тенденций, присущих доктрине Монро, проходит красной нитью в трудах Перкинса.

Оправдание политики США в Латинской Америке отчетливо проявилось в трудах другого крупного историка **Сэмюэля Ф. Бимиса** (1891-1973). Вмешатель-

ство США в дела Латинской Америки он объяснял стремлением "упрочить политическую и экономическую стабильность этих стран для того, чтобы не было оправдания или предлога для европейской интервенции в эту стратегически важную часть Нового Света"²⁶.

С 30-х годов в США развернулось более детальное исследование истории американской внешней политики конца XIX - начала XX в. Особое внимание историки уделили испано-американской войне 1898 г. и доктрине "открытых дверей" (или доктрине Дж. Хэя - по имени тогдашнего государственного секретаря США). В трактовке войны, итогом которой явилось установление контроля Соединенных Штатов над Кубой, Филиппинами, Пуэрто-Рико и рядом других колониальных владений Испании, преобладает попытка завуалировать ее экспансионистскую направленность. Большинство американских историков подхватили официальную версию причин и целей войны, согласно которой США стремились к "освобождению" Кубы и Филиппин и вступили в войну лишь под давлением общественного мнения страны. Вместе с тем в работах ряда историков, близких прогрессивистскому направлению, содержалась критика экспансионизма. Так, Д. Пратт в книге "Экспансионисты 1898 г."²⁷ представил данные о формировании экспансионистской идеологии в США на рубеже XIX-XX вв., однако одновременно проводил идею непричастности "большого бизнеса" к войне с Испанией.

Среди работ о политике США на Ти-

²⁶ Bemis S. F. The Latin-American Policy of the United States. N. Y. 1943. p. 124-125, 388-389; его перу также принадлежат многотомная серия "Американские государственные секретари и их дипломатия" ("American Secretaries of State and Their Diplomacy", ed. by S. F. Bemis, v. 1-10. N. Y., 1927-1929), общий курс дипломатической истории США: Bemis S. F. A Diplomatic History of the United States. N. Y., 1936. и др.

²⁷ Pratt J. W. Expansionists of 1898. The Acquisition of Hawaii and Spanish Islands. Baltimore, 1936.

хом океане и в Азии в конце XIX в. выделяются многочисленные исследования, посвященные доктрине "открытых дверей", с помощью которой американский капитал рассчитывал добиться в Китае решающего экономического преимущества. Из них наибольшую известность получили работы Тайлера Деннетта, например, "Американцы в Восточной Азии"²⁸. Тихоокеанская политика Соединенных Штатов, в изложении Деннетта, всегда основывалась на принципах равных коммерческих возможностей США и европейских держав и сотрудничества с народами Азии. Эта политика имела давние традиции, а доктрина "открытых дверей" явилась ее логическим завершением. Фактически выступив с оправданием политики США, Деннетт пытался доказать, что доктрина учитывала национальные интересы Китая и способствовала сохранению его независимости от посягательств европейских колониальных держав.

Радикальная критика в историографии внешней политики в 20-е годы была представлена работами С. Нирина, Дж. Фримэна, Дж. К. Тернера и ряда других авторов.

Ниринг стремился подойти к объяснению экономической внешней политики, раскрыть роль монополий и финансового капитала. В книге "Американская империя"²⁹ он оперировал фактами, свидетельствовавшими о заинтересованности влиятельных кругов США во вступлении в первую мировую войну. В "Дипломатии доллара"³⁰, написанной им совместно с Фримэном, показано, что американские монополии использовали мировую войну в целях укрепления своих позиций в Западном полушарии. Тернер, близкий в то время к радикальным кругам, пришел к выводу, что "наша война велась в интересах бизнеса".

²⁸ Dennet T. Americans in Eastern Asia. N. Y., 1922.

²⁹ Nearing S. American Empire. N. Y., 1921.

³⁰ Nearing S., Freeman J. Dollar Diplomacy. A Study in American Imperialism. N. Y., 1923.

²³ Allen J. Reconstruction. The Battle for Democracy. 1865-1876. N. Y. 1937. Русск. перев. Аллен Дж. Реконструкция. Битва за демократию. М., 1963.

²⁴ Darling A. B. Our Rising Empire. New Haven, 1940. p. 552.

²⁵ Perkins D. The Monroe Doctrine. v.1-3. Cambridge, 1927-1938; Idem. Hands off! A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1941.

Представители радикального направления подвергались остракизму за свои убеждения. Однако, несмотря на это, их работы имели широкий общественный резонанс. Взгляды С. Нирина и Дж. К. Тернера находили поддержку со стороны либеральных журналов "Нация" ("Nation") и "Новая республика" ("New Republic"). В президентской кампании 1924 г. радикальные круги использовали в целях антимонаполистической пропаганды материалы из их книг о роли дома Моргана в вовлечении США в войну.

В 30-е годы под влиянием роста антимонаполистических и антивоенных настроений в историографии резко выявилась критическая струя. Авторы многих трудов осуждали отдельные стороны американской внешней политики. Свообразным продолжением традиции антиимпериалистов периода испано-американской войны 1898 г. и "разгребателей грязи" явились работы Л. Г. Дженкса, Дж. Риппи, Ч. Кепнера, Дж. Суфилла и других, издававшиеся в серии "Исследования по вопросу об американском империализме" (1928-1935), - о политике США в странах Латинской Америки. В них осуждалась интервенция Соединенных Штатов, показывалась заинтересованность американских монополий в экспансии в этом районе.

С середины 30-х годов, когда над Европой уже нависла угроза фашистской агрессии, в США развернулись национальные дебаты по текущим внешнеполитическим проблемам. Чем дальше, тем больше внутривнутриполитическая борьба, в которой активно участвовали и историки, сводилась к одному основному вопросу: следует ли США выступить против фаши-

стской агрессии?

Изоляционисты требовали самоизоляции США (экономической, политической, культурной и т.д.), проведения ими политики нейтралитета. На практике это вело к попустительству агрессии, чем и объяснялась поддержка изоляционистского движения американскими правыми.

Среди идеологов изоляционизма находился и Ч. Бирд, почти полностью переключившийся в 30-е годы на исследование внешней политики. Исходя из своей концепции "национального интереса" США, Бирд защищал идею так называемого континентального изоляционизма, "возделывания собственного сада".

Окончательный итог затянувшихся дискуссий был подведен на собрании Американской исторической ассоциации в конце 1940 г., где был заслушан доклад Д. Ф. Флеминга "Банкротство изоляции". Историки-изоляционисты остались в меньшинстве. Многие ученые правильно оценивали начавшуюся борьбу народов против фашизма как борьбу против крайней реакции. Дж. Т. Шотвелл, Д. Ф. Флеминг, Ф. Л. Шуман и другие высказывались за участие США в коллективном отпоре фашизму.

Другая часть историков, выступавших против изоляционизма, руководствовалась интересами, защиты американских экономических и стратегических позиций, которые подрывали германо-японские агрессоры. Прежде всего, этими соображениями и руководствовались специалисты-международники А. У. Даллес и Г. Армстронг, отрицательно отвечая на вопрос, могут ли США оставаться нейтральными в условиях обострения мирового конфликта.

Глава 6

Итальянская историография в 1918-1945 гг.

С окончанием первой мировой войны Италия вступила в полосу глубоких общественных потрясений, завершившихся в 1922 г. крахом либерально-парламентского государства и приходом к власти фашизма. Фашистский режим установился здесь раньше, чем где-либо, и не сразу приобрел облик тоталитарной диктатуры. Формально продолжала действовать прежняя конституция, до введения в 1926 г. чрезвычайных законов не были запрещены оппозиционные фашизму партии и их печатные издания. Однако за фасадом традиционных политических институтов постепенно выстраивался новый механизм власти в виде подчиненной лично Муссолини вооруженной силы - фашистской милиции, тайной политической полиции (ОВРА) и Особого трибунала и т.д. Законодательная власть перешла от парламента к Большому фашистскому совету во главе с Муссолини. Фашистская партия полностью срослась с государством. В календарях летосчисление с октября 1935 г. стало отсчитываться также и от начала "фашистской эры". Заключив в 1929 г. соглашение с Ватиканом, положившее конец длительному конфликту между итальянским государством и католической церковью, фашизм в обмен на определенные уступки церкви заручился ее идеологической поддержкой.

В сфере идеологии итальянский фашизм проявлял чрезвычайную активность, стремясь внедрить в сознание массы населения собственную систему ценностей (культ войны, силы, нерассуждающего повиновения) и подчинить духовную жизнь страны своему тотальному контролю. Вся деятельность фашистского режима представлялась как служение идее нации, национального величия. Была разра-

ботана так называемая корпоративная доктрина, утверждавшая, что нация как моральное, политическое и экономическое единство полностью реализует себя в фашистском государстве, обеспечивающем сотрудничество различных классов "производителей" (капиталистов и рабочих) "во имя общих национальных интересов". Итальянская нация изображалась (особенно после захвата в 1936 г. Эфиопии и провозглашения Италии империей) прямым наследником Древнего Рима, его военного могущества и имперских традиций. Развернулись усиленные поиски "национального приоритета" в различных областях науки и культуры. В 30-е гг. итальянцы были объявлены одной из "арийских" рас и началась пропаганда расизма. Расовые законы 1938 г. закрыли лицам "неарийского" происхождения (прежде всего евреям) доступ к преподаванию и постам в научных учреждениях.

В фашистский идеологический арсенал вошли существенные элементы социологических и политических теорий Г. Моска и В. Парето, Р. Михельса. У Михельса фашизму импонировала идея неизбежного олигархического перерождения массовых политических партий, а в концепциях Моска и Парето - их антидемократическая направленность, критика парламентаризма, представление о том, что реальной силой в обществе является лишь "политический класс" или "элита", по своему усмотрению манипулирующая массами.

Антифашистские партии, лишившись в 1926 г. условий для легального существования, медленно и с большим трудом налаживали подпольную работу, а главным образом действовали в эмиграции. Выросшее при фашизме молодое поколение итальянцев почти ничего не знало о них.

Антифашистское движение долго оставалось разобщенным, разногласия между отдельными партиями оказывались сильнее их общей заинтересованности в победе над фашизмом. Это положение начало меняться лишь с середины 30-х гг. - под влиянием уроков нацистского переворота в Германии.

Фашистский режим в Италии рухнул в ходе второй мировой войны. 25 июля 1943 г. Муссолини в результате верхушечного переворота был отстранен от власти. Но процесс ликвидации фашизма этим не закончился, а лишь начался, причем протекал в условиях, когда страна оказалась "разрезанной надвое": в южной ее части действовали англо-американские войска, а северная и центральная после отпадения Италии от гитлеровского блока подверглась нацистской оккупации, сопровождавшейся восстановлением режима Муссолини (так называемая "республика Сало"). В этой сложнейшей ситуации все антифашистские партии (от коммунистов до либералов) сумели, наконец, создать единый блок и развернули в оккупированной части Италии вооруженную борьбу за национальное освобождение и полное искоренение фашизма (движение Сопротивления). Политической формой сотрудничества антифашистских сил в Сопротивлении стали Комитеты национального освобождения. Сопротивление завершилось победоносным народным восстанием на Севере в апреле 1945 г.

Утверждение фашизма у власти, его оформление в тоталитарный режим, его политика в области культуры, а затем его крах и мощный освободительный порыв Сопротивления в решающей мере определили условия развития итальянской исторической науки в 1918-1945 гг.

Историческая наука в условиях фашистской диктатуры. С приходом фашизма к власти определенная - хотя и относительно небольшая - часть итальянской интеллигенции встала на путь его активной поддержки. Наиболее характерными ее представителями были известный философ-неогегельянец Джованни Джен-

тиле (1875-1944) и историк Джоаккино Вольпе (1876-1971). Они превратились по существу в официальных идеологов фашистского режима и заняли ряд ключевых постов в сфере научно-культурной деятельности. Джентиле стал первым при фашизме министром народного образования (1922-1924 гг.). Им же был написан опубликованный в 1925 г. Манифест фашистской интеллигенции. Он являлся бесспорным главой созданного тогда же Национального фашистского института культуры, под эгидой которого, в частности, публиковалась специальная серия исторических исследований. Важная роль в идеологическом обеспечении необходимого режиму национального "консенсуса" отводилась начатому во второй половине 20-х гг. изданию Итальянской энциклопедии, и руководство институтом, ведавшим ее подготовкой, было возложено опять-таки на Джентиле, а отделом средневековой и новой истории внутри него - на Вольпе. В соавторстве с самим Муссолини Джентиле и Вольпе участвовали в написании для энциклопедии очерка о фашизме. Вольпе возглавил некоторые вновь созданные научные учреждения исторического профиля и кафедру новой истории на факультете политических наук Римского университета.

Фашистская политика в области культуры имела целью ее жесткую унификацию под контролем партийного и государственного аппарата режима и в духе его идеологии. Традиционная система организации исторических исследований подверглась значительной перестройке в этом направлении.

До середины 30-х гг. местные Общества по изучению отечественной истории были связаны между собой через Итальянский исторический институт. Организацией представителя от Италии на международных конгрессах историков ведал Национальный комитет исторических наук. Существовало также Национальное общество истории Рисорджименто, располагавшее специальной библиотекой, музеем и архивом.

Согласно закону от 20 июля 1934 г. все исторические научные учреждения Италии передавались в подчинение новому органу - Центральной Джунте исторических исследований. В 1935 г. к ней перешли функции Национального комитета исторических наук, который был ликвидирован. Председателем Джунты был назначен член Большого фашистского совета Чезаре Мария Де Векки, одновременно являвшийся президентом Общества истории Рисорджименто, редактором его журнала и вскоре возглавивший также министерство национального воспитания (бывшее министерство народного образования), в ведении которого находилась вся организация науки и культуры. Свое "научное" кредо он откровенно изложил на одном из конгрессов по истории Рисорджименто: "Великие судьбы истории всегда решаются оружием, и история прошлого полезна и плодотворна лишь постольку, поскольку из нее вырастает история будущего... Мы, фашисты, воспитанные в духе самой чистой и самой твердой военной дисциплины, усвоили сами и научим детей и внуков тому, что "прошлое" существует только в той мере, в какой оно является "будущим".

Фашистское правительство открыло несколько специализированных исторических институтов общенационального значения - Институт новой и новейшей истории во главе с Вольпе (в его ведение была передана также существовавшая с 1925 г. при Обществе истории Рисорджименто и возглавляемая тем же Вольпе Школа новой и новейшей истории), Институт древней истории, Институт нумизматики, Итальянский исторический институт был преобразован в Институт истории средневековья, а Общество истории Рисорджименто - в Институт истории Рисорджименто. Такая множественность исторических институтов вовсе не отвечала, однако, реальным потребностям развития итальянской исторической науки. Вся эта реорганизация, сопровождавшаяся известным расширением бюджетных ассигнований для исторических научных учрежде-

ний, преследовала, прежде всего, политические цели.

Фашистский режим стремился превратить новые институты в свое идеологическое орудие, в средство пропаганды шовинистической идеи исключительности итальянской национальной истории и культуры. Министерство национального воспитания прямо требовало, "чтобы исторические исследования в Италии были, наконец, направлены в русло того единства директив, которое составляет фундамент, необходимый для развития исторических наук и для нашего освобождения от иностранной культуры".

Общества по изучению отечественной истории были в 1935 г. реорганизованы на основе единого регламента, усилившего их подчинение правительственному контролю. Несколько таких обществ создавалось заново, т. к. в "отечественную" историю фашистские законодатели включили и историю Мальты, Родоса и других территорий, на которые распространялись захватнические планы итальянского фашизма.

В систему университетского образования, остававшегося по преимуществу гуманитарным, были введены предметы, которые должны были содействовать воспитанию молодежи в фашистском духе: история и доктрина фашизма, корпоративное право и т.п. С поворотом к расизму преподавание ряда предметов было изменено "в соответствии с демографическим курсом режима и принятыми им мерами для защиты чистоты расы". Для профессоров в 1931 г. была установлена присяга на верность фашистскому режиму, а с 1935 г. стало обязательным членство в фашистской партии.

Однако добиться тотальной фашизации итальянской культуры и исторической науки в частности - режиму так и не удалось. Среди интеллигенции уже в 20-е гг. существовали, а в дальнейшем стали усиливаться и оппозиционные фашизму настроения. Они имели разную политическую окраску - от морального осуждения фашизма и приверженности самому уме-

ренному либерализму до стремления к активным действиям, направленным на свержение фашистской диктатуры. За отказ принести присягу лишились своих кафедр 12 университетских профессоров (в том числе историк-античник Г. Де Санктис, юрист и автор исторических трудов Ф. Руффини, историк права Э. Руффини-Авондо, историк искусства Л. Вентури). Наиболее видные итальянские историки как довоенного, так и нового поколения в политическом отношении примкнули к различным течениям антифашистской оппозиции.

Прямое выражение антифашистских идей в форме публицистического освещения проблем послевоенного развития итальянского общества в самой Италии было до какой-то степени возможно лишь до вступления в силу фашистских чрезвычайных законов 1926 г. Позднее публицистическая деятельность антифашистской оппозиции продолжалась почти исключительно за пределами страны. Но обращение к тем или иным историческим сюжетам - особенно из относительно недавнего прошлого - подчас тоже позволяло выразить отношение к существующему в Италии режиму.

Историков разделяла в период фашизма не столько принадлежность к какой-либо школе, сколько идейно-политическая ориентация, иногда - совершенно различная внутри одной и той же школы. Так, "экономико-юридическая" школа имела в числе своих приверженцев и Дж. Вольпе, и ставшего активным антифашистом Г. Сальвемини, который в 1925 г. подвергся аресту, а затем нелегально эмигрировал из Италии. Историки "этико-политической" школы Б. Кроче были, как правило, антифашистами, но некоторые (например, сам Кроче) неизменно оставались либералами, а другие (А. Омодео) за годы фашизма проделали значительную эволюцию влево.

Давление официальной фашистской идеологии не изменило в решающей мере традиционного облика итальянских исторических журналов, среди которых важнейшими были "Итальянский историче-

ский журнал" ("Rivista storica italiana") - изд. с 1888 г., "Журнал по истории Рисорджименто" ("Rassegna storica del Risorgimento") - изд. с 1914 г., "Новый исторический журнал" ("Nuova rivista storica") - изд. с 1917 г. В них наряду с писаниями откровенных глашатаев фашизма можно было найти и немало серьезных научных статей, принадлежавших достаточно объективным и политически честным авторам. Даже отданный под редакцию Де Векки "Журнал по истории Рисорджименто", вынужденный время от времени печатать его директивные статьи под выразительными заголовками "Рисорджименто во имя Первенства и Империи", "Пересмотрим историю", "Бесплодные вопросы" и т.п. и поместить на обложке изречение Муссолини: "Вне истории человек - ничто", в основном придерживался своего тематического профиля и избегал политического "озвучивания" научных проблем. Но в большей мере рупором антифашистски настроенных историков становились периодические издания, не носившие строго академического характера, - как, например, литературно-философско-исторический журнал Кроче "Критика" ("Critica" — Неаполь) или того же типа журнал "Леонардо" ("Leonardo" - Флоренция), редактором которого был историк и литературовед Л. Руссо.

Проблематика исследований по новой и новейшей истории. Мемуары и публикации документов. Итальянская историография в 20-30-е гг. была почти полностью сосредоточена на отечественной тематике. История других стран привлекала внимание ученых не сама по себе, а лишь в ее связях с историей Италии. Например, Великая французская революция изучалась практически только с точки зрения ее воздействия на итальянское национальное движение. Даже освоение относящихся к истории Италии фондов иностранных архивов началось по существу лишь в годы, предшествующие второй мировой войне.

Такая тематическая направленность исследований в области новой истории

возникла в Италии еще в эпоху Рисорджименто. Она вошла в традицию и не могла быть изжита быстро, тем более в атмосфере насаждавшегося фашистским режимом шовинистического культа итальянской "самобытности". "Мы не являемся "сынами Европы", - наставлял историк Де Векки, - мы произошли от самих себя, от великого лона Рима, которое породило продолжающие друг друга периоды истории. Нам никто никогда не помогал ради нас самих. Даже если помощь извне и бывала... те, кто ее оказывал, всегда имели в виду собственные интересы, а не наши. Если есть на свете народ, которому выпала судьба, исполненная трудностей и противоборства, то это итальянский народ. Достигнутые с таким трудом завоевания должны вселить в него сознание всей силы, всего могущества, всего величия этой его судьбы, предначертанной от времен Рима".

Но опыт первой мировой войны, окончательно втянувшей в Италию в водоворот "большой" империалистической политики, с неизбежностью подготавливал предпосылки для преодоления итальянской исторической наукой рамок чисто национальной тематики. Глубочайшие сдвиги в жизни всего земного шара, так или иначе связанные с войной, - изменения в расстановке сил ведущих держав, острая борьба вокруг послевоенного устройства мира, Октябрьская революция в России, развал Австро-Венгерской империи, появление новых государств в Европе, подъем освободительного движения в колониях и т.д. - пробудили в Италии 20-х гг. активный интерес к проблемам международных отношений. Многочисленными публицистическими и мемуарными работами итальянских политических деятелей дофашистского периода (Дж. Джолитти, Л. Биссолати, А. Саландра) было положено начало освещению внешней политики Италии в предвоенные десятилетия и ее участия в мировой войне. На протяжении 1921-1924-гг. вышли в свет и снискали широкую известность три связанных единым замыслом книги бывшего премьер-министра Ф.

С. Нитти о политическом положении в Европе, сложившемся в итоге войны и закрепленном Версальской системой: "Европа без мира", "Упадок Европы" и "Трагедия Европы. Что будет делать Америка?".

С другой стороны, исследования в области международной политики поощрялись фашистским режимом, который был заинтересован в идеологическом обосновании своей экспансионистской программы и притязаний Италии на роль великой европейской державы. "Дуче" лично написал предисловие к книге бывшего министра иностранных дел Т. Титтони "Проблемы дня: Тунис, Абиссиния, Бессарабия, Ливия, Югославия, Албания", вышедшей в 1928 г., где отметил как особое достоинство очерков Титтони "актуальность трактуемых в них проблем". Усилия фашистской пропаганды были направлены к тому, чтобы показать, что только при фашизме Италия стала играть подобающую ей роль в международных делах.

Изучением текущей международной политики и истории международных отношений занимались создаваемые в университетах факультеты политических наук, всевозможные специализированные институты (Институт стран Среднего и Дальнего Востока, Институт стран Восточной Европы) и особенно Институт международной политики в Милане известный также своими издательскими начинаниями. Он предпринял, в частности, публикацию серии "Документы истории и политической мысли", в которой вышел ряд работ исторического характера (не только по внешнеполитической проблематике).

Активную роль в Институте международной политики играл Дж. Вольпе. Именно он руководил изданием вышеупомянутой серии, куда вошла и подготовленная им самим публикация документов "Италия в Тройственном Союзе (1882-1915)". Деятельностью Института весьма интересовался и министр иностранных дел Г. Чиано (зять Муссолини), пытавшийся превратить его в послушный инструмент

на службе внешнеполитическим целям фашизма.

Однако, несмотря на нажим со стороны фашистских кругов, Институт международной политики остался, в общем, чужду духу апологии фашизма. В нем сотрудничали многие историки-антифашисты, которые накануне второй мировой войны стали задавать тон в его работе: Ф. Шабо, К. Моранди, Л. Сальваторелли и др. По инициативе Шабо было начато издание серии монографий по истории международных отношений. Сальваторелли по поручению Института разрабатывал проблемы истории Европы с 1871 по 1914 г., истории Тройственного Союза, политики Ватикана после первой мировой войны и т.д.

Проблемами международной и в частности колониальной политики занимался также Национальный фашистский институт культуры, деятельность которого имела, однако, чисто официозную направленность. Он активно пропагандировал экспансионистские идеи в своем журнале, который несколько раз менял название и с 1954 г. именовался "Фашистская цивилизация" ("Civiltà fascista") выступал в качестве организатора конференций по таким темам, как положение в Европе, на Дальнем Востоке, в Средиземноморье, в 1956 г. приступил к изданию серии книг "Завоевание империи".

Усилиями апологетов режима создавалась и литература о самом фашизме, его идеях, его происхождении. Написанные Вольпе и Джентиле части очерка о фашизме для Итальянской энциклопедии, посвященные соответственно его истории и доктрине, вышли также и отдельными изданиями. Вольпе был автором раздела "Генезис фашизма" в коллективной публикации "Фашистские корпорации" (1935). Джентиле во второй половине 30-х гг. ориентировал Национальный фашистский институт культуры на разработку таких тем, как "Фашизм и большевизм", "Фашизм и западные демократии", "Фашизм и Европа".

С антифашистских позиций история

фашизма, его внешней и внутренней политики, разрабатывалась находившимся в эмиграции **Гаэтано Сальвемини** (1875-1957). Этой тематике были посвящены его книги "Фашистская диктатура в Италии", "Муссолини как дипломат", "Под фашистской секирой"¹, а также курсы его лекций в Гарвардском университете (США), где он занимал кафедру истории итальянской цивилизации.

Проблемы экономической истории Италии в новое время, занявшие с начала XX в. важное место в итальянской историографии, продолжали разрабатываться и в годы фашизма, но менее интенсивно. Среди наиболее значительных исследований в этой области были работы К. Барбагалло и Р. Моранди по истории итальянской промышленности². Южный вопрос в 20-е гг. впервые стал предметом марксистского анализа в документах ИКП и в специальной работе ее крупнейшего теоретика А. Грамши³. Тема Юга привлекала внимание и идеологов мелкобуржуазной антифашистской оппозиции. Ей была посвящена, например, книга Г. Дорсо "Революция на Юге", где давался очерк истории южного вопроса и отношения к нему различных политических течений за период от объединения Италии до установления фашистского режима⁴. Но собственно исторических исследований о южном вопросе - таких, как работа Г. Карано-Донвито

¹ *Salvemini G. The Fascist Dictatorship in Italy.* New York, 1927; *Idem. Mussolini diplomate.* Paris, (1932); *Idem. Under the axe of fascism.* London, 1936; New York, 1936.

² *Barbagailo C. Le origini della grande industria contemporanea (1750-1850).* 2 vol. Venezia-Perugia, 1929-1930; *Morandi R. Storia della grande industria in Italia.* Bari, 1931.

³ *Gramsci A. Alcuni temi della questione meridionale.* - In: *La costruzione del Partito comunista. 1923-1926. Opere di Antonio Gramsci, vol. 12.* /Torino/, 1971 (русс. пер.: *Грамши А. Некоторые аспекты южного вопроса.* - Избр. произв. в 5-х томах. Т. I. М., 1957, или Избр. произв. М., 1980).

⁴ *Dorso G. La Rivoluzione meridionale.* Torino, 1925.

"Экономика Юга до и после Рисорджименто" - за годы фашизма появилось мало.

Объектом наиболее пристального изучения и наиболее острой идейной борьбы была в это время история Рисорджименто и возникшего в результате объединения Италии либерального государства, т.к. именно здесь таился ответ на вопрос об исторических корнях фашизма и причинах его прихода к власти, неотступно стоявший перед целым поколением итальянских историков.

Историография Рисорджименто. Официальная фашистская пропаганда создала фальсифицированную трактовку Рисорджименто, которая служила режиму одной из важных идеологических подпорок. Спескулируя на глубоко укоренившейся в национальном сознании итальянцев гордости этой славной страницей их прошлого, фашизм объявил себя единственным преемником и продолжателем героических традиций Рисорджименто. Фашистская публицистика рисовала период между объединением Италии и первой мировой войной как полосу безвременья, когда судьбы страны оказались в руках политических пигмеев, неспособных обеспечить ей достойное место в ряду великих держав. Фашизм же изображался как долгожданное осуществление чаяний Рисорджименто.

Подобные идеи проводил, например, Вольпе в своей книге "Италия в пути"⁵ и других работах. В отдельном издании очерка истории фашизма он утверждал: "Мы можем, оставаясь верными истине в отношении как Рисорджименто, так и фашизма, представить себе фашизм как новое Рисорджименто или как развернутое и сознательное продолжение Рисорджименто после того, как на протяжении полувека происходил процесс созревания новых сил, которые в эпоху первого Рисорджименто были слабы или вообще отсутствовали".

⁵ *Volpe G. L'Italia in cammino. L'ultimo cinquantennio.* Milano, 1927.

Под это представление о Рисорджименто как своего рода предыстории фашизма подгонялась вся официальная интерпретация событий и традиций той эпохи. "Если своим исходным пунктом Рисорджименто имело стремление к свободе и независимости, - писал Вольпе, - то в дальнейшем его развитии значение главных, если не исключительных ценностей приобретают единство, могущество, величие". Де Векки решающую роль в Рисорджименто отводил деятельности "железного Государства", созданного Савойской династией. "Поскольку это так, - заявил он, - мы уверены, что так и должно было быть и что гипотезы, сомнения, всякие "если бы" и прочее "философствование" - это не история, а пустословие и потеря времени".

Объединение Италии фашистская историография объявляла деянием незначительного меньшинства, совершенным без участия народных масс, которые якобы лишь при фашизме впервые приобщились к жизни государства. Единое государство в Италии "возникло в результате действий небольшого меньшинства" - утверждал Джентиле в Манифесте фашистской интеллигенции. По словам Вольпе, "Италия эпохи Рисорджименто была Италией без народа".

В антифашистской публицистике одну из первых попыток переоценки исторических итогов Рисорджименто в свете уроков фашизма сделал талантливый журналист **Пьеро Гобетти** (1901-1926). Он был активным и непримиримым противником фашистского режима и умер от последствий жестокого избития, которому его подвергли чернорубашечники. Сам Гобетти называл себя либералом, но его позиция была гораздо радикальнее либерализма традиционного толка. Носителем идеала свободы в современном ему обществе Гобетти считал рабочий класс, видя в нем естественного наследника освободительной функции, которую раньше выполняла буржуазия. Великую "либеральную" (т.е. освободительную) роль в истории он отводил революциям.

Обращение к истории Рисорджименто было для Гобетти, прежде всего, средством понять современную ему итальянскую действительность и в частности объяснить такое явление, как фашизм. В представлении Гобетти эпоха Рисорджименто была для Италии началом определенного прогресса, с победой фашизма как бы прерванного. Исходя из общей положительной оценки значения Рисорджименто, Гобетти верно уловил, что возникновение фашизма в Италии исторически связано "со всеми ошибками, совершенными в процессе нашего формирования как нации", т.е. не с Рисорджименто как таковым, а с его слабостями. Поэтому он стремился очистить историю Рисорджименто от героических легенд и, прежде всего, выявить то, в чем Рисорджименто оказалось несостоятельным. Таков замысел книги, которую Гобетти специально посвятил истории Рисорджименто, - "Рисорджименто без героев"⁶.

Основную, слабость Рисорджименто Гобетти видел в том, что это движение не приобрело характера народной революции, а люди, руководившие им, оказались не на высоте исторических потребностей своей эпохи. Отсюда Гобетти пришел к выводу, что Рисорджименто, в сущности, завершилось не победой, а поражением, было неудавшейся революцией.

Данная Гобетти трактовка Рисорджименто была своеобразной формой оппозиции фашизму с его притязаниями на роль душеприказчика Рисорджименто: у Гобетти фашизм выглядел не как продолжение героических традиций Рисорджименто, а как постигшая Италию расплата за непоследовательность и слабость национальной революции. Однако оценка им исхода Рисорджименто как поражения была слишком категоричной и потому исторически неверной.

Те же проблемы истории Рисорджименто, которые Гобетти поднял в плане по-

преимуществу публицистическом, являлись в годы фашизма предметом острых дискуссий и в собственно исторической литературе.

Виднейшее место в итальянской историографии по-прежнему занимал **Бенедетто Кроче** (1866-1952). По своим политическим симпатиям Кроче принадлежал к правому крылу итальянских либералов, которое в момент прихода фашизма к власти поддержало его и стало переходить в оппозицию лишь с середины 20-х гг. В 1925 г. Кроче открыто разошелся с Джентиле, опубликовала ответ на его Манифест фашистской интеллигенции свой "контр-манифест", где осуждалась фашистские насилия и было заявлено, что представители интеллигенции как граждане могут принадлежать к той или иной партии и отстаивать ее позицию, но интеллектуальная деятельность как таковая не должна смешиваться с политикой и быть служением какой-либо партии. Тем не менее, в деятельности самого Кроче как историка в 20-30-е гг. несомненно, проявились его антифашистские устремления - хотя и весьма умеренные.

В своих трудах этого периода Кроче отстаивал мысль о непреходящей исторической ценности либеральных идеалов в том виде, как они были провозглашены в XIX в. Именно поэтому в центре его научных интересов оказались в годы фашизма проблемы новой истории и особенно "вск либерализма" - XIX век. Из четырех созданных в 20-30-е гг. наиболее крупных исторических работ Кроче., образующих так называемую "тетралогию", новому времени посвящены две: "История Италии с 1871 по 1915 г." и "История Европы в XIX в."⁷. Духовно-нравственное содержание и скрытый двигатель всей европейской истории на протяжении столетия после Великой французской революции Кроче видел в "религии и свободе".

Кроче не ставил своей целью специ-

альное исследование истории Рисорджименто, сосредоточив внимание, прежде всего, на оценке его итогов. Его книга "История Италии с 1871 по 1915 г." проникнута стремлением поднять на щит либеральное государство, которое подвергалось критике одновременно и со стороны фашистских идеологов, осмеивавших "мизерную Италию" конца XIX - начала XX в., и со стороны обусловленные слабостями Рисорджименто тех, кто подобно Гобетти полагал, что обусловленные слабостями Рисорджименто пороки этого государства, в конечном счете, способствовали возникновению фашизма.

Кроче постоянно - и прямо, и в скрытой форме - полемизировал с официальной фашистской интерпретацией Рисорджименто. Имея в виду Джентиле, он писал, что те, кто повторяет "избитую фразу", будто Рисорджименто было делом меньшинства, "не замечают, что в этом как раз заключалась слабость нашей политической и социальной конституции". Относящиеся к Рисорджименто идеи Джентиле Кроче назвал "отвратительной историко-политической смесью, приготовленной на потребу людям, находящимся у власти". Его "История Италии с 1871 по 1915 г." создана в противовес охватывающей тот же период книге Вольпе "Италия в пути". Вольпе, по словам Кроче изобразил в ней такую Италию, которая "не думает, не мечтает, не размышляет, не критикует себя, не страдает, не радуется: она лишь идет".

Защита Кроче либерального наследия Рисорджименто способствовала формированию антифашистских убеждений довольно значительной части итальянской интеллигенции. Однако, встав на путь апологии дофашистского либерального государства, Кроче оказался не в состоянии исторически объяснить возникновение фашизма в Италии. Он рассматривал фашизм лишь как перерыв, паузу в нормальном историческом развитии страны по завещанному Рисорджименто либеральному пути.

Значительный вклад в изучение исто-

рии Рисорджименто внос в годы фашизма **Адольфо Омодео** (1889-1946), принадлежавший к школе Кроче и являвшийся его ближайшим сотрудником по журналу "Критика" Он был профессором Падуанского, а с 1923 г. и до конца жизни - Неаполитанского университета, где занимал кафедру истории христианства. С работ о раннем христианстве начиналась и научная деятельность Омодео, к исследованиям же в области истории Рисорджименто он перешел после утверждения у власти фашизма. В фашизме он видел вопиющее противоречие идеалам и традициям Рисорджименто.

Свои взгляды на Рисорджименто Омодео впервые изложил в обширной полемической рецензии на книгу Гобетти "Рисорджименто без героев". Он подверг критике, прежде всего, главный тезис Гобетти: Рисорджименто было неудавшейся революцией, так как не стало делом масс народа. Омодео считал, что данная Гобетти оценка итогов Рисорджименто исходит из абстрактно-романтического представления о революции, согласно которому все ее задачи должны быть разрешены сразу и окончательно. Что касается роли народных масс в Рисорджименто, то Омодео усматривал у Гобетти тенденцию к возрождению "мадзинистского мифа о народе, действующем как слитная масса, наподобие хора в трагедии на политической сцене". Народ же "нужно суметь увидеть, даже когда он действует разобщенно, даже когда по видимости каждый погружен лишь в свои заботы"⁸.

Деятели Рисорджименто - утверждал Омодео - действительно не были похожи на героев в вульгарно-риторическом смысле этого слова, "в плащах и латах наподобие персонажей из опер Верди". Это были живые люди, нередко терпевшие неудачи, но одушевленные высокой мечтой о будущем своего народа, действовавшие для него и его именем. И даже если им не удалось осуществить все, к

⁶ *Gobetti P. Risorgimento senza eroi.* Torino, 1926. Эта работа осталась незаконченной и вышла в свет уже после смерти Гобетти.

⁷ *Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915.* Bari, 1928; *Idem. Storia d'Europa nel secolo XIX.* Bari, 1932.

⁸ *Omodeo A. Difesa del Risorgimento.* / Torino, 1951 p. 442, 445.

чему они стремились, - их деятельность не была бесплодной, она дала свои позитивные результаты, которые являются составной частью завоеваний человечества и сохраняют непреходящее значение.

На вопрос о том, можно ли считать связанной с исходом Рисорджименто последующую победу фашизма в Италии, Омодео ответил совершенно иначе, чем Гобетти. "Последующие бедствия, - писал он, имея в виду фашизм, - проистекали из того, что постепенно утрачивался дух Рисорджименто, но не из самого Рисорджименто"⁹.

Омодео был, бесспорно, прав, когда в полемике с Гобетти требовал подходить к оценке итогов Рисорджименто исторически, отправляясь не от желаемого, а от действительно возможного в ту эпоху. Но в целом его концепция Рисорджименто, - проникнутая, прежде всего, стремлением сохранить "фундамент, заложенный с таким трудом", а не разобраться критически в его несовершенствах, значительно менее плодотворна, чем концепция Гобетти, и является выражением гораздо более умеренной политической позиции. В сущности, Омодео, подобно Кроче, не смог объяснить причины краха итальянского либерального государства.

В истории Рисорджименто Омодео больше всего привлекала политическая биография Кавура, исследованию которой он посвятил свою наиболее фундаментальную работу в этой области (1940) и целый ряд статей. Считая деятельность Кавура "решающей для нашего Рисорджименто", Омодео, однако, был противником изображения Кавура как некоего чудотворца, "демиурга" исторического процесса объединения Италии. "Кавур не был таковым и не претендовал на это, - писал он, - потому что в конкретной действительности государственным деятелем, достойным этого имени, является не тот, кто мнит себя стоящим над миром и рассматривает его просто как материю, которую можно формовать как угодно, - а тот, кто

понимает самые глубокие стремления этого мира, кто улавливает все потребности, возникающие в данной ситуации, и способен также и из мысли и действий противника высвободить и извлечь полезные элементы"¹⁰.

Омодео проявил объективность и в оценке исторической роли вождя демократического крыла итальянского национального движения - Мадзини. Он пришел к выводу, что успех трезвой политики и дипломатии Кавура стал возможен лишь в условиях, подготовленных неустанной революционной пропагандой Мадзини.

Однако, в подходе Омодео к вопросу о роли различных деятелей Рисорджименто отчетливо видны и слабости его концепции, а именно - тенденция свести историю к серии биографий выдающихся личностей. Поэтому его работы не вносят нового в конкретные исследования той коренной проблемы, которая в годы фашизма стояла в центре всех дискуссий вокруг Рисорджименто: отношения народных масс к итальянской национальной революции и степени их участия в ней.

Омодео рассматривал и Мадзини, и Кавура, и Гарибальди как различные воплощения неисчерпаемой энергии итальянского народа, который "выдвигает из своей среды - в зависимости от потребностей момента - то пророка, то политика, то воина"¹¹. Но с его точки зрения это единственная форма, в которой реализуется участие в Рисорджименто народа, нации. Что же касается закономерности, которой определяется появление на исторической сцене той или иной выдающейся личности, то Омодео понимал ее чисто идеалистически - как своего рода предначертание свыше.

Как идеалист Омодео подходил и к вопросу о предпосылках Рисорджименто. Он отрицал какую бы то ни было связь Рисорджименто с потребностями экономиче-

ского развития Италии. С этой позиции он критиковал итальянских историков "экономико-юридической" школы (Сальвемини и других), а также американского историка Р. Гринфилда - автора ценной работы об экономике Ломбардии в эпоху Рисорджименто. Но, прежде всего, эта полемика Омодео направлена против марксистского истолкования истории Рисорджименто, против того, чтобы рассматривать ее как историю борьбы различных общественных классов, движимых определенными материальными интересами.

Преследования, которым подвергся при фашизме Г. Сальвемини, отразились и на судьбе его работ по истории Рисорджименто. Его популярная книга "Политическая история Италии в XIX в." (впоследствии получившая название "Итальянское Рисорджименто"), опубликованная незадолго до эмиграции в составе серии "Европа в XIX в.", в дальнейшем была изъята фашистской цензурой. За годы эмиграции Сальвемини, лишенный доступа к основным документальным материалам эпохи Рисорджименто, не создал новых значительных исследований в этой области. Он возвращался к проблематике Рисорджименто лишь в своих курсах лекций в Гарвардском университете, материалы которых были опубликованы уже после второй мировой войны.

В "Политической истории..." Сальвемини оспаривал "традиционное представление о Рисорджименто, которое мы себе создаем, когда читаем о том, что "итальянский народ" горел любовью к родине, что "вся Италия" "поднялась на ноги" и так далее"¹². В действительности, утверждал он, основная масса населения Италии - крестьянство - оставалась пассивной; она не принимала участия в общественной жизни, а если бы получила возможность выразить свои политические симпатии, то высказалась бы в пользу свергнутых абсолютистских режимов. Следовательно, Ри-

сорджименто было делом лишь меньшинства нации. Но в истории так бывает всегда: "Историю творят не инертные массы и не дряхлые и олигархические группы. Историю творит сознательное и активное меньшинство, которое, преодолевая инерцию масс, увлекает их к новым условиям жизни, подчас вопреки тому, к чему они непосредственно стремятся"¹³. Создаваемый таким путем новый политический режим на первых порах может доказать законность своей существования не санкцией формального большинства, а лишь успешным продолжением начатого дела. Так было и в Италии после национального объединения. Вышедшее из Рисорджименто итальянское государство Сальвемини рисовал по сути дела как диктатуру Севера над Югом, но считал, что при данных условиях оно и не могло быть ничем иным, что только так можно было сохранить едва завоеванное национальное единство.

Таким образом, Сальвемини не отрицал, что Рисорджименто было делом лишь меньшинства нации. Однако он не видел в этом оснований для критики дофашистского итальянского государства как государства антидемократического, полагая, что оно в силу объективных причин не могло с первых же своих шагов осуществить все формально-юридические нормы демократии, но постепенно шло в этом направлении. Тем самым он в определенной степени пересмотрел свою прежнюю оценку либерального государства, придя к этому под воздействием уроков фашизма. Вопрос о том, есть ли какая-либо связь между итогами Рисорджименто и возникновением фашизма, Сальвемини оставлял открытым.

Начатое ранее Сальвемини исследование социалистических идей эпохи Рисорджименто продолжал в конце 20-начале 30-х гг. его ученик **Нелло Росселли** (1900-1937). Как и его брат Карло, он был активным борцом против фашизма. Вместе они основали подпольную анти-

¹⁰ *Omodeo A. L'Opera politica del Conte di Cavour. Parte I (1848-1857). 3 ed.: Firenze, (1945). Vol. I, p.5.*

¹¹ *Ibid., vol. 2, p. 182.*

¹² *Salvemini G. Scritti sul Risorgimento. A cura di P. Pieri e C. Pischedda (Opere di Gaetano Salvemini, II). 2 ed. /Milano/, 1963, p. 431.*

¹³ *Ibid., p. 434.*

⁹ *Ibid., p. 446.*

фашистскую организацию "Справедливость и свобода", участвовали в защите Испанской республики и погибли во Франции от рук убийц, действовавших по заданию разведки Муссолини.

Уже в первой своей работе, посвященной начальному этапу итальянского рабочего движения, Н. Росселли обнаружил интерес к социальным аспектам Рисорджименто, сделав попытку показать влияние национального объединения на положение трудящихся масс. Позднее он обратился к изучению биографии Карло Пизакане, занимавшего среди идеологов патриотического движения самую радикальную позицию, в наибольшей степени отмеченную влиянием утопического социализма.

Книга Росселли о Пизакане вышла в 1932 г. под названием: "Карло Пизакане в итальянском Рисорджименто". Росселли считал, что итальянская национальная революция должна была решить задачи двоякого рода: негативные (свержение австрийского гнета и абсолютистских порядков) и позитивные (создание основ новой итальянской государственности). По его мнению, "в осуществлении негативной фазы приняла то или иное участие... очень значительная часть мыслящих итальянцев, в осуществлении позитивной фазы - фактически незначительное меньшинство"¹⁴. Пизакане принадлежал к тем немногим, кто понимал необходимость активного участия масс в решении не только негативных, но и позитивных задач Рисорджименто. В глазах Росселли он был человеком, прозорливо предвидевшим бедствия, которые ожидают Италию в случае, если новое государство будет навязано народу сверху, а не создано его собственными руками. Именно этим Росселли и объяснял свой интерес к фигуре Пизакане, утверждая, что если в практически-политическом плане Пизакане потерпел поражение, то историческая правота оказалась именно на его стороне.

¹⁴ *Rosselli N.* Carlo Pisacane nel Risorgimento italiano. Torino, 1932, p. X.

Сосредоточив на биографии Пизакане основное внимание, Росселли постарался в то же время показать его как наиболее последовательного выразителя идей и настроений, достаточно широко распространенных в Италии и в частности в Пьемонте в 50-е гг. XIX в. Тем самым он одним из первых поколебал установившееся в литературе представление о Пизакане как мыслителе-одиночке, хотя и не смог раскрыть все многообразные идейные истоки его концепции.

Росселли справедливо подчеркивал как важнейшую особенность взглядов Пизакане то, что в его представлении решение национальной проблемы сливалось с социальной революцией в Италии. Именно этим, по его мнению, определялось место Пизакане в истории итальянской политической мысли. Но в этом же Росселли видел и уязвимый пункт позиции Пизакане. Он полагал, что Пизакане, призывая к социальной революции, имел в виду революцию пролетариата против буржуазии. Между тем, пропаганда идеи национального единства увенчалась успехом "главным образом потому, что она отвечала вполне осознанным интересам нашей буржуазии во всех частях полуострова - буржуазии, жаждущей простора, свободы торговых сношений, широкого рынка... стремившейся к установлению нового режима, который был бы создан по ее образу и подобию, служил бы ей, был бы приспособлен к ее потребностям, отвечал бы условиям, необходимым для ее развития"¹⁵. Социалистическая же пропаганда оказалась бы направлена именно против этой главной силы, заинтересованной в национальном единстве. Она имела бы своим непосредственным результатом "ответную реакцию буржуазного патриотизма", заставила бы буржуазию сблизиться с консервативным лагерем, а в народных массах посеяла бы равнодушие к борьбе за национальное единство как делу второстепенному по сравнению с социальной проблемой. Поэтому мечта Пизакане о

¹⁵ *Ibid.*, p. 144-145.

"социалистическом" Рисорджименто была обречена остаться утопией.

Постановка вопроса о роли в Рисорджименто интересов различных общественных классов была несомненной заслугой Росселли как историка. За это на него резко обрушились представители идеалистической историографии - в частности, Омодео. Но представления Росселли о том, какие это были классы, во многом антиисторичны. Важнейшим классовым антагонизмом итальянского общества того времени был антагонизм между пролетариатом и буржуазией, а между крестьянством и полуфеодальными землевладельцами. И Пизакане, связывая завоевание национального единства Италии с революционным социальным переустройством, апеллировал не к пролетариату, а, прежде всего, к крестьянству - тому общественному классу, который оставался вне поля зрения итальянских демократов во главе с Мадзини. Но эту крестьянскую революцию, которая по своему объективному содержанию могла быть лишь буржуазной, Пизакане мыслил как революцию социалистическую. В этом заключалась своеобразнейшая черта его идеи, которая начисто ускользнула от Росселли.

Таким образом, все наиболее значительные работы о Рисорджименто, появившиеся в годы фашистской диктатуры, так или иначе, ставили одни и те же основные вопросы: есть ли какая-либо связь между тем, как совершилась и чем закончилась итальянская национальная революция, и возникновением фашизма? Чьими силами и в чьих интересах она осуществилась? Каково было отношение к Рисорджименто народных масс и степень их участия в национальном движении? Однако среди названных авторов только Росселли попытался для ответа на них в какой-то мере использовать классовые категории. Классовая интерпретация Рисорджименто была последовательно развита лишь итальянскими марксистами. Основу марксистской историографии Рисорджименто зложил созданный в 1929-1935 гг.

фундаментальный труд **Антонио Грамши** (1891-1957) - "Тюремные тетради".

Грамши был одним из основателей ИКП, а с 1924 г. - ее генеральным секретарем. После введения в 1926 г. фашистских чрезвычайных законов он был арестован, предан суду Особого трибунала и осужден на 20 лет тюремного заключения. Грамши добился права пользоваться присылаемой с воли литературой и вести записи, подлежавшие обязательному просмотру тюремного цензора. В заметках, сложившихся в "Тюремные тетради", он не только фиксировал соображения по поводу прочитанного, но и размышлял в иносказательной форме о событиях и явлениях своего времени, ставил и разрабатывал многие коренные проблемы марксистской философии, теории исторического процесса, революционной политики.

"Тюремные тетради" были опубликованы лишь после второй мировой войны и составили в первом издании шесть томов. Один из них, наиболее значительный по объему, включил в себя записи Грамши, посвященные анализу исторического прошлого Италии и в особенности - Рисорджименто¹⁶.

Обращаясь к истории Рисорджименто, Грамши стремился объяснить генезис современной ему итальянской действительности и извлечь из опыта национальной революции максимум уроков для рабочего класса. Это был подход не профессионального историка, а политика, но убежденного в том, что эффективное политическое действие невозможно без опоры на точное историческое знание.

Несмотря на тюремную изоляцию, Грамши не только был в курсе споров о Рисорджименто, разгоревшихся в итальянской историографии 20-30-х гг., но и сам в определенном смысле стал их участником. В своих записях он дал оценку всех основных точек зрения, выявившихся

¹⁶ *Gramsci A.* Il Risorgimento (Opere di Antonio Gramsci, vol. 4). Torino, 1949 (частичный русск. пер. - Грамши А. Избр. произв. Т. 3. М., 1959; Его же. Избр. произв. М., 1980).

в этих спорах, и собственный ответ на стержневые вопросы, вокруг которых они велись.

Как и зачинатель итальянской марксистской историографии Антонио Лабриола, Грамши связывал движение за объединение Италии с материальными интересами и потребностями буржуазии. При этом он подчеркивал, что национальное объединение должно было не столько высвободить уже сложившиеся элементы буржуазных отношений, сколько создать условия для их нормального развития.

Рассматривая буржуазию как класс, непосредственно наиболее заинтересованный в ликвидации политической раздробленности и создании единого государства, Грамши сосредоточил внимание, прежде всего, на том, в какой мере буржуазия оказалась способной действовать в качестве класса-гегемона, т.е. найти себе союзников в борьбе за эти цели и повести их за собой, какие социальные силы могли бы стать и действительно стали ее союзниками. Наиболее существенным в этом плане он считал вопрос о взаимоотношениях между буржуазией и крестьянством.

Грамши показал, что союз между буржуазией и крестьянскими массами, в свое время обеспечивший победу Великой Французской революции, в Итальянской Национальной революции не состоялся, поскольку оба крыла патриотического движения отказались включить в свою программу аграрные требования крестьян. Умеренные не выдвинули аграрный вопрос потому, что сам предложенный ими способ решения национальной проблемы требовал "создания блока всех правых сил, включая классы крупных земельных собственников, вокруг Пьемонта как государства и как армии". Но и демократы, отстаивавшие революционный путь объединения Италии, в отношении аграрного вопроса разделяли позицию умеренных, "считая "национальными" аристократию и собственников, а не миллионы крестьян". Не сумев сомкнуться с крестьянством и не имея опоры "ни в одном определенном историческом классе", демократическое

течение, в конечном счете, уступило инициативу умеренно-либеральному, представлявшему собой "относительно однородную социальную группу", и проиграло ему в борьбе за политическое руководство национальным движением.

Поставив в центр своего анализа проблему руководства движением за национальное единство со стороны буржуазии как класса и со стороны различных выдвинутых ею политических сил, Грамши принципиально по-новому подошел к вопросу о роли в Рисорджименто народных масс. "...Вопрос о позиции народных масс нельзя ставить отдельно от вопроса о позиции руководящих классов, - писал он. - ...Самочинные выступления народных масс (поскольку они действительно являются таковыми) могут служить лишь показателем "силы" руководства высших классов; в Италии же либералы-буржуа всегда пренебрегали народными массами"¹⁷. Именно на буржуазии лежит, таким образом, ответственность за то, что Рисорджименто не вылилось в широкую народную революцию: "Знаменитое итальянское меньшинство, "героическое" по определению... руководившее объединительным движением, в действительности больше думало об экономических интересах, чем об идеальных формулах, и больше боролось за то, чтобы помешать народу принять участие в движении и придать ему социальный характер (в смысле осуществления аграрной реформы), чем против врагов единства"¹⁸.

Но, констатируя, что неспособность буржуазии опереться на народные массы серьезно ограничила размах итальянского национального движения. Грамши считал нужным проанализировать в истории Рисорджименто "все те моменты, когда итальянский народ оказывался перед необходимостью разрешить, по крайней мере, потенциально общую задачу и когда тем самым могло осуществиться действие или движение, являющееся по-своему ха-

¹⁷ Gramsci A. Il Risorgimento, p. 54-55.

¹⁸ Ibid., p. 65.

рактеру коллективным (в смысле глубины и размаха) и единым"¹⁹. Он имел в виду революции 1820-1821, 1851, 1848-1849 и 1860 гг., войны периода 1848-1870 гг., плебисциты, связанные с оформлением Итальянского королевства. Во всех этих событиях следовало с его точки зрения изучить географию массовых действий, степень их интенсивности, отклики на них в различных слоях населения - как положительные, так и отрицательные. Намеченное Грамши направление исследования роли народных масс в Рисорджименто было новым словом в историографии и оказалось глубоко плодотворным.

Рисорджименто в понимании Грамши было революцией незавершенной (поскольку она не затронула сферы аграрных отношений), но отнюдь не безрезультатной или потерпевшей поражение. Он объективно оценил вклад в создание единого государства обоих течений национального движения, считая, что умеренные и демократы диалектически взаимодействовали между собой подобно "тезису" и "антитезису". В целом Рисорджименто рассматривалось Грамши как "сложный и противоречивый исторический процесс, который является результатом взаимодействия всех его элементов, противостоявших друг другу, действия его главных сил и его антагонистов, их борьбы и тех изменений, которым они взаимно подвергались в ходе этой борьбы; в нем сыграли свою роль и пассивные, скрытые силы - такие, как широкие крестьянские массы, - не говоря уже, разумеется, о значительном влиянии на него международных отношений"²⁰.

Непрочность созданной в результате Рисорджименто формы политического господства итальянской буржуазии Грамши опять-таки относил, прежде всего, за счет ее неспособности выполнить в национальной революции роль класса-гегемона по отношению к основной массе населения - крестьянству. Понимая под гегемонией политическое и духовно-

¹⁹ Ibid., p. 112.

²⁰ Ibid., p. 108.

нравственное руководство ведущего класса, принимаемое ведомым в порядке добровольного согласия, Грамши считал, что господство любого класса устойчиво лишь при условии, если оно подкрепляется гегемонией по отношению к ведомым. Итальянское же либеральное государство изначально не обладало сколько-нибудь широкой массовой опорой и так и не приобрело ее. Поэтому, когда под воздействием первой мировой войны ранее аполитичные массы стали быстро втягиваться в политику, этот процесс развивался вне и помимо существующих государственных структур и в условиях, когда его не сумел возглавить рабочий класс, был использован и направлен к собственным целям фашистским движением.

Таким образом, Грамши - как до него Гобетти - поставил приход фашизма к власти в связь с непоследовательностью Рисорджименто. Но если у Гобетти мысль о такой связи была скорее догадкой, то Грамши дал ей глубокое историческое обоснование в категориях классовых взаимоотношений.

Историки в годы второй мировой войны и Сопrotивления. Начало второй мировой войны и вступление в нее Италии (май 1940 г.) отразилось в сфере исторических исследований повышенным интересом к проблематике, так или иначе связанной с первой мировой войной, ее подготовкой и итогами. В 1940-1942 гг. появился ряд монографий, журнальных статей и других публикаций по этим вопросам. Часть из них (книги А. Торре) вышла под грифом Института международной политики в Милане, с предвоенных лет разрабатывавшего тему "Перспективы ревизии европейского порядка", или была подготовлена его сотрудником М. Тоскано.

Большое коллективное издание под названием "Критика Версальской системы" было предпринято Национальным фашистским институтом культуры, который в условиях войны был непосредственно подключен к деятельности военно-пропагандистского аппарата режима. Ча-

стью идеологической кампании в связи с итальянской агрессией против Греции (октябрь 1940 г.) стал выход сборника под названием "Италия и Греция. Две цивилизации и их многовековые взаимоотношения" с предисловием близкого к Джентиле философа Б. Джулиано, игравшего видную роль среди доверенных лиц фашизма в сфере культуры. Другой деятель из этого круга - Ч. Де Векки - с конца 30-х гг. был перемещен на пост губернатора Додеканезских островов и в своем новом качестве активно способствовал практической подготовке нападения на Грецию.

С приближением краха фашизма Де Векки примкнул к заговору против Муссолини в фашистских верхах. Он оказался в числе тех членов Большого фашистского совета, которые на заседании 25 июля 1945 г. проголосовали за отставку Муссолини, а затем в неофашистской "республике Сало" были преданы суду как изменники. Де Векки, сумевший скрыться, был заочно приговорен к смертной казни. В послевоенной Италии его судили (также заочно - Де Векки тогда жил в Аргентине) уже как бывшего фашистского иерарха и приговорили к 5-летнему тюремному заключению, но по амнистии он был освобожден от наказания.

В отличие от Де Векки, Дж. Джентиле поддерживал режим Муссолини вплоть до его падения и остался верен фашизму также и в новой, "республиканской" форме. В "республике Сало" он стал президентом Итальянской академии, а в конце 1945 г., выступил с обращенным к интеллигенции призывом: исправляя ошибки прошлого, содействовать под эгидой неофашизма "взаимному прощению" и "единству родины". Несколько месяцев спустя Джентиле был убит во Флоренции бывшими партизанами, приговорившими его к смерти за сотрудничество с фашизмом.

Меньше скомпрометировал себя Дж. Вольпе, который при всех своих официально занимаемых постах был действительно крупным ученым, продолжал вести исследования и сохранил научный авторитет. В 1940-1942 гг. он опубликовал не-

сколько работ, в том числе по истории Рисорджименто и по вопросу о нейтралитете Италии в начале первой мировой войны. Главным же образом он занялся переработкой своей книги "Италия в пути" для нового, расширенного издания под названием "Современная Италия". Первый ее том, охватывавший 1815-1898 гг., вышел в издательстве Института международной политики в Милане в июне 1943 г. - незадолго до падения Муссолини - и подвергся секвестру и изъятию из продажи: в предисловии Вольпе призывал итальянцев сплотиться в тяжелый час поражений вокруг короля, т.е. давал понять, что высшим выражением национальных интересов и национального единства является монархия, а не фашизм. По окончании войны этот том "Современной Италии" был переиздан уже другим издательством²¹. В послевоенной Италии Вольпе не подвергался каким-либо политическим санкциям за свое фашистское прошлое, но был лишен доступа к университетской кафедре.

Опыт войны способствовал переходу все более значительной части интеллигенции на антифашистские позиции. В университетской среде уже с конца 30-х гг. вокруг оппозиционно настроенных профессоров начали складываться группы, послужившие базой так называемого либерально-социалистического движения. Оно развивалось в русле идей одного из основателей организации "Справедливость и свобода" - Карло Росселли. Сама эта организация в 1942 г. волилась в Партию действия, которая сыграет активную роль в Сопротивлении.

К Партии действия, по преимуществу опиравшейся на антифашистски настроенную интеллигенцию, примкнули в период Сопротивления некоторые видные итальянские историки - А. Омодео, Ф. Шабо, Л. Сальваторелли. Шабо стал командиром партизанского отряда. Омодео после создания коалиционного правитель-

²¹ Volpe G. Italia moderna, V. I; 1815-1898. Milano, ISPI, 1943 - Firenze, Sanaoni, 1945.

ства антифашистских партий (апрель 1944 г.) занял в нем пост министра народного образования. С 1945 г. до своей смерти (1946) он являлся также ректором Неаполитанского университета.

Активную политическую деятельность развернул в 1943-1945 гг. Б. Кроче. Он стал лидером воссозданной либеральной партии и в 1944 г. как и Омодео, вошел (в качестве министра без портфеля) в правительство антифашистского единства.

Обстановка военного времени и особенно начавшейся в 1943 г. вооруженной антифашистской борьбы не способствовала широкому развороту исторических исследований. С 1945 г. перестал выходить "Итальянский исторический журнал" (перерыв в его издании продолжался до 1948 г.). Историки нового и новейшего времени (прежде всего, те, кто был непосредственно вовлечен в водоворот бурных политических событий) выпустили в эти годы относительно немного значимых в научном отношении работ или публикаций источников.

Коррадо Барбагалло (1887-1952), основатель "Нового исторического журнала", на протяжении многих лет занимавший кафедру экономической истории сначала в Катании, а затем в Неаполе, начиная с 30-х гг. работал над многотомной всемирной историей. Полностью этот замысел был им осуществлен уже после войны, но том, являвшийся как бы пробным и посвященный американской и французской революциям XVIII в., был издан в 1941 г. В период Сопротивления Барбагалло, и раньше идейно близкий к социалистам, вступил в социалистическую партию.

Омодео еще в начальный период войны опубликовал сравнительно небольшой очерк об идеологии умеренного крыла Рисорджименто Винченцо Джоберти. Публикацию дневника Кавура за 1855-1845 гг. осуществил Сальваторелли. В 1943-1944 гг. появилось несколько книг Сальваторелли по проблемам не только итальянской, но и европейской истории ("Мысль и действие в эпоху Рисорджименто", "Напо-

леон - легенда и действительность", "Очерк истории Европы"). К. Моранди впервые издал курс лекций о внешней политике Италии в 1871-1914 гг., прочитанный в 1925 г. в Лондоне Г. Сальвемини (сам Сальвемини все еще не вернулся на родину). Вышел в свет большой труд по истории общественной мысли в эпоху Рисорджименто **Делио Кантимори** (1904-1967)²², профессора новой истории в Высшей школе Пизы, ранее занимавшегося преимущественно историей итальянских ересей, религиозных войн в Европе и т.д., а в политическом отношении прошедшего эволюцию от участия в фашистском движении в молодые годы до сотрудничества с подпольной ИКП накануне и во время войны.

Но в тот период история не столько писалась, сколько делалась. Множество людей ощущало себя непосредственно причастными к ней. Быть активными творцами истории, "вместе с рабочей и крестьянской молодежью переделать историю Италии" призвал студентов перед началом 1943-44 учебного года ректор Падуанского университета Кончетто Маркези, философ и историк латинской литературы, развертывавший в это время нелегальную работу как видный деятель ИКП. Писатель Джайме Пинтор, заново издавший в 1942 г. "Очерк о революции" Карло Пизакане, а в конце 1943 г. погибший при выполнении партизанского задания, в последнем письме к брату размышлял о том, что в условиях, когда перед итальянцами "вновь открылись те возможности, которые были перед ними в период Рисорджименто", интеллигенция обязана сделать свой выбор и действовать. Сопротивление часто называли "вторым Рисорджименто", партизанским формированиям давали имена Гарибальди и Мадзини. Живая история в действии властно врывается даже под тихие своды архивохранилищ. Сотрудница Государственного архива Флоренции Анна Мария Энрикес-Аньолетти, один из

²² Cantimori D. Utopisti e riformatori italiani. 1794-1847. Firenze, 1943.

организаторов подпольной Христианско-социальной партии и активная участница Сопротивления в Тоскане, в 1944 г. была расстреляна эсэсовцами и посмертно награждена золотой медалью за воинскую доблесть. Из здания Государственного архива Турина руководил в апреле 1945 г.

ходом народного восстания Комитет национального освобождения Пьемонта.

Освобождаясь от фашизма Италия переживала процесс глубокого обновления своей духовной жизни, который благотворно скажется на последующем развитии итальянской историографии.

Часть

II

**Историческая наука
второй половины XX века
(1945 – середина 1990-х гг.)**

Введение

Историческая наука во второй половине XX века прошла сложный и противоречивый путь. В целом, однако, это было поступательное развитие, приведшее к существенному обновлению теоретических основ, методов и методики историографии. Эти черты проявились, прежде всего, в деятельности направления, получившего название "новой исторической науки" и утвердившегося в ведущих странах Запада.

Внутреннее развитие исторической науки, ее возросшая роль в общественной жизни послевоенного периода привели к созданию множества новых научных центров, разрабатывающих историческую проблематику, значительно увеличилась сеть исторических обществ, резко возросла историческая периодика, поднялся тираж книг по истории, специальных и популярных. Множились кадры исследователей-специалистов, выпускаемых высшими учебными заведениями. В огромной степени возросли международные связи историков: междууниверситетские обмены, форумы, симпозиумы, на которых обсуждаются важнейшие теоретические и конкретно-исторические проблемы. Каждое пятилетие регулярно собираются всемирные конгрессы исторических наук. Теоретические и методологические вопросы современной историографии занимают главное место на страницах международного научного журнала "История и теория" ("History and Theory" (1960)).

Развитие исторической науки, как и всех форм духовной жизни общества, испытывало могущественное воздействие глобальных процессов, протекающих в мире. Гигантскими шагами шел вперед

научно-технический прогресс: величайшим научным достижением явилось овладение атомной энергией, выход человека в космос положил начало освоению космического пространства, генетики, выявив носителя наследственности ДНК, сделали важный шаг на пути генной инженерии, создание электронно-вычислительных машин подготовило новую ступень для развития производительных сил.

Крупнейшие перемены произошли в общественно-политических процессах. После второй мировой войны и разгрома фашизма началось противостояние двух социально-политических блоков во главе со сверхдержавами СССР и США, мир порой стоял перед угрозой термоядерной войны. Национально-освободительное движение изменило карту мира, рухнула колониальная система, на развалинах которой образовались десятки новых независимых государств.

При общем единстве мировой исторической науки ее развитие в СССР и странах Запада, в условиях раскола мира на два военно-политических блока, привело марксистскую и немарксистскую историографию к жесткой конфронтации по основным методологическим и конкретно-историческим вопросам. Падение коммунистического режима в СССР и распад Советского Союза в 1991 г. привели к кризису и дискредитации марксистской теории общественного развития. Начался новый этап в развитии российской историографии.

В основе методологии советских исследователей, как и прежде, лежал исторический материализм. Марксизм был большим достижением науки об обществе

XIX в., он мощно обогатил историческое знание и раздвинул горизонты исследования социально-экономической жизни. Впервые было дано целостное материалистическое объяснение истории. Общественный процесс понимался как смена социально-экономических формаций, а основное его содержание сводилось к борьбе классов; политические события, государственная деятельность, идеология объяснялись приматом классовой борьбы.

Абсолютизация классовой борьбы, увенчанная постулатом "революции - локомотивы истории", приводила нередко к упрощениям и одномерности в трактовке событий прошлого, но она имела еще более негативные последствия при подходе к современности. Неправомерный вывод, будто капитализм исчерпал свои возможности, а обострение классовых противоречий достигло апогея, привел к формулированию концепции общего кризиса капитализма. Эта установка способствовала деформации и искажению многих аспектов истории новейшего времени.

Трудности развития исторической науки в СССР определялись не только выявившимися внутренними слабостями марксизма и ошибками в его применении. Не менее важно, что марксизм давно уже стал государственной идеологией, историческая наука находилась под сильнейшим идеологическим и политическим прессом. Спрос "сверху" порождал прикладные конъюнктурные труды, то есть попросту поделки, которые не давали серьезного анализа фактического материала. Последний интерпретировался в системе понятий догматического марксизма в угоду политической конъюнктуре.

Наиболее трудным временем в развитии отечественной историографии было первое послевоенное десятилетие. Страна вставала из развалин, восстанавливались многие университетские центры. Материальная база академических институтов и вузовских кафедр была слаба. Кроме университетских кафедр всеобщей истории основным центром, где изучались проблемы новой и новейшей истории

стран Европы и Америки, был Институт истории АН СССР. В условиях жесткого партийного контроля большую активность проявляли центральные партийные вузы: кафедра всеобщей истории Высшей партийной школы и кафедры всеобщей истории и международных отношений Академии общественных наук при ЦК КПСС, публиковавшие установочные учебные пособия по новой и новейшей истории для вузов и средней школы. Историческая периодика была ограниченной. Регулярно выходили лишь журналы "Вопросы истории" и "Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии". К методологическим вопросам обычно обращался журнал "Коммунист" (до 1952 г. выходил под названием "Большевик"). Советская историческая наука была искусственно изолирована от мировой.

В стране царил тяжелая интеллектуальная атмосфера. На протяжении последних 5-6 лет жизни Сталина прошли кампании против "буржуазной лженауки генетики", гонения писателей, в частности на М. Зощенко и А. Ахматову, и композиторов, борьба против космополитизма, дискуссии по вопросам языкознания и экономическим проблемам социализма - поразительные по своей схоластике и догматизму. И все это происходило в стране, которая только недавно, заплатив страшную цену, одержала беспрецедентную победу над фашизмом, освободив многие народы Европы, спасла их от порабощения, а то и истребления.

Для историографии этого периода характерно традиционное внимание к истории революционных и освободительных движений, рабочему движению, самостоятельной научной отрасли становится славяноведение. Но сделано в этих областях было немного - обобщающие выводы явно обгоняли собранный в конкретно-исторических исследованиях материал. На одно из первых мест выдвигается внешне-политическая тематика, прежде всего изучение внешней политики СССР. На ее трактовку пагубное влияние оказали политизация истории и "холодная война".

Тон, заданный правительственной публикацией "Фальсификаторы истории" (1948), где давалась оценка предвоенных советско-германских отношений и в особенности пакта Молотова - Риббентропа был затем принят в десятках работ скорее пропагандистского, чем исследовательского характера.

В середине 50-х годов сложились более благоприятные условия для развития исторических исследований. Важнейшее значение имел доклад Н. С. Хрущева в 1956 г. на XX съезде КПСС с разоблачением культа личности Сталина. К началу 60-х годов произошло и известное ослабление "холодной войны". Все это существенно изменило идейный климат. После XX съезда исчезли из научного обихода труды Сталина и "Краткий курс истории ВКП(б)", был расширен доступ исследователей к архивным материалам, несколько смягчился партийно-государственный контроль.

Одновременно экономическое восстановление страны, рост ее влияния на международной арене усилили потребность в более основательных исторических знаниях. Значительно расширилась система научно-исследовательских учреждений, занятых изучением новой и новейшей истории. Были созданы академические институты по изучению стран Латинской Америки, США и Канады, международного рабочего движения и др. В крупнейших промышленных центрах страны открылись новые университеты, в которых были образованы исторические факультеты с кафедрами всеобщей истории. Возросло число специальных исторических периодических изданий по различным разделам новой и новейшей истории.

Советская историческая наука начала выходить из искусственной изоляции. Стереотипы "холодной войны" в отношении западной немарксистской историографии, хотя и с трудом, уступали место более трезвым академическим подходам. Оживились международные связи, научные обмены, поездки историков в зарубежные страны для работы в архивах и

библиотеках. Примером является становление советско-американских научных контактов. С 1970 г. устанавливаются связи Национального комитета историков Советского Союза с Американской исторической ассоциацией. Согласно договоренности, с 1972 г. регулярно раз в два года проводятся советско-американские коллоквиумы историков по проблемам истории США и России. Успешно (под руководством И. Д. Ковальченко с советской стороны) осуществлялась программа советско-американского сотрудничества в области применения количественных методов в изучении истории. С. Л. Тихвинский и Н. Н. Болховитинов возглавили первую совместную советско-американскую публикацию документов по истории ранних русско-американских отношений. С 1974 г. на кафедре новой и новейшей истории МГУ американские профессора ежегодно читают курсы по истории США. Почетными членами Американской исторической ассоциации стали видные российские историки М. Н. Тихомиров и П. А. Зайончковский.

После долгого перерыва, начиная с Римского конгресса 1955 г., во всемирных съездах историков вновь участвуют советские исследователи. На протяжении почти целого века эти собрания привлекают внимание мирового сообщества историков, собирая тысячи участников (на XIII Международном конгрессе в 1970 г. в Москве присутствовали ученые из 50 стран). Конгрессы являются как бы вехами на пути развития мировой исторической науки, здесь нередко наиболее отчетливо выявляются основные тенденции в развитии мировой историографии, как в методологическом, так и в проблемно-тематическом отношении. Если в 50-70-х гг. обсуждение актуальных проблем было не только полем академических дискуссий, но и острейших идеологических баталий, то по мере ослабления "холодной войны" и ухода от конфронтационности взгляды советских и западных ученых сближались по многим проблемам. Важно, что в личных контактах и порой жесткой полемике

происходило ознакомление с методологией и методикой "новой исторической науки", применяемым ею междисциплинарным подходом, приоритетными направлениями современной западной историографии: социальной историей, исторической демографией, исторической антропологией и т.д., обогащающими видение исторического прошлого, особенно в понимании человека как целостного субъекта исторического действия (заметное влияние в этом плане имели конгрессы в Сан-Франциско (1975), Бухаресте (1980), Штутгарте (1985), Монреале (1995).

Происходившие с конца 50-х годов перемены в стране оказали немалое влияние на содержание исторических исследований. Менее они повлияли на методологию. Исследования велись по-прежнему в рамках марксистско-ленинской концепции истории, истинность которой открыто никто не оспаривал, ставилась задача лишь "возвращения к истокам", "к неискаженному марксизму". С другой стороны, административными методами была свернута дискуссия об азиатском способе производства, ставившая под сомнение универсальность марксистской пятиступенчатой лестницы формаций; приглушены были и споры о "средних слоях", расширявших диапазон общественных групп, не принадлежащих к эксплуататорским классам; весьма жестко проводился в жизнь принцип партийности исторической науки.

И все же изменения происходили. Началась расчистка "завалов догматизма", были отброшены наиболее одиозные сталинские вульгаризации и упрощения, определенное ослабление идеологического пресса позволило отойти от явно устаревших оценок основоположников марксизма. Так, признаны ошибочными положения Маркса и Энгельса, явно переоцененная степень экономической зрелости капитализма, его готовность к социалистическим преобразованиям во второй половине XIX в. В исследовательских работах пересмотрено ленинское положение, относящееся к началу XX в. ("переходу капитализма в монополистическую ста-

дию") как времени "реакции по всей линии". Было показано, что в передовых странах Запада под давлением широких демократических движений и потребностей развития капитализма был принят реформаторский курс в социальных и экономических областях: в США Т. Рузвельтом и В. Вильсоном, в Англии Д. Ллойд Джорджем, в Италии Д. Джолитти. Скорректированы подчас односторонние оценки Маркса и Энгельса, данные ими видным общественным и политическим деятелям: Бакунину, Боливару, Герцену, Кошуту, Мадзини, Прудону и др.

Были также исправлены наиболее одиозные оценки, бытовавшие в советской историографии конца 40-х - начала 50-х годов: большое преувеличение степени участия США в антисоветской интервенции, характеристика де Голля как "фашиста" и "агента англо-американского империализма" в период второй мировой войны и т.д.

В первые послевоенные десятилетия, несмотря на неблагоприятные условия, в отечественной исторической науке сформировалась плеяда исследователей, признанных не только на родине, но и в зарубежной исторической науке: В. П. Волгин, Ф. В. Потемкин, Е. А. Косминский, Б. Ф. Поршнев, А. З. Манфред, А. В. Ефимов, А. С. Ерусалимский, В. М. Далин, А. В. Адо.

Расширился диапазон исторических изысканий. Если до войны существовали три основных региональных направления исследований: франковедение, германистика и англоведение, а после второй мировой войны к ним прибавилось славяноведение, то с шестидесятых годов оформились американистика, латиноамериканистика, началось планомерное изучение истории многих других стран: Италии, Испании, Ирландии, Швеции, Канады и т.д. Заметное место заняли биографические работы, имевшие успех в широкой читательской аудитории. Это уже были не только политические биографии, авторы нередко обращались к индивидуальной психологии и частной жизни исторических деятелей. Популярными авторами

жанра стали А. З. Манфред, Н. Н. Молчанов, В. Г. Трухановский, Н. Н. Яковлев, Р. Ф. Иванов, Ю. В. Борисов и др.

Основными направлениями научных исследований являлись революции нового и новейшего времени, рабочее и социалистическое движение, внешняя политика и международные отношения, национально-освободительная борьба. В изучении этих проблем сказались как сильные, так и слабые стороны советской историографии.

В марксистской концепции общественного развития классовая борьба выступает главным двигателем истории, а революция рассматривается как высшая форма классовой борьбы, ее кульминация. Поэтому неудивительно исключительное внимание к этим сюжетам. Английская буржуазная революция XVII в., Великая французская революция, Война за независимость и Гражданская война 1861-1865 гг., Война за независимость в Латинской Америке, Рисорджименто в Италии, революция 1848 г. во Франции и Германии, Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. и др. стояли в центре исследований советской историографии.

Абсолютизация революций как формы социального развития означала недооценку и даже подчас игнорирование другой его важной формы - эволюции. Изучение реформ, понимаемых как "побочный продукт революционной борьбы", было отодвинуто на второй план. Потери такого подхода были особенно значительны при рассмотрении движения к "организованному капитализму" в XX в., когда политическое реформаторство проявило себя в демократизации аппарата власти, стремлении создания механизмов, ставивших под государственный контроль деятельность корпораций, усилении социальной защиты трудящихся.

Наибольшее внимание исследователей привлекали английская и французская революции, характеризовавшиеся ожесточенной классовой борьбой и проложившие путь к буржуазному обществу. Продолжая традиции "русской исторической школы",

советские исследователи весьма основательно разработали социально-экономические предпосылки французской революции 1789 г., уделив, прежде всего, внимание аграрному вопросу. В то же время в тени остались менталитет, нравственные императивы - неотъемлемая часть человеческих ориентаций, важный компонент деятельности как отдельных индивидов, так и групп людей.

В центре исследований находились наиболее радикальные движения и идеи, особое внимание привлекал якобинский период французской революции. В изучении этой тематики было сделано немало. Но абсолютизация самого состояния революции как высшей ценности вело к оправданию методов плебейской борьбы, в частности, террора в годы якобинской диктатуры, а исключительное внимание к формированию коммунистических идей в эпоху Французской революции приводило к явному преувеличению их удельного веса в идеологии того времени.

Лишь с 80-х годов, прежде всего под влиянием новых общественных импульсов, исследователи начали искать новые подходы, пересмысливать прежнюю проблематику, изучать общественное развитие Франции не только в ракурсе "снизу" и "слева".

Другой центральной темой являлась история рабочего класса. Исследовательское поле здесь исключительно обширно, оно включает изучение положения рабочего класса, этапов развития рабочего движения от его первых шагов до наших дней, то есть тесно связано с пониманием генезиса промышленного капитализма. Важнейшие, по существу самостоятельные разделы этой тематики: борьба рабочих за улучшение своего экономического положения и деятельность массовых организаций - профсоюзов, социалистических партий I и II Интернационала, современное коммунистическое движение.

Эти и многие другие проблемы стали предметом изучения историков, экономистов, социологов. В работах был собран большой фактический материал, извле-

ченный из официальных и частных документов, переписки, мемуаров, материалов рабочей печати и т.д. Специфические особенности рабочего и социалистического движения были изучены в больших и малых странах Запада, было обращено внимание не только на борьбу рабочих за свои экономические права, но и на их роль в важнейших демократических и социальных переменах.

Вместе с тем исследование рабочего движения являлось чрезвычайно идеологизированной областью советской историографии. Отправное положение марксизма об освободительной миссии рабочего класса вело к идеализации и к преувеличению его роли на различных этапах исторического развития. Особенно ощутимо эта черта проявилась при изучении рабочего движения в новейшее время, ибо данный подход сочленился здесь с неадекватным осмыслением социально-экономических и политических процессов современного капитализма, получивших выражение в концепции общего кризиса капитализма. С другой стороны, абсолютизация классовой борьбы приводила к негативной оценке реформистских течений и организаций на протяжении всей истории рабочего движения.

Немало было сделано советскими историками в изучении внешней политики стран Запада и международных отношений. Но и здесь идеологические установки сыграли весьма отрицательную роль. Советская историография так и не смогла перешагнуть через политико-идеологические барьеры в подходе к внешней политике СССР кануна второй мировой войны, в оценке советско-германского пакта 1939 г. В центре истории международных отношений после второй мировой войны оказались советско-американские отношения, происхождение "холодной войны". Историки и политологи СССР многие годы возлагали ответственность за возникновение "холодной войны" исключительно на США.

Большие перемены в российской историографии произошли лишь на новом эта-

пе, в конце 80-х-90-х годах, когда марксизм утратил монопольное положение и наметился методологический и идейный плюрализм.

В развитии западной исторической науки второй половины XX века можно выделить два основных этапа: 40-50-е и 60-80-е годы. На первом этапе, при всем многообразии методологических подходов и исследовательских методик, направлений и школ, важную роль в методологии исторического познания приобрело идеографическое направление, характеризующееся отношением к истории как науке о единичных, уникальных явлениях. Естественно, влияние этой методологии было неодинаковым в различных национальных историографиях (Во Франции в 40-50 годы, например, господствовала школа "Анналов" устремленная на проблемное исследование), но общая тенденция обозначилась весьма отчетливо.

Сомнения в познавательных возможностях исторической науки были далеко не новыми. Еще на рубеже XIX-XX вв. они были высказаны в "философии жизни" В. Дильтея и в работах создателей баденской школы неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Выступая против позитивистской теории познания, настаивавшей на сходстве методов общественных и естественных наук, критики справедливо обратили внимание на специфику гуманитарных знаний, они также подчеркнули неустранимость субъективного момента из процесса познания, а, следовательно, релятивности его результатов. Дильтей и неокантианцы показали сложность исторического познания, но проблема осталась нерешенной. Абсолютизируя относительный характер всякого, особенно исторического познания, они делали вывод, что исследователь не в состоянии адекватно отразить реальную действительность. Главный тезис Дильтея, гласивший "природу мы объясняем, а духовную жизнь понимаем", вел к заключению, что любые знания в истории обесцениваются их крайней субъективностью. В том же направлении работала и теоретическая

мысль неокантианцев, квалифицировавших научные познания по методам исследования: "Одни отыскивают общие законы, другие отдельные исторические факты; выражаясь языком формальной логики, цель первых - общее, аподиктическое суждение, цель вторых - суждение единичное, ассерторическое... Одни из них суть науки о законах, другие о событиях"¹. В противоположность естествознанию в истории "случающиеся события не имеют общих признаков" и потому здесь возможно применение лишь "индивидуализирующего метода", описывающего события.

Неокантианский подход оказал значительное влияние на историческую мысль, но долгое время эти теоретические построения оставались несоединенными с практикой исторического исследования. Лишь в первое десятилетие после второй мировой войны, когда под ударами неокантианской философии падали многие бастионы позитивизма, положение начало меняться. Дополнительную аргументацию неокантианству предоставили и новейшие философские течения: прагматизм, персонализм, экзистенциализм.

Усиление релятивистских акцентов в историографии США, происшедшее в первое послевоенное десятилетие, затронуло творчество ведущих историков. Но особенно разительной была эволюция взглядов главы ведущего в межвоенный период в США прогрессистского направления Ч. Бирда. Он не только развивал неокантианские воззрения, но пришел к отказу от монистического истолкования истории на основе экономической интерпретации. Это стало одной из важных причин упадка всего прогрессистского направления.

Западногерманской историографии не пришлось перестраиваться в методологическом отношении. В первое послевоенное десятилетие в историографии продолжало доминировать поколение историков, сформировавшееся еще в период кайзе-

ровской Германии или при господстве нацизма, а с ними и "немецкий историзм", тесно связанный с идиографическим направлением. Старейшина исторической науки Г. Риттер характеризовал на первом послевоенном съезде западногерманских историков в 1949 г. индивидуализирующий метод как "главный в германской исторической науке".

В английской историографии, где традиционно преобладали эмпиризм и нелюбовь к теории, появился целый ряд работ, посвященных проблемам исторического познания и философии истории. Развернутое изложение релятивистского понимания истории дал Дж. Ренир в книге "История, ее цели и метод" (1950), подчеркивавший субъективное начало в отборе исследователями фактов, их группировке и выработке концепции. В его поддержку выступили влиятельный теоретик исторической науки И. Берлин, крупный историк Дж. Барраклаф и др. Вместе с тем в практике исторических исследований изменилось немного. По-прежнему в методологии превалировал своеобразный сплав традиционного английского эмпиризма с описательными позитивистскими методами и элементами индивидуализирующего подхода. С этих позиций историки подходили не только к освещению доминировавшей в исследованиях политической тематики, но и социальной стороны исторического процесса.

Релятивистские идеи не получили широкого распространения во французской историографии. Решающее влияние приобрели историки школы "Анналов", которые еще в 30-е годы, пересмотрев методологические принципы традиционной позитивистской историографии, не потеряли веры в возможность исторического познания и стремились реализовать идею "исторического синтеза".

После второй мировой войны все более меняется и общая мировоззренческая установка западной исторической науки в отношении идеи прогресса. Сомнение породила сама действительность. Две мировые войны, подъем национализма, бес-

человечные тоталитарные режимы, угроза гибели человечества в ядерном огне - все это способствовало подрыву веры в прогресс. Наступление велось и по линии обоснования неокантианского тезиса о принципиальной невозможности объективной оценки прогрессивности или регрессивности общественных явлений и процессов. Часто социологи и историки избегали говорить об историческом прогрессе, предпочитая нейтральное понятие "социальные изменения".

Отход от идеи поступательного развития общества явно проступает в концепциях круговорота. Сердцевина грандиозной панорамы эволюции человечества от древнейших времен до наших дней, нарисованной английским историком А. Тойнби, - циклическое развитие. Ее американским вариантом явилась социолого-историческая схема зарождения и упадка "культурных систем" русского социолога, высланного за рубеж, Питирима Сорокина.

Было бы упрощением связывать рост консерватизма в послевоенной западной исторической науке с усилением агностицизма и релятивистских посылок, скорее импульсы исходили из внутривнутриполитической обстановки и "холодной войны", которая способствовала идеологизации многих сфер общественной жизни. Вместе с тем влияние методологических перемен тоже не следует сбрасывать со счетов.

В США консерватизм обозначился не только в упадке "прогрессистской школы", но и в выдвижении на первый план теории "согласованных интересов" (консенсус), которую исповедовали такие крупные историки как Р. Хофстедтер, Д. Бурстин, Л. Харц. Теория "согласованных интересов" во многих отношениях являлась антитезой прогрессистской школе. Она отвергла выделение конфликта как важной линии американской истории, противоречий социальных, региональных, групповых, экономических, идеологических. Вместо этого она отправлялась от посылки, что главная особенность американской истории - согласованность основных элементов аме-

риканского общества на основе компромисса.

В английской историографии, как и в американской, консерватизм наиболее отчетливо проявился в подчеркивании преемственности, отрицательном отношении к крутым переменам, прежде всего революциям. Широким влиянием в эти годы пользовался крупный историк консервативного лагеря Л. Нэмир. В известной дискуссии в конце 40-х - начале 50-х годов о роли джентри в английской революции XVII в. получил известность Х. Тревор-Роупер, утверждавший, что революция была лишь бунтом оскудевшего провинциального дворянства, глубоко консервативного по своей природе и социально-политическим убеждениям. Другие историки преуменьшали масштабы изменений, вызванных революцией в экономической, социальной и политической структуре общества. Односторонний характер приняло и обсуждение в английской историографии вопроса о социальных последствиях промышленного переворота (прежде всего положения трудящихся). Связь этой проблемы с оценкой всего начального этапа развития капитализма очевидна. Были предприняты попытки опровергнуть факты ухудшения положения трудящихся в период промышленного переворота и доказать, что фабричная система, напротив, сразу принесла его значительное улучшение.

Доминирующее положение консервативного направления в историографии ФРГ во многом было обусловлено спецификой послевоенного периода: атмосферой "холодной войны", расколом Германии. Сказалась и преемственность кадров в исторической науке, консервативное направление опиралось на старое поколение историков, включавшее такие имена, как Г. Риттер, Г. Шёпс и др. Представители консервативного направления исторически обосновывали "германский вклад" в оборону Запада. Прежняя прусская националистическая концепция была ревизована. Теперь говорилось не о борьбе Германии с западными державами, а о единстве

¹ Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904, с. 320.

всего западного мира против угрозы "восточного деспотизма". Проводниками единства и дружбы с Западом выступают Лютер и Фридрих П, Бисмарк и Герделер. Здесь недалеко уже было и до идеи "атлантического единства".

Одним из крайних следствий релятивистского подхода явился презентизм, то есть "конъюнктура" - следование историков за переменами политического курса и общественного климата. Естественно, историография несет в себе мировоззренческую, идеологическую функцию, но ей присущи, как и всякой науке, своя внутренняя логика, свои специфические закономерности развития. Релятивистский подход ссылками на познавательные-гносеологические трудности исторической науки давал дополнительные аргументы к оправданию модернизации истории. Раз прошлое дано только через повторное переживание в сознании самого историка, то, следовательно, осовременивание прошлого неизбежно. Если в предвоенный период левые и либеральные историки на основе исторического анализа делали выводы в пользу реформ, то презентисты-консерваторы первого послевоенного десятилетия ставили изучение истории, как правило, на службу политическому консерватизму. Подчинение индивидуального выбора и идейной позиции историка господствующим умонастроениям и политическим концепциям особенно отчетливо проявилось в США. В 1949 г. президент Американской исторической ассоциации К. Рид мотивировал необходимость подчиненности историческим интерпретациям современным политическим задачам "социальной ответственности историка": "Либерально-нейтральная позиция, подход к социальной эволюции с точки зрения бесстрастного бихевиоризма нас уже не удовлетворяет... Тотальная война, все равно - холодная или горячая, мобилизует каждого и каждого обязывает

занять свой пост. Историк так же несвободен от этой обязанности, как и физик"².

С конца 50-х - начала 60-х годов произошли серьезные изменения в исторической науке западных стран, связанные с обстоятельствами социального, политического и общенаучного характера. Произошли качественные изменения в мире, начала отступать "холодная война", появились элементы разрядки международной напряженности. После экономических потрясений 1957-1958 гг. разворачивается долгосрочное государственное программирование экономического развития. Римский договор 1957 г. стал важной вехой в региональной интеграции, захватившей к середине 70-х годов основные европейские капиталистические страны с их по преимуществу реформистской политикой в социальной области.

С конца 50-х годов в полную силу разворачивается научно-техническая революция, обусловившая существенные изменения в экономической и социальной структуре, что вызвало во многих странах Запада подъем мощных демократических движений.

В новых условиях оживился и неолиберализм. Неолиберализм (или социальный либерализм), в противоположность буржуазно-индивидуалистическому либерализму XIX в., выступавшему под лозунгом равных прав и возможностей, выдвинул концепцию социально-экономических прав человека и предоставления их с помощью государственного законодательства. Идея индивидуализма соединена здесь с социальным реформизмом. С конца 50-х годов на историческую мысль западных стран оказывают все более заметное влияние экономико-социологические теории "индустриального общества" и "модернизации", которые связывают исторический путь, пройденный капитализмом, и перспективы его развития с научно-техническим прогрессом. Их политическая окраска различна—

² "American Historical Review". January, 1950, p. 283.

от леволиберальной Дж. Гэлбрейта до апологетической Д. Белла и З. Бжезинского. Тогда же получила широкую известность одна из разновидностей этих концепций - теория "стадий экономического роста", связанная с именем известного американского социолога и экономиста У. Ростоу.

Во Франции наиболее известным пропагандистом этой теории стал Р. Арон, считавший, что здесь, как и в других развитых странах Запада, с конца XIX в. утвердилось "индустриальное общество, которое обеспечивает благосостояние всех слоев населения, и тем самым устраняет возможность появления острых социальных коллизий"

Примерно в то же время историки-неолибералы ФРГ провозгласили "индустриальное общество" основной социально-экономической структурой германской истории XIX-XX вв. В теории "модернизации", распространенной среди историков социально-критического направления, концепция "индустриального общества" была дополнена факторами социального, политического и культурного развития.

В новых условиях все очевиднее становилась неэффективность теоретико-методологических основ историографии. Получившие широкое распространение сомнения в возможности познания прошлого, абсолютизация индивидуального в истории, влияние эмпиризма и презентизма отнюдь не способствовали укреплению авторитета истории как научной дисциплины. Вызывали неудовлетворенность и уход от изучения глубинных реальностей исторического процесса в сферу преимущественно политической истории, индивидуальной психологии, попытки преуменьшить массовые движения и социальные конфликты. Видный американский социолог Ч. Р. Миллс писал в 1961 г., что у рядового читателя может сложиться впечатление, будто "история - это в действительности чепуха, это нравоучительные легенды на темы прошлого, необходимые для удовлетворения теку-

щих нужд политиков - как либеральных, так и консервативных"³.

Сдвиги в сфере исторического знания торопили и другие факторы. Среди них - развертывание научно-технической революции и усиление влияния прогресса естественных и точных наук на обществоведение, широкое развитие социологических и политологических исследований, успехи исторической демографии, структурной лингвистики и т.д. Все это не могло не привлечь внимания историков к количественным методам, типологическим моделям, анализу социально-экономических структур. Историки все острее ощущали нехватку теории, позволяющей объяснить накопленный фактический материал и обобщить исторический опыт.

В условиях НТР и порожденной ею атмосферы, переосмысление задач и методов изучения истории пошло по пути сциентизации, воплотилось в оформлении "новой исторической науки" (часто ее называют также "новая история", "новая научная история")⁴. Несмотря на то, что позиции традиционной (прежде всего, историографической) историографии остались достаточно сильными, "новая историческая наука" стала очень влиятельным и в научном отношении многообещающим направлением.

У историков нового направления, несмотря на национальные особенности, немало общих черт, образующих как бы единый каркас. Противопоставление истории естественным наукам сменилось убеждением в их принципиальной общности. Усвоение междисциплинарных методов, методов социальных и отчасти естественных наук провозглашалось магистральной линией ее обновления и это при-

³ Mills C. W. The Sociological Imagination. N. Y., 1961, p. 156.

⁴ Не вполне адекватное название "новая историческая наука" от латинского "scientia" - наука. Термины наука, научный, принятые в историографии США, обычно отождествляются с естественными науками и количественными методами. Во Франции принято более осторожное название "новая история".

вело, по выражению российского исследователя Б. Г. Могильницкого, к росту "гносеологического оптимизма" историков.

В поисках новой методологии исторического познания противники неокантианских воззрений обратились к структурализму, разработанному французскими учеными в лингвистике, а затем распространенному и на некоторые гуманитарные науки. Структуралисты видели решение задачи максимального устранения субъективизма из процесса познания, во-первых, в надлежащем выборе объекта исследования, во-вторых, в применении новых методов в процессе познания. Они выделяли категорию так называемых "бессознательных структур", свободных от субъективных моментов: экономические отношения, система обычаев и традиций, мифы, верования и т.д. Другой способ устранения субъективного элемента из самого процесса исследования они усматривали во внедрении в историческую науку методов естественных наук, главным из которых в познании социальной жизни является построение и изучение типологической модели⁵.

Новая методология, выдвинув в качестве главного объекта исследования общественные структуры, открыла возможность изучения социально-экономических проблем и массовых явлений социальной жизни. Все это значительно расширило спектр исторических исследований, привело к появлению новых исторических дисциплин. Само формирование и развитие новой методологии исторического познания испытало на себе воздействие марксизма (прямое или чаще через леворадикальную мысль). Один из основателей структурализма К. Леви-Стросс писал, что понятие структуры он "заимствовал, в частности, у Маркса и Энгельса"⁶. Но это

не значит, что новая научная история стала на промарксистские позиции, большей частью объект исследования нередко встраивался в историко-социологическую схему: доиндустриальное (традиционное) общество, общество эпохи промышленной революции, индустриальное и постиндустриальное общество. Не исчезли и мировоззренческие различия среди историков, они сказались не только в трактовке исторических процессов, но и в выборе самих объектов исследования. Одна из главных тем "новой исторической науки" - внутреннее состояние общества и отдельных его групп, соотношение в нем факторов экономической, социальной и политической стабильности и факторов, порождающих социальную дисгармонию. Историки правoliberalного направления обращали главное внимание на изучение устойчивых общественных структур и институтов, исследователи радикально-демократического направления отдавали предпочтение разработке проблем массового поведения и массового сознания.

Вместе с выходом "новой исторической науки" на новую тематику изменилась и методика исторического исследования. Существенными ее элементами стали количественный анализ и междисциплинарный подход. Главные области их применения - экономическая, политическая и особенно социальная история.

Колоссальный рост объема исторической информации давно уже требовал новых средств для ее обобщения и типологизации. Возникновению количественных методов изучения истории способствовал и прогресс самой математики: рост интереса к проблемам структур, развитие типологии, прошедшие практическую проверку на материале прикладной социологии, лингвистики и т.д. Большую роль сыграло распространение ЭВМ.

На первом этапе "количественная история" использовала известные статистические приемы лишь для подтверждения исторических описаний. Однако затем количественный (квантитативный) метод начал применяться при машинной обра-

ботке источников по составленной заранее программе. Построив предварительно теоретическую модель какого-либо процесса, например, экономического развития, и приведя наличные статистические данные в пригодную для машинной обработки форму, исследователь затем проверял правильность или неправильность этой модели математическим методом.

Круг источников, приспособленных для использования, постоянно расширялся, охватывая самые различные области: переписи населения, приходские книги, брачные контракты и т.д. В связи с переходом на компьютерную основу, начавшимся в делопроизводстве, возник новый вид источников (в виде записей на перфокартах и магнитных дисках), который допускает только машинную обработку. Отмечая эти новые явления, французский историк Р. Робен писала: "Статистика окончательно стала помощницей исторических наук. История цен и избирательная статистика, структура собственности и состав библиотек, брачные контракты и приходские записи актов гражданского состояния - все стало предметом классификации, кодирования. Историк стал статистиком, демографом, социологом, для него не составляют более тайны статистические вариации, логарифмические графики"⁷.

Широким полем применения количественных методов стала экономическая история, где сам материал (производство, торговля, народонаселение) особенно выражен в цифрах. Новые методы позволяли также на основе "серийных" источников (записи актов гражданского состояния, налоговая статистика, сведения о земельных наделах) строить модели отдельных исторических явлений, где недостающие звенья восстанавливаются с помощью логических связей и сопоставления сходных данных. Главными темами исследования явились промышленный переворот и индустриализация, аграрная история, тор-

говля, географическая и социальная мобильность.

Другой областью применения количественного анализа стала политическая история. Историки анализировали, подчас на протяжении длительных исторических периодов избирательные кампании. Анализ голосований (исследователи выделяют специальные блоки голосов) в представительных органах власти помогает выявлению истинных, а не декларированных позиций политических партий. Приверженцы "новой политической истории" часто руководствовались анализом "политического поведения" групп избирателей применяя психологические бихевиористские модели.

"Новая социальная история" - особенно обширная и влиятельная отрасль исторической науки по тематическому охвату. В поле зрения ее - социальные структуры и социальные процессы в обществе, статус отдельных социальных групп, социальные движения прошлого. Выделились в отдельные ветви (субдисциплины) "новая рабочая история", история этнических меньшинств, женское движение, история семьи, городская и локальная история и т.д. И в сфере новой социальной истории применялся количественный анализ, но главным стал междисциплинарный подход - использование в исторических исследованиях методов социологии, исторической антропологии, психологии, демографии, филологии и т.д.

Особенно часто исследователи обращались к социологии (нередко новую социальную историю определяли как "социологию, обращенную в прошлое"). Так, междисциплинарная функция социологии выразилась, прежде всего, в том, что именно в социологических исследованиях была разработана современная "теория конфликта". Рассматривая конфликт как неантагонистический процесс развития структур, политическая социология ранее других общественных наук построила "конфликтологическую модель", нашедшую широкое применение в исторических исследованиях. В историографии США

⁵ Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР, 1976, № 5.

⁶ Levi-Strauss C. *Antropology Structurale*. Paris, 1958, p. 364.

⁷ Robin R. *Semyr-en-Auxoie*. P., 1970, p. 15.

конфликтологические принципы социологии были направлены, с одной стороны, против теории консенсуса, господствующей в работах 50-х годов, а с другой – против марксистской концепции об антагонистическом характере социальных взаимоотношений в буржуазном обществе.

Успешно применялся междисциплинарный подход с опорой не только на социологию. Используя новейшие достижения психологии, этнопсихологии, антропологии и других наук, исследователи истории семьи анализируют формы ведения домашнего хозяйства, брак и внебрачные связи, взаимоотношения членов семьи, проблемы взаимоотношений поколений, формы семьи на различных этапах общественного развития.

"Анализ содержания" (контент-анализ), включающий применение филологических и психологических методов изучения лексики, позволяет углубить изучение одних документов и помогает установлению авторства других. Этот метод, в частности, был весьма успешно применен при исследовании газет североамериканских колоний для уяснения роста национального самосознания американцев в канун Войны за независимость.

Новые социальные историки уделяли меньше внимания материальным мотивам поведения людей, но, сосредоточив внимание на национальных и культурных воззрениях, религиозных верованиях, моральных ценностях, образовании, возрастных особенностях, половой специфике тех или иных групп, они показали, что люди нередко ведут себя в экономических и политических ситуациях далеко не адекватно месту, занимаемому ими в социальных структурах.

В 60-80-е годы движение за "новую историческую науку" приобрело международный характер, и выявились ее общие черты. Шел интенсивный обмен идеями между французской школой "Анналов", английской "народной историей", группами историков-демографов и "рабочих историков" Кембриджа и Оксфорда, немец-

кими университетскими центрами в Билефельде и Гейдельберге, институтом М. Планка в Гёттингене; многими университетскими центрами по количественной истории в США; итальянскими историками, группирующимися вокруг журналов "Общество и история" ("Società e Storia"), "Исторические тетради" ("Quaderni Storicci"); "новая историческая наука" получила распространение в странах Латинской Америки и Скандинавии.

В то же время в каждой из национальных историографий "новая историческая наука" имела свою специфику, связанную с особенностями формирования, традициями исторической науки, своеобразием общественно-политического климата – все это повлияло на выбор историками разных стран тех или иных методологических и методических средств.

Во французской историографии направление "новой исторической науки" начало складываться ранее, чем в какой-либо другой стране. Здесь элементы новой модели исторического познания начали утверждаться еще в начале XX в., когда возникли социологическая школа Э. Дюркгейма и научный центр "исторического синтеза" А. Берра. Главной задачей исторической науки они считали синтез на базе тесного взаимодействия социологии и самой исторической науки.

Сложившаяся в 30-х годах школа "Анналов" находилась под воздействием Дюркгейма и Берра и испытала отчасти влияние марксизма. Основную задачу историки этой школы видели в создании всеобъемлющей ("глобальной") истории – истории синтетической, использующей результаты исследований общества как с социальной и экономической, так и с психологической, моральной и других точек зрения. Школа "Анналов" считала необходимым все время обновлять методы исторического исследования, взаимодействуя с другими науками.

"Новая историческая наука" 70-80-х годов во Франции по своему происхождению и многим исследовательским подходам связана со школой "Анналов". В то же

время она отличается по ряду применяемых новых методов и происшедшему определенному дроблению проблематики исследований. С одной стороны, произошло расширение тематики с использованием достижений смежных наук, междисциплинарный подход включал демографию, этнографию, антропологию, лингвистику. На первый план выдвинулись – "антропологическая история": изучение бытовой культуры и повседневной жизни людей, история семьи, сексуальных отношений, болезней и т.д. и "история ментальности" (история коллективных представлений и коллективной памяти).

Во французской историографии под сильным влиянием США стали использоваться количественные методы (особенно в изучении экономической истории и исторической демографии), хотя и не столь широко, как в американской историографии.

В самих США в поисках родословной "новой исторической науки" исследователи обращаются к началу XX в.: деятельности Ф. Тернера и его учеников из Висконсинского университета, к трудам представителей политической социологии Колумбийского и Чикагского университетов, отмечавших необходимость привлечения историками данных и методов социологии, психологии, литературы, искусства и т.д. Однако практическое формирование новой научной истории началось лишь в 50-х годах. Большую роль при этом сыграло и развитие как прикладной социологии в США, так и теоретической, именно американцем Т. Парсонсом была разработана "теория социального конфликта", столь широко примененная впоследствии историками.

"Новая историческая наука" развивалась в США стремительно и с большим размахом, охватив все главные проблемно-тематические области: экономическую, политическую и социальную историю.

В 1962 г. Американская историческая ассоциация создала комиссию по изучению возможностей применения количественных методов и компьютерной техники

в исторических исследованиях. В том же году был создан центр по сбору и машинной обработке архивных данных – Межуниверситетский консорциум политических и социальных исследований при Мичиганском университете в Анн-Арборе. К началу 1974 г. в этом свособразном машинном архиве было сосредоточено более 11 млн. перфокарт с кодированной информацией о переписях, выборах и т.д. Вскоре архив включал в себя сведения по более чем 100 странам. К концу 70-х гг. исторические исследования с применением количественных и машинных методов велись в 600 университетах и колледжах. Наиболее интенсивно количественные методы применялись "новой экономической историей".

Влиятельным направлением "новой исторической науки" стала "новая социальная история". Ее формирование в 60-х годах началось в университетах Питсбурга, Чикаго, Рочестера и проходило под сильным влиянием европейской историографии, прежде всего французской школы "Анналов" и английской "новой социальной истории". Громадную роль сыграли массовые движения в США 60-х годов, подрывавшие положения теории консенсуса об отсутствии серьезных конфликтов в американской истории. Многие исследователи нового направления искали в прошлом корни современных социальных конфликтов.

Организующая логическая цепочка в изучении социальной истории США: социальная структура – социальный конфликт – социальные изменения. В рамках социальной истории выделились проблемы социально-классовой общностей – рабочего класса, фермерства, служащих, предпринимателей и т.д.; история расовых и этнических групп; история демографических групп (женщин, молодежи) и социальных ячеек (семья, родственные связи); история социально-территориальных общностей (поселков, городов, графств, штатов); история социокультурных явлений (науки, искусства, религии; устойчи-

вых структур коллективного сознания - ментальностей).

Плодотворным было взаимодействие либеральных, радикально-демократических и историков марксистской ориентации в сфере "новой рабочей истории" (организационно оно выразилось в совместной работе в журнале "Рабочая история" ("Labor History"). Сквозной темой "новой рабочей истории" стало изучение сознания и поведения рабочей массы, изменения их в зависимости от формирования социокультурной среды.

В целом изучение социальной истории США значительно расширило диапазон исследований, демократизировало американскую историческую науку. Один из основателей новой социальной истории в США Д. Б. Ратмэн восторженно писал: "Новый социальный историк проникал в спальни, чтобы изучить интимные подробности, присаживался к постели больного для выяснения социальных последствий болезни, надеясь достичь ощущения характера и размера долговых сетей, заглядывал через плечо лавочника, когда тот вносил записи в конторскую книгу. Историк или скорее его компьютер - поглощал том за томом протоколы, цензы, городские адресные книги и тому подобное, учитывая, классифицируя и соотнося число детей, родственников, домочадцев, семей, профессий, прядильных фабрик и ткачей. Кто был грамотным, а кто нет; кто черный, кто белый; кто двигался в социальном, экономическом, в пространственном отношении, а кто оставался на месте; кто и когда имел электричество, а кто нет. Старый девиз газетчика - кто что делал, когда и где? обратился в бесчисленные графики и таблицы"⁸.

"Новая историческая наука" в Англии также имеет свою предысторию. Кроме общих причин ее возникновения, существенной предпосылкой явилось выделение еще в межвоенный период новых истори-

ческих дисциплин - экономической и социальной истории, постепенная кристаллизация в числе предметов их исследования положения трудящихся, истории рабочего движения. Важную роль в ее формировании сыграло также широкое прогрессивное течение в историографии 50-х годов, включавшее в себя, наряду с "неортодоксальным марксизмом", также леволиберальное и радикально-демократическое направления (они сотрудничали в созданном в 1952 г. совместном журнале "Прошлое и настоящее" ("Past and Present")). Выступая против традиционной описательной историографии, они выражали убеждение в познавательных возможностях исторической науки, верили в общественный прогресс.

В противоположность США, где в становлении "новой исторической науки" большую роль сыграло обращение к количественным методам, английская историография в первую очередь испытала влияние методологии социологии, демографии и особенно социальной антропологии, что определило облик ведущего направления в междисциплинарной историографии - "новой социальной истории".

Мировоззренческое размежевание в "новой исторической науке" рельефно отразилось в избирательности исследовательской тематики: либеральные историки сосредоточились на прослеживании эволюции различного рода социальных структур; радикально-демократические историки и исследователи марксистской ориентации изучали поведение и массовое сознание низших социальных групп английского общества. Получили всемирное признание работы Э. Хобсбаума, Э. Томпсона, Дж. Рюде, сочетавшие неортодоксальный марксизм и методы междисциплинарного подхода (антропологические, психологические, демографические). Они оказали сильное влияние на содержание исследований массового сознания эпохи Английской революции и проблематику "новой рабочей истории", - исследование труда и быта, форм социального протеста и особенностей сознания британских ра-

бочих на различных этапах английской истории. Эти проблемы рассматривались на фоне "среды обитания" трудящихся как на макро-, так и на микроуровнях (семья, фабрика, город, графство и т.д.).

В Германии сложились более трудные условия для формирования "новой исторической науки", нежели в других ведущих "историографических державах". Еще в ходе методологической дискуссии конца XIX - начала XX в. возникшей в связи с обсуждением трудов К. Лампрехта, потерпели поражение позитивистские принципы и восторжествовали идиографические методы исторического познания. Это означало и отказ от сближения истории с социологией. В межвоенный период доминирующая роль идиографической историографии возросла еще больше. Лишь немногие выступали за наведение мостов от истории к социологии. Особенно велико в этом плане значение трудов М. Вебера. В концепциях, которые он выдвинул, нашли выражение такие принципы, как взаимосвязь исторической и социологической постановок проблем, междисциплинарный подход, метод типологического построения и моделирования в общественных науках. Но идеи Вебера были восприняты лишь десятилетия спустя, да и то сначала за рубежом, а затем уже в самой Германии.

Лишь в 60-х годах, когда вслед за "экономическим чудом" началась форсированная научно-техническая революция, в общественно-политической и научной жизни ФРГ усилились позиции неолибералов. Сформировалось поколение историков, чуждых немецкому идеалистическому историзму. За изучение социальных процессов в рамках теории "индустриального общества" одним из первых выступил известный историк В. Конце. Постепенно предметом научного исследования становятся общество и происходящие в нем социальные процессы. Г. Ротфельс и Т. Шидер обратились к типологическим конструкциям тех или иных процессов исторического развития на основе применения "идеальных типов" М. Вебера.

Тем не менее, исследовательская практика новой социальной истории в ФРГ значительно отставала от теоретических разработок. Своим подчеркнутым вниманием к "человеческим проблемам" социальная история ФРГ напоминала французскую "новую социальную историю", но в то же время немецкие историки испытывали к ней недоверие, поскольку были склонны преувеличивать влияние на школу "Анналов" марксистской методологии. С другой стороны, в немецкой "социальной истории" сохранились многие элементы идеалистического историзма с его подчеркиванием политических факторов и значения деятельности выдающихся личностей. Применение количественных методов также не получило широкого распространения.

Вместе с тем обращение к новой социальной истории в немалой степени повлияло на тематику немецкой историографии. Важное место в ней заняла история рабочего движения. Достаточно отметить гейдельбергскую школу В. Конце и марбургскую школу В. Абсндрота. В последнее десятилетие под немалым влиянием англо-французской историографии сложилась школа "повседневной истории", отразившая стремление возвратиться к нарративному изложению и рассказать о жизни "маленького человека".

"Блестящий разброд" - так охарактеризовал американский историк Г. Нэш состояние "новой исторической науки" в США. Попытаемся раскрыть эту емкую и верную на наш взгляд характеристику, экстраполируя ее на всю западную "новую историю". "Новая историческая наука" во многом сумела преодолеть крайние проявления субъективизма и иррационализма, характерные для идиографической историографии конца 40-х - начала 50-х годов. Опираясь на количественные методы исследования, она смогла проанализировать массовые источники, статистические серии тысяч и тысяч однородных фактов, что было не под силу описательной историографии. Овладение методами смежных общественных наук помогло глубже, пол-

⁸ Ратмэн Д. Б. Новая социальная история в США. // Новая и новейшая история. 1990, № 2, с. 67.

нее постигать события прошлого в их взаимосвязи. Антропология вернула в поле зрения историков человека как целостного субъекта исторического действия. Расширились и обновились предмет и проблематика исторических исследований, были поколеблены, а то и отвергнуты многие стереотипы. Переход от описания к анализу внес новую заправку, что усилило дискуссионную тональность в науке. Все это подняло статус истории среди других общественных наук.

Вместе с тем в "новой исторической науке" так и осталась неразрешенной проблема концептуального осмысления исторической действительности, по-прежнему отсутствует общая теория исторического процесса. Применяемый многими историками социологический структурно-функциональный анализ дает на том или ином срезе исторического времени картину функционирования общественных институтов, но при этом отсутствует динамика, а часто и ответ на вопрос о причи-

нах происходивших событий. Более того, междисциплинарный подход, принесший в изучение истории множество методик гуманитарно-социальных наук, еще больше способствовал фрагментации истории, в рамках "новой исторической науки" возник ряд дисциплин, мало или вовсе между собой не связанных.

Существенной слабостью "новой исторической науки" является форма и язык исследований. Работы изобилуют статистическими данными, особенно это относится к клиометрическим исследованиям, и неудобочитаемы даже для специалистов (известный американский историк В. Ван Вудворд жаловался, что он не все понял в работе о рабстве, написанной клиометристами Р. Фогелом и С. Энгерманом). Все это привело с середины 70-х годов к стремлению возвратиться к событийному историописанию. Одним из далеко не адекватных ответов стала "повседневная история", а также возрождение нарратива.

Глава 1

Отечественная историческая наука во второй половине XX века

Условия развития историографии. Две вехи выделяются в развитии советской историографии второй половины XX века - середина 50-х и вторая половина 80-х гг.

В первое послевоенное десятилетие в исторической науке продолжала преобладать идеологическая трактовка, сковывающая творческий и непредвзятый анализ прошлого. Партийно-идеологические лозунги предписывали историографии строго определенное освещение основных проблем, событий и характеристику глав-

ных персонажей. Политико-идеологические критерии определяли в основном значимость исторических трудов и их оценку с точки зрения, главным образом, идейно-политической безупречности.

Труд историков был заключен в жестко обозначенные рамки, определяемые положениями партийных документов и постановлений, различными выступлениями и высказываниями руководителей партии, прежде всего И. В. Сталина. Грань между историей как наукой и политической про-

пагандой во многом оказалась стертой, особенно в тех сферах, которые представляли практически-политический интерес, история низводилась до фактического обслуживания тех или иных партийно-идеологических потребностей. В обществе формировалось упрощенное и одномерное историческое сознание, в которое насаждалась приукрашенная конформистская картина событий и процессов.

После кончины И. В. Сталина и доклада Н. С. Хрущева в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС о культе личности и необходимости преодоления его зловещего наследия начался мучительный процесс переосмысления прошлого. В решениях XX съезда подчеркивалась необходимость серьезной борьбы против догматизма и субъективизма в трактовке исторического процесса, объективного исследования событий прошлого, ни на шаг не отступая при этом от принципа марксистско-ленинской партийности.

Была сформирована новая редколлегия единственного тогда общеисторического журнала "Вопросы истории" во главе с членом ЦК КПСС, что говорит о значимости, придаваемой этому вопросу, А. М. Панкратовой, в нее вошли, главным образом, известные специалисты по отечественной истории Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Н. М. Дружинин, И. А. Федосов и др. В 1955 г. редколлегию дополнили исследователи зарубежной истории С. Д. Сказкин и А. С. Ерусалимский.

Увеличилась историческая периодика: с 1957 г. стали выходить журналы "История СССР", "Новая и новейшая история", "Вопросы истории КПСС". В 50-е - 60-е гг. появился ряд новых академических институтов - Институт Африки (1959), Институт Латинской Америки (1961), Институт международного рабочего движения (1966), Институт военной истории (1966), Институт США (1968, с 1971 г. США и Канады). Но истинно кардинального обновления так и не произошло. Наоборот, вскоре наметилась тенденция практического отката назад, особенно выпукло проявившаяся в событиях вокруг

журнала "Вопросы истории", выступившего с инициативой широкого обсуждения назревших проблем и нерешенных вопросов отечественной историографии.

На конференциях, организованных журналом в январе и июне 1956 г. прозвучали требования снять запрет с изучения многих важных вопросов, освободиться из плена догм и окостеневших шаблонов. Напротив, на обсуждениях состояния исторической науки, прошедших на ряде университетских кафедр истории КПСС и в Академии общественных наук при ЦК КПСС в адрес журнала звучали обвинения в духе 1937 и 1949 гг. в антипартийной платформе. На этих обсуждениях тон задавали приверженцы старого, которые требовали возобновить борьбу против пресловутых "космополитических взглядов"; курс "Вопросов истории" на обновление и очищение исторической науки объявлялся "ревизионистским подкопом под партию".

Летом 1956 г., как отголосок разногласий среди руководства партии в ряде газет и журналов стали появляться резко отрицательные оценки критической направленности журнала, носившие явно скоординированный характер. Число нападок заметно возросло после событий осени 1956 г. в Польше и Венгрии. В газете "Правда", в журналах "Коммунист" и "Партийная жизнь" регулярно публиковались разнообразные статьи, призывавшие прекратить критику сталинизма. В марте 1957 г. вслед за постановлением ЦК КПСС "О журнале "Вопросы истории", где ряд его статей характеризовался резко негативно, как ослабление борьбы с буржуазной идеологией и "отход от ленинских принципов партийности в науке", его редакция подверглась фактическому разгрому, из нее вывели инициатора многих смелых публикаций Э. Н. Бурджалова, не выдержав нападков и жестких обвинений со стороны секретаря ЦК М. А. Суслова и его клеветы П. Н. Поспелова скончалась главный редактор А. М. Панкратова. Система торможения была включена и привела, в конечном итоге, к формированию

атмосферы застоя и конформизма. Оказались свернутыми дискуссии об общественно-экономических формациях и азиатском способе производства. В 1966 г. в Институте истории АН возникло так называемое "Дело Некрича", в результате которого этот ученый, показавший в книге "22 июня 1941", как близорукая политика Сталина привела к тяжелейшим поражениям в начале войны, подвергся резкой критике, гонениям и был вынужден, как и ряд других историков, покинуть страну. Вплоть до второй половины 80-х гг. изложение исторических проблем продолжало оставаться в подчинении отлаженной системы администрирования и информационных фильтров. Простор исторического поиска сужался закрытостью архивов и бдительным надзором за использованием извлеченного из их фондов скудного материала.

При этом историческая наука внешне являла собой картину успешно развивающейся и благополучной академической дисциплины, тем более что не все области исторического знания оказались под идеологическим контролем в равной степени. Так, сравнительно благоприятными были возможности проводить научные исследования по истории древнего мира, средних веков и раннего нового времени. Основными направлениями советской историографии всеобщей истории стали изучение проблем революций нового и новейшего времени, международного рабочего и коммунистического движения, антиимпериалистической и национально-освободительной борьбы, вопросов внешней политики СССР и международных отношений. Прочим проблемам уделялось гораздо меньше внимания. С начала 80-х гг. стало заметно возрастать число работ историко-социологического и историко-политологического типа, а также - с использованием количественных и междисциплинарных методов.

Поскольку в 1945-1985 гг. исследовать исторические проблемы было возможно только в рамках и на основе марксистско-ленинской методологии, то понятно, что

обязательным теоретическим фундаментом являлись произведения ее основоположников. В первой половине 70-х гг. было завершено второе издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, осуществлен выпуск полного собрания сочинений В. И. Ленина. Однако, "полным" издание это было не по содержанию, а лишь по наименованию. В нем произведено множество купюр, в частности, опустивших резкие эпитеты автора в адрес своих соратников Р. Люксембург, К. Радека, Ф. Кона, Б. Куна и др. Главное же, что в это собрание не вошло более трех с половиной тысяч документов, не укладываемых в канонизированный пропагандой образ Ленина и господствующую его апологетику.

Марксистская концепция исторического процесса получила наиболее широкое воплощение в крупных обобщающих трудах - "Всемирная история" и "Советская историческая энциклопедия"¹.

Как справочное издание, Историческая энциклопедия представляла собой значительный шаг вперед. Около 25 тысяч помещенных в ней статей довольно основательно охватили события отечественной и всемирной истории. Сложнее обстояло дело с объективностью оценок исторических деятелей, политических партий, социальных процессов, новейших зарубежных общественных теорий. Многие видные политические фигуры советской истории оказались либо выпущенными из энциклопедии, либо (Бухарин, Троцкий) получили совершенно уничтожающие характеристики. Хотя, с другой стороны, впервые после долгих лет забвения в энциклопедии появились статьи о лидерах партии и крупных ученых, репрессированных в годы массового террора и культа личности.

Слишком односторонне излагались такие политически острые проблемы как происхождение "холодной войны", план Маршалла, внешняя политика Советского

¹ Всемирная история, I-XIII тт. М., 1955-1983; Советская историческая энциклопедия в 16 томах. М., 1961-1976.

государства изображалась в препарированном апологетическом виде. Международное рабочее движение освещалось в энциклопедии, прежде всего, как постоянная борьба двух тенденций - революционной и реформистской. В статьях, посвященных проблемам рабочего движения ("Анархизм", "Догматизм", "Оппортунизм", "Ревизионизм", "Социал-демократия", "Троцкизм" и др.), оценки носили не столько строго научный, сколько политико-идеологический характер.

"Всемирная история", V-XIII тома которой посвящены истории нового и новейшего времени, считалась доказательством "неизмеримого превосходства советской исторической науки над буржуазной"². Содержание исторического процесса при всем богатстве приводимого фактического материала сводилось, в конечном счете, к смене общественно-экономических формаций на базе классово-борьбы. Примат последней как обязательной точки отсчета определял подход к истории производства и идеологии, государства и права, политических процессов и религии, науки и искусства.

Рассчитанная на широкого читателя, "Всемирная история" отражала общепринятые концепции и оценки, а потому были опущены проблемно-дискуссионные вопросы, задача глубокого теоретического анализа не стояла вообще. Хотя отчетливо проявилась иная тенденция - играть роль ведущей в мире науки в освещении прошлого не только собственной страны, но и зарубежной истории, исходя из непреложного тезиса о превосходстве марксистско-ленинской методологии над иными учениями и теориями.

Препарированную картину прошлого давали и многотомные истории Великой Отечественной и второй мировой войны³.

² См.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История Западной Европы и Америки. М., 1963, с. 102.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. тт. 1-6. М., 1960-

На первый план в них были выдвинуты не героизм народных масс, а руководящая роль коммунистической партии как организатора и вдохновителя победы. Там вновь была реанимирована чисто апологетическая оценка деятельности Сталина в годы войны, бегло и формально упоминались либо вообще замалчивались его многочисленные ошибки и роковые просчеты. Отрицательную роль сыграла и закрытость многих архивных материалов, без которых было невозможно воспроизвести прошлое таким, каким оно было в действительности.

В целом развитие отечественной историографии за сорок послевоенных лет являло собой неоднозначную картину.

С одной стороны, это был период поступательного развития, накопления фактического материала, привлечения новых источников, становления новых, не существовавших прежде областей историографии (американистика, латиноамериканистика, итальянистика и др.). В науке было создано немало крупных исследований, получивших заслуженное признание на мировой арене.

Но, с другой стороны, превращение марксизма из научного метода социально-исторического познания в коллекцию непререкаемых догматов, вело к появлению массы бесцветных работ, поверхностных и политически конъюнктурных поделок, в которых господствовали общие фразы, догматические стереотипы, избитые клише, лозунги. Воинствующая серость, выдаваемая обычно за боевитую партийность и бескомпромиссную защиту марксизма-ленинизма, резко снижала творческий потенциал советской историографии.

При этом важно иметь в виду, что историки были не только творцами апологетики и мифов, но и их жертвами, ибо писать иначе было просто невозможно. Нарушение сложившихся и насаждаемых сверху канонов означало фактически социальную смерть ученого. Достаточно

1965; История второй мировой войны. 1939-1945, тт. 1-12. М., 1973-1982.

напомнить, что ритуальным компонентом любой диссертации являлась характеристика методологической основы исследования, которой могли быть только произведения основоположников марксизма-ленинизма.

С 1985 г. с началом перемен наметилось сперва малозаметное, а затем ускользнувшее ослабление и постепенное упразднение единственно дозволенной коммунистической идеологии. Но ломка прежних исторических представлений оказалась сопряженной с огромными трудностями. Процесс устранения искажений исторической картины начался лишь с наиболее явных и одиозных их проявлений. По-прежнему, сохраняется сильная идеологизация в трудах российских историков, в массе привыкших опираться на готовые методологические постулаты и жесткие оценки, под которые подводится эмпирический материал.

В ходе оживленных дискуссий второй половины 80-х гг. среди историков определились три подхода к обновлению науки и исторического сознания. Значительное число заняло консервативно-догматические позиции, признавая лишь косметическое подправление обветшавших канонов, не желая поступаться принципами и отвергая фактически саму идею обновления. Другая часть склонилась к негативно-нигилистической платформе и потребовала полного демонтажа прежней исторической науки, не находя в ней вообще ничего, достойного сохранения. Третья группа историков заявила о себе как о сторонниках "творчески-созидательного подхода", выступила за критический самоанализ проделанного, учет позитивных и негативных уроков собственного развития, за документальную аргументированность выводов и оценок. Вместе с тем, выдвинув столь правильные и бесспорные принципы, представители этой группы высказались за плюрализм, но только "на основе творческого применения марксист-

ско-ленинской методологии"⁴, ставя тем самым плюрализму строгие рамки. Но истинный плюрализм выражается в стремлении исследователя интегрировать в своем анализе различные теоретико-методологические подходы, таким образом, чтобы они давали возможность углубленного понимания исторических процессов и явлений.

Надо учесть, что история по своей природе - наука, достаточно консервативная, привыкшая опираться на факты, источники, документы, для изучения и осмысления которых требуется определенное время. Так, если в среде отечественных философов в 1990-1991 гг. уже заявили о себе различные направления - феноменологическое, теологическое, антропологическое, неокантианское, герменевтическое - и начал выходить ряд независимых философских журналов, альманахов и ежегодников, то в исторической науке этот процесс идет гораздо медленнее.

Можно, правда, отметить появление с 1989 г. нового ежегодника "Одиссей", где в центр внимания ставится человек и происходит знакомство читателя с новыми направлениями исторической мысли, с проблемами культуры и ментальности. С 1995 года по инициативе академика И. Д. Ковальченко (1923-1995) возобновлено издание "Исторических записок", альманаха, специально посвященного проблемам теории и методологии исторического исследования. В его редакционный совет, который является международным, вошли ученые из России, Великобритании, США, Франции, Швеции.

Большое значение имеет в связи с этим заметное увеличение с конца 80-х гг. выпуска переводных работ крупнейших зарубежных историков и мыслителей, знакомство с идеями которых является важным стимулом освобождения от идеоло-

гической зашоренности и духовной нетерпимости.

История в ее подлинном идейно-мировоззренческом многообразии, не скованном рамками алогичного "социалистического плюрализма" - это мощный генератор развития культуры и преграда на пути ее саморазрушения. Обеспечить это может лишь разнообразие представленных в ней концепций и позиций, ибо истина рождается в спорах, а не в унылом единодушии и унифицированном единомыслии. С начала 90-х гг. процесс этот только начинается.

Исторические учреждения, архивы и периодика. В послевоенный период заметно увеличилось число научных центров, расширилась подготовка кадров, оживились международные связи советских историков.

Временем собирания и накопления сил стало первое послевоенное десятилетие. Материальная база исторической науки - университеты и академические институты оставалась слабой. Число научных учреждений в области исторических изысканий и их штаты были крайне ограничены. Вопросы новой и новейшей истории разрабатывались в основном в Институте истории, Институте славяноведения (созданном в 1947 г.), Тихоокеанском институте (слившемся затем с Институтом востоковедения). Проблемы экономической истории, особенно современной эпохи, а также история экономических кризисов XIX и начала XX века разрабатывались в Институте мировой экономики и международных отношений. Невелико было и число университетских кафедр, занимавшихся проблемами новой и новейшей зарубежной истории. Это, прежде всего, высшие учебные заведения Москвы и Ленинграда и некоторые периферийные университеты (Казань, Пермь, Томск).

В первое послевоенное десятилетие весьма немногочисленной была историческая периодика. "Исторический журнал", выходивший в годы войны, с 1945 г. получил название "Вопросы истории". С 1941 по 1955 гг. издавались "Известия Акаде-

мии наук. Серия истории и философии". Многие статьи и главы из готовившихся монографий публиковались также в "Исторических записках" Института истории АН, в ученых трудах институтов востоковедения и славяноведения, различных сборниках и ученых записках ряда вузов.

Оставался затрудненным доступ к материалам архивов. С прекращением в годы войны выхода журнала "Красный архив" долгое время не существовало периодического органа для публикации неизданных документов. Дважды начиналось и прерывалось издание журнала "Исторический архив", ибо всякий раз возникали сложности с публикацией тех или иных неудобных документов.

К середине 50-х гг. сложились более благоприятные условия для расширения исторических исследований. Этому способствовали как экономическое восстановление страны, так и потребности возросшей активности СССР на мировой арене. В этот период несколько ослаб идеологический пресс, в науку пришло новое поколение молодых ученых, меньше отягощенное догматизмом, лучше знакомое с достижениями мировой историографии.

В крупных промышленных и культурных центрах России открылись новые университеты - в Калинин (Твери), Иваново, Ярославле, Кемрове, Тюмени, Омске, Барнауле, Красноярске, хотя для некоторых из них не было ни материальной, ни кадровой базы. В ряде старых университетов (Пермь, Саратов и др.) из кафедр всеобщей истории выделены отдельные кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки.

Значительно возросла историческая периодика. Кроме общеисторического журнала "Вопросы истории" появились журналы "Новая и новейшая история", "Латинская Америка", "США: экономика, политика, идеология", "Рабочий класс и современный мир" (теперь журнал "ПОЛИС"), "Мировая экономика и международные отношения", "Международная жизнь", вестники Московского и Ленинградского университетов. Углубление ис-

¹² Касьяненко В. И. Об обновлении исторического сознания. - Новая и новейшая история. 1986, № 4, с. 9.

следований привело к тому, что начали выходить страноведческие Ежегодники - французский, германский, американский, британский, испанский, итальянский.

В начале 90-х годов доступ историков к работе в архивах несколько облегчился. Это имело большое значение, т.к. в отечественных архивах имеются богатые и разнообразные источники по проблемам истории зарубежных стран.

Архив внешней политики России (АВПР) - один из важнейших для историков этого профиля. В числе более 1,5 тысяч хранящихся тут богатейших фондов с 650 тысячами дел документы учреждений, как находившихся внутри страны, так и за рубежом, ведавших международными делами России XVIII - начала XX века. Это переписка царского правительства со своими дипломатическими и консульскими представителями в ряде стран Европы, Америки и Азии, а также отчеты русских дипломатов и агентов о важнейших событиях в стране их пребывания. В АВПР, как и в других архивах, имеется множество отдельных комплектов газет, журналов, брошюр, вырезок статей, присылаемых русскими представителями.

В 1990 г. было принято правительственное постановление, по которому все документы прежнего АВП СССР (теперь - АВП Российской Федерации), за немногими особыми случаями, по истечении 30 лет хранения считаются рассекреченными. Благодаря этому в 1990-1992 гг. вышли сборники документов "Год кризиса, 1938-1939" (два тома) и "Полпреды сообщают", а также долго задерживаемые очередные тома документов внешней политики СССР, посвященные 1939 году, дающие уточненную картину кануна второй мировой войны.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР) насчитывает более трех миллионов дел. Особый интерес представляют копии из архивов зарубежных стран (переписка

дипломатических, торговых, военных иностранных представителей в России, освещающая многие события нового времени).

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) содержит фонды крупных государственных деятелей и центральных учреждений России, где собран документальный материал о политических и экономических связях со многими зарубежными странами.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма (в 1992 г. на его базе создан Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории - РЦХИДНИ) имеются как довольно полные собрания, так и отдельные материалы из фондов видных деятелей рабочего и социалистического международного движения, представителей коммунистической мысли - К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, Г. Бабёфа, А. Сен-Симона, П. Ж. Прудона, А. Бебеля, К. Каутского, П. Лафарга, Ф. Лассалья, К. Либкнехта, Р. Люксембург, А. Грамши и других, а также коллекции и документы по истории Великой Французской революции и европейских революций 1848-1949 гг., Парижской Коммуны, трех Интернационалов, Коминформа и др.

Материалы по новой и новейшей истории имеются также в центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), архиве Военно-морского флота (ЦГАВМФ), в отделах рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (теперь - Российская государственная библиотека), Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (теперь - Российская национальная библиотека), Государственной публичной исторической библиотеки и др.

Проблемы методологии и исследования по истории исторической науки. Интерес к теории и методологии исторической науки заметно возрос в начале 60-х гг., когда стремление к отказу от догматически истолкованного марксизма настоятельно потребовало серьезной и творческой разработки гносеологических про-

блем исторического познания, теоретического осмысления и интерпретации. Вновь возникла забытая уже, поскольку считалось, что марксизм раз и навсегда дал на нее окончательный ответ, проблема смысла истории, которая исчезла из отечественной науки после печально известной высылки за границу в 1922 г. группы блестящих российских мыслителей и ученых.

По инициативе М. Я. Гефтера, А. Я. Гуревича, Б. Ф. Поршнева и других историков в 1964 г. в Институте истории возник сектор методологии истории, само название которого вызывало раздражение догматиков, ибо методологией истории считался исторический материализм, т.е. сфера философии, а не истории. Первая после долгих лет перерыва дискуссия по проблемам методологии истории состоялась между историками и философами в январе 1964 г.⁵

При секторе были созданы проблемные группы теоретического источниковедения, социальной психологии, структурного анализа и типологии, культурологии. Таким образом, в пересмысленном на материалистической основе виде возрождалась дореволюционная традиция систематической разработки теоретико-методологических проблем исторического познания, которая была прервана к концу 20-х гг. Хотя все проблемы, обсуждаемые в секторе, оставались в пределах марксистской концепции, правильность которой никем не ставилась тогда под сомнение, сама атмосфера открытых дискуссий, "новое прочтение" теоретического наследия основоположников марксизма, свободное от вульгарной догматизации не могли не повлечь определенной ревизии некоторых традиционных постулатов марксизма и осознания его недостаточности для исследования новых нетрадиционных проблем и сюжетов. Но это не укладывалось в рамки сложившейся административно-

¹³ См. материалы дискуссии, опубликованные в отдельном сборнике: История и социология. М., 1964.

бюрократической системы и противоречило самому ее духу.

Сигналом к ликвидации сектора послужил выход первого после 20-х гг. дискуссионного сборника⁶, против авторов которого была развернута широкая кампания, обвинявшая их в пропаганде немарксистских взглядов и извращении исторического прошлого. Три других подготовленных труда - "Ленин и проблемы истории классов и классовой борьбы", "Проблемы структурного анализа в историческом исследовании" и "Логика превращения культур" не увидели света вообще. Творческие, более или менее свободные от оков идеологизации теоретико-методологические разработки оказались фактически на долгие годы скованными узкими дозволенными трактовками и господствующей охранительной тенденцией. Принцип структурного анализа, с обоснованием плодотворности и важности которого выступали М. А. Барг, А. Я. Гуревич, Е. М. Штаерман, был сразу объявлен противоречащим теории социально-экономических формаций и попыткой проташить в марксизм идеи неопозитивистов и Макса Вебера об идеальной типологии⁷.

Хотя сектор методологии истории и постигла печальная судьба, разработка и изучение проблем исторического познания, его логико-гносеологических основ и принципов постепенно продолжалась. В 70-е - начале 80-х гг. появилось довольно много работ теоретико-методологического характера, в которых все проблемы сводились, однако, к обоснованию того, что "только одна теория может дать подлинно научный ответ на все великие вопросы

⁶ Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

⁷ См.: Данилов А. И. К вопросу о методологии исторической науки. - Коммунист, 1969, № 5; он же - Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков. - Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 6. Томск, 1969.

современности - марксизм-ленинизм..."⁸. Смысл истории ограничивался "объективными закономерностями, присущими процессу развития человеческого общества"⁹, а задача исторической науки исчерпывалась изучением проявления действия общих законов в истории какого-либо конкретного общества или данной эпохи¹⁰.

Но если посмотреть на тезис о том, что "историческая наука изучает закономерности пространственно-временного разветвления всемирно-исторического процесса"¹¹, то можно заметить, что из подобного определения, в сущности, выпадает исторический факт, в том случае, когда он выражает не закономерное, а случайное. Оно же играет в конкретной направленности исторического процесса огромную, порой даже основную роль, а значит, должно найти собственное отражение в формулировке задач и предмета истории.

Тем не менее, книга М. А. Барга явилась первым в отечественной историографии значительным опытом теоретического осмысления системы категориального знания в истории. Там обстоятельно проанализированы категории исторического времени, исторического факта, системного подхода и анализа с этой точки зрения теоретических проблем истории средних веков и раннего нового времени.

Несмотря на стремление, под флагом обладания марксизмом научной истиной, отвергнуть правомерность различных методологических подходов к истории, полного единообразия среди ученых не было. В частности, заметные разночтения возникли в понимании соотношения социоло-

гических законов и собственно исторической закономерности. Одни авторы (М. А. Барг, Е. Б. Черняк, И. Д. Ковальченко) настаивали на том, что нет специфических социологических и исторических законов, другие (А. Я. Гуревич, Б. Г. Могильницкий) обстоятельно доказывали различие между конкретной исторической закономерностью и социологическим законом как разными типами общественных законов, имеющих дело с различными сторонами исторического процесса¹². Эта дискуссия привлекла внимание к таким категориям как историческая случайность, возможность, альтернативность, которые раньше марксистской мыслью практически не затрагивались.

Подобно теоретико-методологической, в историографической литературе в течение ряда лет преобладали стереотипы, по которым вся немарксистская наука подводилась под общий термин "буржуазной историографии", по своей сути "научно несостоятельной", что позволяло обычно не утруждать себя глубоким проникновением в существо концепций изучаемой стороны. Аргументированный анализ и разбор не на словах, а на деле сводились большей частью к поверхностной и разносторонней критике.

Так, в одном из первых после войны крупных историографических трудов - богатой свежим и неизвестным для нашего читателя материалом книге М. А. Алпатова утверждалось, что у Токвиля господствует сознательное извращение исторической истины в интересах буржуазии. Крупное произведение Токвиля "Старый порядок и революция", плод тщательного многолетнего изучения архивов, однозначно расценивалось как "простое пере-

несение на историческую почву любимых идей" автора, не имеющих научной ценности¹³.

В историографическом разделе коллективного труда о революциях 1848-1849 гг.¹⁴ А. И. Молок и Н. Е. Застенкер заявили, что у таких выдающихся французских историков как Ж. Лефевр и Э. Лябрусс господствует "нелепая точка зрения", "антинаучная тенденция" и "крайняя методологическая беспомощность". В совершенно превратном освещении С. Б. Кана как собрание "всех без исключения пороков" буржуазной историографии представляла фундаментальная работа Ф. Валентина "Германская революция 1848/1849 гг.", где собран богатейший фактический материал из архивов и дана наиболее подробная панорама революции. И в другой книге С. Б. Кан напрочь зачеркнул несомненные достижения немарксистской немецкой историографии, зато явно завысил научную значимость слабых в профессиональном отношении, но идеологически выдержанных, первых произведений о революции, созданных учеными ГДР¹⁵.

Даже в фундаментальной книге И. С. Кона, едва ли не впервые познакомившей читателей с виднейшими немарксистскими теоретиками XX века, общая концепция сводилась к стремлению доказать перманентный и постоянно углубляющийся кризис немарксистской историографии, неуклонно нисходящую линию ее развития и враждебность "подлинно научному историческому знанию"¹⁶.

Тенденциозной была и статья крупнейшего отечественного медиевиста Е. А. Косминского о взглядах выдающегося британского ученого А. Дж. Тойнби, на-

званных "неумными и политически вредными"¹⁷. Само ее название весьма характерно для работ того времени, а Тойнби объявлен мистиком, идеологом крупной буржуазии и снобов-интеллектуалов. Научные достижения его монументального труда "Постижение истории" оценивались как "более чем сомнительные"¹⁸.

Жесткая позиция конфронтации и отрицание чего бы то ни было позитивного в немарксистской исторической науке превалировали в обобщающих историографических произведениях Е. Б. Черняка, утверждавшего, что вся "буржуазная историография новейшей истории прямо поставлена на службу интересам империалистической реакции"¹⁹.

Однако, рассматривая отечественные историографические труды, следует учитывать одно важное обстоятельство. Прямые оценки зарубежных историков и их концепций зачастую имели чисто политически-конъюнктурный характер. Но через призму неприменной марксистской критики, обычно сводившейся к цитированию того или иного высказывания основоположников марксизма или постановлений партийного съезда, до читателей, лишенных, особенно на периферии, возможности знакомиться с оригинальными зарубежными работами, доходили, пусть в препарированном виде, концепции немарксистских историков, неофициальным образом происходила ассимиляция новейших идей мировой исторической науки, возрастал интерес к новой проблематике, к нетронутым прежде пластам исторического прошлого. Именно в подробном и более или менее корректном изложении взглядов немарксистских ученых, а не в легковесной их критике, заключалось в

⁸ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981; См. также: Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980.

⁹ Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 71.

¹⁰ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981, с. 269.

¹¹ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984, с. 23.

¹² Барг М. А., Черняк Е. Б. О категории "исторический закон". - Новая и новейшая история. 1989, № 3; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987, с. 49-56; Гуревич А. Я. Об исторической закономерности. - В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 63; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989, с. 38-43.

¹³ Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.-Л., 1948, с. 164.

¹⁴ Революции 1848-1849 гг., т. II. М., 1952, с. 387, 390, 402.

¹⁵ Кан С. Б. Немецкая историография революции 1848 - 1849 гг. в Германии. М., 1962.

¹⁶ Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, с. 399.

¹⁷ Косминский Е. А. Реакционная историософия Арнольда Тойнби. - В кн.: Против фальсификации истории. М., 1959, с. 96.

¹⁸ Там же, с. 70.

¹⁹ Черняк Е. Б. Буржуазная историография рабочего движения. М., 1960; он же - Адвокаты колониализма. М., 1962; он же - Историография против истории. М., 1962, с. 363.

течение 50-х - 60-х гг. позитивное значение историографических работ в советской науке.

До конца 60-х гг. критика зарубежной немарксистской историографии ограничивалась большей частью отдельными рецензиями и обзорами. Преобладали простейшие приемы анализа: приводилось какое-либо суждение исследуемого автора, зачастую вырванное из общего контекста, а ему противопоставлялся уже известный позитивный материал либо соответствующая цитата из Маркса, Ленина, новейших партийных документов или постановлений. Квалифицированный разбор и полемика по существу вопроса представляли тогда редкие исключения, поскольку их непременным условием является хорошее знание конкретно-исторического материала, легшего в основу анализируемой концепции.

В 60-е гг. поток историографической литературы стал быстро увеличиваться. С 1963 г. в Томском университете по инициативе А. И. Данилова начал выходить сборник "Методологические и историографические вопросы исторической науки", для которого характерен, однако, крен в сторону скорее методологических, нежели конкретно-историографических проблем. Историографические сборники публиковали также университеты Казани и Саратова. Под руководством Г. Н. Севостьянова в Институте всеобщей истории были созданы коллективные работы по американской исторической науке²⁰.

В 1967-1968 гг. по инициативе И. С. Галкина в Московском университете вышел капитальный двухтомный труд по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки, впервые давший сводную картину развития мировой исторической науки от гуманизма до

середины XX века. Появился и ряд других работ общего характера, послуживших стимулом к дальнейшей разработке проблем истории исторической науки в нашей стране и за рубежом²¹.

Первым крупным исследованием американской исторической науки стала книга И. П. Дементьева "Американская историография гражданской войны в США (1861-1865)" (М., 1963). Автор обстоятельно показал сложную и неоднозначную эволюцию американской литературы о гражданской войне на протяжении целого столетия, тесно (иногда слишком) увязывая ее с классово-политической борьбой в американском обществе. Подробно были проанализированы концепция рабства У. Филлипа, взгляды лидера прогрессистского направления Ч. Бирда и его противников из школ "консервативного ревизионизма" и "южных бурбонов", позиция представителей негритянской историографии, прежде всего, Дж. Франклина и Б. Куорлса.

Критический анализ основных направлений, концепций и школ в американской историографии второй половины XX века дал Н. Н. Болховитинов в работе "США: проблемы истории и современная историография" (М., 1980). Он рассмотрел взгляды американских ученых по ключевым проблемам истории США от колониального общества в Северной Америке до бурного подъема капитализма в последней трети XIX века в связи с освоением свободных или западных территорий. Большое внимание уделено в книге освещению позитивных моментов и определенных недостатков в творчестве многих видных американских историков от Ф.

²¹ *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962; *Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963; *Первый Интернационал в исторической науке.* М., 1964; *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. Л., 1964; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков (середины XIX в.-1917 г.). М., 1974; *Дунаевский В. А.* Советская историография новой истории стран Запада. 1917-1941. М., 1974.

Тернера до Р. Фогела, Р. Хофстедтера и А. Шлезингера-мл. Однако, вряд ли убедительно то, что автор отрицал марксистские идеи у крупного историка Ю. Дженовезе. Причина такой позиции видится в том, что как Н. Н. Болховитинов, так и В. В. Согрин²², полагали, будто марксистами можно считать лишь тех лиц, которые готовы принять это учение целиком, включая не только методы исследования, но и политическую теорию "научного коммунизма" с идеей социалистической революции и диктатуры пролетариата.

Но, с другой стороны, в книге В. В. Согрина дан весьма тщательный и глубокий анализ критических направлений в американской историографии XX века, куда он включил прогрессистскую, леворадикальную и негритянскую историографию. К достижениям радикального направления автор отнес исследование его представителями формирования самосознания у пролетариата США на различных этапах его развития. Автор полагает, что критические направления в американской немарксистской науке развиваются по восходящей линии.

Новейшим тенденциям в американской исторической науке посвящена книга томских историков²³. В ней выявляется роль психоистории как новой дисциплины, внесшей значительный вклад в анализ массовой психологии и раскрывающей механизм трансформации бессознательного начала в действия исторических персонажей и масс. Авторы показали разнородность американской психоистории, выделив в ней три направления - ортодоксальное, интеграционистское и социально-критическое. Двум первым уделено больше внимания, чем наиболее интересному и неоднозначному социально-критическому. Исследователи верно отме-

²² *Согрин В. В.* Критические направления немарксистской историографии США XX века. М., 1987, с. 180-182.

²³ *Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К.* Американская буржуазная "психоистория": Критический очерк. Томск, 1985.

тили, что подлинная ценность психоистории может быть выявлена на основе не теоретических заявлений, а конкретных результатов на практике. Последние же оказались достаточно противоречивыми, поскольку, с одной стороны, высветили новые аспекты исторического прошлого, но, с другой, пока не смогли убедительно интерпретировать роль бессознательного и рационального, их соотношение в действиях многих исследуемых личностей.

Традиционно высокий уровень историографической культуры присущ и другой коллективной томской работе "К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли" (1994), где показаны и проанализированы основные проблемы, которые характеризуют обновление методологии, методики, техники исследований ученых Запада - постмодернизм, изучение ментальностей, новая социальная история в США, традиции и тенденции герменевтики и исторической антропологии в Германии. Картина, данная в книге, доказывает обоснованность мысли авторов о том, что на исходе XX века происходит такая концептуальная трансформация исторической мысли, которая сопоставима по значимости с переходом от историзма Просвещения к классическому историзму XIX века, хотя эту мысль трудно назвать совершенно бесспорной.

Оригинальную работу на стыке историографии, источниковедения и конкретно-исторического анализа написал В. А. Тишков²⁴. Он досконально изучил систему подготовки кадров американских историков, сферы их специализации, состояние источниковой базы, деятельность ведущих ассоциаций и обществ историков в США. На основе обширного круга первоисточников, в том числе личных бесед с видными американскими учеными, статистиче-

²⁴ *Тишков В. А.* История и историки в США. М., 1985. Подобная работа, но более узкого плана, создана и в отношении европейской науки. См.: Организация исторической науки в странах Западной Европы. М., 1988.

ских материалов и социологических опросов В. А. Тишков с помощью компьютерной обработки дал классификацию американских историков по принципу их специализации, уровня подготовки, географии распределения кадров, их половозрастного состава. Любопытно суждение, что далеко не всегда можно судить о политических взглядах многих американских ученых по их собственным научным трудам, что свидетельствует об элементах конформизма и скрытой оппозиционности.

Первым после книги Алпатова крупным исследованием французской исторической науки XIX века, сохранившим известное значение до настоящего времени, стала монография Б. Г. Реизова²⁵. Там дано основательное изложение идей и взглядов практически всех крупных историков Франции первой половины XIX века. Автор четко показал, что романтическая историография эпохи Реставрации сделала громадный шаг вперед по сравнению с просветительской в становлении нового исторического мировоззрения.

Французская историография XX века и школа "Анналов" нашли освещение в двух появившихся почти одновременно монографиях М. Н. Соколовой "Современная французская историография: Основные тенденции в объяснении исторического процесса" (М., 1979) и Ю. Н. Афанасьева "Историзм против эклектики: Французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии" (М., 1980).

При методологической схожести позиций между авторами были и некоторые разногласия. М. Н. Соколова основное внимание уделила не столько общим тенденциям развития французской историографии, сколько отдельным проблемам на примере творчества ряда ученых. Она подчеркнула, что М. Блок и Л. Февр, в сущности, не создавали новой научной школы, а только наиболее выпукло отра-

зили новые веяния в своем творчестве. Отделенным от "Анналов" оказался и Ф. Бродель, теория которого о разных скоростях исторического времени, по мнению автора, связана с "Анналами" лишь в отдельных деталях и вообще оценена, как научно несостоятельная.

Ю. Н. Афанасьев, наоборот, исходил из концепции "Анналов" как направления с относительно целостным представлением об историческом процессе. Он дал освещение полувекового развития "Анналов", выделив три этапа: период становления с конца 20-х до середины 40-х гг., кульминационный период развития в 40-е - 60-е гг., связанный с творчеством Броделя и стремлением создать "глобальную историю", период конца 50-х - начала 70-х гг., когда на сцену выступило третье поколение школы "Анналов" (Э. Ле Руа Лядюри, Ф. Фюре, П. Шоню), решительно повернувшее, по словам автора, в сторону "дегуманизации и парцелляции" исторической науки. В книге заметно весьма позитивное в целом отношение автора к Блоку, Февру и Броделю, что является вполне оправданным. Но трудно согласиться с мало аргументированными выпадами против П. Шоню, Э. Ле Руа Лядюри, М. Ферро, творчество и новаторский характер концепций которых явно принижены.

В очень широком контексте школа "Анналов" освещена в книге А. Я. Гуревича "Исторический синтез и школа "Анналов" (М., 1993), где в центре внимания находится проблема исторического синтеза. По мнению автора, вопрос о взаимодействии материальной и духовной жизни является для исторического исследования отправной точкой. Это ведет к переосмыслению понятия "культура" и понятия "социальное", в ходе которого происходит поворот от истории ментальностей к историческому антропологии или антропологически ориентированной истории.

Монография А. Я. Гуревича - это не общая история школы "Анналов", это - книга о том, как к решающей и важнейшей, по его убеждению, задаче - проблеме исторического синтеза подходит ряд пред-

ставителей школы и какие идеи они выдвигают. Среди них он рассматривает новое понимание социальной истории М. Блоком, проблему связи ментальности и культуры у Л. Февра, создание Ф. Броделем "геоистории" и ее соотношение с экономическим материализмом.

Автор очень рельефно показал круг поисков Ж. Дюби, в разноплановых произведениях которого так или иначе постоянно присутствует стремление органично связать историю ментальностей с остальной историей, что оказывается совсем непростой задачей. Такая же тенденция к глубокому исследованию системы человеческих ценностей и представлений характерна для работ Э. Леруа-Ладюри и Ж. Ле Гоффа. Высокий уровень книги Гуревича во многом определен тем, что он показал общие методологические принципы и взгляды лидеров "новой исторической науки" не в абстрактном теоретическом аспекте, а через их конкретные исторические труды, поскольку лишь в этом случае теория приобретает смысл и значение.

Одним из первых в послевоенной отечественной науке германскую историографию начал изучать А. И. Данилов, опубликовавший в 1958 г. крупное исследование "Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX - начала XX в." Первая часть книги посвящалась анализу теоретико-методологических и политических идей немецких историков на рубеже веков. Для своего времени книга значительно продвигала вперед изучение истории исторической науки, обосновывая историографию как самостоятельную отрасль науки с присущими ей предметом, методом и принципами познания. Однако, многие оценки, данные автором неокантианству, Макс Веберу, Отто Хинтце, Гансу Дельбрюку несли на себе печать явной политизации и являются либо неточными, либо неверными.

В книге С. В. Оболенской объектом изучения стало творчество видного немецкого историка-марксиста Ф. Мерин-

га²⁶. Она подробно осветила различные аспекты исторических трудов Меринга, их достоинства и ряд недостатков. Взгляды Меринга давались в тесной связи с его политической деятельностью. С. В. Оболенская подвергла Меринга критике за переоценку им значения и роли в рабочем движении Лассалю и Бакунину. Однако, следует сказать, что в суждениях Меринга содержалась большая доля истины, ибо он верно разглядел среди причин антипатии Маркса к Лассалю и Бакунину и личностно-психологический момент. Не была ошибочной, вопреки мнению автора, оценка Мерингом ситуации 60-х гг. в Германии, когда в ней отсутствовали необходимые предпосылки революции. Меринг в отличие от Маркса и Энгельса обоснованно полагал, что реально объединение Германии в тех условиях могло совершиться лишь путем "сверху" под эгидой либо Пруссии, либо, что менее вероятно, Австрии.

Состояние исторической науки ФРГ за послевоенные двадцать лет и ее концепции основных проблем новейшего времени первым основательно изучил В. И. Салов²⁷. Много нового давала первая часть его книги, где подробно показаны организационная структура исторической науки ФРГ, система архивов, исторических учреждений и организаций, историко-философская периодика. Но в анализе теоретико-методологических основ и конкретно-исторических концепций наряду с убедительными и аргументированными суждениями автора неоднократно встречаются и мало обоснованные оценки, продиктованные, скорее всего, политико-идеологическими требованиями. Такая же двойственность проявилась в другой книге В. И. Салова "Историзм и современная буржуазная историография" (М., 1977). Но в большей или меньшей степени это ха-

²⁶ Оболенская С. В. Франц Меринг как историк. М., 1966.

²⁷ Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография: Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968.

рактарно почти для любого историографического произведения, созданного в СССР в 40-е - 80-е гг. Что касается работы Салова, то в ней столь многоликие и разнообразные явления (само различие между ними в книге проводится) как немецкий идеалистический историзм, экзистенциалистский подход, феноменологический метод, неопозитивистский структурализм фактически подведены под общую шапку субъективизма и иррационализма и равно обвинены в антинаучности.

О германских историках национально-политической школы периода объединения страны написана монография Н. И. Смоленского. Он исследовал основные политические категории их исторического мышления в сопоставлении с аналогичными понятиями в современной историографии ФРГ. Тем самым, показаны как определенная преемственность линии развития немецкой исторической науки, так и новые интерпретации, доказывающие эволюцию этой науки. Первая часть книги посвящена теоретической проблеме соотношения понятия и действительности. Автор настаивает на том, что понятия являются слепком действительности, и отвергает представление о них как о логических средствах упорядочивания этой реальности. Все суждения германских ученых по данной проблеме свидетельствуют, по мнению автора, об их "глубоко антинаучных позициях" и стремлении во что бы то ни стало "извратить смысл категорий марксистско-ленинской историографии"²⁸.

Обстоятельную панораму историографии германской революции 1918-1919 гг. дали в своих книгах М. И. Орлова и Я. С. Драбкин²⁹. Вторая работа носит скорее обзорный характер, т.к. в ней охвачена и

марксистская, и немарксистская литература, начиная от современников и участников революции до работ конца 80-х гг. В монографии М. И. Орловой предмет изучения более узок - немарксистская историография ФРГ с выдвинутым на первый план как ведущего в исследовании революции социал-демократического направления. Естественно, что в этом случае анализ различных интерпретаций более подробен.

Я. С. Драбкин не стал досконально описывать огромное количество литературы, а выделил пять обобщающих проблем: предпосылки и причины революции, характер ноябрьских событий 1918 г., проблема власти Советов или Национального собрания, суть событий весны 1919 г., роль и место германской революции в истории страны и всей Европы. Проследив различные концепции, автор сделал вывод об особо сложном и противоречивом характере германской революции, в которой причудливо переплетались различные тенденции. Особо он подчеркнул роль субъективных факторов исторического процесса, которые зачастую определяли непредсказуемость хода событий в реальности.

Более традиционны и критически заострены суждения и оценки в книге М. И. Орловой, в центре внимания которой находится социал-реформистская концепция революции о существовавшей возможности "третьего пути" - сочетания демократического парламентаризма и системы Советов. Автор подчеркнула также, что западногерманская школа "социальной истории" осуществила плодотворное исследование исторических предпосылок революции, показав их объективное вызревание. Однако трудно согласиться с мнением, будто проблема субъективного фактора революции состояла в "замедленном формировании пролетарской революционной партии". Упрощенность такого мнения показал в своей книге Драбкин. Очевидно и то, что критикуемые М. И. Орловой немецкие историки Х. Хюртен, Г. А. Винклер, К. Д. Брахер имели веские

основания в принципе сомневаться в возможности совершения социалистической революции в высокоразвитом индустриальном государстве. Во всяком случае, история не дала пока ни одного примера такого рода.

В монографии А. И. Патрушева³⁰ показан процесс перехода в 60-е гг. лидирующего положения в историографии ФРГ от консервативного к неолиберальному направлению. Автор исследовал содержание методологических принципов неолиберальных историков, их поворот к анализу социальных аспектов исторического процесса, стремление синтезировать индивидуализирующий и генерализирующий методы исторического исследования. Отмечен был и процесс дифференциации неолиберальной историографии, выделение в ней социально-критической школы, но и сохранение вместе с тем значительных элементов традиционного немецкого идеалистического историзма. Однако вывод автора об "углублении кризиса" буржуазной историографии ФРГ не вытекал логически из содержания книги и диктовался идеологической догмой.

В другой книге А. И. Патрушева "Расколдованный мир Макса Вебера" (М., 1992) освещено творчество этого выдающегося ученого и мыслителя с точки зрения его позитивного вклада в развитие социальных наук. Автор доказывал, что в советской литературе, за исключением статей А. И. Неусыхина 20-х гг., Вебер предстал в совершенно превратном толковании. Особенно касалось это веберовской теории идеальных типов, его концепции протестантской этики и соотношения взглядов Вебера с марксизмом как методологическим подходом, но не политической теорией. Значение Макса Вебера автор находит в том, что он заложил основы новой, теоретической и объясняющей модели историографии и стремился синтезировать для этого отдельные, наиболее

плодотворные с его точки зрения, элементы неокантианства, позитивизма и материалистического понимания истории. Вероятно, в отдельных случаях Вебер несколько превозносится автором, но после многолетнего господства в нашей науке извращенных представлений об этом крупнейшем ученом некоторый уклон книги в сторону идеализации Вебера был неизбежным.

По британской историографии написано сравнительно немного работ, большей частью - статей в журналах и сборниках. Двумя изданиями (1959 и 1975 гг.) вышли "Очерки английской историографии нового и новейшего времени" К. Б. Виноградова. Второе издание дополнено главами по историографии британской внешней и колониальной политики. В духе времени автор подчеркнул, прежде всего, консерватизм британской исторической науки, преобладание в ней в течение долгого периода персонификации истории и биографического жанра, эмпиризм и невнимание к теоретическим проблемам. Позитивных ее особенностей, кроме ясности и доступности изложения, автор не выделил. Отметил он заметный рост влияния радикальных, лейбористских и марксистских историков, начиная с 20-х - 30-х гг.

Теоретико-методологическим проблемам в британской историографии посвящена монография И. И. Шарифжанова³¹. Он проследил процесс перехода в ней от консервативного эмпиризма и фактографии к теоретическим концепциям Э. Карра, Дж. Барраклоу, Дж. Пламба, выступивших за использование историей методов смежных социальных наук, прежде всего социологии.

Вышло и первое комплексное исследование современной исторической науки Великобритании³², где даны ее новейшие

²⁸ Смоленский Н. И. Политические категории немецкой буржуазной историографии (1848 - 1871 гг.). Томск, 1982, с. 87.

²⁹ Орлова М. И. Германская революция 1918-1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986; Драбкин Я. С. Проблемы и легенды в историографии германской революции 1918 - 1919. М., 1990.

³⁰ Патрушев А. И. Неолиберальная историография ФРГ: Формирование, методология, концепции. М., 1981.

³¹ Шарифжанов И. И. Современная английская буржуазная историография: Проблемы теории и метода. М., 1984.

³² Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. М., 1991.

течения, показан вклад в мировую науку марксистских ученых Э. Хобсбоума, Кр. Хилла, Э. Томпсона, Д. Рюде. Важно то, что марксисты рассматриваются не в противопоставлении, а в единстве с другими левыми историографическими течениями и как часть общедемократического направления. Сдержанный тон авторов, аргументированность их оценок и анализ концепций британских историков по существу дела, а не по отдельным выхваченным высказываниям, обусловили неординарный характер этой работы³³.

По другим национальным историографиям литература крайне бедна, она представлена лишь статьями, среди которых выделяются работы И. В. Григорьевой, Н. П. Комоловой, Г. С. Филатова по итальянской историографии, Т. А. Салычевой и В. В. Рогинского по историографии стран Северной Европы, В. И. Ермолаева и Ю. Н. Королева по латиноамериканской исторической науке³⁴. Следует отметить также книгу В. И. Михайленко, где показана современная итальянская историография фашизма и приводится новый и ранее у нас неизвестный материал.

Появился и ряд коллективных работ, обогащающих конкретные знания о развитии мировой исторической науки и свидетельствующих о позитивных сдвигах в сфере отечественной историографии:

³³ Это особенно важно отметить, т.к. большинство историографических работ имеет скорее информативную, нежели аналитическую направленность. В них критикуются не концепции, а отдельно взятые мысли, идеи, а то и предложения, а содержание подобно калейдоскопу книг и имен, разобраться в котором довольно сложно. Таковы, напр., книги А. Е. Куниной "США: методологические проблемы историографии" (М., 1980) или Л. А. Мерцаловой "Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ" (М., 1990). На эти и другие недостатки обратил еще ранее внимание А. Н. Мерцалов. См.: Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины. М., 1984.

³⁴ См. также: Альперович М. С. Советская историография стран Латинской Америки. М., 1968.

"Буржуазные революции XVII-XIX вв. в современной зарубежной историографии". Отв. ред. И. П. Дементьев. (М., 1986), "Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ". Отв. ред. В. Л. Мальков. (М., 1989). В последней из отмеченных работ обращено внимание на "новую историческую науку" - одно из перспективных направлений современной западной историографии. Авторы разделов по английской, французской и американской историографии проанализировали новые тенденции на примере развития "новой социальной истории". В последнее время опубликованы также интересные работы теоретико-историографического характера, которым присущ дух новаторства и творческого поиска.

Весьма оригинальную и необычную книгу "История и время. В поисках утраченного" (М., 1997) написали И. М. Савельева и А. В. Полстаев. Проблема, исследованная в монографии, имеет для исторической науки особое значение. Ведь историю, помимо прочего можно определить и как цепь событий, совершающихся во времени. Не случайно категория времени привлекала повышенное внимание таких выдающихся ученых как Анри Бергсон, Вильгельм Дильтей, Освальд Шпенглер, Фернан Бродель.

На основе обширнейшего круга источников и литературы авторы показали, как история конструирует множество сложных временных форм. Анализ ими роли темпоральных представлений в историческом сознании и историческом познании позволил взглянуть на эволюцию европейской историографии и структурирования истории, путь от хронологии к историографии, различные схемы всемирной истории, циклы и стадии исторического развития. Большой интерес представляет рассмотрение места истории в системе социальных наук, ее отношения с политологией, экономической наукой, социологией, психологией, культурной антропологией, географией. Для историков эта книга может иметь и чисто практическое значение, так как подробно показывает методы де-

хронологизации и деконструкции, способы построения контрфактических и экспериментальных моделей, различные варианты периодизации истории.

Очень рельефно и разнопланово проблемы развития современной социальной истории представлены в монографии Л. П. Репиной "Новая историческая наука" и социальная история" (М., 1998). Автор показала основные изменения в проблематике и структуре исторической науки XX века, традиции, противоречия, трансформацию и новые различные перспективы социальной истории. Давая сравнительный анализ нескольких версий социальной истории, Л. П. Репина развертывает новую модель анализа истории историографии как дисциплинарной истории. При этом она строит свою концепцию на базе преломления теории через призму конкретных исследований истории социальных движений и революций, народной культуры, истории женщин, переходящей в более широкую гендерную историю, историю частной жизни и историческую биографию.

Новые поиски в исторической науке, по убеждению автора, в целом идут в направлении постепенного складывания новой культурной и интеллектуальной истории, основанной на дуализме макро- и микроистории, которые не следует ни противопоставлять, ни отрывать друг от друга. Путем такого синтеза, превращением социальной истории фактически во "всю историю" формируется интегративная социокультурная история, которая в этой стадийно очерченной форме, возможно, и станет "новой историей" XXI века. Может быть, автор придерживается несколько завышенной оптимистической точки зрения на будущность исторической науки, но, в конечном счете, историку никто не может отказать в праве быть как жизнерадостным оптимистом, так и мрачноватым скептиком.

Исследования по истории Великобритании. Основное внимание англоведов привлекали две проблемы - эпоха револю-

ции середины XVII века и рабочее движение.

В течение ряда лет В. М. Лавровский тщательно изучал трудные, но многообещающие манориальные документы и в 1958 г. опубликовал на их базе труд "Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII-XVIII вв." Там проанализированы различные формы землевладения, тенденции в их изменении и социальные последствия этих перемен. Аграрная история получила развитие и конкретизацию в вышедшем посмертно исследовании С. И. Архангельского³⁵. Он детально показал суть и формы крестьянских выступлений кануна и периода революции, переход церковных и коронных земель в руки новых собственников - буржуазии, нового дворянства, верхушки кромвелевской армии.

Оригинальную концепцию революции, уточнявшую положения сводного капитального труда³⁶, разработали В. М. Лавровский и М. А. Барг в книге "Английская буржуазная революция XVII в." (М., 1958). Они изучили новые источники, на которые прежде не обращалось внимания: описи ряда маноров, протоколы манориальных курий, сессии мировых судей в различных графствах Англии. Если в двухтомнике события излагались в повествовательно-описательном ключе, то Лавровский и Барг подошли к анализу основных вопросов революции с проблемной позицией. Важнейшую особенность социально-экономического развития Англии конца XVI - начала XVII века они усмотрели в том, что наиболее бурно и разрушительно для традиционных устоев процесс формирования капиталистических отношений протекал в земледелии, а

³⁵ Архангельский С. И. Крестьянские движения в Англии в 40-50-х гг. XVII века. М., 1960.

³⁶ Английская буржуазная революция XVII в., тт. I-II, под редакцией Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. М., 1945. (Разумеется, в страноведческих разделах упомянуты далеко не все виды работы, ибо это невозможно практически. - ред.).

центр тяжести социальных противоречий лежал в поземельных отношениях. Впервые в отечественной науке авторы подняли проблемы пауперизма и плебейской борьбы за углубление демократического содержания революции.

Дальнейшее развитие этот сюжет получил в книге М. А. Барга "Народные низы в английской буржуазной революции XVII в." (М., 1967). Изучив огромное число памфлетов, трактатов, газет, листовок и других документов, он еще раз подчеркнул, что основой социального конфликта в революции был аграрный вопрос, решение которого происходило в борьбе двух путей - лендлордизма и крестьянско-плебейского демократизма, о чем писал еще Маркс. Первый путь представляли пресвитериане, а затем - индипенденты, второй - "истинные левеллеры". Идеи истоки их мировоззрения, как заявил автор, коренились не в пуританизме вообще, а в народной реформации, ставшей выражением широкого протеста наиболее обездоленных социальных групп. В книге удачно сочетались конкретно-исторический анализ и проблемно-обобщающий подход.

Итогом долголетних исследований М. А. Барга стала его последняя книга "Великая английская революция в портретах ее деятелей" (М., 1991). Через описание трех ключевых фигур революции - Кромвеля, Лильберна и Уинстенли³⁷, - их жизненного пути, характера и психологии автор показал особенности умонастроения и миропонимания трех основных социальных групп - активных участников событий - индипендентского джентри, мелкой городской буржуазии и крестьянско-плебейских масс. В книге выпукло предстал тот исторический фон, коллективный портрет эпохи, в которую действовали ее персонажи. Сжато и емко изображена экономическая жизнь предреволюционной Англии, процессы, сделавшие ее колыбелью совре-

менного капитализма, и социальная структура общества, даны убедительный анализ знамени революции - пуританизма, и его антипода - стюартовского абсолютизма, основных событий революции от начала борьбы короля с парламентом до установления протектората.

Таким образом, литература о революции пополнилась рядом значительных работ. Однако, многие проблемы выпали из поля зрения отечественных исследователей. Остается пока неясным общий уровень экономического развития Англии накануне революции в промышленности и сельском хозяйстве, мало изучены условия жизни и труда различных категорий населения, история внешней торговли и колонизации заморских земель, формирование оппозиции королевскому двору в различных графствах, отдельные фазы в становлении пуританизма и радикального сектантства.

Важнейшие события последнего, пререставрационного периода революции осветила Т. А. Павлова, показавшая, что этот короткий отрезок времени был насыщен активной политической борьбой за сохранение или ликвидацию республиканского устройства³⁸.

В другой ее книге рассмотрены взгляды одного из крупных представителей утопической мысли Англии Джона Беллера³⁹. Там подчеркнута, что квакерская секта, к которой принадлежал Беллерс, являлась не просто буржуазно-филантропической религиозной группой, но была единственным во второй половине XVII века крупным общественным движением, оппозиционным по отношению к установившемуся после революции порядку. Квакеры бросили вызов благополучию и богатству имущих слоев, а их религиозная доктрина выражала стремление к установлению на земле социальной

³⁸ Павлова Т. А. Вторая английская республика (1659-1660). М., 1974.

³⁹ Павлова Т. А. Джон Беллерс и английская социально-экономическая мысль второй половины XVII в. М., 1979.

справедливости. Т. А. Павлова отметила нечеткость и противоречивость идеи Беллера о "производственных содружествах". С одной стороны, они не кажутся просто филантропическими объединениями на капиталистической основе, а представляют нечто большее, ибо труд в них обобществлен, ликвидирована деньги и процесс купли-продажи, господствует распределительная система из общественных складов. С другой, организуются эти содружества за счет пожертвований богатых "отцов", что напоминает, по выводу автора, "капиталистический идеальный рабочий дом".

Неоднородность раннего английского просветительства выпукло показана в книге Т. Л. Лабутиной "У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения" (М., 1995). Автор раскрыла неоднозначное и даже противоречивое отношение просветителей к английской революции середины XVII века и влияние на их взгляды ее идейного наследия.

Сложный процесс формирования промышленного пролетариата в Англии прослежен в монографии Н. М. Мещеряковой⁴⁰. На обширной источниковой базе из лондонских архивов и опубликованных документах отдельных графств показано особое место высшего этапа мануфактурного производства в складывании класса наемных тружеников. Две проблемы привлекли повышенное внимание автора - методы оформления капиталистических трудовых отношений и положение мануфактурных рабочих. В итоге анализа вырисовывается неоднозначная картина. Помимо свободного рынка рабочей силы существовал и другой способ формирования мануфактурного пролетариата - насильственное принуждение к труду, занимавшее не главное, но весьма значительное место. Что касается экономического положения рабочих, то автор делает вы-

вод, что на начальных этапах промышленного переворота происходило относительное повышение заработной платы, но с учетом налогообложения и проблемы занятости материальное положение рабочих было отнюдь не благополучным. Важными положениями книги явились выводы о широком распространении капиталистической работы на дому и следовавшей отсюда крайней разобщенности пролетариата в производстве. В большинстве своем пролетариат пока не был полностью лишен средств производства, т.к. преобладала еще ручная техника, а не машинная индустрия. Формирование собственно фабричного пролетариата происходило, как было отмечено и в коллективной работе советских историков⁴¹, параллельно с ростом крупного производства. Он был одновременно и порождением промышленной революции, и ее предпосылкой, поскольку она была бы немыслима без наличия свободной рабочей силы.

Радикальное движение, нацеленное на демократизацию общественного строя Англии, рассмотрел Е. Б. Черняк⁴². Он в некоторой степени преувеличил значение участия рабочих в демократическом движении, но показал, тем не менее, что считать это движение чисто буржуазным по целям и социальному составу его участников было неверным. Оно подготовило почву для возникновения чартизма, получившего широкое освещение во многих работах, прежде всего - Б. А. Рожкова и Н. А. Ерофеева⁴³. Исследователи выявили постепенную переориентацию чартистского движения от мелкобуржуазно-демократических целей к социалистическим, отметили, что это было первое массовое пролетарское политическое, а не чисто экономическое движение.

⁴¹ Рабочее движение Великобритании, XIX - XX вв. М., 1978.

⁴² Черняк Е. Б. Демократическое движение в Англии, 1816-1820. М., 1957.

⁴³ Рожков Б. А. Чартистское движение, 1836-1854. М., 1960; Ерофеев Н. А. Чартистское движение. М., 1961.

³⁷ Яркие эти личности показаны также в научно-популярных книгах Т. А. Павловой "Кромвель" (М., 1980) и "Уинстенли" (М., 1988).

При анализе чартизма обнаружилось разногласие в понимании его характера. Дискутировались вопросы о том, был ли чартизм социалистическим движением, можно ли считать чартистов первой самостоятельной пролетарской партией, каковы были взаимоотношения чартизма и марксизма? В дискуссии, проведенной в журнале "Новая и новейшая история" в 1959-1960 гг., эти проблемы получили различное толкование, но в целом на первые два вопроса был выработан утвердительный ответ. Следует, однако, отметить, что дискуссия велась довольно схоластично, участники ее зачастую апеллировали не к фактическому материалу, а к суждениям Маркса, Энгельса, Ленина, цитатами, из которых, как безоговорочными истинами, оппоненты опровергали друг друга.

Оригинальной по замыслу была книга Н. А. Ерофеева, включавшая в сферу интереса историков новые сюжеты⁴⁴. Автор показал тот образ Англии и англичан, который сложился в представлениях российского дворянства, высшего чиновничества и разночинной интеллигенции во второй четверти XIX века с экскурсами в начало этого века. Из книги можно получить представление об образе Англии в российском сознании, хотя неясен вопрос, - в какой степени образ этот соответствовал реальности? Сложность в том, что самопонимание английской нации первой половины XIX века, можно реконструировать лишь на основе тех источников, которые созданы непосредственно самой анализируемой стороной. Поскольку же таких исследований у нас практически нет, то понятно, что автор очень осторожен в выводах, подчеркивая, что на большинство поднятых им вопросов можно дать только предположительный ответ.

Основательное освещение получила в литературе проблематика британского лейборизма и рабочего движения на рубеже XIX - XX вв. Сложная социально-

политическая ситуация, сложившаяся в Великобритании в связи с усилением колониальной экспансии и бурным ростом имперской идеологии, оказавшей значительное воздействие и на лидеров тред-юнионов, и на значительную часть рабочих, стала предметом анализа В. Н. Виноградова⁴⁵. Он подчеркнул, что разочарование многих деятелей тред-юнионов в политике их верхушки послужило одной из основных причин создания лейбористской партии. Хронологическим продолжением исследования этих проблем стали труды Л. Е. Кертмана⁴⁶, давшие общую концепцию британского социалистического и рабочего движения на рубеже веков.

К началу 60-х гг. в отечественной науке изучались только пики рабочего движения (революции 1848-1849 гг., Первый Интернационал, Парижская Коммуна) и его история в XIX веке. Рабочее движение и его проблемы в XX веке были гораздо более политизированной и неблагодарной темой для подлинно научных разработок, свободных от тенденциозности. Поэтому, исследование Л. Е. Кертманом лейбористской партии, носившей у нас устойчивую репутацию наиболее "социал-предательской" и насквозь оппортунистической, уже само по себе было неординарным явлением. Тем более, что автор выступил против общепринятой тогда схемы о безраздельном господстве оппортунизма в британском рабочем движении, показав происходившую внутри его борьбу и подчеркнув видную роль левого лейборизма в политической жизни страны. Основное его внимание привлекла не борьба между лейбористской и Независимой рабочей партией, а наличие двух тенденций внутри

⁴⁵ Виноградов В. Н. У истоков лейбористской партии, 1889-1900. М., 1965.

⁴⁶ Кертман Л. Е. Рабочее движение в Англии и борьба двух тенденций в лейбористской партии (1900-1914). Пермь, 1957; он же - Борьба течений в английском рабочем и социалистическом движении в конце XIX - начале XX в. М., 1965.

каждой из этих организаций рабочего класса Англии.

В других работах о проблемах британского рабочего движения от первой до второй мировой войны (произведения П. В. Гурович, Н. Ф. Мочульского, И. Н. Ундасынова, М. М. Карлинера)⁴⁷ преобладали чересчур жесткие формулировки, суть которых сводилась к явному преувеличению радикализма британских рабочих и влияния на них марксистских идей, к настойчивым, но малодоказательным выводам о якобы полном крахе реформистской идеологии лейбористов. В меньшей мере это характерно для скорее политологических, чем исторических работ В. В. Песчанского и С. П. Перегудова, затронувших послевоенные этапы британского рабочего движения⁴⁸. Любопытно заключение Перегудова о том, что, в сущности, есть не одна, а две лейбористские партии. Первая, массовая, состоящая из низовых и местных организаций, и вторая, достаточно обособленная и независимая от нее, не связанная партийными решениями, "парламентская лейбористская партия-фракция", отвечающая не перед партией, а перед избирателями своих округов.

В последние годы внимание многих исследователей привлекли вопросы национальных отношений в Великобритании, наиболее подробно показанные в

⁴⁷ Гурович П. В. Подъем рабочего движения в Англии в 1918-1921 гг. М., 1956; она же - Английское рабочее движение накануне второй мировой войны. М., 1967; Мочульский Н. Ф. Рабочее движение в Англии накануне второй мировой войны (1934-1939 гг.). М., 1968; Ундасынов И. Н. Рабочее движение и лейбористская партия Великобритании в период мирового экономического кризиса. М., 1961; Карлинер М. М. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны. М., 1961.

⁴⁸ Песчанский В. В. Современное рабочее движение в Англии. М., 1963; Перегудов С. П. Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М., 1975.

книге В. Н. Истратова⁴⁹. Первую в нашей литературе краткую историю Шотландии от средневековья до современности написала Г. И. Зверева⁵⁰. Она выделила общие и особенные (по сравнению с Англией) черты шотландской истории, дала основные этапы ее развития, значительное место отвела борьбе за национальные и социальные права, охарактеризовала британскую историографию XX в. по истории Шотландии.

Общую историю Великобритании первой половины XX века написал В. Г. Трухановский, изложивший главные политические, экономические и социальные явления и процессы в 1918-1951 гг.⁵¹ Его же перу принадлежат биографические повествования о крупнейших деятелях британской истории - Черчилле, Идене, Нельсоне, Дизраэли⁵². К этому жанру относятся и ярко написанные биографии Ллойд Джорджа и династии Чемберленов⁵³. Через деятельность этих людей, в которой как бы сфокусирована общая траектория британской истории, через бесчисленные эпизоды и зигзаги их жизненного пути проступает сам механизм британской политики, те таинственные рычаги власти, которые большей частью прослеживаются не в безликости и анонимности общего, а на личностно-групповом уровне, и окрашиваются в субъективные тона. Правда, во всех этих биографиях эпоха превалирует над исторической личностью. Последняя же изображается не столько как живой

⁴⁹ Истратов В. Н. Лейбористы и национальные проблемы в Северной Ирландии, Шотландии, Уэльсе. М., 1984.

⁵⁰ Зверева Г. И. История Шотландии. М., 1987.

⁵¹ Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М., 1956. Он же является автором ряда книг о внешней политике Великобритании.

⁵² Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1968 (4-е изд.: 1989); он же - Антони Иден. М., 1974; он же - Адмирал Нельсон. М., 1980; он же - Бенджамин Дизраэли, или история одной невероятной карьеры. М., 1993.

⁵³ Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970; Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.

⁴⁴ Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М., 1982.

человек со своим внутренним миром, характером, психологией, ценностями и мотивациями, сколько предстает как пересечение тенденций и противоречий окружающей ее среды и общества. Личность изображается как выражение тех или иных больших политических, экономических, социальных величин данной эпохи, способствующая постижению этих общих категорий. Между тем, биографические исследования, использующие методы психологии, антропологии, бихевиоризма, религиоведения открывают новые возможности для познания прошлого во всей его совокупности, ибо без человека истории просто не существует.

Франковедение. Франковедение - одна из наиболее развитых отраслей отечественной исторической науки в сфере изучения всеобщей истории. Причин тому немало. Давние многообразные связи России и Франции, прочные научные традиции изучения истории Франции, воплотившиеся в конце XIX - начале XX в. в трудах "русской исторической школы". Победа Октябрьской революции и утверждение господства марксистской историографии дали дополнительный стимул к изучению истории Франции. Великая французская революция конца XVIII в., революции 1830 и 1848 гг., Парижская Коммуна 1871 г., сильное социалистическое движение, а затем деятельность одной из влиятельнейших зарубежных компартий - представлялись образцовым выражением классовой борьбы.

В послевоенные десятилетия интерес к новой истории Франции, как и в предшествующий период, был велик. В этой области работали многие историки высокого международного уровня, чьи работы получили широкое научное признание и переводились за рубежом: В. П. Волгин, Б. Ф. Поршнев, А. З. Манфред, В. М. Далин, А. Д. Люблинская, А. В. Адо. Притягательным центром для исследователей стала неформальная группа по изучению истории Франции при Институте истории АН СССР, основанная в 1956 г. Авторитетное периодическое издание "Француз-

ский ежегодник" (1958-1988) сыграло немалую роль в изучении истории Франции и расширении советско-французского научного сотрудничества (десятки зарубежных, прежде всего французских, ученых выступали на его страницах). Определенным итогом многолетнего изучения был выход в свет первого в отечественной литературе сводного труда по истории Франции. Он охватывал всю историю страны от галльских времен до наших дней⁵⁴.

Для советской историографии тема Великой французской революции традиционно была одной из главных. Правда, в первое послевоенное десятилетие исследовательская активность в этой области определенно снизилась. Сказалась драматическая судьба ряда ведущих ученых (Н. М. Лукина, Г. С. Фридлянда, Я. В. Старосельского, Я. М. Захера, В. М. Далина и др.), которые подверглись репрессиям во время сталинского террора, а их труды были надолго изъяты из научного обращения.

Исследования оживились во второй половине 50-х годов после XX съезда КПСС. Концепция Французской революции, доминировавшая в литературе в послевоенные годы вплоть до 70-80-х годов, в целом шла в русле "классической" интерпретации. Французская революция - буржуазная по своему содержанию, но решающая роль, сыгранная народом, подняла ее над другими буржуазными революциями, дала основание называть ее великой. Над советской историографией довели прямые (или мысленно подразумеваемые) сопоставления и переклички с Октябрьской революцией.

Этот подход определил общую ориентацию исследований. В центре их находились наиболее радикальные течения и идеи. Особое внимание привлекала история якобинского периода революции. Он оценивался, как высший этап революции, когда было завершено уничтожение старого порядка в аграрном строе и отбита

⁵⁴ История Франции. Отв. ред. А. З. Манфред. т. 1-3. М., 1972-1973.

иностранная интервенция. В освещении деятельности якобинцев особенно заметны аналогии с Октябрьской революцией.

Эти идеи в трактовке якобинцев развивались большинством исследователей. Особенно рельефно они представлены в работах выдающегося специалиста по истории революции А. З. Манфреда (1906-1976) в его обобщающих работах по истории революции и биографических очерках о Робеспьере, Марате, Мирабо⁵⁵, В. С. Алексеева-Попова о проблемах установления якобинской диктатуры, Я. М. Захера о левых плебейских группировках "бешеных", в статьях А. Л. Нарочницкого о внешней политике революционной Франции.

В конце 60-х - 70-х годах развернулась оживленная дискуссия о характере якобинизма. Согласно точке зрения Манфреда якобинская власть опиралась на широкий блок от буржуазии до плебейства включительно. С последним связано возникновение эгалитарных, порой антибуржуазных тенденций. Ей противостояла концепция В. Г. Ревуненкова, согласно которой во Франции в 1793-1794 гг. сложилось своеобразное двоевластие - диктатура революционной буржуазии, воплощенная в якобинском Конвенте и правительственных учреждениях, и зачатки революционно-демократической диктатуры народных низов, воплощенные в Коммуне Парижа и ее секциях, подлинном авангарде народа⁵⁶.

Значителен вклад исследователей в изучение социальных идей периода революции. Дальнейшее развитие получило творчество В. П. Волгина (1879-1963) - ведущего историка в этой области. Он изучал французское Просвещение и ком-

мунистические идеи того времени (Мелье, Морелли, Мабли и т.д.), первым предложил принципы классификации утопической мысли и сумел рельефно передать внутреннюю логику системы воззрений ее важнейших представителей⁵⁷, В. П. Волгиным была предпринята известная публикация "Предшественники научного социализма" (из вошедших в нее сочинений 12 являлись публикациями работ французских мыслителей). Разумеется, работа исследователей в этой области шла в русле освоения наследства "предшественников", изучения одной из исходных вех на пути, приведшем к "единственно верному учению" научного коммунизма.

Важным звеном в изучении коммунистических идей в годы революции была тема Бабефа и бабувизма. Наиболее подробное ее исследование было проведено вернувшимся из ссылки видным историком В. М. Далиным (1902-1985). Его капитальная монография "Граф Бабеф накануне и во время Великой французской революции" (1983) основана на материалах архива Бабефа, приобретенного ИМЭЛ еще в 20-х годах. Оппонируя многим своим предшественникам, автор стремился доказать, что истоки идейных воззрений Бабефа не ограничивались аграрным эгалитаризмом, но были порождены тенденциями капиталистического развития. Далин также считал, что не коммунистические распределительные устремления, а принципы обобществления производства доминировали во взглядах Бабефа. Руководитель "Заговора во имя равенства" предстал как непосредственный предтеча научного коммунизма⁵⁸. Изучение коммунистических идей не ограничилось Бабефом. Наиболее полное исследо-

⁵⁷ Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958; он же. Французский утопический коммунизм. М., 1960.

⁵⁸ Г. С. Черткова, продолжая исследования Далина, показала глубокую эволюцию взглядов Бабефа после падения якобинцев в работе "Граф Бабеф во время термидарианской реакции". М., 1980.

вание этой темы было проделано А. Р. Иоаннисяном⁵⁹ на основе богатых французских архивов.

В послевоенный период продолжалось изучение традиционной темы "русской исторической школы" - аграрной истории Франции, но на первый план были выдвинуты проблемы, рожденные в самом ходе революции. В обширной литературе ранее не существовало обобщающей работы о крестьянском движении в годы революции. Трудом А. В. Адо⁶⁰ (1928-1995) была заполнена эта лакуна. Автор, на основе изучения материалов французских архивов, предпринял успешную попытку дать целостную картину крестьянского движения. Важно, что эта "живая история" была осмыслена в связи с общей историей революции, подвергнут критике тезис об "автономном", а тем более консервативном характере крестьянского движения. Широкий подход позволил исследователю выдвинуть новые вопросы и сказать свое слово в решении ряда спорных проблем, например, об "английском" и "французском" пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Концепция автора - это концепция крестьянского движения в революции с точки зрения борьбы различных тенденций становления капиталистических отношений.

Исследования, созданные в первые послевоенные десятилетия существенно обогатили знания о французской революции. В то же время условия, в которых проходило развитие советской исторической науки, и формировавшееся на этой почве мышление приводили к тому, что осмысление и сам выбор проблематики исследований нередко исходил из требований идеологических доктрин. Отсюда стремление мерить французскую революцию эталонами Октября 1917 г., выдвижение

тезиса о "буржуазной ограниченности" французской революции. Превалировала тенденция к абсолютизации феномена революции как высшей ценности. Революционная идеология, положенная в основу исторических оценок, вела к оправданию террора в годы якобинской диктатуры, абсолютизации плебейских методов борьбы. Чрезмерное внимание к коммунистическим доктринам вела к преувеличению их влияния.

Вокруг центральных проблем французской революции 1789-1799 гг. находится целое созвездие непосредственно примыкающих к ней тем, изучение которых способствует уяснению социально-экономических и идейных предпосылок революции и ее ближайших последствий. Важнейшие из них - нарастающий кризис абсолютизма XVII-XVIII вв., Просвещение, наполеоновская эпоха.

Книга известного историка **Б. Ф. Поршнева** (1905-1972) "Народные восстания перед Фрондой (1623-1648)" (1948), посвященная анализу политического строя переходной эпохи, стала крупным историографическим явлением, вызвала дискуссию в отечественной и зарубежной историографии. Как бы ни оспаривались ее отдельные положения, неоспоримой заслугой Поршнева было выведение из забвения народных движений XVII в. Спор же шел, прежде всего, о сути французского абсолютизма. Поршнева акцентировал внимание на его дворянском характере и видел в его укреплении защиту феодалов от растущих народных движений. С. Д. Сказкин и А. Д. Люблинская⁶¹ склонны были подчеркивать прогрессивную роль абсолютизма, его связи с буржуазным развитием страны. Спор шел и по вопросу о характере Фронды, ибо Поршнева выдвигал идею, что эта была неудавшаяся буржуазная революция. Эти дискуссии привлекли внимание к генезису общественного строя Франции и кризису абсолютистского государства в XVIII в.,

⁶¹ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVIII в. М., 1975.

то есть созреванию предпосылок революции. Эта проблематика в центре исследований Е. М. Кожокина и В. Н. Малова⁶².

В области историографии Просвещения доминирующими оставались работы В. П. Волгина, исследовавшего идеи крупнейших ее представителей в сферах социально-политической и экономической мысли. Современному читателю, однако, покажется слишком жесткой привязка тех или иных положений их мировоззрений к социальной почве. Взгляд на Просвещение как на "буржуазную идеологию" представляется слишком узким. После Волгина тема Просвещения не исчезла из историографии. О таких его корифеях как Вольтер и Руссо появились глубокие специальные исследования⁶³. Весьма ценна публикация А. Д. Люблинской (с обширными комментариями) "История энциклопедии Дидро и Д'Аламбера" (1978). Историком Л. С. Гордоном возвращены из небытия просветители второго ряда, примыкавшие к левому крылу (Лабомель, Дюлоран, Тюфень и др.). Утопическо-коммунистический аспект Просвещения исследовался Г. С. Кучеренко. В 70-80-х годах начала разрабатываться тематика просветительской историко-философской и социологической мысли, сформировавшейся в ходе самой революции. Внимание привлекли взгляды таких влиятельных и оригинальных мыслителей как Кондорсе, Барнав, Вольней.

Еще одним сюжетом, тесно связанным с Французской революцией, является история наполеоновской эпохи. Центральным историографическим событием в изучении наполеоновской Франции явилась книга А. З. Манфреда "Наполеон Бонапарт" (1971). Автор стремился дать более "диалектическое" (сравнительно с

⁶² Кожокин Е. М. Государство и народ: от Фронды до Великой французской революции. М., 1989; Малов В. Н. Ж. Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.

⁶³ Сиволоп И. И. Социальные идеи Вольтера. М., 1973; Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978.

классическим трудом Е. В. Тарле) прочтение личности и деятельности Наполеона как "сына французской революции", выявить его эволюцию от Бонапарта - якобинца в 1793 г. - до императора Наполеона. Капитальное научное исследование, написанное мастером исторического портрета, имело большой успех у широкого читателя. Изучению социальных, политических и идеологических предпосылок бонапартизма посвящены книги Д. М. Туган-Барановского⁶⁴, внешнеполитической истории этого времени - работы В. Г. Сироткина и Е. И. Федосовой.

Масштабы и глубина изучения революции 1830 г. и даже 1848 г. несопоставимы с исследованиями по истории Французской революции конца XVII-XVIII вв. В первое послевоенное десятилетие революция 1848 г. еще привлекала определенное внимание историков, отчасти этому способствовало ее 100-летие. В вышедшем в 1952 г. обширном коллективном труде "Революции 1848-1849 гг." подводился итог публикациям предшествующего времени. Центральное место в издании естественно занимало освещение революции во Франции и Германии. В последующем внимание к теме французского 1848 г. упало.

Одним из существенных сюжетов франковедения являлась социально-экономическая история. Определилось несколько ее аспектов. При изучении периода XVII-XVIII вв. в центре внимания оказался вопрос о развитии капиталистического уклада в сельском хозяйстве и соотношении его с феодальными отношениями. Расхождения исследователей обнаружилось в оценке степени и значимости того и другого и наиболее определенно проявились в работах А. Д. Люблинской и А. В. Адо. Люблинская настаивала на более раннем становлении фермерства и капиталистического уклада (опираясь

⁶⁴ Туган-Барановский Д. М. У истоков бонапартизма. Происхождение режима Наполеона I. Саратов, 1986; он же. Наполеон и власть. Балашов. 1993.

прежде всего, на материалы относящиеся к развитым регионам: Парижскому району и Северной Франции) и не придавала особого значения феодальным структурам⁶⁵. А. В. Адо, отмечая, что в ряде районов Франции определился путь, близкий к английскому варианту капиталистической аграрной эволюции, датирует зарождение элементов капиталистического уклада в деревне более поздним временем, концом XVII - началом XVIII вв. и подчеркивает значимость и цепкость феодальных порядков.

Для изучения аграрной истории XIX в. существенен труд Ю. Г. Трунского⁶⁶. Автор анализирует основные тенденции развития аграрного производства за 100-150 лет, изменения в его структуре, распределение собственности, дифференциацию крестьянства. При этом он использует обработку массовых статистических материалов с помощью современной вычислительной техники. Для аграрной истории представляет интерес подход В. Н. Малова к изучению складывания единого хлебного рынка во Франции XVII-XIX вв. Опираясь на методы корреляционного анализа движения цен (примененные ранее И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым для изучения всероссийского рынка в XIX в.) автор проследил сходный процесс во Франции в первой половине XIX в.⁶⁷

Еще одной важной областью социально-экономической истории является тема промышленного переворота. Пионерская роль здесь принадлежит двухтомной монографии **Ф. В. Потемкина**⁶⁸ (1895-1973) - итогу почти 45-летнего труда ученого. Хотя автор не успел вполне завершить свой труд, но в целом им дана детальная картина промышленной революции от ее начала со времен революции 1789 г. до

завершения в ведущих отраслях к 1870 г. и происшедших социальных сдвигах. В конце 80-х годов к этой теме обратился А. В. Ревякин. Главное в его подходе - отказ от широко принятого признания английской модели промышленного переворота (с такими элементами первоначального накопления как экспроприация крестьянства, образование крупных земельных поместий и т. д.) эталоном и для других стран. Рассматривая промышленный переворот во Франции, автор подчеркивает его особенности, уходившие корнями в аграрную и мануфактурную сферу (устойчивость мелких крестьянских хозяйств и капиталистической мануфактуры и т. д.).

История рабочего и социалистического движения вместе с идеями утопического коммунизма занимала обширное место в историографии этого времени. В сфере интересов были проекты крупнейших утопистов первой половины XIX в. Сен-Симона и Фурье. Последователи Волгина - А. Р. Иоаннисян, И. И. Зильберфарб, Г. С. Кучеренко, провели документированные исследования их идейных принципов на базе французских архивов⁶⁹. На формирование взглядов ряда историков оказали влияние лекции Н. Е. Застенкера, читавшего на протяжении 30 лет курс истории социалистической мысли на историческом факультете МГУ⁷⁰. Он внес свежую струю в изучение утопического коммунизма, подвергнув критике "казарменные" грубо-уравнительные его начала. Итоговыми в этой области являются работы А. Р. Иоаннисяна, посвященные малоизученным страницам истории левого крыла социалистической мысли Франции 40-х годов XIX в.

Развитие парижского пролетариата, судьбы прудонизма и бланкизма в эпоху

⁶⁵ Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVII-XVIII вв. Л., 1978.

⁶⁶ Трунский Ю. Г. Французская деревня в XIX-XX вв. (Тенденции развития). М., 1986.

⁶⁷ "Французский ежегодник. 1979". М., 1981.

⁶⁸ Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. М., 1971. т. 1-2.

⁶⁹ Кучеренко Г. С. Сен-Симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975; Зильберфарб И. И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1989.

⁷⁰ Застенкер Н. Е. Очерки истории социалистической мысли. М., 1985.

Второй империи представлены в монографии Э. А. Желубовской, в которой одновременно рассматривается предыстория Парижской Коммуны⁷¹. Сама Коммуна изучалась в разных аспектах: Коммуна и Интернационал, отношение к Коммуне демократической общественности в ведущих европейских странах, культура в дни Коммуны, биографии видных коммунаров и т.д. (существенный вклад в изучение истории Коммуны внесли А. И. Молок и Н. Н. Молчанов.). Наиболее основательные работы выходили к юбилейным датам - 90-летию, 100-летию, 110-летию Коммуны⁷². Вся эта литература, педантично следует оценкам Маркса, Энгельса, Ленина и иллюстрирует положения о необходимости слома буржуазной государственной машины и первом опыте диктатуры пролетариата. Расширение круга источников и совершенствование методики их изучения находились в противоречии с заданными параметрами исследования. В этих жестких рамках возможности изучения темы были видимо исчерпаны.

В изучении социалистического движения конца XIX - начала XX вв. большая часть исследований посвящена истории Рабочей партии, особенно ее ранней стадии. На основе материалов, хранящихся в ИМЭЛ, изучались деятельность и взгляды Жюль Гада и Поля Лафарга⁷³. Конечно, угол зрения исследования был резко критический, целиком продиктован ленинскими политическими оценками, Жюль Гед характеризовался как оппортунист и реформист. Особым было отношение к Жану Жоресу. В начале Жорес также под-

⁷¹ Желубовская Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.

⁷² Парижская Коммуна 1971 года. М., 1961, т. 1-2; История Парижской Коммуны 1971 года. М., 1971; Парижская Коммуна 1971 года. Время, события, люди. М., 1981. 2-е изд.

⁷³ Белкин Н. Д. Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции. М., 1952; Макаренко Е. М. Поль Лафарг и французское рабочее движение во 2-й половине XIX в. М., 1985.

вергался резкой критике как "реформист". Заслуга в преодолении односторонней оценки принадлежит А. З. Манфреду. В ряде своих работ он обрисовал эволюцию взглядов Жореса и подчеркнул его роль в борьбе против военной опасности в последние десятилетия перед первой мировой войной.

В изучении внешнеполитической истории Франции наибольший интерес исследователей привлекла тема франко-русских отношений. В целом исследованиями охвачены важнейшие периоды их взаимоотношений: Франция и Россия в период революции 1789 г.⁷⁴, дипломатические связи в наполеоновскую эпоху⁷⁵, франко-русские отношения в 20-30-х годах XIX в.⁷⁶, Парижская Коммуна и Россия⁷⁷. Глубоким исследованием франко-русских межгосударственных отношений конца XIX в. является монография А. З. Манфреда "Образование франко-русского союза" (1975). Весьма богата источниковая база исследования (Манфред был одним из первых советских историков, получившим доступ к материалам французского МИДа). В работе рассматриваются геополитические, международные и экономические предпосылки союза двух стран. Красной нитью проходит идея об извечной ценности франко-русского союза, несомненно, навеянная опытом двух мировых войн.

⁷⁴ Штранге М. М. Русское общество и Великая французская революция. М., 1956; Джебджула К. Е. Россия и Великая французская революция конца XVIII в. Киев, 1972; Итенберг Б. С. Россия и Великая французская революция. М., 1988; Великая французская революция и Россия. Под ред. А. В. Адо и В. Г. Сироткина. М., 1989.

⁷⁵ Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1961.

⁷⁶ Орлик О. В. Россия и французская революция 1830 г. 1968; она же. Передовая Россия и революционная Франция в первой половине XIX века. М., 1973.

⁷⁷ Куниский С. Д. Русское общество и Парижская Коммуна. 1962; Итенберг Б. С. Россия и Парижская Коммуна. М., 1971.

В работах о франко-русских отношениях наряду с государственными связями большое место уделено общественным: рассматривается влияние французской революции 1789 г. на общественную мысль России, приводятся материалы об участии русских людей в июльской революции 1830 г., разрабатывается тема франко-русских культурных связей.

После второй мировой войны существенно возросло число работ по новейшей истории Франции и расширилась их тематика. Главное внимание уделялось теперь войне и послевоенному периоду: движению Сопротивления, проблемам экономического развития страны, истории Четвертой и Пятой республик, новым социальным коллизиям. Деятельность историков 40-х - начала 50-х годов проходила в особенно неблагоприятных условиях и на их работах лежит сильный отпечаток догматизма и политизации. Историки, вернувшись, по существу, к представлениям 20-х - начала 30-х годов стали называть социалистов "социал-предателями", "прислужниками американских империалистов". Во многих работах провозглашалось, что в годы Четвертой республики, утвердившейся после войны, происходила "фашизация страны", а к фашистам относились все правые партии. В особенно одиозной книге Н. И. Годунова заявлялось, что деятельность деголлецев во время второй мировой войны была по существу направлена против национально-освободительного движения во Франции, а часть из них находилась на службе германской разведки⁷⁸.

Общее оживление общественно-научной жизни, наступившее с середины 50-х гг., благотворно сказалось и на изучении новейшей истории Франции. Созданные в конце 50-х и в 60-е годы новые научно-исследовательские центры: ИМЭМО, а затем ИМРД начали, планомерные исследования современного эконо-

номического и политического положения стран Запада, в том числе Франции. Благодаря новым органам научной периодики улучшились возможности публикаций по новейшей истории Франции. После длительного перерыва возобновились командировки историков во Францию для работы в архивах и библиотеках. В работах 60-х - 80-х годов были исправлены некоторые ошибочные оценки прошлого, в частности, деятельности социалистов и голлистов, дана более реалистическая картина экономического и политического развития Франции. Заметным явлением стало завершение сводного труда "История Франции", третий том которого посвящен новейшей истории. В 1979 г. было издано учебное пособие "Новейшая история Франции", написанная профессором МГУ В. П. Смирновым.

В центре внимания исследователей оказались проблемы развития монополистического капитализма, научно-технической революции, изменения социальной структуры, политики реформизма, а затем вопросы избирательного поведения и социальной психологии. Их разработкой занимались не только историки, но и экономисты, социологи и политологи. Еще в 60-х годах в трудах, прежде всего, сотрудников ИМЭМО начался пересмотр прежней концепции современного французского капитализма. Было признано, что французский монополистический капитализм утратил свой прежний ростовщический характер, обуславливавший устарелость и неразвитость промышленной базы страны. В 60-х годах была предпринята попытка преодолеть эти слабости на путях всесторонней трансформации экономики, в 70-х годах была сделана ставка на осуществление иного типа структуры преобразований - преимущественное развитие ограниченного числа отраслей экономики, наиболее связанных с научно-техническим прогрессом⁷⁹. Другим важным заключени-

ем исследователей было признание возросшей роли государства в экономической и социальной жизни Франции послевоенного времени. Отдельные звенья механизма реформистского государственного вмешательства, были также подвергнуты анализу⁸⁰.

Изучение экономического развития подкреплялось исследованием классов французского общества. Весьма детально анализу подверглась структура рабочего класса (прежде всего, появление новых слоев рабочих, увеличение доли квалифицированных рабочих и техников), психология рабочих на предприятиях и в быту (в зависимости от уровня образования, профессиональной квалификации, участия в профсоюзах и т. д.). Первым многие из этих проблем поднял Г. Г. Диллигенский в книге "Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса" (1969). В центре исследования А. М. Салмина "Промышленные рабочие Франции. К изучению сдвигов в политическом поведении различных слоев рабочих, зависимость их политической культуры от множества факторов (воздействия католической субкультуры, масскультуры и т. д.).

Исследованию структуры, психологии и методов господства французской буржуазии посвящена монография И. М. Бунина⁸¹. Автор обращает внимание на условие структуры современной буржуазии. М., 1963; Современный монополистический капитализм. Франция. М., 1982.

⁸⁰ См. Кузнецов В. И. Механизм государственно-монополистического регулирования французской экономики. М., 1979; Осипов Ю. М. Государственное программирование капиталистической экономики (на примере Франции). М., 1979; Фадеева Т. М. Стратегия буржуазного реформизма в современной Франции. М., 1975.

⁸¹ Бунин И. М. Буржуазия в современном французском обществе. Структура, психология, политические позиции. М., 1978.

жуазии: слабеют позиции традиционных буржуазных династий и на смену семейной собственности приходят новые формы собственности (акционерная и государственная), расширяется влияние технократических и менеджерских фракций. Усложняется взаимодействие государства и буржуазии - государство, более чутко реагируя на возникающие проблемы, при разработке социально-политического курса нередко опережает влиятельные группы буржуазии.

В уже упомянутой монографии Ю. Г. Трунского выдвигается и не бесспорное утверждение, что важнейшим процессом современной деревни является концентрация производства и дифференциация крестьянства, усилившиеся с техническим переворотом и интеграцией Франции в западноевропейское сельское хозяйство.

Более точная оценка современных экономических процессов способствовала созданию концептуального каркаса для осмысления социально-политического развития послевоенной Франции. В работе М. М. Наринского⁸², посвященной истории Четвертой республики (1944-1958 гг.), автор, отбросив бытовавшие в историографии прежние оценки об экономическом застое в стране, рассматривал первое послевоенное десятилетие как время важных перемен: превращение Франции в развитую индустриальную державу и создание новых социальных структур. В этом же ракурсе рассматривается социально-политическое развитие Пятой республики в книгах Э. А. Арсеньева и В. В. Люблинского⁸³.

Под новым углом зрения освещается и история межвоенной Франции. Привлекла внимание работа известного специалиста по проблемам современной Франции Ю.

⁸² Наринский М. М. Борьба классов и партий во Франции (1944-1958). М., 1983.

⁸³ Арсеньев Э. А. Франция: проблемы и политика. Очерк социально-экономической жизни. М., 1978; Люблинский В. В. Социально-экономические проблемы классовой борьбы во Франции. 1968-1981. М., 1986.

⁷⁸ Годунов Н. И. Борьба французского народа против гитлеровских оккупантов и их пособников. М., 1953.

⁷⁹ Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны. М., 1963; Фран-

И. Рубинского "Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919-1939)" (1973). Автор, стремясь выявить корни поражения Франции в 1940 г., приходит к выводу, что главные причины трагедии лежали в социальных противоречиях, раскалывавших французское общество на протяжении всего периода после первой мировой войны.

Естественно, большое внимание у исследователей вызвали крупнейшие политические кризисы, национальные и социальные движения среди которых: Народный фронт 30-х годов, движение Сопротивления в годы второй мировой войны, леворадикальные движения, приведшие к социальному взрыву мая 1968 г.

Литература по истории Народного фронта обширна, но долгое время изучались лишь отдельные аспекты событий. В исследованиях Ю. В. Егорова и Е. А. Кравченко⁸⁴ была предпринята успешная попытка дать целостную картину истории Народного фронта на всем его протяжении и в масштабе всей страны. В центре исследований - борьба между партиями, входившими в Народный фронт: коммунистами, социалистами и радикалами. Основной ракурс анализа - стремление выявить исторический опыт борьбы левых сил для современной стратегии коммунистического движения.

Ключевой работой в изучении одной из героических страниц истории Франции является монография В. П. Смирнова "Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны" (1974). В исследовании, основанном на широком круге источников (в том числе архив военной контрразведки правительства Виши, личные архивы деятелей Сопротивления) решаются проблемы характера и этапов движения, социального состава и структуры группировок Сопротивления. Автор показывает Сопротивление как общена-

⁸⁴ Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции. Л., 1972; Кравченко Е. А. Народный фронт во Франции. М., 1972.

родное движение, вобравшее в себя национально-освободительные, антифашистские и антимонополистические устремления.

В мае-июне 1968 г. Францию всколыхнули социальные конфликты: баррикады студентов на улицах Парижа, массовые демонстрации трудящихся и крупнейшая в истории страны всеобщая стачка. Историки неоднократно обращались к событиям 1968 г., оценивая их как борьбу против монополий, движение за социальную справедливость⁸⁵.

Существенным вкладом в изучении этой темы является исследование С. Г. Айвазовой "Левый радикализм в идейно-политической жизни Франции, 1958-1981" (1986). Работа посвящена деятельности леворадикальных групп, прежде всего их идеологии, впитавшей в себя значительные элементы антибуржуазной критики. Автор выходит на широкий круг проблем, связанных с характером социально-экономических перемен во Франции и отчуждения ряда традиционных социальных слоев интеллигенции.

Немало работ посвящено истории французской компартии. Рассматриваемые проблемы представляют интерес и выполнены они нередко на достаточно профессиональном уровне, но крайняя идеологизация приводит к апологии компартии: деятельность ее рисуется как безошибочная, подчас преувеличивается влияние в массах. Из работ, относящихся к первым годам деятельности Французской Коммунистической партии, отметим хорошо документированные исследования З. В. Чернухи и Л. М. Зак⁸⁶.

⁸⁵ Трудовая Франция против монополий. Майско-июньские события 1968 г. и дальнейшее развитие классовой борьбы. М., 1973; Семенов А. Л. Левое студенческое движение во Франции (1956-1968), М., 1975.

⁸⁶ Чернуха З. В. Становление Французской коммунистической партии. М., 1976; Зак Л. М. Они представляли народ Франции. К истории французских интернационалистов. 1918-1920 гг. М., 1977.

В сфере интересов исследователей находятся также и другие партии. Изданы монографии по истории Социалистической партии, Республиканской, радикалов и радикал-социалистов; подход к ним зачастую носит резко критический характер. Усилилось внимание к голлизму - одному из влиятельных течений последних десятилетий. Работа Н. Н. Молчанова "Генерал де Голль" (1972) - первая в отечественной историографии биография де Голля, в которой он рассмотрен как выдающийся государственный деятель Франции. Новые штрихи к портрету де Голля, особенно в части его отношения к Советскому Союзу, добавляет работа В. И. Антюхиной-Московченко⁸⁷. Большое внимание в историографии этого времени уделялось проблеме распада французской колониальной империи. Известность получила серия работ П. П. Черкасова⁸⁸, в которой прослежены основные кризисные моменты распада и влияние колониальных войн на внутреннее положение Франции. Автор рассматривает методы так называемого неокolonизма, позволившие Франции сохранить прочные позиции во многих развивающихся странах.

В конце 80-х - начале 90-х во французском историческом сообществе началось переосмысление ряда устоявшихся выводов и стереотипов. Оно связано как с накоплением новых знаний, которые не укладывались в установленные каноны, так и с новыми общественными импульсами, идущими от пересмотра исторического опыта отечественной истории. Пожалуй, ранее всего она коснулась такой темы как Великая французская революция. Пионерами здесь стали ученые МГУ, авторы известной серии публикаций "Великая француз-

⁸⁷ Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль и Советский Союз. М., 1990.

⁸⁸ Черкасов П. П. Франция и Индокитай. 1945-1975. М., 1976; он же, Агония империи. М., 1979; он же, Распад колониальной империи Франции. Кризис колониальной политики в 1939-1985 гг. М., 1985.

ская революция. Документы и исследования". Многие десятилетия французскую революцию изучали, по выражению руководителя этого издания А. В. Адо, почти исключительно "снизу" и "слева". В новых исследованиях была предпринята смелая попытка дать комплексную картину состояния и борьбы основных классов французского общества, участников грандиозной битвы. Традиционная тематика значительно потеснена, в то же время исследователи стремятся учесть новые научные подходы, под новым углом зрения осмысливают прежнюю проблематику.

Серия открывается вторым изданием труда А. В. Адо "Крестьяне и Великая французская революция" (1987). Оно было не просто переизданием прежнего исследования, помимо использования новых архивных материалов, автор в свете новых научных данных уточнил ряд прежних своих положений. Так, он скорректировал свой прежний взгляд на дореволюционное развитие капиталистического уклада во французской деревне, отнес его складывание к более раннему периоду (к XVII в.), что вело к выводу - к началу революции старые феодальные порядки в определенной мере были ослаблены. Адо по-прежнему считал крестьянство радикальной движущей силой революции, однако, он уточнил, что положение об автономном характере крестьянского движения, против которого он выступал ранее, имеет реальную основу.

Книга Е. М. Кожокина⁸⁹ - историко-социологическое исследование судьбы рабочих Франции, важным этапом которой стала революция. Автор стремится показать, как происходила ломка корпоративных понятий и формирование нового общественного сознания рабочего класса.

Началось изучение и верхов общества - буржуазии и дворянства. В серии опубли-

⁸⁹ Кожокин Е. М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985.

ликована коллективная монография⁹⁰, посвященная изучению социального облика и генезису сознания буржуазии. К совершенно новой для отечественной историографии теме относится исследование Л. А. Пименовой "Дворянство накануне Великой французской революции" (1986). Автор, применяя современные методы количественных подсчетов и приемы лингвистического анализа, рассматривает дворянство как устойчивую и вместе с тем сложную и противоречивую социально-классовую структуру. С одной стороны, второе сословие отстаивало свои привилегии, с другой, обуржуазившаяся часть дворян уже приобщилась к идеям и культуре Просвещения.

Завершает серию книга В. П. Смирнова и В. С. Посконина с необычным ракурсом исследования - "Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789-1989" (1991). Авторы показывают как изменялось понимание традиций в восприятии сменяющихся поколений французов и политических сил Франции на протяжении двух столетий. Книга содержит интереснейший материал о символах революции (флаг, гимн, праздники и т.д.).

В 90-х годах наместились признаки "сверхрадикального" поворота в оценке революции (не без влияния "ревизионистской" школы французского историка Ф. Фюре). Правда, исследований пока не вышло, но в отдельных статьях и выступлениях прежняя трактовка революции объявляется "якобиноцентристской". Осуждается не только якобинцы и террор, но ставится под вопрос ценность самой революции, а социальные утопии, порожденные ею, характеризуются как ведущие к диктатуре⁹¹.

⁹⁰ Гусейнов Э. А., Кожокин Е. М., Ревякин А. В., Туган-Барановский Д. М. Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989.

⁹¹ Чудинов А. В. Вступительная статья к книге "Жорж Кутон. Избранные произведения. 1793-1794". М., 1994; "Круглый стол". Якобинство в исторических итогах Великой французской

В области новейшей истории перемены особенно зримо обозначились в изучении современной политической истории. Призошел существенный сдвиг в исследовательских приоритетах, если раньше в центре внимания была компартия, то теперь на первом плане партия правого толка – голлисты. Очень авторитетно в этой области исследование Г. Н. Новикова "Голлизм после де Голля. Идейная и социально-политическая эволюция. 1961-1981" (1984). Начиная историю голлистского движения с дней Соппротивления, автор анализирует социальную базу и идейные истоки голлизма. Голлизм характеризуется как национально-патриотическое движение, соединившееся с защитой буржуазией своих классовых интересов. В ходе развития голлисты выработали также ряд гибких реформистских принципов. Отдельные стороны этой большой темы получили удачное развитие в работах М. Ц. Арзаканян "Голлисты на пути к власти" (1990), Н. Н. Наумовой "Голлизм в оппозиции" (1991).

Привлекает внимание и история других партий - республиканской и социалистической⁹².

Заметным моментом развития российской историографии в 80-90-е годы стало возросшее внимание к современному развитию исторической науки во Франции, прежде всего, к направлению "новой исторической науки".

Состояние и проблемы германистики. История Германии в первый период нового времени изучена в отечественной науке лишь выборочно. Практически вне поля зрения остался XVII век, нет значительных работ и по эпохе просвещенного абсолютизма XVIII века. Единственным крупным произведением остается обоб-

революции // "Новая и новейшая история" 1996, № 5, с. 75-99.

⁹² Чернега В. Н. Буржуазные партии в политической системе Франции. Третья – Пятая республика. М., 1987; Костриков С. П. Объединенная Социалистическая партия в 70-е годы. Внутривнутрипартийные течения. М., 1989.

щающая книга А. Д. Эпштейна "История Германии от позднего средневековья до революции 1848 года" (М., 1961). Там подчеркнута своеобразность исторического развития Германии, связанное с четырьмя основными проблемами - сущность первоначального накопления в Германии, специфика процесса классового образования буржуазии, особое социальное содержание ранней немецкой революции XVI века и неустойчивость позиции немецкого бюргерства. Германия, по мнению автора, стала колыбелью зародышевых форм капиталистического производства, но после поражения раннебуржуазной революции процесс первоначального накопления оказался насильственно прерванным. Дальнейшее капиталистическое развитие происходило скрыто, под покровом окостеневших форм раннего капитализма. Поэтому, развитие Германии шло замедленным эволюционным путем. Консервацию производства в Германии на стадии рассеянной капиталистической мануфактуры и надомного труда еще ранее показал С. Б. Кан на примере силезских текстильных промыслов⁹³. Он подчеркнул, что в Германии быстрый экономический подъем второй половины XIX века был подготовлен длительной стадией мануфактурного производства, а потому нельзя считать, что промышленность предреволюционной Германии оставалась чисто ремесленной и средневековой.

Во втором периоде новой истории внимание исследователей привлекали две проблемы - немецкое рабочее и социалистическое движение и внешняя политика кайзеровской империи. Прочие сюжеты затрагивались лишь попутно.

Наибольшее количество работ создано по рабочему движению начала XX века⁹⁴.

⁹³ Кан С. Б. Два восстания силезских ткачей (1793-1844). М., 1948.

⁹⁴ Козюченко В. А. Германский социализм и центризм в годы первой мировой войны (август 1914-июль 1917 г.). М., 1948; Айзин Б. А. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века. М., 1954; он же - Ре-

К их достоинствам относится большой и ценный фактический материал, в совокупности дающий детальную картину положения немецкого пролетариата и политического курса германской социал-демократии. Однако, исключительно негативная и односторонняя оценка, даваемая всеми авторами взглядам Э. Бернштейна, К. Каутского, подъему реформизма вообще⁹⁵, нежелание разглядеть какое бы то ни было рациональное и здоровое ядро столь сложного явления как центризм не только обедняли общую панораму, но и приводили к искаженным выводам. Разведение реформистских лидеров социал-демократии и ортодоксальных марксистов, критика левых сил за то, что они не сумели, по примеру большевиков, "до конца разделаться с реформизмом и центризмом", этой "оппортунистической агентурой" реакции в рабочем движении, абсолютная нетерпимость к любым отклонениям от буквы марксизма - характерные черты этих работ. Так, объявив взгляды Бернштейна "реакцией империализма в области идеологии", Н. Е. Овчаренко подчеркнул вредность и несостоятельность идеи парламентарной демократии для рабочего движения, которая де "духовно развращала" немецкий пролетариат⁹⁶. Автор напрочь отгнул, поскольку не мог трактовать иначе, правомерное суждение Бернштейна о том, что как учение о будущем, которого еще нет, научный со-

волюционная германская социал-демократия против империализма и войны (1907-1914 гг.). М., 1974; Головачев Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы первой мировой войны (август 1914-октябрь 1918 г.). М., 1960.

⁹⁵ В последние годы попытка серьезного переосмысления идей Бернштейна и Каутского, выделение рационального ядра их взглядов предпринята в книгах Е. Л. Петренко "Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна" (М., 1990) и "Карл Каутский: очерк социалистических воззрений" (М., 1991).

⁹⁶ Овчаренко Н. Е. В борьбе за революционный марксизм. М., 1967, с. 313-354.

циализм лишен строго научных доказательств и несет в себе черты идеализма⁹⁷.

В работах, посвященных внешней политике кайзеровской империи, заметно определенное преувеличение степени ее агрессивности, что обосновывалось ленинской теорией империализма, согласно которой Германия неизбежно должна была развязать войну за передел мира. Началось это преувеличение еще с первой крупной монографии по данной проблеме - книги А. С. Ерусалимского, тщательного (хотя автор не использовал немецкие неопубликованные архивные документы) исследования германской внешней политики в последние годы XIX века⁹⁸. В богатейшей мозаике отдельных и противоречивых событий автор разглядел неожиданные переплетения континентальных и колониалистских линий немецкого внешнеполитического курса, руководители которого зачастую не предвидели совершенно неожиданных последствий такой политики и увязали в паутине созданных ими же самими, но затем вышедших из-под их контроля, обстоятельств. Было ли это результатом только объективного хода истории, или же объяснялось в какой-то мере неадекватностью имперского руководства и отсутствием такого выдающегося мастера дипломатии, каким являлся Бисмарк?

Решить эту проблему А. С. Ерусалимский попытался в последней, оставшейся незаконченной книге о Бисмарке⁹⁹. В ней выявлены зародыши мировой политики Германии в недрах еще европейского, остававшегося в целом континентальным, внешнего курса канцлера. Осветив взаимоотношения Бисмарка и одного из руководителей генштаба Вальдерзее, автор

затронул проблему возрастания роли милитаризма во всей системе рейха и показал, что хотя Бисмарк всегда опирался на учет реальной расстановки сил в Европе и противодействовал воинственному пылу "полубогов" из генерального штаба, его политика, основанная на перманентном использовании военных угроз, не могла не привести к переходу инициативы в руки военщины. Вместе с тем автор был весьма далек от того, чтобы рассматривать германский милитаризм лишь в национальном ракурсе, вне прямой связи с питавшей его общеевропейской реакцией.

По-новому осмыслить роль и место Бисмарка в немецкой и европейской истории попытался В. В. Чубинский в первой в нашей науке его политической биографии¹⁰⁰. Особо выделив изолированность Бисмарка и бонапартистский характер его режима, автор слишком односторонне и категорично подчеркнул консерватизм и контрреволюционность своего героя. Однако не следует забывать, что до создания единой Германии, осуществленного насильственно-радикальным способом, Бисмарк вовсе не был приверженцем прусского консерватизма, а, наоборот, находился с ним в остром конфликте и даже не боялся идти на союз с революционными силами (лассальянством) и демократические реформы наподобие введения всеобщего избирательного права. В книге же, из двух Бисмарков - "прусского революционера сверху", по словам Ф. Энгельса¹⁰¹, и юнкерского реакционера и консерватора - по сути, явно доминирует только второй.

Отечественная литература о Бисмарке посвящена в основном его внешней политике. Что касается политики внутренней, то она осталась практически неисследованной. Лишь в 1992 г. появилась книга С. В. Оболенской, где показана внутренняя политика Бисмарка, его поворот в 1877-1879 гг. от опоры на либералов к автори-

тарно-консервативному курсу, имевшему тяжелые последствия для империи¹⁰².

Экспансионистские устремления Германии на Ближнем Востоке в конце XIX - начале XX века показаны в обобщающих работах А. С. Силина¹⁰³. На примере военной миссии фон дер Гольца автор подробно раскрыл проникновение Германии в Османскую империю сначала в форме военного сотрудничества и поставок оружия, затем - железнодорожного строительства, ставшего одним из важнейших начинаний немецкой тяжелой промышленности. Накануне войны, как подчеркнул автор, резко возросло военнополитическое давление Германии на Турцию, ставшую ареной деятельности многих немецких финансовых и промышленных групп. Отметив, что британский и французский капитал имели в Турции более сильные позиции, чем немецкий, Силин показал, что это компенсировалось для Германии ее определяющим влиянием на турецкую армию и правящую верхушку во главе с султаном.

Германская экспансия в Юго-Восточной Европе освещена в книгах Б. М. Туполева¹⁰⁴. Ее основой служил вывоз промышленного и ссудного капитала, прежде всего, в Австро-Венгрию и Румынию, попавших в явную финансово-экономическую зависимость от кайзеровской империи. Однако, в Румынии, поглотившей около половины немецких инвестиций на Балканах, существовали, по заключению автора, и растущие антигерманские тенденции. Расширив сферу ис-

следований на регионы Восточной Африки и Индийского океана, Туполев отметил, что в немецкой экспансии сложились два направления - прямо аннексионистское, объединившее юнкерство и магнатов рейнско-вестфальской тяжелой индустрии, и экономическое, предпочитавшее мирные методы экспансии и представленное крупными банками, химическими и электротехническими компаниями. Использование отечественных и немецких архивов позволило автору дать обстоятельную картину экономических аспектов германской экспансии. Но вне поля его зрения осталась позиция политических партий империи, их отношение к колониальным вопросам. Автор лишь коротко отметил сугубую реакционность бюловского блока 1907 г., не учитывая, что это была попытка проведения комбинированной консервативно-либеральной политики в интересах осуществления ряда социально-политических реформ. Такую направленность блока ранее аргументированно показал А. Б. Цфасман¹⁰⁵.

Ноябрьская революция и первые годы существования Веймарской республики еще с 20-х гг. стали одним из наиболее разрабатываемых в советской науке сюжетов. В середине 50-х гг. обнаружилось, что в оценке характера германской революции единого мнения среди историков не существует. Часть ученых выразила сомнение в непререкаемом прежде тезисе "Краткого курса истории ВКП(б)" о революции как буржуазной по характеру и указала на демократическую ее тенденцию. Широкая дискуссия, проведенная в 1956-1958 гг., закончилась тем, что большинство участников согласились, что германская революция - это революция буржуазно-демократическая, проведенная, в известной степени, пролетарскими средствами и методами. Наиболее обстоятельно обосновано это было в работах Я. С. Драбкина, создавшего впервые целостную панораму

⁹⁷ Овчаренко Н. Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М., 1975, с. 258.

⁹⁸ Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1948 (2-е изд., доп. М., 1951).

⁹⁹ Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.

¹⁰⁰ Чубинский В. В. Бисмарк. Политическая биография. СПб., 1997.

¹⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 448-449.

¹⁰² Оболенская С. В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992.

¹⁰³ Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971; он же - Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908-1914). М., 1976.

¹⁰⁴ Туполев Б. М. Экспансия германского империализма в юго-восточной Европе в конце XIX-начале XX в. М., 1970; он же - Германский империализм в борьбе за "место под солнцем". М., 1991.

¹⁰⁵ Цфасман А. Б. Буржуазные партии и рабочее движение в Германии (1900 - 1914). Челябинск, 1975.

революции от ее предпосылок до Баварской Советской республики¹⁰⁶. Однако сама революция в соответствии с укоренившейся традицией считалась законченной в январе 1919 г., когда кардинальный ее вопрос - власть Советам или Учредительному Национальному собранию - был решен в пользу последнего. Лишь в ходе дальнейших исследований, в частности в новой книге Драбкина¹⁰⁷ было подчеркнуто, что события весны - лета 1919 г. также составляют, хотя и особую, но неотъемлемую часть общего хода революции. Проследив основные вехи от подготовки конституции и первых шагов Национального собрания до принятия конституции, автор пришел к выводу, что в самом фундаменте новорожденной республики имелись глубокие трещины. Хотя это была самая демократичная для того времени политическая система, ее слабость заключалась в том, что реальные рычаги власти оказались в руках не народа, как декларировала это конституция, а глубоко враждебных демократии политических и экономических слоев общества.

Крупнейшим потрясением начального этапа Веймарской республики стал кризис 1923 г., исследованный в монографиях Д. С. Давидовича и М. И. Орловой¹⁰⁸. В первой основное внимание уделено восстанию в Гамбурге, во второй - проблема кризиса рассмотрена в более широком контексте политики компартии Германии того периода. Авторы возложили ответственность за поражение компартии осенью 1923 г. в основном на реформизм лидеров СДПГ, хотя (особенно М. И. Орлова) не отрицали весьма значительных ошибок руководства КПГ, стремившегося по ре-

шению Коминтерна достичь власти путем "революционного скачка". Но ошибки компартии ставились на задний план, в них не усматривалась главная причина поражения. Авторы напрочь отвергли тезис об инспирировании гамбургского восстания из Москвы, где не учитывали расстановки сил в Германии и, по сути, решениями ИККИ в августе того года обязали КПГ начать в стране коммунистическую революцию, вылившуюся на деле в путч, который, по убедительным данным историков ФРГ, не поддержали даже пролетарские массы Гамбурга. Это было еще одним доказательством явного расхождения между концепцией мировой революции и реалиями исторического процесса.

Однако, до недавнего времени правдивый объективный анализ политики КПГ был в нашей литературе практически невозможен. Так, в содержательной и богатой материалом книге Л. И. Гинцберга¹⁰⁹ курс компартии в 1929-1933 гг. подавался в явно приукрашенном виде, что позднее признал и сам автор¹¹⁰. Хотя он привел ряд примеров тяжелых ошибок и упущений в политике КПГ, все они должны были непременно компенсироваться подчеркиванием ее выдающихся достижений, героизма в защите интересов народных масс. Главная ответственность за приход Гитлера к власти возлагалась, кроме, естественно, монополистического капитала, на руководство СДПГ, вина же коммунистов отходила далеко на задний план, в итоге чего историческая картина оказывалась существенно деформированной.

Что касается собственно национал-социализма, то в ряде работ нашли отра-

жение его различные аспекты¹¹¹. Наиболее фундаментальным исследованием остается книга А. А. Галкина "Германский фашизм" (М., 1967; Изд. 2-е, доп. - 1989), представляющая историко-социологический анализ проблем генезиса, социологии, экономики, политики и идеологии фашизма. Однако автор недооценил относительную автономию германского национал-социализма, трактуя его, прежде всего, как детище капиталистического строя XX века и считая, что нельзя его интерпретировать как выражение вневременного патологического проявления иррациональности в человеческой психологии. С этим связано и то, что Галкин уделил значительно меньше места идеологии национал-социализма, чем социально-экономическим и политическим аспектам его истории.

Большое число произведений, хотя скорее публицистических, создано по истории двух германских государств послевоенного времени. При этом работы по истории ГДР написаны в явно апологетическом стиле, наиболее отчетливо проступившем в обобщающей "Истории Германской Демократической Республики" (М., 1979), все идеи которой сводились к доказательству "превосходства социалистической системы хозяйства над капиталистической". Поэтому, почти вся литература по истории ГДР является не столько строго научной, сколько политико-пропагандистской, рисующей искаженную уже из-за неполноты или недоступности всех статистических данных, тогда засекреченных, картину развития этого государства.

Более разнообразной предстает литература по истории ФРГ, хотя и в ней нет недостатка в работах подчеркнуто разоблачительского характера, нашедшего

отражение в самих названиях¹¹². Но в целом научный уровень в этом случае заметно выше, чем у литературы по истории ГДР. Более всего исследованы вопросы рабочего движения и внешней политики ФРГ¹¹³. Можно особо выделить книгу В. П. Иерусалимского, где дана не традиционная проблематика организованного рабочего движения, а социально-психологический портрет рабочих Федеративной республики¹¹⁴. Портрет этот не идеализирован, объекту исследования не приписываются желаемые качества. Автор по-новому трактует известную идею "социального партнерства", которая обычно изображалась как сплошь соглашательская установка. Иерусалимский, наоборот, подчеркнул неоднозначность этого явления, в котором объединены представления как о гармонии, так и о конфликте различных социальных интересов. Любопытен собранный в книге материал о социальной базе и электорате политических партий ФРГ, о механизме взаимодействия партийных аппаратов с массой рядовых членов, о различных типах политического сознания рабочих.

Оценивая состояние германистики в целом, следует констатировать ряд накопившихся проблем. За последние годы не было фундаментальных научных исследо-

¹⁰⁶ Драбкин Я. С. Революция 1918-1919 гг. в Германии: Краткий очерк М., 1958; он же - Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

¹⁰⁷ Драбкин Я. С. Становление Веймарской республики. М., 1978.

¹⁰⁸ Давидович Д. С. Революционный кризис 1923 г. в Германии и Гамбургское восстание. М., 1963; Орлова М. И. Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика коммунистической партии. М., 1973.

¹⁰⁹ Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972.

¹¹⁰ Гинцберг Л. И. Сталин и КПГ в преддверии гитлеровской диктатуры (1929-1933 гг.) - Новая и новейшая история, 1990, № 6, с. 21; он же - Накануне прихода фашизма к власти в Германии. Новые данные о позиции КПГ. - Там же, 1996, №1.

¹¹¹ Ушаков В. Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961; Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма (1933-1939 гг.) М., 1964; Мельников Д. Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1965.

¹¹² См.: напр.: Наумов П. Бонн - сила и бессилие. М., 1967; Шуйский В. С. Политика без будущего. М., 1967; Ежов В. Д. Классовые бои на Рейне. М., 1973; Милюкова В. И. Дипломатия реванша. М., 1968; Залетный А. Ф. Милитаризация ФРГ. М., 1969.

¹¹³ Сальковский О. В. Социальная политика буржуазии и пролетариат. М., 1969; Восленский М. С. Внешняя политика и партии ФРГ. М., 1960; он же - "Восточная" политика ФРГ (1949-1965). М., 1967; Кремер И. С. "ФРГ: внутриполитическая борьба и внешняя ориентация. М., 1977; Орлов Б. С. СДПГ: идеологическая борьба вокруг программных установок. М., 1980; Сокольский С. Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983.

¹¹⁴ Иерусалимский В. П. Рабочий класс ФРГ. Психология, сознание, сознательность. М., 1986.

ваний истории Германии нового времени, которая почти полностью заброшена. Новейшие проблемы в основном освещаются в политической публицистике и популярной литературе, проигнорирован богатейший позитивный опыт исторической науки ФРГ, постановка и успешное решение ею крупных проблем немецкой истории. Неисследованными остаются пока ключевые моменты истории Германии - эпоха Тридцатилетней войны, революция 1848-1849 гг., промышленный переворот и формирование буржуазии и пролетариата, революция сверху и эпоха Бисмарка, проблемы немецкого консерватизма и либерализма, идеология национал-социализма, проблема раскола Германии, кризисы и противоречия в развитии ГДР, исторические связи России и Германии, вызывающие сейчас повышенный интерес.

Исследования по истории Италии. До начала 60-х гг. по истории Италии нового времени не было опубликовано ни одной крупной монографии, хотя в ряде статей освещались узловые проблемы истории этой страны. В 1957 г. в Институте истории была создана группа по изучению истории Италии, первым результатом работы которой стал сборник "Из истории трудящихся масс Италии" (М., 1959). Свою роль сыграл и выход в свет русского трехтомного издания трудов видного итальянского марксиста, мыслителя и революционера Антонио Грамши¹¹⁵. Интенсивная работа по изучению его наследия в отечественной итальянистике нашла отражение в появлении крупной монографии, написанной И. В. Григорьевой¹¹⁶. Там обстоятельно прослежено становление и развитие исторических воззрений Грамши с его оригинальным постижением соотношения свободы и необходимости, практики и теории. Особое внимание обратила автор на то, что исторический материализм представлял для Грамши не

только методологию, но и философию истории. Творчески интерпретируя марксизм, Грамши разработал проблему гегемонии, приложив это понятие к политике и стратегии борющихся за власть классов и к теории государства. Важным было проведенное Грамши разделение между господством, основанном на принуждении, и гегемонией, предполагающей согласие со стороны ведомых классов добровольно предоставить роль ведущего какому-либо одному слою. Таким образом, в широком смысле государство - это не просто орган классового господства, а "диктатура плюс гегемония", причем элементы последней могут применяться определенным классом и в отношении своего антагониста. На основе глубокого сравнительного анализа европейской истории Грамши сделал вывод о том, что в высокоразвитой культурной Европе фронтальная атака пролетариата по российскому образцу невозможна, вместо нее происходит затяжная "позиционная война" труда против капитала.

Аграрные проблемы итальянской истории XVIII века нашли подробное изложение в книге В. С. Бондарчука, оставшейся пока единственным крупным исследованием этого сюжета¹¹⁷. Он собрал богатый материал, показывающий значительный подъем сельскохозяйственного производства в Италии, расширение его связей с европейским рынком, возросшее проникновение буржуазных отношений в деревню. Изображено, как происходило вытеснение с земли крестьян-испольщиков крупными арендаторами дворянских и церковных владений, которые устраивали более выгодное для них хозяйство с использованием труда наемных батраков и поденщиков. Таким образом, в Пьемонте во второй половине XVIII века в сельском хозяйстве капиталистический уклад пустил глубокие корни.

В другой его работе "Неаполитанская революция 1647-1648 гг." (М., 1994) дана яркая картина различных форм массовых выступлений, особенности поведения и психологии их участников, интересно поставлена проблема толпы и лидера. На примере далекого и локального исторического события автор показал, как абсолютное игнорирование права массы простого народа на человеческое существование приводит к социальному взрыву с его кровавыми и жестокими эксцессами, что остается весьма поучительным.

Революционные движения первой половины XIX века освещены в работах М. И. Ковальской, проследившей формирование и эволюцию двух основных течений Рисорджименто - демократического и либерального¹¹⁸. В качестве промежуточного звена, одновременно связавшего и разделившего качественно разные этапы Рисорджименто, Ковальская выделила революцию 1831 г. как завершение карбонарского периода итальянского освободительного движения и переходную ступень от деятельности тайных организаций к массовым демократическим выступлениям за объединение страны. Одновременно происходило превращение либерализма из чисто идеологического течения в широкое и влиятельное политическое движение, ставшее одним из ведущих в антифеодальном лагере в первой половине 40-х гг. Правда, автор не уделила достаточно внимания проблеме соотношения либерального и демократического течений с широкими антифеодальными выступлениями крестьянства и городских низов, настроенных более радикально. Однако это не умаляет больших заслуг национального демократического направления во главе с Мадзини, биографию которого написала К. Э. Кирова¹¹⁹.

¹¹⁸ Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии. М., 1971; она же - Италия в борьбе за национальную независимость и единство. М., 1981.

¹¹⁹ Кирова К. Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805-1872). М., 1981.

Она, а также К. Ф. Мизиано и З. П. Яхимович, проанализировали итальянское революционное и рабочее движение в конце XIX - начале XX века¹²⁰. В книге Мизиано дается новый материал, извлеченный автором из архивов Москвы, Рима, Болоньи, из архива итальянских газет и журналов различных политических направлений. Рассмотрена специфика итальянского рабочего движения, его достижения и слабые стороны, подчеркнута широкое распространение в Италии марксизма как среди демократической интеллигенции, так и рабочих, хотя степень его влияния, пожалуй, несколько преувеличена, что характерно и для других работ об итальянском пролетариате.

Несколько исследований посвящено внешней политике Италии на рубеже XIX - XX вв.¹²¹ Среди них широтой охвата событий и большим фактическим материалом выделяется книга О. В. Серовой¹²², где тщательно проанализированы колебания и зигзаги внешнеполитического курса Италии, показано, что несмотря на заключение союза с Германией и Австро-Венгрией, противоречия с последней не были улажены, что и предопределило постепенную переориентацию Италии с Берлина на Париж и Лондон.

В итальянской истории новейшего времени наиболее подробно исследованы проблемы фашизма, движения Сопротивления, рабочего движения и классовой борьбы¹²³. В книгах Б. Р. Лопухова и Г. С.

¹²⁰ Кирова К. Э. Революционное движение в Италии (1914-1917 гг.). М., 1962; она же - Русская революция и Италия (март - октябрь 1917 г.). М., 1968; Мизиано К. Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв. М., 1976; Яхимович З. П. Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма. М., 1986.

¹²¹ Яхимович З. П. Итало-турецкая война 1911-1912 гг. М., 1967; Кирова К. Э. Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье. М., 1973.

¹²² Серова О. В. От Тройственного Союза к Антанте. М., 1983.

¹²³ Лопухов Б. Р. Борьба рабочего класса Италии против фашизма (1920-1922 гг.). М., 1959;

¹¹⁵ Грамши А. Избр. произведения, тт. 1-3. М., 1957-1959.

¹¹⁶ Григорьева И. В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978.

¹¹⁷ Бондарчук В. С. Итальянское крестьянство в XVIII веке. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980.

Филатова дается общая панорама итальянского фашизма от зарождения до бесславного крушения¹²⁴. Лопухов показал, как происходило очищение фашизма от "первоначального налета общесобственнической или даже аграрно-капиталистической реакции" и превращение, по словам автора, в орудие крупного монополистического капитала, хотя он отметил значительные противоречия между промышленниками и фашистским аппаратом власти. В произведениях Филатова особое внимание уделено корпоративной системе, отличавшейся "беспардонной социальной демагогией" и маскировавшей капиталистические основы новой фашистской системы. Первую в нашей литературе краткую, но емкую биографию Муссолини написал Л. С. Белоусов¹²⁵.

Работы по послевоенной истории Италии отмечены печатью явной идеологизации, непропорционально большим количеством исследований о роли компартии и ее влиянии на трудящихся, хотя она, действительно, на протяжении десятилетий входила в число крупнейших политических партий Италии. В этих работах также однозначно утверждалось, что стремления интегрировать рабочий класс в существующую общественную систему успехом не увенчались¹²⁶. Действительность же

он же - Фашизм и рабочее движение Италии (1919-1929). М., 1968; *Комолова Н. П.* Классовые бои в итальянской деревне. 1945-1950. М., 1963, она же - Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии, 1943-1947. М., 1972; *Филатов Г. С.* Итальянские коммунисты в движении Сопротивления. М., 1964; он же - Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984; *Белоусов Л. С.* Италия: молодежь против фашизма. 1919-1945. М., 1987.

¹²⁴ *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977; *Филатов Г. С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973.

¹²⁵ *Белоусов Л. С.* Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993.

¹²⁶ *Васильцов С. И.* Рабочие партии и выборы в Италии. 1953-1976 гг. М., 1978; *Левин И. П.* Рабочее движение в Италии, 1966-1976. М., 1983.

явила собой более сложную и многозначную картину, чем позволяли предположить утверждения подобного рода. Это раскрывают исследования историко-политологического типа, где показаны структуры и развитие механизма власти и проблемы политического сознания масс на базе понятия "субкультура"¹²⁷.

Исследования по истории других стран Европы. Работы по западноевропейской истории охватывают в основном главные страны - Англию, Францию, Германию, Италию. Прочие страны исследованы гораздо слабее, большей частью в книгах общего характера или статьях. Тем не менее, и по истории этих государств появились значительные монографические труды.

Австрийскую революцию 1848-1849 гг. показала в своей книге Р. А. Авербух¹²⁸. Собрав большой материал, в том числе из Архива внешней политики России, австрийской прессы, мемуаров участников и современников событий, она подробно проследила революционные события в различных частях Австрии, особо выделив венское восстание в октябре 1848 г. Вывод автора о том, что сложный процесс развития австрийской революции не поддается однозначному определению - победа или поражение - был очень важен. Завершенной революция не стала, сохранились значительные феодальные пережитки, не был решен национальный вопрос. Однако капиталистическое развитие после революции шло ускоренными темпами, правительство провело ряд буржуазных реформ, в 1851-1853 гг. в ходе аграрных реформ крестьянство в основном освободилось от феодальных оков. Все это говорит о беспочвенности утверждений об абсолютном поражении революции, которая не одержала победы, но и не прошла для австрийской истории бесследно.

¹²⁷ *Лопухов Б. Р.* Эволюция буржуазной власти в Италии. М., 1986; *Холодковский К. Г.* Италия: массы и политика. М., 1989.

¹²⁸ *Авербух Р. А.* Революция в Австрии (1848-1849 гг.). М., 1970.

Малоизученное идейно-политическое течение в Австро-Венгрии - пангерманизм, его зарождение, становление и развитие исследовала Н. Д. Ратнер¹²⁹. Значительное место уделено в книге анализу взглядов и деятельности лидера австрийских пангерманцев Г. Шённера, социальная демагогия которого вошла позднее в арсенал немецкого национал-социализма. Автор убедительно раскрыла антиславянскую (в силу тогдашних условий - главным образом, античешскую) направленность пангерманской агитации, ее призывы к ликвидации дуалистической монархии и присоединении собственно Австрии к Германии. Но к возможному изменению политической карты этого региона Европы правительства великих держав по разным причинам, но в принципе единодушно, отнеслись как к крайне нежелательной перспективе. Более важным для них было в тот период сохранение сложившегося статус-кво, хотя, как показали приводимые автором дипломатические документы, имела значительное различие между осторожной позицией франко-русского блока и постоянным вмешательством во внутриавстрийские дела со стороны Германии. Последняя официально отмежевалась от австрийских пангерманцев, на деле же активно использовала их как средство давления на австрийское правительство и императора Франца-Иосифа.

Нарастание противоречий в конце существования австро-венгерского дуализма, стремительное усиление центробежных тенденций в ходе первой мировой войны раскрыла Е. И. Рубинштейн¹³⁰. В. М. Турок в своих общих работах дал наиболее подробную до настоящего времени картину австрийской истории от революции 1918 г. до аншлюса 1938 г.¹³¹ На об-

¹²⁹ *Ратнер Н. Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970.

¹³⁰ *Рубинштейн Е. И.* Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963.

¹³¹ *Турок В. М.* Очерки истории Австрии. 1918-1929. М., 1955.

ширном документальном и историографическом материале он обрисовал основные политические, экономические и идейные процессы в Австрии за двадцать лет существования Первой республики. Много внимания уделил автор рабочему движению и социал-демократии Австрии, высоко оценив февральские бои шуцбунда в 1934 г., получившие отклик во всей Европе и послужившие толчком к созданию Народных фронтов во Франции и Испании. Однако деятельность австрийской социал-демократии изображена автором в преимущественно негативных тонах, с выводом, что ее "капитулянтская и предательская тактика" привела страну к диктатуре фашизма. Хотя автор и признает за лидером австро-марксизма Отто Бауэром талант блестящего оратора и пропагандиста, искренне верившего в принципы демократии и парламентаризма, он, тем не менее, считает Бауэра "одним из главных усыпителей" австрийского пролетариата¹³².

Столь же подчеркнута отрицательное отношение к австро-марксизму присуще и работам В. Я. Швейцера¹³³. Его главный грех состоит для автора в том, что, положительно восприняв вначале Октябрьскую революцию в России, австро-марксисты затем шаг за шагом переходили на платформу антисоветизма и в середине 30-х гг. потерпели, по словам Швейцера, "двойной крах - и как теоретики, и как политики". Однако автор прошел мимо одного из основных принципов австро-марксизма - неприятия им любых форм диктатуры как фашистского, так и коммунистического толка - и веры в достижение социально справедливого общества мирным демократическим путем.

Общие процессы развития Испании в XIX - начале XX века нашли отражение в

¹³² *Турок В. М.* Очерки истории Австрии. 1929-1938. М., 1962, с. 496.

¹³³ *Швейцер В. Я.* Социалистическая партия Австрии: Теория и политика. М., 1978; он же - Социал-демократия Австрии: Критика политических концепций и программ. М., 1987.

капитальном труде И. М. Майского¹³⁴. Сосредоточив внимание на цикле переворотов и революций, происходивших за этот период, он показал их как процесс борьбы между феодализмом и капитализмом, которая из-за общей экономической и политической отсталости страны так и не привела к полной победе буржуазии. Свою роль сыграло и огромное влияние католической церкви, проповедника и защитника консерватизма. Однако автор недостаточно выделил то обстоятельство, что в итоге пяти буржуазных революций XIX века в Испании были все же созданы предпосылки для развития капитализма в сельском хозяйстве по эволюционному "прусскому пути".

Основное внимание отечественных ученых привлекал короткий, но бурный отрезок многовековой испанской истории - 30-е гг. XX века. В книге К. Л. Майданика¹³⁵ обстоятельно показаны исторические традиции и специфические черты испанского рабочего движения, исследовано значительное влияние на него идей анархо-синдикализма. Общий вывод книги сводился к тому, что руководящую роль в революции и борьбе против франкизма могли играть только коммунисты, хотя их взаимоотношения с демократическим крылом Народного фронта места в книге отводятся крайне мало.

Сложные и неоднозначные отношения испанской компартии и Коминтерна в довольно общей форме изложены в работе М. Т. Мещерякова¹³⁶, автора и других книг по этим сюжетам¹³⁷. Однако без использования в достаточном объеме недоступных тогда архивов Коминтерна было трудно создать подлинно научное исследование, а

концепция автора свелась к тому, что Испанком Коминтерна являлся заботливым наставником испанской компартии, постоянно оказывающим ей неоценимую, как было принято выражаться, помощь. В книге, конечно, не могли быть показаны превращение КПИ в орудие советской внешней политики, истерическая травля и физическое уничтожение членов троцкистской Объединенной рабочей марксистской партии, расправа агентов НКВД с ее лидером А. Нином. Понятно, что в одной из последних статей¹³⁸, написанной уже в новых условиях, автор ни единого раза не сослался на свои прежние творения.

Внешнеполитические проблемы испанской истории XX века очерчены в работах С. П. Пожарской¹³⁹, показавшей, как постепенно происходила переориентация франкистского режима с Германии на западные демократические державы, прежде всего, США. Автор отметила гибкость испанской дипломатии, сумевшей на базе существования "особых отношений" с США добиться известной внешнеполитической самостоятельности, а также уже в недрах старого режима начать модернизацию экономики, а затем идеологии и политики, что и облегчило сравнительно безболезненное осуществление поворота от авторитарной диктатуры к парламентарной демократии.

Из стран Северной Европы лучше других освещена новейшая история Швеции, а также русско-шведские отношения в начале XIX века, когда обе страны заключили союз против Наполеона¹⁴⁰.

¹³⁸ Мещеряков М. Т. Коммунистическая партия Испании и Коминтерн// Новая и новейшая история, 1991, № 5.

¹³⁹ Пожарская С. П. Тайная дипломатия Мадрида. Внешняя политика Испании в годы второй мировой войны. М., 1971; она же - Испания и США. Внешняя политика и общество, 1936-1976. М., 1982.

¹⁴⁰ Кан А. С. Новейшая история Швеции. М., 1964; он же - История скандинавских стран. М., 1980; Рогинский В. В. Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978; Чернышева О. В. Рабочее движение в Швеции накануне второй

В истории Ирландии интерес ученых вызывали проблемы борьбы ирландского народа за национальную независимость. Первым стал изучать этот вопрос А. Д. Колпаков в книгах "Ирландия - остров мятежный" (М., 1965) и "Ирландия на пути к революции, 1900-1918 гг." (М., 1975). В них дана широкая панорама общественно-политической и экономической ситуации в Ирландии первой половины XX века. Автор показал формы и методы ограбления Ирландии британской метрополией, процесс обезземеливания крестьянства, политику национальной и религиозной розни, инспирируемую из Лондона. Уделив значительное место жизни и деятельности основателя Ирландской социалистической рабочей партии Д. Конноли, автор подчеркнул, что гибель его с группой ближайших сподвижников в 1916 г. стала тяжелой утратой для революционного крыла национально-освободительного движения. После этого гегемоном движения прочно стала ирландская буржуазия, склонная к компромиссным решениям и проведению умеренно-консервативного курса.

Национально-освободительное движение в Ирландии во взаимодействии с британским рабочим движением явилось предметом анализа М. Е. Орловой¹⁴¹. Отметив, что пролетариат обеих стран на протяжении полутора столетий часто выступал вместе в защиту своих интересов, автор в то же время подчеркнула, что большинство английских рабочих оказалось не в состоянии четко уяснить себе сущность национально-колониального ирландского вопроса. Воспрепятствовали этому укоренившиеся в сознании шовинистические стереотипы и "имперский ком-

мировой войны. М., 1971; она же - Швеция в годы второй мировой войны. Экономика, политика, рабочее движение. М., 1980. В 1996 г. вышла коллективная "История Дании с древнейших времен до начала XX века" под ред. О. В. Чернышевой.

¹⁴¹ Орлова М. Е. Рабочий класс Великобритании и освободительная борьба ирландского народа. М., 1983.

плекс", что, в свою очередь, оборачивалось возрастанием националистических настроений в среде ирландского пролетариата.

Несколько работ создано по истории Бельгии. Это книга А. С. Намазовой о рождении независимого бельгийского государства и работы Ю. Н. Панкова и М. А. Неймарка о бельгийском рабочем движении и социал-демократии¹⁴². На примере Бельгийской соцпартии Неймарк проследил формирование промежуточных лево- и правоцентристских группировок, тяготеющих в рамках одной партии к различным политическим полюсам. Это предопределило сложность решений социалистами тех или иных жгучих вопросов. Меньше внимания уделил автор роли национального вопроса, который оказался между тем очень важным, ибо привел в 1978 г. к расколу соцпартии на валлонское и фламандское крыло, образовавшие самостоятельные организации.

Очень скудна литература по истории Греции. В сущности, более или менее основательно изучены лишь проблемы национально-освободительного движения греческого народа в XIX веке, а также внутривнутриполитическое развитие страны накануне первой мировой войны¹⁴³.

Развитие американистики. Американистика молодая, но интенсивно развивающаяся в последние десятилетия отрасль отечественной исторической науки. Формирование ее проходило нелегко. В дореволюционной историографии не сло-

¹⁴² Намазова А. С. Бельгийская революция 1830 г. М., 1979; Панков Ю. Н. Рабочее движение в Бельгии. М., 1965; Неймарк М. А. Бельгийская социалистическая партия: идеология и политика (1935-1975). М., 1976.

¹⁴³ Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII - начале XIX в. М., 1963. он же - Тайное общество "Филики Этерия". М., 1965; он же - Каподистрия и греческое национально-освободительное движение - (1809-1822). М., 1976; Никитина Т. В. Греция накануне первой мировой войны: Особенности внутривнутриполитического развития. М., 1984; Улуян А. А. Политическая история современной Греции. М., 1998.

жилось глубоких традиций изучения США (здесь не возникло такой блестящей "русской исторической школы", как, например, в изучении истории Франции).

Формирование американистики в советское время началось еще в 20-30-х годах и значительную роль в ее становлении сыграли работы А. В. Ефимова "К истории капитализма в США" (1934), В. И. Лана "Классы и партии США" (1932, 1937) и позднее Л. И. Зубока "Очерки истории США" (1956). Ефимов уделит главное внимание проблемам генезиса американского капитализма в XVII-XIX вв., заострив свою трактовку на опровержении теории "исключительности" исторического развития США; Лан привлек внимание к изменениям в функционировании партийно-политической системы США, связанным с переходом американского капитализма в новую стадию развития на рубеже XIX-XX вв., Зубок дал систематическое изложение главных событий американской истории конца XIX - начала XX вв. И все же это были только первые шаги в изучении истории США. Как вспоминал А. В. Ефимов, для подготовленной им к защите докторской диссертации он долго не мог найти оппонентов американистов; с другой стороны, по его же словам, преваляло требование все проблемы изучения истории США ставить в плане "перспектив дальнейшего революционного роста, общих и особенных черт будущей социалистической революции в США"¹⁴⁴.

Развитие исторических знаний, рост международного значения США после второй мировой войны, противостояние двух великих держав США и СССР резко усилили потребность в более широком и глубоком изучении их истории. Однако условия развития американистики в конце 40-х начале 50-х годов в целом оставались неблагоприятными, сильнейший идеологический пресс, усиленный "холодной войной", деформировал подход к историческим исследованиям, особенно это ска-

залось в работах по внешнеполитической проблематике, изучении рабочего и коммунистического движения. Документальная база оставалась слабой, количество исследований невелико.

После смерти Сталина и последующего разоблачения "культы личности" в 1956 г. наступила известная либерализация творческой деятельности в гуманитарных науках, в том числе в американистике. Одним из первых научных центров стал американский сектор Института всеобщей истории АН СССР, организованный в 1953 г. (с 1968 г. сектор США и Канады Института всеобщей истории начал публиковать "Американский ежегодник").

В 1968 г. был создан Институт Соединенных Штатов Америки (с 1971 г. США и Канады) АН СССР, занимающийся, прежде всего, современными проблемами, а с 1970 г. выходит ежемесячный журнал "США: экономика, политика, идеология".

В 1977 г. на историческом факультете Московского Государственного университета была организована лаборатория по истории США, соединившая учебный процесс с научной работой, с 1978 г. начали выходить "Проблемы американистики" (с 1985 г. ежегодно). В результате подготовки большого числа квалифицированных специалистов значительно увеличился выпуск научной литературы. В 60-80-х гг. ежегодно публиковались сотни книг и статей по истории США. Вышли в свет обобщающие работы, наиболее известные из них "Очерки новой и новейшей истории США" под ред. Г. Н. Севостьянова и др. (1960, т. 1-2), и "История США" под ред. Г. Н. Севостьянова (1983-1987, т. 1-4).

Полезную роль в повышении профессионального уровня сыграли советско-американские научные контакты. С начала 70-х годов становятся регулярными коллоквиумы по истории США и России (Франклин и Ломоносов, история русского и американского города в XVII в., история советско-американских отношений в годы второй мировой войны - таковы темы некоторых из них). Весьма важны также

симпозиумы по обмену опытом применения количественных методов к русской и американской истории. Начались междууниверситетские обмены лекторами (так, на кафедре новой и новейшей истории МГУ с 1971 г. ежегодно американские профессора читают курсы по истории США). Открылись большие возможности для работы отечественных специалистов в американских архивах.

Традиционным для советской историографии, с изначально заложенным в нее упором на роль классовых борьбы, был интерес к истории американских революций XVIII-XIX вв. Эти сюжеты были главными еще в научно-популярных работах Д. О. Заславского, выходящих в 20-30-х годах. В работах А. В. Ефимова (особенно "Очерках истории США: от открытия Америки до окончания гражданской войны") (1955, 1958) Война за независимость и Гражданская война 1861-1865 гг. рассматривались в ряду крупнейших буржуазных революций нового времени, перво-степенное значение придавалось наиболее острым социальным коллизиям. Значительно оживилась исследовательская работа в связи с 200-летием независимости США. В 1976 г. в Москве был проведен всесоюзный симпозиум по проблемам Первой американской революции. Наиболее основательным из вышедших исследований явился многоплановый коллективный труд "Война за независимость и образование США" под ред. Г. Н. Севостьянова (1976), в котором анализировались позиции и активность различных социальных слоев и этнических групп в антиколониальной борьбе; впервые многосторонне были освещены международные аспекты революции. В обобщающем очерке А. А. Фурсенко революционно-освободительной борьбы североамериканских колоний в 60-70-х годах XVIII в. и Войны за независимость 1776-1783 гг. основное внимание обращено на деятельность радикального крыла восставших¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л., 1978.

Отдельные исследования посвящены аграрному вопросу и фермерскому движению накануне и во время революции. Среди работ о формировании общественной мысли в революционный период выделяется исследование В. В. Согрина¹⁴⁶, в котором прослежено, как на основе принципов Просвещения формировалась идеология патриотического движения, прошедшая путь от умеренной к радикальной, а затем и революционной, как в последней трети XVIII века сложились основные идейные традиции США. Автор ставит проблему причин отсутствия в Американской революции коммунистических идей, получивших развитие в английской революции XVII в. и особенно во французской революции конца XVIII в.

Важно, что исследователи 70-80-х годов отмечали уже не только общность буржуазной направленности Американской революции с ранними европейскими революциями, но и их существенные различия. Американская революция по своему типу была внутрiformационной. Она была направлена не против "старого порядка", которого в Америке в полном объеме никогда не существовало, а лишь против препятствий буржуазному развитию, чинимых британской короной. В этом, как считает Н. Н. Болховитинов, одна из причин меньшего размаха и радикальности Американской революции, чем европейских¹⁴⁷.

В 80-е годы появились обстоятельные исследования, посвященные становлению государственных учреждений после Войны за независимость. Авторы этих работ гораздо более историчны в оценке послевоенного "критического периода", чем историки 40-50-х годов. Они отмечают поворот вправо во внутренней политике страны, но отвергают характеристику филадельфийского конвента как "заговора

¹⁴⁶ Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII века". М., 1980.

¹⁴⁷ Болховитинов Н. Н. Теоретические и историографические проблемы американской революции. М., 1973.

против народа" и конституции 1787 г. как консервативной или даже реакционной¹⁴⁸. Весьма популярен биографический жанр: опубликованы книги о выдающихся деятелях революции: Т. Джефферсоне, Дж. Вашингтоне, Б. Франклине и др. В уяснении многих проблем Первой американской революции: соотношении национально-освободительных и социальных задач, расстановки политических сил патриотического лагеря и др. в немалой мере мог помочь материал колониального прошлого США. Однако его изучение только началось. В работе А. С. Самойло "Английские колонии в Северной Америке" (1963) изучалась политика насаждения в колониях феодальных отношений, проводимая метрополией. Л. Ю. Слезкин, в свою очередь, стремился рассказать о людях, взрастивших в Новом Свете семена буржуазных отношений¹⁴⁹.

Традиционно в американистике изучение позиции русского общества и дипломатии в период борьбы американских колонистов за независимость. Наиболее значима в этой области монография Н. Н. Болховитинова "Россия и война за независимость, 1775-1783" (1976). Благоприятный научно-общественный резонанс получил опубликованный в 1980 г. в СССР и США фундаментальный сборник документов "Россия и США: становление отношений, 1775-1815" - плод совместных изысканий советских и американских ученых. Материалы сборника выявляют положительный опыт общения русского и американского народов.

Систематическое исследование Первой американской революции продвинулось

¹⁴⁸ Ширяев Б. А. Политическая борьба в США, 1789-1801. Л., 1981; Шпотов Б. М. Фермерское движение в США (1780-1790-е годы). М., 1982; Ушаков В. А. Америка при Вашингтоне (Политические и экономические проблемы США в 1789-1797 гг.). Л., 1983.

¹⁴⁹ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606-1642. М., 1978; он же. У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд, 1630-1642. М., 1980.

вперед, но, по существу, не изучено еще много важнейших тем: роль низов в революции, формирование общественного сознания, менталитет американцев и многие другие.

Значительный интерес историков привлекла проблематика Гражданской войны 1861-1865 гг. В формировании общей концепции Гражданской войны как буржуазной революции исследователи исходили из положения о двух этапах Гражданской войны: "войны по-конституционному" 1861-1863 гг. и переходе под давлением радикальных кругов к "войне по-революционному" 1863-1865 гг.

100-летний юбилей войны стимулировал исследовательскую деятельность. В специальном сборнике комплексного характера "К столетию гражданской войны", вышедшем под редакцией А. В. Ефимова и Л. И. Зубока в 1961 г., рассмотрен значительный круг социально-экономических и политических проблем Второй американской революции. В фундаментальной монографии Р. Ф. Иванова "Авраам Линкольн и Гражданская война в США" (1964), написанной с широким привлечением материалов из архивов АВПР, ЦГА, ВМФ, деятельность великого американца дана на фоне бурных событий революционной эпохи. Разрабатываются и другие сюжеты: дипломатическая деятельность правительства Линкольна, ход военных операций и др.¹⁵⁰

Доминирующей в советской историографии является точка зрения, что центральным вопросом Гражданской войны было рабство, с другой стороны, в работе Г. П. Куропятника "Вторая американская революция" (1961) развивается положение, что главным во Второй американской революции был аграрный вопрос, тогда как вопрос об отмене рабства носил подчиненный характер. Борьба Севера и Юга, по мнению автора, представляла "борьбу двух видов, или типов капитализма...

¹⁵⁰ Иванов Р. Ф. Дипломатия Авраама Линкольна. М., 1987; Бурин С. Н. На полях сражений гражданской войны в США. М., 1989.

борьбу американского типа буржуазного развития против разновидности прусского типа".

В немалой мере под влиянием американской марксистской историографии (Дж. Аллен, У. З. Фостер) в советской утвердилась трактовка Реконструкции 1865-1877 гг. как нисходящей фазы Второй американской революции. Эта позиция отчетливо выражена в работах ведущих исследователей истории этого периода А. И. Блинова и Р. Ф. Иванова¹⁵¹.

Значительное число работ посвящено различным аспектам антирабовладельческого движения в десятилетия, предшествовавшие Гражданской войне: аболиционистскому движению, борьбе негров-рабов, кризису двухпартийной системы в 50-х годах, восстанию Джона Брауна¹⁵² и т. д.

Интерес других исследователей привлекла тема отношения к Гражданской войне русской радикальной общественности, прежде всего Н. Г. Чернышевского, одобрявшего восстание Дж. Брауна и другие методы борьбы левого крыла аболиционистов с рабством (Н. Н. Лягушенко, И. Я. Левитас, И. П. Дементьев). Разработка темы русско-американских государственных отношений в годы Гражданской войны шла в русле положений книги М. М. Малкина, вышедшей еще в предвоенное время; в ней было показано, что благоприятная позиция России, сыграла чрезвычайную роль в укреплении международных позиций правительства Линкольна.

В книгах А. В. Ефимова и Л. И. Зубока первостепенное внимание было обращено

¹⁵¹ Блинов А. И. Критический период истории Соединенных Штатов (1868-1877). Красноярск, 1957; Иванов Р. Ф. Борьба негров за землю и свободу на юге США (1865-1877). М., 1958.

¹⁵² Захарова М. Н. Народное движение против рабства 1831-1860. М., 1965; Уманский П. Б. Из истории борьбы негров США за свободу. Казань, 1963; Кормилец А. А., Поршаков С. А. Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы гражданской войны (конец 1840-х - 1865 гг.). М., 1987.

на сходство главных черт развития американского капитализма с европейским. В последующей литературе нередко отмечался его специфика. Ряд исследователей стремились проанализировать такую важную особенность исторического развития США, как наличие "свободных" земель, проследить конкретный механизм действия подвижной "границы" на развитие американского капитализма.

Разногласия среди американистов существовали и по вопросу о характере плантационного рабства XVIII-XIX вв. Если в работах А. В. Ефимова и Г. П. Куропятника преобладавала тенденция подчеркивать те черты плантационного рабства, которые сближали его с капитализмом, то Б. М. Косарев делал упор на сходство с рабовладельческим строем. Спор был вызван реальной сложностью такого феномена XIX в., как американское рабство (сходные противоречивые оценки характерны и для историков США).

Определенный аналитический итог главных особенностей развития американского капитализма был намечен в монографии Н. Н. Болховитинова "США: проблемы истории и современная историография" (1980), где рассмотрение роли "свободных" земель, промышленного переворота и плантационного рабства дано в совокупности с анализом решения этих проблем в историографии США.

Интерес исследователей к широкому демократическим движениям в США проявился не только в обрисовке их роли в революциях, но и в стремлении проанализировать их значение в относительно спокойные времена. В отмеченной работе М. Н. Захаровой рассмотрено аболиционистское движение, участие в котором приняли многие социальные слои американского общества. В работе Г. П. Куропятника "Фермерское движение в США: от грейнджеров к Народной партии, 1867-1896" (1971) прослежена история антимонополистических движений в США последней трети XIX в., ядром которых были фермерские выступления. Масштабы, социальный состав и идеология антиимпле-

риалистического движения в США времени испано-американской войны 1898 г. проанализированы на материалах американских архивов в работе И. П. Дементьева "Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX-XX вв.)" (1973). Пристальное внимание к негритянской проблеме нашло выражение не только в освещении участия негров в Гражданской войне и Реконструкции, но и в выявлении их роли в аболиционистской коалиции, в движениях протеста конца XIX - начала XX вв.: таскигском, ниагарском, гарвиистском¹⁵³.

Из марксистской интерпретации истории вытекало исключительное внимание к истории рабочего и социалистического движения. В этой сфере исторических знаний накоплен значительный фактический материал, но многие оценки левых рабочих организаций носят апологетический характер (например, явно завышена роль организации Индустриальные рабочие мира в рабочем движении начала XX в.), а умеренно-реформистские подвергаются резкой критике. В том, что с 60-х годов изучение рабочего движения в США стало более систематическим, немалую роль сыграла работа Л. И. Зубока "Очерки истории рабочего движения в США (1865-1918)" (1962). Свое влияние оказала также переведенная на русский язык многотомная история рабочего движения, написанная американским марксистом Ф. Фонером. Несмотря на появление серьезных исследований по отдельным проблемам рабочего движения (и во многом с ним связано изучение иммиграции в США в конце XIX - начале XX вв.)¹⁵⁴, остаются

без удовлетворительного ответа такие кардинальные вопросы, как причины слабости социалистического движения в Америке, факторы быстрого упадка после первой мировой войны влиятельной Социалистической партии и др.

Еще в 30-х годах в работе В. И. Лана был поставлен ряд проблем политической истории США, но эта тема долгое время не получала развития, лишь в последние два десятилетия произошел сдвиг. В работах биографического характера о Джефферсоне (В. О. Печатнова, М. О. Троянской, В. В. Согрина) были подняты проблемы "Джефферсоновской демократии", появились первые исследования политико-социальных проблем "Джексоновской эры реформ" (Н. Х. Романовой).

Наиболее значительные исследования появились по проблемам внутренней политики США начала XX в. Была отброшена догма об эпохе монополистического капитализма как "реакции по всей линии". В работе И. А. Белявской "Буржуазный реформизм в США в начале XX в." (1968) впервые в советской историографии были проанализированы характер и значение буржуазного реформизма этого времени, как метода внутренней политики. Одновременно были прослежены основные направления демократического движения - важного побудительного фактора реформизма. Эта тема была продолжена в монографии Б. Д. Козенко "Новая демократия и война" (1980), где исследован буржуазный реформизм в условиях первой мировой войны. Одновременно детальному изучению В. В. Согриным, А. А. Кисловой, И. П. Дементьевым была подвергнута реформистская идеология, занимавшая важное место в американской общественной мысли конца XIX - начала XX в.: исследования реформистских идей видных экономистов, социологов, политоло-

Шлепаков А. Н. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М., 1966; *Богина Ш. А.* Иммигрантское население США, 1865-1900. М., 1976.

гов (Л. Уорда, Р. Эли, Г. Кроули и др.)¹⁵⁵, анализ доктрин "социального евангелизма"¹⁵⁶, формирование реформистских идей в сфере исторической мысли.

В 80-х годах в изучении политической проблематики важное место заняла двухпартийная система в США. Весьма интенсивную работу в этом направлении провела лаборатория по истории США в МГУ. Опубликован ряд работ теоретико-методологического и конкретно-исторического характера об ее истории, особенностях функционирования, этапах развития идеологии и организационных структурах ("Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции" под ред. Е. Ф. Язькова, ч. 1-2 (1988-1989)).

В курсе А. С. Маныкина "История двухпартийной системы США" (1981) и коллективных трудах¹⁵⁷ прослеживаются основные моменты эволюции партий на протяжении 200-летней истории. Работы по двухпартийной системе не только существенно расширили представления о партийно-политической сфере, но и смежных с ней областях.

По истории внешней политики США в новое время существует немалая литература. В центре ее проблема американской внешней экспансии в конце XIX - начале XX в. в бассейне Тихого океана, на Дальнем Востоке и в Латинской Америке. Определенным эталоном для исследователей явились работы А. А. Губера "Филиппинская республика и американский империализм" (1948) и А. Л. Нарочницкого "Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860-1895" (1956). Они были основаны на документах из советских архивов и проработке амери-

¹⁵⁵ Кислова А. А. Социальное христианство в США. М., 1974.

¹⁵⁶ Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.

¹⁵⁷ Политические партии в новое время. Отв. ред. Н. В. Сивачев. М., 1981; Политические партии в США в новейшее время. Отв. ред. Н. В. Сивачев. М., 1982.

канских государственных документов, в научный оборот был введен круг новых материалов.

Историки анализировали внешнюю политику, отправляясь от ленинского положения о ее обусловленности перерастанием американского капитализма в монополистическую стадию. Они стремились показать экономические и стратегические интересы США в том или ином регионе. Весьма всесторонне была проанализирована доктрина "открытых дверей" в Китае, пролагавшая путь экономической экспансии США (А. А. Фурсенко, Р. М. Бродский, С. Б. Горелик)¹⁵⁸. Другая группа исследователей, сосредоточившаяся на изучении борьбы США за овладение рядом островов на Тихом океане, особо отмечала экономическую и политическую экспансию США на Гавайских островах с начала XIX в. до аннексии их в 1898 г. (Г. П. Куропятник, Д. Д. Тумаркин)¹⁵⁹.

По истории взаимоотношений США со странами Латинской Америки также появилось значительное число работ. Одной из первых была монография Л. И. Зубока "Империалистическая политика США в странах Караибского бассейна" (1948). Вслед за этим вышли в свет исследования, посвященные испано-американской войне 1898 г., интервенции США в зоне Панамского перешейка, вмешательству США в мексиканскую революцию 1910-1917 гг. и другим внешнеполитическим событиям в этом регионе.

Менее изучена латиноамериканская политика США первой половины XIX в. Одной из наиболее известных работ по этой тематике является книга Н. Н. Болхо-

¹⁵⁸ Фурсенко А. А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. М.-Л., 1956; Бродский Р. М. Американская экспансия в Северо-Восточном Китае, 1898-1905. М., 1965; Горелик С. Б. Политика США в Маньчжурии в 1898-1903 гг. и доктрина "открытых дверей". М., 1970.

¹⁵⁹ Куропятник Г. П. Захват Гавайских островов США. М., 1958; Тумаркин Д. Д. Гавайский народ и американские колонизаторы, 1820-1865. М., 1971.

витинова "Доктрина Монро (Происхождение и характер)" (1959). Автор выступил против сложившихся представлений об угрозе интервенции Священного Союза в Латинскую Америку в начале 20-х годов XIX в. и связывал появление доктрины Монро с внутренними потребностями развития капитализма и плантационного рабства. Он стремился показать противоречивый характер доктрины: переплетение антиколониальной направленности с экспансионистскими тенденциями.

Одновременно шло изучение формирования внешнеполитической идеологии США, особенно интенсивно проходившее на рубеже XIX-XX в. Первый шаг в разработке этой темы был сделан Л. И. Зубоком, специально ее исследованию посвящена упомянутая выше монография И. П. Дементьева. В ней формирование экспансионистской идеологии на рубеже XIX-XX в. проанализировано в различных областях американской общественной мысли: в сфере исторических, социологических, теологических теорий. Сердцевинной их явилась концепция "американской исключительности".

Успешно развивается изучение истории взаимоотношений между Россией и США. Крупнейшим авторитетом в этой области является Н. Н. Болховитинов. Его работы "Становление русско-американских отношений, 1775-1815" (1966), "Русско-американские отношения, 1815-1832" (1975), основанные на изучении материалов архивов обеих стран, получили международное признание научной общественности. Эта тема была продолжена исследователями в изучении экономических, культурных и других связей США и России в конце XIX-начале XX вв., их сотрудничества и соперничества¹⁶⁰.

¹⁶⁰ Куропятник Г. П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи. 1867-1881. М., 1981; Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика. 80-е годы - 1918. М. -Л., 1965; Лебедев В. В. Русско-американские экономические отношения

Отечественная историография сделала определенный шаг вперед и в изучении новейшей истории США, хотя условия научной работы в этой области были значительно затруднены. Политизация, идеологический пресс, влияние конъюнктурного видения деформировали объективный анализ.

О движении вперед свидетельствовало издание обобщающих работ: В. И. Лана "США от первой до второй мировой войны" (1947, 1976), и - "США в военные и послевоенные годы" (1978); Н. Н. Яковлева "Новейшая история США, 1917-1960" (1961); Н. В. Сивачева, Е. Ф. Язькова "Новейшая история США" (1972, 1980).

Главные темы историков новейшего времени: социально-политические конфликты, рабочее и демократическое движение, внешняя политика США. В центре исследований стоял "Новый курс". Историки-американисты изучали различные его стороны, стремясь определить социально-экономические предпосылки, выделить основные этапы и цели. Превалировало представление, что "Новый курс", сложившийся под влиянием экономического кризиса и обострения социальных противоречий, являл собою разновидность буржуазного реформизма в условиях развития мощного государственно-монополистического капитализма. Конечно, это было шагом вперед по сравнению с 30-ми годами, когда в литературе появлялись даже суждения о фашистском характере "Нового курса" Ф. Рузвельта, но вместе с тем жесткая и односторонняя формула широкого "государственно-монополистического регулирования" мешала увидеть, как были раздвинуты рамки социальной ответственности государства. Реформы способствовали преобразованию классического капитализма на основе соединения его с процессом социализации. 30-е годы ознаменовались подъемом рабочего и общедемократического движе-

(1900-1917 гг.). М., 1964; Ганелин Р. Ш. "Россия и США, 1914-1917". Л., 1969.

ния, они также привлекли внимание историков.

Наиболее известными исследованиями проблем "Нового курса" являются работы В. Л. Малькова "Новый курс" в США: социальные движения и социальная политика" (1977) (продолжением этой темы явился его очерк жизни Рузвельта, личностный подход позволил автору глубже увидеть внутреннюю логику решений президента по проводимым реформам)¹⁶¹ и Н. Н. Яковлева "Франклин Рузвельт: человек и политик" (1965, 1981).

Важной частью "Нового курса" было проведение новой, более либеральной политики в рабочем вопросе. В 40-50-е годы ее изучение в историографии было весьма поверхностным. Трактовка государства исключительно как аппарата насилия нередко приводила к недооценке его социального потенциала и роли в трудовых отношениях. В 70-х годах в американистике начал оформляться новый подход. Н. В. Сивачев в обширном исследовании "Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны" (1974) одним из первых отметил связь курса властей в рабочем вопросе не только с борьбой трудящихся, но и с эволюцией капитализма в США в новейшее время. В работах учеников и единомышленников Сивачева под этим углом зрения была рассмотрена рабочая политика правительства США в 30-50-е годы: стремление интегрировать рабочее движение в рамки буржуазного общества, ее правовые аспекты, формы и методы государственного вмешательства, роль общественных организаций¹⁶².

Весьма обширна литература по истории самого рабочего движения. В ряде

¹⁶¹ Мальков В. Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1989.

¹⁶² Попов А. А. Государство и профсоюзы. М., 1974; Роголев Ю. Н. Крах рабочей политики Трумена (1950 - начало 1953). М., 1981; Савельева И. М. Профсоюзы и общество США в XX веке. М., 1983.

исследований отмечаются структурные сдвиги в рабочем классе, изменения, происшедшие в последние десятилетия в его сознании и культуре¹⁶³. Разрабатывались проблемы самого профсоюзного движения, прошедшего нелегкий путь в новейшее время: кризис АФТ в 20-х годах, образование КПП в период "нового курса" и объединение этих организаций после войн¹⁶⁴. Анализируется роль профсоюзов в различных сферах общественно-политической жизни¹⁶⁵. Значительный фактический материал содержит трехтомная "История рабочего движения США в новейшее время", т. 1-2 (1970-1971), т. 3 (1983). Вместе с тем, рассматриваемое сквозь призму мессианской роли пролетариата, изложение истории рабочего движения нередко приобретало деформированный характер: преувеличивался вес рабочих организаций в общественной жизни, степень их участия в общедемократическом движении и т. д.

Фермерское движение как важная часть общедемократического движения 20-30-х годов было проанализировано в исследованиях Е. Ф. Язькова и В. П. Золотухина¹⁶⁶. Немалый интерес представляет, как показал Е. Ф. Язьков, тот факт, что еще в период "просперити" и расцвета "твердого индивидуализма" 20-х годов фермеры выдвинули план государственного регулирования аграрных проблем, ставший частью реформ "нового курса" Рузвельта.

Бурному подъему демократического движения в 60-70-е годы посвящена обширная литература. В ней исследуются этапы, социально-политическая направленность движения, отмечается значительное изменение его социальной базы. В

¹⁶³ Вайнштейн Г. И. Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. М., 1977.

¹⁶⁴ Михайлов Б. Я. Конгресс производственных профсоюзов, 1935-1955. М., 1959.

¹⁶⁵ Лапицкий М. И. США: роль профсоюзов во внутривнутриполитической жизни. М., 1973.

¹⁶⁶ Золотухин В. П. Фермеры и Вашингтон. М., 1968; Язьков Е. Ф. Фермерское движение в США (1918-1929). М., 1974.

60-х годах активное участие в нем приняла студенческая молодежь, она составила ядро радикального крыла, получившего название "новые левые"¹⁶⁷. Частью его стало и негритянское движение протеста¹⁶⁸. Многие составляющие этого бурного и противоречивого процесса весьма тщательно исследовались в исторической литературе (включая критические очерки об идеологии "новых левых")¹⁶⁹. Но еще не написан комплексный труд о событиях этих лет и их влиянии на различные стороны жизни США.

С конца 70-х годов появляется всё больше работ по современной истории американских государственных учреждений. Видное место принадлежит здесь Институту США и Канады, сыгравшему заметную роль в становлении американистики. Несмотря на публицистичность и конъюнктурный характер ряда работ, вышли серьезные исследования о механизме функционирования демократических учреждений и принятии решений¹⁷⁰, (особое внимание привлекла такая специфика американского парламентаризма как "раздельное правление", когда исполнительная и законодательная власть принадлежат разным партиям); общественное мнение

¹⁶⁷ *Фурсенко А. А.* Критическое десятилетие Америки: 60-е годы. Л., 1974; *Новинская М. И.* Студенчество: социально-психологический очерк. М., 1977; *Массовые движения социального протеста в США.* Отв. ред. И. А. Геевский, Л. А. Салычева. М., 1978; *США: обострение социальных противоречий и массовое демократическое движение.* Отв. ред. Н. В. Мостовец. М., 1980.

¹⁶⁸ *Королева А. П.* 20 миллионов против Джима Кроу: негритянское движение на современном этапе. М., 1967; *Нитобург Э. Л.* Черные гетто Америки. М., 1971; *Геевский И. А.* США: негритянская проблема. Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945-1972). М., 1973.

¹⁶⁹ *Гаджиев К. С.* Эволюция основных течений буржуазной идеологии. М., 1982.

¹⁷⁰ *Савельев В. А.* США: сенат и политика. М., 1976; он же. Капитолий США: прошлое и настоящее. М., 1989; *Борисюк В. И.* и др. Политические институты США: история и современность. М., 1988.

(изучение опросов населения), социальной политики правительства¹⁷¹, где на большом статистическом материале было раскрыто понятие "социально-ответственное государство", сходные черты которого прослеживаются в ряде современных развитых стран.

Заметно повысился интерес к анализу современной двухпартийной системы в США. Существенный вклад в ее анализ внесла лаборатория по истории США в МГУ. Изучаются конкретные методы формирования партийных программ, учет партиями настроений избирателей, тактические приемы партийной борьбы. В вышедших работах охвачены главные этапы развития двухпартийной системы в новейшее время¹⁷². Наиболее представительны работы В. А. Никонова и А. С. Маныкина. Появилось немало работ, написанных в биографическом жанре, сочетающих научный анализ с увлекательным повествованием о деятельности президентов США: Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди и др.

Немалое место в изучении истории США занимали вопросы внешней политики. Весьма обстоятельно разработана история внешней политики США в межвоенный период: роль США в создании Версальско-Вашингтонской системы, отношение к Лиге Наций, изоляционизм 20-х годов.

¹⁷¹ *Плеханов С. М.* Государство и социальная политика: к анализу консервативных тенденций 80-х годов. М., 1988; *Борисюк В. И.* и др. США: государство и социальная политика. М., 1989.

¹⁷² *Печатнов В. О.* Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980; *Никонов В. А.* От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США. М., 1984; он же, *Республиканцы от Никсона к Рейгану.* М., 1988; *Терехов В. И.* Республиканцы у власти: социально-экономическая политика Эйзенхауэра. М., 1984; *Маныкин А. С.* "Эра демократов": партийная перегруппировка в США, 1933-1952. М., 1990; *Галкин И. В.* На пути к Белому дому: из истории демократической партии США. М., 1991.

Важной внешнеполитической темой стали советско-американские отношения. Они открываются исследованием политики США по отношению к Советской России, американского участия в интервенции. Если в советской литературе 20-30-х годов США рисовались второстепенным ее участником, то в 40-50-х гг. в историографии интервенции произошел резкий поворот. В условиях "холодной войны" и обострения международной напряженности появилось немало работ, авторы которых стремились доказать, что США являлись самым непримиримым врагом Советской России и наиболее активным участником вооруженной интервенции (А. В. Березкин, А. В. Гулыга, А. Геронимус и др.). Работы, вышедшие в конце 60-х - начале 70-х годов показали известный отход от этих позиций. Они были основаны не только на привлечении новых источников, но и написаны с менее предвзятых позиций. Е. И. Попова, Л. Гвишиани, М. И. Светочев в своих исследованиях¹⁷³ отмечают наличие различных группировок в американском государственном руководстве, колебания в политике США по отношению к России и противоречия в лагере государств-участников интервенции, что также существенно ограничивало размах вооруженного вмешательства.

Последнее десятилетие для отечественной американистики – новый этап развития. Разумеется, главная веха – август 1991 г., открывшая в российской историографии возможность существования идейного и методологического плюрализма, но уже в конце 80-х годов, в период перестройки, значительно ослаб жесткий идеологический надзор и партийно-административный контроль, и появилась возможность ухода от догматизма и политизации. Важным условием был также

¹⁷³ *Попова Е. И.* Политика США на Дальнем Востоке (1918-1922). М., 1967; *Гвишиани Л.* Советская Россия и США (1917-1922). М., 1970; *Светочев М. И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922), Новосибирск, 1983.

выход российских историков из изоляции: были открыты спецхраны и появилась возможность пользоваться литературой широкому читателю, открылись многие отечественные архивы, немало работ крупных американских "буржуазных" историков было переведено на русский язык (Д. Бурстина, Л. Харца, А. М. Шлезингера и др.), расширились возможности международных встреч и научных обменов.

Заметной вехой стала международная конференция "Поиск новых подходов к изучению США", проведенная в Москве в марте 1991 г. В развернувшейся дискуссии по резко критическому докладу академика Н. Н. Болховитинова были обозначены "болевы точки" в изучении США: тенденциозность и конфронтационность в подходе к истории США, слабый учет специфики исторического развития страны, необходимость применения современной методики исследования и т.д. Новым важным центром американистов стала "Ассоциация изучения США", созданная в 1995 г. в МГУ под руководством профессора Е. Ф. Язькова. Ассоциация ставит задачей координировать работу проектов и публикации их результатов в условиях резкого сокращения государственного финансирования. Уже состоялось несколько конференций с обсуждением проблем: Реформы Ф. Рузвельта, Американское общество на пороге XXI в. и др.

Путь от выдвигания идей до их воплощения в монографиях весьма долог. И все же было сделано немало. Отправляясь от ранней колониальной истории Америки, следует отметить очень успешные исследования Н. Н. Болховитинова по истории русско-американских отношений. В работе "Россия открывает Америку. 1732-1799" (1991) автор показывает глубокий долговременный интерес России к Америке: от первых русских землепроходцев и открытия Аляски до создания Российско-американской компании в 1799 г. Монография вобрала в себя не только историю географических открытий, но и русско-американские научные (достаточно называть имена М. В. Ломоносова и Б. Франк-

лина), культурные и торговые связи того времени. В 1997 г. вышел в свет первый том трехтомного издания "История русской Америки", где предполагается дать анализ сложных перипетий 135-летней истории колониальной политики и колониальных владений России на североамериканском континенте. С 1993 г. вышло 7 выпусков журнала "Русская Америка", основанного Н. Н. Болховитиновым. Наконец, еще ранее в 1990 г. вышло в свет исследование Н. Н. Болховитинова "Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834-1867"- заключительный том главной темы 30-летнего научного творчества ученого по исследованию русско-американских отношений. Как и все его работы, это исследование также основано на архивных документах России и США, обширных публикациях на многих европейских языках. Причина успеха его книг у нас и за рубежом (многие книги Болховитинова переведены на иностранные языки) не только в высокой научной достоверности, но и в политической непредвзятости (за которую ему немало досталось в недавнем прошлом). Вместе с упомянутыми работами Г. П. Куропятника и Р. Ш. Ганелина по развитию русско-американских отношений в конце XIX-начале XX вв. эта тема вырастает в большой цикл - отрасль американистики, которой может гордиться российская наука.

Несомненно, важный шаг вперед сделан в изучении колониального периода. Л. Ю. Слезкин был первым, кто приступил к изучению колоний Новой Англии, но в нарисованной им порой красочной картине не хватало тщательного изучения догматов и церковной организации пуритан, на постулатах которой строился "град на холме" (обращение к религиозной тематике без разоблачения церкви не одобрялось официальной наукой в недавние времена). Это белое пятно отчасти теперь закрыто работой Н. Е. Покровского¹⁷⁴, давшего глубокий анализ новоанглийского пурита-

низма от Дж. Уинтропа до Дж. Эдвардса ("Великое пробуждение" середины XVIII в.). Сам Л. Ю. Слезкин вновь обратился к этой теме, написав биографию выдающегося левого пуританина Роджера Уильямса¹⁷⁵. По теме радикального пуританизма появился также ряд интересных статей И. Ю. Хрулевой.

Как бы устав от долговременного внимания к Первой американской революции, (одной из последних работ, посвященной этой теме, было оригинальное исследование В. А. Ушакова "Американский лоялизм" (1989), где анализируется социальный состав и идеология движения противников революции), российские историки обратились к более спокойной теме - первым успешным шагам США после достижения независимости. В работе "Становление американского государства" (1992), написанной коллективом петербургских ученых под руководством А. А. Фурсенко, ставится вопрос о причинах устойчивости американской федеральной системы. Авторы проводят мысль о том, что, кроме благоприятных исторических условий развития США, на заре их истории были созданы структуры, обеспечивавшие в целом плавное развитие страны эволюционным путем. Под этим углом зрения рассматривается конституционное разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви, при этом учитывалась также специфика политического устройства штатов. Сами "отцы-основатели" показали пример компромиссного решения острых проблем.

Заметным достижением американистики стал выход в свет исследования Б. М. Шпотова "Промышленный переворот в США" (1991). На большем материале (государственные переписи 1790-1900 гг., 198-томная "Нью Амэриксн Стэйт пеперс", статистическим материалам по отдельным районам и т.д.) автор проследил складывание национального рынка и развитие капитализма. Если А. В. Ефимов и

Л. А. Мендельсон относили начало промышленного переворота США к концу XVIII в., а М. Н. Захарова и Б. М. Косарев к 30-40 гг. XIX в., то Б. М. Шпотов выделяет его этапы с начала XIX века до Гражданской войны и анализирует его особенности на Севере, Востоке, Западе и Юге страны.

Новые тенденции в изучении истории США отчетливо проявились во взглядах на реформизм. Наиболее полное выражение они нашли в работах В. В. Согрина "Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века" (1995) и в коллективной монографии "Либеральная традиция в США и ее творцы" (1997), написанной американистами МГУ. В центре внимания обих работ история либерализма. Авторы отказались от негативистской оценки либерализма, служившего согласно марксистским догмам, средством обмана масс буржуазией. В работах показывается его важная роль в социальной и политической модернизации американского капитализма, раскрывается идейная история либерализма через мировоззрение американских мыслителей и политических деятелей: Т. Джефферсона, Э. Джексона, А. Линкольна, В. Вильсона, Ф. Рузвельта, Дж. Кеннеди и многих других. Идейные корни левого либерализма лежат в Просвещении, выдвинувшем гуманистические идеалы политического равенства и эгалитаризма. На каждом этапе развития с конца XVIII- до XX века либерализм вносил свою реформаторскую лепту в политическую и экономическую жизнь страны. На рубеже XIX-XX вв. на смену буржуазно-индивидуалистическому классическому либерализму пришел новый социальный либерализм, с помощью которого были проведены первые реформы Прогрессивной эры, затем широкие реформы "нового курса" Ф. Рузвельта. Процесс преобразования американского капитализма в государственно-регулируемый и социально-ориентированный продолжался и в послевоенные годы. Авторы отмечают, что этот долгий путь реформ был пройден и под

давлением низов. Особенно подробно оспаривается на этом В. В. Согрин, уделяющий немало внимания леворадикальной идеологии и идейной истории американских социалистов. Обе монографии носят концептуальный характер и намечают контуры нового осмысления узловых проблем истории США.

К этой же теме примыкает работа Н. А. Белявской "Роберт Лафоллет: цена независимости" (1995), рисующая жизнь и борьбу выдающегося радикального республиканца. В работе Л. В. Байбаковой "Двухпартийная система США в период "позолоченного века" (1996) исследуется проблема формирования на пороге XX в. новой модели двухпартийной системы, способной к решению реформистских задач.

В области новейшей истории, где прежде политическая заданность в историографии была особенно велика, появилось меньше работ с новым углом зрения. Но они есть. На редкую теперь тему написана книга Н. В. Куркова "Американская Федерация Труда, 1919-1939." (1990), анализирующая эволюцию АФТ между двумя мировыми войнами. Автор едва ли не первым из российских историков рассматривает профсоюз и его руководителя Гомперса не как "агентуру Уолл-стрита", а как организацию, отражавшую в первые десятилетия XX века нужды и многие требования значительной части рабочих. Лишь мировой экономический кризис 30-х годов взорвал традиционные принципы АФТ, потребовав новых принципов и форм, которые дали производственные профсоюзы КПП. Любопытно, что новое вино как бы влило автором в старые меха: термины "классовый коллаборационизм", "оппортунизм", "беспартийность" и т.д., которыми пестрит книга, лишь затрудняют восприятие читателем интересного исследования.

Из работ, посвященных внешней политике США в канун второй мировой войны выделяется дерзкая по постановке вопро-

¹⁷⁴ Покровский Н. Е. Ранняя американская философия. Пуританизм. М., 1989.

¹⁷⁵ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Роджер Уильямс. 1603-1683. М., 1995.

сов работа Д. Г. Наджафова¹⁷⁶ и капитальное исследование Г. Н. Севостьянова¹⁷⁷. В советской историографии господствовал взгляд, согласно которому Англия и Франция, а за их спиной стояли США, подталкивали фашистских агрессоров на войну против СССР. Конфликт, приведший к войне, сводился к противоречиям между социализмом и капитализмом. Д. Г. Наджафов выдвигает точку зрения, что реальный конфликт состоял в противоречиях между демократией и тоталитаризмом. Критикуя политику "нейтралитета" США, автор считает, что ее корни лежали в традиционном американском изоляционизме, но в новых условиях она была глубоко ошибочной, неадекватным ответом на агрессию фашистских держав. И все же логика развития событий, подчеркивает автор, привела США в лагерь антифашистской коалиции.

Многоплановая работа Г. Н. Севостьянова затрагивает сложнейшие и острейшие проблемы самого кануна войны. Автор рисует механизм выработки и осуществления внешней политики в комплексе СССР, США, Англии, Франции, Германии, Италии и ряда других стран, стремится подходить к событиям непредвзято, не придерживаясь принципа "моя страна всегда права". На важнейший вопрос - кто виноват в том, что фашистская агрессия все же была развязана, отвечает весь документально-фактический материал, приведенный в книге - вина в большей или меньшей степени лежит на всех участниках будущей антигитлеровской коалиции. Документальная база монографии велика, но в основе ее лежат, прежде всего, архивы США и России.

Советско-американские отношения сразу стали в центре международных отношений послевоенного времени, когда на смену сотрудничеству СССР и США в период второй мировой войны пришла

жесткая конфронтация, получившая название "холодной войны". Она во многом определила идеологизированность и даже политизацию исторических работ, наложила отпечаток на методы анализа и сопоставлений, затронув различные аспекты освещения послевоенной внешней политики США. В советской историографии утвердилась точка зрения - одной из главных задач внешней политики США в 40-50-х годах являлось стремление не допустить социалистических революций в Западной Европе. Активно проводилась мысль о стремлении американских правящих кругов к мировому господству. Советские историки писали о мессианстве американской внешнеполитической мысли, об антикоммунизме как движущей силе процесса формирования американской внешней политики (американская историография, в свою очередь, педалировала положение о стремлении СССР экспортировать коммунизм). Лишь в начале 90-х годов в отечественной американистике наметился отход от односторонних обвинений США в возникновении "холодной войны" и все больше утверждается идея об обоюдной ответственности США и СССР за конфронтацию послевоенных лет.

Основательных обобщающих работ о возникновении "холодной войны" пока нет, но существует немало исследований, анализирующих различные аспекты этой проблемы. Одна из таких серьезных последних работ - монография В. Л. Малькова "Манхэттенский проект" (1995), выполненная на материалах многих архивов США и Архива внешней политики РФ. Автор дает в ней не только "биографию" атомного оружия времени военных лет, созданного для поражения Японии. После войны "атомная дипломатия" использовалась для давления на СССР, вызвав ответную форсированную работу над созданием аналогичного оружия. Военное соперничество двух великих держав отравляло общественную атмосферу, породило шпиономанию и ксенофобию, стало важ-

ным фактором вползания в "холодную войну".

Латиноамериканистика. Латиноамериканистика - одна из самых молодых отраслей отечественной науки. В дореволюционной России история народов Латинской Америки фактически не изучалась. Это было во многом следствием слабого развития политических, экономических и культурных отношений между Россией и государствами далекого континента. В советское время, с конца 20-х годов, началось изучение истории Латинской Америки, но в 30-х годах малочисленные научные кадры понесли серьезные потери. Были репрессированы один из первых исследователей, видный политический деятель С. С. Пестковский, Г. Б. Скалов и др. В Отечественную войну погибли на фронте В. М. Мирошевский и Г. М. Дашевский.

После второй мировой войны, когда значительно расширились отношения СССР со странами Латинской Америки, со всей очевидностью выявилась необходимость лучшего знания народов этого региона. В первое послевоенное десятилетие изучение истории Латинской Америки продвинулось вперед. Правда, тематика исследований оставалась крайне ограниченной. Она касалась только нескольких стран (прежде всего Мексики, Аргентины и Кубы) и некоторых общих вопросов: "разоблачения" экспансионистских устремлений США в этом районе и отчасти истории рабочего движения. Внутренняя гражданская история в целом оставалась вне поля зрения. Важным событием был выход в свет первой монографии по латиноамериканской проблематике В. М. Мирошевского "Освободительное движение в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492-1810)" (1946), написанной на высоком профессиональном уровне с использованием имеющихся в отечественных архивах источников. (Работа, изданная посмертно, являлась частью незаконченного автором большого исследования, посвященного комплексу сложных проблем колониального периода).

В этот период выступили с первыми исследовательскими статьями молодые талантливые ученые, составившие вскоре ядро советской латиноамериканистики: В. И. Ермолаев, Н. М. Лавров, А. Ф. Шульговский, М. С. Альперович, И. Р. Григулевич (выступавший в печати также под псевдонимом И. Р. Лаврецкого).

Важнейшим рубежом, определившим серьезный сдвиг в изучении истории латиноамериканских стран, стала вторая половина 50-х годов. Критика "культ личности" Сталина способствовала отходу от ряда консервативных догм. В частности, от тезиса о полуколониальном статусе стран Латинской Америки, принятого V и VI конгрессами Коминтерна. С другой стороны, подъем демократического движения в Латинской Америке и победа кубинской революции вызвали прилив интереса широкой общественности. Росту внимания к прошлому Латинской Америки способствовали и другие моменты. Такие, например, как открытие ленинградского исследователя Ю. В. Кнорозова в изучении письменности индейцев майя, цивилизации, существовавшей на Американском континенте еще задолго до Колумба. В отличие от предшественников, утверждавших, что эта письменность носит идеографический характер и поэтому не поддается дешифровке, Кнорозов пришел к выводу об иероглифическом ее характере, аналогичном системам письма древнего Шумера и Египта, что дало возможность прочесть значительную часть рукописей, над секретами которых более ста лет бились ученые многих стран.

В эти же годы произошли важные изменения в организации работы латиноамериканистов. В 1961 г. в Институте истории АН СССР был образован сектор истории стран Латинской Америки. Одновременно для разработки современных проблем латиноамериканистики в системе Академии наук был создан Институт Латинской Америки (ИЛА). С 1969 г. стал издаваться журнал "Латинская Америка". Исследования велись также в Институте этнографии, Институте мировой экономи-

¹⁷⁶ Наджафов Д. Г. Нейтралитет США 1935-1941. М., 1990.

¹⁷⁷ Севостьянов Г. Н. Европейский кризис и позиция США. 1938-1939. М., 1992.

ки и международных отношений, Институте международного рабочего движения. Большую роль в подготовке молодых специалистов сыграла кафедра новой и новейшей истории МГУ: Э. Э. Литаврина, А. А. Соколов, А. И. Строганов. Историколатиноамериканисты работали не только в Москве и Ленинграде, но и ряде других университетских городов - Киеве, Львове, Воронеже, Казани.

Все это привело к значительному количественному и качественному росту исследовательской работы. Главной формой научной работы стала теперь не статья, а монография. Были созданы работы, охватывающие широкий круг проблем. Среди них исследования об образовании и развитии наций в Латинской Америке¹⁷⁸. Подготовлены первые обобщающие коллективные работы по истории крупнейших латиноамериканских стран¹⁷⁹. Особое внимание при изложении их истории уделялось национально-освободительным и рабочим движениям, социально-экономической проблематике. Была предпринята попытка дать периодизацию истории отдельных стран, исходя из особенностей развития каждой из них.

В центре проблем освободительного движения естественно оказалась война за независимость 1810-1826 гг. Она означала коренной поворот в судьбах латиноамериканских народов, положила начало образованию независимых государств, решила ряд задач буржуазной революции и в немалой мере предопределила характер последующего социально-экономического и политического развития.

¹⁷⁸ Нации Латинской Америки. Формирование. Развитие. Под ред. А. В. Ефимова, И. Р. Григулевича, С. А. Гонионского, М., 1964.

¹⁷⁹ Очерки новой и новейшей истории Мексики. Под ред. М. С. Альперовича и Н. М. Лаврова, М., 1960; Очерки истории Аргентины. Отв. ред. В. И. Ермолаев, М., 1961; Очерки истории Бразилии. Отв. ред. В. И. Ермолаев, М., 1962; Очерки истории Чили. Отв. ред. Н. М. Лавров, М., 1967; Очерки истории Кубы. Отв. ред. Н. М. Лавров, М., 1978.

До середины 50-х годов всесторонней научной разработке этих проблем мешали ошибочные положения, доминировавшие в советской литературе. Хотя признавалось прогрессивное значение освободительной борьбы народов Латинской Америки против колонизаторов, но преобладала тенденция рассматривать эту борьбу не как широкое общенациональное движение и не как буржуазную революцию, а в большей мере как дело группы "креольских сепаратистов". Догматически советскими историками воспринималась и ошибочная негативная характеристика личности и деятельности выдающегося руководителя войны за независимость Симона Боливара, данная Марксом. Переломным моментом явилось опубликование в 1956 г. статьи четырех советских историков¹⁸⁰, в котором по-новому были поставлены принципиальные вопросы характера, движущих сил и значения войны за независимость. Авторы выступили против неверной оценки С. Боливара и других деятелей освободительной борьбы, за оценку войны за независимость как буржуазной революции.

Принятие новых подходов стимулировало изучение войны за независимость. В изданном к 150-летию юбилею сборнике "Война за независимость в Латинской Америке (1810-1828)" (1964) были представлены общие проблемы освободительной борьбы и отношение европейских держав и США к революционному движению в колониях. Вопросы экономических, социальных и политических предпосылок войны за независимость заняли большое место в книге М. С. Альперовича и Л. Ю. Слезкина "Образование независимых государств в Латинской Америке (1810-1826)" (1966). Совершенно в новом свете предстала деятельность "Вашингтона Южной Америки" - Симона Боливара в очерках И. Р. Лаврецкого, а позднее в ра-

¹⁸⁰ Альперович М. С., Ермолаев В. И., Лаврецкий И. Р., Семенов С. И. Об освободительной войне испанских колоний в Америке (1810-1826) - "Вопросы истории", 1956, № 11.

ботах А. Ф. Шульговского и А. Н. Глинкина. В конце 50-х - 60-х годах появились первые исследования об освободительных движениях кануна войны за независимость: движения Инконфиденции в Бразилии (80-е годы XVIII в.), революции конца XVIII в. на Гаити, борьбе против колониального ига в Венесуэле и Уругвае.

В 60-80-х годах углубление изучения войны за независимость шло путем разработки ее истории в отдельных странах и регионах: Мексики, Парагвае, Колумбии, Аргентине¹⁸¹ и др. Появились исследования, посвященные отдельным проблемам войны за независимость в этих странах, например, К. В. Комарова "Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины" (1988).

При всех достижениях в изучении войны за независимость историографии 50-70-х годов было свойственно "спрямление" - стремление подогнать войны за независимость в Латинской Америке под классические европейские модели буржуазных революций. Между тем общественный строй колоний в переходный период конца XVIII - начала XIX в. был более сложен и многополярен, чем в европейских странах. Здесь продолжал существовать обширный индейский мир со своим общинно-племенным строем, плантационное рабство, латифундии, уже частично связанные с мировым рынком и т. д. Поэтому результаты революции вряд ли могут измеряться степенью приближения к "чистому капитализму" европейского стандарта и объявляться половинчатыми. Понимания этого еще не было в литературе тех десятилетий.

Новый поворот в теме отношения России к освободительному движению в Латинской Америке был дан в монографии Л. Ю. Слезкина "Россия и война за неза-

¹⁸¹ Альперович М. С. Война за независимость Мексики. М., 1964; он же. Революция и диктатура в Парагвае (1810-1840). М., 1975; Ильина Н. Г. Колумбия: от колонии к независимости. М., 1976; Штрахов А. Н. Война за независимость Аргентины. М., 1976.

висимость в Испанской Америке" (1964). До этого в историографии господствовало положение, что приверженность принципам монархизма предопределила отрицательное отношение России к войне за независимость (основные положения этой концепции были представлены в работе Л. А. Шура). Л. Ю. Слезкин, изучая позиции правящих кругов и русской общественности в связи с войной за независимость, показал, что участие в Священном Союзе не было единственной доминантой, определявшей позицию России, наряду с этим действовали и другие мотивы (стремление установить торговые и политические связи со странами Латинской Америки и т. д.). В результате в первые годы войны за независимость правительство Александра I занимало позицию благожелательного нейтралитета по отношению к восставшим колониям.

Из исследований латиноамериканистов вытекало, что особенности войны за независимость: слабость в колониях капиталистического уклада, отсутствие сложившейся национальной буржуазии и ряд других факторов не позволили радикально ликвидировать многоукладное социально-экономическое наследие колониальной эпохи. Молодые государства оказались объектом экспансии западноевропейских держав и США, усилившейся с наступлением XX века. Все это обусловило своеобразие борьбы против внутренних консервативных сил (прежде всего латифундистской олигархии) и против зависимости от иностранного капитала.

Крупнейшей и глубокой буржуазно-демократической революцией нового времени в Латинской Америке явилась мексиканская революция 1910-1917 гг., направленная против докапиталистических пережитков и экономического диктата иностранного капитала. Эти проблемы были проанализированы в работах М. С. Альперовича, Б. Т. Руденко, Н. М. Лаврова¹⁸². В хорошо документированных моно-

¹⁸² Альперович М., Руденко Б. Мексиканская революция 1910-1917 гг. и политика США. М.,

графиях А. М. Зориной и Л. Ю. Слезкина исследовалось развитие национально-освободительного движения на Кубе в конце XIX - начале XX вв.¹⁸³ В центре изучения оказалась деятельность Хосе Марти - кубинского революционера, идеолога и организатора освободительной борьбы против испанского господства¹⁸⁴. Многие авторы, правда, не избежали при этом модернизации его мировоззрения.

Наряду с освободительной борьбой внимание исследователей привлекло рабочее движение первых десятилетий XX в. Именно в этот период в наиболее экономически развитых странах континента начал выходить на общественную арену рабочий класс¹⁸⁵.

Важное место в историографии Латинской Америки заняли проблемы новейшей, особенно современной истории. Отправным положением в подходе к послевоенной истории являлась концепция углубления общего кризиса капитализма и развития революционного процесса в регионе. Исключительное внимание к революционным событиям основывалось не только на теоретических выкладках, но отражало реальные черты общественного развития после второй мировой войны: боливийская революция 1952 г., чилийская - 1970-1973 гг., никарагуанская - 1979 г., революционные процессы в Перу, Гватемале, а главное - победа революции на Кубе в 1959 г.

В основе анализа современных социально-экономических процессов лежало положение о структурном кризисе многоукладного латиноамериканского общества: сочетание относительно развитого капиталистического общества с чертами

1958; *Лавров Н. М.* Мексиканская революция 1910-1917 гг. М., 1972.

¹⁸³ *Зорина А. М.* Из героического прошлого кубинского народа. М., 1961; *Слезкин Л. Ю.* История Кубинской республики. М., 1966.

¹⁸⁴ *Гризулевич И. Р.* Хосе Марти - предвестник Кубинской революции. М., 1979.

¹⁸⁵ *Коваль Б. Н.* История бразильского пролетариата (1857-1968) М., 1968; *Зорина А. М.* Рабочее движение на Кубе. 1850-1925. М., 1975.

отсталости и зависимости от иностранного капитала, наличие латифундизма как источника докапиталистических пережитков.

В исследованиях сотрудников ИЛА, вышедших в 70-80-х годах и носивших преимущественно экономический, социологический и политологический характер, анализировались различные стороны общественного развития латиноамериканских стран под углом зрения готовности к революционным переменам¹⁸⁶.

Другой обширный блок работ был посвящен изучению социальной структуры латиноамериканского общества: господствующих классов, пролетариата, сельских трудящихся, средних городских слоев¹⁸⁷.

Как правило, экономический и социальный анализ давался не только на континентальном уровне, но и дополнялся страноведческим. По крупнейшим странам - Бразилии, Мексике, Венесуэле и др. вышли работы, сочетавшие комплексное рассмотрение экономических и социально-политических аспектов. Общий анализ политических институтов различных стран континента в их историческом развитии вплоть до современности был представлен коллективной обобщающей

¹⁸⁶ *Коваль Б. И., Семенов С. И., Шульговский А. Ф.* Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974; Проблемы и движущие силы революционного процесса в Латинской Америке. Отв. ред. А. Ф. Шульговский. М., 1977; Капитализм в Латинской Америке. Очерки генезиса эволюции и кризиса. Отв. ред. В. В. Вольский. М., 1983.

¹⁸⁷ *Коваль Б. Н.* История бразильского пролетариата. 1897-1967. М., 1968; Сельские трудящиеся Латинской Америки. Отв. ред. А. Ф. Шульговский. М., 1972; Средние городские слои Латинской Америки. Отв. ред. А. Ф. Шульговский. М., 1974; Господствующие классы Латинской Америки. Отв. ред. А. Ф. Шульговский, Б. М. Мерин. М., 1978; Пролетариат и революционный процесс в Латинской Америке. Отв. ред. Б. М. Мерин. М., 1985; Социальные сдвиги в Латинской Америке. Отв. ред. Б. М. Мерин. М., 1985.

работе "Политическая система общества в Латинской Америке" (1982).

Эти исследования не только содержали большой новый фактический материал (часто добытый на основе применения современной научной методики) и освещали многие стороны современного латиноамериканского общества, но и включали обширные исторические экскурсы. По свежим следам были написаны весьма содержательные работы о боливийской, кубинской и чилийской революциях¹⁸⁸.

Вместе с тем, акцент, делавшийся в литературе на общем кризисе капитализма, невозможности решения противоречий латиноамериканской действительности в рамках капитализма, как и преувеличенные надежды на социалистические перспективы в ходе революционного процесса привели к значительным деформациям в освещении многих событий. Преувеличивалась сила рабочего движения и его революционность, идеализировалась деятельность компартий и степень их влияния в обществе, резко критически оценивались позиции социал-демократии и других реформаторских течений. В 70-х годах усилилось внимание к проблемам реформизма и появился ряд серьезных исследований: о деятельности христианских демократов в Чили в 1964-1970 гг., о внутренней политике венесуэльской партии демократического действия в 1959-1968 гг., об апристах в Перу¹⁸⁹. В работах более объективно излагался ход реформ, подчас отмечалось их позитивное значение, но в целом авторы оставались в рамках старой интерпретации реформ, скептически оценивали перспективу общественного развития, альтернативного революционному.

¹⁸⁸ *Фадеев Ю. А.* Революция и контрреволюция в Боливии. М., 1969; *Ларин Е. А.* Повстанческая армия в кубинской революции. М., 1977; *Королев Ю. Н.* Чилийская революция. М., 1982.

¹⁸⁹ *Зорина И. Н.* Революция или реформа в Латинской Америке. М., 1971; *Дабаян Э. С.* Национал-реформизм в современной Венесуэле. М., 1972; *Кузнецов В. С.* Социально-экономические преобразования в Перу и рабочий класс (1966-1975). М., 1975.

С позиций, обусловленных критическим отношением к реформизму, рассматривалась и политика США в странах Латинской Америки: экономическая программа Эйзенхауэра, "Новые рубежи" Кеннеди. Исследователи акцентировали внимание на эгонистических мотивах действий США, их стремлении предотвратить народные революции в странах Латинской Америки и лишь вскользь отмечали, что США временно удалось затормозить развитие революционных движений¹⁹⁰.

Во многом более адекватную историческим реальностям картину рабочего и демократического движения нарисовали исследователи, изучавшие более ранний период новейшего времени. Еще в начале 60-х годов были пересмотрены левацкие оценки взглядов видного деятеля рабочего движения Хосе Мариатеги, ранее характеризовавшиеся как мелкобуржуазные и народнические. В исследованиях по истории рабочего движения (Б. И. Ковалья, А. И. Строганова, Ф. А. Гаранина, А. А. Соколова, Н. П. Калмыкова) была обращено внимание на борьбу за народный и антифашистский фронт в ряде латиноамериканских стран¹⁹¹.

Научным прорывом был выход в свет фундаментальной монографии А. Ф. Шульговского "Мексика на крутом повороте своей истории" (1967) (она была переведена в Мексике и выдержала к 1990 г. 10 изданий). Ранее социально-политические преобразования, про-

¹⁹⁰ Неоколониализм США в Латинской Америке. М., 1970; *Матлина А. А.* Критика концепции "мирной регулируемой экономики". М., 1971; *Куманев Г. А., Селезнев Г. К.* Американская политика "новых рубежей" и Латинская Америка (1961-1971). М., 1972.

¹⁹¹ *Коваль Б. И.* Рабочее движение в Латинской Америке (1917-1959). М., 1959; *Строганов А. И.* Борьба за единый рабочий и народный фронт в Аргентине в 1933-1936 гг. М., 1969; *Гаранин Ф. А.* Народный фронт в Чили 1936-1941 гг. М., 1973; *Соколов А. А.* Рабочее движение Мексики (1917-1929 гг.). М., 1978; *Калмыков Н. П.* Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс (1930-1945). М., 1981.

веденные президентом Карденасом в 1934-1940 гг., рассматривались как не выходящие за рамки обычных буржуазных реформ. Шульговский показал, что проведение аграрной реформы, нанесшей мощный удар по латифундизму, восстановление широкого круга демократических свобод, национализация железных дорог и англо-американских нефтяных компаний были по своему характеру равнозначны глубоким, истинным революционно-демократическим преобразованиям, принятым в интересах народа. Тем самым была обозначена альтернатива в средствах борьбы за демократические социально-экономические преобразования и полную экономическую самостоятельность страны.

Из тем, охватывающих как новую, так и новейшую историю Латинской Америки, внимание исследователей привлекла деятельность церкви, сыгравшей и поныне играющей исключительную роль в общественной жизни. Наибольшую известность в этой области получили работы И. Р. Григулевича¹⁹². Он поднял значительный материал, раскрывающий триаду: власть, церковь, массы. Но трудно согласиться с преимущественно критико-разоблачительным пафосом его работ. Церковь была активной участницей колонизации и формирования колониального общества, но она же сыграла немалую позитивную роль в развитии культуры, в формировании латиноамериканской цивилизации. И ныне католицизм является частью национального самосознания народов Латинской Америки.

Со дня образования независимых латиноамериканских государств важную роль в политической жизни большинства из них играла армия. Главная причина большого удельного веса силовых при-

¹⁹² Григулевич И. Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке XVI-XVIII вв., М., 1977; он же. Церковь и олигархия в Латинской Америке. 1810-1959. М., 1981; он же. Латинская Америка: церковь и революционное движение 1960 - начало 1980-х годов. М., 1989.

мов в политике - нестабильное экономическое и социальное состояние общества, недостаточная зрелость гражданского общества, неразвитость политической культуры. Эти проблемы получили разработку в исследовании Ю. А. Антонова на материале Бразилии и А. Ф. Шульговского на примере ряда других латиноамериканских государств¹⁹³.

Латиноамериканисты уделили немало внимания роли личности в истории. В монографиях и обобщающих трудах в качестве протагонистов выступают нередко живо обрисованные фигуры президентов и политических деятелей, руководителей народных движений. Кроме того, создана целая серия очерков о выдающихся деятелях латиноамериканской истории. В этой области особенно проявился литературный дар И. Р. Григулевича. В серии "Жизнь замечательных людей" вышли увлекательно написанные им биографии от Боливара и Миранды до Че Гевары и Альенде, они привлекли читателей, хотя и несут отчетливую печать времени их написания.

Изучение международных отношений и внешней политики стран Латинской Америки - еще одно из существенных направлений деятельности историков-латиноамериканистов. Особое внимание уделялось взаимоотношениям США со странами Латинской Америки, исторической эволюции внешней политики США, начиная с завоевания латиноамериканскими странами независимости и до современности. Существующая историческая литература обширна (за четыре послевоенных десятилетия было опубликовано около 160 индивидуальных и коллективных монографий и сборников, посвященных взаимоотношениям США с их южными соседями и современной политике стран региона на мировой арене). Развитие латиноамериканской политики США в межвоенный период от интервен-

¹⁹³ Антонов Ю. А. Бразилия: армия и политика. М., 1973; Шульговский А. Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М., 1979.

ционизма к провозглашению политики "доброго соседа" Ф. Рузвельтом прослежено весьма подробно в работах С. А. Гошонского и И. И. Янчука¹⁹⁴.

Проблемы послевоенных отношений США со странами Латинской Америки привлекли особое внимание исследователей. В их изучении сделано немало, хотя на трактовку существенное отрицательное влияние оказывал подход с позиций "холодной войны". Наряду с работами, содержащими общую характеристику латиноамериканского курса США, исследователи уделили внимание и отдельным его аспектам: идеологическим и политическим концепциям, положенным в основу внешнеполитического курса США, экономической¹⁹⁵ и военной политике в Южной Америке. В работе А. Н. Глинкина, Б. Ф. Мартынова, П. П. Яковлева "Эволюция латиноамериканской политики США" (1982) подытожен комплекс взаимоотношений двух Америк в послевоенный период.

Менее изучены в историческом аспекте двухсторонние отношения между США и отдельными государствами Латинской Америки. Исключение составляет политика США в отношении Мексики и Кубы, где освещены такие принципиально важные темы как война США против Мексики в 1846-1848 г. (Н. В. Потокова), отношение США к мексиканской революции 1910-1917 гг. (М. С. Альперович, Б. Т. Руденко), политическая и экономическая активность США на Кубе в начале XX в. (Э. Л. Нитобург, К. С. Шустов).

Важно отметить, что латиноамериканские государства все более выступают в

¹⁹⁴ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке (1939-1945) М., 1975; он же. Политика США в Латинской Америке (1918-1928). М., 1982; Гошонский С. А. Латинская Америка (1939-1945). Очерки дипломатических отношений. М., 1960.

¹⁹⁵ Вольский В. В. Латинская Америка, нефть и независимость. М., 1964; США и Латинская Америка. М., 1978; Федоренко Е. Н. Транснациональные корпорации США в Латинской Америке. М., 1975.

исследованиях не только как объект внешней политики "великих держав", но и как активные субъекты международных отношений. Коллектив ученых ИЛА подготовил ряд капитальных исследований об основных тенденциях развития межгосударственных отношений в Южной Америке за послевоенные десятилетия¹⁹⁶. В них поднимаются такие проблемы, как сотрудничество стран региона в борьбе против трансконтинентальных корпораций за контроль над природными ресурсами, движение за коллективную безопасность на континенте и т. д. В другой группе исследований даются очерки внешнеполитического курса латиноамериканских стран в послевоенный период¹⁹⁷. Опубликованы также монографии о внешней политике отдельных государств: Аргентины, Чили, Перу. На этом уровне исследования для раскрытия пружин внешней политики потребовался анализ ее связи с внутривнутриполитическими процессами и социально-экономической структурой.

Прогресс в изучении истории стран Латинской Америки очевиден. Отечественная латиноамериканистика, став одной из зрелых отраслей исторического знания, уверенно вышла на международную арену. (Ранее в изучении Латинской Америки доминировали Испания и США). Все это определило значительный интерес за рубежом к научным разработкам отечественной латиноамериканистики. В странах Латинской Америки, США и Европы появились переводы отдельных монографий (М. С. Альперовича, В. В. Вольского, Б. Н. Ковалева, Н. М. Лаврова, А. Ф. Шульговского и др.); нередки публикации статей историков-латиноамериканистов в зарубежных научно-политических журналах.

¹⁹⁶ Некоторые вопросы межлатиноамериканских отношений. Отв. ред. А. С. Ковальская. М., 1976; Межгосударственные отношения в Латинской Америке. Отв. ред. А. Н. Глинкин. М., 1977

¹⁹⁷ Внешняя политика стран Латинской Америки после второй мировой войны. Отв. ред. Б. Н. Гвоздарев. М., 1975.

Выросли международные научные связи отечественных латиноамериканистов, осуществляемые, прежде всего, через ИЛА. Если ранее преобладали научные связи с латиноамериканистами Восточной Европы, то в 80-е гг. усилились контакты с исследовательскими центрами Латинской Америки, США и Западной Европы. Были заключены соглашения о научном сотрудничестве с университетами Колумбии, Венесуэлы, Аргентины, Мексики, Ассоциацией латиноамериканских исследований (США).

В первые три десятилетия со времени своего становления латиноамериканистика развивалась стремительно, но в конце 80-х - начале 90-х годов она как бы обрела второе дыхание - резко возрос круг рассматриваемых событий, оживились научные дискуссии, началось переосмысление прежних подходов и оценок. Одной из плодотворных дискуссий стала Всесоюзная Научная конференция, организованная в мае 1990 г. Научно-исследовательским Центром Латинской Америки Института всеобщей истории. Темой дискуссии стали принципиальные проблемы истории Латинской Америки XVI-XIX вв.: соотношение различных социально-экономических укладов в колониях Испании и Португалии, характер войны за независимость (1810-1826) и последующие либеральные реформы и революции в XIX в. Пришло осознание большой специфики происходивших в Латинской Америке процессов по сравнению с западноевропейскими марксистскими эталонами¹⁹⁸.

Отчетливо проявились новые подходы в фундаментальной систематической истории Латинской Америки в новое время, написанной коллективом ученых¹⁹⁹. В работе масштабно поставлен вопрос о фор-

мировании латиноамериканской цивилизации как синтеза индейских, европейских и негритянских культур и этносов при активной интегрирующей роли романо-католического варианта европейской цивилизации. Отставание социально-экономических отношений Нового Света от Европы в колониальный период объясняется авторами огромным разрывом в уровне исторического развития между индейской и европейской цивилизациями. Этот фактор сохранял свое значение и в XIX в. после достижения латиноамериканскими странами независимости.

Если в годы становления латиноамериканистики были распространены упрощенные догматизированные представления о колониальном времени как эпохе господства феодализма, то теперь авторы развивают концепцию многоукладной экономики, составными частями которой были первобытнообщинный, рабовладельческий, мелкотоварный, феодальный и развивающийся раннекапиталистический уклады. Особое внимание уделяется "пробуржуазным" тенденциям развития агроэкспортного латифундизма, приведшим к началу вовлечения Латинской Америки в процессы мирового капиталистического развития в качестве периферийной зоны. В свете этих выводов у авторов не вызывают сомнения буржуазные черты, присущие характеру войны за независимость колоний, проблемы в спорах о которой в предшествующие десятилетия было сломано столько копий.

Новые подходы исследователей особенно рельефно проявились также при анализе современных проблем. До конца 80-х годов в трудах советских латиноамериканистов господствовала левая, социалистическая альтернатива общественного развития стран региона, пути, проложенном Кубинской и Никарагуанской революциями. Несмотря на крайне идеологизированный подход к этой тематике, часто очень преувеличенные оценки роли компартий и левых сил в целом, в исследованиях историков была показана важная роль трудящихся в революциях XX в. и

проведении базисных социально-экономических реформ.

В 90-е годы, когда шансы на революцию в ближайшем будущем становились все более призрачными, а в самой России произошли большие перемены, наблюдается спад интереса к рабочему движению и левым силам. На первый план выдвинулась проблема "неолиберализма" в Латинской Америке, который к тому времени превратился в доминирующее направление в развитии стран региона. Большинство исследователей полагает, что переход к "неолиберальной" политике в странах региона связан с научно-технической революцией и процессами транснационализации мировой экономики и может стать предпосылкой нового этапа модернизации в странах Латинской Америки²⁰⁰. Вместе с тем спектр оценок самого "неолиберализма" очень широк: от позитивной его оценки (А. Н. Глинкин, З. В. Ивановский, Б. И. Коваль)²⁰¹ до весьма резкой критики ряда его аспектов. Так отмечается, что радикальная либерализация внешней торговли в некоторых странах Латинской Америки привела к вытеснению импортной продукцией товаров национального производства и разорению местных предпринимателей; в результате преимуществами процессов мирового хозяйства пользуются только центры мирового капитализма: США, Западная Европа, Япония. (З. И. Романова, А. А. Матлина и др.). Многие авторы, не отрицая "неолиберальный" проект модернизации, отмечают необходимость сочетания рыночного хозяйства с государственным регулированием (А. А. Матлина, Л. С. Окунева и др.)²⁰².

²⁰⁰ Строганов А. И. Латинская Америка в XX веке: проблемы развития и модернизации общества. Научный доклад. М., 1997.

²⁰¹ Бразилия: реформы и прогресс. Под ред. А. Н. Глинкина. М., 1997; Ивановский З. В. Колумбия и гражданское общество. М., 1997.

²⁰² Матлина А. А. Латинская Америка в меняющемся мире. М., 1992; Окунева Л. С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. Кн. 1-2. М., 1994.

В центре внимания российских латиноамериканистов находятся также процессы демократизации в государствах региона²⁰³. Процесс демократизации политических систем латиноамериканских республик в течение XX в. для большинства исследователей очевиден - большинство стран ушло от диктаторских режимов. В то же время если одна часть латиноамериканистов рассматривает утверждение демократических свобод и прав человека, исходя из эталонов передовых стран Запада, то другая видит в представительной демократии без социальных гарантий лишь консервативный вариант буржуазной демократии (А. Ф. Шульговский, К. Л. Майданик).

Свежие идеи были внесены в разработку национально-этнического развития народов стран латиноамериканского континента в работах Я. Г. Шемякина, Т. В. Гончаровой²⁰⁴ и других. В них исследуется проблема самобытности стран Латинской Америки, но ставится вопрос о результатах их взаимодействия с ценностями современной западной цивилизации.

При всем широком диапазоне рассматриваемых латиноамериканистами проблем современной истории до последнего времени отсутствовали работы, освещающие новейшую историю Латинской Америки в целом. Этот вакуум ныне в немалой мере заполнен неординарной работой А. И. Строганова²⁰⁵, написанной с учетом достижений современной науки. Автор удачно сочетает описание единого процесса исторического развития Латинской Америки со спецификой отдельных стран, в центре внимания ведущие страны континента: Аргентина, Бразилия, Мексика,

²⁰³ Латинская Америка. Политические партии. Социальные движения. Кн. 1-3. М., 1995; Окунева Л. С. Ук. соч.

²⁰⁴ Шемякин Я. Г. Латинская Америка: традиции и современность. М., 1987; Гончарова Т. В., Стеценко А. К., Шемякин Я. Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. Кн. 1-2. М., 1995.

²⁰⁵ Строганов А. И. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995.

Чили. Каркасом работы служит концепция прогресса и модернизации стран региона. Автор выделяет три ее этапа: первые десятилетия XX в., 30-е-середина 70-х годов - время революций и реформизма, последняя четверть XX в. - период, когда на первый план выходит "неолиберальный" вариант модернизации. В центре работы - перипетии борьбы сторонников консервативной, реформистской и революционной альтернатив. Книга наполнена "живым" материалом острой социально-политической борьбы, анализом ее самобытных культурно - цивилизационных и этнических черт.

Изучение международного рабочего и социалистического движения. Исследование истории международного рабочего движения получило чрезвычайно широкий размах и превратилось в достаточно самостоятельную отрасль историографии, в силу самого предмета изучения одну из наиболее идеологизированных и политизированных. К основным направлениям исследовательской работы в области рабочего движения относились сбор и публикация источников, количественные и структурные параметры рабочего класса, динамика их изменений, различные исторические фазы формирования пролетариата, его забастовочная борьба и профсоюзное движение, национальные политические партии и международные организации рабочего класса, история социалистической мысли.

Особого размаха исследования этих сюжетов достигли с середины 60-х гг., когда был организован Институт международного рабочего движения со своим журналом "Рабочий класс и современный мир" (с 1971 г.), создана международная проблемная комиссия (1972), начавшая с 1977 г. издавать ежегодник "Рабочий класс в мировом революционном процессе". Общее количество книг по рабочему движению, опубликованных в СССР с 1945 по начало 80-х гг. перевалило за две

тысячи²⁰⁶, резко возросло число кандидатских и докторских диссертаций, значительная часть которых, однако, не вносила ничего принципиально нового, ограничиваясь показом численности, экономического положения и, прежде всего, забастовочной борьбы рабочего класса. Зачастую сам предмет истории международного рабочего движения сужался до "развития классового противоборства пролетариата с буржуазией в глобальном масштабе"²⁰⁷. За пределами исследований большей частью оставались такие важные компоненты, как происхождение, образовательный уровень, религия, психология, условия жизни и быта пролетариата. В работах доминировал экономический детерминизм - выведение социально-политического поведения рабочих едва ли не напрямую из их экономического положения. В стороне обычно оказывались те социально-психологические моменты, которые определяли это поведение непосредственным образом. Зачастую игнорировалось то обстоятельство, что немарксистская зарубежная историография, приступившая в 60-е гг. к тщательному изучению деталей рабочего быта, семейной жизни, пролетарского фольклора, локальных различий, культурно-просветительских организаций разнообразного вида, сделала огромный шаг вперед, вскрыв целые пласты, ранее незатронутые исторической наукой. Но эти достижения в духе глубоко укоренившейся конфронтационности рассматривались как попытки подменить главное в истории рабочего класса и рабочего движения второстепенным и, в конечном счете, расценивались как стремление увести историографию "в сторону от столбовой дороги, проложенной марксизмом-ленинизмом"²⁰⁸. Такая уверенность в собственном превосходстве над немарксистской наукой приводила к

²⁰⁶ См.: Новая и новейшая история, 1981, № 5, с. 7.

²⁰⁷ Новая и новейшая история, 1983, № 3, с. 48.

²⁰⁸ См.: Новая и новейшая история, 1983, № 3, с. 52.

сужению советской историографии рабочего движения до изучения лишь верхнего слоя его активных выступлений и сведению их многообразия до "стремления к уничтожению самой системы наемного труда"²⁰⁹.

Как сильные стороны, так и недостатки нашли свое наиболее полное выражение в многотомной коллективной работе "Международное рабочее движение (Вопросы истории и теории)" (т. 1-8. М., 1976-1985.), созданной на базе многочисленных монографических исследований. Она стала квинтэссенцией советской историографии международного рабочего движения. Принципиальная идея труда, изложенная во введении, определяла, что рабочее движение рассматривается как совокупность всех форм активности пролетариата, направленной на выполнение его всемирно-исторической миссии. Но заданность такого подхода в значительной мере сужала проблемность этой капитальной по объему и фактическому материалу работы. Вне поля зрения оказалось то обстоятельство, что индустриальный пролетариат не стал могильщиком капитализма, из чего исходил марксизм, определяя его историческую роль. Выяснилось, что социальные противоречия современного мира уже не могут сводиться к прежней антитезе, из которой исходили авторы многотомника: "рабочий класс - буржуазия", а все отчетливее перемещаются в иную плоскость отношения государства и общества, а также отдельных социальных групп внутри последнего.

Примечательно, что в появившихся многочисленных позитивных, а то и просто хвалебных, рецензиях даже не чувствовалось стремления проанализировать это издание в отношении методологического инструментария. И это совсем не случайно, так как большинство глав написано в событийно-хронологическом ракурсе без привлечения и использования достижений и новейших результатов немарксистской зарубежной науки, которая

²⁰⁹ Там же.

уже четверть века применяет коррелятивные сопоставления, количественный анализ и использует массовые источники нового типа - церковные книги, полицейские досье, материалы судов и налоговых инспекций, документы библиотек и больниц. Немного нового и оригинального вносили и теоретико-проблемные экскурсы в отдельных главах, ибо в них в основном повторялись хрестоматийные основы исторического материализма и общеизвестные положения марксистской теории.

Базисной платформой восьмитомника явилась интерпретация классовой борьбы и революций, которым посвящена львиная доля работы, как движущих сил, "локомотивов истории". Классовый подход был возведен в универсальный принцип анализа. Все сферы человеческой деятельности рассматривались как проекция классовых интересов, что оборачивалось жестким и одномерным детерминизмом.

К тому же, абсолютизация классового противоборства, красной нитью проходящая через весь труд, чревата возможной апологией насилия. Конечно, могут быть основания рассматривать насилие как наиболее эффективное и быстрое средство установления социальной справедливости. Но история показала, что в мировом плане и с учетом долговременных тенденций первоначальный выигрыш может обернуться непоправимыми отрицательными последствиями.

Несостоятельными оказались еще некоторые основополагающие идеи. Так, во втором томе авторы исходили из общепринятого в марксизме тезиса о том, что капиталистическая система достигла зрелости в начале второй половины XIX века, а с 1871 г. начинается нисходящая линия ее развития, углубление и обострение противоречий капитализма, стадия его упадка. Действительность оказалась, однако, значительно сложнее. В последней трети XIX - начале XX века происходила быстрая модернизация технологии и структурные изменения в производстве, мимо которых прошли авторы, сосредоточившие

внимание на классово-антагонистических аспектах развития капитализма. Поэтому они категорично и совершенно негативно оценили роль реформистского течения в рабочем движении, считая его отражением интересов только рабочей аристократии, в свою очередь рассматриваемой, как агента буржуазии в пролетарской среде. Вторая проблема касается того, что на рубеже XIX - XX веков широко распространяется либерально-реформистская социальная политика, которая привела к улучшению условий труда и повышению жизненного уровня основной массы населения. А в многотомнике либерализм и буржуазный реформизм рассматриваются, прежде всего, как демагогия и обман, как сила, тормозящая революционную направленность рабочего движения, а потому резко критикуются. Позитивные аспекты и смысл этих реформ признаются только в связи со стремлением доказать, что они проводились вынужденно, под натиском рабочего класса. Помимо идеологической подоплеки, это было связано и с тем, что долгое время в советской историографии проблемы буржуазного либерализма и реформизма оставались практически неисследованными. Работы по этой теме появились лишь в последние годы²¹⁰.

В труде "Международное рабочее движение" однозначно акцентирована та сторона развития капитализма, которая привела к формированию монополистического капитала и финансовой олигархии, усилению реакционных антидемократических тенденций в политической и духовной жизни буржуазных стран. Из этого был сделан категоричный вывод о вступлении капитализма в стадию общего кризиса и разложения. Такой вывод недооценивал мощный потенциал капиталистической системы производства, особенности функционирования которой - кризисы перепроизводства, наличие резервной

²¹⁰ Согрин В. В., Патрушев А. И., Токарева Е. С., Фадеева Т. М. Либерализм Запада. XVII-XX века. М., 1995; Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. М., 1995.

рабочей силы, перманентные социальные конфликты - трактовались однобоко, лишь как симптомы зашедшего в тупик развития. Не могло быть и речи о признании постоянно идущей структурной трансформации и саморегуляции наиболее рационального в своей основе способа организации хозяйства.

Преходящие формы и отношения, присущие определенным этапам развития капитализма, были восприняты как имманентно присущие капиталистической системе как таковой. Так, крушение колониальной системы прежде расценивалось как явный признак грядущей в обозримом будущем гибели капитализма и резкий сдвиг соотношения сил в пользу социализма²¹¹. Оказалось же, что, во-первых, значение колониальных владений для жизнедеятельности капитализма было многократно преувеличено, а, во-вторых, большинство бывших колониальных стран включились в той или иной мере в структуру мирового капиталистического хозяйства. Таким образом, теория общего кризиса капитализма, лежащая в основе IV-VIII томов "Международного рабочего движения", оказалась неподтвержденной на практике, поскольку самое большее, что можно было бы определенно констатировать - это кризис некоторых традиционных форм и институтов буржуазного общества и их модернизацию либо замену новыми видами в политике и экономике.

Историография международного рабочего движения в основном занималась деятельностью организованного рабочего движения, его политическими партиями, проблемами истории I и II Интернационалов, Коминтерна²¹². При этом обычно преувеличивались успехи коммунистических

²¹¹ Тюльпанов С. Колониальная система империализма и ее распад. М., 1958; Черняк Е. Б. Адвокаты колониализма. М., 1964.

²¹² Михайлов М. И. История Союза коммунистов. М., 1968; Первый Интернационал, ч. 1-2. М., 1964-1965; История II Интернационала, 2 тт. М., 1965-1966; Коммунистический Интернационал. М., 1969.

партий, раздувалась их роль и влияние, многие острые проблемы просто замалчивались²¹³. В связи с укоренившейся традицией вождизма распространилась тенденция к некоторой персонификации рабочего движения. Сам по себе биографический жанр в историографии рабочего движения имел позитивное значение. Однако герои этой многочисленной литературы²¹⁴ как правило, идеализировались, превращались в лишенных недостатков и слабостей деятелей, в олицетворение героизма, что лишало их многих живых человеческих качеств. В то же время те лидеры, которые оказывались отступниками от канонизированного марксизма-ленинизма, обвинялись во всех мыслимых и немыслимых грехах или вообще исчезали со страниц истории. Естественно, что не могло быть и речи о настоящих научных биографиях таких крупнейших фигур как С. Гомперс, К. Легин, Г. Брандлер, А. Бордига, Э. Бернштейн, К. Каутский, О. Бауэр и многие другие. Само реформистское течение в рабочем движении, его идеология и политика непременно подлежали полному и безапелляционному осуждению и жесткой разностной критике²¹⁵.

²¹³ См.: Никулин Н. М. Германская коммунистическая партия в борьбе за мир и социальный прогресс. М., 1983; Тимофеев Т. Т. Американский империализм и коммунистическое движение, тт. 1-2. М., 1966; он же - Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства. М., 1979.

²¹⁴ Гинцберг Л. И. Карл Либкнехт. М., 1959; Овчаренко Н. Е. Август Бебель. М., 1963; Давидович Д. С. Эрнст Тельман. М., 1971; Евзеров Р. Я., Яжборовская И. С. Роза Люксембург. М., 1974; Ланицкий М. И. Уильям Хейвуд. М., 1974; Григорьев И. Уильям З. Фостер. М., 1975; Антюхина-Московченко В. И. Марсель Кашен. М., 1973; Комолова Н. П., Филатов Р. С. Пальмиро Тольятти. М., 1983; Седых В. Н. Жак Дюкло. М., 1983; Загладина Х. Т. Джеймс Коннолли. М., 1985.

²¹⁵ См. напр.: Соркин Г. З. Действительность против вымыслов. М., 1974; Идеология современного реформизма. М., 1970; Попов С. И. Социал-реформизм: теория и политика. М., 1971; Борьба идей в современном мире, тт. 1-3.

С конца 80-х гг. начался постепенный отход от догматических стереотипов и политизированных оценок. Одновременно наметился крен в противоположную сторону. Многие историки рабочего и коммунистического движения поплыли по волнам конъюнктуры, столь резко изменив свои оценки и позиции, что неминуемо встает вопрос - идет ли речь о научной принципиальности или об умении приспособиться к новым обстоятельствам. Примерам подобного хамелеонства несть числа.

Таким образом, задача создания подлинно объективной и научной, а не апологетически приукрашенной истории рабочего и социалистического движения в российской историографии еще ждет своего решения. База фактических данных для этого существует, однако она нуждается в концептуальном переосмыслении и свободном от политической конъюнктуры подходе.

История международных отношений. Много нерешенных вопросов и проблем накопилось в исследовании истории международных отношений, особенно новейшего времени.

После войны публикация архивных документов как в СССР, так и за рубежом значительно расширилась, что создавало неплохую источниковую базу для развития историографии международных отношений.

Раннему периоду нового времени посвящена книга Б. Ф. Поршнева²¹⁶, где дается наиболее обстоятельная картина постепенного вызревания англо-французского соперничества за преобладающее влияние в Европе. Автор подчеркнул, что в исследуемый им период это

М., 1975-1978; Что такое "демократический социализм"? М., 1978 и множество подобныхopusов.

²¹⁶ Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. Эту тему продолжил Н. Н. Яковлев в книге "Европа накануне Семилетней войны". М., 1997.

соперничество еще не было отчетливо выражено. Большое значение имела тогда борьба Франции и габсбургского блока, игравшая важную роль в ходе Тридцатилетней войны, которая в сфере международного положения закончилась фактически ничью. Не произошло преобразования Европы в пользу ни одного, ни другого из столкнувшихся военно-политических блоков.

Положение в Европе в посленаполеоновскую эпоху, реакционная сущность Священного Союза и нежелание великих держав согласиться на Венском конгрессе с проектом объединения Германии показаны в хорошо документированных книгах Л. А. Зака²¹⁷. Серьезные противоречия, разделявшие страны-победительницы Наполеона, раскрыты в работах, посвященных отношениям России с Великобританией и Францией²¹⁸. Однако нет пока значительных исследований по русско-прусским, русско-австрийским, австро-прусским отношениям этого периода, да и первой половины XIX века в целом. Между тем, в 20-е гг. XIX века во время обострения Восточного вопроса эти отношения имели большое значение, особенно - тесное сотрудничество России и Пруссии.

Проблема Балкан, этого сгустка европейских противоречий и арены соперничества великих держав, привлекала внимание многих авторов. Среди этих работ по богатству содержания выделяется монография И. С. Галкина, осветившего методы национального угнетения народов Балкан Османской империей, соотношение национально-освободительного и социального движения в Албании, Греции и Македонии²¹⁹. Материалы из Архива

²¹⁷ Зака Л. А. Англия и германская проблема. М., 1963; он же - Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966.

²¹⁸ Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966; Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

²¹⁹ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением

внешней политики России позволили автору подробно показать активную политику Великобритании, Австро-Венгрии, России, Франции и Германии, направленную на расширение сферы своего влияния в этом регионе.

Другой, дальневосточный узел противоречий скрупулезно исследован в книге А. Л. Нарочницкого "Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895" (М., 1956). Автор не ограничился показом лишь дипломатических событий, а связал их с внутренними социально-экономическими аспектами и политическими проблемами. Справедливо подчеркнув захватнические агрессивные цели Великобритании и Франции, он в то же время, как и И. С. Галкин в своем труде, изобразил курс царской России в приглаженном, несколько идеализированном виде. Трудно согласиться с утверждением, будто активность царизма в этом районе объяснялась прежде всего тем, что он опасался превращения Китая и Кореи в страны, зависимые от враждебных после Крымской войны России государств, а сам не вынашивал планов захватнической политики на Тихом океане.

По дипломатии в годы первой мировой войны наиболее фундаментальным исследованием по-прежнему остается книга Ф. И. Нотовича, во многом требующая уточнений в свете опубликованных позднее архивных материалов²²⁰. То, что работа по изучению многих проблем первой мировой войны, по сути, только начинается, показал коллективный труд российских историков, в 1992 г. создавших Ассоциацию по изучению истории первой мировой войны²²¹.

Международные отношения после 1917 г. освещены в советской науке с по-

народов Европейской Турции в 1905-1912 гг. М., 1960.

²²⁰ Нотович Ф. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.-Л., 1947.

²²¹ Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. Отв. ред.: Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков. М., 1994.

литизированных позиций. По сути никто из многочисленных исследователей не вышел, да и не мог выйти за рамки партийных директив и той трактовки событий, которая давалась в официозном двухтомнике "История внешней политики СССР" (М., 1966-1971). Уже само положение его главных редакторов (секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, министр иностранных дел А. А. Громыко, академик В. М. Хвостов) абсолютно исключало какие бы то ни было критические суждения относительно многочисленных искажений и умолчаний, в изобилии содержащихся в этом труде. Работы более конкретного характера шли в русле официально установленных канонов, изображая всю многоцветную палитру международных отношений и противоречий в упрощенном черно-белом свете, не дающем возможности воспроизвести реальную подоплеку многих событий мировой политики²²².

Касалось это, например, проблемы характера второй мировой войны на ее первом этапе в 1939 - начале 1941 г., который долгое время оценивался как империалистический с обеих сторон. С упорством, достойным лучшего применения, отрицался сговор двух диктаторов - Гитлера и Сталина - в августе 1939 г. Советско-финляндская война 1939 г. трактовалась исключительно как справедливая и оборонительная со стороны СССР²²³, а противозаконно с точки зрения международного права включение трех прибалтийских государств в состав СССР изображалось как "свободное волеизъявление" их населения.

²²² См., напр.: Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933-1939. М., 1974; Галкин А. А., Мельников Д. Е. СССР, западные державы и германский вопрос. М., 1966; Нарочницкая Н. А. США и "новая восточная политика" ФРГ. М., 1977; Алексеев Р. Ф. СССР - ФРГ: Прошлое и настоящее. М., 1980.

²²³ Лишь недавно вышло более объективное исследование этой проблемы. См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989.

Односторонне подавались проблемы происхождения "холодной войны", вся ответственность за жесткое противостояние двух военно-политических блоков во главе со сверхдержавами возлагалась только на США²²⁴ и на знаменитую фultonскую речь 1946 г. У. Черчилля. Лишь в последние годы проблема "холодной войны" получила более объективное освещение²²⁵. В сотнях книг и бесчисленном количестве статей стремление СССР расширить сферу коммунистического влияния тщательно вуалировалось постоянным повторением тезиса о миролюбивой внешней политике, необходимости мирного сосуществования. Так, в 1988 г. Научным Советом АН СССР "История внешней политики СССР и международных отношений" была обнародована комплексная программа исследований до конца XX века с целью "раскрытия социалистического миролюбивого характера" советской внешней политики и показа ее "коренного отличия от агрессивной и реакционной политики империалистических сил современного мира"²²⁶. Ход событий поставил иную задачу - исследовать международные отношения без тенденциозности, идеологических стереотипов, на основе всесторонне документированных доказательств, а не словесных заявлений.

Несмотря на большое количество работ по истории международных отношений, особенно новейшего времени, все еще имеется целый ряд неизученных сюжетов, которых по различным причинам не могли или не хотели касаться ученые. Это относится, в частности, к таким проблемам как влияние научно-технической и информационной революции на международные отношения, военные конфликты и

²²⁴ См. напр.: Кунина А. Е., Марушкин Б. И. Миф о миролюбии США. М., 1960.

²²⁵ СССР и холодная война. Под ред. В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара. М., 1995; Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995.

²²⁶ См.: Новая и новейшая история, 1988, № 3, с. 63.

кризисы второй половины XX века, современные международные экономические отношения, влияние на них демографических сдвигов и интеграционных процессов, сотрудничество и противоречия трех экономических центров современного мира - США, Японии и Западной Европы, кризисы в отношениях между отдельными странами социалистической системы.

Из сюжетов более раннего времени слабо освещены международные отношения XVIII века, проблемы складывания военно-политических союзов в конце XIX

- начале XX века и взаимоотношения между их участниками, балканская проблема в годы первой мировой войны, роль Версальской системы в международных отношениях межвоенного периода, дипломатия нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, роль и место Латинской Америки в системе международных отношений нового и новейшего времени и целый ряд других. Таким образом, для историографии международных отношений открывается весьма обширное поле деятельности.

* * *

В первой половине 90-х годов российская историческая наука оказалась как бы на распутье, в стадии подведения итогов развития советской историографической традиции и новой фазы своего развития. В ней постепенно вырисовываются различные идейно-политические и мировоззренческие позиции. Она приобретает новые очертания, уходя от прежней замкнутости своих методологических и политических основ. Но процесс обновления идет далеко не просто и безболезненно, действуют и значительные тормозящие силы. Плюрализм чаще проявляется пока не в различных научно обоснованных концепциях, а в продолжающейся политической поляризации.

Российская историческая наука добилась в 90-е годы определенных успехов. Появились совершенно новые и необычные прежде дисциплины и темы: изучение цивилизаций, политическая и культурная антропология, история повседневности, новая социальная история, история либерализма, консерватизма и радикализма, макро- и микроистория, демократия и тоталитаризм. Явно оживилось международное научное сотрудничество российских историков с университетами в Оксфорде, Риме, Стокгольме, Осло, Вене, Бонне, Кельне, Эссене, Лозанне, Тель-

Авиве, с Международным институтом социальной истории в Амстердаме, с Фондом Фельтринелли и Институтом Грамши, с Британской Академией и Шведским институтом, с фондом Карнеги и Центром Вудро Вильсона, с университетами Аргентины, Бразилии, Мексики.

Однако пока недостаточно изучается история права и искусства, религии и церкви, проблемы экономической истории, мало внимания уделяется разработке сквозных тем, охватывающих различные периоды всемирной истории, проблемам философии и методологии истории.

В последние годы заметно увеличился выпуск исторической литературы серьезного научного характера, хотя престижу исторической науки по-прежнему наносит ущерб не спадающий поток бульварно-сенсационных, дилетантских и откровенно тенденциозных произведений.

Было бы, видимо, слишком оптимистично утверждать, что кризис в отечественной историографии уже остался позади. Но современные тенденции ее развития дают основания надеяться на лучшее будущее, хотя в каком направлении будет развиваться этот процесс в дальнейшем, покажет только сама действительная история.

Глава 2 Историческая наука в США во второй половине XX века. От теории "консенсуса" к "новой исторической науке"

Вторая половина XX в. стала временем существенного подъема и обновления исторической науки в США. Развитие американской историографии было неоднозначным и даже противоречивым, попытки презентистского использования исторических знаний в целях текущей политики были далеко небезуспешными. Однако в целом значительно продвинулось вперед не только изучение истории США, но и формирование новых отраслей исторической науки: латиноамериканистики, славистики, истории международных отношений. В США появилась целая плеяда крупных историков, социологов и политологов, труды которых приобрели весьма широкое международное звучание. Особое значение имело формирование "новой исторической науки". В немалой мере учитывая разработки европейской историографии (особенно французской и английской), она развивалась с поистине американским размахом, опираясь, прежде всего, на деловую постановку университетского исторического образования и широкое научно-техническое обеспечение научной работы, оказывая, в свою очередь, влияние на историографию других стран.

В развитии американской исторической науки второй половины XX в. выделяются два этапа - конец 40-х - 50-е годы и 60-е начало 90-х годов.

Перипетии мирового исторического процесса, противостояние двух социаль-

ных систем, вылившееся в "холодную войну", распад СССР оказали глубокое воздействие на различные стороны жизни США, в том числе и на историческую науку. В итоге второй мировой войны США упрочили свое положение в мире: только они вышли из войны окрепшими в промышленном и финансовом отношении. На этой почве выросла глобальная политика и идея "мировой ответственности" за судьбы "свободного мира". Важной чертой внутреннего развития было укрепление позиций бизнеса, рост консервативных настроений в стране в конце 40-х - 50-е годы.

Историков, как и представителей других социальных наук, призывали включиться в "холодную войну", дав ей социологическое, экономическое и историческое обоснование. В необычном обращении президента Трумена к Американской исторической ассоциации в декабре 1950 г. провозглашалось, что главной задачей политики США является борьба с коммунизмом, и в этом деле "труд американских историков имеет колоссальное значение"¹. Рост консервативных тенденций сказался и на исторической науке США первых полутора послевоенных десятилетий. Доминирующим в историографии стало направление, основанное на теории "консенсуса" (согласия). Ее приверженцы, от-

¹ "American Historical Review", April 1951, p. 711-712.

правляясь от положений об "американской исключительности", отрицали важное значение социальных конфликтов в истории США.

С 60-х годов начался новый период в послевоенной истории США. В сфере международных отношений, прежде всего американо-советских, обозначились тенденции к разрядке напряженности. В самих США подспудно вызревавшие противоречия вылились в острый социальный конфликт. В стране развернулось широкое негритянское движение против расового гнета и социального неравенства. В бурные 60-е годы активное участие в движении протеста приняла молодежь, пришедшая на смену "молчаливому поколению" 50-х годов; она составила основу движения, получившего название "новые левые". Его протест, несмотря на анархистские черты, содержал немалый заряд антимонополистический и даже антикапиталистической критики. В новых условиях оживился неоллиберализм, и усилилась социально-реформистская мысль и деятельность.

Не менее важным фактором развития США в наступившие десятилетия становится научно-техническая революция. Она проникла во все поры американского общества, во многом преобразовала экономическую структуру (уходит в прошлое "капитализм дымных труб"), изменился удельный вес различных социальных слоев.

В условиях происходивших в стране социально-политических процессов, накопления нового социального опыта и существенных изменений в интеллектуальной жизни общества происходили важные сдвиги в самой исторической науке. На ход ее развития оказали влияние и глубокие перемены, идущие в естественных науках, и интеграционные процессы в гуманитарных дисциплинах. Вырабатываются новые методы и техника исторических исследований, в большей мере отвечающие общественным и научным запросам времени. Они нашли воплощение в

сформировавшемся в этот период направлении "новой исторической науки".

Организационные основы исторической науки. Возрастание практической роли социальных знаний, в том числе исторической науки, потребности ее внутреннего развития послужили важной причиной увеличения масштабов исторических исследований. Расширение подготовки профессиональных историков, создание большого числа новых научных центров, солидная материальная поддержка со стороны частных фондов и правительственных учреждений - все это придало историческим исследованиям в США большой размах, чем в странах Западной Европы.

Базой исторической науки в США являются университеты. Здесь выполняется большая часть исторических исследований, и это положительно влияет на уровень преподавания и подготовку специалистов. Ведущую роль по-прежнему играют старые университеты: Гарвардский, Колумбийский, Висконсинский, Чикагский, Корнельский, Принстонский, Калифорнийский.

Главными источниками финансирования научных исследований помимо университетских являются правительственные и частные фонды. Учрежденный конгрессом в 1965 г. Национальный гуманитарный фонд предоставляет историкам значительную часть субсидий. Особенно возрастают правительственные ассигнования на проведение крупных юбилейных мероприятий, имеющих нередко политическую окраску. Так, в связи со 100-летием Гражданской войны 1861-1865 гг. конгресс образовал специальную комиссию во главе с У. Грантом, внуком знаменитого генерала. На празднества, прошедшие под знаком сожаления о "братоубийственной войне", были истрочены огромные средства (включая все затраты, стоимость юбилея обошлась в сумму, близкую к затраченной 100 лет назад на саму войну). Такие же большие средства были ассигнованы на празднование 200-летия Войны за независимость, прохо-

дившего под эгидой юбилейной комиссии конгресса с девизом "Наследие духа 76". Поистине с американским размахом была предпринята публикация документов "отцов американской революции", а написание 50-томной истории американских штатов было выделено 1,4 млн. долл.

Значительные средства на финансирование исторических исследований предоставляют фонды Форда, Рокфеллеров, семейства Меллонов.

Существует несколько фондов и правительственных программ, через которые историки получают материальную поддержку для выполнения исследовательских работ за рубежом, а также чтения лекций в иностранных университетах. Наиболее известна из них Фулбрайтская программа, по которой ежегодно предоставлялось до 500 субсидий для зарубежных поездок.

В Америке существует весьма сложная система профессиональных организаций историков². Крупнейшим национальным объединением является по-прежнему Американская историческая ассоциация (АИА). Только ей конгрессом предоставлено право представлять профессиональные интересы американских историков в правительственных агентствах и на международной арене. Одно из основных направлений деятельности АИА - налаживание сотрудничества историков-специалистов в различных областях исследований. Ассоциация ведет также работу по улучшению преподавания истории в школах и колледжах. Численность организации колеблется между 15-20 тыс. членов, печатный орган АИА - "Американское историческое обозрение" ("American Historical Review"). Под эгидой АИА развернута деятельность специализированных исторических обществ. Одни из них организационно связаны с АИА, другие сохраняют широкие автономные права.

Специализированные общества различны по своим научным интересам и

масштабам деятельности. Научная направленность одних - изучение важных аспектов истории США: Ассоциация экономической истории (1940), Общество аграрной истории (1919), Общество по изучению жизни и истории негров (1915), Американская ассоциация социальной истории (1976) и т. д. Другие общества имеют узкоспециальный характер, например, ставят целью изучение истории медицины, архитектуры, военно-воздушного флота. Большая группа обществ, так или иначе, связана с изучением истории религии и ее институтов. Еще одна категория исторических обществ - объединения страноведческого характера: Североамериканская конференция британских исследований, Общество итальянской истории и т. д. Большим влиянием пользуется Американская ассоциация местной истории.

На протяжении послевоенных десятилетий политическое лицо Американской исторической ассоциации не оставалось неизменным. "Холодная война" и маккартизм не прошли бесследно. В 50-е годы она заняла позицию сходную с Американской ассоциацией университетских профессоров-историков, призывавшую лишить историков левых взглядов права преподавания в университетах. В 1949 г. президент АИА известный медиевист К. Рид в обращении "Социальная ответственность историка" писал: "Тотальная война, горячая или холодная, мобилизует всех и требует, чтобы каждый занял свой пост. Историк также не свободен от этой обязанности, как и физик"³. На следующий год аналогичные идеи прозвучали в послании нового президента С. Морисона "Вера историка". "Мы нуждаемся в истории США, написанной со здравых консервативных позиций"⁴, - писал он.

Эти идеи встречали далеко не единодушную поддержку историков. Однако

³ "American Historical Review", January 1950, p. 284.

⁴ "American Historical Review", January 1951, p. 273.

² См. Тишков В. А. История и историки в США. М., 1985.

руководство АИА вплоть до 70-х годов продолжало отстаивать взгляды, которые в целом не выходили за пределы господствующей идеологии.

Наиболее значительный всплеск недовольства со стороны историков радикально-демократического направления произошел в АИА и ее политическим лицом произошел в конце 60-х - начале 70-х годов. В центре острой дискуссии оказалась война США во Вьетнаме, потянувшая за собой и другие вопросы: демократизации структуры ассоциации, академических свобод и т.д.

Американская историческая ассоциация на протяжении 100 лет является главной организацией историков США, но в последние десятилетия ее лидерство оспаривается Организацией американских историков (ОАИ). ОАИ выросла из регионального объединения историков - Историческая ассоциация долины Миссисипи, которая по мере роста все больше становилась общенациональной организацией специалистов по истории США (к 1966 г. ее численность достигла 11 тыс. членов). Орган ОАИ - "Журнал американской истории" ("Journal of American History", 1964). Общественный климат конца 60-х - начала 70-х годов способствовал определенной демократизации ОАИ. В последнее десятилетие на пост президента ассоциации выбирались историки Ю. Дженовезе, У. Э. Уильямс, Л. Литвак, Э. Фонер, известные своей приверженностью к новым методам исследовательской работы и левой политической ориентацией.

К середине 80-х годов в США значительно возросло число издаваемых исторических журналов (их число приближается к 150). Среди них центральные: "Американское историческое обозрение" и "Журнал американской истории". К числу важнейших периодических изданий относятся также: "Тихоокеанское историческое обозрение" ("Pacific Historical Review", 1932), по истории Западного региона США, "Журнал южной истории" ("Journal of Southern History", 1935), "Журнал негритянской истории" ("Journal of Negro

History", 1916), "Журнал новой истории" ("Journal of Modern History", 1929), публикующий материалы по новой истории европейских стран, "Ежеквартальник Уильям и Мэри" ("William and Mary Quarterly", 1892), посвященный колониальной истории США.

С 60-х годов в связи с дифференциацией научных знаний, а в особенности - формированием "новой исторической науки" с ее вниманием к междисциплинарному подходу и применению количественных методов появляется новая обширная периодика.

В последние десятилетия увидел свет ряд многотомных изданий по истории США. Наиболее значительные из этих серий: "Экономическая история США", "История Юга", "Чикагская история американской цивилизации", Гарвардская серия по истории городов⁵.

Американская историография расширила тематику исследований не только в проблемном отношении, вовлекая в круг своего изучения новые сферы общественной жизни, но и в географическом. Не в малой мере это определялось новым местом США в послевоенном мире. Если до 1945 г. на каждую монографию или докторскую диссертацию по зарубежной истории приходилось, по крайней мере, дюжина книг по отечественной истории, то в 50-х - 70-х годах американской тематике посвящалось немногим больше половины работ.

Отдельные отрасли исследования зарубежной истории росли особенно стремительно. Так, если до середины 50-х годов изучение истории стран Латинской Америки было поставлено весьма неудовлетворительно, то ныне в Калифорнийском, Беркли, Флоридском университетах обра-

⁵ "The Economic History of the United States", ed. by H. David a. a., 10 vols. N. Y., 1945-1951; "The History of the South", ed. by W. N. Stephenson and E. M. Coulter, 10 vols. Baton Rouge and Austin, 1948-1967; "The Chicago History of American Civilization", N. Y., ed. by D. Boorstin. Chicago, 1945-1954.

зовались влиятельные научные центры латиноамериканистики, а Конференция по истории Латинской Америки издает авторитетный журнал "Испано-американское историческое обозрение" (Hispanic - American Historical Review", 1927).

После второй мировой войны произошел взлет советологии. Американская ассоциация славянских исследований объединяла в 1990 г. 3500 членов, большинство которых занимается русской и советской историей. Такие журналы как "Славянское обозрение" ("Slavic Review"), "Журнал украинских исследований" ("Journal of Ukrainian Studies"), "Проблемы коммунизма" ("Problems of Communism") отдавали предпочтение материалам о Советском Союзе. Созданная в США компьютерная сеть "Совсет" снабжала славистов обширной обновляющейся информацией. Около 250 университетов предлагали программу изучения Советского Союза. Среди ведущих советологических центров были университеты Беркли, Мичиганский, Гарвардский, Колумбийский. В советологии получили развитие различные школы и направления, во многом совпадающие с разделением, характерными для исторической науки США в целом.

Американские историки располагают весьма широкой источниковой базой⁶. Центральное место в системе архивной службы занимает находящийся в Вашингтоне Национальный архив США, где хранится значительная часть документации федерального правительства общенационального значения. Архив располагает документами со времени Войны за независимость до настоящего времени. Здесь находятся подлинники международных договоров, материалы палат и комитетов конгресса, документы органов исполнительной власти.

В систему государственных архивов входят президентские библиотеки, в которых хранятся бумаги послевоенных пре-

⁶ См. Архивное дело в Соединенных Штатах Америки: Реф. обзор. В. Н. Гармаш. М., 1976; Тишков В. А. Ук. соч.

зидентов. Родоначальницей всех последующих послужила библиотека Франклина Рузвельта в Гайд-парке.

В 60-е годы государственная архивная служба испытала непосредственное влияние происходящих в исторической науке перемен. Стремление многих историков изучать, по их словам, не только историю политической элиты, но и "молчаливого большинства", обращение исследователей к проблематике "новой социальной истории" столкнулись с определенной узостью материалов, находящихся в американских архивах (они отражали, прежде всего, деятельность государственных учреждений). Новое видение истории требовало обращения к таким источникам как переписи, налоговые документы, судопроизводство, церковные записи и т. д. Все это побуждало к расширению круга хранимых документов.

Значительная часть материалов находится в рукописных отделах библиотек и исторических обществ. Самая крупная научная библиотека Соединенных Штатов Библиотека Конгресса содержит бумаги видных общественных и государственных деятелей США на протяжении всей американской истории. Богатством коллекций источников по американской истории выделяется Публичная библиотека Нью-Йорка.

В библиотеках многих университетов также имеются обширные коллекции материалов. Собрания материалов многих университетов носят тематический характер, определяя порой научный профиль исторических факультетов. Так, библиотека Принстонского университета имеет собрание документов по ранней истории США, Мичиганского - по Войне за независимость, Чикагского - по Гражданской войне, Висконсинского, Корнельского и Дьюкского университетов - по рабочему движению, в Стэнфордском университете находится гугеровская библиотека по проблемам войны, мира и революций.

В послевоенные десятилетия Национальной комиссией по публикации исторических документов, Библиотекой Кон-

гресса США, Национальным архивом, историческими обществами штатов и т. д. была проведена огромная работа по публикации исторических документов политических, общественных и культурных деятелей США⁷. Только к 200-летию Войны за независимость были развернуты 50-томное издание документов Т. Джефферсона, 62-томное - Б. Франклина, 130-томное - семьи Адамсов, 70-томное - Дж. Вашингтона, многотомные издания бумаг Дж. Мэдисона, А. Гамильтона, Д. Джея и других выдающихся деятелей Американской революции.

Выступления в 60-х годах радикальных историков с критикой элитарных тенденций в издании документов привели к известной корректировке публикаций. В них были включены документы, отражающие вклад в социальный прогресс Америки этнических меньшинств и движений протеста (материалы о людях, которые не были "великими белыми мужчинами"): издания бумаг лидеров негритянского движения в XIX в. Ф. Дугласа и Б. Вашингтона, материалы индейского сопротивления, суфражистского движения.

К числу новых явлений в организации научных исследований относится устная история (получение материалов путем магнитофонной записи интервью конкретных лиц)⁸. Быстрый рост устной истории с 60-х годов объясняется научно-техническим прогрессом, позволившим организовать крупномасштабные опросы и интервью. С другой стороны, устная история позволяла услышать голос тех социальных групп, которые обычно не оставляют после себя документальных свидетельств: участников походов в Вашингтон 30-х годов, ветеранов второй мировой войны, иммигрантов и т. д. (Надежность устных свидетельств показал еще

писатель Алексис Хейли, который в романе "Корни" на основе устных свидетельств, передаваемых от поколения к поколению, проследил историю негритянской семьи, проданной в рабство в Африке в конце XVIII в. и привезенной в Америку). В середине 70-х годов в США насчитывались уже сотни центров устной истории, находящихся при университетах.

Другим новым явлением в исторической науке США стало создание специальных хранилищ массовых источников в виде банков данных, которые содержат источниковую информацию по общественным наукам в машиночитаемой форме.

Немалым подспорьем работе историков служит развитая справочно-библиографическая служба - издание энциклопедий, биографических словарей, путеводителей по архивам и исторической литературе. Высокая "продуктивность" обеспечивается также широким использованием средств копирования, микрофильмирования и т. д.

Историография конца 40-50-х годов. Методологические изменения. В первое послевоенное десятилетие произошли существенные перемены в теоретико-методологических основах американской исторической науки. Критика классического позитивизма, которая нарастала в историографии с 30-х годов, достигла своего апогея в конце 40-х - начале 50-х годов. В своей запоздалой (по сравнению с западноевропейской) методологической переориентации историография США опиралась на наследие европейского неокантианства и неогегельянства, традиции американского прагматизма. Из новейших философских течений она испытала влияние экзистенциализма. В центре внимания оказались гносеологические проблемы: о различии методологии гуманитарных и естественных наук, критерии истинности исторического познания, соотношении истории и современности. О направлении методологических поисков свидетельствуют материалы, выходявшие под эгидой Совета по исследованиям в области общественных наук, получившие широкий ре-

зонанс в сборнике "Теория и практика в историческом исследовании" (1946), в нем приняли участие видные американские историки (Ч. Бирд, Дж. Хайнс и др.) и известные философы. Справедливо констатируя зависимость исторического мышления от влияния факторов сегодняшнего дня, авторы выдвинули концепцию "объективного релятивизма". Все, что может сделать историк для нейтрализации влияния современности на изучение прошлого, это попытаться контролировать отбор фактов и направленность исследования⁹.

Стремление с релятивистских позиций оправдать политический консерватизм вызвало критическое отношение ряда видных историков США. Резко высказывались против субъективистских подходов Ф. Шеннон, Г. Коммаджер, М. Кёрти и другие. Ч. Дестлер, отмечая связь "объективного релятивизма" с презентизмом писал, что историографию пытаются превратить "в орудие контрпропаганды в нашей борьбе против Москвы"; Г. Бил заявлял: "Мы должны сообща бороться против тех, кто пытается диктовать нам, чему мы должны учить и что нам писать"¹⁰.

В философском плане против релятивизма в защиту принципа объективности в научных исследованиях выступали Д. Спиз, Р. Кратч, Л. Мамфорд и др. Но эти выступления не определяли общего климата в послевоенной американской историографии.

Упадок прогрессистского направления. Одним из важных следствий идейной и методологической переориентации американской историографии после второй мировой войны был упадок прогрессистского (экономического) направления. В условиях роста консерватизма внутри страны и "холодной войны" была отверг-

нута прежняя либерально-реформистская концепция как слишком левая и "недостаточно патриотическая". Изменение отношения к экономическому детерминизму раскрывает заявление Л. Хэкера, бывшего до войны приверженцем этого течения: "Материалистическая интерпретация политики несостоятельна. Это марксистский анализ". Сам Бирд, признанный глава экономического направления как отмечалось, не удержался на прежних позициях. В последних работах "Республика" (1943), "Основы истории Соединенных Штатов" (1945) он отказался от попытки осмыслить единство исторического процесса на основе экономических изменений и стал близок теории "равноправных факторов". Бирд уже не анализировал противоречий экономических групп, выявившихся в ходе создания конституции США, а обращал внимание главным образом на политические коллизии. Он подчеркивал достоинства мирного конституционного процесса и представлял конституцию 1787 г. выражением всеобщих народных устремлений. Отход Бирда от экономической интерпретации сказался и в его трактовке Гражданской войны 1861-1865 гг., он больше не называл ее ни "второй американской революцией", ни "социальной революцией".

В эти же годы порывают с прогрессистской историографией и переходят на позиции неолиберального направления такие талантливые исследователи как К. Беккер, Р. Хофстедтер, отец и сын Шлезингеры. Экономическое направление не исчезло, но потеряло цельность и общественную значимость. Лишь отдельные его представители продолжали разрабатывать проблемы социальных конфликтов в американской истории, другая же часть сужала экономизм до простого описания экономических явлений.

Теория "согласованных интересов". В первые полтора послевоенных десятилетия доминирующее положение в американской историографии занимала теория "согласованных интересов". Она провозглашала, что американское общество на

⁷ См.: A National Program for the Publication of Historical Documents. A Report to the President... Wash., 1954.

⁸ См. Бэрг М. П. // Устная история в Соединенных Штатах. "Новая и новейшая история", 1976, № 6.

⁹ См. Кунина А. Е. США: методологические проблемы историографии. М., 1988, с. 75-82.

¹⁰ Destler Ch. Some Observations on Contemporary Historical Theory. - American Historical Review, 1950, April, p. 503-526; Beal H. The Professional Historian: His Theory and His Practice. - Pacific Historical Review, 1953, August.

всем своем историческом пути отличалось единством по фундаментальным вопросам общественно-политического устройства и отсутствием каких-либо значительных конфликтов социально-политического характера. Частью этой теории является положение об "органической преемственности" общественных институтов США. Кредо сторонников теории "согласованных интересов" в числе первых сформулировал один из ведущих американских историков Р. Хофстедтер. Отвергнув концепции прогрессистских историков, которые, по его мнению, преувеличивают роль "конфликтов" в американской истории, он писал: "Острота политической борьбы часто вводила в заблуждение, если учесть, что различие во взглядах основных противников из ведущих партий никогда не выходило за горизонты собственности и предпринимательства. Каковы бы ни были разногласия по специфическим вопросам, главные политические традиции основывались на вере в право собственности, философии экономического индивидуализма, ценности конкуренции"¹¹.

Разработка истории США с позиций "согласованных интересов" требовала иных методов и ракурсов исследования, нежели те, которые были приняты в прогрессистской историографии. Большое место отводилось роли идей, политических доктрин, нередко анализируемых в отрыве от социальной почвы, и психологической мотивации. Подчеркивание стабильности американского общества привели к тому, что отодвигались в тень социальные конфликты: Война за независимость, Гражданская война 1861-1865 гг., антимонополистическое движение конца XIX - начала XX в. и т. д. Обычными стали утверждения, что в Америке никогда не было "классовой борьбы в европейском смысле этого слова". Неудивительно, что на щит было поднято, казалось бы забытое сочинение - книга французского историка

Алексиса Токвиля "Демократия в Америке" (1835). В ней Америка изображалась страной "среднего класса", где отсутствуют серьезные социальные антагонизмы.

Теория "согласованных интересов" по-разному преломилась в исторических работах представителей консервативного и неолиберального направлений.

Консервативное направление и трактовка американских революций. На правом фланге в истолковании "согласованных интересов" стоят историки консервативного направления. Краеугольным камнем консервативной схемы истории США являлось положение о том, что социальная однородность и идеологическое единство - определяющие элементы американского общества были заложены еще при основании колоний. Они традиционны, в ходе исторического развития происходили их рост и раскрытие. Реформы рассматриваются как их практическая реализация.

Историки консервативного направления выступили с переосмыслением всей истории США, но особое внимание они уделили раннему периоду, когда согласно их концепции были заложены основы единства американской нации, т. е. истории колониального периода и Войны за независимость. Особенно характерны в этом плане работы Луиса Харца, Дэниэля Бурстина и Роберта Е. Брауна.

Харц, известный историк и политолог, одним из первых обратился к сравнительному анализу европейских общественно-политических систем с аналогичными структурами бывших европейских колоний в странах Америки, Южной Африки, Австралии; он рассматривал последние как продолжение истории европейских социокультурных и политических традиций.

В ракурсе данного подхода лежит и обоснование Харцем американской исключительности, которую он выводит из особенностей английской колонизации Северной Америки в XVII в. Согласно концепции Харца, изложенной в работе

"Либеральная традиция в Америке"¹² острая социальная борьба в Европе возникла в тесной связи с существованием разных жизненных укладов и различных идеологических систем, которые, вступая во взаимодействие, "заражали" друг друга и давали начало новым, часто радикальным идеологиям ("вигизм" породил "якобинизм", который подготовил почву для социалистических идей). Иное дело - Новый Свет. При основании американских колоний от европейского общества отделился один идеологический фрагмент, отражавший пуританскую фазу английской революции. В условиях отсутствия феодального наследства, утверждавшаяся в Америке система ценностей (Харц называет ее также либерально-локковской) обеспечила развитие страны в рамках либерального согласия. Социальные и идеологические системы в США несколько одномерны, но зато им чужды как застойно-консервативная традиция в духе Жозефа де Мёстра, так и неистовства робеспьеровского радикализма.

В отличие от Харца Бурстин утверждал, что согласие по фундаментальным вопросам сложилось в Америке не вследствие утверждения принципов либерально-локковского "фрагмента", а в результате приспособления колонистов - поселенцев к новой специфической среде¹³. Попытка новоанглийских пуритан опереться на европейские догмы в формировании общества в Новом Свете потерпели неудачу, новое окружение трансформировало первоначальные ценности, выглядевшие в Америке утопическими. С этого времени американцы отбросили всякую идеологию и прагматически на основе опыта, отличного от европейского, вырабатывали новый образ жизни. В целом американцы стали одинаково смотреть на свои общественные институты, расходясь лишь в

средствах их сохранности и стабильности. Америка не нуждается в политической философии, поскольку американская история и созданные общественно-политические институты страны сами содержат в себе ее философию.

Еще один вариант консенсусного развития выдвинул Браун в книге "Демократия среднего класса и революция в Массачусетсе"¹⁴ Браун стремился на примере колонии Массачусетс доказать, что в английских колониях преобладал "средний класс" самостоятельных фермеров. На почве экономической демократии складывалась и политическая демократия. Развернувшаяся в американской историографии научная дискуссия показала, что источниковая база исследования Брауна узка - тезис о господстве демократии среднего класса был выдвинут на основании анализа всего 50 завещаний, выводы поспешны - распределение земельной собственности в Массачусетсе нехарактерно для других колоний.

Фактически все эти историки обращают внимание лишь на особенности развития американского общества в колониальный период (отсутствие "старого порядка", наличие лишь элементов феодализма; меньшее, чем в европейских странах, имущественное неравенство; большая степень политических свобод и т. д.) и, абсолютизируя их, развивают теорию "исключительности" исторического развития США.

Картина колониального общества, нарисованная историками-консерваторами, вела к сглаживанию революционного характера Войны за независимость, вымыванию из нее социального содержания. Первая американская революция изображалась как преимущественно политическое движение весьма умеренного характера.

Становление в колониальный период либеральных общественно-политических

¹² Hartz L. The Liberal Tradition in America. N. Y., 1955. (Русск. пер. Луис Харц. Либеральная традиция в Америке. М., 1993)

¹³ Boorstin D. J. The Genius of American Politics. Chicago, 1953.

¹⁴ Brown R. E. Middle-Class Democracy and Revolution in Massachusetts, 1691-1780. Ithaca, 1955.

¹¹ Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made It. N. Y., 1948, p. VIII.

институтов, согласно логике Харца, Бурстина и Брауна, освобождало Америку от революций подобных европейским. Восставшие американцы стремились лишь защитить уже сложившиеся демократические устои от посягательства Англии. Бурстин писал: "Наиболее очевидная особенность Американской революции это то, что в современном европейском смысле слова она едва ли вообще являлась революцией"¹⁵. Сторонники теории консенсуса склонны подчеркивать ее антиколониальную направленность. Тот же Бурстин провозглашал: "Нашим национальным свидетельством о рождении являлась Декларация независимости, а не Декларация прав человека и гражданина"¹⁶. Конечно, Война за независимость не достигла такого размаха и глубины как французская революция. Однако противопоставление этих двух основополагающих документов совершенно неправомерно, ибо и тот, и другой провозглашали сходные либерально-демократические принципы.

Консервативная трактовка Войны за независимость оказала сильное воздействие на послевоенную историографию, но и в период ее подъема в 50-е годы в американской исторической науке продолжали сохраняться различные концепции, школы и направления.

В изучении колониальной Америки выделяются работы Дж. Уэртенбейкера, Р. Б. Морриса, А. Е. Смита¹⁷. Они скрупулезно (Моррис в работе "Власть и труд в ранней Америке"¹⁸ привлек тысячи документов судебных разбирательств) изучали положение трудящихся в американском обществе XVII-XVIII вв. Ими были исследованы источники пополнения категории каменных слуг, колониальное законода-

тельство в отношении бедных, регулирования заработной платы. В целом этот материал давал весьма широкую картину процесса первоначального накопления и формирования структуры буржуазного общества. Социально-экономическое развитие американских колоний увязывалось ими с процессом ломки феодальных отношений в Англии, породившим массовую эмиграцию в Северную Америку.

Работы М. Дженсена, Э. Дугласа¹⁹ и др. внесли существенный вклад в разработку темы социальных размежеваний внутри патристического лагеря в период Войны за независимость. (Эти авторы стоят на позициях необходимости и неизбежности Войны за независимость, рассматривают ее как антиколониальную войну и социальную революцию). Анализируя развитие демократической идейно-политической традиции, Дженсен связывал ее оформление с именем Томаса Пейна, а высшим ее выражением считал "Статьи конфедерации" (1781), закрепившие существование в Северной Америке суверенных независимых республик. Тема эта получила развитие в исследованиях Дугласа.

Другим ключевым событием новой истории США, вокруг которого разгоралась полемика в историографии, была Гражданская война 1861-1865 гг. Историки консервативного направления стремились уложить этот крупнейший в истории США XIX в. социальный конфликт в рамки концепции "согласованных интересов". Они не отрицали, что это событие было огромным потрясением в жизни страны, но уже один подход к нему вне социально-экономического контекста резко снижал остроту и значение происшедшей борьбы.

Харц был склонен рассматривать эту проблему с морально-этической и философской точек зрения, а Бурстин видел суть конфликта в столкновении приверженцев двух "конституционных ортодок-

¹⁹ Jensen M. The New Nation: A History of the Confederation, 1781-1788, N. Y., 1959; Douglass E. P. Rebels and Democrats. Chapel Hill, 1955.

сий", исходивших, однако, из разного истолкования одной и той же конституции. В работе Р. Николса "Распад американской демократии"²⁰, Гражданская война рассматривалась как следствие ошибок национального руководства, прежде всего правительства Линкольна; да и сама политическая система США, по его мнению, еще не вполне сформировалась. Привлекались также пацифистские аргументы, находившие немалую аудиторию у поколения, только что пережившего мировую войну. Все эти идеи подвели близко к трактовке "ревизионистской школы", еще в 30-е годы характеризовавшей Гражданскую войну как ненужную и необязательную.

К консервативному направлению примыкали историки-"бурбоны", изображавшие вслед за У. Б. Филлипсом рабство как единственно возможную систему сожительства белой и черной рас, "школу цивилизации" для негров. Сходные идеи в 50-х годах проводили Ф. Оусли, Ф. Симкинс и др. Неожиданную поддержку они получили от С. Элкинса, который в работе "Рабство - проблема американской общественной и интеллектуальной жизни" (1959), показав страшную картину рабского труда (в работе проводится аналогия жизни на плантациях с нацистскими концентрационными лагерями - сам Элкинс был узником последних), сделал вывод о психологической обусловленности неполноценности негров-рабов - нечеловеческие условия якобы превратили их в инфантильные существа.

Трактовка проблем Гражданской войны, данная консерваторами, встретила широкую оппозицию. Историки самых разных убеждений и школ не согласились с тезисом о бесполезности войны. А. М. Шлезингер-младший, Т. Боннер и др. отметили его разрушительное влияние на изучение Гражданской войны. Социально-экономические условия рабовладельческого Юга стали предметом глу-

²⁰ Nicols R. Disruption of American Democracy. N. Y., 1948.

бокого анализа К. Стэмпа. В монографии "Особый институт"²¹ он обратил внимание на односторонний характер источников, на которых основывают свои выводы о рабстве консервативные историки, следующие за Филлипсом: "Для того, чтобы иметь верную перспективу исследования, рабство должно быть рассмотрено в той же мере глазами рабов, что и глазами белых хозяев". Стэмп попытался преодолеть этот порок, работая над собраниями местных документов южных штатов. Он показал, что рабство было не "школой цивилизации" для негров, а крайне прибыльной системой для плантаторов.

Значительный вклад в изучение Реконструкции 1865-1877 гг. как второго этапа американской революции внес К. Ван Вудворд. В работе "Воссоединение и реакция"²², он углубил бирдовскую схему конфликта Севера и Юга как столкновения "промышленных" и "аграрных" интересов, отметив и социальные размежевания внутри борющихся сил. Неудачу Реконструкции Ван Вудворд связывал с сепаратной сделкой финансово-промышленной буржуазии Северо-Востока и южных плантаторов.

Как и прежде, важный вклад в изучение Гражданской войны (особенно участия в ней негров-рабов) вносят историки, группирующиеся вокруг Ассоциации по изучению жизни и истории негров.

Тема социального реформизма в нелиберальной историографии. Разделяя в 40-50-х гг. вместе с консерваторами многие положения теории "согласованных интересов" нелиберальное направление имело ряд существенных особенностей. Во-первых, либеральные историки не отрицают борьбу либеральной и консервативной традиций, а нередко и социальных противоречий на протяжении всей истории США. Во-вторых, отходя от концепции "старого" и "нового" капита-

²¹ Stampp K. The Peculiar Institution. Slavery in the Antebellum South. N. Y., 1956.

²² Woodward Vann C. Reunion and Reaction. Boston, 1951.

лизма, они прилагают теорию консенсуса, прежде всего, к истории США XX в. Главная тема их исследований - история реформ в этот период.

Опираясь на действительно серьезные перемены, происшедшие в функционировании многих институтов американского общества в XX в. как в результате развития производительных сил, так и проведения социально-экономических и политических реформистских преобразований, представители неолиберального направления полагают, что наиболее разрушительные для общества черты в деятельности "дикого капитализма" ныне поставлены под контроль закона. Двигатель общественного развития видится ими в "среднем классе" - в кругах интеллигенции, реформистских идеологах, которые, руководствуясь альтруистическими или эгоистическими мотивами, добивались улучшения социальных условий жизни народа. Важнейшая роль при этом отводится внеклассовому арбитру-государству (в этом главное отличие неолибералов от классических либералов прошлого времени, исповедовавших индивидуализм), способному смягчить или даже полностью излечить недуги буржуазного общества.

Неолиберальная историография в отличие от консервативного направления гораздо чаще обращалась к экономическим процессам, как одному из факторов общественного развития, но важнейшая роль отводилась идейным, политическим и психологическим мотивам. Естественно в центре внимания оказались реформистские курсы и личности президентов Т. Рузвельта, В. Вильсона, Ф. Рузвельта, Дж. Кеннеди.

Неолиберальная трактовка во многом была направлена против прогрессистской историографии, выдвигавшей на первый план социальные конфликты в истории США.

Ведущие историки неолиберального направления - **Р. Хофстедтер** (1916-1970) и **А. М. Шлезингер-младший**. В первой своей крупной работе "Социал-дарвинизм в американской мысли" (1944) Хофстедтер

дал тонкий анализ широкого спектра социальных учений и, в первую очередь, теории "выживания наиболее приспособленных", выросших в Америке конца XIX в. на почве свободного предпринимательства. Интеллектуальная история США этого периода, с господствующей доктриной грубого индивидуализма, послужила антитезой реформизму, главной теме последующих работ Хофстедтера "Американская политическая традиция" (1948), "Эра реформ" (1955). Хофстедтер выделил три главных периода реформ: "Аграрное движение, нашедшее наивысшее выражение в популизме 90-х годов и избирательной компании Брайана 1896 г.; прогрессистское движение, развивавшееся с 1900 по 1914 г.; новый курс, динамическая фаза которого сконцентрировалась в нескольких годах третьего десятилетия"²³.

Научные интересы самого Хофстедтера были сосредоточены главным образом вокруг проблем реформизма начала XX в. Он дает широкую панораму, рисуя бурный процесс индустриализации и урбанизации на рубеже веков, и весьма реалистически показывает разорение фермерства. Средние слои города - юристы, врачи, священники, мелкие предприниматели (по терминологии Хофстедтера, "старый средний класс") - также теряют свои позиции в социальной жизни страны, а рядом с ним вырастает "новый средний класс" (технический персонал, служащие корпораций и т.д.).

Для объяснения хода событий Хофстедтером характерен акцент на психологическую мотивацию. Исторический процесс выступает у него, прежде всего, как ряд социально-политических изменений, обусловленных переменой "психологической атмосферы", то есть господствующих в обществе настроений, мнений, эмоций. Популистское движение и демократическое движение начала XX в. он объясняет как психологическую реакцию на "революцию в статусе", связанную

²³ Hofstadter R. The Age of Reform. From Bryan to F. D. R., N. Y., 1955, p. 3.

с переходом от "условий аграрного общества к современной городской жизни". Требования популистов, согласно Хофстедтеру, глубоко консервативны, они - продукт мифа о потерянном "аграрном Эдеме", "ностальгия по утраченным идеалам"; антимонополистические протесты начала XX в. также обусловлены воспоминаниями об ушедших временах свободной конкуренции, это - в немалой мере "восстание против дисциплины индустриального общества".

Переводя конфликт в сферу психологии (пусть и со значительными элементами социальной психологии), Хофстедтер, по существу, отрывает его от материальных корней. Ему чужда мысль о том, что борьба популистов и "разгребателей грязи", носила антимонополистический характер, способствовала проведению демократического социально-экономического законодательства и расширению политических прав. С другой стороны, очень разнородное по своему социальному составу реформистское движение рисуется Хофстедтером как единый поток. "Прогрессизм, - писал он, - был не столько движением какого-либо класса или коалиции классов против определенного класса или группы, а, скорее, он был широким и удивительно доброжелательным движением большинства общества за идеалы возрождения"²⁴. Динамичные лидеры, находящиеся у власти, опираясь на принципы реформистских идеологов и используя силу государства, проводят антитрестовское законодательство и вносят коррективы в политические основы, демократизирующие политическую структуру. Конец XIX - начало XX в. становится исходной вехой в трансформации капитализма.

Другой ведущий представитель неолиберального направления - **А. М. Шлезингер-младший**. Он начал свой научный путь с исследования "Эра Джексона" (1945), написанного в немалой мере с прогрессистских позиций и лишь позднее оставил

²⁴ Hofstadter R. Op.cit., p. 5.

их. Вскоре он стал видным теоретиком и практиком современного социально-либерального реформизма (он принимал деятельное участие в формулировании программы "новых рубежей" и являлся советником президента Дж. Кеннеди).

Как и Хофстедтер, Шлезингер-младший рассматривает американскую историю под углом зрения нарастающего торжества либерального реформизма, главным орудием утверждения которого является государство. Один из центральных элементов исторической схемы Шлезингера - концепция чередования циклов либеральных реформ и периодов консервативной консолидации²⁵ (принятая им не без влияния философско-исторических построений Арнольда Тойнби и Питирима Сорокина). Так, в соответствии с этой схемой джексоновская демократия положила конец консервативной "эре доброго согласия". "Прогрессистская эра", связанная с именами Т. Рузвельта и В. Вильсона, по Шлезингеру, наступила после полосы засилья трестов в экономике и общественной жизни, "новый курс" пришел на смену болсе чем десятилетнему правлению республиканцев, выражавших интересы большого бизнеса. "Новые рубежи" Кеннеди последовали за "бесплодными годами президентства Эйзенхауэра". С 60-х годов вновь наступила эпоха консерватизма. Рассматривая социальные конфликты в истории США в рамках борьбы либерализма и консерватизма, Шлезингер включал в либерализм и антимонополистические, и антибуржуазные течения.

В центре научных интересов Шлезингера - история "нового курса". Им написан капитальный труд "Эра Рузвельта"²⁶. Нужно отметить, что ни один период американской истории (за исключением разве Гражданской войны) не привлекает такого внимания исследователей. Это не случайно. Сказывается известная близость про-

²⁵ Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992.

²⁶ Schlesinger A. M., Jr. The Age of Roosevelt. Boston, 1957-1960. Vol. 1-3.

блем, вызвавших к жизни реформы 30-х годов и тревог послевоенной действительности. Число работ по "новому курсу" особенно увеличилось с 50-х годов, когда историки получили доступ к материалам библиотеки Ф. Рузвельта в Гайд-парке, где хранится архив покойного президента.

Шлезингер рассматривает "новый курс" в плане преемственности либерально-реформистской традиции. В работе, написанной на основе широкого круга архивных документов, немало страниц, рисующих остроту "великой депрессии" 30-х годов и массовое забастовочное движение, но главная проблема времени, в трактовке автора, состояла в приспособлении американского общества к новым условиям "укрупненного производства". Эта задача была решена в результате сотрудничества бизнеса и труда под эгидой государства, выступившего в качестве нейтральной силы, гарантирующей стабильность. Американская политическая система была усовершенствована, административная - приближена к нуждам "забытого человека" и ей были вручены новые средства воздействия на социальную и экономическую жизнь страны. Шлезингер изобразил Рузвельта лидером, который действовал проницательно и безошибочно.

Историография внешней политики. Школы "политического идеализма" и "реальной политики". Глобальная политика США после второй мировой войны обусловила гораздо большее, чем прежде, внимание американской историографии к внешнеполитическим проблемам. В стране выросли десятки исследовательских центров, занимающихся изучением современной внешней политики и международными отношениями. В 1946 г. был создан факультет международных отношений в Колумбийском университете, в 1948 г. - корпорация "РЭНД", строившая военно-стратегические модели международных конфликтов, в 1951 г. - Центр международных исследований при школе Вудро Вильсона в Принстонском университете и Центр для изучения меж-

дународных отношений в Массачусетском технологическом институте и др.; в послевоенные годы были образованы многочисленные институты по изучению отдельных стран и регионов. Литература по истории внешней политики США также чрезвычайно обширна, по существу, изучение внешнеполитической проблематики стало самостоятельной отраслью исторической науки.

После второй мировой войны ведущее место в изучении современных международных отношений и истории внешней политики заняли школы "политического идеализма" (Д. Перкинс, С. Бэмис и др.) и "реальной политики" (Г. Моргентау, Р. Осгуд, Дж. Кеннан и др.). Первая школа, продолжая традиции старого "официального" направления, по-прежнему оперирует категориями правовых и моральных ценностей, объявляет экспансионистские устремления США выражением национальных настроений. В противовес ей школа "реальной политики" исходит из теории "баланса сил" и "национальных интересов" и критикует ряд внешнеполитических акций США в настоящем и прошлом как нереалистические.

В основе внешнеполитических подходов обеих школ лежит теория консенсусного развития США (различные группы, партии, организации имеют равные возможности отстаивать свои интересы, в результате чего складывается "равнодействующая" - правительственный курс). В отличие от прогрессистов они уделяют мало внимания внутренним факторам, крайне редко предпринимают попытки нащупать экономическую подоплеку внешней политики.

Единодушие обеих школ отчетливо проявилось в трактовке "холодной войны". Ее историография развивалась в тесной связи с выработкой и осуществлением послевоенного внешнеполитического курса США, многие будущие историки сами были участниками проведения этой политики. Возникновение "холодной войны" было обусловлено труднейшими проблемами, с которыми столкнулись по оконча-

нию войны СССР и США, и в своих взаимоотношениях, и в мировой политике в целом. В мире шел процесс фундаментальных социальных перемен. Конец войны стал началом ядерной эпохи. По-разному эти изменения виделись из Москвы и Вашингтона.

Большинство американских историков присоединилось к официальной версии "холодной войны". Вся ответственность за нее возлагалась на Советский Союз, который обвинялся в стремлении распространить коммунистическую тиранию на весь мир. С другой стороны, политика США оправдывалась как ответ на коммунистическую агрессию, которая была остановлена с помощью доктрины Трумена, осуществления плана Маршалла и угрозы "массированного возмездия".

Соглашаясь с политикой "сдерживания коммунизма", "политические реалисты" возражали против "моралистского" подхода "политических идеалистов". "Холодная война", по мнению "реалистов", не столкновение абстрактных сил добра и зла, а развитие традиционного в истории "силового конфликта" между державами, выступающими в защиту своих национальных интересов. Они считали, что США, ориентируясь в годы войны на союз с СССР, опрокинули сложившийся ранее "баланс сил" и проглядели преемственность экспансионизма во внешней политике СССР и царской России, который после второй мировой войны обернулся против США.

Вскоре полемика вышла за рамки советско-американских отношений в послевоенный период, и исследователи обратились к историческому опыту русско-американских контактов. В годы войны Ф. Р. Даллес в книге "Дорога в Тегеран" (1944) выдвигал концепцию "естественных союзников" - России и Америки, отмечая, что коренные интересы этих стран нигде прямо не сталкивались, а география и международная обстановка благоприятствуют их сближению. Шесть лет спустя с противоположной точкой зрения выступил Т. Бейли в работе "Америка против

России"²⁷, выдвинув положение о "естественной враждебности" народов двух стран. Он утверждал, что доктрина Монро была вызвана главным образом угрозой России, постоянное напряжение между странами всегда существовало на Дальнем Востоке. Тема русско-американских отношений была продолжена историком и дипломатом, одним из авторов доктрины "сдерживания" Дж. Кеннаном. Рисуя советско-американские отношения в годы гражданской войны в России, он критиковал государственных деятелей США за то, что они, по его мнению, не сделали всего возможного для предотвращения Октябрьской революции, недостаточно эффективно поддерживали правительство Керенского. С другой стороны, Кеннан описывал американскую интервенцию в Советской России как диктуемую, прежде всего, стратегическими соображениями войны против Германии.

Другой важнейшей темой, выдвинутой на первый план в 40-50-е годы, стали проблемы второй мировой войны. Развернувшиеся среди историков споры как бы продолжали внешнеполитические дебаты конца 30-х годов. Наибольшие разногласия вызвал вопрос о причинах вступления США в войну и в связи с этим о сущности предвоенной политики нейтралитета и ответственности за нее.

Официальные круги еще в ходе войны предпринимали попытки переложить ответственность за политику нейтралитета США - этого варианта мюнхенской политики западных держав, на американское общественное мнение, якобы требовавшее полной самоизоляции страны и навязавшее конгрессу и правительству законодательство о нейтралитете 1935-1941 гг. Эта точка зрения нашла отражение в предпринятых в ходе войны и после нее публикациях сборников документов и комментариях к ним госдепартамента.

²⁷ Baily T. America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Days. Ithaca, 1950.

Господствующее положение в историографии войны заняло официальное направление. К нему присоединилось большинство историков школы "политического идеализма". Особую известность приобрело двухтомное исследование У. Л. Лангера и С. Е. Глисона "Вызов изоляционизму" (1952) и "Необъявленная война" (1953). Хотя работа написана на основе широкого круга источников, но фактически в ней лишь развивалась официальная версия событий. Лейтмотивом было стремление объяснить деятельность американского государственного руководства по проведению политики нейтралитета США распространенными ими в стране изоляционистскими настроениями, которые блокировали все попытки правительства США принять меры, чтобы остановить агрессора.

В отличие от официальной историографии, возникшее в конце 40-х годов так называемое ревизионистское направление выступило с резкой критикой внешнеполитического курса США накануне и во время войны. Оно поставило вопрос о целесообразности бывшего военного союза с СССР, заявляя, что это был "ошибочный союз". Ч. К. Тэнзил в книге "Война с черным ходом" (1952), занимающей центральное место в ревизионистской историографии, писал: "Германию вовлекли в войну с Англией и Францией, тогда как она предпочла бы войну с Россией из-за Украины"²⁸. Он выдвинул против правительства Рузвельта обвинение в том, что оно своими действиями способствовало распространению коммунизма.

"Холодная война" наложила отпечаток и на изучение военной истории второй мировой войны, определив односторонний подход к ней многих американских исследователей. При участии государственных учреждений была составлена обширная программа по написанию истории мировой войны. Результатом явился выход в свет 100-томной истории армии, авиации

и флота. Вышло также большое число работ, детально описывающих сражения в Европе, Африке, на Тихом океане. Многие из них представляют интерес благодаря введению в научный оборот широкого круга источников. В целом вклад СССР в победу над Германией оценивался высоко, но центр тяжести в описании военных действий все же переносился на западно-европейский и тихоокеанский театры войны, в результате советско-германский фронт оказывался как бы периферией второй мировой войны. Так же широко хождение получили взгляды, что, поскольку США стали во время войны "арсеналом демократии", это предопределило исход великой битвы. Несомненно огромное значение экономической мощи США для победы над фашизмом, ценность американской помощи СССР по лендлизу. Но когда некоторые американские историки сводили роль СССР в войне лишь к выигрышу времени, необходимому для развертывания военной машины США, это деформировало всю картину войны.

Консервативный консенсус сказался не только в трактовке проблем современной истории, но и затронул традиционные сюжеты внешнеполитической истории Соединенных Штатов XIX - начала XX вв. В немалой мере тон задали признанные мэтры внешнеполитической историографии, внося поправки в свои прежние работы. Если до войны многим из них не были чужды прогрессистские идеи, то теперь в их работах усилились "охранительные" тенденции. Потускнела антианглийская окраска трудов С. Б. Бемиса в работах по истории американской дипломатии в XIX в.; более односторонне и даже апологетически стал оценивать позитивные стороны доктрины Монро Д. Перкинс; Д. Прайт, критиковавший ранее "колониальный эксперимент" США на рубеже XIX-XX вв., теперь писал: "Эта политика... имела целью материальный и духовный прогресс колониальных народов,

развитие их способности к государственности"²⁹.

В период "холодной войны" консервативный консенсусный подход доминировал в историографии внешней политики США. Но и тогда раздавались голоса, отвергавшие апологетическую трактовку. Исследователи истории международных отношений Д. Ф. Флеминг, Ф. Л. Шуман с леволиберальных позиций подвергли критике военно-политическую стратегию США после второй мировой войны. Изучая причины "холодной войны" и стремясь уяснить мотивы советской политики, они обратились к истокам враждебности стран Запада к Советскому Союзу со времени Октябрьской революции и последующей иностранной интервенции. По их мнению, первоначальное неприятие коммунистической идеологии было превращено в непрекращающуюся кампанию изоляции Советского Союза, попытки заблокировать его законное стремление обеспечить себе защиту от агрессии. После войны стремление СССР к гарантии своей безопасности еще более усилилось. "... Любой народ, принеся такие жертвы, как советский, затем одержавший беспримерную военную победу, должен позаботиться о том, чтобы перекрыть пути вторжения, используя при этом те методы, которые он сочтет наиболее благоприятными для себя, не прислушиваясь к рекомендациям тех, кто живет от него на значительном отдалении"³⁰.

Сдвиги в 60-80-е гг. Теоретико-методологические перемены. С 60-х годов американская историческая наука вступает в новый этап развития, ознаменовавшийся важными качественными изменениями. Новые тенденции историографии отражали и изменения в американском обществе, методологическое и теоретическое обновление общественных наук в целом.

²⁹ Pratt J. W. America's Colonial Experiment. N. Y., 1955, p. 7.

³⁰ Fleming D. F. The Cold War and Its Origins, 1917-1960. N. Y., 1961, V. II, p. 263-264.

В течение всего современного периода американской истории ее социально-экономическое развитие во многом определялось успехами и противоречивыми последствиями научно-технической революции. С одной стороны, научно-техническая революция в совокупности с совершенствующимся государственным социальным регулированием укрепляли позиции американского капитализма. Положение высшего и среднего класса, составляющих значительную часть нации, в эти десятилетия упрочилось. Это являлось объективной основой распространения концепции "общества изобилия", "деидеологизации", "индустриального" и "нового индустриального общества". Вместе с тем научно-техническая революция имела и негативные социальные последствия: часть рабочих традиционных отраслей, так называемые "синие воротнички", гуманитарная интеллигенция, учителя, пенсионеры и молодежь, только начинающая самостоятельную жизнь, оказывались зачастую на обочине экономического прогресса.

Противоречивые реалии Америки определили тенденции общественно-политической жизни, так же как и общественных наук Соединенных Штатов. С одной стороны, получили развитие теории и концепции, которые абсолютизировали позитивные стороны научно-технической революции, с другой стороны, развивались социально-критические концепции, фиксировавшие внимание на ее издержках.

Большое воздействие на развитие общественных наук и историографии оказали теории "индустриального" и "нового индустриального общества", возводившие технологические изменения в первооснову исторического прогресса. Родоначальником этой теории выступал социолог У. Ростоу, опубликовавший в 1960 г. "Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест". Ростоу разделил историю человечества на пять стадий: 1) "традиционное общество", включающее все общества вплоть до капитализма; оно

²⁸ Tansill Ch. C. Back Door to War: Roosevelt Foreign Policy, 1933-1941. Chicago, 1952, p. 557.

характеризуется низким уровнем производительности труда, господством в экономике сельского хозяйства; 2)"переходное общество", условно совпадающее с переходом к капитализму; 3)"период сдвига", характеризующийся промышленными революциями и началом индустриализации; 4)"период зрелости" - завершение индустриализации и возникновение высокоразвитых в промышленном отношении стран; 5)"эра высокого уровня массового потребления", достичь которой удалось лишь США.

Теория Ростоу была развита Д. Беллом, З. Бжезинским, другими учеными. В своем современном варианте она разделяет человеческую историю на доиндустриальное (традиционное), индустриальное и постиндустриальное общества. К постиндустриальным обществам - форпостам цивилизации - отнесены страны, успешно проходящие через научно-техническую революцию. Среди сторонников этой теории произошло внутреннее разделение, в частности выделилось и направление, выступившее за синтез в "новом индустриальном" обществе позитивных черт капитализма и социализма.

Среди представителей этого направления наибольшую известность приобрел лидер современной либеральной мысли в США Дж. Гэлбрейт. Взгляды Гэлбрейта и его последователей свидетельствовали о стремлении либералов дать позитивные ответы на вызовы радикализма, социализма и национально-освободительных движений 60-х годов. В 1967 г. в книге "Новое индустриальное общество"³¹ Гэлбрейт развивал идею своеобразного исторического компромисса между капитализмом и социализмом, а для обозначения этого компромисса было введено новое понятие - конвергенция. Концепция конвергенции обосновала объективную закономерность сближения производительных структур и систем экономического управления при социализме и капитализме. Лейтмотивом

этой и последующих книг Гэлбрейта являлась мысль, что негативные стороны научно-технической революции могут быть устранены только на основе развития в рамках капитализма процесса социализации.

Размежевание между консерваторами и либералами происходило в 60-е годы и в исторической науке. Школа "консенсуса" оказалась в затяжном кризисе, а ее либеральные представители выступили с ревизией апологетических концепций. Свообразным манифестом отхода либералов от консерваторов стала монография одного из лидеров либерального направления Р. Хофстедтера³², в которой критически сопоставлялись концепции прогрессистской и "консенсусной" школ, этих двух главных соперниц в послевоенной историографии США. Порывая со школой "консенсуса", Хофстедтер указывал на важную роль на разных этапах американской истории конфликтов и противоречий и признавал революционный характер Войны за независимость 1775-1783 гг. и Гражданской войны 1861-1865 годов.

Сдвиг в исторической науке США получил выражение и в оформлении радикальной школы. Она возникла в лоне нового левого движения 80-х гг. и долгое время именовалась как новая левая историография. Со временем радикальная школа стала все более тесно контактировать с наследниками прогрессистской школы, составив вместе с ней то направление исторической науки США, которое можно определить как радикально-демократическое.

Это направление намного пережило новое левое движение, более того, своего расцвета оно достигло уже в 70-е годы. В самом начале 80-х гг. радикально-демократическое направление сохраняло научный авторитет, его концепции так или иначе были восприняты и некоторыми другими направлениями и школами. Со второй половины 80-х годов под воздействием

меняющейся политической ситуации самостоятельная роль и влияние радикально-демократического направления стали уменьшаться.

Важным явлением современного этапа в развитии историографии США стало формирование "новой исторической науки". Развитие этого направления, опирающегося на методы современных общественных наук, в первую очередь таких, как социология, политология, экономика, антропология, характерно для большинства стран Западной эпохи научно-технической революции, но каждая из них имеет свои особенности. В США такая особенность заключалась в том, что развитие новой научной истории началось там с освоения количественных методов и складывания первоначально школы "новой экономической истории". По этой причине "новая историческая наука" Соединенных Штатов даже получила название клиометрии ("измеряющая историография"). И только затем стали складываться школы "новой социальной", "новой политической истории", использовавшие собственно методы общественных наук, такие как структурно-функциональный, стратификационный, бихевиористский и другие. Если на ведущую школу "новой исторической науки", социальную - в 60-е гг. определяющее влияние оказывала социология, то в 70-80-е гг. все большее значение приобретают демография и антропология. Овладение количественными методами и междисциплинарной методологией в целом помогло исторической науке США полнее и точнее постигать явления прошлого, расширить предмет познания и проблематику.

Развитие "новой исторической науки" также обнаружило, что освоение количественных методов исследования и междисциплинарной методологии не устранило теоретических различий, хотя и видоизменило их. Постепенно в ее рамках происходило типичное для традиционной историографии размежевание на консервативное, либеральное и радикально-демократическое направления.

Радикально-демократическое направление. Радикально-демократическое направление осуществило пересмотр американского исторического опыта с мировоззренческих позиций, позаимствованных, в первую очередь, у нового левого движения. Особенности и противоречия новой левой идеологии, так или иначе, характерны для концепции радикально-демократической историографии.

Радикальная школа имела непосредственные преемственные связи в американской историографии: предшественницей ее была прогрессистская школа. При всем сходстве - стремление к всестороннему критическому пересмотру концепции традиционных школ и направлений - им присущи, вместе с тем, и отличия. Радикальная школа рассмотрела американское общество как антагонистическую социально-политическую систему на всех этапах ее развития, а не только в новое время, что было характерно для прогрессистских историков. Круг интересов радикальных историков был гораздо шире: он включал наряду с историей американских революций проблематику рабочего движения на всех его этапах, внутреннюю и внешнюю политику США XX века. Радикальные историки испытали гораздо большее воздействие марксизма, а также современных философских исторических школ, таких, как Франкфуртская философская школа, школа "Анналов", "новая историческая наука". Радикальные историки уделили гораздо большее внимание роли мировоззренческих, социально-психологических и идеологических факторов в историческом развитии.

Радикально-демократическое направление в изучении социальных размежеваний и конфликтов революционной эпохи конца XVIII в. в отличие от предшественников из прогрессистской школы, исследовавших преимущественно настроения и выступления сельского бедноты, уделило самое пристальное внимание позициям городских низов. Работы Д. Лемиса, С. Линда, Дж. Мейна и других историков расширили прежние представления о со-

³¹ Galbraith J. K. The New Industrial State. Chicago, London, 1967.

³² Hofstadter R. The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. N. Y., 1968.

держании социальной борьбы в революционный период, поскольку устремления городских низов серьезно отличались от требований сельской бедноты, особенно мелких самостоятельных фермеров.

Отмечая вклад радикально-демократического направления в изучение ранней американской истории, необходимо вместе с тем отметить, что для ряда его представителей характерно отделение стихийных народных выступлений от действий демократического руководства патриотического лагеря, рассмотрение их в качестве не только самостоятельного, но и изолированного революционного потока. Преклоняясь перед революционной стихийностью масс, они объявляли ее высшим выражением демократической линии в Американской революции, свержая в то же время с демократического пьедестала лидеров левого крыла патриотов, включая признанного отца демократии в США Т. Джефферсона.

Большое внимание радикально-демократическим направлением было уделено эпохе второй Американской революции - Гражданской войне и Реконструкции 1861-1877 гг. Получили широкую известность и вызвали бурные дискуссии исследования Юджина Дженовезе. В монографии "Политическая экономика рабства. Исследования экономики и общества рабовладельческого Юга"³³ он противопоставил анализу экономических характеристик рабства, типичному для консервативных и либеральных авторов, исследование "политической экономики" рабовладельческой системы, включающей в себя отношения собственности, классовую структуру, политическую надстройку, идеологию и культуру. Американское рабовладение, доказывает он, возникло как способ эксплуатации рабочей силы в рамках капитализма, но постепенно оформилось в автономную социально-экономическую и политическую структу-

ру, основывающуюся на своеобразной, отличной от капиталистической, "политической экономии". Будучи первоначально "придатком британского капитализма" американское рабовладение после войны за независимость, сохранив связи с капиталистическим рынком, превратилось в "аристократическую" систему, определяющей основой которой стало не только частнокапиталистическое накопление, но и рабовладельческий способ эксплуатации негритянского населения Юга. Постепенно капиталистическая система Северо-Востока и плантационное рабство выступили как две разнородные и антагонистические, с точки зрения заключенных в них тенденций развития, общественные системы.

Большие дискуссии в исторической науке США вызвали последующие монографии Ю. Дженовезе³⁴, в которых давалось оригинальное объяснение неразвитости антирабовладельческих восстаний в США. Опираясь на теорию А. Грамши о классовой гегемонии буржуазии как способе ненасильственного подчинения масс, Дженовезе использовал ее и для истолкования системы классового господства плантаторов-рабовладельцев. Сформулированная им концепция патриархального патерналистского характера американского рабовладения оказалась неожиданно созвучной работам консервативных историков. Важно, однако то, что уделив небольшое внимание роли церкви, Дженовезе показал, что религия рабов была сложным сочетанием африканских и христианских нравственных норм - она помогла рабам сохранить жизнеспособность и сделалась "организующим центром их сопротивления".

В дискуссии принял участие и известный американский историк-марксист Г. Аптекер. Он утверждал, что вообще невозможно говорить о "спокойном" Юге,

что последний был подобен пороховой бочке. Ряд из известных ныне заговоров и восстаний негров-рабов были выявлены ранее Аптекером в работах "Быть свободным" (1948), "Навстречу свободе негров" (1956), "Восстание Ната Тернера" (1986) и др.

Изучение негритянского антирабовладельческого движения - сквозная тема творчества другого известного историка-марксиста Ф. Фонера. Он собрал полузабытые и рассеянные по различным библиотекам и частным собраниям статьи и выступления выдающегося негра-аболициониста Фредерика Дугласа и опубликовал их в четырехтомном издании с научными комментариями (1950-1955). Он прослеживал его деятельность на фоне Гражданской войны и Реконструкции, трактуя последнюю вслед за Дж. Алленом как новую фазу во Второй Американской революции.

Большое внимание историки радикально-демократического направления, в первую очередь Л. Литвак и Э. Фонер³⁵, капитальные работы которых завоевали много престижных академических наград, уделили итогам Гражданской войны и Реконструкции. В отличие от консервативных историков они признают реальные исторические достижения Второй Американской революции, а в отличие от либеральных историков раскрывают ее незавершенность, что явилось одной из причин реанимации в будущем экономических и политических позиций бывших плантаторов, как и сохранения системы сегрегации негров.

Особое место в радикально-демократической историографии заняла тема американского рабочего движения на всех его этапах. При этом ее представители с самого начала вступили в острую полемику с коммонсовско-висконсинской школой. Отвергнув ее исследовательский

подход, как метод изучения рабочего движения "сверху", радикальные историки присягнули на верность методу изучения рабочего движения "снизу". Это должно было, по их мысли, расширить возможности выявления процесса формирования собственных классовых черт мировоззрения пролетариата США, выходящих за рамки тред-юнионистского сознания. Радикальные историки исходили из того, что новый подход должен разрушить постулат консервативной и либеральной историографии, заключающийся в том, что в США невозможно развитие культуры и сознания, альтернативных буржуазной идеологии.

Среди тем, поднятых радикальными историками, некоторое время повышенной популярностью пользовалось развенчание политики профсоюзной верхушки и консервативного профсоюзного объединения АФТ (с 1955 г. - АФТ-КПП). Критика исторического пути "образцового" по понятиям висконсинцев, профсоюзного объединения был беспощадна: исследовался процесс отрыва профсоюзного руководства от рядовых членов и превращение его в профбюрократию, освоившую психологию и жизненные правила капиталистических менеджеров, раскрывалось подчинение "чистого" и "делового" тред-юнионизма ценностным установкам и стереотипам предпринимательской идеологии.

Впоследствии на первый план в радикальной историографии выдвинулся новый ракурс - не только и не столько разоблачение перерождения профсоюзной верхушки, сколько исследование развития самосознания "рядовых".

"Новая историческая наука". В "новой исторической науке" наиболее "старой" является школа "новой экономической истории", опирающаяся по преимуществу на количественные методы исследования прошлого США. В поле ее зрения оказались проблемы промышленного переворота и индустриализации, рабовладения, аграрной истории.

³³ *Genovese E. D. The Political Economy of Slavery. Studies in the Economy and Society of the Slave South. N. Y., 1965.*

³⁴ *Genovese E. D. The World the Slaveholders Made. Two Essays in Interpretation. N. Y., 1969; idem. Roll, Jordan, Roll. The World the Slaves Made. N. Y., 1974.*

³⁵ *Litwack L. Beeing in the Storm So Long: the Aftermath of Slavery. N. Y., 1979; Foner E. Reconstruction. Americans-Unfinished Revolution. 1863-1877. N. Y., 1988.*

В изучении "новой экономической истории" промышленного переворота и индустриализации в США поначалу возобладала тенденция технологического детерминизма, означавшая сосредоточенность на количественных и качественных сторонах технико-производственных изменений в США XVIII-XIX вв. Одним из центральных оказался вопрос о причинах выигрыша Соединенными Штатами экономической соревнования с Великобританией в XIX - начале XX вв. и отнесения последней к позиции "мировой мастерской". При этом П. Темин и его ученики объясняли более быстрое индустриальное развитие США способностью к технологическим нововведениям, в то время как другие клиометристы, среди них Р. Фогел, подчеркивали преимущественное значение фактора дешевизны сырья в Соединенных Штатах. Широкую известность приобрела дискуссия клиометристов о рентабельности и роли железных дорог в промышленном развитии США XIX в.: одна группа, в которую входили П. Темин и Д. Норт, доказывала, что железнодорожное строительство благоприятствовало процессу индустриализации в США, в то время как другая группа во главе с Р. Фогелом, впервые использовавшим метод контрфактического моделирования³⁶, утверждала, что железные дороги в XIX в. по эффективности уступали гужевым и водным перевозкам и что их чрезмерное строительство не только не способствовало, но даже препятствовало процессу индустриализации. Почти пятнадцатилетняя дискуссия завершилась тем, что Фогел фактически отказался от своей концепции.

В рамках клиометрии сложилась и группа историков, среди которых известность приобрели Д. Этак, Г. Кларк, осудившие сосредоточенность исследователей "новой экономической истории" на технико-производственных процессах и избравшие темой анализа социальные ас-

пекты промышленного переворота и индустриализации. В их исследованиях обращено внимание на рост молодой американской промышленности, интенсификации труда, увеличение рабочего дня, вытеснение квалифицированного труда менее квалифицированным, пауперизацию, складывание рынка детского и женского труда. Их выводы, доказывающие, что социальные последствия промышленного переворота и индустриализации в США по существу не отличались от европейского опыта, контрастируют с теорией "американской исключительности".

Одно из центральных мест в трудах либерального и консервативного направлений клиометрии заняли темы американского рабовладения и Гражданской войны. В их трудах обосновывались два главных тезиса: для Гражданской войны в США не было объективных экономических оснований, она не повлекла за собой обновления или ускорения развития нации, а, напротив, затормозила его, оказавшись "зряшной" революцией.

Клиометристы выдвинули концепцию о динамичном развитии рабовладельческого Юга в десятилетия перед Гражданской войной. Наибольшую известность снискали работы Р. Фогела и С. Энгермана. Фогел, утвердившийся в качестве лидера новой экономической историографии, удостоился чести быть избранным в Национальную академию наук в Вашингтоне, где оказался первым представителем исторической профессии. Написанная им совместно с Энгерманом двухтомная монография о плантационном рабстве³⁷ увенчана четырьмя основными обобщениями: американское рабство было высоко продуктивной и прибыльной экономической системой, достигшей в канун Гражданской войны процветания как в старых приатлантических, так и в новых западных штатах; рабский труд на крупных рабовладельческих плантациях был более производительным, чем свободный труд бе-

лых фермеров и сельскохозяйственных рабочих; плантационное рабство обеспечивало неграм-рабам более высокий уровень жизни, нежели тот, который гарантировал промышленный капитализм наемному рабочему или тот, которого достигли черные американцы после освобождения; плантационное рабство не подавляло духовные, умственные и физические возможности афро-американцев, которые перешли к моногамной семье, приобщились к христианской религии и т. п.

Критика отвергла не все выводы "лидеров новой экономической истории". Например, не подвергается сомнению факт прибыльности рабовладельческих хозяйств: она была обусловлена подчиненностью плантационного рабства закону частнокапиталистического накопления, неразрывной его связью с мировым капиталистическим рынком и зависимостью от него. Однако многие выводы Фогела и его последователей, как и их общая концепция превосходства плантационного рабства по ряду социальных показателей над чистым капитализмом, не могут быть признаны убедительными. Фогел и Энгерман чрезмерно доверились источникам, исходившим от рабовладельцев. Сравнительные характеристики капитализма и рабства относятся к периоду второй четверти XIX в., заведомо проигрышному по ряду важных показателей для промышленного капитализма, ибо он тогда проходил стадию мучительных родов, сопровождавшихся самыми негативными социальными последствиями. Сравнение промышленного капитализма и плантационного рабства с позиций историзма не оставляет сомнений, что рынок наемного труда, свободная конкуренция и вырвавшиеся из них производственные и социальные отношения (экономика, политика и культура) были исторически прогрессивнее и несовместимы с системой рабства.

Ряд клиометристов (Д. Норт, Т. Кохрэн, П. Темин) стремились доказать ненужность Гражданской войны на основе компьютерных обчетов динамики экономического развития США в предвоенный

и послевоенный периоды. Обнаружив некоторое падение производства промышленной продукции и производительности труда (падение на 13% в послевоенный период), они сделали вывод, что Гражданская война приостановила экономический прогресс. Показывая определенный спад промышленного производства после Гражданской войны, клиометристы не раскрыли истинную суть этого явления, а именно: подобные спады характерны для послевоенных и послереволюционных эпох, а экономические плоды социально-экономических революций "пожинались" позднее их завершения.

С другой стороны, ряд клиометристов доказывал, что экономическое развитие, освобожденное после Гражданской войны и Реконструкции от вмешательства федеральных властей, имело наиболее благоприятные последствия для негров, предоставив им "равный с белыми шанс на процветание и успех". Так, С. Де Канио утверждал, что доходы черных американцев в последней трети XIX в. удвоились и на 30% опережали рост общественного дохода за эти годы. Эти выводы они подвергнуты критике со стороны новых экономических историков радикально-демократического направления.

Д. Мандл, последователь Дженовезе, привел данные, свидетельствующие, что возрождение системы плантаторского господства основывалось и на внеэкономических формах принуждения, которые тормозили капиталистическое развитие Юга, углубляли стагнацию его аграрной экономики. Близок к концепции Мандла Д. Уинер, согласно подсчетам которого черные американцы, несколько улучшив свое положение к концу XIX в., тем не менее, в 1900 г., имели доход, составлявший лишь 1/3 дохода среднего белого американца.

Различие подходов в среде клиометристов проявилось и в изучении такой классической темы американской истории, как освоение Запада. С одной стороны, выделилась группа исследователей, сосредоточившихся на историко-демографической

³⁶ Моделирование варианта исторического развития, альтернативного реализовавшемуся в действительности

³⁷ Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross. Boston, 1974, Vol. 1-2.

проблематике: экономическая и социальная мобильность в различных возрастных и миграционных группах, динамика смертности, рождаемости, браков и т. п. С другой стороны, оформилась большая группа исследователей, нацеленная на всестороннее социально-экономическое исследование процессов освоения Запада. Среди созданных ими исследований выделяется монография Д. Этака и Ф. Бейтмана "На собственную землю"³⁸. В монографии на базе количественных методов анализа цензов всесторонне охарактеризована экономика Запада США, демографическая ситуация на Западе и Севере США, технология сельскохозяйственного производства и система общественных отношений на "границе" в XIX веке.

Другим и наиболее влиятельным направлением "новой исторической науки" стала "новая социальная история". Оформилась она в 1960-е гг., и с тех пор ее значение постоянно возрастает. Один за другим основываются журналы, исповедующие принципы "новой социальной истории". Главные из них - "Журнал социальной истории" ("Journal of Social History", 1967) и "Журнал междисциплинарной истории" ("Journal of Interdisciplinary History", 1970). Социальная история стала конкурировать по влиянию даже с признанной "королевой" историографии, политической историей. Число спецкурсов по социальной истории США в 8 ведущих университетах страны выросло к 80-м гг. почти до ста (в то же время по политической истории оно составило 14, по истории международных отношений-36).

В рамках "новой социальной истории" происходили внутренние разделения: появились направления "новой рабочей", "новой городской" истории, истории семьи, женского движения, детей и детства и т. д. И все же выделялись два главных устойчивых интереса - это динамика социальных структур, а также история разнообразных социальных общностей, их воз-

можностей, поведения, социальной психологии. При их изучении использовались методы антропологии, социологии, психологии, а также количественные методы исследования.

Исследовательские интересы "новой социальной истории" вызвали критическое отношение со стороны американских марксистских и ряда леворадикальных ученых, обвинивших ее в размельчении объекта социального анализа, подмене межклассовых взаимоотношений и противоречий межгрупповыми и внутригрупповыми. Известный американский историк-марксист Ф. Фонер, автор фундаментального шеститомного труда "История рабочего движения в США" (1947-1980), отдавая должное достижениям "новой социальной истории", отмечал, что написание истории рабочего движения вне контекста общеисторических тенденций развития США может привести к деформации предмета изучения. Действительно, если марксистская социальная история сосредоточивалась на классах и классовом самосознании, то немарксистская - на этнических и религиозных группах, соседских, деревенских и городских общинах, семье и браке, женщинах и женском движении, маргинальных слоях общества и мире обыденного сознания людей. Однако при более внимательном и критическом сравнении марксистской и немарксистской социальной истории необходимо признать, что каждой из них присуща определенная односторонность.

Социальная история США не существовала без классовых отношений и конфликтов, но она никогда не сводилась только к ним. Американская история знала гораздо большее количество социальных сообществ, ячеек и движений, нежели классы, при этом этнические и религиозные группы, семья, соседские общины, их взаимоотношения и противоречия имели в прошлом США в разные периоды не меньшее, а иногда и большее значение, нежели классовые конфликты. "Новая социальная история" США, не уделив внимания истории классов, добила, однако,

серьезных успехов в постижении истории внеклассовых социальных общностей, их обыденного сознания и культуры.

В "новой социальной истории" постепенно проходили те же размежевания, что и в новой экономической истории. Выделились консервативное, либеральное и радикально-демократическое направления, при этом последнее испытало воздействие отдельных положений марксизма. Серьезные различия возникли между ними в изучении одной из центральных проблем - социальной мобильности в американской истории. В работах консервативных и либеральных социальных историков абсолютизируется стратификационный анализ, означающий разделение общества на множество слоев (страт), группируемых по таким признакам, как профессиональная, этнорелигиозная принадлежность, владение домом, величина дохода, образовательный уровень. Это во многом предопределяет выводы о высокой социальной мобильности на всех этапах американской истории.

Историки радикально-демократического направления, не отвергая стратификационный анализ, подчас дополняют его классовым анализом. М. Катц, М. Дусс и М. Стерн в исследовании об эволюции социальной структуры в США периода торжества промышленного капитализма (третья четверть XIX века)³⁹, пришли к выводу: социальная мобильность, свойственная североамериканскому обществу третьей четверти XIX века означала мобильность внутри каждого класса, но не между ними.

Радикально-демократическое направление оказало особенно большое влияние на школу "новой рабочей истории". Крупнейшим ее авторитетом был признан профессор Нью-Йоркского Городского Университета Г. Гатман, представитель радикально-демократического направления. В его исследованиях дан всесторонний ана-

лиз социальной психологии, нравов, обычаев, трудовой и семейной этики рабочего класса доминирующей эпохи. Гатман стремился показать, что "культура" американского пролетариата XIX века, как она получила выражение в фольклоре, ритуалах, праздниках, бытовой и семейной этике, отношении к труду, религиозном сознании, эстетических вкусах, заключала в себе неприятие или даже протест против тех форм эксплуатации, которые утверждались в процессе капиталистической индустриализации.

Особенность культуры американского пролетариата XIX в. в значительной мере определялась иммигрантскими "волнами" из Европы. Гатман не ограничился известным тезисом об отрицательном воздействии иммигрантских волн на процесс формирования сознания пролетариата. Его выводы были неожиданными: континуитет доиндустриальных форм в "культуре" пролетариата США XIX в. только деформировал, но не "размывал" оппозицию американскому общественному миропорядку со стороны рабочих. Гатман привлекал для анализа этих форм массу нетрадиционных источников (письма, фольклор, свидетельства, характеризующие быт, досуг, умонастроения иммигрантских общин)⁴⁰.

Ученики и последователи Гатмана создали в 70-80-е гг. огромное количество исследований, показывающих наличие самостоятельных традиций в рабочей культуре на различных этапах американской истории. Демократические тенденции были сильны в изучении истории и культуры черных американцев, индейцев, женщин, этнических групп. Стереотипы - "американский характер", "Америка - плавильный котел" - уступили место концепции плюрализма разнообразных социальных культур и ментальностей.

Широкое признание получили исследования демократического направления

³⁸ Atack J., Bateman F. To Their Own Soil. Agriculture in the antebellum North. Ames, 1987.

³⁹ Katz M. B., Doucet M. J., Stern M. J. The Social Organization of Early Industrial Capitalism. Cambridge (Mass.) London, 1982.

⁴⁰ Gutman H. G. Work, Culture and Society in Industrializing America: Essays in American Working-Class and Social History. N. Y., 1976.

"новой социальной истории", посвященные истории культуры и менталитета черных американцев эпохи рабства. В них был раскритикован образ "сэмбо" - инфантильного психически и интеллектуально неполноценного черного раба, создававшийся десятилетиями в трудах консервативных историков. При этом были всесторонне исследованы формирование, прогрессивное развитие, выживание негритянской семьи, религия, фольклор, музыка, культура черных американцев на протяжении двухсот лет их пребывания в рабстве. В этих исследованиях показано, что негритянская культура представляла собой синтез национальных африканских "корней" и американских традиций⁴¹.

Важными направлениями новой социальной истории стали локальные исследования, история женщин и женского движения, семьи. В развитии локально-исторических исследований принципиальную роль сыграли монографии Ф. Гривина, К. Локруджа и Д. Демоса о различных аспектах семейно-общинного уклада колониального общества. Монографии, признанные в США классическими, испытали воздействие методологии французской школы социальной истории, английской локальной истории, культурной антропологии и теории протестантской этики М. Вебера.

В изучении истории женщин и женского движения оформились два отчетливых подхода. Первый рассматривает женщин как особую общественную группу, имеющую собственное, отличное от мужчин предназначение в истории. Его выразители, опираясь на первоисточники, вышедшие из-под пера женщин (письма, дневники, мемуары и т. д.), воссоздают особую

"женскую культуру", которая свидетельствует, что у женщин имеется свое социально-историческое "поле", которое исключает экономику и политику, интегрируя в "женскую сферу", по преимуществу, дом, семью, религию, морально-этические ценности, стабилизирующую роль в обществе.

Второй подход трактует женщин и мужчин по сути как два антагонистических начала: утверждается, что мужчины на протяжении всей американской истории исповедовали "половой шовинизм", по сути, насильственно загнав женщин в ущербную социальную сферу. Сторонники этого подхода отвергают все сложившиеся ценности, как "патриархальные", включая в них, в частности, семью и материнство.

Соперничество разных направлений характерно и для школы "новой политической истории", сосредоточившейся на изучении избирательных кампаний, массового политического поведения американцев, политической культуры и использующей, как и другие школы "новой исторической науки", междисциплинарную методологию и количественные методы исследований. Примером консервативного подхода является исследовательский подход "новой политической истории", восторжествовавший в изучении Гражданской войны.

Его выразители претендовали на демократическое видение прошлого: они отвергли элитарные источники, исходившие от руководства национальных политических партий, и обратились к изучению локальных уровней политической борьбы и поведения рядовых избирателей. В 1969 г. М. Холт в монографии о возникновении республиканской партии в Питтсбурге (штат Пенсильвания)⁴² пришел к выводу, что проблема рабства не имела существенного отношения к ее возникновению. Крах двухпартийной системы демократы-

⁴² *Holt M. F. Forging the Majority: The Formation of the Republican Party in Pittsburgh, 1848-1850.* New Haven-London, 1956.

виги произошел, согласно его схеме, из-за острых противоречий между коренными американцами и иммигрантами, во-первых, и между протестантами и католиками, во-вторых. Исследовав материалы избирательных кампаний в одном Питтсбурге, Холт, тем не менее, решил на обобщение, что в канун Гражданской войны партийные размежевания почти в каждом городе в северных штатах выростали не по широким социально-политическим проблемам, а из этнических и религиозных разделений населения.

После Холта целая группа американских историков выступила с позиций своеобразного этнорелигиозного детерминизма при объяснении политических размежеваний 1850-х гг. в целом, краха двухпартийной системы виги-демократы и возникновения республиканской партии в особенности.

Холта и его последователей можно обвинить в антиисторизме: они вырвали из социально-экономического и идейно-политического контекста эпохи Гражданской войны и абсолютизировали фактор этнорелигиозных противоречий. Кроме того, они механически переносили (гносеологическая ошибка) на объект исторического анализа частный политологический метод, исследующий функционирование политического механизма и его частей в "чистом виде", то есть вне связи с социально-экономическими проблемами эпохи. Необходимо отметить и отсутствие у них какой-либо теории общесоциального исторического развития. Как результат, рождаются выводы о том, что Гражданская война была, прежде всего, следствием этнокультурных различий Севера и Юга или же продуктом "узкого заговора" кучки южан-рабовладельцев (версия Л. Бенсона), поскольку объективных оснований для ее возникновения не имелось.

Радикально-демократическое направление в рамках "новой политической истории" остается относительно неразвитым. Одним из его наиболее видных представителей является У. Д. Бернхем, который в исследованиях политических привязанно-

стей американского электората от середины XIX - до XX в. смог на основе компьютерного анализа огромного массива данных показать нарастание кризиса двухпартийной системы США. Бернхем отличает от многих представителей "новой политической истории" подход к вопросу об исторической причинности: источник необратимых перемен партийно-политической структуры он видит в фундаментальных социально-экономических противоречиях.

В последующем десятилетии (конец 80-х - середина 90-х гг.) магистральные линии развития "новой исторической науки" не претерпели глубоких изменений. Еще более расширились ее тематические рамки, и значительно возросло число исследований. По существу, стерлись грани между главными направлениями "новой исторической науки", их поглотила всеобъемлющая "новая социальная история". Однако явно ослабел критический настрой ранней "новой социальной истории" - в науку в 80-е гг. пришло новое более прагматичное поколение, не участвовавшее в выступлениях "бурных 60-х гг.". Если первые "новые социальные историки" ставили целью ниспровержение консенсусной трактовки американской истории, то теперь позиции новой и традиционной социальной истории сблизилась и дискуссии перешли в сферу более профессиональных разногласий по частным вопросам.

Вместе с тем, в историографии по-прежнему поднимаются важные проблемы: иммиграции, освоения запада, географической и социальной мобильности населения, роли религии в различного рода движениях рабочих⁴³. Вслед за радикальным историком Катцем, исследовавшим ментальность бедняков в различные периоды истории США, изучаются условия труда и быта рабочих⁴⁴. В поле зрения социальных исследователей, как и прежде,

⁴³ *Lazarew J. Religion and Working Class in Antebellum America.* Wash. 1995.

⁴⁴ *Mangometry D. Citizen Worker.* Cambridge, 1993.

история афро-американцев - от заговора Габриэля 1800 г. до борьбы освобожденных рабов против кропперства за статус наемного рабочего на плантациях в период Реконструкции Юга⁴⁵ и участия в популистском движении; популярны различные социальные аспекты истории национальных меньшинств: индейцев, мексиканцев и др.

Одной из главных тем остается история женщин. Тематические варианты исследований здесь поистине безграничны - от условий труда женщин на фабриках Новой Англии в период промышленного переворота, материнства, участия в войнах до сексуальной жизни и контроля над рождаемостью⁴⁶. Повороты в изучении отдельных тем порой неожиданны и интересны. Так, Р. Козн в книге "Больше работы для матери: технология труда домашней хозяйки от эпохи открытого очага до микроволновой печи" разбирает изменения в технике чистки ковров от щетки до вакуумного пылесоса и задается вопросом: облегчил ли последний труд хозяйки?

Тематика "новой социальной истории" почти безбрежна, она ушла в немалой мере в микроисторию США (история отдельных парков, магазинов, памятников, тюрем и т. д.), перешагнула границы страны. В США выходят работы по социальной истории многих стран Европы (в том числе и России), Азии и Африки.

Хотя американские социальные историки немало говорят о необходимости расширения изучения ментальности за счет культуры, такой поворот здесь выражен слабее, чем в европейской, особенно во французской, "новой исторической науке". Изучение ментальности тоже пошло, прежде всего, "вширь" - история раз-

личного рода ритуалов: праздников, похорон, манер поведения и т. д. Работ, подобных исследованию М. Каммена "По струнам памяти" (1991), о причинах смены отношения разных поколений американцев к историческим событиям прошлого или А. Миллер "Империя глаза" (1993), где автор стремится связать изменения искусства пейзажа в картинах художников XIX в. со складыванием национального сознания у американцев, сравнительно немного.

Сейчас по-прежнему перед "новой социальной историей" стоит задача уйти от мозаичности, фрагментарности. Решение проблем синтеза еще более затруднено, чем ранее, потому что на смену былой эйфории относительно возможности, открывающейся перед историческим познанием, вследствие его математизации пришло разочарование. Нередко раздаются критика структурализации и математизации истории, которые не смогли помочь в создании общей теории исторического развития США.

Несмотря на очевидные минусы, нельзя не согласиться с оценкой российского исследователя Г. К. Гульбина, что американская "новая социальная история" превратилась в "зрелую научную дисциплину". Она демократизировала тематику исторических исследований, подняла для изучения новые пласты ранее неизвестного материала по истории маргинальных слоев, этнической истории, истории женщин и т.п. Все это в значительной мере обогатило изучение истории США и раздвинуло ее границы.

Неоконсерватизм. В 70-е годы в США зарождается идейно-политическое течение, нареченное неоконсерватизмом, которое оказало влияние на все стороны общественной жизни, в том числе и на историографию. Своего пика неоконсерватизм достиг в 80-90-е гг., в период пребывания у власти республиканского правительства Р. Рейгана, а затем Д. Буша. Позиции неоконсерватизма упрочились и вследствие распада мировой социалистической сис-

темы, ослабления в целом влияния социалистических идей.

Хотя неоконсерваторы выступили в качестве продолжателей индивидуалистической идейно-политической традиции, они сочли необходимым отмежеваться от принципов крайне правых, таких как Д. Маккарти и Б. Голдуотер. Они заявили о следующих отличиях от крайне правых: неоконсерваторы выступают ревнителями подлинно американских традиций и институтов, таких как Декларация независимости и Конституция, и не приемлют образцы европейского консерватизма (например, феодальные, аристократические пережитки или фашизм XX века). Неоконсерваторы настаивают на коренных отличиях европейского консерватизма от американского: первый уходит корнями в феодально-аристократические установки и традиции, а второй исходит от заветов Д. Локка и А. Смита, т. е. принципов классического либерализма, под сенью которых зарождалось американское общество. Так что по европейским меркам, доказывают неоконсерваторы, они являются истинными либералами. В то же время они стремятся изобразить современных либералов США в роли осквернителей классического либерализма, извративших его в результате заимствования ряда социал-демократических принципов. Неоконсерваторы подчеркивают свою охранительную функцию по отношению к принципам классического либерализма: поддержка и охрана "чистоты" либерализма XVIII века и составляют, согласно их интерпретации, сущность американского консерватизма.

Неоконсервативная интерпретация исторического опыта США нашла наиболее полное воплощение в монографиях Р. Бертофа и Р. Керка⁴⁷. В интерпретации Бертофа консервативная консолидация выступает в качестве магистральной тенденции американской истории. Он выделил

четыре крупных периода истории США, три из которых озаменовали триумф "социального порядка" и "первооснов" американизма. Первый период, от образования США в 1778 г. до 1815 г., характеризовался им как "институционализация" политических, морально-идеологических основ "американского порядка", когда оформился надежный механизм "социальной стабильности". Второй этап, от 1815 до 1900 гг., Бертоф рассматривал как единственный период "социальной дестабилизации" в истории США. Причиной этого были иммигрантские "вторжения", беспрерывные переселения на Запад, переходы из одного класса в другой, в целом высокая "вертикальная и горизонтальная" мобильность. Третий, переходный период, от 1900 до 1930 гг., знаменовался, по Бертофу, снижением "социальной дестабилизации" вследствие угасания иммигрантских волн, исчерпания свободных земель и завершения индустриализации. Этот период означал приспособление всех социальных слоев, этнических и религиозных общин к американским условиям, к первоосновам американизма. Наконец, в четвертый период, с 30-х гг. до наших дней, в США утвердилось общество, которое, оставаясь высококомбинированным, является сплоченным в гораздо большей степени, чем общество XIX в., и в этом смысле больше напоминает общество XVIII в. Все реформаторские курсы XX в. - В. Вильсона, Ф. Д. Рузвельта, Д. Кеннеди - охарактеризованы Бертофом как консолидирующие американскую нацию, т. е. по своей сути глубоко консервативные.

Р. Керк в книге "Корни американского строя" стремился доказать, что Америка во все времена была землей обетованной для иммигрантов. Как бы ни были они разнородны в национальном, социальном и религиозном отношениях, рассуждал Керк, они всегда воспринимали и усваивали "американские корни" - принципы отцов-основателей, Декларации независимости, Конституции 1787 г. А если это так, значит "корни американского строя" необычайно здоровы по своей сути, и у со-

⁴⁵ Egerton D. Gabriel Rebellion. N. Y. 1993; Savill J. The Work of Reconstruction: From Slave to Wage Labor in South Carolina. Cambridge, 1994.

⁴⁶ Dublin T. Transforming Women's Work: New England in the Industrial Revolution. Ithaca, 1994; Faust D. G. Mothers of Invention: Women of the Slaveholding South in the American Civil War. Chapel Hill, 1996; Bredie J. F. Contraception and Abolition in 19th Century America. N. Y. 1994.

⁴⁷ Berthoff R. An Unsettled People: Social Order and Disorder in American History. N. Y., 1971; Kirk R. The Roots of American Order. La Salle (Illinois), 1974.

временной Америки есть все основания опираться на них, не поддаваясь социально-экономическим и политическим экспериментам, позаимствованным из европейского опыта. Керк наделял консервативными мотивами и Джефферсона, и авторов Конституции, и Линкольна, и Ф. Д. Рузвельта. Парадоксально, но подобно прогрессистам и радикалам, Керк считал Конституцию США консервативным документом. Но, в отличие от них, он считал это ее положительным, а не отрицательным свойством.

Неоконсерваторы уделили особенно пристальное внимание истории американского либерального реформизма. В реформаторской политике XX века ими выделены два главных этапа: Новый курс Ф. Д. Рузвельта 1930-х гг. и "Великое общество" Кеннеди-Джонсона 1960-х гг. Отношение неоконсерваторов к этим двум периодам неоднозначно: социальные мероприятия Нового курса ими с теми или иными оговорками принимаются, а положения программы "Великого общества" решительно отвергаются. Более того, в концепции "Великого общества" они видят подлинный источник экономических неурядиц, опасность для основ американизма и ярко выраженный перекокс в сторону эгалитаризма.

Обосновывая позицию неоконсерваторов, Т. Лоуви доказывал, что социальные программы Нового курса были направлены на "заправку насоса", создание благоприятных условий функционирования и воспроизводства рабочей силы. Введенные в период Нового курса формы социального страхования охватывали трудоспособные слои общества, т. е. способствовали поддержанию его производительных сил и пользовались поддержкой среди всех основных социальных слоев - бизнеса, среднего класса, рабочих. Программа же "Войны с бедностью" демократической партии, согласно его критике, служила не экономической (антикризисной), а откровенно идеологической цели - спору с социализмом. Однако социальная политика Кеннеди - Джонсона, критиковал ее не-

оконсерватор, не ликвидировала, да и не могла ликвидировать этот порок, а только обнажила, выпятила его. Социальные программы демократов 1960-х гг. охватывали, кроме того, не все общество и даже не трудоспособные слои, а его париев - бедняков, многодетных матерей-одиночек, нуждающихся детей, стариков. В результате, заключал Лоуви, они оказались непроизводительными расходами, ни в коей степени не способствовали улучшению экономической ситуации в США, а только усугубили нездоровые экономические явления⁴⁸.

Изучение внешнеполитической истории в 70-80-е гг. Радикально-демократическое направление. "Постревизионистский синтез". В 60-х годах в развитии историографии внешней политики произошли существенные перемены. Важнейшая из них - возникновение радикально-демократического направления. Собственно, вся радикальная историография началась с критического переосмысления внешней политики США. Это были годы эскалации войны США во Вьетнаме (1961-1962 гг.).

Основателем нового направления стал Уильям Э. Уильямс. Он автор многих исследований, среди которых выделяется концептуальная работа "Трагедия американской дипломатии" (1959), оказавшая значительное влияние на критически мыслящих молодых историков. В 60-х гг. Уильямс являлся популярнейшим лектором Висконсинского университета, участником движения за гражданские права. Многие историки-радикалы были его учениками и последователями: Г. Алпровиц, Л. К. Гарднер, У. Лафибер, Д. Горовиц, Т. Маккормик. Важнейшим отличием радикальной историографии от школ "идеалистов" и "реалистов" является антиэкспансионистская мировоззренческая позиция. Центральным моментом во взглядах радикалов было также признание правомерности национально-освободительных дви-

⁴⁸ Lowi T. J. The End of Liberalism. The Second Republic of the United States. N. Y., 1979.

жений и революций, осуждение гегемонистской политики США после второй мировой войны, нередко направленной на консервацию старых режимов.

Радикалы по-иному, чем представители традиционных направлений, определяли движущие силы внешней политики. Они отвергли концепцию "национальных интересов" и заявили о необходимости рассматривать внешнюю политику с учетом расстановки различных политических сил внутри страны, обратили особое внимание на выявление экономических мотивов внешнеполитических акций в связи с потребностями капиталистической системы. Российский исследователь Е. И. Попова, подчеркивая положительное значение новых подходов, однако, не без основания отмечала, что на практике их применение историками-радикалами нередко было "односторонним", сводило "внутренние факторы почти исключительно к влиянию монополий"⁴⁹.

При всех отличиях в трактовке тех или иных проблем отправной точкой для радикальных историков была общая концепция причин американского экспансионизма. Согласно Уильямсу, в силу господства рыночной капиталистической экономики, ориентированной на извлечение максимальных прибылей, и ограниченности внутреннего рынка, неспособного поглотить производимую товарную продукцию, США на протяжении всей своей истории были заняты поиском иностранных рынков.

Рассматривая "империализм" как изначально присущее Америке явление (историки-радикалы усматривают его в экспансии плантаторов и фермеров на западные земли), они считают, что на рубеже XIX-XX вв. произошли важные перемены в движущих силах экспансии - отныне ее организатором стала крупная буржуазия. Новый этап в росте американского экспансионизма они связывают не только с возросшими экономическими устремле-

⁴⁹ Попова Е. И. Внешняя политика США в американской политологии. М., 1987, с. 11, 19.

ниями, но и с попыткой путем экспансии разрешить усилившиеся в стране социальные противоречия. В работах У. Лафибера "Новая империя", Т. Маккормика "Китайский рынок"⁵⁰ и др. были отмечены структурные изменения в экономике в конце XIX в. - образование трестов, разрушительные экономические кризисы (1873-1878, 1882-1885, 1893-1895 гг.), исчезновение свободных земель.

Радикальные историки считают, что американский вариант притязаний на мировое первенство наиболее полно воплотился в доктрине "открытых дверей". Он основывался, в отличие от колониальных империй европейских держав, не на прямом политическом господстве, а на экономическом могуществе США. По определению Уильямса, "открытые двери" должны были обеспечить доминирующее положение США на мировом рынке так же, как фритредерство обеспечило такое положение Англии в эпоху "свободного капитализма", когда та выступала в качестве "мастерской мира"; "открытые двери" стали американским аналогом в условиях монополистического капитализма⁵¹.

Из стратегии "открытых дверей", рассматриваемой в качестве магистральной линии американской внешнеполитической экспансии в XX в., формировались, согласно радикалам, все важнейшие узлы внешней политики США: отношение к европейским державам, национально-освободительным движениям, Советскому Союзу.

В работах, посвященных внешней политике США между двумя мировыми войнами, радикалы, опираясь на новые материалы, показали проникновение американского капитала в Европу, Латинскую Америку, Азию. Анализируя противоре-

⁵⁰ La Faber W. F. The New Empire: An Interpretation of American Expansion. 1860-1898. Ithaca, 1963; McCormic T. China Market. 1893-1901. American Quest for Informal Empire. Chicago, 1967.

⁵¹ Вильямс У. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960, с. 41-67.

чия США и Германии, США и Японии в этих регионах, Л. К. Гарднер пришел к выводу о том, что в этом противоборстве формировались истоки второй мировой войны. Вместе с тем, узость подходов экономического детерминизма в освещении международных отношений проявилась в том, что из общей их картины выпало значение фактора Советского Союза в стратегии США.

Ряд других историков радикального направления Г. Колко, Д. Горовиц и др. обозначали в качестве водораздела американской внешней политики начало Октябрьской революции, пытались проследить генезис "холодной войны", начиная с американской интервенции в Советскую Россию. При таком подходе стратегия "сдерживания" революционного и национально-освободительного движения датировалась 1917 г. Указанные историки выделяют в развитии внешней политики США два этапа: до и после второй мировой войны. На первом этапе стратегия "сдерживания" не могла получить полного развития в силу острого соперничества США с другими державами, прежде всего с Германией и Японией. Победа во второй мировой войне "сняла" противоречия в капиталистическом мире, дала простор развитию "холодной войны", которую США вели теперь уже против Советского Союза и Китайской Народной Республики. (Вторая мировая война не привлекла большого внимания радикалов, она интересовала их преимущественно с точки зрения борьбы США за осуществление своих гегемонистских целей; в результате как бы отходит на второй план колоссальное значение разгрома фашизма).

В работах Л. Гарднера, Д. Горовица, Г. Колко, К. Лэша и др., отвергавших официальную версию "холодной войны" как якобы оборонительной со стороны США, отмечалось, что после второй мировой войны СССР не мог представлять реальной угрозы Америке. Последняя обладала монополией на ядерное оружие, имела значительный перевес на море и в воздухе. Американская экономика не только не

пострадала во время войны, но и получила немалый импульс к развитию.

Заслуги радикальной историографии в критическом изучении политики США в период "холодной войны" несомненны. В то же время их левацкая политическая ориентация нередко приводила к упрощенной оценке мировых процессов. Так, Колко и Горовиц утверждали, что в конце войны в Италии, Франции, Греции существовали условия для радикальных социальных перемен, но им не суждено было осуществиться в силу "соглашательской политики" СССР, позволившей западным союзникам подавить развитие революционного процесса⁵².

Левацкие максималистские мерки, оборачивающиеся антиисторизмом, проявились и в оценке ряда других проблем. Так, анализируя "великие дебаты" в США на рубеже XIX-XX вв. по вопросам экспансии, радикальные историки дали парадоксальную характеристику антиимпериалистическому движению. Они объявляли его сторонников "антиимпериалистическими экспансионистами", "неоколониалистами", потому что одна из фракций этого движения, выступая против колониальных захватов США в результате испано-американской войны 1898 г., противопоставляла им политику долларовой экспансии.

Анализируя разногласия по вопросу о внешнеполитической стратегии США в межвоенный период, радикалы сглаживали различия между интервенционистами и изоляционистами, рассматривая разногласия как спор в правящих кругах по тактическим вопросам о средствах достижения США гегемонистских целей. Точно также, не делая различия между консерваторами и либералами, они игнорировали позитивные изменения во внешней политике президента Кеннеди.

В целом, однако, радикалы внесли значительный вклад в историографию внеш-

⁵² *Kolko G. Main Currents in Modern American History. N. Y., 1976, p. 356; Horowitz D. Imperialism and Revolution. L., 1969, p. 191, 197.*

ней политики. Они отошли от традиционной интерпретации многих проблем, создали свою концепцию "американского империализма", способствуя лучшему пониманию отдельных сторон внешней политики США.

В 60-е гг. радикальное направление привлекло к себе внимание широкой научной общественности. Однако с середины 70-х гг. его влияние резко пошло на убыль. Этому способствовало изменение общественного климата в стране - с войной во Вьетнаме было покончено, в обществе крепки консервативные тенденции.

Вновь усилились традиционные и очень сблизившиеся школы "идеалистов" и "реалистов". В книгах Р. Такера, Р. Мэддокса и др. содержалась критика по адресу радикалов и вновь повторялись утверждения о советской угрозе как единственной причине начала "холодной войны". Но это не привело к полному возвращению теории консенсуса во внешнеполитической истории. В историографии утверждается так называемый "постревизионистский синтез" (иногда его иронично именуют "беззубым ревизионизмом"), пытавшимся сочитать старые ортодоксальные взгляды с определенными элементами радикального подхода.

В политическом аспекте в "постревизионистских" работах стали развиваться идеи о взаимной ответственности СССР и США за возникновение "холодной войны". Правда, равная ответственность в изложении этих историков подчас выглядела не такой уж равной, но, по крайней мере, признавалось, что "американское правительство преувеличивало внешние опасности для достижения определенных внутренних целей..."⁵³. Экономические интересы также фигурируют в построениях постревизионистов как один из факторов внешней политики. Все, что позволяли себе постревизионисты, это отдельные

⁵³ *Gaddis J. L. The Emerging Post Revisionist Synthesis on the Origin of the Cold War.// Diplomatic History, 1989 Summer, Vol. 7, № 3, p. 180-181.*

выпады против военно-промышленного комплекса.

Характерной выглядит позиция одного из влиятельных представителей этого направления Дж. Гэддиса. В работе "Соединенные Штаты и происхождение холодной войны. 1941-1947" он поставил задачу проанализировать развитие американо-советских отношений под углом зрения возможной альтернативы "холодной войне" и дал утвердительный ответ. Гэддис раздвинул рамки рассмотрения, движущих сил внешней политики, обратившись к ряду факторов, влияющих на ее формирование. "Холодная война, - писал он, - явилась результатом сложной взаимосвязи внутренних событий, как в Соединенных Штатах, так и в Советском Союзе... Влияние внутренних факторов в Советском Союзе - стремление к безопасности, роль идеологии, обширные потребности послевоенного восстановления, личность Сталина, наряду с такими внутренними факторами в Соединенных Штатах, как идеалы самоопределения, страх перед коммунизмом, иллюзия всемогущества, возникшая благодаря американской экономической мощи и монополющему обладанию атомным оружием, - определили конфронтацию"⁵⁴.

Постревизионистские историки, как правило, использовали больший круг источников, нежели исследователи, изучавшие истоки "холодной войны" в 50-х годах. Так, Гэддис опирался на архивы многих государственных деятелей, в том числе их записанные на пленку, но неопубликованные речи и т. д.

Внедрение междисциплинарных методов в историческую науку США оказало влияние и на изучение внешнеполитической истории, где широко применяются методики, взятые из социологии, демографии, этнографии. Правда, это не привело к

⁵⁴ *Gaddis J. The United States and the Origins of the Cold War. 1941-1947. N. Y., 1972, p. 361; The End of the Cold War. It's Meaning and Implications. Ed. by M. Hogan. Cambridge (Mass), 1992.*

выделению новых дисциплин или субдисциплин, но предмет внешней политики расширился за счет включения новых стран и обращения к ранее не изучавшимся процессам. Значительно расширился диапазон рассматриваемых вопросов - устанавливаются связи между внешней политикой и различными, порой далеко отстоящими, областями общественной жизни⁵⁵.

Так, изучение Дж. Силби интересов различных религиозных, расовых и этнических групп помогло лучше понять партийную борьбу накануне Гражданской войны 1861-1865 гг., а через нее и пружины территориальной экспансии этого периода⁵⁶. Другой известный исследователь Р. Бейзнер пришел к выводу, что переход США в конце XIX в. к ведению активной внешней политики диктовался не только погоней за новыми рынками, но всем комплексом изменений в экономическом, социальном и политическом развитии страны⁵⁷. В литературе о "холодной войне" получило известность исследование М. Хогана "План Маршалла" (1987). По мысли автора, этот план, занявший столь большое место в европейской политике США, был в большей мере связан не с угрозой со стороны СССР (как об этом писали "реалисты"), а с внутренней нестабильностью мировой капиталистической системы после войны, которую он и был призван преодолеть.

В современной историографии все больше проявляется стремление рассматривать внешнюю политику США в системе всего комплекса международных отношений. Так, Т. Маккормик, рассматривая возникновение "холодной войны", считает, что решения Вашингтона (как и Москвы), приведшие к ней, были в значи-

тельной мере обусловлены событиями, происходившими в Юго-Восточной Азии, на Среднем Востоке и в других "горячих" районах мира⁵⁸.

С 60-х гг. в сфере изучения международных отношений получает применение метод математического анализа. Был создан ряд новых методик для обработки и анализа данных о структуре и процессе изменений международных отношений, о внешней политике отдельных стран. В центре исследований находится конструирование моделей международных отношений на основе формализации явлений действительности. Для построений используются математические уравнения и ЭВМ. Помимо большой сложности моделирования историко-политических процессов (выражения их в количественных категориях), при формулировании концепции моделирования возникает реальная опасность внесения субъективистских моментов. Математические методы получили локальное применение - большей частью при анализе и прогнозе развития международных отношений и принятии военно-стратегических решений.

⁵⁵ Лафибер У. Американская историография внешней политики США. - "Новая и новейшая история". 1993, № 1, с. 195-204.

⁵⁶ Silbey J. The Shrine of Party. Congressional Voting Behaviour, 1841-1854. N. Y., 1987.

⁵⁷ Beisner R. L. From the Old Diplomacy to the New 1865-1900. N. Y., 1986.

⁵⁸ McCormic T. America's Half-Century. N. Y., 1989.

Глава 3

Французская историография во второй половине XX века. "Новое историческое мышление" и "новая историческая наука"

Вторая половина XX века стала временем подъема и обновления французской исторической науки. Во Франции появилась целая плеяда крупных историков, труды которых обрели широкое международное звучание. Продолжая и развивая традиции школы "Анналов" межвоенного времени, они подвергли пересмотру тематику, исследовательские методы и само понимание предмета исторической науки. По мнению многих историков, произошла своеобразная "историографическая революция", которая привела к возникновению "новой исторической науки" и оказала глубокое воздействие на всю мировую историографию.

Обновление исторической науки было тесно связано с эволюцией французского общества и с общими процессами социального развития. События всемирно-исторического значения: вторая мировая война и разгром фашизма, возникновение целого ряда государств, провозгласивших своей целью строительство социализма, конец колониальной системы, научно-техническая революция, а в более позднее время - крушение социалистической системы, распад СССР и многое другое, потребовали осмысления нового исторического опыта, адаптации исторической науки к условиям стремительно меняющегося мира.

В развитии французской историографии второй половины XX века выделяют

два основных периода, границей между которыми можно считать приблизительно середину 70-х г. По мнению французских историков, наиболее плодотворным было "славное тридцатилетие"¹ 1945-1975 гг., когда французская историография заняла ведущую роль в мировой историографии и пользовалась огромным авторитетом в общественном мнении. Состояние исторической науки в первые послевоенные годы во многом определялось общественно-политической обстановкой, сложившейся во Франции после освобождения от немецко-фашистской оккупации. Ее характерной чертой был небывалый подъем левых сил и рост влияния марксизма, связанный с победой Советского Союза в войне против фашизма, участием Французской коммунистической партии в движении Сопротивления и ее превращением в самую многочисленную партию страны. Наряду с Италией, Франция стала одной из двух крупных капиталистических стран, в которых марксистские идеи получили сравнительно широкое распространение. В послевоенное время выросла и активизировалась группа французских историков-марксистов, формирование которых началось в 30-е годы. К работе над докторскими диссертациями приступили А. Собуль и К. Виллар. В коммунистиче-

¹ L'Histoire et le métier d'historien en France. 1945-1995. Sous la direction de F. Bédarida. Paris. 1995. p. 420.

скую партию вступили, (но потом в разное время вышли из нее) молодые талантливые историки, ставшие позднее крупными учеными: М. Агюлон, Ж. Бувье, Ф. Фюре, Э. Ле Руа Лядюри и другие.

Воздействие марксизма сказалось и на трудах многих других историков, не являвшихся марксистами. Марксистская терминология, в первую очередь такие понятия как базис, "надстройка", "способ производства", "производственные отношения", "классовая борьба" прочно вошла в обиход. Французские историки становились все более восприимчивыми к расплывчатому "диффузному" марксизму, который побуждал их придавать особую ценность экономическому фактору в историческом объяснении; в то же время некоторые точные понятия воспринимались ими и проникали в их словарь², - указывается в коллективном труде, изданном в 1965 г. Французским комитетом исторических наук. Однако, и соглашаясь с отдельными марксистскими положениями, большинство историков отвергало общую теорию, методологию и, особенно, политические выводы марксизма.

В послевоенные годы сохранили свое влияние сторонники релятивистской "критической философии истории", которую до войны пропагандировал философ, социолог и политолог Раймон Арон. В послевоенный период Арон занимался, главным образом, социологией и политологией, а наиболее известным сторонником "критической философии истории" стал историк античности **А. И. Марру** (1904-1977), книга которого "Об историческом познании" выдержала в 1954-1975 гг. семь изданий. Следуя, в основном, за Ароном, Марру доказывал, что "история не отделима от историка"³, который неизбежно привносит в изучение прошлого свои субъективные взгляды, по-своему интерпретирует и обрабатывает исторические

факты, вследствие чего "история будет тем, что он сумеет выработать".

Марру признавал объективное существование исторической реальности, отраженной в содержании источников, считал историческое знание подлинным, достоверным, научным⁴, но отрицал возможность полного и адекватного познания исторического процесса. По его словам, "история - это то, что историк сумеет захватить из прошлого, однако, проходя через его познавательный инструментарий, это прошлое было так обработано и переработано, что стало совершенно обновленным и онтологически совсем другим"⁵. Согласно Марру, в конечном итоге, "история - это не больше того, что мы считаем разумным принять за истину в нашем понимании той части прошлого, которую открывают наши документы."⁶

Как и в межвоенный период, релятивистские идеи не получили большого распространения среди французских историков, которые, по словам самого Марру, продолжали проявлять "крайнее недоверие ко всякой философии истории"⁷. Решающее влияние на развитие французской историографии продолжали оказывать работы крупных историков, которые еще в 30-е годы поставили вопрос о пересмотре методологических принципов традиционной "позитивистской" историографии. Это были, прежде всего, труды школы "Анналов", а также работы Э. Лябрусса, П. Ренувена и Ж. Лефевра.

Направление "Анналов". Фернан Бродель. После трагической гибели Марка Блока, расстрелянного оккупантами в 1944 году за участие в движении Сопротивления, главой "школы Анналов" остался Люсьен Февр, избранный в 1951 г. членом Академии. В послевоенный период он занимался, главным образом, научно-организационной деятельностью: руко-

водил журналом "Анналы" (Annales) и созданной в 1947 г. VI секцией (экономических и социальных наук) Практической школы высших исследований, которую Февр превратил в крупное научно-учебное учреждение, располагающее большими финансовыми и издательскими возможностями.

Февр очень остро ощущал происходящие в мире гигантские перемены, требовавшие объяснения со стороны историков. "Все сразу рушится вокруг нас", - писал он в 1954 году. "... Научные концепции ниспровергаются под неудержимым напором новой физики, революция в искусстве подвергает сомнению прежние эстетические воззрения, карта мира полностью меняется, новые средства сообщения преобразуют экономику. Повсюду против старой Европы и против государств, проникнутых европейской культурой, встают вчера еще поработанные нации Востока и Дальнего Востока, Африки и Азии; нации, которые казались навсегда погребенными в витринах застывших археологических музеев, теперь пробуждаются и требуют своего права на жизнь. Все это и еще многое другое нас тревожит и предвещает нам близкую гибель. Но мы видим также рождение нового мира и не имеем права отчаиваться. Его еще надо понять и не отказываться от света, который может пролить муза истории Клио".⁸

Продолжая начатую им вместе с Блоком борьбу против традиционнопозитивистской "событийной" истории, Февр взывал "к другой истории"⁹, включающей в себе все стороны жизни и деятельности человека. Он предлагал постепенно переходить от изучения экономической и социальной истории, являвшейся главным предметом внимания "Анналов" межвоенного времени, к более широким

темам: истории различных человеческих обществ, их экономическим основам, их цивилизациям. В соответствии с такой программой журнал "Анналы" в 1946 г. изменил свое прежнее название "Анналы экономической и социальной истории", на новое, отражавшее изменение его интересов: "Анналы. (Экономика. Общества. Цивилизации.)" ("Annales. Economies. Sociétés. Civilisations.").

Большую роль в распространении и упрочении методологических принципов школы "Анналов" в послевоенные годы сыграли теоретические и полемические труды ее основоположников, особенно опубликованная посмертно в 1949 г. "Апология истории" Блока и сборник статей и рецензий Февра: "Битвы за историю" (1953) и "За целостную историю" (1962)¹⁰. Однако главные научные достижения школы "Анналов" в послевоенные годы были связаны с работами более молодых историков "второго поколения", лидером которого стал ученик и друг Февра, крупнейший французский историк и организатор науки **Фернан Бродель (1902-1985)**.

Сын учителя, родившийся и выросший в деревне, Бродель называл себя "историком с крестьянскими корнями"¹¹, которого всегда интересовали условия труда и быта трудящегося населения. Его научные взгляды складывались, прежде всего, под влиянием Блока и Февра, но, подобно своим учителям, Бродель ценил и достижения марксистской мысли. "Несомненно, что на мои концепции, как и на концепции первого поколения школы "Анналов" сильно повлиял марксизм, но не как политическая доктрина, а как модель исторического, экономического и социального анализа"¹², писал Бродель советскому историку В. М.

² La recherche historique en France de 1940 à 1965. P. 1965, p. XXII.

³ Marrou H. J. De la connaissance historique. 7-éd. P., 1975, p. 46.

⁴ Ibid., p. 30-31.

⁵ Ibid., p. 55-56.

⁶ Marrou H. J. Le Metier d'historien. In: "L'Histoire et ses méthodes". Paris, 1961, p. 1524.

⁷ La recherche historique en France, p. IX.

⁸ Febvre L. Sur une nouvelle collection d'histoire // "Annales". E.S.C. 1954, № 1, p. 1-2.

⁹ Так называлась статья Февра, посвященная выходу в свет последней книги М. Блока "Апология истории" (см. Febvre L. Combats pur l'histoire. P., 1953, p. 419-438.)

¹⁰ Многие статьи из этих сборников опубликованы на русском языке в книге: Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

¹¹ Бродель Ф. Свидетельство историка // "Французский ежегодник". 1982, М. 1984, с. 174.

¹² Lettre de Fernand Braudel, le 24 juillet 1981 (Daline V. Hommes et idées. M., 1983, p. 428.)

Далину. Не считая ни себя, ни Блока, ни Февра "буржуазными" или даже "немарксистскими историками"¹³, Бродель видел главное дело своей жизни, в создании "совершенно новой истории"¹⁴, которую он называл "глобальной", или "тотальной", (то есть, всеобъемлющей) историей, "чья пределы расширяются настолько, что охватят все науки о человеке, всю их совокупность и универсальность"¹⁵.

Первым крупным трудом Броделя, в котором он предпринял попытку написать "глобальную историю" большого региона, было исследование "Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II". Бродель задумал эту работу в 30-е годы, а начал писать в немецком плену (где находился в 1940-1945 гг.), пересылая Февру готовые части книги.

После возвращения из плена Бродель завершил свой огромный (более тысячи страниц) труд, основанный на тщательном изучении архивов Испании, Франции, Италии, Германии, Австрии, Ватикана и Дубровника; защитил его в качестве докторской диссертации (1947) и опубликовал в 1949 г. (2-ое издание 1966 г.).

В центре труда Броделя находился непривычный для историков того времени персонаж: "мир Средиземноморья" во второй половине XVI века. По словам самого Броделя, в первой части книги рассматривалась "почти неподвижная история", т. е. история взаимоотношений человека с окружающей его средой; во второй части - "история медленных изменений", или "структурная история", то есть развитие экономики, общества, государства и цивилизации; наконец, в третьей части, названной "События, политика и люди", изучалась быстротекущая "событийная история"¹⁶. Стремясь объединить историю и географию в единую "геоисторию", Бро-

дель отводил особо важную роль среде обитания человека. Согласно его концепции, степи и горы, возвышенности и низменности, моря, леса, реки и другие географические структуры определяют рамки деятельности человека, пути сообщения, а, следовательно, и торговли; местоположение и рост городов. На их основе возникают медленно изменяющиеся экономические и социальные структуры, к изучению которых призывали "Анналы": общество, государство, цивилизация. Они служат фундаментом для сравнительно быстро меняющихся "конъюнктурных" политических событий, сравнимым по своей протяженности со временем человеческой жизни.

Основной особенностью методологического подхода Броделя было противопоставление прочных, устойчивых "структур" меняющимся "конъюнктурам" и еще более эфемерным "событиям", представляющим, по красочному выражению Броделя, лишь "поверхностное волнение" океана истории, "пыль мелких фактов"¹⁷. Другой важнейшей методологической идеей, впервые высказанной Броделем в "Средиземноморье", была мысль о разных "скоростях" исторического времени. Он различал время "большой длительности" (*la longue durée*), то есть время существования наиболее прочных "структур" и длительных процессов общественного развития, и короткое время (*le temps bref*) - время быстро протекающих политических событий или индивидуальной жизни человека. По мнению Броделя, для историка наиболее интересны процессы большой длительности, ибо они определяют развитие человечества. В рамках "короткого времени" историку нечего делать; это, "по преимуществу, время хроникера, журналиста"¹⁸.

Новаторская по содержанию, насыщенная свежими архивными материалами, блестяще написанная книга Броделя сразу получила европейскую и мировую извест-

ность. Февр писал, что это "не только профессиональный шедевр, но много больше. Революция в понимании истории. Переворот в наших старых привычках. Историческая мутация первостепенного значения"¹⁹.

По существу, работа Броделя стала важнейшим этапом в утверждении "нового структурного типа исторической рефлексии"²⁰. Она положила начало так называемой "структурной истории", которая видит свою главную задачу в изучении различных общественных "структур". Сам Бродель неоднократно подчеркивал свое тяготение к "структурной истории". Иногда он даже восклицал: "Долой событие!" Во втором издании своей книги Бродель писал: "Я "структуралист" по темпераменту, меня мало влечет к событию, и я лишь частично испытываю влечение к конъюнктуре, к группе событий, имеющих общие признаки"²¹.

Поднятые Броделем вопросы о роли устойчивых общественных структур и различных скоростях протекания исторических процессов обогащали историческое мышление и открывали новые перспективы научного исследования, однако пренебрежительное его отношение к "событиям" и "короткому времени" вело к недооценке исторического значения сравнительно кратковременных, хотя и очень значительных событий (например, войн или революций), которые оказывали большое влияние на ход истории.

Высказанные Броделем идеи перекликались с философией и методологией "структурализма" - нового направления в гуманитарном знании, главными представителями которого во Франции были антрополог К. Леви-Стросс и философ М. Фуко. Зародившись первоначально в лин-

гвистике, структурализм получил широкое применение в литературоведении, психологии, этнологии, а затем и в истории. "Структурная история" Броделя, предложенная им проблематика научных исследований, его методология и терминология быстро вошли в моду. По словам Броделя, уже в 40-е годы "вся университетская молодежь устремилась к той истории, которую проповедовали "Анналы"²².

Вместе с Февром Бродель стал признанным лидером школы "Анналов". В 1949 г. он сменил его на посту заведующего кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс, а в 1956 г. после смерти Февра возглавил журнал "Анналы" и VI-ю секцию Практической школы высших исследований. По инициативе Броделя и под его руководством в 1962 году был основан "Дом наук о человеке", - главный французский центр междисциплинарных исследований в области гуманитарных наук. Руководимый Броделем журнал "Анналы" систематически публиковал работы, посвященные процессам большой длительности и влиянию на них различных факторов: географических, климатических, демографических, психологических. Стремясь к междисциплинарным исследованиям, "Анналы" уделяли особое внимание разработке крупных комплексных тем, таких как "История и климат", "История и лингвистика", "История и психология" и т. п.

В русле направления "Анналов" был создан ряд выдающихся исследований. Почти все они посвящены истории средних веков, но их методологические подходы и общее направление оказали глубокое влияние на всю французскую и мировую историографию. В 1955-1957 гг. историк Пьер Шоню опубликовал и защитил в качестве докторской диссертации 10-томную работу "Севиля и Атлантика", написанную в духе так называемой "серийной истории". Шоню поставил перед собой задачу воссоздать статистические серии фактов экономического развития, на

¹³ "Annales". E.S.C. 1959, № 1, p. 91.

¹⁴ Бродель Ф. Свидетельство историка с. 176.

¹⁵ Там же, с. 181.

¹⁶ Braudel F. La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949, p. XIII.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 46.

¹⁹ Febvre L. Pour une histoire à part entière. P., 1962, p. 168.

²⁰ Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. М., 1980, с. 242.

²¹ Braudel F. La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. 2-e éd. P., 1966, t. II, p. 520.

²² Бродель Ф. Свидетельство историка, с. 184.

основе которых можно было бы судить о росте или упадке общества, а в более широкой перспективе - о "времени жизни" той или иной цивилизации.

В качестве главного предмета своей "серии" Шоню избрал историю морской торговли между Испанией и Америкой. Обработав огромное количество архивных данных о тоннаже и стоимости морских перевозок, осуществляемых через порт Севильи в течение почти 150 лет: с 1504 по 1650 год, Шоню нарисовал общую картину развития морской торговли в Атлантике, в которой, однако, по словам Броделя, "человек отсутствует или, в лучшем случае редко и бесполезно присутствует"²³. Отмечая фазы подъема или упадка торговли и, соответственно, - всей европейской экономики, Шоню не останавливался на их причинах, ибо намеренно исключил из рассмотрения все, что выходило за пределы его статистических серий, в том числе историю городов, ремесел, развитие капитализма и т. д.

Серьезную и во многом удачную попытку создания "глобальной истории" в масштабе Лангедока (одной из французских провинций) предпринял ученик Броделя Эммануэль Ле Руа Лядюри. В его докторской диссертации "Крестьяне Лангедока" (1966) на основе тщательного исследования архивных документов были реконструированы статистические серии, воссоздающие картину производства всех основных видов сельскохозяйственной продукции, движения земельной собственности, эволюции цен и доходов, демографических изменений и положения крестьянства в течение 300 лет.

По словам самого автора, главное действующее лицо его книги - это "большой аграрный цикл, охватывающий период с конца 15 и до начала 18 в., наблюдаемый во всей его тотальности"²⁴. На протяжении этого цикла чередовались фазы экономического подъема и упадка. Их смены Ле

Руа Лядюри объяснил воздействием многих факторов: географических, климатических, биологических, экономических, культурно-психологических, но ни один из них, по его мнению, не является решающим. Сельское общество он рассматривал как устойчивое, стабильное, мало способное к изменению, динамика которого зависит от соотношения количества населения и наличных средств поддержания жизни.

В связи со школой "Анналов", но в значительной степени, самостоятельно развивались новые научные направления, прежде всего, изучение менталитета (взглядов, представлений, умонастроений). Выдающиеся французские медиевисты Робер Мандру и Жорж Дюби положили начало его исследованиям. В своей докторской диссертации (1968) Мандру выяснил, как формировались представления о "нечистой силе"; почему в средние века устраивались процессы против ведьм, и почему потом они прекратились. Дюби показал пример нового подхода к истории в небольшой, но очень известной книге о битве французов и германцев при городе Бувине в 1214 г. Там Дюби изучал не только и не столько саму битву, сколько французское общество того времени, его взгляды, нравы, представления, образ жизни и образ мышления.

Больших успехов достигла историческая демография, главной темой которой являлись рождаемость и продолжительность жизни в различные исторические периоды. В 1962 г. было основано "Общество исторической демографии", которое с 1964 г. издавало журнал "Анналы исторической демографии".

Эрнест Лябрусс. Изучение экономической и социальной истории. "Количественная история". Помимо школы "Анналов" крупную роль продолжала играть школа социально-экономических исследований, во главе которой стоял Эрнест Лябрусс (1895-1988). В 1945 г. он возглавил кафедру экономической истории в Парижском университете, которая оставалась вакантной после гибели М. Блока, и

преобразовал ее в кафедру экономической и социальной истории. Продолжая свои исследования о движении цен и доходов, начатые еще в межвоенный период, Лябрусс глубоко изучил состояние общества и положение населения Франции в XVIII веке. Он выдвинул концепцию, согласно которой французскую экономику XVIII века следует рассматривать как "экономику старого типа", основанную на преобладании сельского хозяйства и связанных с ним промыслов, со слабо развитой торговлей и плохими путями сообщения. Ведущей отраслью промышленности тогда была текстильная, а основным продуктом питания - хлеб. Эта, по выражению Лябрусса, "экономика хлеба и текстиля" неоднократно сотрясалась "кризисами старого типа", вызываемыми, главным образом, неурожаями, ростом цен на хлеб и последующим обнищанием населения.

В период кризиса реальная заработная плата падала, промышленные и торговые предприятия закрывались, росла безработица, начинались социальные волнения, и в результате "кризис, явившийся следствием неурожая, приобретает общий характер"²⁵. Самый острый из таких кризисов и положил, по мнению Лябрусса, начало Великой французской революции.

В последующие годы Лябрусс продолжил свои исследования на материале истории XIX века. Он был организатором и одним из авторов коллективного труда "Аспекты кризиса и депрессии французской экономики в середине XIX века", а затем вместе с Броделем, стал организатором и редактором фундаментальной "Экономической и социальной истории Франции" в 4-х томах (1977-1982).

Объясняя причины революции 1848 г. и других кризисных ситуаций, Лябрусс продолжал исходить из своей теории "кризиса старого типа". С его точки зрения, в кризисе 1847 года, явившемся прологом революции 1848 г., "проявляется

неоспоримое капитальное сходство как с более ранними кризисами XIX в., так и с предшествующими кризисами XVIII в."²⁶. Подчеркивая сходство кризиса 1847 г. с предшествующими "кризисами старого типа", Лябрусс отвлекался от таких важных процессов как промышленный переворот, изменение структуры населения, развитие капитализма, хотя теоретически не отрицал необходимости комплексного подхода к изучению истории, с учетом всех важнейших исторических факторов. Он призывал историков "продвигнуться в новые области, выявить взаимовлияния, существующие между экономической жизнью и жизнью религиозной, национальной, семейной, нравственной, интеллектуальной, иначе говоря, между экономической и человеческой общностью, рассмотренной в совокупности ее представлений и ее самооценки"²⁷.

На развитие послевоенной французской историографии Лябрусс повлиял не только своими научными трудами, но и активной преподавательской и организационной деятельностью. Занимая кафедру экономической и социальной истории в Парижском университете, он подготовил множество учеников, и в немалой мере определил направление исследований целого поколения французских историков. С деятельностью Лябрусса связано создание ряда исследований по истории буржуазии; региональных и отраслевых исследований по истории банков, промышленности, прибыли и т. д. Лябрусс активно содействовал развитию исследований истории социальных движений, истории социализма и рабочего движения. Он был одним из председателей Международной комиссии по истории социальных движений и социальных структур, председателем Обществ-

²³ Braudel F. Ecrits sur l'histoire, p. 141.

²⁴ Le Roy Ladurie E. Les Paysans de Languedoc. P., 1966. t. 1. P. 633.

²⁶ Aspects de la crise et de la dépression de l'économie française au milieu du XIX siècle, 1848-1851, Sous la dir. de E. Labrousse. P., 1956. p. X.

²⁵ Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'ancien régime et au début de la Révolution. P., 1944, t. 1, p. 180.

²⁷ Histoire économique et sociale de la France. Sous la dir. de F. Braudel et E. Labrousse. P., 1970. t. 2. p. XIV.

ва по истории революции 1848 г., и ряда других научных организаций. По инициативе или при участии Лябрусса были созданы Центр по изучению истории синдикализма, Французский институт социальной истории, журнал "Социальное движение".

Среди историков, сформировавшихся под воздействием Лябрусса, были специалисты различных методологических тенденций и различной, но, в целом левой ориентации. Большой вклад в изучение истории французского капитализма внес ученик Лябрусса профессор **Ж. Бувье** (1920-1987), автор докторской диссертации о банке "Лионский кредит" (1961) и ряда других работ по истории французской экономики. Вслед за Бувье, историк В. Жилль опубликовал диссертацию по истории банка Ротшильдов (1965), а М. Леви-Лебуае диссертацию о роли европейских банков в процессе индустриализации Европы в первой половине XIX века (1965). Появились специальные монографии по истории автомобильных заводов Рено, железнодорожных компаний, развитию крупной промышленности в различных регионах, коллективные исследования, целью которых было вычисление индекса промышленного производства и платежного баланса Франции в XIX веке.

К началу 60-х годов экономическая и социальная история заняла центральное место в трудах французских историков. В 1961 г. 41% всех подготовлявшихся к защите диссертаций (в том числе 55% диссертаций по новой истории) был посвящен этой проблематике. На долю политической истории тогда приходилось лишь 20% диссертаций, на историю международных отношений - 12%²⁸.

К 60-м годам относятся первые французские попытки создания "количественной" ("квантитативной") истории, прежде всего в применении к экономической истории и исторической демографии. Следуя

за американскими учеными, группа французских экономистов во главе с Ж. Марчевским выступила с идеей количественного исследования истории французской экономики. Главная мысль Марчевского состояла в том, чтобы использовать для оценки развития общества баланс народного хозяйства, включающий сведения о численности населения, состоянии сельского хозяйства, промышленности, торговли, уровне потребления и т. п. Марчевский полагал, что, сведя такие сведения в статистические серии и изучив их изменения на протяжении возможно более длительного периода времени, можно будет нарисовать картину исторического процесса, в которой, - по его собственным словам, - не будет "героев" и "отдельных фактов", а будут серии цифр, резюмирующие "историю масс в их главных проявлениях на протяжении периода большой длительности"²⁹.

Сотрудники руководимого Марчевским "Института прикладной экономической науки" проделали немалую работу по сбору и публикации статистических сведений о промышленном и сельскохозяйственном производстве Франции в XVIII-XIX веках, а также о движении населения. Однако попытка Марчевского и его сторонников заменить историю своеобразной "исторической эконометрией" встретила критическое отношение со стороны ряда французских историков. Они указывали, что метод Марчевского применим лишь к экономической истории и лишь к периоду существования статистики (т. е. главным образом, к XIX и XX векам); к тому же он страдает многими произвольными допущениями и неточностями³⁰.

В конечном итоге, идеи Марчевского остались достоянием сравнительно небольшой группы ученых и не были приняты большинством французских историков.

²⁹ *Marczewski J.* Introduction à l'histoire quantitative. Genève. 1965, p. 33.

³⁰ См. *Villar P.* Une histoire en construction. P., 1982, p. 295-313.

Пьер Ренувен. Изучение истории международных отношений. Ведущей фигурой традиционной университетской науки, отличавшейся от школы "Анналов" и от направления Лябрусса, был профессор Парижского университета академик **Пьер Ренувен** (1893-1974). В 50-60-е годы он вместе с Броделем и Лябруссом входил в "триумvirат" наиболее влиятельных французских историков: участвовал в работе всех главных правительственных научных учреждений, определявших направление исторических исследований, являлся директором самого крупного французского исторического журнала "Ревю историк", возглавлял комиссию по изданию дипломатических документов, руководил подготовкой множества диссертаций. В послевоенное время Ренувен развивал свою идею о необходимости перехода от традиционной "дипломатической истории", изучавшей, по преимуществу, внешнеполитическую деятельность правительств, к более полной и широкой "истории международных отношений". В законченном виде его взгляды были выражены в коллективной восьмитомной "Истории международных отношений", изданной под руководством Ренувена в 1953-1958 гг., и в книге "Введение в историю международных отношений" (1964), которую он написал совместно со своим учеником Ж. -Б. Дюрозелем.

Ренувен и Дюрозель доказывали, что самое важное в международных отношениях - это "история отношений между народами", а она объясняется, в первую очередь, "глубинными силами"³¹, которые, во многом, определяют деятельность государств и правительств.

"Географические условия, демографические процессы, экономические и финансовые интересы, особенности коллективной психологии, главные течения общественного мнения и настроений - вот какие глубинные силы определяют рамки отношений между группами людей и, в значи-

тельной степени, их характер"³², - писали авторы. Однако, признавая, как и Бродель, огромное значение процессов "большой длительности", Ренувен решительно возражал против пренебрежительного отношения к "событиям". Вопреки Броделю, он видел в событиях политической жизни и в деятельности историческим личностей не "пыль мелких фактов", но "важный, а иногда и основной фактор" развития международных отношений³³. Ренувен и Дюрозель считали, что на международные отношения влияет множество факторов, причем, в зависимости от обстоятельств, то один, то другой из них могут сыграть "решающую роль"³⁴. В соответствии с этим в "Истории международных отношений", наряду с изложением главных событий политической и дипломатической истории, приводились данные о развитии науки и техники, социально-экономическом положении, национальных движениях и коллективной психологии в различных странах. Вопреки прежней практике, исследованию подвергались не только Европа и США, но и другие части света. Впервые для таких изданий изложение доводилось до 1945 года, захватывающая значительную часть периода новейшей истории.

Начатое Ренувеном обновление прежней "дипломатической истории", особенно признание важнейшей роли "глубинных сил", повлекло за собой сближение двух ранее далеких друг от друга дисциплин: социально-экономической истории и истории международных отношений. По мнению одного из учеников Ренувена, "в этом отношении двойное влияние школы "Анналов" и марксистской идеологии являлось решающим"³⁵.

³² *Renouvin P., Duroselle J.* - B. Introduction à l'histoire des relations internationales. P. 1964, p. 2.

³³ *Ibid.*, p. 2.

³⁴ *Ibid.*, p. 454.

³⁵ *Girault R.* Le difficile mariage de deux histoires. // "Relations internationales", 1985, n. 41, p. 15.

²⁸ *Schneider J., Vigier P.* L'orientation des travaux universitaires en France. // "Revue historique", 1961, avril-juin, p. 403.

³¹ Histoire des relations internationales. Sous la direction de Pierre Renouvin. P., 1953. p. X, XII.

В 60-е и 70-е годы под руководством Ренувена был подготовлен ряд докторских диссертаций, посвященных экономическим и финансовым взаимоотношениям Франции с другими государствами в конце XIX - начале XX века, в том числе исследования Раймона Пуадевена о франко-германских экономических отношениях, Рене Жиро о "русских займах" и французских капиталовложениях в России, Жака Тоби о французских капиталовложениях в Османской империи. В их работах на основе богатого архивного материала впервые были проанализированы многие важные аспекты становления и развития французского империализма, в том числе влияние банков и промышленных монополий на внешнюю политику.

Первую попытку исследовать проблемы менталитета применительно к истории международных отношений предпринял известный историк Рене Ремон. В своей докторской диссертации "Соединенные Штаты в глазах французского общественного мнения (1815-1852)", опубликованной в 1962 г., он выяснил, как и под влиянием каких событий, в различных слоях населения Франции формировались представления об Америке и американцах.

Появление этих работ открыло новые перспективы исследований в области истории международных отношений и внешней политики.

Жорж Лефевр. Изучение истории Великой французской революции. Очень большую роль в развитии послевоенной французской историографии сыграл **Жорж Лефевр** (1874-1959). Подобно ученым школы "Анналов", с которыми он нередко сотрудничал, Лефевр считал необходимым обновление методов исторических исследований и расширение их проблематики. В статьях по вопросам теории и методологии истории, собранных в сборнике "Размышления об истории" (1978), Лефевр подчеркивал важность изучения экономической и социальной истории, положения народных масс, социальной психологии. К числу первоочередных задач исторической науки он относил

применение количественных методов, изучение географических и биологических факторов эволюции общества. Так же как основатели школы "Анналов", Лефевр призывал историков "мыслить проблемами", указывал, что "история это синтез", но предостерегал от скороспелых и недостоверно обоснованных обобщений, подчеркивая, что "без эрудиции нет историка"³⁶.

Посвятив свою жизнь изучению одного из крупнейших событий нового времени - Великой французской революции, Лефевр, естественно, не разделял свойственного школе "Анналов" пренебрежительного отношения к "событиям" и "короткому времени"; к политической истории, революционному движению и биографии исторических деятелей. В своих конкретно-исторических работах написанных в послевоенный период: "Директория" (1946), "Французская революция" (1951), "Орлеанские этюды" (изданы посмертно в 1962-1963 гг.), Лефевр продолжил исследования борьбы классов, столкновений партий и революционных деятелей.

Будучи бессменным председателем "Робеспьеристского общества" и редактором журнала "Исторические анналы французской революции", Лефевр возглавил группу французских и зарубежных историков, которые придерживались различных политических и методологических взглядов, но высоко оценивали историческую роль революции, и деятельность якобинцев. Представители этого направления, именовавшего себя "якобинским", уделяли главное внимание выдвинутой Лефевром задаче: исследованию революционного процесса "снизу"; т. е. прежде всего с точки зрения положения и борьбы народных масс.

Крупный вклад в ее решение внес ученик Лефевра, выдающийся французский историк-марксист **Альбер Собуль** (1914-1982). Если Лефевр изучал положение, настроения и действия крестьян, то Со-

³⁶ *Lefebvre G. Réflexions sur l'histoire. P., 1978, p. 80-81.*

буль предпринял исследование другой важнейшей массовой силы революции - народных масс города, объединяемых понятием "санкюлоты".

В своей докторской диссертации "Парижские санкюлоты во 2-м году республики" (1958)³⁷ и в ряде других работ Собуль на основе громадного архивного материала исследовал социальную структуру трудового населения Парижа в революционную эпоху, изучил его организацию, устремления и чаяния. Впервые в исторической литературе он всесторонне показал роль санкюлотов в развитии революции. По его мнению, "точно так же, как и самостоятельное крестьянское движение, в рамках революции существовало и развивалось специфическое движение санкюлотов"³⁸, которое требовало "эгалитарной и народной республики"³⁹. Благодаря действиям санкюлотов "была свергнута Жиронда и либеральная республика", а затем создано Революционное правительство во главе с Робеспьером, опиравшееся на союз "монтаньярской буржуазии и парижских санкюлотов". Пока перед революционной Францией стояла угроза военного поражения, этот союз обеспечивал устойчивость и силу Революционного правительства, но после первых крупных военных побед революции "основное противостояние между буржуазией и парижскими санкюлотами" вышло на первый план; их союз распался и произошел термидорианский переворот. В конечном счете, санкюлотам "не удалось достигнуть своих собственных целей", но их движение, тем не менее, способствовало историческому прогрессу благодаря решающей помощи, которую оно оказало буржуазной революции"⁴⁰.

В последующие годы Собуль обратился к исследованию проблем ликвидации

³⁷ В 1966 г. книга вышла в сокращенном русском переводе под названием "Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры". М. 1966.

³⁸ *Собуль А. Ук. соч. с. 30.*

³⁹ Там же. с. 530.

⁴⁰ Там же, с. 530, 521-522.

феодалных отношений в аграрном строе. Критикуя утверждения историков, отрицающих антифеодалный характер французской революции, Собуль доказывал живучесть феодальных отношений и роль революции в их уничтожении. Работы, посвященные этим сюжетам, объединены в книге "Крестьянские проблемы революции. 1789-1848." (1977). Он создал также получившие широкое распространение общие труды по предыстории и истории революции, в том числе "Очерки истории французской революции" (1962), "Первая республика" (1968)⁴¹, "Цивилизация и французская революция" (Зтт., 1970-1982). Вокруг Собуля объединилась группа более молодых историков, (К. Мазорик, М. Вовель, Г. Лемаршан и др.), предпринявших исследование революции с марксистских позиций.

После смерти Лефевра Собуль занял пост генерального секретаря Общества робеспьеристских исследований и вошел в руководство журнала "Исторические анналы французской революции". В 1967 г. он возглавил кафедру истории Французской революции в Парижском Университете, а затем и вновь созданный Институт истории Французской революции при Парижском Университете. В 1982 г. Собуль был избран почетным доктором Московского Государственного Университета.

Иное течение в изучении Французской революции представлял профессор Тулузского университета **Жак Годшо (1907-1989)**. Автор широко известных трудов, "Учреждения Франции во время революции и Империи" (1951), "Контрреволюция. Доктрина и действие" (1961), Годшо в течение многих лет разрабатывал проблему международного влияния Французской революции 1789 г., а также историю ее восприятия в странах Европы и Америки. Этим проблемам был посвящен его капитальный труд "Великая нация. Революционная экспансия Франции в мире от 1789 до 1799" (1956 г., второе переработанное издание - 1983 г.).

⁴¹ Русский перевод 1974.

На основе своих исследований Годшо (совместно с известным американским историком Р. Палмером) выдвинул концепцию, по которой многочисленные революционные движения, происходившие в последней трети XVIII в. в Западной Европе и Америке (в том числе Война за независимость в Северной Америке и Французская революция) представляют собой в совокупности объединенную общим содержанием "атлантическую революцию". Итогом ее явилось утверждение по обе стороны Атлантики существующей до наших дней Западной или Атлантической цивилизации.

Выдвинутая впервые в 1955 г., в обстановке "холодной войны", эта концепция, - по словам самого Годшо, - многими была воспринята как попытка "историческими аргументами обосновать необходимость Североатлантического пакта"⁴². Тем не менее, рассмотрение Французской революции в широком контексте близких по типу революционных движений имело серьезное научное обоснование; оно открывало путь к разработке сравнительной истории революций⁴³.

Изучение "старого порядка" и народных движений XVII-XVIII вв. Ролан Мунье и его полемика с Б. Ф. Поршневым. Значительное место во французской историографии 40-60-х годов заняло изучение дореволюционного "старого порядка" и народных движений XVII-XVIII вв. Ведущую роль в этих исследованиях играл известный историк профессор Ролан Мунье, возглавлявший "Институт по изучению западных цивилизаций в новое время" при Парижском университете. Докторская диссертация Мунье "Продажа должностей при Генрихе IV и Людовике XIII", опубликованная в 1945 году, ввела в науку громадный, тщательно обработанный материал, показывающий связь про-

дажи должностей с изменениями в социальной структуре и государственных учреждениях французского общества. В дальнейшем Мунье расширил проблематику своих исследований, занимаясь, главным образом, историей "институтов", то есть государственных и иных учреждений. Итогом его многолетних исследований в этой области стала монография "Учреждения Франции при абсолютной монархии" (т. 1-2, 1974-1980). Полемизируя с историками-марксистами, Мунье утверждал, что дореволюционное общество "старого порядка" состояло не из классов, которые тогда еще не сформировались, а из более мелких и разнородных слоев - "страт". По его теории "социальной стратификации", в основе социальной иерархии общества лежат не столько экономические производственные различия, сколько "система ценностей" то, что в каждой социальной группе или "страте" считается истинным, хорошим, красивым, следовательно, желанным. Общая система ценностей, осознание своей принадлежности к определенной общности людей, степень почтения, которой та пользуется в обществе - главные и неперенные признаки социальной группы. Именно на этой основе, считал Мунье, следует изучать и воссоздавать социальную структуру общества - от системы ценностей к социальной структуре, а не наоборот. По мнению Мунье, лишь применительно к XIX веку можно говорить о социальных классах, основанных на экономических различиях, но и в этом случае ведущую роль играли представления о системе ценностей. Разница лишь в том, что в сознании людей XIX века, в отличие от XVII-XVIII вв., "социальное почтение, социальное превосходство, честь, достоинство" переместились в область производства материальных благ⁴⁴.

Давая общую характеристику общества "старого порядка", Мунье отказывался считать его феодальным. Он исходил из

юридического понимания феодализма как системы взаимоотношений вассалов и сеньоров, и доказывал, что в XVII-XVIII веках такой системы во Франции уже не существовало. Народные восстания того времени не были, по мнению Мунье, классовой борьбой против феодалов, ибо нередко их зачинщиками являлись фрондирующие аристократы или буржуа, главным побудительным мотивом которых был протест против налогов, а не против феодальной системы. Мунье не усматривал в таких восстаниях какого-либо прогрессивного содержания и считал их реакционными.

С этих позиций он вступил в спор с известным советским историком Б. Ф. Поршневым, - доказывавшим, что народные восстания XVII-XVIII вв., были проявлением классовой борьбы между народными массами и их эксплуататорами; борьбы, которая расшатывала и ослабляла феодально-абсолютистский строй.

Продолжавшаяся несколько лет их полемика получила широкую известность и привлекла внимание французских историков не только к проблеме характера народных восстаний, но и к более крупным вопросам о типе французского общества и государства "старого порядка". Не повис бы острейший спор между историками, приведший к появлению новых исследований⁴⁵, - вспоминал Бродель.

Видные историки, первым из которых был Пьер Губер, занялись изучением социальной истории "старого порядка". В опубликованной в 1958 г. и ставшей классической книге "Город Бовэ и его жители с 1600 по 1730 г." Губер впервые подробно исследовал общество "старого порядка" в одном из районов Франции на протяжении целого века, проанализировал движение населения, развитие экономики, взаимоотношения различных общественных групп, систему управления, состояние культуры. Несколько учеников Мунье

опубликовали монографии о народных восстаниях, и эта тема надолго вошла во французскую историографию.

Изучение рабочего и социалистического движения. Одной из характерных черт послевоенной французской историографии был интерес к истории рабочего и социалистического движения, порожденный возросшей ролью рабочего класса и коммунистических партий; появлением государств Европы и Азии, объявивших о строительстве социализма. В 40-60-е годы были переизданы старые и появились новые работы А. Зеваэса, П. Луи, М. Домманже, Ж. Брюа и некоторых других историков, которые начали изучение рабочего движения еще в межвоенный период, но не принадлежали к официальной университетской науке. В 1947 г. Александр Зеваэс опубликовал две новые работы: "История социализма и коммунизма во Франции с 1871 по 1947 год" и "О проникновении марксизма во Францию", где благожелательно освещалось развитие марксистских идей и деятельность французских коммунистов. Поль Луи кратко охарактеризовал положение рабочих во Франции за 100 лет, с 1850 по 1950 г. Марксистскую концепцию истории рабочего движения как истории классовой борьбы отстаивал Жан Брюа, написавший рассчитанную на широкого читателя "Историю французского рабочего движения" (1952)⁴⁶, и "Очерки истории Всесоюзной конфедерации труда" (1958, совместно с М. Пиоло). Активную научную деятельность продолжал Морис Домманже, создавший первое во Франции специальное исследование о "бешеных" и их вожде Ж. Ру (1948), многоотомную биографию Бланки, специальные исследования о деятельности рабочей организации "Французские рыцари труда" (1967) и о распространении марксизма во Франции (1969).

В послевоенный период Домманже первым из французских историков обратился к изучению праздников, традиций и

⁴² Godechot J. La Grande nation. 2e éd. P., 1983, p. 9.

⁴³ См. Vovelle M. Jacques Godechot - historien de la Révolution française // "Annales historiques de la Révolution française" № 281, 1991, p. 305.

⁴⁴ R. Mounsnier. Les Hiérarchies sociales de 1450 à nos jours. P., 1969, p. 30.

⁴⁵ Бродель Ф. In memoriam. // "Французский ежегодник", 1976. М. 1978. с. 24.

⁴⁶ Вышел только первый том. Русский перевод появился в 1953 г.

символов, которое позднее развилось в особое направление. Его новаторские работы, недооцененные при их появлении, были посвящены истории празднования 1 мая и истории красного знамени.

Изучение рабочего движения продолжал видный историк неопрудонистского направления Эдуард Доллсан, опубликовавший в послевоенные годы совместно с Ж. Деов "Историю труда во Франции" (т. 1-2, 1953-1955).

С конца 40-х годов история рабочего движения, к которой раньше обращались лишь немногие авторы, стала самостоятельной научной дисциплиной. Рабочим и социалистическим движением занялись многие профессиональные историки, появились первые докторские диссертации на эту тему, возникли специальные научные журналы и исследовательские центры.

Особенно большое значение имела деятельность Лябрусса, организовавшего в Парижском университете специальный семинар, участники которого готовили докторские диссертации по истории анархизма, социализма и коммунизма.

В 1949 г. по инициативе группы историков, во главе с Лябрусом и его учеником Жаном Мэтроном, был основан Французский Институт социальной истории, главная задача которого состояла в сборе и хранении никем ранее не собиравшихся документов по истории рабочего движения. С 1960 г. Институт издает научный журнал "Социальное движение" ("Mouvement Social"), главным вдохновителем которого был **Жан Мэтрон (1910-1987)**. В работе журнала, уделяющего большое внимание рабочему и социалистическому движению, принимали участие историки различных общественно-политических взглядов, в том числе историки-марксисты. В 1966 г. Лябрусс и Мэтрон основали Центр по истории синдикализма при Парижском Университете, где собираются документы и ведутся научные исследования по истории рабочего движения. Очень полезным начинанием является предпринятое под эгидой Института социальной истории по инициативе и под

руководством Мэтрона, (а затем К. Пенетте), издание уникального многотомного биографического словаря активистов рабочего движения, действовавших в период с 1789 по 1939 год⁴⁷.

Крупные университетские труды по истории рабочего и социалистического движения были созданы в семинаре Лябрусса. Первой из них явилась докторская диссертация Мэтрона "История анархистского движения во Франции. 1880-1914 гг.", защищенная в 1951 г. и опубликованная в 1955 г.⁴⁸ Исследовав архивы, печать и сочинения анархистов, Мэтрон впервые дал подробный анализ французского анархистского движения и его доктрин, выявил социальный состав анархистов, исследовал деятельность их организаций. Следующей докторской диссертацией, созданной в семинаре Лябрусса, была работа Анни Крижель "У истоков французского коммунизма", опубликованная в 1964 г. Бывшая активистка Французской коммунистической партии, покинувшая ее в конце 50-х годов, Крижель критиковала основателей ФКП за то, что они по примеру русских большевиков порвали с реформизмом и встали на путь революционной борьбы. По ее мнению, образование компартии было "искусственной прививкой русского коммунизма на дерево французского социализма", которая стала возможной лишь благодаря случайному стечению обстоятельств, в первую очередь краху реформистов во время первой мировой войны и победе Октябрьской революции в России. Осуждая коммунистов, которые не хотели отказаться от "революционного мифа", Крижель считала, что все практические достижения рабочего движения были получены только реформистским путем⁴⁹.

⁴⁷ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Directeur J. Maitron. vol. 1-29. P., 1964-1987.

⁴⁸ Maitron J. Histoire du mouvement anarchiste en France. 1880-1914. P., 1955.

⁴⁹ Kriegel A. Aux origines du communisme français. P., 1964. t. 1, p. 13, t. 2, p. 815, 866-867.

Существенный вклад в науку внесла диссертация известного историка-марксиста Клода Виллара "Гедисты. Социалистическое движение во Франции (1893-1905)", также подготовленная в семинаре Лябрусса и опубликованная в 1965 г.⁵⁰

На основе широкого круга источников, в первую очередь огромного количества архивных документов, а также печати, воспоминаний и переписки деятелей социалистического движения Виллар тщательно исследовал процесс проникновения марксизма во Францию, взгляды гедистов, их пропагандистскую и организационную деятельность и политические позиции. В центре его внимания - социальный состав созданной гедистами Французской рабочей партии, деятельность местных организаций и рядовых активистов, то есть, изучение социалистического движения "снизу".

Позднее исследование рабочего движения "снизу" продолжили Морис Агюлон, Роланда Трампе и Мишель Перро. Агюлон в книге "Рабочий город во времена утопического социализма" (1970) исследовал экономику, социальную структуру, положение рабочих, их взгляды и настроения в городе Тулоне с 1815 по 1857 год. Особое внимание он уделил формированию рабочих организаций и проникновению социалистических идей в среду рабочих.

Докторская диссертация Трампе "Шахтеры Кармо" представляла собой комплексное исследование труда и быта шахтеров угольного района Кармо на протяжении 1848-1914 гг. Она подробно рассмотрела деятельность предприятий Кармо, положение шахтеров, возникновение профсоюзов, влияние социалистическим идей.

⁵⁰ Willard Cl. Les guesdistes Le mouvement socialiste en France (1893-1905). P., 1965. Сокращенный русский перевод: Виллар К. Социалистическое движение во Франции. 1893-1905 (Гедисты). М., 1969.

В докторской диссертации Перро "Рабочие во время стачки" проанализированы динамика стачек в 1879-1890 гг., пол, возраст и мотивы поведения стачечников, роль их вожаков, бюджет, питание и жилищные условия французских рабочих. Перро одобряла стихийный протест рабочего класса против эксплуатации, но критически отнеслась к деятельности рабочих организаций.

В связи с изучением рабочего и социалистического движения оживился интерес к Парижской коммуне. В 1960 г. вышел в свет подготовленный историками-марксистами коллективный обобщающий труд "Коммуна 1871 года", под редакцией Ж. Брюа, Ж. Дотри и З. Терсена (2-с изд. 1971.), а в 1971 г. - пятитомная, богато иллюстрированная "Большая история Коммуны" под редакцией И. С. Сориа. Исходя из марксистской концепции Парижской коммуны как революции пролетариата против буржуазии, авторы этих работ уделили большое место деятельности массовых общественных организаций, революционным выступлениям в других городах, фактам международной солидарности с Парижской Коммуной.

Исследование Парижской коммуны "снизу", путем выяснения социальной принадлежности и происхождения рядовых коммунаров предпринял историк Жак Ружери в книге "Процесс коммунаров" (1964). Подробно изучив материалы судебных процессов, организованных версальцами против коммунаров, он обратил особое внимание на связь Парижской коммуны с революционным движением прошлого. В полемике с историками-марксистами Ружери заявил, что Коммуна - это не предвестник будущего общества, а "крайний и заключительный момент французского революционного движения XIX века", его "закат, а не заря"⁵¹.

Колониальная тема в историографии и публицистике. Колониальные войны, а затем распад колониальной империи

⁵¹ Rougerie J. Procès des communards. P., 1964, p. 241.

стимулировали интерес к истории и современному положению французских колоний. Под давлением событий рушились преобладавшие ранее во французской историографии представления о том, что Франция – это "родина-мать" для всех "туземцев", осуществляющая благородную цивилизаторскую миссию. Преобладающие позиции в общественном мнении и публицистике постепенно занимали сторонники предоставления независимости бывшим колониям.

В 50-60-е годы появился ряд научных исследований колониальной политики Франции и ее связи с экономическими интересами крупнейших банков и фирм. В центре внимания авторов стоял вопрос о взаимодействии экономических, политических и военно-стратегических факторов колониальной экспансии. Часть историков считала главной причиной колониальной экспансии экономические интересы, другая часть видела движущие силы французской колониальной политики в борьбе наций за гегемонию и престиж, в политических и идейно-психологических факторах. Так, видный историк Анри Брюншвиц в получившей широкий общественный резонанс книге "Мифы и реальность колониального французского империализма", считал "мифом" представление о решающей роли крупного капитала в захвате колоний. Он доказывал, что эксплуатация колоний была убыточна, и заявлял, что "подлинную причину экспансии надо искать в росте националистической лихорадки, последовавшей за событиями 1870-1871 гг."⁵², то есть, за поражением Франции.

Образование на месте бывших колоний новых независимых государств пробудило интерес к истории их коренного населения. В книге профессора Сорбонны по кафедре Африки Г. Дешана, и вышедшем под его руководством коллективном труде "Всеобщая история Черной Афри-

ки" (1970-1971), а также в работах других французских специалистов были рассмотрены условия жизни и труда населения Африки от доколониального периода до наших дней. Историки стали изучать структуру и состав коренного населения колоний, социальные конфликты и национальные движения в колониальных странах, которые раньше почти не привлекали их внимания. Они постепенно отказывались от преобладавшей ранее мысли о полной застойности традиционных африканских обществ и стремились показать их развитие.

Профессор Сорбонны Ш.-А. Жюльен, начавший исследование французской колониальной политики еще в межвоенный период, опубликовал ряд новых работ, в том числе "Историю современного Алжира" (1964), в которых доказывал, что "колониальный империализм является одной из форм экономического империализма". Жюльен анализировал классовые противоречия и социальные требования алжирского населения, связывая их с развитием экономики.

В послевоенные годы к исследованию истории французских колоний и колониальной политики приступили историки марксистского направления. Ж. Сюре-Каналь опубликовал крупный научный труд по истории, цивилизации и географии Черной Африки, К. Кокри-Видрович защитила докторскую диссертацию по истории Конго. В этих и других работах историков-марксистов, проникнутых симпатиями к освободительной борьбе народов колониальных стран, подчеркивалась роль французского империализма и показывалась связь колониальной политики с интересами крупнейших монополий.

Изучение новейшей истории. Бурные события военных и послевоенных лет вызвали большой общественный интерес к истории современности, однако, ее научное изучение серьезно затруднялось действовавшим до 1979 г. законом об архивах, по которому историкам не разрешался доступ к архивным документам менее полувековой давности.

Ссылаясь на этот закон, французские университеты отказывались принимать к защите диссертации по новейшей истории, в которых невозможно было использовать архивные документы, считавшиеся обязательной основой диссертации. Крайне редкие исключения допускались лишь в том случае, если тема исследования не требовала архивных документов или могла быть изучена на основе частных архивов. Значительная часть французских историков вообще считала, что события новейшей истории слишком близки к современности, вызывают чрезмерные страсти и поэтому не могут быть предметом объективного научного анализа.

В результате, события новейшей истории освещались, главным образом, в мемуарах политических деятелей и в публицистике, а также в некоторых исследованиях по политическим наукам, от которых не требовалось привлечения архивных документов.

Отличие от трудов по средневековой истории нового времени, работы по новейшей истории обычно носили "событийный" характер и уделяли главное внимание не социально-экономическим проблемам или менталитету, а традиционно понимаемой политической истории. Методологические проблемы исторического исследования почти не затрагивались специалистами по новейшей истории. В связи с этим главной основой для классификации их работ служат не столько методологические, сколько политические критерии, принадлежность автора к тому или иному политическому течению.

В 40-60-е годы специалисты по новейшей истории уделяли наибольшее внимание истории второй мировой войны. Специалисты в области политических наук занимались также некоторыми аспектами истории Четвертой и Пятой республик.

История второй мировой войны. Сознвая научное и политическое значение исследования истории второй мировой войны, французское правительство вскоре после освобождения страны создало специальный Комитет по истории вто-

рой мировой войны при премьер-министре Франции. Основателями комитета были известные историки Л. Февр, П. Ренувен, Э. Лябрусс и др. Генеральным секретарем комитета и фактически его бессменным руководителем являлся профессор Анри Мишель. Комитет организовал сбор документов о движении Сопротивления и правительстве Виши, создал научную библиотеку, развернул издательскую деятельность, с 1950 г. выпускал журнал "Обозрение истории второй мировой войны" ("Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale"), редактором которого вплоть до своей смерти в 1986 г. оставался Мишель. Вокруг Комитета сплотилась группа историков, занимавшаяся, по преимуществу, французским движением Сопротивления. Созданные ими многочисленные работы, источниками для которых для которых служит, главным образом, печать Сопротивления и личные архивы его участников, выводили чаще всего в серии "Дух Сопротивления". Они исследовали различные организации Сопротивления, их состав и политические устремления, взаимоотношения с генералом де Голлем, борьбу против оккупантов и правительства Виши. Самой крупной работой этого направления была книга Мишеля "Мысль Сопротивления" (1962), - первая работа по истории второй мировой войны, допущенная к защите в Парижском университете в качестве докторской диссертации. В своей диссертации Мишель проанализировал идеологические установки, политическую линию и проекты государственного устройства, выдвинутые различными группировками Сопротивления. Он показал, что "от борьбы против врага Сопротивление перешло к заботам о будущем; от военных действий к политике, от армии к правительству", причем, в этом процессе победили две главные силы: коммунистическая партия и генерал де Голль⁵³.

Историкам, защищавшим "Дух Сопротивления", противостояли историки и

⁵³ Michel H. Les courants de pensée de la Résistance. P., 1962, p. 765, 774.

⁵² Brunshwig H. Mythes et réalités de l'imperialisme colonial français. 1871-1914. P., 1960, p. 185.

публицисты, оправдывавшие политику правительства Виши. Наиболее видной фигурой этого направления был Робер Арон, автор неоднократно переиздававшихся книг "История Виши" и "История освобождения". Односторонне подбирая, а иногда и подтасовывая факты, Арон представлял вишистов защитниками интересов Франции, утверждая, что глава правительства Виши маршал Петэн был "щитом", а де Голль - "мечом Франции"⁵⁴.

История Франции в политологических исследованиях. Послевоенные годы были временем быстрого роста политических наук, которые включили в тематику своих исследований некоторые проблемы новой и новейшей истории Франции. Главным центром французской политологии стал созданный в 1945г. "Национальный фонд политических наук" - крупное, научно-исследовательское и учебное учреждение, организованное на базе существовавшей с конца XIX в. "Свободной школы политических наук".

Первым президентом Национального фонда политических наук был патриарх французской политической науки академик **Андре Зигфрид** (1875-1959). После его смерти во главе фонда встал его ученик и последователь, профессор Франсуа Гогель. Одним из главных направлений деятельности Фонда были исследования по избирательной географии, начатые Зигфридом еще в 1913 г. В 1951 г. вышла в свет считающаяся классической книга Гогеля "География французских выборов с 1870 по 1951 годы. Составив подробные карты голосования избирателей по каждому департаменту, Гогель показал, как с течением времени менялось влияние различных политических течений и партий.

В отличие от Зигфрида Гогель не считал географический фактор определяющим и обращал внимание не только на устойчивые тенденции в голосовании избирателей, но и на их изменения. По его мнению, поведение избирателей опреде-

ляется многими факторами, причем "взаимное влияние политических, экономических, социальных, религиозных и исторических данных меняется от одного района и от одного периода времени к другому"⁵⁵.

Вторым важнейшим направлением исследований Национального фонда, связанным с историей Франции, являлось изучение политических партий. Крупнейшими специалистами в этой области в 40-60-е годы были профессор Морис Дюверже, в прошлом известный журналист, и профессор Рене Ремон, автор исследований о политических партиях и политической жизни Франции.

Дюверже ввел принятую ныне во Франции классификацию политических партий на "массовые" и "кадровые" в зависимости от их организационной структуры и системы функционирования. Не соглашаясь с марксистами, считавшими политические партии наиболее сознательными представителями социальных классов, Дюверже, тем не менее, уделил большое внимание взаимодействию партий и классов. В 1955 г. под его руководством вышел коллективный труд "Политические партии и социальные классы во Франции", содержащий богатый материал о составе, деятельности и влиянии всех основных политических партий Четвертой республики.

В неоднократно переиздававшейся книге Ремона "Правые во Франции" (1-е издание 1968 г.) впервые была нарисована общая картина идеологии различных правых группировок: легитимистов, орлеанистов, бонапартистов, - от 1815 года до наших дней. Значительно обогатили картину политической борьбы появившиеся в 60-е годы исследования отдельных политических партий, в том числе история голлистской партии ЮНР, написанная сотрудником фонда **Жаном Шарло** (1967). Целый

⁵⁵ *Goguel F. Géographie des élections françaises de 1870 à 1951. P. 1951 (2-oe издание: Géographie des élections françaises sous la Troisième et la Quatrième République. P., 1970, p. 178).*

ряд книг по истории Четвертой республики, в том числе обобщающую работу "Четвертая республика" (1959), написал известный журналист и политолог Ш. Фовэ.

С начала 50-х годов во французской политологии стала распространяться заимствованная из США теория "индустриального общества", главным пропагандистом которой стал оставивший философию истории академик **Раймон Арон** (1905-1983).

В отличие от ученых "старой школы" типа Зигфрида или Гогеля, Раймон Арон и его сторонники придавали очень большое значение методологическим вопросам, теоретическим моделям общественного развития и международных отношений. В своих конкретных исследованиях они широко применяли распространенные в американской социологии методы системного и многофакторного анализа, стремились использовать для обработки фактического материала количественные методы.

Многочисленные работы Арона 50-60-х годов, принесшие ему мировую известность и звание академика, были посвящены главным образом проблемам "индустриального общества", теории международных отношений и современной истории Франции, а также критике учений о прогрессе человеческого общества. Арон осуждал "анархический парламентаризм" Четвертой республики, который, по его мнению, не способствовал потребностям "индустриального общества" и поэтому "стал нежизнеспособным". Возникновение Пятой республики он расценивал как "мирную революцию", которая открывает Франции "путь к современной цивилизации"⁵⁶.

"Новая историческая наука". В 70-е годы во французской историографии начался новый период, наметились новые тенденции, которые получили дальнейшее развитие в 80-е и 90-е годы. Как и во мно-

гих других странах, во Франции в это время нарастало разочарование в теории марксизма, в идеалах социализма и коммунизма; усиливалось влияние идей либерализма и "разумного консерватизма". В конце 80-х - начале 90-х годов падение коммунистических режимов в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, распад Советского Союза, крах реального социализма привели к глубочайшему кризису и дискредитации марксистской теории общественного развития. Марксистское направление во французской историографии значительно ослабло.

Теории структурализма и выдвинутая Броделем концепция "глобальной истории" также не удовлетворяли многих историков, искавших новые пути и методы исследования. Это привело к созданию "новой исторической науки" или, - как ее чаще именуют во Франции, - "новой истории", которая опиралась на достижения школы "Анналов", но и значительно отличалась от нее.

Манифестом нового направления, где впервые зазвучал термин "новая история", стал трехтомный сборник статей "Создавать историю", вышедший в 1974 г. под редакцией известного медиевиста ученика Броделя Жака Ле Гоффа и политолога Пьера Нора. Его авторы, принадлежавшие как к школе "Анналов", так и другим направлениям исторической мысли, заявили о своем намерении создать "новый тип истории" и наметить "пути, по которым движется или должна двигаться будущая история". Первый том сборника был посвящен "новым подходам", а третий - "новым темам". Центральные статьи первого тома: "историческая операция", "количественное в истории", "концептуальность в истории" - рассматривали методологические проблемы. Они призывали историков осознать "относительность их науки", понять, что ученый неразрывно связан с обществом, зависит от его системы ценностей, а потому, вольно или невольно, отбирает, группирует и, следовательно, - согласно терминологии редакторов, - "конструирует" или даже "фабрикует" истори-

⁵⁴ *Aron R. Histoire de Vichy. 1940-1944. P., 1954, p. 94.*

⁵⁶ *Aron R. Immuable et changeante. De la IV-e à la V-e République. P., 1959 p. 12, 18-19.*

ческие факты в соответствии со своими убеждениями и представлениями⁵⁷.

Вопреки взглядам Броделя, авторы сборника считали необходимым "возвращение события" и "короткого времени" в сферу внимания историков. Они выступали за "обновление политической истории" и ее связь с политологией в надежде, что обновленная "политическая история сможет играть главную роль"⁵⁸. Отмечая "раздробление истории" на отдельные, мало связанные друг с другом, направления исследований, авторы сборника рассказывали о достижениях экономической истории, демографии, политологии, археологии, истории религии, искусства и науки. В третьем томе были собраны статьи по таким вопросам, которые раньше не привлекали историков, например история климата, молодежи, болезней и медицины, роль мифов, праздников, кинофильмов. Таким образом, в поле зрения историка включались темы, казавшиеся ранее несущественными, а теперь рассматриваемые как неотъемлемые аспекты жизни общества.

Одной из главных отличительных черт "новой истории" стало широкое применение количественных ("квантитативных") методов исследования. По примеру США французские историки начали использовать компьютеры, которые позволяли проводить машинную обработку массовых источников по составленной заранее программе.

По мнению Ле Руа Лядюри, произошла "квантитативная революция", которая, - как думали тогда многие историки, - должна привести к полной ликвидации традиционной "повествовательной" истории. В 1974 г. он даже заявил: "Будущий историк будет программистом или его вовсе не будет"⁵⁹.

Другим признаком обновления исторической науки было расширение и раздробление ее тематики на ряд направлений, использующих достижения смежных наук: демографии, антропологии, этнографии, психологии, лингвистики, климатологии. Экономическая и социальная история в их прежнем виде уступили ведущую роль исследованиям менталитета. Если в 1961 году экономической и социальной истории было посвящено 55% диссертаций по новой истории, то между 1965 и 1980 гг. их доля упала до 40%, а после 1980 г. экономическая история вообще оказалась в числе "забытых тем"⁶⁰. Большинство французских историков перешло, как они говорили, - "от погреба к чердаку", то есть от изучения социально-экономического базиса общества к его идейно-психологическим надстройкам⁶¹. Центр тяжести переместился с экономики на менталитет; на историю коллективных представлений и чувств, а также на антропологию и биологию человека, исследование классов и других социальных групп уступили место изучению индивидуального образа жизни и мотивов поведения людей.

Историческая демография выделилась в особую дисциплину, систематически применявшую количественные методы. Она стремилась создать статистическую картину семейной структуры общества и проследить ее эволюцию в связи с изменениями в экономике, условиях жизни, системах ценностей, общественной психологии.

Зародилась и стала стремительно расти историческая антропология, изучающая, главным образом, биологические аспекты жизни человеческих обществ: рождение, смерть, болезни, состояние гигиены и т.п. Историки начали изучать отношение лю-

дей к жизни и смерти, выявляемое, главным образом, на основе их завещаний, надгробных надписей, вкладов в церкви, а также иконографии. Филипп Ариес в "Очерках истории смерти на Западе" (1975), в монографии "Человек и смерть" (1977) и в других работах утверждал, что отношение людей к смерти определяется, в первую очередь, их "коллективным подсознанием". Историк-марксист Мишель Вовель в книгах "Смерть в прежнее время" (1974), "Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней" (1983) подчеркивал роль материальных условий существования, определяющих сознание людей и их отношение к смерти.

Предметами специальных исследований стали празднества, символы, мифы, история ритуалов, "история общения" и "история воображаемого". В работе под программным заголовком "За другие средние века" (1977) Ле Гофф впервые исследовал представления средневекового человека о времени, его отношения к миру, его мир и культуру. Дюби написал специальную работу о "воображаемом" при феодализме⁶² и несколько работ о взаимоотношениях средневекового искусства и общества, в том числе получившую большую популярность книгу "Время соборов" (1976).

Известный историк Даниель Рош в докторской диссертации "Век Просвещения в провинции" (1973) рассмотрел "социально-культурную среду" и историю общения во Франции XVII и XVIII веков, в том числе уровень грамотности и религиозности, представления людей об окружающем их мире, деятельность научных обществ и других просветительских организаций, формировавших общественное мнение и создававших новые формы общения.

Образцом исследования истории символа могут служить монографии М. Агюлона - "Марианна в борьбе" (1979) и "Марианна у власти" (1984), где проанализи-

рованы возникновение и дальнейшая судьба одного из символов Великой французской революции - женской фигуры, прозванной "Марианной".

Крупным шагом в изучении истории коллективных представлений стал капитальный 5-томный труд "Места памяти", опубликованный в 1984-1986 гг. под редакцией П. Нора. Его авторы исследовали различные "места памяти", то есть все то, что может служить сохранению памяти о прошлом, в том числе эмблемы, символы, памятники, праздники, архитектурные сооружения, учебники, словари, календари, исторические произведения, легенды и многое другое. Они стремились создать историю коллективных представлений, находящихся "между памятью и историей"⁶³, выяснить, как формировались и закреплялись в памяти различных поколений, например, такие понятия, как "нация" и "республика".

Значительно возросло количество книг и статей по историографии и методологии истории, которым раньше уделяли мало внимания. Многие крупные историки, в том числе Э. Ле Руа Лядюри, Ф. Фюре, П. Вилар, П. Шоню, Ш.-О. Карбоннель, выступили с серьезными методологическими и историографическими работами.

Школа "Анналов" в 70-80-е годы. Большой вклад в создание "новой исторической науки" внесло "третье поколение" школы "Анналов", которые в начале 70-х годов сменило поколение Броделя на руководящих постах. В 1969 г. Бродель, уже достигший предельного для администратора 65-летнего возраста, отошел от непосредственного руководства журналом, а затем покинул пост заведующего кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс и должность руководителя VI секции Практической школы высших исследований, преобразованной в "Школу высших исследований в области социальных наук". Все эти посты перешли к "третьему поколению" школы "Анналов",

⁵⁷ Faire de l'histoire. Sous la direction de Jacques Le Goff et Pierre Nora. t. I. P., 1974, p. IX-X.

⁵⁸ Ibid., t. II. p. 235, 247.

⁵⁹ Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien. P., 1974, p. 14, 15

⁶⁰ L'Histoire en France, Ouvrage collectif. P. 1988. p. 62-63, 27.

⁶¹ G. Lemarchand. Les grandes tendances de l'historiographie française. // "Cahiers d'Histoire de l'Institut de Recherches Marxistes", 1988, n. 31, p. 41.

⁶² Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P. 1978.

⁶³ Les lieux de mémoire. Sous la direction de Pierre Nora. T. I. La République, P., 1984, p. XII.

наиболее видными представителями которого были "молодые директора", возглавившие журнал после ухода Броделя: Эммануэль Ле Руа Лядюри, Жак Ле Гофф и Марк Ферро.

Под руководством "молодых директоров" журнал "Анналы" существенно изменил свою тематику, направив главное внимание на историю менталитета и историческую антропологию. Специальные номера журнала были посвящены темам "Биологическая история и общество", "История и урбанизация", "История и структура", "Семья и общество", "История и окружающая среда", "Вокруг смерти", "Антропология Франции", "Врачи, медицина и общество".

Наряду с характерными для "Анналов" времен Броделя статьями о морских перевозках, производстве железа или шерсти "Анналы" 70-х-80-х годов публиковали специальные исследования о состоянии питания французского населения, потреблении мяса и картофеля, продаже соли, об эпидемиях, неврозах, преступности.

Не отказываясь, в принципе, от "глобальной истории" и исследований "большой длительности", новая редакция журнала заявила, что она будет изучать и сравнительно кратковременные исторические события; уделит большее внимание политической истории и истории современности, включая историю стран "третьего мира"⁶⁴.

Собственные исследования "молодых директоров" отличались характерным для "новой исторической науки" разнообразием. Ле Руа Лядюри особенно привлекла "деревенская цивилизация", с ее медленно текущей, "неподвижной историей", сохраняющейся на протяжении нескольких веков приблизительно одинаковую численность населения, уровень производства и потребления, почти неизменный образ жизни. В книге о небольшой пиренейской деревушке Монтайю он дал образец детального историко-антропологического исследова-

ния, тщательно проанализировав жилища, одежду, питание, образ жизни и времяпрепровождение жителей этой деревни в XIII-XIV веках.

Блестяще написанная, книга Ле Руа Лядюри стала бестселлером, побившим все рекорды популярности: ее общий тираж составил 2 млн. экземпляров.

Работы Марко Ферро были посвящены главным образом изучению кино как исторического источника, а также проблемам преподавания и восприятия истории.

Фактически "третье поколение" школы "Анналов" значительно удалилось от направления Броделя, который сосредоточился на завершении фундаментального исследования "Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв." Над этим трудом, являющимся попыткой исторического синтеза в масштабе всего человечества, Бродель работал более четверти века. По его собственным словам, он стремился найти ответ на вопрос: "Каким образом тот строй, та сложная система жизни, тот всемирный Старый порядок мог прийти в негодность и сломаться, достигнуть пределов возможного, а затем выйти за них? Как был пробит, как мог быть пробит этот потолок? И почему это произошло лишь к выгоде небольшой привилегированной части населения планеты?"⁶⁵. В центре внимания Броделя находились три главных пласта жизни общества: повседневная "материальная жизнь", рыночная экономика и "капитализм", (точнее торговый и финансовый капитал). В первом томе, названном "Структуры повседневности", Бродель изучал сферу повседневной жизни людей. Считая, что "материальная жизнь - это люди и вещи, вещи и люди", он подробно рассмотрел динамику населения различных районов мира, системы питания, одежду, жилище, технику, транспорт, денежное обращение, роль городов, противоречия между богатыми и бедными, отыскивая "правила,

которые слишком долго удерживали мир в довольно трудно объяснимой стабильности"⁶⁶.

Во втором томе Бродель поставил перед собой задачу исследовать "всю совокупность механизмов обмена"⁶⁷, а именно "рыночную экономику" и "капитализм", к которому автор относил банковский кредит, спекуляцию, торговлю на дальние расстояния и образование мирового рынка. В обобщенной форме Бродель рассматривал также "социальные иерархии", роль государства и, - еще более кратко, - "революции и классовые бои". В третьем томе "Время мира", - вся мировая экономическая история была представлена в хронологическом порядке на протяжении четырех столетий как чередование и взаимодействие нескольких крупных "экономических миров": Евро-Атлантического, Урало-азиатского и Дальневосточного.

Написанный на основе гигантского количества архивных материалов и обобщения множества работ экономистов и историков, новый труд Броделя стал крупным событием в мировой науке. Он внес большой вклад в изучение материальной культуры и экономики общества, хотя, как и в предшествующих работах Броделя политическим событиям было уделено мало внимания.

В последней, оставшейся неоконченной, книге Броделя "Облик Франции", автор применил принципы, разработанные им, к истории Франции. Главными темами его исследования стали "Пространство и история" (т. 1), "Люди и вещи" (т. 2). Природа Франции, ее меняющиеся границы, леса, горы, реки, города и деревни, эволюция населения, его пища, одежда, жилища, развитие экономики, которая вплоть до XX века оставалась "крестьянской эконо-

микой", все это складывается в созданный Броделем сложный и многоцветный "образ Франции", проникнутый горячей любовью автора к своей стране.

Новые работы Броделя еще более увеличили его огромный научный авторитет. К концу жизни он получил неофициальное прозвище "папы" французских историков, был избран почетным доктором 11 иностранных университетов и членом Французской академии.

Дискуссии о Великой французской революции. Видное место во французской историографии 70-80-х годов заняла проблема Великой французской революции. С начала 70-х годов группа историков во главе с Франсуа Фюре предприняла попытку пересмотреть ("ревизовать") прежние представления о революции, изложенные в трудах сторонников "якобинского" направления (от Матьеза до Собуля) и дать "новую интерпретацию" революционных событий.

Самым известным произведением этого направления, получившего наименование "ревизионистское", была нашедшая книгу Фюре "Осмыслить революцию" (1978). Фюре и его единомышленники атаковали марксистскую и вообще "традиционную" концепцию, по которой Великая французская революция носила антифеодальный, буржуазный характер, а ее высшим этапом являлась якобинская диктатура. С их точки зрения, в 1789 г. произошла "не одна революция, а столкновение трех революций": революции либеральной элиты, революции крестьян и революции санкюлотов. Только "революция элиты" - просвещенного либерального дворянства и верхушки буржуазии, воодушевляемых "волей к обновлению", являлась, по мнению Фюре, прогрессивной. Напротив, крестьянская и санкюлотская революции, проникнутые эгалитарными идеями, мешали прогрессивному развитию общества по пути капитализма. Особенно отрицательную роль сыграла якобинская диктатура, ибо в это время революцию, по выражению Фюре, "занесло" в сторону от верного пути, намен-

⁶⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Том 1, Структуры повседневности; возможное и невозможное. М., 1986, с. 38.

⁶⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Том 2. Игры обмена. М., 1988, с. 5.

⁶⁴ Les "Annales", 1929-1979. // "Annales". E.S.C. 1979, n. 6, p. 1345-1346.

⁶⁵ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XV-e-XVIII-e siècle. t. 1. P., 1967, p. 12.

ного либеральной элитой. Лишь термидорианский переворот положил конец "заноосу", и французская история "возобновила свой ход, который более чем на столетие становится либеральным и буржуазным"⁶⁸.

Вслед за английским историком А. Коббэном Фюре объявил "мифом" марксистскую трактовку революции как перехода от феодализма к капитализму. Он доказывал, что она не была "разрывом" с феодализмом который, по его мнению, исчез еще до революции. Дореволюционное французское общество при Людовике XVI, согласно Фюре, больше всего похоже на французское общество при Луи-Филиппе в первой половине XIX в., и, следовательно, революция не ускорила, а замедлила экономическое развитие Франции⁶⁹. Главным содержанием революции Фюре считал не социально-экономические, а политические процессы: создание демократической политической культуры. По его мнению, это была "идеологическая и политическая революция Просвещения", которая не может анализироваться в рамках экономических и социальных противоречий. В последующих работах он продолжал критиковать сторонников социальной интерпретации революции, доказывая, что ее итогом было утверждение парламентского режима и демократических порядков. В книге "Революция. От Тюрго до Жюль Ферри. 1770-1880" он расширил хронологические рамки революции на целое столетие, потому что только победа республиканцев над монархистами в 1876-1877 гг. дает новой Франции режим, который надолго обеспечивает действие всей совокупности принципов 1789 года⁷⁰.

Концепции "ревизионистов" были подхвачены средствами массовой информации. Критика якобинцев и революционе-

ров вообще, обвиненных в массовом терроре и создании тоталитарного режима, получила широкое распространение в печати и на телевидении. "Поношение Французской революции по всякому поводу и без всякого повода становится интеллектуальной модой и проявляется в наиболее распространенной ежедневной прессе", - писал в 1985 г. М. Агюлон⁷¹.

Критики революции обвиняли ее в разрушении экономики, в массовом терроре, в создании тоталитарного режима. Правая печать сравнивала якобинскую диктатуру с гитлеровским режимом в Германии и сталинским режимом в СССР.

Особенно охотно противники революции обращались к событиям контрреволюционных мятежей и гражданской войны в Вандее и Бретани, которые сопровождалась большими человеческими жертвами. Историк Р. Сеше дал своей книге о гражданской войне в Вандее название "Франко-французский геноцид". Его поддерживал зачинатель "серийной истории" Шоню, заявивший, что "война в Вандее - это подлинный, форменный геноцид, образец для всех будущих геноцидов, особенно для Сталина и Гитлера"⁷².

Историки "якобинского" направления выступили против "ревизионистов". В коллективной работе историков-марксистов "Современная Франция: идентичность и мутации с 1789г. до наших дней" был по-новому поставлен вопрос о переходе Франции от феодализма к капитализму. Отрицая наличие общей для всех стран модели такого перехода, ее авторы доказывали, что "существует французский путь развития капитализма", отличающийся большой ролью крестьянства, замедленной промышленной революцией и высокой политической активностью народных масс, которая "нашла при Французской революции свое первое сознательное и организованное проявление"⁷³.

Проблематику "якобинского" направления обновили книги сторонников марксистской концепции истории Г. Лемаршана, К. Мазорика и М. Вовеля.

Ги Лемаршан в докторской диссертации "Конец феодализма в области Ко" (1989) исследовал количественными методами социально-экономические и демографические аспекты развития одного из районов Нормандии и показал, как борьба феодальных и капиталистических элементов, в конце концов, привела к революционному взрыву 1789 года.

Клод Мазорик в книге "Якобинизм и революция. Вокруг двухсотлетия 1789 г." (1984) проанализировал основные спорные проблемы революции и пришел к выводу, что Великую французскую революцию можно рассматривать как "специфическую буржуазно-крестьянскую революцию", а "якобинский феномен - как выразителя самой сущности этой революции".

Мишель Вовель, занявший после смерти Соболя пост директора Института истории французской революции, предпринял всестороннее изучение "революционного менталитета", уделив особое внимание поведению революционных активистов и революционной толпы, мотивам их действий, повседневной жизни людей в годы революции, новым революционным ценностям. Предметом его исследования впервые стали такие темы как страх, насилие, любовь, смерть, праздник, героизм, отношение к религии⁷⁴.

В связи с приближением 200-летнего юбилея революции Вовель при помощи группы сотрудников выпустил в свет не имеющее прецедента коллективное пяти-томное издание "Французская революция. Иллюстрации и рассказ"⁷⁵, - богатейшее собрание рисунков, картин и гравюр революционного периода с пояснениями и комментариями. Под редакцией Вовеля к юбилею вышла и другая крупная коллек-

тивная работа - "Состояние Франции во время революции", подводящая итоги изучения истории Великой Французской революции за двести лет. Очень ценный справочный материал по истории и историографии революции содержался в "Словарях революции" - специальных энциклопедических изданиях опубликованных под руководством Ф. Фюре, М. Озуф⁷⁶ и А. Соболя⁷⁷.

В июле 1989 г. 200-летие революции было отмечено официальными церемониями, с участием президента Франции Ф. Миттерана, военным парадом и иллюминацией, многочасовым праздничным шествием по улицам столицы. В честь юбилея в Париже собрался Всемирный конгресс историков, обсуждавший тему "Образ французской революции". Успех юбилейных торжеств показал, что Великая французская революция прочно сохраняет свое место в историографии и коллективной памяти французов как одно из важнейших событий национальной и мировой истории.

Некоторые тенденции развития Французской исторической науки в 80-е - 90-е годы. В 80-е - 90-е годы французская историческая наука вступила, меняя свои поколения. Скончались самые известные французские историки: Ф. Бродель, Э. Лябрусс, Ж. Дюби, Ф. Фюре. Достигнув пенсионного возраста, ушли в отставку бывшие "молодые директора" Анналов Э. Ле Руа Лядюри, Ж. Ле Гофф, М. Ферро. Часть историков разочаровалась в прежних теоретических и методологических принципах. По их мнению, идеал "глобальной истории" оказался практически недостижимым; сосредоточение внимания на долговременных общественных "структурах" привело к представлению о неподвижности истории; количественная история, хотя и дала ряд ценных исследований по отдельным вопросам, не смогла

⁶⁸ Furet F., Richet D. La Révolution. T. 1, P., 1965, p. 43, 58.

⁶⁹ Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978, p. 42.

⁷⁰ Furet F. La révolution. De Turgot à Jules Ferry. 1770-1880. P., 1988, p. 8.

⁷¹ "Vingtième siècle", 1985, № 5, p. 10.

⁷² "L'Histoire", № 92, Sept. 1986, p. 73.

⁷³ La France contemporaine. Identité et mutations de 1789 à nos jours. P., 1982, p. 16.

⁷⁴ Vovelle M. La mentalité révolutionnaire. Société et mentalité sous la Révolution française. P., 1985.

⁷⁵ Vovelle M. La Révolution française. Image et récit. T. I-V. P., 1986.

⁷⁶ Furet F., Ozouf M. Dictionnaire de la Révolution française. P., 1989.

⁷⁷ Soboul A. Dictionnaire historique de la Révolution française. P., 1989.

дать общую теорию исторического развития.

Авторы фундаментального труда о послевоенной французской историографии пришли к выводу о новом "кризисе истории", связанном, по их мнению, с "провалом больших социально-экономических теорий", в первую очередь, марксизма и структурализма, разочарованием в познавательных возможностях количественной истории, исчерпанностью школы "Анналов", гегемонией которой, - как они думают, - "подходит к концу"⁷⁸.

Во французской историографии возродился интерес к "событию" и "короткому времени"; описание вновь стали считать неотъемлемой частью исторического исследования; рассказ о событиях прошлого, который Марк Блок когда-то называл "эмбриональной формой" истории, опять занял почетное место наряду с анализом исторических проблем.

Вслед за историками Италии и Германии некоторые французские историки начали заниматься "микросторией", то есть пристальным изучением отдельных, сравнительно мелких, событий общественной или частной жизни.

Главное место во французской историографии 80-х - 90-х годов заняла обновленная политическая история и культурология. Авторы коллективного труда о послевоенной историографии считают "возвращение политической истории" одним из главных историографических фактов последних 15 лет". По их мнению, обновив свою тематику и методы "ранее заброшенная политическая история с триумфом заставила признать себя"⁷⁹. Традиционное изучение политических событий и учреждений она обогатила новыми подходами, позволившими изучать процессы принятия решений, мотивы коллективного поведения, формирование образа своей

страны и других стран, роль символов и стереотипов мышления.

Вместе с политической историей вернулась обновленная военная история, которую школа "Анналов" времен Броделя глубоко презирала. Историю войн, сражений и походов она дополнила изучением отношений армии и общества, социального состава и психологии военных.

Изучение ментальности и исторической антропологии осталось важным направлением научных исследований, однако центр внимания переместился в область истории культуры. По словам Ле Гоффа, "подобно экономике и социальной истории в прошлом, история культуры ныне имеет тенденцию захватить все поле исторических исследований"⁸⁰. Культурологию французские ученые рассматривают очень широко, включая в нее все формы духовной жизни, системы ценностей, идеологические и религиозные течения, труд, развлечения, ритуалы и многое другое. Культурологи занялись и такими темами, которые раньше вообще не изучались, например, историей "отклоняющегося поведения", историей маргинальных групп населения, историей сексуальности, историей женщин. В 1991 г. под редакцией Ж. Дюби и М. Перро была издана пятитомная "История женщин с античности до наших дней", которая послужила образцом для аналогичных изданий в других странах.

Бурный подъем переживает история современности. По словам французских историков, в этой области произошла "маленькая интеллектуальная революция"⁸¹. Историки осознали, что "историческая дистанция" вовсе не гарантирует беспристрастности исследования, а архивные документы не всегда являются наиболее достоверными. Прежнее скептическое отношение к истории современности исчезло. Она стала общепризнанной и уважаемой частью исторической науки.

В 1978 г. Комитет истории второй мировой войны был преобразован в Инсти-

тут истории современности, первым директором которого стал Ф. Бедарида. В 1979 г. срок доступа к архивным документам сократился с 50 до 30 лет. В рамках авторитетнейшей "Высшей школы исследований в области социальных наук" создали кафедру истории современности.

Ее возглавил один из лидеров "новой исторической науки" П. Нора. С 1982 г. история послевоенного времени была включена в школьные программы и учебники. Появился научный журнал "Двадцатый век" ("Vingtième siècle"), в котором современная история занимает очень большое место. Новое понимание роли и значения современной истории нашло отражение в коллективной программной книге "Писать историю настоящего времени"⁸², изданной Институтом истории современности в 1993 г.

Диссертации по новейшей истории стали приниматься к защите в университетах. Если раньше большинство диссертаций было посвящено средневековой или новой истории, то теперь преобладают диссертации по истории XX века. Новейшая история завоевала "львиную долю" в книжной продукции, в средствах массовой информации, в области образования. Постоянно обновляясь, французская историческая наука сохранила свой высокий научный авторитет. Она остается одной из самых влиятельных национальных историографий.

⁷⁸ L'Histoire et le métier d'historien en France. 1945-1995. Sous la direction de F. Bedarida. Paris, 1995. p. 4, 17, 176, 183.

⁷⁹ Ibid., p. 301.

⁸⁰ Ibid., p. 16.

⁸¹ Ibid., p. 80.

⁸² JHTP. Ecrire l'histoire du temps présent. En hommage à François Bedarida. Paris, 1993.

Глава 4

Историческое знание в Великобритании второй половины XX века: пути "новой социальной истории"

Современное состояние британской историографии во многом обусловливается изменением места Великобритании в послевоенном мире, ее преимущественной ориентацией на Европу, замещением концепции Британской империи идеей "островного" европейского государства. В интеллектуальных кругах страны по-прежнему сохраняется вера в непреходящую значимость британских демократических институтов и социального опыта для судеб мировой цивилизации.

Ведущие направления исторической науки страны в целом согласуются с современными тенденциями социально-гуманитарного знания стран Европы и Америки. В то же время британская историография обладает устойчивыми, характерными чертами, которые формируют ее неповторимый облик.

Организационные основы британской историографии. Сообщество историков в Великобритании складывается из профессионалов, работающих в системе высшей школы, исследовательских учреждениях, исторических обществах и других объединениях. Подготовка кадров профессиональных историков осуществляется через университеты, политехнические институты и высшие колледжи.

Основными центрами образования историков остаются Оксфорд и Кембридж. Эти университеты сохранили статус привилегированных высших учебных заведений, высокий престиж дипломов и научных степеней.

В послевоенный период значимость старых университетов для подготовки специалистов в области истории оспаривает Лондонский университет. Действующий

при этом университете Институт исторических исследований приобрел функции ведущего центра по координации направлений научной работы профессионалов.

В 50-е гг. статус университетов получил ряд университетских колледжей (Саутгемптон, Гуль, Эксетер, Лестер). В 60-е гг. в Киле, Эссексе, Йорке, Сассексе, Ланкастере, Кенте, Уорике, Восточной Англии, Стирлинге были открыты новые университеты. В тот же период ведущие технологические колледжи были преобразованы в университеты, составив группу так называемых технологических университетов (Бат, Бадфорд, Бранел, Сэррей, Сэлфорд и др.).

В последней четверти XX в. монопольное положение университетов стало оспариваться политехническими институтами и технологическими колледжами. Значительное место в их учебных планах и исследовательских программах заняло преподавание и изучение истории.

Во второй половине XX в. в разряд интенсивно разрабатываемых областей исторического знания в Великобритании выдвинулись проблемы новой и новейшей (современной) истории. Подготовка студентов и аспирантов по этим дисциплинам велась как на исторических отделениях, так и на отделениях и кафедрах политической науки.

В середине 60-х гг. открылся Институт современной истории, который начал издавать "Журнал современной истории" ("Journal of Modern History"). В 1967 г. на базе Лондонской школы экономики и политической науки была создана Ассоциация современных историков. Ее задачей

провозглашалось всестороннее исследование проблем истории XX в. С 1990 г. Лондонский университет и Оксфорд стали издавать журнал "Двадцатый век британской истории" ("Twentieth Century British History").

Новым явлением в организации исторического знания стали региональные и страноведческие центры при высших учебных заведениях и научных институтах. В число приоритетных направлений научных изысканий и подготовки кадров вошли европейские исследования (университеты в Эдинбурге, Данди, Кардиффе, Кенте, Уорике, Сассексе и пр.; политехнические институты в Манчестере, Шеффилде, Лидсе и др.). В 60 - 70-е гг. были введены специализации по истории и культуре скандинавских стран (Кембридж, Лондон, Абердин, Гуль, Шеффилд, Ньюкасл, Ливерпуль и др.). В ряде университетов (Бристоль, Гуль, Лидс, Манчестер, Сент-Эндрюс, Глазго, Стирлинг и др.) и политехнических институтов начались разработки проблем испанской истории и культуры.

Самостоятельное значение в 60-80-е гг. приобрело исследование истории славянских народов, балканских стран, а также русской и советской истории. Ведущее положение среди научных центров по-прежнему занимала Школа славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете. Аналогичный учебный и научный центр по изучению истории СССР, России и Восточной Европы был создан в 1963 г. при Глазговском университете. Центр начал издавать журнал "Soviet Studies". В 60-70-е гг. крупными центрами в тех же областях стали также Бирмингемский, Серрейский, Кильский университеты.

После войны в исторической науке повысилась внимание к американской и латиноамериканской проблематике. В 60-70-е гг. в ведущих университетах страны была открыта специализация американистики. При Даремском университете с середины 50-х гг. стала работать Британская ассоциация американских исследователей,

выпускающая журнал "Journal of American Studies" и серии монографий. Функции координатора научных разработок осуществлял Институт США, открытый в 1965 г. при Лондонском университете.

Феноменом исторической науки Великобритании послевоенных лет стали комплексные латиноамериканские исследования и специализированные образовательные программы. В 1964-1966 гг. было открыто сразу несколько университетских центров и институтов (в Лондоне, Глазго, Оксфорде, Кембридже, Йорке). С середины 60-х гг. начал выходить журнал "Journal of Latin American Studies".

В историческом знании Великобритании ведущее положение принадлежит изучению британской истории. В XIX - первой половине XX в. понятие британской истории однозначно отождествлялось с английской историей. В середине XX в. британская история все более стала пониматься как история разных народов Британских островов, чьи исторические судьбы, в конечном счете, соединились в одном государстве.

Концептуальное оформление нового взгляда на британскую историю во многом объясняется внутренними процессами в первую очередь, самоопределением историографических школ в Англии, Шотландии, Уэльсе, Северной Ирландии. Заметно различаясь в определении проблемных полей исследования и концепции британской истории, они заняли определенное место в академической науке в исследовательских центрах и исторических обществах.

Самоопределение национально-региональных историографических школ и укрепление межкультурных коммуникаций в академическом сообществе историков выражались в публикации серий монографий, в которых формулировалась концепция непрерывной британской истории как истории складывания многонационального государства и общества. В 60 - 80-е гг. шотландская история трижды переписывалась в разных сериях "новой истории". Аналогично пересматривалась в

новых редакциях история Уэльса и Ирландии. С середины 70-х гг. началось издание монографий в серии "Новая история Англии" (главные редакторы А. Диккенс и Н. Гэш). Ее цели были сходны с задачами, которые ставились шотландскими и уэльскими историками: с учетом данных современной исторической науки дать более полное, объемное отображение истории народов, входящих в состав Соединенного Королевства.

Значительное место в организации исторического знания в Великобритании по-прежнему занимают исторические общества. В послевоенные годы одним из наиболее престижных стало Королевское историческое общество, которые возглавляли такие известные историки, как Дж. Элтон, Дж. Хабакук, Дж. Холт, Дж. Эйлмер. Обществом было выпущено в свет около 300 томов исторических документов. Результаты исследовательской работы общества представлялись в ежегодных "Трудах" ("Transactions"). С середины 70-х гг. члены общества предприняли издание серии ежегодных библиографий по британской истории, а также - серии монографий "Исторические исследования", где представлялись работы молодых ученых. В 60-90-е гг. в практику работы вошли конференции по дискуссионным проблемам британской и колониальной истории, социальной истории, теоретико-методологическим вопросам "новой исторической науки".

Другая национальная организация британских историков - Историческая ассоциация - со времени своего основания ставила цель способствовать "изучению и преподаванию истории на всех уровнях, усиливать общественный интерес ко всем аспектам истории и превратить ее в существенный элемент образования для всех". Устав Исторической ассоциации предусматривал, что ее участникам обязательно заниматься научно-исследовательской работой. Во второй половине XX в. она стала массовой организацией, объединившей профессионалов и любителей.

В 60-80-е годы были организованы журналы "Teaching History", "Historian", "Primary History", адресованные преподавателям истории. В журналах "History" и "History Today" (основан в 1951 г.) серьезное внимание уделялось конкретным проблемам профессионального исторического знания. В середине 80-х гг. журнал "History Today" организовал дискуссию о структуре и содержании современного исторического знания.

Во второй половине XX в. заметное воздействие на постановку исследовательских программ и объем научных разработок стало оказывать государство; выросла финансовая зависимость университетов и институтов от организаций, ведающих распределением средств на нужды высшей школы и на исследовательскую работу. Утверждение в высших учебных заведениях и за их пределами мощных исследовательских объединений, работа которых во многом связана с прагматическими социокультурными и экономическими потребностями общества и государства, заметно сказывалось на содержании труда профессионалов.

Структура академического исторического знания. К середине XX в. политическая, экономическая, социальная история уже выражали себя в качестве многосоставных суб-дисциплин профессионального исторического знания Великобритании. В то же время в его поле стихийно втягивались исследовательские области из искусствознания (истории искусств), литературной критики (филологических "британских исследований" и истории литературы), философии (истории философии), психологии (истории психологии), науковедения (истории науки). В большой степени эта близость задавалась общей исторической ориентацией дисциплин социально-гуманитарного знания, которая утвердилась в XIX в. в период господства научного исторического метода и его модификаций (генетической, компаративной, типологической).

Во второй половине XX в. внимание историков все больше перемещалось с

констатации предметной области, представляемой как часть объективной реальности в ее материальной и завершенной формах ("что?"), - на выработку конкретных аналитических инструментов, которые бы позволяли производить точный, научный анализ проблемных полей ("как?").

В академическом сообществе стали распространяться методологические и концептуальные установки аналитической философии, бихевиористской политической науки, математизированной экономической теории, формалистической литературной критики. В конце 50-х - 60-е гг. о себе в полный голос заявила "новая" историография, которая строилась на основах сциентизма и объективизма. Поборников "новой истории" объединяло стремление преобразовать устои традиционной науки средствами обновления теории, методологии, проблемных полей, языка исторической профессии и желание достигнуть "нового исторического синтеза".

Политическая история. Главенствующее положение по-прежнему сохраняла политическая и конституционная история. Однако в 60-70 г. XX в. ее предмет стал определяться более емко, существенно расширились проблемные поля, произошла корректировка семантики понятий и терминов.

Потребность политической истории в адаптации к переменам в историческом знании и обществе соединялась с ее стремлением сохранить свою автономию, сущностные черты, язык (в особенности в споре с социальной историей). Усилиями историков консервативного и умеренно-либерального направлений индивидуализирующая "чистая" политическая история стала претендовать на создание всеобъемлющей "новой старой" истории, "нового нарратива", который бы объединял вокруг ядра политической истории элементы социальной, интеллектуальной, экономической истории.

Одно из первых обоснований позиций "новой" политической истории содержалось в работе консервативного историка

Дж. Элтона "Политическая история. Принципы и практика" (1970). В книге обосновывалась идея о необходимости обновления политической истории и ее основных компонентов - юридической, конституционной, административной, дипломатической истории - средствами более широкого истолкования предмета исследования, выявления приоритетности политических отношений в истории.

Эти доводы были воспроизведены "новыми" политическими историками во время общebritанской дискуссии "Что такое история сегодня?", организованной в середине 80-х гг. журналом "History Today". Дж. Элтон, Р. Хаттон, Р. Фостер и другие отстаивали тезис о том, что поскольку "все есть политика", ведущее положение в историческом знании и историческом сообществе должна по праву занимать именно эта дисциплина.

К последней трети XX в. в рамках политической истории сосуществовали историки, представлявшие политическую историографию открыто ранкеанско-позитивистского толка и неоревизионистское, неонэмировское направление. Дискуссии между ними, в конечном счете, велись вокруг необходимости обновления основных концептов. В лексикон политической историографии 70-80-х гг. вошли новые слова (такие как ментальность), которые при переводе их из культурной антропологии, психологии, информатики и других дисциплин оказались переистолкованы, переименованы семантически.

Во второй половине XX в. политическая историография выражала себя как в "чистой" истории, так и в идеологизированной истории, открыто связывавшей себя с запросами государства и общества. Эта вторая структурная часть политической историографии испытывала на себе сильное воздействие политической науки. В соответствии с этим одна структурная часть политической истории, как и прежде, выражала себя главным образом в университетской науке, а другая сосредоточивалась преимущественно в научно-

исследовательских центрах и институтах, работавших по государственному заказам.

Среди английских университетов ведущее место в исследовании политической проблематики по-прежнему занимали Оксфорд и Кембридж. В Оксфордском университете при изучении политической истории успешно применялись междисциплинарные подходы. Этот университет объединил многих видных историков, специализировавшихся в области политической истории (М. Ховард, Д. Платт, С. Холмс, А. Макингайт, К. Морган, П. Слэк, Дж. Поул). В Кембридже политическая проблематика разрабатывалась профессорами и преподавателями Крайст-колледжа (Дж. Пламб, К. Скиннер), Клер-колледжа (Дж. Элтон), Питер-хауса (М. Коулинг, Х. Чедвик, Дж. Перри).

В послевоенные десятилетия одним из крупнейших центров политической истории оставался Лондонский университет. Он продолжал определять научные изыскания преподавателей Королевского, Университетского, Имперского и других колледжей, а также Лондонской школы экономики и политической науки. Политическая история новейшего времени оказалась широко представлена в новых, городских и технологических университетах (Шеффилд, Ньюкасл, Сэлфорд.). Так, ведущее положение на гуманитарном факультете университета Стрэтклайда в последней трети XX в. заняло отделение политической науки, при котором сформировался центр по исследованию общественной политики в современной Великобритании, созданный при участии видного политолога Р. Роуза. Сотрудники центра занимались изучением британского электората и прогнозированием электорального поведения, проводили сравнительные исследования социально-политических сдвигов в странах Запада.

Экономическая история. В послевоенные годы изменились представления историков об экономической и социальной истории и взаимоотношениях между ними. В 50-начале 60-х гг. процесс переосмысления содержания экономической

истории совершался одновременно с пересмотром предмета социальной истории. Обсуждение вопросов истории перехода Европы от средних веков к новому времени, содержания и последствий промышленной революции, причин утраты Великобританией ведущих экономических позиций в мире и пр., в конечном счете, соотносилось с проблемой социально-экономической детерминации истории, изучением факторов воздействия экономики на социальные отношения и духовную жизнь общества.

Сциентистская тенденция в социально-гуманитарном знании и, в особенности, ориентация экономической теории на математическое моделирование и эмпирический статистический анализ существенно повлияли на понимание предмета экономической истории. Все более отчетливо стала заявлять о себе новая экономическая история, у которой складывались "особые отношения" с современной экономической наукой. В ней прослеживалось определенное генетическое родство с исторической экономикой конца XIX - начала XX в. и американской клиометрией (как в предмете, так и в методах исследования). Основу ее составляло использование количественных методов.

В 70-80-е гг. в рамках новой экономической истории оформились две отрасли - количественная история и история бизнеса. В разработку проблематики новой экономической истории активно включились и экономисты. В дальнейшем в работах экономических историков стали широко применяться методики, заимствованные из социологии, демографии, психологии.

В 1978 г. при Лондонской школе экономики и политической науки был открыт Центр по изучению истории бизнеса. Аналогично образовался в 1988 г. Центр исследования истории бизнеса на базе отделения экономической истории Глазговского университета.

С 60-х гг. в университетах при содействии Общества экономической истории стали проводиться научные конференции. Переориентация общества на изучение

новой экономической истории, и, прежде всего, количественной истории, обусловила сокращение притока новых членов. Сужение в новой экономической истории проблемных полей исследования, использование специфического языка привели к ограничению контактов с представителями других областей исторического знания. В 80-е гг. в деятельности общества стали заметны попытки вернуться к более широкой трактовке экономической истории. В общество вошли такие известные историки, как Т. Баркер, Дж. Терск, П. Матиас, Р. С. Флауд, Д. Коулмен, Э. Хобсбоум и др. В последней трети XX в. выросло сотрудничество этой организации с Обществом социальной истории и Обществом изучения истории рабочего класса.

В журнале "Обзор экономической истории" ("Economic History Review"), издаваемом обществом, стала регулярно публиковаться библиография новых работ по экономической истории, издаваемых в Великобритании и Ирландии. Журнал охотно откликался на новые научные подходы и методы, он немало способствовал популяризации количественных методов. В 70 - 80-е гг. журнал стал выступать проводником взглядов "новых" экономических историков. Увеличилось число публикаций, посвященных истории XX в. Среди наиболее актуальных тем был анализ причин экономического отставания Великобритании в XX в. В последние годы возросло внимание журнала к аграрной истории.

Социальная история. Ко второй половине XX в. наиболее динамичной субдисциплиной исторического знания стала "новая социальная история". Весомый вклад в ее становление внесли исследования ученых марксистской ориентации и историков, близких к марксизму; и, прежде всего, работы Э. Томпсона, Кр. Хилла, Э. Хобсбоума, Дж. Рюде, Р. Хилтона, А. Л. Моргана. Начало качественного преобразования социальной истории в Великобритании связывается с изданием в 1963г. книги Э. Томпсона "Становление английского рабочего класса". Позднее, со вто-

рой половины 60-х гг., стали появляться работы по социальной истории, написанные под влиянием М. Вебера и школы "Анналов".

Новая социальная история сконцентрировала в себе основную проблематику исторических исследований "новой исторической науки" и поиск "нового исторического синтеза". У нее был фундамент, заложенный либеральной и радикально-демократической историографией начала XX в. Вместе с тем в предмете и методах старой и новой социальной истории обнаружилось принципиальное расхождение, которые можно определить как разрыв с историографической традицией.

Само название было призвано отличать новую социальную историю от традиционной социальной истории, которая включала в себя положение отдельных групп и общностей в различные исторические периоды, социальные движения, образ жизни обычных людей. Прежде в центре внимания находилась общественно-политическая борьба различных партий, институтов, организаций. Главным предметом новых социально-исторических исследований стало внутреннее состояние общества как такового (отдельных его групп и индивидов). Весь комплекс факторов предполагалось изучать в их материальном, социокультурном, деятельностном и психологическом выражении.

Историки, придерживавшиеся различных идейно-политических ориентации, как правило, расходились в понимании предмета и задач социальной истории. Внутри "новой" историографии произошло относительное разграничение в изучении сфер социальной истории. Либеральная историография представляла социальную историю как мозаичную картину различных сторон обыденной жизни социальных групп и индивидов (материальная культура, быт, поведение, ценности и представления). Умеренно-либеральное крыло "новой исторической науки" отдавало предпочтение изучению устойчивых общественных структур и институтов.

Леволлиберальные и радикальные историки уделяли основное внимание разработке проблем массового поведения (в том числе соотношения стихийности и сознательности) и массового сознания на разных его уровнях. Их в особенности интересовала темы, связанные с поведением массы людей, свойствами группового самосознания, особенностями коллективных представлений в истории.

Идея превращения социальной истории в "тотальную историю" была сформулирована еще в начале 60-х гг. известным историком Г. Перкинсом: "Социальная история не есть часть истории, она есть вся история с социальной точки зрения... История общества - это не история всего, что в нем происходит. Для социального историка главное - понимание жизни человека в прошлом, в устройстве общества и его институтов".

В 70-80-е гг. многие британские историки подчеркивали интегрирующую функцию социальной истории в системе исторических дисциплин, ставили перед ней задачу синтеза исследований различных сторон и процессов исторического прошлого. Однако на практике они, как правило, ограничивались соотношением анализа социальной структуры и отношений главным образом с экономическими и демографическими процессами или сужали рамки "тотальности" до границ локальной истории. Большинство же "новых" социальных историков концентрировало внимание на изучении социальных групп, институтов, движений с позиций "истории снизу".

Новая социальная история быстро самоидентифицировалась в историческом знании Великобритании. Вскоре ясно обозначилось ядро новой социальной истории: категория - "общество". Независимо от методологических ориентаций историков она мыслилась как форма объективации мира истории. Использование ее в таком значении объединяло профессионалов вокруг материалистической (по сути) концепции социальной тотальности. Интегральность ее базовой категории и заяв-

ленные глобальные задачи ("новый исторический синтез", "тотальная история") обусловили тот факт, что социальная история постоянно вбирала в себя и перерабатывала различные части гуманитарного знания (социология, историческая демография, психология, структурная, социальная и культурная антропология и др.). При этом обогащались ее теоретико-методологический арсенал, методический и технический инструментарий, язык исторического объяснения.

Интенсивность процессов дифференциации и интеграции в науке в связи с расширением самого предмета истории, источниковой базы, методов исследования и способов обработки источников вызвала появление множеств новых исследовательских областей. В историографии появились такие суб-дисциплины, как демографическая история, социально-интеллектуальная история, психоистория. Эти области тяготели к новой социальной истории и в значительной степени переплетались с ней. В 80-е гг. определились такие исследовательские области, как история семьи, детства, образования, города, преступности, социальная история медицины, социальная история религии. Идея изучения "истории снизу", "народной истории" способствовала оформлению "новой рабочей истории", "женской истории", "крестьянских исследований" и т. п. Одновременно происходило складывание "новой локальной истории" и "устной истории", которых с социальной историей роднил не столько предмет, сколько новаторские исследовательские методики.

В ходе формирования новой социальной истории в Великобритании возникли десятки университетских кафедр, отделений, факультетов, научных центров, журналов, связанных с этой отраслью знания. Социальная история стала изучаться в большинстве университетов, политехнических институтов и колледжей. В 60 - 70-е гг. положение ведущих центров по изучению новой социальной истории приобрели исследовательские объединения при университетах Кембриджа, Оксфорда,

Уорика, Ланкастера, Сассекса, Эссекса, Гулля, Лестера, Бирмингема.

Создание в 1964 г. в Кембриджском университете исследовательской группы по изучению народонаселения и социальной структуры XVII - XIX вв., в которую вошли историки, социологи, демографы, географы отражало возросший интерес к междисциплинарным исследованиям, в частности к возможностям использования данных демографии и количественных методов для разработки сюжетов социальной истории. Члены группы находились под влиянием школы "Анналов" и использовали ее методики в области исторической демографии. Это объединение поставило задачу координации усилий историков любителей и профессионалов по сбору и первичной систематизации данных местных источников, которые затем обобщались, проходя компьютерную обработку в Кембриджском университете. Членами группы был основан журнал "Local Population Studies". Основные установки этого центра были сформулированы в 1966 г. в работе П. Ласлетта "Мир, который мы потеряли" и в коллективном издании "Введение в английскую историческую демографию", вышедшем под редакцией Е. Ригли. В 70-80-е гг. члены Кембриджской группы опубликовали ряд работ, в которых рассматривалась динамика народонаселения Великобритании в новое время в связи с экономическим развитием страны и социальными сдвигами.

Подобные тенденции получили развитие и в Оксфорде. В 60-80-е гг. ведущие позиции в изучении проблем социальной истории приобрел Раскин-колледж - учебное заведение, созданное на профсоюзные средства для общеобразовательной подготовки рабочих-активистов. В 1967 г. на основе занятий, которые проводились с учащимися историком Р. Сэмюэлем, возникло объединение историков "Историческая мастерская". Его название было заимствовано у экспериментальной студии "Театральная мастерская", работавшей в 40 - 50-е гг.

Центральной темой стали проблемы истории британского рабочего движения, рассмотрение их с позиций трудящихся классов, "истории снизу". Начало практической деятельности "Исторической мастерской" было положено студенческими научными работами по локальным вопросам рабочей истории Великобритании XIX - XX вв. Основу этой организации составили историки радикально-демократической и марксистской ориентации. Тяготение к созданию "народной истории", побуждало их привлекать новые местные источники, обращаться к устной истории, к свидетельствам, характеризующим повседневную жизнь работников, их обыденное сознание, формы стихийного социального протеста. В конце 60-х гг. в "Историческую мастерскую" вступила группа участниц феминистского движения. В последующие годы. в объединении активизировалась разработка истории социальных групп и национальных общин, началось интенсивное изучение проблем истории семьи, детства, женщин, "народной культуры".

Росту популярности объединения содействовало образование в 1975г. периодического издания "History Workshop Journal". Не замыкаясь на локальных исследованиях, журнал публиковал статьи по методологическим проблемам исторической науки. С 1984 г. объединение приступило к изданию серии научно-популярной литературы для средней школы ("Английский патриотизм", "Историография и историческое воображение", "Преподавание истории в Великобритании в XIX в." и др.). "Историческая мастерская" обрела положение научного и исторического центра, институционализация которого была завершена в 1984 г., когда члены объединения объявили об образовании на ее базе Центра по изучению социальной истории. В программном манифесте центра подчеркивалось стремление его членов разрабатывать целостную историю.

Значительное влияние на направление новой социальной истории оказали иссле-

дования, Центра социальной истории университета Уорика. Его основателем (в 1968 г.) был Э. Томпсон - исследователь истории английского рабочего класса, представлявший в исторической науке Великобритании марксистское направление. Первоначально сотрудники центра сконцентрировали усилия на изучении рабочей истории. С 1973 г. он получил поддержку другого объединения - Центра по выявлению новых источников, созданного при университетской библиотеке Уорика. Труды Э. Томпсона и коллективные работы сотрудников Центра по истории социального протеста народных масс в XVIII - XIX вв., введение в научный оборот нетрадиционных источников и новое прочтение известных документов привлекли к этому объединению внимание многих историков. Со второй половины 70-х гг., когда Центр возглавил Р. Харрисон (также историк марксистской ориентации), деятельность этого объединения стала более разнообразной. В настоящее время, помимо проблематики собственно рабочей истории, в центре разрабатываются общетеоретические и методологические вопросы социальной истории.

В 60-е гг. на отделении экономической и социальной истории Гулльского университета образовалась группа историков, занимающихся преимущественно рабочей историей. В нее вошли представители радикально-демократического направления, историки - марксисты. В 1972 г. они приступили к изданию многотомного "Словаря рабочей биографии" (составители Дж. Сэвил и Дж. Беллами). Дальнейшая разработка историками Гулля проблем британского рабочего движения XIX - XX вв. осуществлялась под влиянием растущего авторитета новой социальной истории.

В университете Эссекса в 70-е гг. сформировалась группа радикально-демократических историков, разделявших установки новой социальной истории. В 1971 г. были основаны журнал "Устная история" ("Oral History") и общество с аналогичным названием. Инициатором их создания стал преподаватель социальной

истории П. Томпсон. Он организовал деятельность историков, которые занимались сбором словесных свидетельств и разработкой методик устных опросов очевидцев исторических событий. Первоначально тематика социально-исторических исследований общества ограничивалась сюжетами рабочей истории, однако к концу 70-х гг. в связи с формированием в "новой" истории социокультурного и психоисторического подходов интересы историков расширились. Изучение проблематики массового сознания и народной культуры побуждало членов общества активно использовать фольклорный материал и разнообразить аудиовизуальные источники.

Одним из наиболее крупных объединений для изучения новой социальной истории стал исследовательский центр при Сассекском университете. В 60-начале 70-х гг. его возглавлял А. Бриггс, один из создателей новой социальной истории. В этом центре объединились усилия экономистов, социологов, психологов, антропологов, географов, политологов, юристов. Главным направлением их работы стала апробация междисциплинарных методик при исследовании истории Великобритании, Европы, Америки. Стремясь к воплощению идеи "нового исторического синтеза", сотрудники школы проявляли особую активность в издании трудов по социальной истории, обобщавших результаты работы профессионалов из разных университетов.

Тесные связи с этой школой сложились у Ланкастерского университета. В середине 70-х гг. в нем сформировался Центр социальной истории. Его возглавил Г. Перкин, первый университетский преподаватель, получивший должность профессора социальной истории. Основные направления исследований были связаны с проблемами локальной, устной, рабочей истории, истории образования, народной культуры. Историки Ланкастера участвовали в издании серий монографических работ по социальной истории ("Исследования по социальной истории", "История

городов и графств"). В 1976 г. на базе Ланкастерского центра было создано Общество социальной истории. Его председателем был избран Г. Перкин, президентом - А. Бриггс. Привлечение в актив общества видных историков и социологов способствовало тому, что это региональное объединение получило статус национальной исторической организации, ведущей исследования на междисциплинарной основе.

В конце 40-х гг., когда в Великобритании была учреждена Постоянная конференция по изучению локальной истории с центром в Лондоне, в Лестерском университете образовалось отделение английской локальной истории. Там впервые в стране было введено преподавание локальной истории как учебной дисциплины. При университете началось издание журнала "Local Historian". После открытия в 1964 г. в Лестере первой кафедры локальной истории эта исследовательская область стала постепенно включаться в структуру новой социальной истории. В 60-70-е гг. вокруг кафедры сформировался крупный научный центр. Ведущими исследователями в нем были либеральные историки У. Хоскинс, Г. Финберг, А. Эверитт.

В 60-80-е гг. в Лестерском университете оформилась такая область исследования как "городская" история. По мере становления новой социальной истории изменялось содержание исследовательских программ по истории города, которые осуществлялись на отделении экономической истории университета. Создание сотрудниками этого отделения в 1964 г. Общества городской истории во главе с Дж. Дайосом стимулировало выпуск периодического "Ежегодника городской истории".

Деятельность историков, занимавшихся разработкой новой социальной истории, координировали исторические общества и журналы. Наиболее авторитетное положение среди них заняло общество "Past and Present" и Общество изучения истории рабочего класса. Образованию общества "Past and Present" предшествовала многолетняя работа историков марксистского,

радикально-демократического и либерального направлений, объединившихся в 1952 г. для издания одноименного исторического журнала.

В 1959 г. на основе журнала было образовано историческое общество. Его главной задачей провозглашалось обсуждение фундаментальных проблем исторической науки, а также популяризация результатов конкретно-исторических исследований по социально-экономической и культурной тематике, организация публикаций этих материалов.

Центральное место в деятельности "Past and Present" заняла социальная история. На конференциях общества в 70-80-е гг. обсуждались такие темы, как "История, социология и социальная антропология", "Труд и досуг", "Социальная мобильность", "Наследование и семья", "Народная религия" и др. Историки разрабатывали социальные сюжеты революций XVII века, промышленной революции в Великобритании, рабочей истории и народной культуры XVIII-XIX вв. (семья, быт, социальная структура, материальное положение, поведение, сознание, социальный протест работников по найму). На конференциях и в журнальных дискуссиях неоднократно ставились вопросы о тенденциях и перспективах современной историографии, рассматривались ее теоретико-методологические аспекты.

На новую социальную историю в Великобритании оказала заметное воздействие работа Общества изучения истории рабочего класса, созданного в Шеффилде в 1960 г. С 1962 г. началось издание Бюллетеня общества и журналов по "рабочей" истории. Возникновение этой организации объяснялось неудовлетворенностью части британских историков состоянием "рабочей" историографии. До середины XX в. она ограничивалась в основном изучением истории лейбористской партии и профсоюзов, исследованием институциональных и политических сторон рабочего движения. Социальные процессы внутри рабочего класса, особенности культурной жизни отдельных его групп долгое время

оставались вне сферы внимания историков.

Члены общества значительно расширили рамки "рабочей" истории. Объектом их исследований стали проблемы зарождения и формирования рабочего класса, особенности его материального положения и форм протеста, внутриклассовые и межгрупповые отношения, быт и культура рабочих. На конференциях общества обсуждались такие проблемы, как История рабочей семьи", "Влияние миграции рабочей силы", "Ранний этап британского тред-юнионизма", "Религия и народ", "Рабочая история в музеях", и др. В 80-е гг. тематика обогатилась за счет включения в сферу внимания вопросов, касавшихся положения и социальной активности других групп работников по найму.

Во второй половине 70-х гг. в новой социальной истории обозначились кризисные явления. К тому времени в ее составе оформились многие "истории" (новая "рабочая" история, "городская" история, "история снизу", народная культура, "семейная" история и пр.), на которые распространялись подходы и язык объяснения, свойственные этой суб-дисциплине "новой исторической науки".

Новое направление поиску придало введение в 70-е гг. в социальную историю подходов из культурной антропологии, психологии, социо- и психолингвистики. В итоге внимание историков стало смещаться от изучения социального поведения, активности человека в группе и коллективных представлений к исследованию индивидуального сознания, поведения и его мотивации. Задача конструирования культурного мира человека актуализировала исследовательские возможности микроанализа человеческого бытия, воссоздания тотальной истории средствами локальной истории и микроистории.

Социальные историки, создавшие эту суб-дисциплину, первыми стали сознавать пределы ее открытости. Их беспокойство выражалась в том, что процесс фрагментации суб-дисциплины и ее "расползание" становились все менее контролируемыми

академическим сообществом. В то же время базовая категория социального в исследованиях многих социальных историков приобретала "культурное измерение": анализ социальных структур, процессов, действий смещался в область "образа жизни", "ментальности", "культурных значений". Эти тенденции в социальной истории выражали общее состояние британской "новой" историографии второй половины 70-х - 80-х гг., которое можно определить как кризис сциентистски-ориентированного социального историзма.

Разрастание новой социальной истории вширь обусловило размывание традиционно понимаемой "социальности" и переосмысление приоритетов в рамках изучения истории человеческого опыта (практики, деятельности). В процессе внутренних преобразований содержания социальной истории возникла мутация - "социокультурная история" или "новая культурная история".

Культурная история. В последней четверти XX в. новая культурная история стала доказывать свою самостоятельность и выступать в виде автономной суб-дисциплины профессионального исторического знания. Постепенно складывалась ее предметная область, в которую входило целостное исследование социокультурных форм, процессов и коммуникаций, культурных значений, коллективных представлений и символов, различных стилей мышления в историческом прошлом.

В Великобритании новая культурная история создавалась в основном либеральными и марксистскими историками, такими как А. Бриггз, П. Берк, А. Макферлейн, К. Томас, Э. Томпсон, Р. Сэмюэл и др. В своих работах по проблемам истории народной культуры, истории чтения и письма, истории коллективных представлений, индивидуального восприятия мира и пр. они открыли новые проблемные поля и обновили инструментарий и язык исторических исследований¹.

¹ См. подробнее: New Perspectives on Historical Writing // Ed. P. Burke. Oxford, 1995.

Значительная роль в формировании новой культурной истории принадлежала историкам-женщинам, участницам феминистского движения. В многочисленных конкретно-исторических исследованиях 70-80-х гг. по проблемам народной культуры, коллективных представлений и общественных движений нового и новейшего времени феминистки разрабатывали "женскую" и, позже, "гендерную" тематику, которая заметно изменяла предметную область не только социальной истории, но и историографии в целом. Тому же способствовало их участие в дискуссиях в научных журналах на темы: "Психоанализ и история", "Язык и история", "Феминизм и женская история" и пр. В 60-е - начале 70-х гг. труды историков-феминисток, посвященные положению женщины в истории общества и государства, еще вполне укладывались в профессиональную норму исторического нарратива. В конце 70-х - 90-е гг. существенно изменилась стилистика мышления феминистских историков, расширились их представления о возможностях написания "постновой" истории женщин и гендерной истории. Усвоение многими из них новейших исследовательских подходов обусловило вхождение феминисток в новую культурную историю.

Институционально новая культурная история выражала себя менее определенно, чем другие суб-дисциплины. В основном ее изучение и преподавание осуществлялось в рамках тех департаментов, факультетов и центров университетов и институтов, которые обеспечивали базу новой социальной истории. Заметнее были изменения в проблематике ведущих британских профессиональных журналов. Так, в 80-90-е гг. произошел "культурно-исторический" сдвиг в тематике и лексиконе журналов "Past and Present", "History Workshop Journal", "Social History", "History Today" и др. Новые культурные историки активно заявляли о себе на научных конференциях и симпозиумах 80-90-х гг.

В процессе становления новая культурная история усваивала подходы из со-

циальной и культурной антропологии, исторической психологии, психоанализа, социолингвистики, семиотики, информатики. Исследователи, работавшие в этой области, назвали общий подход к изучению прошлого "культурным" и междисциплинарным. Новая культурная история открыто выказывала свою приверженность методологической и концептуальной эклектике. В нее активно вводились новые понятия и переименовывались понятия, которые она заимствовала из других дисциплин.

История представлялась культурными историками как нелинейный процесс. Тем самым они стремились к преодолению сциентизма, телеологии и экономического детерминизма. Вместе с тем, в этой суб-дисциплине оставался приоритетным постулат объективистской историографии - изучать историю такой, какой она была, хотя эта мысль выражалась в обновленном виде как "диалог историка с источником". Новая культурная история оставалась социальной: в содержании ее базовой категории "общество" была запечатлена идея целого, доминировавшая над принципом стратификации.

Вместе с тем, в структуру новой культурной истории вполне укладывались и такие области как новая локальная история и микроистория. Микроисторию 80-90-х гг. определяло стремление исследователей изучать уникальное, отдельное, выделяющееся из общего. В конечном счете, это намерение сопрягалось с желанием достигнуть целостности, нового исторического синтеза: через постижение малого, единичного обрести полноту исторической реальности. Описание отдельного средствами аналитической историографии содержало холизм, но выраженный другими средствами, через признание фрагментарности и многообразия единства. Британские "культурные" историки открыли новые "измерения" традиционных тем и ввели новую проблематику. Обращение в 60-е гг. к изучению быта, поведения и умонастроений "простых людей" в прошлом проблематизировало при-

вычные методики работы с историческими свидетельствами и стимулировало постановку принципиально новых вопросов к ним. В итоге, существенные перемены произошли в одной из самых перспективных областей новой социальной истории - "истории снизу". Включение в инструментарий опыта интерпретативной антропологии К. Гирца позволило историкам 70-80-х гг. перевести проблематику "истории снизу" из социальной плоскости в социокультурную, акцентировать внимание на аспектах обыденного мышления, бытового поведения массы людей, слабо подававшихся социальному структурированию в процессе исторического исследования.

Народная культура определялась как "неофициальная культура, культура не элиты". Традиционный подход, даже в тех редких случаях, когда обращалось внимание на народную культуру, имел тенденцию рассматривать ее сверху и, в основном, как продукт вульгаризации идей элиты. В 70-80-е гг. изучение народной культуры уже включало в себя не только историко-бытовые ее аспекты, но, главным образом, предполагало социокультурный анализ содержания внутри- и межгрупповых отношений, нормативного и ненормативного поведения индивидов в семье и локальном сообществе, труда и досуга, морали и преступлений в британской истории XVI-XIX вв.

Несколько по-иному входили в новую культурную историю "женская" и гендерная области историографии. Первые исследования по "женской" проблематике, содержали в себе сильный феминистский заряд, в соответствии, с которым историки делали упор на констатации неравноправного положения женщин в семье и на производстве (в британской истории нового времени), описании различных форм сопротивления угнетению и дискриминации. Позднее, примерно с середины 70-х гг., тон и стиль исторических работ изменились, поскольку основное внимание женщины-историки стали уделять изучению "женского" образа жизни, "женского" восприятия мира, "женских" ценностей и сте-

реотипов. В 80-90-е гг. они актуализировали в историографии категорию "гендер".

Перенесенное из социологии в новую социальную и новую культурную историю, это слово приобрело функцию важного концепта, позволявшего изучать не только особенности социальных ролей мужчин и женщин в истории общества, но и, главное, - био-социокультурную взаимозависимость полов и их культурные взаимосвязи в историческом контексте. Идея о культурном конструировании "женщины" и "мужчины", "женственности" и "мужественности", ставшая лейтмотивом гендерных исследований, придала "женским" исследованиям новый характер, так как основное внимание историков сосредоточилось на изучении процесса порождения культурных значений и их закреплении в общественной жизни.

Одной из приоритетных областей новой культурной истории стала история ментальности. Следует отметить, что слово "ментальность" входило в британскую историографию с трудом. Тем не менее, в 70-80-е гг. оно стало употребляться социальными и "культурными" историками при изучении коллективных представлений, верований, стереотипов сознания в историческом прошлом. Разработка историками проблематики "ментальной" истории средних веков и нового времени (страх перед магией в период гонений на ведьм; особенности сознания крестьян, подвергавшихся "огораживаниям"; ментальные основания борьбы луддитов с машинами) способствовала расширению познавательного горизонта академического сообщества.

В британской историографии интеллектуальная история как история идей занимала периферийное положение. Практически единственной заметной новацией в интеллектуальной истории 60-90-х гг. стали исследования Дж. Покока, Дж. Дана и К. Скиннера по истории политической мысли в Великобритании нового времени. В них предлагался социолингвистический подход к изучению политической риторики с целью проследить ее воз-

действие на сознание и поведение отдельных общественных и политических группировок.

Между тем, новые культурные историки, широко толковавшие задачи и границы интеллектуальной истории, видели в ней историю сознания как такового, в том числе, историю невысказанных предположений, незаявленных верований и установок, скрытых мнений, чувств, состояний мышления, коллективных ментальных процессов. Аргументом в пользу такого подхода служил тот факт, что во французской историографии и историческом знании США интеллектуальная история претерпевала сходный процесс обновления. Основанием для него служило активное использование частью историков познавательных процедур, заимствованных из новой литературной критики, лингвистики, семиологии.

Разрастание и обогащение структуры исторического знания в Великобритании обусловило усложнение внутродисциплинарных отношений между отдельными его частями. Сложившиеся ко второй половине XX в. исторические суб-дисциплины - политическая, экономическая, социальная, культурная история - переживали в 60-90-е гг. состояние качественного переопределения; это состояние приобретало перманентный характер в связи с живостью восприятия академическим сообществом познавательных "поворотов" в социально-гуманитарном знании. В процессе такого переопределения в историографии возникли гибридные и смешанные предметные области, для которых не всегда и не сразу находилось название. Ведущие суб-дисциплины, остро ощущая их конкуренцию (в выборе подходов, языка, проблемных полей), вынуждены были, тем не менее, сосуществовать с ними в новом дисциплинарном конгломерате.

Теоретико-методологические основы британской историографии. В середине XX в. состояние британской историографии в значительной мере определялось действием факторов, внешних для исторического знания. Разрушительность и жес-

токость второй мировой войны, годы "холодной войны", возрастание угрозы применения ядерного оружия в первые послевоенные годы порождали пессимистические настроения в среде интеллектуалов. Многие из них ощущали острое чувство вины за происходившее в Европе и мире. Этот период отмечен усиленными этическими исканиями историков, их стремлением заново осмыслить прошлое и настоящее.

На рубеже 40-50-х гг. А. Тойнби завершил свой грандиозный труд "Постижение истории". Глобальные культурно-исторические построения А. Тойнби оказали огромное воздействие на направление историографического процесса в середине XX в. Работа "Постижение истории" высветила богатые возможности модификации ортодоксального позитивизма и его использования в новых условиях исторической науки.

В последних томах историк обратился к размышлениям о человеке во времени, о судьбах ушедших цивилизаций и опасностях, которые обнаружились в современной Западной цивилизации. В представлении Тойнби "ритмы социального распада и роста цивилизаций" согласовывались с "новой постановкой драмы Вызова-и-Ответа". Вызов человечеству со стороны Бога фокусировался, по мнению историка, в судьбе отдельного человека, в выборе им своего жизненного пути. "В этом мире вся духовная реальность, а значит, и все духовные ценности сосредоточены в людях, - писал Тойнби. - Поэтому социальное наследство, которое отчуждает души от Бога и ведет их к катастрофе через идолопоклонство самим себе, лишь в той мере законно и обладает подлинной ценностью, в какой оно посвящено добродетельной службе на благо краткой земной жизни человека". В конечном счете, критерий исторического прогресса выражается в "духовном непокое, который является внутренним стимулом новшеств, достижений".

Эти рассуждения А. Тойнби были созвучны умонастроениям части британских

гуманитариев, разделявших идею о том, что христианская вера способна дать человеку надежду на обновление цивилизации, оказавшейся в кризисе. Так, Г. Баттерфилд, в работах конца 40х - начала 50-х гг., ясно выразил существо христианского подхода к истории. Не принимая философию истории Тойнби, он, тем не менее, сформулировал близкие по смыслу представления об истории, которые строились на теологических основаниях. По убеждению Баттерфилда, вся история человечества определялась Божественным Провидением. Социальные катастрофы в прошлом и настоящее происходили из морального несовершенства людей и были проявлениями Божьего Суда. Понятия прогресса и порядка Баттерфилд считал спекулятивными конструкциями, порожденными рационалистической культурой XVII-XIX вв. Обращаясь к своим читателям, историк предупреждал о пагубности веры в "идею прогресса в истории", в особенности, если она не подкреплялась "доктриной личности".

Приверженность Г. Баттерфилда идее защиты индивидуализма от "коллективистских" и "холистических идеологий" вполне согласовывалась с его методологическим индивидуализмом. Историк признавал себя неотъемлемой частью английской традиционной историографии, которая тяготела к нарративной форме и открывала прошлое в его конкретности, особенности. Он подчеркивал значимость интуитивного, художественного способа постижения истории, важность творческого воображения для того, чтобы отобразить все то, что свободно и непредсказуемо в действиях индивидов. По его убеждению, понятия "закон" и "необходимость" не должны были употребляться в лексиконе профессионала-историка.

Подобно Баттерфилду, поборники индивидуализирующей историографии polemизировали с авторами философско-исторических работ (безотносительно идеалистического или материалистического толка), содержащих теоретические построения исторического процесса, абст-

ракции, генерализации. Их объединяла идея защиты "чистоты" истории от познавательного и идеологического релятивизма.

Однако в своей критике "генерализации" прошлого историка не были едины во взглядах на природу исторического факта, существо исторического объяснения, границ интерпретации, содержание понятий, употребляемых в историческом исследовании. Большая часть историков, разделявших индивидуализирующий подход, допускала право исследователя на интерпретацию, использование некоторых генерализаций при описании прошлого и ограниченное применение методов социальных наук (главным образом, при изучении экономической и социальной истории). Эта позиция в первые послевоенные годы обосновывалась в трудах видного британского мыслителя М. Оукшотта.

Еще в 30-е гг. М. Оукшотт сформулировал основы концепции, согласно которой детальное описание исторических событий представляло собой самодостаточную и единственно возможную форму исторического объяснения. Эта позиция была подтверждена им в работе "Активность историка" (1955). В ней характеризовались различные способы изучения историками прошлого: "практический" - поиск причин настоящего в прошлом, моральные суждения о ходе истории; "научный" - познание прошлого ради него самого; "созерцательный" - история рассматривалась как совокупность образов, служащих пониманию настоящего. Автор отдавал предпочтение иному подходу: "история" не осуждает и не оправдывает прошлое, она нейтральна. В истории как "мертвой реальности" нет смысла. Она никуда не ведет. Однако изучение истории из мира настоящего не освобождает профессионала от сбора исторических свидетельств и их интерпретации, от частичной реконструкции прошлого в соответствии с опытом своего времени.

Подобным же образом строились рассуждения К. Поппера, крупного европейского философа и историка науки, кото-

рый оказал огромное воздействие на послевоенную британскую историографию. В работе "Нищета историцизма" (1957) Поппер по существу поддержал мысль Оукшотта о том, что ход истории человечества невозможно предсказывать или конструировать в соответствии с умозрительными теориями закономерностей развития, как это стремились доказать сторонники холистического подхода к истории. Генерализирующий, "синтетический" метод, критически проанализированный автором, заключался в попытках реконструировать "весь процесс", "всю конкретную социальную действительность", что, с его точки зрения, было совершенно невозможно.

Идеологическая направленность книги Поппера выразилась в эпиграфе к ней: "Памяти бесчисленных жертв фашистской и коммунистической веры в Неумолимые Законы Исторической Судьбы". Эта вера в законы и была им названа "историцизмом". Поппер называл ложной идеей о том, что история человечества выглядит как мощный, многообразный поток развития и что общество, подобно некоему физическому телу, движется "как целое по определенному пути и в определенном направлении" в соответствии с законами социальной эволюции в духе О. Конта.

Стремление вывести идеи объективной закономерности, исторического прогресса за пределы исторического знания было свойственно и работам И. Берлина, признанного специалиста в области политической истории и истории идей. В трудах 40-50-х гг. - "Политические идеи в двадцатом столетии", "Историческая неизбежность", "История и теория" - он отстаивал индивидуализирующий подход, во многом опираясь на неокантианскую методологию истории. Автор отмечал, что существо исторического объяснения сродни художественному творчеству и что постижение прошлого средствами "понимания", "вживания" в него одновременно предполагает отбор исторических фактов и их истолкование. Для И. Берлина в равной степени не был приемлем ни материалистический, ни

идеалистический холизм, поиски любого рода законов в истории.

Среди авторов, которые последовательно отстаивали принципы "профессионального консервативного реализма" признанным авторитетом в 50-60-е гг. стал Дж. Элгон, специалист по ранней новой истории Англии. Особую известность ему снискала методологическая работа "Практика истории" (1967), в которой содержалось систематическое изложение индивидуализирующего подхода к изучению истории. В представлении автора профессионализм историка был сам по себе гарантией от неверного понимания источников. Задача историка состояла в том, чтобы найти, отыскать исторические факты, опираясь на исторические свидетельства, но при этом не забегать вперед, пытаться установить причины описываемого события и выводить из него следствие.

Подчеркнутая Элтоном "наивность" профессионала по поводу ранее происшедшего служила, по его мнению, основанием для написания объективного, эмпирического, "свободного от тезисов" и интерпретаций нарратива. Его уверенность в том, что настоящий историк в состоянии описать историческую реальность "такой, какой она была", сопровождалось критикой в адрес "нигилистической" марксистской историографии и концепции социалистического прогресса, базировавшихся на теории исторического прогресса. Как и Баттерфилд, Дж. Элтон стремился доказать порочность "навязывания" истории абстрактных понятий прогресса и необходимости.

В 50-60-е гг. заметно проявилась неудовлетворенность части историков теоретико-методологическим пуризмом традиционной индивидуализирующей историографии. Введение в практику гуманитарного знания междисциплинарности открыло границы его автономных областей, сделало их пронизываемыми.

Это содействовало внесению индивидуализирующими историками корректив в представления о содержании труда историка. Среди методологических работ того времени наибольшую известность приобрели

рели работы таких историков как Дж. Китсон Кларк, Х. Тревор-Роупер, А. Коббэн. Как и их предшественники, Нэмир, Раунд, Клэпем - историки, стремившиеся развенчать вигскую мифологизацию истории, - эти авторы придерживались принципа уникальности события, случившегося в прошлом.

Так, в книге "Критический историк" (1967), Дж. Китсон Кларк писал о том, что можно определенно говорить о некоей изменчивой "внутренней связи" в истории, но, тем не менее, каждая историческая ситуация неповторима в ее сложности. С определенными оговорками он допускал использование в историческом нарративе генерализаций, в особенности таких, которые формировались как концепты в умах участников исторических событий, а не "придумывались" историками.

Гораздо больше полемических замечаний в адрес социологизирующей историографии содержалось в работах Х. Тревор-Роупера и А. Коббэна. Для них введение глобальных обобщений и закономерностей в историографию граничило с "преступлением против истории" (выражение Коббэна) и означало посягательство на свободомыслие. Тем не менее, эти авторы не исключали творческое использование в экономической и социальной историографии новых концепций, разработанных социальными науками.

Об индивидуализирующей историографии середины XX в. можно говорить как о сложившемся течении, поборники которого самоидентифицировались на основе приверженности дисциплинарности, идиографизму, пуризму социальной функции (история "ради нее самой").

Этому течению неизменно противопоставляла себя генерализующая историография, которая в середине XX в. стала наиболее ярко выражать себя в облике "новой исторической науки". Она выросла из критики принципов традиционной (позитивистской, эмпирической, идиографической, интуитивистской) историографии. Критически оценивая старую "нарративистскую историографию", приверженцы "новой

исторической науки" полемизировали с теми историками, которые выступали против превращения истории в социальную науку, утверждали идею "автономии" истории и уникальности исторического метода.

Возможности обновления историографии связывались генерализующими историками с возрождением идеи прогресса, с оптимистической констатацией возможностей развития человеческого разума, научно-технического и хозяйственного роста, стабилизации экономических и социальных отношений. Новое обращение к идее прогресса основывалось на социологических теориях индустриального общества и модернизации.

Оптимистический настрой "новой" историографии выражался в появлении ряда работ, ставших своеобразными методологическими манифестами. К ним, в первую очередь, можно отнести лекции Э. Карра прочитанные студентам Кембриджа и опубликованные в 1962 г. под названием "Что такое история?". Сама постановка темы предполагала критический анализ подходов к изучению истории. Автор решительно высказывался против идеи "нейтральности" истории и господства принципов индивидуализирующей историографии.

По мнению Карра, невозможно было писать историю "такой, какой она была", поскольку нет истории без историка и исторического объяснения. В этом смысле всю историю можно назвать современной историей. Однако Э. Карр отмежевывался от возможных упреков в релятивизме и презентизме. Он полагал, что профессионализм историка в состоянии уберечь его от идеологизации прошлого. Значительная часть рассуждений Карра строилась вокруг проблем соотношения уникального и общего в истории, возможностей использования социально-научной теории.

Работа Э. Карра получила широкий отклик. Вслед за ней в 60-70-е г. появилось немало трудов, авторы которых излагали сходные идеи. Среди них были известные профессионалы, связавшие свои имена с

феноменом "новой исторической науки" - Дж. Барраклоу, А. Бриггс, К. Томас, Дж. Пламб, П. Берк. Так, в книге Дж. Пламба "Смерть прошлого" (1969), утверждалась мысль о необходимости разграничения трактовки прошлого как "идеологии", которая санкционировала настоящее и предсказывала будущее, и профессиональной деидеологизированной "критической истории", использующей теорию общественного прогресса и методы современных наук.

Взгляды социоисториков на возможности сотрудничества истории и социологии были систематизированы в книге П. Берка, известного в то время своими работами по европейской истории раннего нового времени. П. Берк признавал влияние неокантианцев и Р. Коллингвуда на послевоенную британскую историографию. Однако он считал, что историк вправе строить холистические, системные, структурные и другие концепции, равно как и использовать в своем лексиконе термины, запретные для традиционной индивидуализирующей историографии - "структура", "функция", "социальный класс", "социальный контроль", "менталитет" и пр. По мнению Берка, профессионалам не следовало игнорировать этот язык, поскольку он стал помощником историку в объяснении прошлого².

"Новая историческая наука" самоидентифицировалась в процессе поисков "новых путей" воссоздания целостной истории, достижения исторического синтеза. Актуализованное понятие "прогресс" сопрягалось с концептом "неогуманизма", повышенным вниманием к изучению личности в меняющемся мире. Стремясь к решению своих задач, "новая историческая наука" вбирала в себя методологию и технологические приемы исследовательской работы, применяемые в различных областях гуманитарно-социального знания. Отстаивая принцип междисциплинарности, "новая" историография предлагала изучать прошлое с помощью струк-

турно-функционального, социокультурного (антропологического, лингвистического), социально-психологического подходов. В истории "новой" историографии прослеживаются периоды, когда она испытывала определяющее влияние различных дисциплин: в 60-е гг. - социологии и исторической демографии, в 70-е гг. - социальной и культурной антропологии, а также психологии, позже, в 80-е - 90-е гг. - лингвистики и литературной критики.

"Новая история", при всем многообразии и противоречивости ее компонентов, характеризовалась известным единством. Тем не менее, ко второй половине 80-х гг. заметно усилились критические настроения по поводу ее возможностей. По убеждению некоторых ее адептов, это реформаторское течение все же не оправдало возлагавшихся на него надежд: "новая" историография оказалась не в состоянии преодолеть теоретико-методологическую и концептуальную разобщенность исторического знания. Подступы к "тотальной истории" были намечены лишь в локально-исторических исследованиях, в особенности при изучении сферы непосредственных личных связей (история семьи, приходской или деревенской общины). Однако проблема включения локально-исторических сюжетов в более широкий контекст и воссоздания социального целого оставалась неразрешенной.

На историческую профессию оказывало существенное воздействие соперничество ведущих идейно-политических направлений британской историографии. Авторитетные либеральные историки (Э. Карр, Дж. Пламб, Дж. Барраклоу, С. Поллард), извлекая уроки из консервативной критики вигской концепции истории, стремились принципиально переосмыслить эту концепцию в 40-60-е гг. и, тем самым, продлить ее жизнь в новых условиях. Опираясь на реформистские политические концепции, либеральная историография полемизировала с марксистами. В то же время в результате споров она нередко вводила в профессиональный оборот некоторые элементы марксистских

² Burke P. Sociology and History. L., 1980.

построений. В процессе дискуссий в историографии упрочилась тенденция к сближению леволиберального крыла с историками марксистской ориентации и левыми радикалами на основе общей приверженности "социально-научной" истории и генерализующему подходу.

Историки консервативного направления, принимавшие активное участие в идейной полемике, отдавали предпочтение индивидуализирующему подходу. В 70 - 80-е гг., используя разочарование части либеральных историков в возможностях соционормализма, консервативная историография заняла наступательные позиции. Ее поддержали некоторые представители умеренно-либерального крыла. Опасаясь процессов радикализации сознания в историческом сообществе, они предпочитали отказаться от экспериментов с социологизацией истории и вернуться в испытанное русло "чистой" истории. Охранительная идея, обуславливая этот консенсус, проводилась под флагом восстановления академизма истории. Постепенно изменялся и язык их исторических трудов. Вместо широко употреблявшихся понятий "революция" и "социальный конфликт" на первый план выдвинулись "преемственность" и "стабильность".

На рубеже 70 - 80-х гг. произошло сближение идейно-политических позиций умеренно-либеральных и консервативных историков. Некоторые историки консервативного направления учитывали новые подходы, отдавая дань междисциплинарным исследованиям, но в большинстве своем они оставались приверженцами индивидуализирующего подхода к изучению прошлого.

В начале 80-х гг. они выступили под флагом обновления политической истории, намереваясь потеснить позиции социальных и экономических историков, создавших "новую историческую науку". Это стремление консервативные историки, в частности, Дж. Элтон, П. Кларк, Дж. Тернер, аргументировали необходимостью преодолеть тяготение "новой" историографии к "абстрактным структурам и си-

лам" и таким образом предотвратить "сползание" британской историографии к марксизму. Разработка историками-консерваторами концепции национальной истории соответствовала декларируемой в то время активистами британской консервативной партии идее создания "новой патриотической истории". Предложения консервативных историков возродить традиции событийной истории были положительно восприняты некоторыми "новыми" историками той же идейной ориентации. Идея восстановления академизма и "чистоты" истории была поддержана также умеренными либеральными историками.

Известное тяготение историков, представлявших разные идейно-политические направления, к консенсусу положительно сказалось и на позиции, которую занимали историки марксистской ориентации. Адаптация к общим установкам и тенденциям британской историографии 60-70-х гг. позволила и им оказывать заметное воздействие на направления научных исследований. Сохраняя приверженность генерализирующей историографии, материалистическому подходу к истории и идее исторического синтеза, историки марксистского направления существенно скорректировали свои представления об истории как о науке и о критерии общественного прогресса. Концепту "прогресс" придавалась морально-нравственная окраска, поскольку на первый план в историческом процессе выдвигались не безличные экономические силы, а человек со свободой воли.

В 70-80-е гг. внутри социально - и идейно-разнородного объединения историков (под общим самоназванием "новая" историография и с общим кредо междисциплинарности и научности) обозначилась тенденция к сближению леволиберального крыла с радикально-демократическим направлением. Это выразилось в формировании широкого и пестрого демократического течения, представители которого выступали с позиций социального критизма. Не воспринимая теорию марксизма в целом, многие из них использовали (бо-

лее или менее последовательно) в историографической практике элементы марксистской методологии, учитывали вклад историков марксистской ориентации в историческую профессию и выражали готовность к организационному сотрудничеству с ними.

В 80-90-е гг. в британском историческом сообществе заметно изменилось отношение к идейно-политической самоидентификации. В значительной степени сказывались перемены, происшедшие в составе этого сообщества: легитимация марксизма в профессии, принятие в ряды профессионалов историков-феминисток.

Другая причина снижения значимости "идейно-политического" компонента состояла в том, что в последней трети XX в. историография стала испытывать кризисные явления в связи со вхождением ее в "постмодернистское состояние".

Сдвиги в академическом сообществе историков во многом обуславливались начавшейся ломкой общенаучной и культурной парадигмы модернизма, которая в большой степени сохраняла в себе существенные черты эпохи Просвещения, объективистско-натуралистичных представлений о настоящем и прошлом, воздействием информационной и технической революций и формированием другого, постмодернистского состояния.

Оппозиция ценностям и установкам модернистской академической культуры, подготовленные неокантианством, феноменологией и философской герменевтикой уже в середине XX в. выражала себя, в частности, в актуализации проблемы множественности истолкования, интерпретации текста, постижения его интуитивно средствами индивидуального субъективного восприятия. Эта оппозиция усиливалась по мере формирования в 60 - 90-е гг. в гуманитарном знании (философия, антропология, история, психология, лингвистика, литературная критика) таких подходов как постструктурализм и деконструктивизм. Течение "постмодернизма" выражало социокультурную потребность преодоления власти модернистских норм

мышления, их закрытости, репрессивности устоявшихся культурных запретов и предписаний.

"Лингвистический поворот" в гуманитарном знании и укрепление в исследовательской практике гуманитариев позиций литературной теории содействовали распространению представлений о нарративе как интеллектуальной игре литературных тропов - метафоры, метонимии и пр. Язык, текст приобрели, таким образом, самостоятельное значение, выступая в культурном дискурсе как способ упорядочения бытия в соответствии с правилами, задаваемыми этим дискурсом. Такой подход обуславливал повышенный интерес постструктуралистов к культурному тексту как закодированной, образно или символически выраженной информации.

Эти новации оказали сильное воздействие на суждения историков о сущности и результатах исторического исследования. Новое представление о тексте и идея множественности его истолкования обусловили выдвигание на первый план вопроса о взаимоотношениях самого текста и способах его прочтения. Границы текста становились границами исторического мира. Тем самым в текстуально-ориентированной историографии стиралось понятие исторической реальности, основополагающее для новоевропейского исторического знания.

Вхождение постструктурализма (первоначально посредством трудов лингвистов-семиологов, литературных критиков и др.) в британскую историографию 70-х гг. поначалу не вызвало у историков особой тревоги. К началу 80-х гг. пришло осознание сущностной инаковости того, что называлось "новой философией истории"; тогда же возникла негативная реакция на постструктуралистские попытки реформировать историографию. Сообщество историков демонстрировало разные формы отношения к антиобъективистам: замалчивание, открытое резкое неприятие, попытки частичной адаптации методологических новшеств к "нормальной" парадигме.

В научной литературе и дискуссиях британские историки в большинстве своем стремились отстоять устои профессии. Критика антиобъективизма велась на основе разделяемого принципа - не допустить в профессиональное сообщество эпистемологический релятивизм, поскольку он способен разрушить академические основания исторического знания.

Политическая история добровольно взяла на себя функцию основного критика постструктурализма. Акцентирование политическими историками своей приверженности историографическому консерватизму придало политической историографии вид лидера движения за чистоту профессионального исторического сообщества. В 60-70-е гг. политические историки, представляли основную оппозицию методологическому соционисторизму, в 80-90-е гг. они сосредоточили внимание на критике анти-объективизма. Еще в 1983 г. в статье "Историки против истории" Дж. Элтон направлял острие полемики в адрес школы "Анналов", высказывая ее адептам упрек по поводу объективации генерализирующих структур и их абсолютизации во времени. В 1984 г. он подверг критике феминистскую историографию за уход от "реальной истории". Наконец, в его работах конца 80-х - начала 90-х гг. обнаружилось открытое неприятие постструктурализма и "новой интеллектуальной истории". В частности, историк писал, что теории М. Фуко, созданные на "мифологических основаниях", не могут использоваться в практике историка-профессионала. Поставив рассуждения М. Фуко в один ряд с построениями К. Маркса, Дж. Элтон упрекал обоих в приверженности тому, что "может быть названо только ложью". Резко критическую оценку историка получили труды Х. Уайта, для которого, по его мнению, было характерно "отсутствие уважения к прошлому"³. Споры политиче-

ской историографии с соционисторизмом, генерализирующей историографией, с социальной историей отодвинулись, в конечном счете, на второй план.

Воздействие так называемого эпистемологического релятивизма сильнее всего испытали на себе более подвижные структуры исторического знания - социальная и культурная история, где заметнее выражала себя громадная интеллектуальная потенция маргиналов академического сообщества - неомарксистов, левых радикалов, феминисток, которые ощущали себя не всегда уверенно в этом сообществе и были более открыты новым идеям. Неслучайно поэтому особую тревогу по поводу постструктурализма в академическое сообщество испытывали ученые, представлявшие новую социальную историю.

Желание британских социальных историков ответить на постмодернистский "вызов" стимулировало появление множества работ, в которых содержались разные, порой диаметрально противоположные суждения о сущности социальной истории, ее современном состоянии, перспективах. Примером полного неприятия постструктуралистских новаций может служить позиция известного историка А. Марвика. Для него работы постструктуралистов отождествлялись с непрофессионализмом, а также - с идеологическими разновидностями марксизма и левого радикализма. А. Марвик подчеркивал, что постструктуралисты посягнули на "святую святых" исторической профессии - историческую реальность и исторический источник. Сам он полагал, что историография была и останется дисциплиной, которая строится на "систематическом изучении исторических источников". Основопологающим принципом для работы историка была и останется "объективность"⁴.

// *Studies in Tudor and Stuart Politics and Government*. Cambridge, 1992, Vol. 4, p. 308-312.

⁴ *Marwick A. "A Fetishism of Documents"? The Saliency of Source-based History // Development in Modern Historiography / Ed. H. Kozicki. L., 1993, p. 107-138*

Иную позицию занимал другой авторитетный социальный историк - Г. Стедмен Джонс. В своих работах, посвященных истории чартизма и других массовых движений XIX в., он предпринял попытку использовать элементы постструктуралистской методологии с целью обновления содержания историографического лексикона. В центре его внимания оказалось такое базовое понятие социальной истории как "класс".

Историк признавал, что ранее он считал наиболее перспективным то представление о классе, которое было сформулировано Э. Томпсоном в начале 60-х гг. Социально-психологическая характеристика этого понятия выглядела новаторской по сравнению с традиционными определениями.

В дальнейшем Г. Стедмен Джонс стал обращать внимание на недостаточность универсалистского социально-исторического объяснения сознания и поведения британских рабочих времен промышленной революции. Тогда же он попытался по-новому интерпретировать исторические свидетельства с учетом процедур, которые входили в историографию в связи с "лингвистическим поворотом". В предисловии к сборнику "Языки класса", содержащем авторские работы 70-80-х гг., Стедмен Джонс описал свои размышления на эту тему и перемены в своем сознании как историка; итогом этих перемен стало представление понятия "класс" и других базовых понятий социальной истории в виде определенных дискурсов.

Позднее, в работах середины 90-х гг. он стал более пессимистично смотреть на возможности сущностного обновления профессиональной социальной и политической истории средствами, которые предлагались "лингвистическим поворотом". Историк отмечал, что самим постструктуралистам в их "дискурсивном подходе" к изучению истории тоже (как и модернистским историкам) не удалось выйти за пределы детерминистской и редуционистской версии прошлого. Он обращал внимание на то, что в академическом со-

обществе наметился "откат" назад; историки постарались приспособить, адаптировать к профессии только те элементы, которые не противоречили ее устоям. Новый "исторический поворот", отмеченный Стедменом Джонсом в историографии 90-х гг., строился на таком частичном "присвоении" постмодернизма и постструктурализма.

Эта тенденция получила распространение в британской историографии 90-х гг. Ее констатировали такие известные социальные и культурные историки как Л. Стоун и П. Берк⁵. Активное участие британских историков в теоретико-методологических дискуссиях 80-90-х гг. с поборниками новой эпистемологии сказывалось на результатах конкретных исторических исследований лишь опосредованно.

Вехи британской истории XVII-XX в. В процессе утверждения "новой исторической науки" ведущие позиции в ней заняла концепция непрерывной национальной истории. Формирование ее в середине XX в. определялось отходом исследователей от событийной истории (в которой внимание фокусировалось на крупных, ярких исторических фактах), - к истории без событий, в которой ничто не совершалось в отдельности. Усвоение "новыми" британскими историками опыта по созданию "серийной" истории французской школы "Анналов", повлекло за собой смену приоритетов в выборе проблемных полей в истории нового времени.

Не отрицая таких феноменов как Английская революция, перипетии политической борьбы в парламенте и в стране в XVIII в., промышленная революция, коллизии противоборства партий в XIX веке и пр., создатели "новой исторической науки" сосредоточились на более значимых,

⁵ *Stone L. History and Postmodernism // Past and Present, 1992, Vol. 135; Burke P. History and Social Theory. Cambridge, 1992; Idem. History of Events and the Revival of Narrative // New Perspectives on Historical Writing / ed. P. Burke. Oxford, 1995, p. 233-248.*

³ *Elton G. Return to Essentials: Some Reflections on the Present State of Historical Study. Cambridge, 1991; Idem. The New History Objectivity*

по их убеждению, областях, изучение которых позволяло понять природу преобразования доиндустриального британского общества в современное: демографическая история; структуры, институты и коммуникации, определявшие повседневное существование человека; основные циклы жизни обычных людей.

Характерной чертой "новой" истории стал интерес к исследованию социальных групп и слоев, отличавшихся друг от друга происхождением, образованием, статусом (аристократическая элита, джентри, торговцы, ремесленники, крестьяне). Это обусловило повышенное внимание историков к групповому поведению, движениям социальной протеста, народной культуре, содержанию массового сознания, религиозным верованиям, социальным настроениям "простых людей", способам их осознания себя в окружающем мире.

Процессы внутри социальных групп рассматривались, как правило, в контексте "долгого времени" и характеризовались как феномены, составлявшие суть изменений в обществе. Чаще всего историки изучали их отдельно от проблем религиозно-политической борьбы в XVII в. и парламентского противоборства партий в XVIII в. Поясняя замысел книги "Мир, который мы потеряли" (1966), П. Ласлетт отмечал, что "статическая" концепция "доиндустриального общества", разработанная Кембриджской группой по изучению истории народонаселения, содержала в себе продуманную оппозицию построениям историков, которые рассматривали события в Англии 40-50х годов XVII века как результат социального конфликта.

Стремление историков изучать "доиндустриальный" период как эпоху медленных перемен вело к поискам элементов ломки тех структур, которые внешне выглядели неподвижными, стабильными. Соответственно этому в "новой" историографии акцентировалось внимание на изучении многообразных компонентов, составлявших повседневную жизнь человека и его сознание (рождаемость, брачность, смертность, голод, болезни, эпидемии,

формы социальной мобильности). Эти темы разрабатывались с использованием количественных методов, методик исторической демографии, исторической географии, экономической истории, социальной антропологии, социальной психологии. Социально-исторические сюжеты XVI - XVIII вв. изучались "новыми" историками, как на макро - так и на микроуровнях.

Переосмысление возможностей исторической демографии и "развертывание" предмета этой вспомогательной дисциплины до демографической истории как важнейшей суб-дисциплины "новой" социальной истории выразилось в появлении пионерских исследований Е. Ригли, Я. Сатерленда, Д. Паллызера, Э. Эплби, К. Райтсона. В них рассматривались сложные связи между динамикой рождаемости, смертности, изменениями в структуре питания в неурожайные годы и социальным поведением групп людей в отдельных графствах, городах, приходах Англии с середины XVI до конца XVII века. Историки представляли общество XVI - XVIII вв. в виде конгломерата сообществ с региональными и локальными особенностями, участники которых, принадлежавшие к разным статус-группам, различались по языку, мышлению, стилю жизни. В работах подчеркивалось, что несмотря на преобладание локализма, характерной чертой общества раннего нового времени была социальная мобильность, которая придавала ему динамизм, способность к качественным изменениям.

Актуализируя проблему мобильности отдельных социальных групп в Англии времен Реформации и революции XVII века, историки отмечали богатые возможности нового прочтения массовых исторических свидетельств, которое позволяло обнаружить напряженность жизни локальных сообществ, внешне казавшихся застывшими, неподвижными. Эти темы стали предметом специальных исследований А. Эверитта, М. Спаффорд, Л. Стоуна, которые стимулировали разработку сюжетов, связанных с изменением статуса и

власти земельных и неземельных элит, с переменами в положении "обычных людей" внутри городских и сельских сообществ. Ряд авторов (П. Кларк, У. Джордан) обратился к изучению бродяжничества. Этот феномен стал представляться в историографии как специфическая форма социальной мобильности раннего нового времени, которая опосредованно воздействовала на содержание социальной политики.

Повышенное внимание историков к социально-историческим сюжетам на микроуровне во многом определялось тем, что в качестве центрального института "доиндустриального общества" и ядра локального общества для исследователей выступала семья и ее основные компоненты (мужчины, женщины, дети, пожилые люди). Важную роль в формировании этого проблемного поля сыграла работа Л. Стоуна "Семья, пол и брак в Англии в 1500-1800 годы" (1977). Опираясь на многочисленные (в том числе, впервые введенные в оборот) источники, историк представил "путь" английской семьи в виде истории ее качественного преобразования из института "открытого линейного" типа, отягощенного связями родства и привязанностью к локальному сообществу, к относительно замкнутой структуре "нуклеарного" типа, в котором преобладали внутрисемейные отношения, чувства, привычки, ритуалы. В 70-80-е гг. замтно возрос интерес историков к изучению истории массового сознания и народной культуры раннего нового времени. В исследованиях К. Томаса, А. Макфарлейна, П. Берка определились перспективные направления изучения народной культуры⁶. Используя при изучении фольклор-

ных и локально-исторических источников подходы социальной и культурной антропологии, они стремились передать сложный, противоречивый мир чувств, верований, образов, в котором пребывала громадная масса людей "доиндустриального общества".

Своеобразным манифестом новаторской исследовательской практики историков стала книга К. Томаса "Религия и упадок магии" (1971). Автор обратился к сфере, которая, в соответствии со сложившейся традицией, принадлежала этнографии и социальной антропологии. В работе давалось целостное представление о природе и специфике народных верований в условиях Реформации церкви. Описывая феномен ведовства и ведовских процессов в Англии XVI века, К. Томас вышел далеко за пределы конвенциональной проблематики истории тюдоровского периода.

"Новая" историография трактовала народную культуру расширительно, как культуру "не элиты", представлявшую собой систему понятий, ценностей, позиций, символов, разделяемых большинством общества. В трудах историков народная культура выражала себя в устной, визуальной, образно-символической, ритуальной формах, на которые оказывала воздействие интеллектуальная гегемония элитных социальных групп. Ей, как и всему "доиндустриальному обществу" в целом, был присущ локализм. Этот феномен обуславливал существование внутри народной культуры множества градаций соответственно социальному статусу, занятиям, образованности ее носителей.

Значительное влияние на содержание этой проблематики оказали труды историков марксистской ориентации, прежде всего Кр. Хилла и Э. Томпсона. Изучение проблем народной культуры соединялось, как правило, с исследованием особенностей "народной идеологии" XVI-XVII. Особое внимание авторы уделяли вопросам народной этики, морали, религии. Мир народной культуры тесно увязывался с массовыми социальными движениями

⁶ Thomas K. Man and the Natural World. L., 1983; Macfarlane A. Witchcraft in Tudor and Stuart England: a Regional and Comparative Study. L., 1970; Idem. The Origins of English Individualism. Oxford, 1978; Idem. The Culture of Capitalism. Oxford, 1987; Approaches to Popular Culture / Ed. C. Bigsby. L., 1975; Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. N. Y., 1978.

"доиндустриальной эпохи" и умонастроениями их участников.

Возобладавшая в историографии 60-70-х гг. тенденция к написанию "несобытийной" истории повлияла на интерпретацию и традиционной проблематики. Так, в этот период произошло существенное переосмысление содержания английской революции.

Английская революция XVII века и ее место в национальной истории. Следует отметить, что в тот период определяющие позиции в изучении революции принадлежали историкам либерального, радикально-демократического и марксистского направлений, которые выстраивали свои концепции в русле "новой" социальной истории. Со второй половины 70-х годов наметились признаки второго за послевоенный период оживления консервативного направления в британской историографии. В 80 - начале 90-х годов консервативные историки в рамках "новой" политической и локальной истории снова изменили ракурсы изучения событий в Англии середины XVII века, проблематизировав темы, казавшиеся основательно исследованными.

Различные по сути объяснения природы Английской революции сфокусировались в историографической полемике конца 40-х - начала 60-х годов - в "споре о джентри". В центре этой продолжительной дискуссии оказались противоположные тезисы радикального историка Р. Тоуни и его сторонников о "возвышении джентри" и консервативного историка Х. Тревор-Роупера об "упадке джентри" как факторе, изучение которого позволяло понять причины политического конфликта в середине XVII в.

Р. Тоуни объяснял происхождение Английской революции изменениями в материальном благосостоянии имущих социальных групп; эти изменения совершались со времен Реформации, когда церковные земли стали перемещаться сначала от короны к аристократии, а позже - от обедневшей знати к джентри. В то время как аристократия испытывала экономиче-

ский упадок и утрату политического влияния, джентри укрепляли свои позиции. Попытки монархии остановить этот процесс привели, в конечном счете, к конфликту в 1640 году, который перерос в революцию⁷.

В свою очередь Х. Тревор-Роупер в ряде трудов, которые вышли в первой половине 50-х годов, выступил с критикой концепции Тоуни и его приверженцев. Он подверг сомнению правильность статистических подсчетов Тоуни об экономическом упадке аристократии и обратил внимание на то, что рост влияния земельного среднего класса был связан главным образом с его активностью в сферах судопроизводства, торговли, промышленности. По мнению этого историка, "настоящие" джентри, мелкие землевладельцы страдали от прогрессирующей инфляции и находились в плачевном экономическом положении. Именно отчаяние, а не уверенность в себе, подтолкнуло их к участию в "Великом мятеже" и затем радикализировало его содержание⁸.

В "спор о джентри" оказались вовлечены представители всех направлений британской историографии. В ходе полемики выявились нетрадиционные подходы к изучению истории революции и всего XVII в., разнообразились методики анализа источников, изменился качественно и сам язык историографии.

Во второй половине XX в. процесс обновления историографии Английской революции совершался в значительной степени под влиянием идей школы "Анналов" и историографических новаций в США. Британскими историками были восприняты не только методологические процедуры и направления научного поис-

⁷ *Tawney R. The Rise of the Gentry, 1558-1640 // History and Society: Essays by R. H. Tawney / Ed. J. Winter. L., 1978, p. 85-119.*

⁸ *Trevor-Roper H. The Elizabethan Aristocracy: an Anatomy Reanatomised // The Economic History Review. 1951. 2nd ser. V. 3; Idem. The Gentry 1540-1640 // Publ. for the Economic Historical Society. L., 1951.*

ка, но и некоторые концепции. В их числе концепции П. Загорина, Д. Андердауна, К. Холмса и других современных американских историков, которые занимались разработкой социальных аспектов революции.

Так, П. Загорин еще в 50-е - начале 60-х годов сформулировал и обосновал идею о содержании конституционной и политической революции в Англии в 1640-1641 годы. В основе конфликта, по его мнению, лежали противоречия между представителями одного правящего класса. Внешне они выражались в противостоянии "двора" - короны и ее приверженцев и "страны" - ее противников. Этот конфликт перерос в противоборство "партии короля" и "партии парламента", в котором оппозиция проявила не только консервативности, но и революционные возможности своей религиозной и политической идеологии. Загориным отмечалось постепенное расширение масштабов революции в связи с переходом инициативы в руки общественных групп, которые прежде играли второстепенную роль, и их попыток свершения демократического переворота и разрушения сословно-иерархической социальной системы. В конечном счете, основным результатом революции стало формирование нового политического устройства страны во второй половине XVII в.

Сходная интерпретация была предложена в работах британского либерального историка Дж. Эйлмера. Детальный социологический анализ деятельности общественных группировок и отдельных участников революции дал ему возможность выявить политико-конституционные и религиозные расхождения в позициях сторон, а также обнаружить между ними различия социально-экономического порядка. Последние Дж. Эйлмер объяснял своеобразием экономических отношений и социальной структуры в разных районах Англии и особенностями размещения населения в восточных и юго-восточных "парла-

⁹ *Zagorin P. The Court and the Country. The Beginning of the English Revolution. L., 1969.*

ментских" графствах и центральных и северных "роялистских" графствах. На основании этого историк делал вывод о преобладании средних классов на стороне парламента, а аристократии и верхушки джентри - на стороне короля. Он отмечал качественные изменения, происшедшие за годы революции в системе землевладения и в общественно-политической сфере в пользу средних слоев. В частности, Эйлмер констатировал, что после "Великой революции" 40-50-х гг. XVII в. в Англии возникли условия, необходимые для предпринимательской деятельности. Это событие изменило сознание общества, предопределив в дальнейшем его неприятие гражданских войн¹⁰.

Важная роль в обновлении либеральной концепции Английской революции в духе новой социальной истории принадлежала Л. Стоуну, работы которого способствовали распространению в британской историографии методов экономической науки, социологии, социальной психологии, антропологии, политологии. Стоун интерпретировал революцию как борьбу сословий и внутрисословных групп ("правящих элит") по политико-конституционным, религиозным и другим вопросам. Предпосылки революции объяснялись историком, исходя из определения им политического режима Стюартов как кризисного. Этот кризис ("кризис аристократии"), по мнению Стоуна, выражался в неспособности системы приспособиться к экономическим и социальным переменам и в постепенном отходе от нечасти правящего класса. Историк признавал возможность такого социального размежевания "правящей элиты", которое предполагало обособление буржуазных джентри-предпринимателей и феодальных джентри-рантье. Л. Стоун высоко оценивал идейное воздействие революции на последующую историю страны.

¹⁰ *Aylmer G. The Struggle for the Constitution, 1603-1689. L., 1963; Idem. Rebellion or Revolution? Oxford - N. Y., 1986.*

Среди историков марксистской ориентации, занимавшихся изучением революции, ведущее положение принадлежало Кр. Хиллу. В 40-50-е гг. разделяя тезис Р. Тоуни, он был одним из наиболее активных участников дискуссии о джентри. В 60-80-е гг. предметом его исследования стали не столько экономические и социально-политические, сколько идейно-религиозные и идеологические предпосылки революции. Самостоятельное значение в трудах Хилла приобрело изучение динамики и географии радикальных течений в Английской революции. В работах "Пуританизм и революция" (1958) "Духовные истоки Английской революции" (1980), "Мир перевернутый вверх дном: радикальные идеи в период Английской революции" (1972) и других Кр. Хилл проводил мысль о потенциальных возможностях демократической плебейской революции в 40-50-е гг. XVII в., которым не было суждено реализоваться.

Исследуя социальный состав народных религиозных сект, неконформистских радикальных течений, особенности обыденного сознания их участников, историк стремился определить контуры народной культуры, которая противостояла культуре аристократии и буржуазии. В глубине этой "третьей", по выражению Хилла, культуры в годы революции вызревали социальные основы плебейского радикализма, отрицавшего иерархию традиционного общества и государственной церкви. По мнению историка, Английская революция XVII века завершилась победой собственников и утверждением их идеологии. Ее результатом стало "создание значительно более благоприятных условий для развития капитализма, чем тех, которые преобладали до 1640 года..."

Обращение к народной культуре времен революции было присуще и другим историкам марксистской ориентации. Один из старейших историков-профессионалов А. Мортон в книге "Мир рентеров" (1970) акцентировал внимание на идеологии народного сектантства как формы социального протеста, отметив,

таким образом, ее значимость для изучения демократического течения в революции (в особенности политической деятельности левеллеров). Он же выдвинул предположение о взаимосвязи динамики радикальной религиозности с ходом социальной и политической революции и ее откатом назад.

Изучение проблематики Английской революции в 60-80-е гг. историки проводили как на уровне социальных групп и общностей, вовлеченных в революционный процесс в масштабах страны, так и на уровне локальной и региональной истории, когда объектом внимания становились отдельные аспекты экономической, социальной, интеллектуальной жизни разных слоев провинциального общества в графстве, городе, приходе и пр.

Включение локальной истории в русло новой социальной истории стимулировало новаторские разработки сюжетов предистории Английской революции. К работам такого рода можно отнести книгу либерального историка М. Джеймса, посвященную исследованию изменений в социальной и интеллектуальной жизни общества в графстве Дарем на протяжении XVI - первой половины XVII в. Придерживаясь принципа целостного подхода в изучении локальной истории, М. Джеймс попытался проследить содержание перемен в структурах местного общества - в семейных отношениях, обыденном сознании, религиозных представлениях, идеологии, культуре разных групп. Он определял их направление как переход от патриархально-авторитарного устройства к гражданскому обществу, как процесс формирования новых взглядов на власть, законность, социальные коммуникации¹¹.

Вехой в разработке проблематики народных движений и народной культуры стала книга Б. Мэннинга "Английский народ и Английская революция" (1976). Собрал и систематизировал огромный

¹¹ James M. Family, Lineage and Civil Society. A Study of Society? Politics and Mentality in the Durham Region, 1500-1640. Oxford, 1974.

фактический материал о народных движениях XVII века, историк попытался показать их самостоятельную роль в революции. Б. Мэннинг объяснял происхождение революции в Англии конфликтом между двумя сплоченными группировками: правящей элитой (аристократией, верхушкой джентри и купечества) и независимыми мелкими производителями - средними слоями города и деревни. Городская и сельская беднота, по мнению историка, представляла собой пассивную массу. Противоборство этих социальных групп по политическим, конституционным, религиозным вопросам выражало, по мнению автора, осознанные ими объективные противоречия, осложнявшиеся развитием капитализма. Несмотря на то, что концепция Мэннинга основывалась на схематичном моделировании социальной структуры Англии первой половины XVII в., его исследование стимулировало интерес историков к углубленному изучению содержания народных выступлений накануне и в ходе Английской революции.

В 80-е гг. новую разработку в трудах по локально-исторической проблематике получили вопросы соотношения политических коллизий в провинциальном обществе и борьбы, которая происходила в годы революции на национальном уровне. Оригинальная концепция этого взаимодействия была предложена радикально-демократическим историком Э. Хьюз в книге "Политика, общество и гражданская война в Уорикшире в 1620-1660 годах" (1987).

Изучая местные архивные источники, Э. Хьюз пришла к выводу о том, что политические, социальные, идейные разногласия воспроизводились не только на национальном, но и на региональном и локальном уровнях, то есть, общественные группы в провинции отчетливо подразделялись на роялистов и приверженцев политики парламента. Отмечая факт политизации провинциальной жизни и вовлечение в обсуждение конституционных и политических проблем представителей непривилегированных сословий, она обра-

тила внимание на то, что парламентская оппозиция в центре и на местах сумела гибко сочетать интересы локальных и национальных группировок. Парламент, по ее мнению, выступил выразителем новых тенденций, которые утверждались в английской административно-политической системе первой половины XVII в. и в сфере идеологии. Это и сыграло решающую роль в победе парламента над роялистами. Концепция Э. Хьюз сформировалась в полемике с консервативными историками, объяснявшими политический конфликт в Англии жестким противостоянием реакционной провинции новациям центральной власти Стюартов.

Следует отметить, что на протяжении всех послевоенных лет консервативная историография постоянно обращалась к рассмотрению вопросов политической и конституционной истории Англии XVII века. Активизация этих исследований совпала по времени с первой (конец 40-х - 50-е гг.) и второй (конец 60-х - 80-е гг.) консервативными волнами в историографии. В последней четверти XX в. проблематика истории революции стала вписываться консервативными историками в русло новой политической и новой социальной (локальной) истории.

В трудах известных историков Х. Тревор-Роупера, Дж. Элтона, К. Рассла, П. Кларка, Дж. Морилла, А. Эверита, П. Ласлета, Дж. Элиота революция в Англии изучалась в рамках концепции "всеобщего кризиса XVII в."¹². Она интерпретировалась как политический конфликт, запоздалый вариант реформационного движения, основу которого составили противоречия между "двором" - государственной властью, которой были свойственны усиление централизации, увеличение расходов на содержание бюрократии, революцион-

¹² The Origins of the English Civil War/ Ed. C. Russel. L. 1973; Elton G. Studies in Tudor and Government. In 2 vols. Cambr., 1974; Morrill J. The Revolt of the Provinces. L., 1976; Clark P. Society from the Reformation to the Revolution. Hassocks, 1977.

ные преобразования в сфере политики и религии, и "страной" -обществом, от имени которого стремился выступать консервативный парламент, противившийся переменам.

Историки постулировали случайный характер возникновения Гражданской войны, они стремились доказать, что этот конфликт не имел под собой социально-экономических оснований. Пересмотру подверглись и традиционные представления о месте парламента в английской политической системе. Полемицируя с телеологическими интерпретациями истории (под ними подразумевались вигско-либеральная и марксистская трактовки), консервативные историки отрицали наличие в Англии организованной, осознанной парламентской оппозиции и стремились доказать ограниченность ее влияния на общество, поскольку парламент, собиравшийся нерегулярно, не был для провинциального общества признанным национальным учреждением. Внутри самой парламентской оппозиции, рыхлой, противоречивой, происходили, по убеждению историков-консерваторов, постоянные столкновения интересов. "Двор" также не был монолитной силой, внутри его шла борьба придворных клик. Авторы утверждали, что конфликт парламента с монархией представлял собой форму борьбы различных группировок за власть.

Новые тенденции в британской историографии раннего нового времени обнаружили себя и в "географическом" расширении проблематики политической и социальной истории Британии XVII в. Прежде всего это сказалось на интенсивности разработки сюжетов, касающихся воздействия событий в Шотландии 1637-1651 гг. на Английскую революцию, и появлении исследований, в которых эти события определялись как Шотландская революция. Вплоть до второй половины XX века религиозно-политические события в Шотландии 30-40-х гг. XVII в. рассматривались британскими историками в русле унитаристской концепции - бегло, как фон или периферия процессов, происходивших

в Англии. В историографии изучалось главным образом вмешательство шотландских ковенантеров в ход Английской революции и кромвелевское завоевание Шотландии. Период 1637-1651 гг. шотландской истории определялся как политико-религиозный конфликт, центральным пунктом которого являлось противоборство королевской власти Стюартов с ковенантерами, олицетворявшими силы радикальной Реформации, пресвитерианской церкви. Независимо от того, назывались ли события в "отсталой" Шотландии "восстанием" против злоупотреблений Стюартов или "религиозной революцией", которую возглавляло консервативное пресвитерианское духовенство, стремившееся к утверждению теократии, их значение сводилось, как правило, к факту использования движения шотландских ковенантеров английским парламентом, который боролся против королевского "деспотизма". Между историей объединения Англии и Шотландии периода правления Кромвеля и англо-шотландской унией 1707 года обычно проводилась логическая связь, хотя в первом случае указывалось на принудительный характер союза, а во втором - на его добровольность.

В середине XX века в шотландской историографии наметился переход к углубленному изучению истории региона. Изучение событий 30-40-х годов XVII века в основном велось в рамках политической истории, хотя шотландские историки и обращали внимание на необходимость специального исследования социальных и экономических аспектов революции. Внимание историков сосредоточилось на изучении соотношения религиозно-политических и политико-конституционных компонентов в событиях 30-40-х годов XVII века и их последствий для истории Великобритании. В интерпретации, предложенной некоторыми либеральными историками, обнаруживалось сходство с традиционным консервативным подходом. Так, Кр. Смаут высоко оценивал деятельность короля Джеймса (Якова), который, по его мнению, добился

"процветания" Шотландии средствами установления "конституционного баланса". Историк связывал причины восстания 1637 года с недальновидной политикой Карла I, которая превратила "консервативный протест" верхушки общества в революционные действия против короля и укрепила в Шотландии позиции религиозных фанатиков. В интерпретации Смаута, события в Шотландии вылились в гражданскую войну, в которой участвовали политико-религиозные группировки знати и пресвитерианское духовенство, боровшиеся не только с королем, но и друг с другом. В конечном счете, по его убеждению, эта война не внесла позитивных перемен в жизнь общества. Ее следствием стали рост междоусобиц феодальных семейств, разорение экономики, голод, бедность, возвращение к "более старой" Шотландии. Реставрацию Стюартов историк определял, как возврат к утраченному было "балансу", восстановление политической стабильности и создание условий для начала модернизации шотландской экономики во второй половине XVII в.¹³

В 70-80-е гг. в работах леволиберальных историков - Д. Стивенсона, И. Коуэна, Уил. Маккея - была предпринята попытка показать социальные основания религиозно-политической борьбы в годы Шотландской революции. Авторы обратили внимание на социальный состав ковенантеров и стремились выявить мотивы участия определенных группировок в борьбе за власть. Наиболее заверченный вид концепция Шотландской революции обрела в трудах Д. Стивенсона¹⁴. Стремясь оспорить утверждения консервативных историков о реакционности и чисто религиозном характере событий 1637-1651 годов, Д. Стивенсон считал, что известное

отставание Шотландии от Англии в XVII веке не может служить решающим доводом для противопоставления истории двух стран. Он попытался показать, что движение ковенантеров имело светскую, социально-политическую природу и в значительной мере обуславливалось негативными для Шотландии последствиями унии 1603 года. Ассимиляторская политика Стюартов, по мнению историка, подтолкнула шотландцев к выступлению. Однако это восстание не ставило целью расторжение союза с Англией, а предполагало утвердить равноправные отношения стран в рамках унии и обеспечить особые интересы Шотландии. Автор отмечал, что ковенантеры выступали за "добровольный", "широкий", "федеральный и равноправный" союз с Англией.

Не принимая тезис о "гражданской войне" в Шотландии XVII века, Стивенсон определял эти события как "революцию". Историк отмечал разнообразие мотивов социальных групп, объединившихся против королевской политики, однако воздерживался от их экономической интерпретации, объясняя свою позицию сложностью изучения этого вопроса. Динамика шотландской революции выглядела как постепенный переход состояния "конституционного недовольства" в стадию политико-конституционной революции, которой сопутствовала религиозная революция.

В 60-70-е гг., в процессе формирования "новой исторической науки", изменились представления о содержании британской истории XVII -начала XIX вв., сложилась конвенциональная репрезентация этого периода как целостной эпохи качественных перемен. В соответствии с ней, в истории Великобритании совершалась медленная, но неуклонная эволюция и преобразование "бесклассового" или "одноклассового" общества, где абсолютное преобладание вертикальных связей иерархии и патронажа обеспечивало относительную социальную стабильность, - в "многоклассовое", поляризованное общество, в котором доминировали горизонтальные связи.

¹³ *Smout Chr. The History of the Scottish People, 1560-1830. L., 1972.*

¹⁴ *Stevenson D. The Scottish Revolution 1637-1644. The Triumph of the Covenanters. Newton Abbot, 1973; Idem. Revolution and Counter Revolution. Revolution in Scotland. 1644-1651. Edinburgh. 1977.*

Проблемы истории промышленной революции и складывания индустриального общества в Великобритании. В 50-60-е гг., когда широкое распространение получили теории модернизации и экономического роста, оптимистическая трактовка промышленной революции была подтверждена работами либеральных историков, которые создавали новую экономическую историю (У. Ростоу, М. Флинн, П. Матиас). Ход промышленной революции оценивался ими как позитивный пример устойчивого роста экономики страны, следствием которого стало преодоление бедности и сокращение социального неравенства.

По мере оформления новой социальной истории, в ней стали разрабатываться темы, связанные с общей проблематикой промышленной революции. В числе основных задач оказалось изучение причин быстрого экономического роста страны в первой половине XIX в. ("Почему Великобритания была первой?") и масштабов социальных и интеллектуальных перемен в британском государстве и обществе. В работах либеральных историков (А. Бриггс, Г. Перкин, Р. Хартвелл), этот период характеризовался коренными изменениями в общественной структуре и институтах, государстве, образе жизни, мышлении социальных слоев и групп. Сама же Великобритания в соответствии с этой интерпретацией выглядела как пример демократизации общества, происшедшей в результате промышленной революции, образец для развивающихся стран.

В конце 50-х - 60-е гг. возродился спор (начало которого относится к рубежу XIX-XX вв.) о социальных последствиях индустриализации. Он велся между "оптимистами" - либеральными историками и "пессимистами" - историками радикально-демократического и марксистского направления о жизненном уровне трудящихся в период промышленной революции. Развивая "оптимистическую" концепцию, либеральные историки стремились доказать, что промышленная революция, в ко-

нечном счете, привела к улучшению жизни и быта работников по найму и обусловила принципиальное изменение их поведения - от слепого бунта к консенсусу с правящими классами (Р. Хартвелл, Т. Эштон, Г. Перкин, М. Томис, Дж. Тейлор). Бедствия фабричных рабочих и разорявшихся ремесленников они называли временными социальными издержками ранней стадии промышленного капитализма. В ряде работ, посвященных влиянию промышленной революции на рабочих в первой половине XIX века, М. Томис отмечал, что выгоды, которые они получили на фабричном производстве, превосходили чувство недовольства по поводу утраты бывшего статуса.

Основной вывод большинства историков сводился к тому, что в процессе промышленной революции в Великобритании сложилось "динамично стабильное общество". Либеральным историкам принадлежал приоритет в изучении вклада британской земельной аристократии и средней сельской буржуазии в формирование индустриального общества. В особенности исследователи отмечали качественные структурные изменения, которые происходили на протяжении XIX в. внутри городского среднего класса. По убеждению историков, именно средний класс, - его экономические позиции, социальные характеристики, ценностные ориентации, - определял облик викторианского общества в целом.

Историки марксистской ориентации придерживались "пессимистической" трактовки социальных последствий промышленной революции, находя поддержку у леволиберальных и радикальных авторов в общей негативной оценке "качества жизни" фабричных рабочих и разорявшихся ремесленников в Великобритании XIX в. (Э. Хобсбоум, Э. Томпсон, Дж. Фостер). Констатируя ухудшение жизненного уровня работников по найму, исследователи стремились таким образом обосновать связь между социальной нуждой, нищетой и формированием классового сознания рабочих, их общественной ак-

тивностью, движениями протеста в годы промышленной революции.

Дискуссия обусловила детальную разработку социальных аспектов бедности и благосостояния в период становления индустриального общества в Великобритании. Последствия промышленной революции - условия труда и быта трудящихся, особенности их сознания, формы социального протеста рассматривались историками в 60-70-е гг. в тесной связи с ростом народонаселения, урбанизацией, миграционными процессами и другими демографическими изменениями, которые совершались в ходе индустриализации страны. Разработка в историографии проблем взаимозависимости экономического роста, повышения рождаемости, снижения уровня смертности, улучшения структуры питания и личного благосостояния заметно обогатила содержание демографической, социально ориентированной истории.

В процессе складывания новой социальной истории изменялось содержание "городской" и "аграрной" историографии. Исследователи стремились к преодолению традиционной описательности, активно использовали количественные методы, статистический анализ, междисциплинарные подходы к разработке тем городской и сельской жизни Великобритании. Проблематика урбанизации и ее социально-культурных последствий, содержания аграрной революции и ее воздействия на судьбы людей рассматривалась историками главным образом в локально-историческом контексте.

Предметом исследований стала история вовлечения новых групп трудящихся в машинное производство, изменений в их повседневной жизни, психологии, культуре, влияние этих слоев на фабричный рабочий класс в целом. Особое место в историографии заняла история адаптации так называемых маргинальных слоев - женщин и низших категорий среднего класса - к социальному порядку и ценностям формировавшегося индустриального общества. Социальные историки стреми-

лись представить перемены в состоянии этих групп, их самосознании и поведении, используя подходы, которые применялись при изучении "истории снизу", истории повседневности, гендерной истории.

С таких же позиций исследовались проблемы поведения толпы, массовые стихийные выступления низов города и деревни в конце XVIII - первой половине XIX века. Новое звучание в историографии промышленной революции приобрели работы по истории преступности. Историки леволиберальной и марксистской ориентации рассматривали феномен преступности как прямое следствие изменившегося материального положения работников по найму, распространения бедности и пауперизма. Ко второй половине 70-х гг. "оптимистическая" трактовка промышленной революции, возобладавшая на время в британской новой экономической и социальной истории, была серьезно потеснена появлением других концепций. Снижение общественного доверия в Великобритании к упрощенной модели экономического роста, укрепление в экономической и социальной историографии локально-исторических исследований содействовали тому, что историки стали существенно корректировать динамику промышленной революции. Было актуализировано изучение различных сроков и пределов экономических и социальных сдвигов, которые происходили в отдельных регионах, графствах, городах страны в период промышленной революции.

В работах историков заметно усилились идеи о континуитете, постепенном вращении старых социальных структур в новые и незавершенности социальных преобразований в Великобритании XIX в. В рамках концепции непрерывной национальной истории промышленная революция представлялась как часть длительного эволюционного процесса.

Существенно изменялась хронология промышленной революции. Ее ранний период постепенно сдвигался в историографии к началу XVIII в. Историки (в основном, либеральной ориентации) стре-

милось найти подтверждение версии о том, что уже тогда в Англии происходило формирование среднего класса, связанного с экономической модернизацией. Окончание промышленной революции историки все чаще относили не к 60-70-м гг. XIX в., а к началу XX столетия. Рубеж XIX - XX вв. выглядел в работах социальных и экономических историков как завершающая фаза промышленной революции, которая кардинально изменила классовую структуру государства и создала основы нового общества. Как полагал Г. Перкин, в викторианской Британии в итоге сложилось "жизнеспособное классовое общество", в котором любой конфликт (включая промышленные забастовки) разрешался посредством переговоров, а не насилия. Отличительной чертой такого общества стало то, что каждый класс признавал право других классов на существование и внесение своей доли в национальный доход и политическую власть¹⁵.

Непрерывные споры в историографии о жизненном уровне трудящихся в период становления индустриального общества содействовали пересмотру прежних, зачастую упрощенных представлений о социально-классовой структуре британского общества того времени и, прежде всего, - о составе промышленного пролетариата (профессиональном, образовательном, национальном), его соотношении с другими слоями. С середины 70-х годов в "новой" историографии заметно повысилось внимание к исследованию динамики структуры рабочего класса в период промышленной революции.

Изучение "рабочей истории". Разочарование историков "левой" ориентации результатами движений социального протеста 60-х гг. и возрастание идейного влияния неоконсерватизма на британское общество в конце 70-х - 80-е гг. обусловили изменение направлений в изучении "рабочей" истории.

¹⁵ Perkin G. Social Change and the Novel, 1840-1940 // Perkin G. The Structured Crowd. Sussex, 1981, p. 86-91.

В 60-70-е гг., по мере того как "рабочая" история вовлекалась в орбиту новой социальной истории, в ней стали открываться перспективные неисследованные темы. Постановка и разработка их обуславливалась включением "рабочей" истории в проблематику "истории снизу" и истории повседневности. Значительное воздействие оказывали новаторские тенденции в "рабочей" истории США, ФРГ, Франции. Смещение исследовательского интереса от форм организованного рабочего движения и "политического активизма" к внутренней жизни рабочих, увлечение историков собственно "социальной", обыденной историей, изучение способов вхождения фабричных рабочих в "индустриальный порядок", умонастроений рабочих, не входивших в профсоюзы, усвоения ими культурных ценностей среднего класса, - такие явления характеризовали "новую рабочую" историю последней трети XX в.

Многочисленные конкретно-исторические исследования по этой проблематике, содержавшие скрупулезные описания разнообразного социально-культурного опыта работников по найму времен промышленной революции, внешне выглядели как выражение "нового антикварианизма" (подобная оценка нередко звучала в критических историографических обзорах 70-80-х гг.). Однако такое направление в "рабочей" истории позволяло преодолевать сложившуюся привычку к широким умозрительным обобщениям, в которых нивелировались асинхронность, социальная противоречивость и разнородность "мира труда" в Великобритании XVIII-XIX вв. Через изучение отдельных "сегментов", "прерывностей", локальных социальных практик, многообразных форм восприятия рабочими своего труда, отношений на производстве и в быту открывались возможности понимания специфики групповых и личностных идентификаций в рабочей среде. В конечном счете, такой подход давал основание социально-научной историографии по-новому реализовывать ее потребность в

достижении идеала "исторического синтеза".

В конце 80-х - 90-е гг. стала обнаруживать себя тенденция ревизии "новой рабочей" истории, которая совершалась с учетом некоторых познавательных процедур, свойственных постструктурализму, деконструктивизму, гендерным исследованиям. В историографии вновь зазвучала критика в адрес историков марксистского направления, которые представляли старшее поколение "рабочей" историографии. Концепции рабочего класса Э. Томпсона и Э. Хобсбоума, в свое время изменившие облик социальной истории, стали нередко рассматриваться как устаревшие, "универсалистские", "спрямляющие" конструируемую историческую реальность. Вместе с тем, несмотря на такую критику, качественное изменение подходов в британской "рабочей" историографии способствовало дальнейшему преодолению идейно-политических и методологических споров между историками "левой" и "правой" ориентации¹⁶.

Повышение интереса "новых" социальных историков к поведению отдельных категорий рабочего класса и взаимоотношениям различных слоев внутри рабочего движения в период утверждения индустриального общества в Великобритании обусловило и новое обращение к традиционным для британской историографии проблемам чартизма и тредюнионистского движения XIX - начала XX в. В "новой" социальной историографии 60-70-х гг. приоритетные позиции занимала интерпретация чартизма, кото-

¹⁶ См. например критику Э. Хобсбоума в: The Historical Meaning of Work / Ed. P. Joyce. Cambridge, 1987, p. 1-30, а также: Alexander S., Davin A., Hostettler E. Labouring Women: A Reply to Eric Hobsbawm // History Workshop Journal, 1979, Vol. 8, p. 174-181; критика историками-женщинами Э. Томпсона, Э. Хобсбоума, Б. Харрисона в: Rose S. Gender and Labour History. The Nineteenth-Century Legacy // International Review of Social History, 1993, Vol. 38. Supplement 1. The End of Labour History? / Ed. M. van der Linden. p. 145-162.

рую в большинстве своем разделяли историки либерального, леворадикального и марксистского направлений. Он трактовался как многоликое, многосоставное народное движение эпохи промышленной революции, основу которого образовывали разорявшиеся ремесленники и фабричные рабочие. Ментальные аспекты этого явления представлялись в виде противоречивого соединения элементов старого и нового в сознании участников движения. Значительное влияние на разработку проблематики чартизма оказывали установки политических историков либерального и консервативного направлений (работы Д. Джоунса, Н. Гэша, Н. Лонгмейта), в соответствии с которыми в идеологии чартизма отмечались, прежде всего, черты традиционализма, идейной эклектики, реформизма, зависимости от среднего класса¹⁷.

В исследованиях конца 70-80-х гг. на первый план выдвинулся анализ региональных и локальных различий в идеологии и организации рабочих: такие различия ставились в прямую зависимость от масштабов индустриализации и особенностей структур групп работников по найму. Самостоятельное значение приобрело изучение содержания чартистского движения, а также его отношений с движением буржуазного радикализма. В работах "новых" социальных историков (Г. Стедман Джонс, Д. Гудуэй, Д. Томпсон, Р. Физон, А. Кларк) вместе с распространением идеи о запоздалом утверждении индустриального общества в Великобритании упрочилась концепция чартизма, в которой подчеркивались присущие ему "уходящие формы", внутренняя противоречивость, сложность взаимоотношений "маргинальных групп" с высококвалифицированными рабочими, конфликтность интересов между представителями разных национально-

¹⁷ Jones D. Chartism and Chartists. L., 1975; Gash N. Aristocracy and People in Britain, 1815-1865. Cambridge, 1979; Longmate N. The Breadstealers: The Fight Against the Corn Laws, 1838-1846. L., 1981.

стей, профессий, локальных групп. И хотя авторы многих работ признавали значимость чартизма как важного периода в истории рабочего класса, однако итоги движения рассматривались как исход конфликта между средним классом, который установил свою "культурную гегемонию", и "традиционной культурой" рабочих. В соответствии с этой версией, верхушка рабочих, составившая основу тредюнионов, в конечном счете, восприняла социальные нормы и ценности среднего класса, а "маргинальные группы" на время выпали из рабочего движения. Таким образом, большинство квалифицированных рабочих во второй половине XIX - начале XX в. оказались поглощенными "коммерческим", "потребительски ориентированным" обществом Великобритании.

В центре внимания "новых" социальных историков в 60-80-е гг. оказались проблемы поведения промышленных рабочих в британском индустриальном обществе второй половины XIX в. Специальное изучение источников их социальной пассивности, тяготения верхушки квалифицированных рабочих к консенсусу со средним и высшим классами содействовало возрождению дискуссии о "рабочей аристократии", в которой приняли участие марксистские, радикально-демократические и либеральные историки. В этот период тематика "рабочей" истории викторианской Британии стала определяться новыми возможностями междисциплинарных подходов к проблеме формирования слоя высококвалифицированных рабочих и его ценностных ориентаций. Проблематика "рабочей аристократии" рассматривалась большинством историков в тесной взаимосвязи не только с экономическими, но и социально-культурными процессами в Великобритании середины XIX в. Представители демократического крыла "новой" историографии, отрицая жесткую обусловленность прослойки "рабочей аристократии" явлениями экономической жизни и "заданность" процесса ее возникновения как "агентуры" промышленной буржуазии,

объясняли поведение этого слоя преимущественно его новыми жизненными установками, особенностями самоидентификации, группового сознания, политической культуры (Дж. Кроссик, П. Джойс, Н. Керк, Р. Грей). Историки обращали внимание на то, что в британской истории конца XIX в. не обнаруживалась монолитность классового сознания и общность социального опыта промышленного пролетариата. Скорее наоборот, прослеживались тенденции автономизации сознания и поведения рабочих отдельных специальностей, с известной долей условности можно было говорить также о социальной противоположности работодателей и работников по найму.

В последней четверти XX в. в британской историографии промышленной революции и становления индустриального общества возобладали социально-культурный и социально-психологический подходы. Интересы историков сместились к изучению общественных отношений в непроизводительной сфере, истории потребления и досуга, культуры и ценностных ориентаций различных слоев общества, массового обыденного сознания (Р. Вэйли, Х. Каннингем, Р. Сторч, М. Винер). Принципиальное обновление в "новой" британской историографии семантики базовых слов, организующих историческое исследование (город, деревня, семья, общество, класс, рабочий, элита, профсоюз, партия, рынок, труд, работа, земля, фабрика, культура, грамотность, рост, изменение, континуитет, стабильность, порядок, беспорядок, революция, реформа, самосознание, самоидентификация и пр.), стимулировало рассмотрение объективных и субъективных аспектов прошлого в их культурно-исторической взаимозависимости и взаимообусловленности. Распространение в историографической практике подходов, которые зародились и первоначально были опробованы при изучении локальной истории, истории повседневности, женской и гендерной истории, обогащало процедуру исторического понимания публичных и частных явлений

при исследовании исторической реальности на макро - и микроуровнях.

Многих историков, принадлежавших к младшему поколению "новой исторической науки", уже не удовлетворяла реформа понятия "класс", произведенная Э. Томпсоном в начале 60-х гг., в соответствии с которой на первый план выдвигалось социально-психологическое обоснование этой общности, подчеркивалась роль культуры в конституировании классового сознания. Моделирование классового сознания "по Э. Томпсону" означало для критиков этой концепции воспроизведение упрощенной универсалистской версии классовобразования.

В ряде работ конца 80-90-х гг., в которых рассматривались проблемы социальной и политической жизни Великобритании георгианского периода (П. Джойс, П. Лэнгфорд, Р. Моррис, Д. Уэрмен, К. Уилсон, Д. Томпсон), отмечалась условность и относительность подразделения Э. Томпсоном британского общества XVIII в. на "патрициев" и "плебеев". В отличие от его построений историки создавали многомерную социально-культурную картину сосуществования взаимозависимых "сообществ", где заметное место принадлежало "людям средних рангов" (в том числе, средним земельным собственникам), занятым в торговле и выразившим свои локальные идентичности. Историки стремились доказать некорректность констатации в историографии прямой зависимости между "опытом" и "сознанием" (как предполагал Э. Томпсон), равно как и выведения феномена единого классового сознания непосредственно из социально-культурных установок, разделяемых той или иной общностью. Критический пафос историков был направлен против того, чтобы наделять "класс" чертами исключительности в социальной структуре нового времени и использовать это понятие идеологически при характеристике фабричных рабочих и предпринимателей. В работах особо подчеркивалось, что "класс", как и любая другая форма групповой идентичности, строится на "элементарном чувстве

принадлежности" и представляет собой "воображаемое сообщество"¹⁸.

Реформаторы новой социальной истории сосредоточили внимание на изучении роли политического языка в процессе групповой идентификации, формирования "сообществ" в период модернизации и индустриализации Великобритании. Исследование средств и способов конструирования "нарративов класса" в конце XVIII - XIX в. позволяло предполагать, что наибольшее распространение в то время имели "неклассовые" воззрения на социальный порядок; язык "радикального популизма" и обращения к "народу" от имени "народа" был наиболее понятен и воспринимался рабочими, тогда как для идентификации других групп общества использовались другие политические языки, содержавшие апелляцию к "респектабельности", "собственности", "характеру". Употреблявшееся в политическом лексиконе слово "класс" ("высший", "средний", "низший") имело до последней трети XIX в. другое культурное значение (род занятий, моральные черты), нежели то, которое позднее укоренилось в политической науке и историографии (идеологическое противостояние и политическая активность). Историки (В. Уэрмен, П. Джойс, Дж. Эпстейн) полагали, что сдвиг в содержании политической риторики не был напрямую обусловлен промышленной революцией, однако изменения, происхо-

¹⁸ Langford P. A Polite and Commercial People: England 1727-1783. Oxford, 1989; Morris R. Class, Sect and Party: the Making of the British Middle Class Leeds, 1820-1850. Manchester, 1990; Joyce P. Visions of the People: Industrial England and the Question of the Class, 1840-1914. Cambridge, 1991; Wahrman D. National Society, Communal Culture: an Argument about the Recent Historiography of Eighteenth-Century Britain // Social History. Vol. 17, 1992, p. 43-72; Wilson K. The Sense of the People: Politics, Culture and Empire in Eighteenth-Century England. Cambridge, 1995; Thompson J. After the Fall: Class and Political Language in Britain, 1780-1900 // The Historical Journal. 1996, Vol. 39, № 3, p. 787-794.

дившие в британском обществе в период индустриализации, побуждали политиков к поиску слов и дискурсов, которые бы выражали время перемен и новое качество жизни для разных людей. Таким образом, "политический язык" предстал в работах историков в качестве ключевого фактора формирования социального сознания общественных групп, в виде своеобразного конструктора идентичностей - "воображаемых сообществ"¹⁹.

В коллективных изданиях начала 90-х гг. и в ряде британских журналов активно обсуждались возможности и границы применения методологических новаций при историографическом изучении "класса" и "классового сознания". Дискуссии о судьбах социально-научной истории в условиях постмодернизма обнаружили устойчивость тенденции к пересмотру британской истории XVIII - начала XX в. с учетом "лингвистического поворота" и постструктуралистской исследовательской практики.

Проблемы внешнеполитической истории. В британской науке историография внешней политики традиционно остается отраслью политической истории. В настоящее время она не представляет собой монолитного целого, подразделяясь на собственно внешнеполитическую (международную) историю, которая изучается преимущественно в русле дипломатической истории и охватывает взаимоотношения Великобритании с европейскими странами, США, Японией; военную и стратегическую историю, включающую сюжеты военного, военно-морского, ядерного и прочих видов соперничества с другими странами и историю локальных и

мировых войн с участием Великобритании; имперскую историю и историю отношений Великобритании со странами Содружества наций, в которой исследуются проблемы британской колониальной политики и деколонизации; политическую биографию.

До середины 60-х годов XX в. историография истории Британской империи и Содружества существовала достаточно обособленно от внешнеполитической дипломатической и военной истории. В 70-80-е гг. произошло сближение внешнеполитической дипломатической истории Великобритании с историей международных отношений. Это способствовало дисциплинарному обогащению истории внешней политики за счет включения в нее проблем истории британского империализма, опыта Британского Содружества наций, упадка мирового могущества Великобритании и т.п. Значительно упрочились связи дипломатической истории с военной историей. Введение в 70-80-е гг. междисциплинарности в историографию внешней политики заметно изменило облик этой исследовательской области. Прежде она представляла собой насыщенный историческими фактами политический нарратив - последовательное описание событий внешнеполитической истории британского государства и деяний его наиболее видных политиков, дипломатов, полководцев и т. д. В настоящее время историография внешней политики стала более аналитичной. Тем не менее, из всех структурных частей, составляющих современную британскую историческую науку, она больше других сохранила в себе качества традиционной историографии.

Сейчас история внешней политики предстает в виде целостной картины, обусловленной особенностями положения Великобритании в системе международных отношений. Основное внимание уделяется изучению истории выдвижения страны в разряд великих держав в конце XVIII - первой половине XIX в. и формирования принципов ее европейской поли-

тики, поискам причин постепенной утраты монопольной позиции британского государства в мире в конце XIX - первой половине XX в., а также объяснению новой внешнеполитической реальности для Великобритании после второй мировой войны. Наиболее актуальным в политической историографии последних лет стало исследование соотношения имперских ценностей Великобритании с ее европейскими интересами в новое и новейшее время.

Британская внешняя политика раннего нового времени интерпретировалась в работах 60-80-х гг. как политика, обусловленная потребностями и "коммерческими интересами" государства, задачей обеспечения национальной безопасности. В итоге соперничество Британии с Нидерландами, Скандинавскими странами и в особенности с Францией представлялось необходимостью и даже средством самозащиты. Теми же прагматическими (экономическими, технологическими, оборонительными) причинами объяснялась и активизация британской колониальной экспансии во второй половине XVII-XVIII в. Апологетическая трактовка внешнеполитического курса преобладала и в работах, посвященных вопросам истории Великобритании конца XVIII - первой половины XIX в. Среди основных проблем, рассматриваемых в контексте дипломатической и имперской истории, - взаимоотношения с революционной и наполеоновской Францией и создание при деятельном участии Великобритании европейской "концертной" системы, а также начало преобразования "старой" колониальной империи в "новую" в связи с Американской революцией и промышленной революцией в Великобритании. Эти же сюжеты затрагивались в многочисленных трудах по военной и морской истории и в политических биографиях общественных и политических деятелей и военачальников той эпохи (Питт Младший, Пальмерстон, Каннинг, адмирал Нельсон и др.).

Большинство авторов либерального направления (Д. Хорн, К. Борн, М. Чемберлен и др.) исследовали внешнеполити-

ческую историю Великобритании с позиции европеизма. Исходной посылкой для них служила идея о том, что британское государство отнюдь не стремилось к величю и мировому первенству; все это пришло естественным путем - благодаря географическим особенностям страны (островному положению, нехватке природных ресурсов и необходимости развивать флот), высоким темпам индустриализации, раннему (по сравнению с другими странами) утверждению демократических политико-конституционных принципов. Внешняя и внутренняя политика британского государства, таким образом, обуславливали друг друга и тесно переплетались. Национальная безопасность и торговые интересы в Европе и в заморских территориях были основными мотивами в выработке долгосрочного внешнеполитического курса, которого придерживались британские кабинеты независимо от их партийной ориентации.

Либеральные историки последовательно проводили мысль о том, что Великобританию вполне устраивала идея "европейского концерта" и равенства положения с такими державами, как Франция, Австрия, Россия и Пруссия, во имя сохранения мира и безопасности на континенте. Британские политические деятели пришли к осуществлению этой идеи практическим путем в процессе наполеоновских войн, придерживаясь конкретной цели не допустить продолжения французской агрессии, которая подрывала европейскую стабильность. Сложившаяся на Венском конгрессе "концертная" система международных отношений неуклонно соблюдалась британским правительством, хотя представляла собой инструмент сохранения консервативного статус-кво. Этой практической цели служили временные союзы с различными европейскими странами (Испанией, Бельгией, Португалией и др.). Той же задачей руководствовалась Великобритания, вступая в Крымскую войну ("устранить русскую гегемонию в Черном мо-

¹⁹ Joyce P. *Visions of the People: Industrial England and the Question of the Class, 1840-1914*. Cambridge, 1991; Vernon J. *Politics and the People: a Study in English Political Culture, 1815-1867*. Cambridge, 1993; Epstein J. *Radical Expression: Political Language, Ritual, and Symbol in England, 1790-1850*. Oxford, 1994; Warhman D. *Imagining the Middle Class: the Political Representation of Class c. 1780-1840*. Cambridge, 1995.

ре") и занимаясь разрешением Восточного вопроса²⁰.

В работах консервативных историков (Дж. Джонс, И. Кристи) приводилось сходное объяснение причин возвышения Великобритании в XVIII - первой половине XIX в. Тем не менее, в отличие от либеральных авторов истории консервативного направления придерживались версии об изначально существовавшем первенстве Великобритании среди европейских стран, которое давало ей основание выступать организатором и гарантом мира в Европе. Британия сознательно стремилась стать первой державой мира. Это был шанс обезопасить себя от угрозы вторжения с континента, выжить в трудной, продолжительной борьбе с многочисленными соперниками. Определяющим в аргументации консервативных историков служил широко используемый в политической историографии "национальный интерес". В данном случае он подразумевал совокупность личных и групповых интересов (монарха, аристократии, торговых и промышленных кругов).

Разнообразной по проблематике и подходам выглядит историография внешней политики Великобритании второй половины XIX - начала XX в. Значительное место в ней занимают обобщающие труды по дипломатической и военной истории, работы о складывании новой системы международных отношений в условиях обострения соперничества между ведущими западными державами и роли Великобритании в ее формировании, а также труды непосредственно по предыстории и истории первой мировой войны.

Следуя историографической традиции, историки в работах 70-90-х гг. продолжали подчеркивать оборонительный характер внешнеполитических акций британского правительства. Так, К. Борн, С. Стейнер, Дж. Джолл, П. Кеннеди, К. Уил-

сон и другие известные историки консервативной и либеральной ориентации объясняли переход Великобритании от "блестящей изоляции" к блоковой политике в начале XX в. ее стремлением сохранить "баланс сил" в мире и в Европе, остановить территориальную экспансию Франции, России, Германии, чреватую мировой войной. Вместе с тем в работах явственно звучал упрек правительству, которое, помышляя о мире, позволило другим державам "втянуть" Великобританию в первую мировую войну. Авторы работ практически единодушны в объяснении этого факта. По их убеждению, осознание правительством начала упадка мировой мощи Британии породило необоснованный страх перед будущим и стремление одновременно защищать империю и сохранять равновесие европейских сил.

В историографии второй половины XX в. во многом по-новому освещены проблемы политики межвоенного периода 1918-1939 гг. и причины вступления Великобритании во вторую мировую войну. Эти работы различались подходами к изучению прошлого и методами исследования; тем не менее, их авторы неизменно находили смягчающие аргументы и в той или иной степени оправдывали внешнеполитический курс британского правительства и его имперскую политику.

В связи с открытием в конце 60-х годов документов государственного архивного фонда по предыстории второй мировой войны повысилось внимание к истории политики "умиротворения" и участию в ней Великобритании. Наряду с умеренно критической оценкой действий британского правительства, которая содержалась преимущественно в работах либеральных историков, укрепилась тенденция пересмотра предвоенного внешнеполитического курса. Инициатива пересмотра, исходящая от историков консервативного направления, получила в историографии условное название ревизионистского.

Базой для его формирования стали архивные документы 30-х годов. В них консервативные историки начали искать до-

полнительные аргументы (в противовес новым доводам либеральных критиков политики "умиротворения"), которые доказывали бы, как мало возможностей для маневра имело британское правительство во взаимоотношениях с фашистскими и милитаристскими государствами накануне второй мировой войны. Историки-ревизионисты (К. Робинс, М. Коулинг, Д. Томсон) стремились утвердить тезис о "вынужденности" подобной политики для Чемберлена, который добивался поддержания европейского мира и статус-кво в Европе, достаточно реалистически оценивая сложную обстановку в Европе. Политика "умиротворения", таким образом, выглядела в их интерпретации сугубо прагматической (тогда как либеральные историки нередко оценивали ее как результат внешнеполитических иллюзий, идеализма кабинета консерваторов).

"Ревизионистская" интерпретация предвоенной британской внешней политики стимулировала новые исследовательские направления в историографии последней трети XX в. Так, либеральные историки усилили внимание к разработке экономических основ политики "умиротворения" и ее военно-стратегических аспектов. В ряде работ (А. Милуорд, П. Кеннеди, Ф. Кохлэн, Р. Паркер, Дж. Педден) содержалась попытка дать более тщательное обоснование внешнеполитического курса британского правительства в 30-е гг., увязать принятие им ответственных решений в отношении Германии и стран Центральной и Восточной Европы с экономической нестабильностью внутри страны, нежеланием увеличивать и без того тяжелое бремя гонки вооружений, осложнявшее развитие экономики страны в предвоенные годы. Избегая открытого столкновения с Германией, стремясь оттянуть сроки военного конфликта, Великобритания, тем не менее, готовилась к войне. В конечном счете, не снимая с консервативного правительства ответственности за "умиротворение", авторы характеризовали этот курс как часть государственной "оборонительной" политики.

Зависимость историографических подходов и построений от политической конъюнктуры особенно четко прослеживалось в работах, посвященных послевоенной британской внешней политике. Это заметно в выборе проблематики исследований и в непосредственной связи аргументации авторов с содержанием общественно-политических дискуссий о месте Великобритании в современном мире и ее внешнеполитических ориентациях. Характерной чертой стали обобщающие работы, которые содержали не только анализ современного правительства, но и ретроспективный обзор ведущих направлений внешней политики британского государства новейшего времени. В отличие от литературы по более ранним периодам британской истории в таких исследованиях было выражено стремление авторов к воссозданию истории внешней политики как непрерывно развивающегося, синтетического (многофакторного) явления общественной жизни.

Огромный массив современной историографии образует научная литература по проблемам британского империализма и деколонизации: истории колониальной экспансии в XIX - начале XX в., организации административного управления колониями и доминионами и взаимоотношений британской метрополии с различными странами, входившими в состав империи. Рост интереса к этой тематике и новые ее интерпретации в большой степени обусловливались социально-политическими реалиями второй половины XX в. Историки переписывали всю историю британской империи заново, исходя из изменившегося положения Великобритании в мире. При этом существенно корректировалась аполитическая трактовка национальной истории.

В 60-80-е гг. решительному пересмотру подверглось содержание базового концепта "империализм", которое определяло направления исторических исследований по колониальной и имперской проблематике. В соответствии с традиционной

²⁰ Holbraad C. The Concert of Europe: A Study in German and British International Theory, 1815-1914. L., 1970; Conacher J. Britain and the Crimea, 1815-1856. L., 1987.

трактовкой империализм понимался в основном как торговая, территориальная и экономическая экспансия западных стран, обусловившая создание и расширение колониальных империй. Вся история Британской империи условно подразделялась на несколько периодов: 1) "первая" империя, которая основывалась на завоевании и колониальном управлении и прекратила свое существование в результате Американской революции; 2) "вторая" империя, державшаяся больше на свободной торговой экспансии в колониях, нежели на прямом административном управлении ими; 3) "новый империализм" последней трети XIX - начала XX в., который выражал себя главным образом в территориальной экспансии, вызванной избытком капиталов²¹.

Начало пересмотра этой историографической трактовки в 50-е - начале 60-х гг. заложили консервативные историки Р. Робинсон и Д. Галлахер. Основу их концепции составила идея о том, что империализм как таковой лишь отчасти был обусловлен внутриевропейскими экономическими и политическими факторами; значение этих факторов перекрывалось влиянием причин, которые возникли вне Европы и таили в себе угрозу ее имперским интересам. Историки по-иному, чем это представлялось ранее, интерпретировали захват и раздел Африки европейскими странами.

Согласно версии Робинсона и Галлахера, на протяжении XIX в. британская имперская политика сводилась к минимуму и выражала себя главным образом в "неформальном контроле" зависимых территорий. Он осуществлялся в основном силами местной администрации и белыми переселенцами. По их версии, содержание колонизации, носившей "естественный" характер, определялось не столько правительствами Великобритании, сколько прагматическими интересами местных элит и переселенцев. Переход к открытой

аннексии африканских стран в 80-90-е гг. XIX в. был обусловлен, по их мнению, не отказом Великобритании от испытанной политики, а опасностью, которая исходила от националистических движений в Египте и Южной Африке. Последние угрожали имперским интересам Великобритании (и других ведущих европейских стран) - безопасности ее торговых морских маршрутов в Индию и Австралию. Опасения британского правительства по поводу безопасности судоходства через Суэцкий канал привели к вынужденному захвату Египта Великобританией (викторианцы "продвигались в Африку не с целью построить новую африканскую империю, но для того, чтобы защитить старую империю в Индии"). Это, в свою очередь, спровоцировало активность Франции в Западной Африке (с целью не допустить возрастания британского влияния на африканском континенте) и так далее. В конечном счете, как полагали Робинсон и Галлахер, европейские державы боролись в Африке между собой, а отнюдь не за обладание Африкой. Когда же раздел был завершен, Великобритании не оставалось ничего другого, как взять новые территории под прямой контроль. Так возникла "формальная" Британская империя. Раздел был совершен во имя сохранения "старой" империи, а не создания "новой". В данном случае политические и дипломатические соображения европейских стран превалировали над экономическими соображениями. Экономическое освоение колоний возникло лишь вследствие раздела. Таким образом, "империализм не был причиной раздела. Он стал результатом"²².

Концепция Робинсона и Галлахера породила продолжительные дискуссии в британской историографии. Историки неоднократно критиковали этих авторов за недооценку экономических аспектов империалистической политики Великобритании. Тем не менее, рассуждения Робин-

сона и Галлахера о континуитете британской колониальной политики в новое время, "вынужденной" формализации имперской идеи под воздействием "периферийных" причин и стратегического фактора, тяжелом бремени колоний, осложнивших экономическую и политическую жизнь Великобритании на рубеже веков, вошли в актив современной историографии (Д. Платт, Ч. Элдридж, Б. Портер, Д. Филдхауз и многие другие)²³.

Введение в научный оборот новых архивных материалов и оригинальное прочтение известных опубликованных источников, широкое использование методов других гуманитарных дисциплин дали историкам возможность вывести традиционные исторические сюжеты в иную, непривычную плоскость, в которой совмещалась политическая, экономическая, социальная и интеллектуальная история.

В последней трети XX в. темы имперской истории все чаще стали рассматриваться в русле "синтетической" истории международных отношений. Изучение вопросов британской имперской политики непосредственно связывалось с сокращением мировой роли Великобритании в процессе деколонизации, переориентацией современного британского государства на страны континентальной Европы. Они включались в более широкий контекст истории противоречивого вхождения стран Африки и Азии в мировую систему экономических и политических связей.

Новая историографическая ситуация побуждала британских историков (Д. Филдхауз, Р. Хайем, Дж. Мартин, К. Уилсон) к основательной ревизии содержания самого базового концепта "империализм".

²³ Platt D. Finance, Trade, and Politics in British Foreign Policy, 1815-1914. L., 1968; Fieldhouse D. Economics and Empire, 1830-1914. L., 1973; Eldridge C. Victorian Imperialism. L., 1978; Porter B. The Origins of the South African War. Manchester. 1980; British Imperialism in the Nineteenth Century // Ed. C. Eldridge. L., 1984; Theory and Practice in the History of European Expansion Overseas: Essays in Honour of Ronald Robinson // Eds. B. Porter, R. Holland. L., 1988.

В конечном счете, была подвергнута сомнению правомерность употребления этого слова при обозначении государственной политики. По их утверждению, за этим словом скрывались скорее социокультурные и ментальные, нежели материальные аспекты жизни стран и их взаимоотношений (как в Европе, так и за ее пределами). Условной представлялась и реальность существования Британской империи. Как отмечал Р. Хайем, "Британская империя и экспансия были конгломератом устремлений и энергии, весьма слабо соединенных друг с другом, - в основном, посредством обозначения границ и затемнения подлинной сущности Американской республики и Индийской империи". В конечном счете, Британская империя "всегда оставалась проектом и существовала только в воображении"²⁴.

Намерения британских историков деонтологизировать содержание историографических концептов "империализм" и "Британская империя" органично включались в широкую (идейно и методологически неоднородную) тенденцию сущностного переосмысления империализма, колониализма и деколонизации. Ее становление во многом обуславливалось потребностью гуманитариев - философов, филологов, антропологов, психологов, историков - заново исследовать феномены, которые скрывались за этими привычными словами, используя богатые возможности "антропологического", "лингвистического", "когнитивного" "поворотов" в теории и практике познания. Особую активность в формировании постколониального дискурса (такое название закрепилось за этой ревизией) проявили литературные критики, лингвисты, антропологи марксистской, леворадикальной и леволиберальной ориентацией. Творчески перерабатывая и соединяя в целое фрагменты воззрений К. Маркса, А. Грамши, Р. Уильямса, М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барта и некоторых дру-

²⁴ Hyam R. Britain's Imperial Century, 1815-1914. A Study of Empire and Expansion. L., 1976, p. 15-18.

²¹ Изложение этой версии и ее критика в кн.: Hyam R., Martin G. Reappraisals in British Imperial History. Cambridge, 1975, p. 2-4.

²² Robinson R., Gallacher J. Africa and the Victorians. The Official Mind of Imperialism. L., 1978, p. 462-472.

гих "властителей умов" Запада, они стремились представить империализм, колониализм и деколонизацию в виде многообразных историй культурных взаимодействий, совокупности дискурсивных практик и пр. Их инициатива была продолжена трудами историков, которые взяли на вооружение методологические приемы постструктурализма и деконструктивизма. В их числе оказалось немало исследователей-женщин, занимавшихся феминистской и гендерной проблематикой²⁵.

Под воздействием постколониальных исследований заметно изменилась проблематика истории британского империализма, колониализма, Содружества наций, которая разрабатывалась в британской историографии. Первостепенное внимание исследователи стали уделять изучению специфики и динамики культурных взаимодействий британской метрополии, доминионов и колоний в XIX - XX вв., символической и ритуальной практики британского империализма, особенностей имажинативной географии и музеологии (служивших целям поддержания колониального господства)²⁶. Важное место в постколониальном дискурсе британских историков заняли исследования по "женской" и "гендерной" истории. Методы изучения во многом повторяли разработки, которые предлагались американскими

историками и культурными антропологами. Тем не менее, проблемы, поставленные в историографии Великобритании (гендерные аспекты колониальной экспансии; роль расового, классового и гендерного факторов в колониальном управлении; империя и сексуальность; этнокультурная гетерогенность империализма и пр.), создавали возможность включения имперской тематики в общebritанский и, шире, в новоевропейский культурно-исторический контекст²⁷.

²⁵ Подробнее об этом см. содержательный обзор: *Wolfe P.* History and Imperialism: A Century of Theory, from Marx to Postcolonialism // *The American History Review*, 1997, Vol. 102, № 2, p. 388-420.

²⁶ См.: *MacKenzie J.* Propaganda and Empire: The Manipulation of British Public Opinion, 1880-1960. Manchester, 1984; *Idem.* Imperialism and Popular Culture. Manchester, 1986; *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments* / Eds. D. Cosgrove, S. Daniels. Cambridge, 1988; *Barkan E.* Post-Anti-Colonial Histories: Representing the Other in Imperial Britain // *Journal of British Studies*, 1994, Vol. 33, p. 180-202; *The Expansion of England: Race, Ethnicity and Cultural History* / Ed. W. Schwarz. N. Y., 1996.

²⁷ *Enloe S.* Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics. L., 1989; *Hyam R.* Empire and Sexuality: The British Experience. Manchester, 1990; *Donaldson L.* Decolonising Feminisms: Race, Gender and Empire-Building. L. 1992; *Expanding the Boundaries of Women's History* / Eds. Ch. Johnson-Odim, M. Strobel. Bloomington, 1992; *Hall C. White, Male and Middle Class: Explorations in Feminism and History.* Cambridge, 1992; *Sinha M.* Colonial Masculinity: The "Manly Englishman" and the "Effeminate Bengali" in the Late Nineteenth Century. Manchester, 1995; *Unsettling Settler Societies: Articulations of Gender, Race, Ethnicity and Class* / Eds. D. Stasiulis, N. Yuval-Davis. L., 1995.

Глава 5 Историческая наука Федеративной Республики Германии. От идеалистического историзма к социально-критической истории

Тенденции развития и основные направления исторической науки. Крах нацизма в 1945 г. вызвал у немецких историков чувства растерянности и дезориентации. Вторично на протяжении всего четверти века их историко-политические концепции оказались полностью дискредитированными. Прежний оптимизм и вера в превосходство немецкого духа сменились столь же безудержными причитаниями по поводу "ужасной беспросветности" будущего Германии.

Имевший огромный авторитет, патриарх немецкой историографии **Фридрих Мейнеке** (1862-1954) выпустил в 1946 г. свою последнюю крупную работу "Германская катастрофа"¹. Она ярко отразила крушение прежних либеральных идеалов автора и его попытку мучительного переосмысления прошлого Германии. Мейнеке открыто поставил вопрос о необходимости пересмотра и ревизии традиционных политических постулатов немецкой исторической науки. Корни трагедии он видел в объединении Германии "железом и кровью", в антилиберальном и антидемократическом духе созданной в 1871 г. империи. Пропитанная прусско-милитаристским ядом, политика Бисмарка разрушила фундамент общеевропейской культуры и открыла дорогу эпохе революций и войн. Тем не менее, фашизм Мейнеке интерпретировал не как немецкое, а как европейское явление. Его происхождение он усматривал не столько в прусской традиции, сколько в современной европей-

ской цивилизации с ее материализмом и утилитаризмом. Выступив за создание "совершенно нового синтеза историзма и естественного права" или "европеизма и американизма", Мейнеке призвал к примирению Германии с Западом и указал своим коллегам политические ориентиры.

Раскол Германии, создание двух немецких государств в 1949 г. и быстрое возрождение на западе страны мощного экономического потенциала сигнализировали историкам о возможности реставрации старого прусско-немецкого идейного наследия. Они вновь заговорили о "своеобразии немецкого духа" и опасности "слишком смелого прыжка из германизма в европеизм". Политика "холодной войны" и жесткой конфронтации с Востоком привели к широкой пропаганде идей милитаризма и реваншизма. Наступление реакции шло по всем линиям, и по мере того как все глуше звучали голоса либеральных историков, все настойчивее и увереннее заявляли о себе консерваторы. Слабая линия преемственности либеральной германской историографии в 50-е гг., оказалась практически прерванной, почти никто из прежних эмигрантов в страну не вернулся.

В начале 60-х гг. закончился период "экономического чуда", резко снизились темпы прироста промышленной продукции. Начавшиеся форсированная научно-техническая революция и структурная перестройка хозяйства и общества приобрели качественный характер и означали, по официальной терминологии, начало

¹ *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe: Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946.

перехода ФРГ из "индустриальной в постиндустриальную" эпоху.

В немецкой исторической науке доминирующее положение перешло от консервативно-националистического к более современному нелиберальному направлению, выступившему за модернизацию идеалистического историзма, за изучение социальных структур, экономических и социальных процессов, массовых движений. К середине 60-х гг. сформировалось новое поколение ученых, в основном свободное от устаревших консервативно-националистических традиций немецкой историографии. На Фрейбургском конгрессе Союза историков в 1967 г. большинство участников констатировало, что "историзм в его старой форме канул в прошлое". Он был отвергнут, но одновременно выяснилось отсутствие приемлемой для всех новой теоретической платформы. Споры и дискуссии проходили на протяжении всех 70-х гг. В ходе полемики нелибералы фактически разделились на два крыла - умеренно-реформаторское и более радикальное социально-критическое, четко ориентированное на использование методов других социальных наук - социологии, политологии, демографии, социальной психологии.

Классификация западногерманской исторической науки представляет некоторую сложность в том отношении, что она приобретает различный вид в зависимости от применения либо политических, либо методологических критериев, которые зачастую не совпадают.

Если использовать теоретико-методологические критерии, то в историографии ФРГ можно выделить три основных течения - приверженцы классических постулатов немецкого историзма, модернизированного в той или иной степени, по-прежнему понимающие историю как науку о духе; сторонники социального подхода к истории, выдвигающие на первый план исследование не отдельных событий и явлений, а общественных структур и массовых процессов; ученые, изу-

чающие историю с позиций диалектико-материалистического метода.

Во всех трех течениях представлены историки, придерживающиеся различных идейно-политических взглядов. Поэтому, классификация по политическим критериям показывает иную, более дробную картину.

На крайнем правом фланге находится праворадикальная историография, близкая к неонацизму. Центром ее является созданный в 1960 г. в Тюбингене Институт послевоенной немецкой истории. В его многочисленных публикациях настойчиво проводится реабилитация Гитлера и национал-социализма. Скандальную известность получило издание институтом в 1962 г. книги американского историка Д. Хоггана "Вынужденная война"², которую до этого отвергли все издательства США. Лейтмотивом книги была идея о том, что в развязывании второй мировой войны виновны Польша и провокаторская политика британского министра иностранных дел, лорда Галифакса.

Праворадикальные историки по-прежнему исповедуют лозунги расизма и антисемитизма. Мысль о национальном и расовом превосходстве немцев над другими народами определила содержание двухтомного труда профессора А. Хельбока "История немецкого народа" (1964-1967). Единодушны праворадикальные авторы и в том, что главной целью должно быть восстановление Германии в довоенных границах, включая сюда также Австрию и немецкую часть Швейцарии.

Мировоззрение другого, консервативного направления замкнуто в комплексе принципов, главными из которых выступают традиция, авторитет, свобода и ответственность, естественное неравенство людей. Консерваторы противопоставляют хаос и порядок, в обеспечении которого основная роль отведена государству, стоящему над обществом и отделенному от него. Они критикуют плюрализм как ис-

² Hoggan D. L. Der erzwungene Krieg. Tübingen, 1962.

точник конфликтов в обществе и взамен предлагают "немецкую идею государственности". Демократия допустима лишь в жестких контролируемых рамках, поскольку человек по сути своей одержим эгоизмом, алчностью, завистью. Лишь твердый политический авторитет в облике сильного государства способен укротить эти страсти. Важнейшим средством интеграции общества в единое целое признается национальное самоутверждение. Этой проблеме посвящена книга видного представителя консерватизма профессора Рурского университета Б. Вильмса "Германская нация"³. Он считает, что только в возрождении национализма разрешается главная политическая проблема - отношения между индивидом и государством. Всякие личные и групповые интересы должны быть подчинены интересам нации: "Государство должно иметь возможность влиять по отношению к индивиду как власть, принуждение, а, в крайнем случае - и как насилие"⁴. Судьба нации заключена в ее истории, все связано общим прошлым. Поэтому все немцы должны идентифицироваться с нацистским прошлым Германии, это их история, неподвластная морали, одобрению или осуждению.

В таких рассуждениях Вильмса отражен один из главных принципов консервативной историографии - объективизм, отказ от вынесения оценок прошлому, требование писать историю в духе Ранке.

Граница между консервативной и нелиберальной исторической наукой во многих случаях расплывчата и текуча. Главный водораздел проходит, пожалуй, в вопросе - как должно функционировать общество и государство? В отличие от классического либерализма нелибералы, сохраняя идеалы свободы личности, демократии, парламентаризма, выступают за социальное государство и его превращение в инструмент общественной политики,

³ Willms B. Die Deutsche Nation. Köln, 1982.

⁴ Ibid., S. 43.

за широкий политический и социальный плюрализм.

В первой половине 70-х гг. внутри нелиберального направления произошли заметные изменения. На левом его фланге оформилась социально-критическая школа, поставившая целью радикальное методологическое обновление исторической науки, усиление теоретического начала, широкое использование социально-научных методов, превращение истории в критическую эмансипаторскую науку. В социально-критической школе представлены историки как либеральной, так и социал-демократической ориентации.

В конце 60-х гг. на волне бурного студенческого движения, либерализации и демократизации системы высшего образования, широкой популярностью "критической теории", разработанной лидерами неомарксистской Франкфуртской школы Теодором Адорно (1903-1969) и особенно Юргеном Хабермасом (1929 г.р.), в западногерманской исторической науке зародилось и окрепло радикально-демократическое направление. Его характерными чертами являются ярко выраженные антиимпериалистические и антимилитаристские концепции, широкое использование методологических элементов и принципов марксизма. В политическом аспекте большинство радикально-демократических историков ориентировано на поиски и обоснование "третьего пути" общественного развития - между капитализмом, который они отвергают, и реальным социализмом, обнаружившим свою несостоятельность.

Широк и неоднозначен в ФРГ спектр социал-демократической историографии, координирующим центром которой выступает созданная в 1982 г. Историческая комиссия при Правлении СДПГ. Комиссия организовала две крупные научные конференции в Ольденбурге (апрель 1986 г.) на тему "Следы повседневности - История в политической практике" и в Бонне (март 1987 г.) на тему "Наследники немецкой истории: Федеративная республика и ГДР".

В теоретическом плане социал-демократическая историография придерживается методологического плюрализма и по ряду вопросов практически смыкается с либерально-реформистской исторической наукой. Но есть некоторые особенности, придающие социал-демократическому направлению специфические черты и собственное лицо.

Социал-демократические ученые подчеркивают, что изучение истории способствует формированию общественного сознания, нацеленного на укрепление мира и недопущение войны, на сохранение демократических свобод и правового государства. Эта историография ориентирована на демократические, гуманистические и прогрессивные традиции рабочего движения в Германии. Она четко отмежевывается от антикоммунистических стереотипов консервативной и праволиберальной историографии, подчеркивает, в частности, большую роль коммунистов в антифашистском Сопротивлении.

Левосоциалистическая историография находится на стыке социал-демократической и ортодоксально-марксистской исторической науки. От последней она отличается, прежде всего, свободным и творческим использованием марксизма, отказом от слепого следования всем его постулатам и принципам, стремлением использовать научно-плодотворные достижения немарксистской общественной мысли. Это направление сформировалось к началу 70-х гг. в Марбургском университете вокруг профессора политических наук **Вольфганга Абедрота** (1906-1985) и обычно именуется марбургская школа.

Центром ортодоксально-марксистской историографии стал организованный в 1968 г. во Франкфурте-на-Майне Институт марксистских исследований под руководством члена Правления ГКП Йозефа Шляйшштейна. Проблематика института была ограничена историей немецкого рабочего и социалистического движения. Под эгидой института осуществлена также публикация серий "Документы по теории

социализма и практике профсоюзного движения", "Социалистическая классика", "Марксизм сегодня", "Классовая борьба в капиталистической Европе", "Библиотека Сопротивления". Институт внес заметный вклад в пропаганду и распространение марксизма в ФРГ, хотя значительных в чисто профессиональном отношении исторических работ там не появилось. Такие работы были представлены большей частью лицензионными изданиями произведений историков ГДР. Значимость марксистских исследований зачастую резко снижалась из-за догматической позиции их авторов, претензии на монополю верное истолкование марксизма, узкоклассового подхода к историческому процессу, жесткой конфронтации и идеологической нетерпимости, чересчур апологетического изображения стран реального социализма, прежде всего СССР и ГДР.

Кризис в ГДР, а затем исчезновение этого государства повлекли за собой тяжелые последствия для западногерманского ортодоксального марксизма. Произошел практический распад ГКП, оказавшись без восточногерманской финансовой поддержки, Институт марксистских исследований потерпел крах и прекратил свою деятельность.

Организация исторических исследований. Палитра исторической науки ФРГ богата и многокрасочна. Исторические факультеты, семинары, отделы и секции существуют в 25 университетах, а также в ряде технических университетов, высших технических и педагогических школ. В 60-е - первой половине 70-х гг. почти в три раза увеличилось число ординарных профессоров и других преподавателей истории, что было связано в первую очередь с учреждением новых университетов в Бохуме (1961), Дортмунде (1962), Регенсбурге (1962), Бремене (1964), Констанце (1964), Билефельде (1967), Ульме (1967), Аугсбурге (1969).

Кроме университетских центров, в ФРГ существует множество специализированных научно-исследовательских институтов, обществ и комиссий по различ-

ным проблемам и периодам истории, а общее количество публикуемых исторических работ составляет в среднем 8-10 тысяч названий ежегодно.

Исследования в области истории опираются на солидные финансовые субсидии из бюджета федерального и земельных правительств, на средства различных благотворительных фондов - Союза фондов для развития немецкой науки, фонда Фридриха Тиссена, фонда Фольксвагенверк, Международного Рокфеллеровского Фонда, Фонда Генри Форда и других. Существуют и фонды политических партий, также выделяющие дотации на исторические исследования: фонд Конрада Аденауэра (ХДС), Ганса Зайделя (ХСС), Фридриха Наумана (СвДП), Фридриха Эберта (СДПГ).

Наиболее крупным специализированным центром является Мюнхенский институт современной истории, созданный в 1947 г. под первоначальным названием - Институт по изучению национал-социализма. Он ведет исследования немецкой истории периода от окончания первой мировой войны до образования в 1949 г. двух германских государств. С 1953 г. институт выпускает журнал "Ежеквартальник современной истории" ("Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte") с приложениями, число которых превышает 50 томов. Институт подготовил капитальное исследование "Бавария во времена национал-социализма" (6 тт., 1977-1983) и пятитомный сборник "Документы предистории Федеративной Республики Германии 1945-1949" (1976-1983).

Аналогичные проблемы изучает созданное в 1957 г. во Фрейбурге Военно-историческое исследовательское ведомство, приступившее с 1979 г. к изданию фундаментального исследования "Германский рейх и вторая мировая война" в десяти томах.

Активную публикацию документов и научных исследований осуществляет организованная в 1951 г. в Бонне Комиссия по изучению парламентаризма и политических партий.

Ведущими центрами правоконсервативной историографии выступают появившееся в 1950 г. в Гамбурге Общество им. Л. Ранке и функционирующая с 1977 г. в Западном Берлине Прусская историческая комиссия.

Общество Ранке настойчиво и последовательно проводит идеи о ведущей роли личности в истории, о "вечных и непреходящих ценностях прусского государственного сознания", пропагандирует элитарную теорию исторического процесса. Все эти мысли широко представлены в печатном органе общества "Историко-политическая книга" ("Das historisch-politische Buch") и его серийных публикациях "Личность и история" (вышло более 100 томов), "Исследования по истории" (более 30 томов), "Книги Януса. Очерки всемирной истории" (более 20 томов), "Ведущие слои Германии нового времени" (более 10 томов). Общество Ранке придерживается традиционных постулатов идеалистического немецкого историзма, защищает индивидуализирующий метод, примат политики над экономикой и примат внешней политики над внутренней.

В связи с тем, что университеты утратили свое прежде монопольное положение в сфере исторических исследований и возросла роль специализированных институтов, в 1972 г. было создано Объединение внеуниверситетских исторических исследовательских заведений в Федеративной Республике Германии с резиденцией в Мюнхене. В него вошло более 50 научно-исследовательских организаций и центров. Объединение создало шесть комиссий по изданию документов XX века, по истории университетов, по истории науки, по вопросам печати и издательств, по организации системы информации для исторической науки, по структурным проблемам научно-исследовательских учреждений. Оно координирует исторические исследования, информирует в своих бюллетенях обо всех проводимых и намечаемых в ФРГ съездах, конференциях и коллоквиумах в области истории. С 1974 г. Объ-

единение издает внушительнейший по объему ежегодник ("Jahrbuch der historischen Forschung in der Bundesrepublik Deutschland"), дающий исчерпывающую информацию о состоянии и проблемах развития исторической науки в стране.

Общеисторической национальной организацией в ФРГ является Союз историков Германии, воссозданный в сентябре 1949 г. В него входят преподаватели истории и вспомогательных дисциплин высшей школы, работники научно-исследовательских учреждений, музеев, архивов и библиотек, а также частные лица, имеющие ученую степень по истории либо печатные работы в этой области науки.

Союз историков Германии насчитывал в конце 80-х гг. более 900 членов, уплачивающих ежегодные взносы, идущие на организацию регулярных съездов историков. С 1949 по 1990 гг. состоялось 20 съездов Союза, на которых обсуждались наиболее актуальные теоретико-методологические и конкретно-исторические проблемы. Съезды пользуются вниманием руководящих кругов ФРГ. Так, на Мангеймском съезде 1976 года перед участниками выступил федеральный президент В. Шеель, в 1978 г. на съезде в Гамбурге канцлер Г. Шмидт, на Мюнстерском съезде 1982 года - президент К. Карстенс.

В структуре Союза историков представлено восемь отдельных секций - две по древней истории, секция средних веков, нового времени, современной истории, социальной истории, восточноевропейской истории, церковной истории. Он тесно сотрудничает с Союзом учителей истории Германии, объединяющим 11 земельных организаций с количеством более трех тысяч членов. До 1958 г. в съездах Союза историков принимали участие ученые из ГДР, но после создания в Лейпциге самостоятельного Общества историков ГДР между ними произошел окончательный разрыв. С объединением Германии в 1990 г. Общество прекратило свою деятельность, а вопрос о приеме его бывших

членов в Союз историков решается в строго индивидуальном порядке.

Немецкие исторические институты существуют и за рубежом, в Лондоне, Париже, Риме и Вашингтоне.

Возрастание роли современной истории нашло отражение в ускоренном развитии политических наук. В большинстве университетов организованы специальные семинары или институты политических наук, наиболее крупными из которых являются институты при Гейдельбергском, Марбургском и западноберлинском Свободном университете, а также Высшая школа политических наук в Мюнхене.

Их деятельность координирует Немецкое объединение политических наук, с 1960 г. издающее "Политический ежеквартальник" ("Politische Vierteljahresschrift"). Основное внимание западногерманских политологов привлекают теория и сравнительная история политических систем, теория и история внешней политики, теоретические основы политики, история политической мысли, история и теория политических партий, моделирование историко-социальных процессов, проблемы социальной структуры и конфликтов в обществе, исследование "мирового коммунизма".

Архивы и историческая периодика. Богаты и разнообразны фонды западногерманских архивов. Ведущее положение среди них занимают учрежденный в 1960 г. Федеральный архив в Кобленце с отделением Военного архива во Фрейбурге и Политический архив в Бонне. На базе его фондов с 1956 г. возобновилось издание многотомной серии "Документы немецкой внешней политики 1918-1945", насчитывающее уже свыше 50 томов. В Федеральном архиве находится много документов центральных учреждений национал-социалистической партии, архив канцелярии Розенберга, часть главного архива НСДАП.

Два крупных архива расположены в Западном Берлине. Это архив фонда Прусское культурное наследие с материалами по прусской истории и богатейшее

собрание документов периода гибели Веймарской республики и национал-социализма - Берлинский документальный центр, находившийся до 1990 г. в ведении американского государственного департамента. В его фондах содержатся центральная картотека национал-социалистической партии, насчитывающая почти 11 миллионов учетных карточек членов партии, картотека СС (более 60 тысяч дел), картотека ведомства по расовым вопросам (более 200 тысяч дел) и архив штурмовых отрядов (260 тысяч дел).

Несколько десятков тысяч томов документации периода 1933-1945 гг. собрано в архиве Института современной истории. В Мюнхене же находятся Баварский Главный государственный архив и Тайный государственный архив. Подобные государственные архивы расположены и в других городах-центрах земель ФРГ - Гамбурге, Висбадене, Ганновере, Киле, Штутгарте.

Имеются также многочисленные университетские и городские архивы, среди которых по обилию материалов выделяются архивы Кёльна, Карлсруэ, Мюнстера.

Необычайно разнообразна историческая периодика ФРГ, где в середине 80-х гг. выходило около двухсот пятидесяти различных исторических и историко-политических журналов и ежегодников.

Прекрасные ориентиры для исследователей дают выпущенные в конце 70-х - начале 80-х гг. подробные библиографии по теории исторической науки, революции 1918-1919 гг., истории политических партий и экономических союзов, национализму, национал-социализму, истории ФРГ, немецкому либерализму. Продолжается издание архивных материалов в серии "Германские исторические источники XIX-XX вв.", где в числе новейших появились документы из архивов Герберта Бисмарка, Карла Клаузевица, консервативного идеолога Эрнста Людвиг фон Герлаха, статс-секретаря Курта Рицлера.

Роль интегрирующего центра играет старейший мюнхенский "Исторический

журнал" ("Historische Zeitschrift"), выходящий с 1859 г. практически без перерыва. Он публикует крупные статьи, тематические обзоры, рецензии и подробную библиографию исторической и политической литературы.

Теоретико-методологическим и историографическим вопросам посвящен издающийся с 1950 г. во Фрейбурге журнал "Столетие" ("Saeculum"), а тематическим обзорам новейших исследований по различным проблемам - существующий с 1956 г. ежемесячник "Новая политическая литература" ("Neue Politische Literatur").

Проблемам немецкого и международного рабочего движения уделяет основное внимание выходящий с 1961 г. под эгидой фонда Ф. Эберта "Архив социальной истории" ("Archiv für Sozialgeschichte"), преемник издаваемого К. Грюнбергом в межвоенный период "Архива по истории социализма и рабочего движения".

Радикально-демократические и марксистские историки публикуются, как правило, в журналах "Аргумент" ("Das Argument") и "Листы германской и международной политики" ("Blätter für deutsche und internationale Politik"), а приверженцы количественных методов - в журнале "Historische Sozialforschung. Quantum Information", большинство материалов которого напечатано на английском языке.

С 1975 г. начал выходить один из наиболее интересных и значительных в научном отношении западногерманских журналов - орган социально-критической школы, ежеквартальник "История и общество. Журнал исторической социальной науки" ("Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft"), само название которого показывает его направленность.

В отличие от прочих изданий каждый номер журнала посвящается какой-либо отдельной проблеме. Среди них были такие интересные и важные темы как исследование семьи и демография, революция и реформа в Латинской Америке, история и эволюция, система национал-социалистического господства, религия и

общество в XIX веке, наполеоновское господство и модернизация, женщины в истории XIX - XX веков, национальные проблемы в Восточной Европе, университет и общество, социальная история и культурная антропология, фашизм в авторитарных системах, сопротивление и инакомыслие в Восточной Европе, проблемы урбанизации и многие другие. Кроме того, регулярно выходят отдельные приложения, в которых освещаются социальные аспекты различных исторических событий и процессов. Эта группа историков выпускает также серию "Критические исследования", в которой появилось уже более 120 работ.

Консервативное господство 50-х гг. В конце 40-х - 50-е гг. доминирующее положение занимало в западногерманской историографии консервативное направление. Оно выступало за жесткую конфронтацию со странами социализма, требовало репрессивного курса внутри страны и создания "ядерного зонтика безопасности" над ФРГ и Европой. Понимая историю, как только сферу действия человеческого духа, консерваторы настойчиво рекомендовали идеалистический историзм как наилучшее средство в борьбе против марксизма.

Признанным лидером консервативного направления выступал фрейбургский профессор **Герхард Риттер** (1888-1967), имевший большой авторитет и репутацию убежденного антифашиста, поскольку был связан с участниками заговора против Гитлера летом 1944 г., которые прочили ему министерский пост в их будущем правительстве.

Центральной проблемой истории для немецких ученых стал по понятным причинам вопрос о месте и значении нацизма в истории Германии. Консерваторы во главе с Риттером трактовали это явление как разрыв в немецкой истории, не имевший собственно отечественных корней. В книге "Карл Гёрделер и немецкое движение Сопротивления" Риттер убежденно заявил, что "по своей глубинной сути национал-социализм - это вовсе не оригинально-немецкая опухоль, а германская

форма общеевропейского явления: однопартийного государства во главе с вождем. Ее следует объяснить не из прежних традиций, а только из специфически современного кризиса, кризиса либеральной формы государства и общества"⁵. Этот кризис, имевший свои истоки еще в якобинской диктатуре, привел к упадку культуры, утрате веры и моральному нигилизму, на волне которого к власти пришла демоническая и загадочная личность Гитлера.

Нацизму Риттер не без оснований противопоставил прусские консервативные традиции как одну из главных ценностей немецкого национального сознания. Он провел резкое разграничение между теми группами Сопротивления, которые сотрудничали в годы войны с союзниками, чтобы добиться свержения национал-социалистического господства, и кружком Гёрделера, стремившегося к перевороту в опоре на часть офицерского корпуса вермахта. Риттер полагал, что те группы Сопротивления, которые передавали противникам Германии разведывательную информацию, выступили как изменники и вражеские агенты. Поэтому судебные процессы над ними и их казнь он считал юридически безукоризненными и морально оправданными.

Проблема фашизма тесно связана с проблемой милитаризма, исследованию которого Риттер посвятил свой последний крупный труд, оставшийся незаконченным⁶. Попытавшись ответить на вопрос - с какого времени и почему милитаризм стал определять внешнюю политику Германии? - автор принял во внимание лишь политические факторы, практически оставляя в стороне аспекты социальные. Считая милитаризмом прежде всего открытую военную агрессивность, Риттер полагал, что прусский король Фридрих

⁵ Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954, S. 90.

⁶ Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des Militarismus in Deutschland, 4 Bde. München, 1954-1968.

Вильгельм I, подчинивший всю экономику страны нуждам армии, не был, тем не менее, милитаристом в противоположность Карлу XII в Швеции, Петру I в России, Людовику XIV во Франции, ведшим постоянные войны за территориальные приобретения.

Не отвергая категорически тезис о милитаристском характере старопрусской монархии, Риттер подчеркивал, что это был милитаризм совершенно иного рода, нежели в кайзеровской или национал-социалистической Германии: первый был стабилизирующим элементом порядка, второй превратился в разрушительное массовое движение на волне национализма.

Риттер настаивал на том, что германская внешняя политика имела оборонительный характер и не преследовала до 1914 г. никаких экспансионистских целей. Пангерманские идеи завоевали широкую популярность только в ходе войны и представляли решительный разрыв с прусской традицией. Корни милитаризма Риттер обнаруживал в Великой французской революции. Если прежде войны велись с ограниченной целью обеспечения в их итоге длительного спокойствия и мира, то якобинцы и Наполеон стремились к тотальному уничтожению противника. Они подчинили политику военным целям и явились поэтому истинными родоначальниками современного милитаризма.

Подробно и красочно описывая противоречия между политиками и военными, в частности, между Бисмарком и Мольтке, Риттер считал, что хотя Бисмарку и не удалось полностью подчинить себе милитаристскую систему и заставить ее служить только политическим целям, он все же держал ее под своим контролем. Только после отставки железного канцлера милитаризм вырвался на волю и перестал выполнять роль средства в руках великого государственного деятеля. Риттер вновь рисует впечатляющую картину борьбы между политиком Бетман-Гольвегом и "махровым милитаристом чистейшей пробы" Людендорфом, в которой последний

одержал верх. После отставки канцлера единственным противником милитаристов в правительстве остался, по мнению автора, только статс-секретарь Кюльман.

Фундаментальное произведение Риттера вообрало в себя богатейший фактический материал по истории Германии с 1740 по 1918 г., показало огромную эрудицию и знания автора и явилось в этом смысле классическим произведением политической историографии, пренебрегающей социально-экономическими сторонами истории. Он стремился дать многокрасочную картину прошлого, не ограничиваясь черно-белым изображением. Можно с основанием назвать его концепции апологетическими, но следует учесть, что Риттер необычайно высоко ставил воспитательную роль истории. Поэтому историография, которая преследует цель уничтожить исторические легенды и мифы, но не дать взамен их ничего позитивного, была для Риттера совершенно неприемлемой. Он же стремился подчеркнуть, прежде всего, то, что казалось ему ценным и достойным примером, и достигал этого не в последнюю очередь ясным и отточенным стилем своих произведений, ставших заметным явлением немецкой исторической науки.

Другой видный представитель консервативного направления **Ганс Иоахим Шёпс** (1909-1980) был убежденным сторонником духовного приоритета в истории и апологетом пруссачества. В своих многочисленных работах он ратовал не только за восстановление Пруссии, но и даже за реставрацию монархии. Христианско-социальный консерватизм и патернализм Шёпс изображал как животворный источник, из которого постоянно черпается обновление духа.

В самом крупном своем произведении, пятитомной "Духовной истории Германии нового времени" Шёпс категорически отверг какую бы то ни было связь между нацизмом и пруссачеством. Приход Гитлера к власти он объяснял исключительно Версальским диктатом, создавшим в стране самую благодатную почву для подня-

тия национальной волны, на гребне которой национал-социалисты достигли имперской канцелярии.

"Устоем Европы" объявил Пруссию еще один известный консервативный историк **Вальтер Хубач** (1915 г.р.). Она изображалась бастионом европеизма на Востоке, оплотом и центром цивилизации⁷. В работах о Фридрихе II, Гогенцоллернах, Гинденбурге автор стремился возродить старые легенды немецкой историографии. Объявляя Гинденбурга "одной из бессмертных личностей" немецкой истории, Хубач подчеркивал, что назначение им Гитлера на пост рейхсканцлера было правоммерным актом президента, призвавшего к власти лидера сильнейшей политической партии в соответствии с конституцией Веймарской республики.

Апологетическая в основе картина немецкой истории, нарисованная консерваторами, позволяла выбросить из нее национал-социалистическое прошлое как чужеродное, наносное и случайное явление и сохранить в неприкосновенности национальные прусско-немецкие традиции.

Возмутитель спокойствия Фриц Фишер. В обстановке консервативно-националистического господства впечатление разорвавшейся бомбы произвело появление в 1961 г. книги гамбургского профессора **Фрица Фишера** (1908 г.р.) "Рывок к мировому господству"⁸. Вспыхнувшая в связи с этим ожесточенная дискуссия означала поворотный пункт в развитии западногерманской исторической науки.

Исследование Фишера опиралось на солидную источниковую базу. Он изучил многочисленные документы, хранящиеся в архивах Потсдама и Мерзебурга на территории ГДР. На их основе Фишер пришел к аргументированному выводу о том, что от сентябрьского (1914) меморандума

канцлера Бетман-Гольвега о целях Германии и до осени 1918 г. эти намерения носили экспансионистский характер.

Споры вызвали два основных тезиса Фишера. Во-первых, он подчеркнул, что германское правительство не только сознательно пошло на риск развязывания мировой войны, но и активно содействовало этому своей прежней политикой. Вторая мысль заключалась в том, что далеко идущие аннексионистские планы были присущи не только пангерманцам и немецкому генералитету, но встретили поддержку и содействие большинства политических течений от консерваторов до партии Центра, либералов и правых социал-демократов. Различия между аннексионистами и умеренными касались не принципиальных целей, а тактики их осуществления и имели лишь относительный характер. Безбрежный экспансионизм настолько роднил устремления Германии в первой и второй мировых войнах, что между ними, по заключению Фишера, имелась несомненная преемственность. Это означало, что нацизм не является изолированным и случайным эпизодом немецкой истории, не связанным непосредственно с национальными традициями и особенностями. Наоборот, книга Фишера доказывала существование определенной линии преемственности от образования Германской империи до краха 1945 г., да и наличие элементов опасного прошлого в самой Федеративной республике.

Именно это и вызвало негодование консервативных историков, обрушившихся с нападками на концепцию Фишера. Наивысшего накала полемика достигла на съезде историков в 1964 г. в Западном Берлине и на Венском Международном конгрессе исторических наук в следующем году. Выражая общую позицию консерваторов, Риттер обвинил Фишера в научной и политической безответственности и заявил, что "откладывает книгу с

глубокой печалью, грустью и озабоченностью при взгляде на будущее поколение"⁹.

Возражая своим оппонентам, Фишер вновь подчеркнул, что речь идет не об очернении и нигилистическом отрицании национального прошлого, а о восстановлении исторической истины. Его концепция получила дальнейшее развитие в последующих книгах "Война иллюзий. Германская политика в 1911-1914 гг." (1969) и "Союз элит. К проблеме преемственности структур власти в Германии, 1871-1945" (1979).

Линию преемственности Фишер начинает с периода образования империи, когда прусские милитаристские и бюрократические традиции вошли в плоть и кровь объединенной Германии. Союз аграрной аристократии и промышленной элиты стал непреодолимым препятствием на пути либерализации и демократизации Германии. Реакционная линия восторжествовала не только в социально-политической, но и в духовной сфере, приведя к оформлению "новогерманского национализма", а затем и национал-социализма.

Разумеется, Фишер вовсе не отождествляет кайзеровскую и нацистскую Германию. Но, указывая, что между ними существует огромное отличие, он подчеркивает несостоятельность их изолированного друг от друга рассмотрения: "Гораздо важнее проанализировать сквозные структуры и цели возникшей в 1866-1871 гг. и потерпевшей в 1945 г. крах Прусско-Германской империи"¹⁰. Что касается рабочего движения и народных масс вообще, то Фишер не придает им особого значения и считает, что серьезного противовеса агрессивным кругам они создать не смогли из-за объективной слабости своего политического положения в авторитарной системе империи.

Ученики Фишера создали ряд работ, ставших заметным явлением в историче-

ской науке. Большой вклад принадлежит в этом отношении профессору Гамбургского университета **Хельмуту Бёме** (1936 г.р.), автору фундаментального труда о превращении Германии в великую державу¹¹.

Бёме исходил из убеждения в том, что историю создания Германской империи нельзя больше писать как часть биографии Бисмарка. Его книга, основанная на огромном документальном материале из германских и австрийских архивов - это история аграрных, промышленных, торговых союзов, их места и роли в государстве.

События 1866-1871 гг. Бёме рассматривает не как результат бисмарковской политики, а как следствие промышленного переворота и победы Пруссии над Австрией в длительном процессе борьбы за экономическое господство в Центральной Европе. Торгово-хозяйственные интересы, а не внешнеполитические факторы явились первопричиной объединения Германии. Основа немецкого единства была достигнута не в итоге австро-прусской войны, а еще в 1864 г., когда реорганизация Таможенного союза интегрировала экономику Пруссии и остальных германских государств и изолировала Австрию. Война явилась лишь завершающим аккордом.

Фритредерская политика Пруссии привлекла на ее сторону крупных аграриев и промышленников, банкиров и торговцев, объединяющихся для выражения и защиты своих интересов в мощные союзы. "Великая депрессия" 1873 г. изменила соотношение и расстановку сил в Германии. Кризис заставил Бисмарка пойти на разрыв с либеральной буржуазией и отказ от экономического либерализма. Был совершен поворот к протекционистской политике и заключению в 1879 г. союза с консервативно-католическими кругами. В

⁷ Hubatsch W. Eckpfeiler Europas. Heidelberg, 1953.

⁸ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961.

⁹ Ritter G. Eine neue Kriegsschuldthese. - Historische Zeitschrift, 1962, Bd. 194, S. 668.

¹⁰ Fischer F. Bündnis der Eliten. Düsseldorf, 1979, S. 95.

¹¹ Böhme H. Deutschlands Weg zur Großmacht: Studien zur Verhältnis von Wirtschaft und Staat während der Reichsgründungszeit, 1848-1881. Köln, 1966.

итоге, как подчеркнул Бёме, процесс индустриализации в конкретных условиях Германии привел к тому, что средние слои оказались на задворках политической сцены, а крупная промышленность оказалась в зависимом положении от государства, которое, в свою очередь, находилось в руках старых привилегированных аристократических группировок. Результатом стало создание прочной консервативно-авторитарной системы, завершившее в 1881 г. всю эпоху образования Германской империи.

Бёме уделил политическим и идейным процессам столь мало внимания, что критика не без основания отметила определенный перекос в этом отношении и чересчур одностороннее выдвигание на первый план исключительно социально-экономических факторов. Но это было реакцией автора на столь долгое в немецкой историографии преобладание политических аспектов объединения и означало методологическую переориентацию.

Поворот к социальной истории. Упорная защита консерваторами в ходе полемики вокруг концепции Фишера принципов идеалистического историзма была значительным препятствием для развития социальной истории и использования социологических теорий в исторических исследованиях. Но такая ретроградная позиция вела к опасности отрыва историографии от реальных процессов, к утрате ею общественно-политических функций, к деградации в "слепое коллекционирование дат и фактов", которое вполне довольствуется представлениями об истории как деянии великих личностей. Растущее значение массовых социально-экономических факторов, которые не поддавались исследованию методами традиционной историографии, стало осознаваться уже к концу 50-х гг.

Программное значение в обращении к социальной истории имела работа крупнейшего неолиберального историка, гейдельбергского профессора **Вернера Конце** (1910-1986), обосновавшая приоритет структурно-социального подхода и необ-

ходимость изучения не индивидуальных явлений, а "типичных коллективных феноменов"¹². Опираясь на теорию индустриального общества, Конце подчеркнул, что промышленная революция на рубеже XVIII-XIX вв. разорвала непрерывность истории. С этого времени история перестала быть результатом действия отдельных "драматических персонажей", а превратилась в анонимный социально-экономический процесс, уводящий в беспредельность коллективного творчества людей.

Вековые общественные структуры оказались разрушенными индустриальным вторжением, радикально изменившим сам способ человеческого существования. Вместо относительно замкнутых культурных кругов во всемирной истории возникает всеобщая связь, а это требует пересмотра прежней исторической картины и периодизации.

Конце заявил, что следует отказаться от укоренившейся трехступенчатой схемы: античность, средневековье, новое время. Он предложил иную схему трех всемирно-исторических эпох: доисторическая эпоха примитивной техники и социальной стагнации; начавшаяся около шести тысяч лет тому назад эпоха высоких культур, которые, однако, имели в основном статичный характер; третья стадия начинается в современный период индустриализации и является завершением европейской и всемирной истории. Изменение исторического процесса требует также изменения исторического метода. Сферу действия историографии следует расширить путем нового истолкования истории на базе теории индустриального общества, структурированного рассмотрения истории как синтеза истории социальной и политической. Главной закономерностью истории Конце объявил переход от аграрного к индустриальному обществу, а теорию общественно-экономических фор-

¹² Conze W. Die Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht. Köln-Opladen, 1957, S. 18.

маций определил как искусственную схему.

Начинание Конце было поддержано другими неолиберальными историками старшего поколения **Гансом Ротфельсом** (1891-1976) и **Теодором Шидером** (1908-1984). Принцип индивидуализации исторических явлений они предложили заменить типологическими конструкциями исторического развития и применением для этого теории идеальных типов Макса Вебера и отчасти методологии французской школы "Анналы".

Однако структурно-социальная история осталась в работах неолиберальных историков старшего поколения более программным заявлением, чем практическим воплощением. Национальная идеалистическая традиция оказывалась для них непреодолимым наследием, сказавшимся в произведениях "Немецкая оппозиция против Гитлера" (1949) Ротфельса, "Кайзеровская империя как национальное государство" (1961) Шидера, "Немецкая нация" (1963) Конце. Они стремились исследовать социальные структуры, но настойчиво подчеркивали влияние и роль политических факторов и значение отдельных личностей для возникновения или уничтожения этих структур. Социальная история понималась ими как аспектуальная наука, т.е. любое явление возможно и правомочно рассматривать как в аспекте его политического, так и социального содержания.

Более значительное место в социальной истории заняли ученые молодого поколения, многие из которых вышли из семинаров Конце, Шидера и Фишера. Выделяются среди них работы Г.-Ю. Пуле, Р. Козеллека, Д. Штегмана, М. Штюрмера.

Исследуя место и роль аграриев в кайзеровской империи **Ганс-Юрген Пуле** (1940 г.р.) пришел к выводу о том, что юнкерско-буржуазный блок не был сплоченным и консолидированным, его участники преследовали собственные корыстные цели, стремясь зачастую к желае-

мым результатам за счет партнера¹³. Экономической основой политического значения юнкерства оставалось восточно-эльбское крупное поместье. Аграрии сохранили свои привилегии и имели непропорционально доле сельского населения представительство в правительственно-бюрократическом аппарате, армии, дипломатическом корпусе. В рейхстаге и прусском ландтаге аграрии опирались на мощный и однородный стабильный костяк депутатов, поэтому магнаты тяжелой индустрии постоянно были вынуждены искать с ними компромиссного соглашения. В то же время Пуле воздерживается от категорического заключения об определяющем значении юнкерства, поскольку конкретные факты зачастую не подтверждают этого вывода. Свидетельствуют они определенно лишь о том, что политический вес аграриев превышал их экономический потенциал. Лишь в годы первой мировой войны внутри "альянса стали и ржи" произошла перегруппировка в пользу тяжелой индустрии, что было связано с ее ведущей ролью в военном производстве. Но это была передвижка лишь внутри блока, общая его консервативная направленность оставалась неизменной.

Ученик Фишера **Дирк Штегман** (1938 г.р.) в большой монографии "Наследники Бисмарка. Партии и союзы в позднюю фазу вильгельмовской Германии" (1970) на богатом фактическом материале проанализировал процесс формирования в 1897-1918 гг. консервативного блока, направленного против социал-демократии. Идеологию консервативной консолидации автор интерпретирует как одно из ключевых понятий в объяснении глубинных причин внутреннего разложения и краха внешне могучей империи. Юнкерско-буржуазный блок был, по мнению Штегмана, более сплоченным и монолитным,

¹³ Puhle H.-J. Agrarische Interessenpolitik und preußischer Konservatismus im Wilhelminischen Reich, 1893-1916. Hannover, 1966; idem. - Politische Agrarbewegungen in kapitalistischen Industriegesellschaften. Göttingen, 1975.

чем представлял в своей книге Пуле. Хотя Штегман не отвергал существования трений между аграриями и промышленниками, он все же считал, что их общая антилиберальная и антидемократическая платформа, стала сильнейшим цементирующим блок средством. Однако, несмотря на то, что книга охватывала и период войны, влияние промышленников на политические решения правительства исследовано Штегманом лишь в отношении внутренней политики. Вопрос о роли буржуазии в выработке внешнеполитического экспансионистского курса Германии оставлен вне поля зрения автора.

Социально-политические проблемы Германской империи нашли отражение во многих работах Михаэля Штюрмера (1938 г.р.), автора книг "Правительство и рейхстаг в бисмарковском государстве, 1871-1880." "Цезаризм или парламентаризм" (1974), "Беспокойная империя" (1983), "Основание империи" (1984). По этим работам можно проследить определенную эволюцию автора от резко критических оценок немецкого прошлого до более умеренной позиции с консервативным оттенком.

Штюрмер определил политический характер империи как "незавершенное конституционное государство". Стремление упрочить общественное статус-кво таким, каким оно сложилось в 1871 г., в условиях быстрого процесса индустриализации превратило Бисмарка, по оценке автора, в "консервативного утописта". В конечном счете, "империю погубили те же силы, которые и создали ее"¹⁴. Она оказалась неспособной из-за сохранения консервативно-авторитарной системы правления к конструктивной модернизации в духе времени. Постоянное лавирование между монархически-цезаристским и либерально-парламентарным принципами приводило к тому, что империя опасно балансировала на грани государственного переворота и была вынуждена в качестве

спасительного клапана постоянно прибегать к фабрикации "врагов государства", будь то католики, социал-демократы, либералы-фритредеры. Внутренняя напряженность поэтому не снималась, а только затушевывалась, что влекло перманентное нарастание тревоги и ощущение нестабильности. Эти чувства усиливало и настороженное отношение соседних европейских государств к быстрому росту экономического и военного потенциала Германии, что, в конце концов, и привело к ее медленному "вползанию" в первую мировую войну.

Специфика западногерманской социальной истории проявилась и в произведении Рейнхарта Козеллека (1923 г.р.) "Пруссия между реформой и революцией" (1967). Он исходит из того, что Пруссия оказалась единственным европейским государством, в котором в XIX веке одновременно совпали процессы индустриализации страны и ее превращения в великую державу. А это имело далеко идущие последствия для будущего. Ключом к исследованию представляется Козеллеку анализ прусского законодательства, права и системы административного управления. В реформаторской политике прусской бюрократии находит автор корни последующих социальных и политических противоречий. Прусские реформы начала XIX в. расчистили дорогу буржуазному социально-экономическому устройству и ликвидировали крепостнические отношения в деревне.

Но ломка старой патриархальной системы привела и к тому, что неимущие и бедные слои населения Пруссии потеряли ту защиту, которую обеспечивали им прежде крупные землевладельцы, цеха и прочие сословные организации. Предоставленные самим себе, они оказались в состоянии конфронтации с государством, вступившим в это время на путь промышленного переворота. Все это вызвало бурную радикализацию масс и привело к революции 1848-1849 гг. Время для проведения реформ, как это было в начале века, на сей раз оказалось упущенным.

Книга Козеллека отразила стремление автора выйти за пределы политико-биографической истории и обратиться к анализу долговременных структур, сочетая при этом традиционные "историко-филологические методы" с новыми системно-структурными.

Такая умеренная форма социальной истории обязана своим происхождением специфической традиции немецкой герменевтики, т.е. искусству толкования текстов как источников. Необходимым условием для этого служит точное определение смысла и содержания исторических понятий. Показателем усиленного внимания к этой проблеме стала созданная под руководством В. Конце, О. Бруннера и Р. Козеллека семитомная энциклопедия "Основные исторические понятия" (1972-1985). Там подробно проанализировано около трехсот понятий, начиная от самого возникновения того или иного термина и его семантического значения и до наших дней. При этом история понятий не является тождественной истории языка, или идей, она раскрывает, прежде всего, социальную и политическую функцию понятия, устанавливает его точное содержание и сферу возможного применения. История понятий пользуется классическим историко-критическим методом герменевтики, но, рассматривая понятия в их социальном контексте, она становится интегральной частью общей социальной истории.

Гейдельбергская школа Вернера Конце. Одним из важных последствий поворота к социальной истории стало обращение к истории рабочего движения в Германии. Важнейшим центром его изучения явилось "Гейдельбергское рабочее общество по современной социальной истории", созданное в конце 50-х гг. по инициативе и под руководством В. Конце. Организацией Общества был завершён подготовительный этап решения тех задач, которые Конце ставил еще раньше, призывая отбросить индивидуализирующий метод исследования социальных проблем. Он справедливо считал, что следует выработать единую научную кон-

цепцию и организовать совместное исследование наиболее важных проблем истории.

Конце и его сотрудники поставили задачу теоретически обосновать и практически показать процесс медленной и мучительной интеграции промышленного пролетариата в капиталистическую общественную структуру. Теория интеграции легла в основу выпускаемой Обществом научной серии "Индустриальный мир", где исследуются различные проблемы немецкой истории XIX - начала XX в., возникновение и развитие рабочего и социал-демократического движения, социально-экономическая история, история отдельных промышленных предприятий и их социальная анатомия. На эти исследования правительство Баден-Вюртемберга выделяет гейдельбергскому Обществу ежегодные субсидии около ста тысяч марок.

Считая рабочее движение "одним из важнейших явлений нашей современной истории", Конце обоснованно подчеркивал, что в кайзеровской империи решение рабочего вопроса правящие круги искали на путях репрессий, а не либеральных реформ. В результате произошло отчуждение рабочих от государства, вылившееся в раскол немецкого политического сознания на буржуазно-национальное и пролетарско-социалистическое, который до сих пор оказывает свое негативное на единство общества воздействие.

Гейдельбергская школа дала собственную типологизацию и международного рабочего движения, вычленив англосаксонский, российский и германский типы. Идеальной моделью считается англосаксонская, которую отличают прагматизм, слабое влияние идеологических постулатов, эволюционно-реформистский характер, уважение парламентарной системы власти.

Российский тип противоположен англосаксонскому. Он возникает в условиях отсталой и консервативно-авторитарной политической системы и при слабой буржуазии. Поэтому он восприимчив к идео-

¹⁴ Das kaiserliche Deutschland, hg. v. M. Stürmer. Düsseldorf, 1970, S. 21.

логической агитации социалистов и стоит на позициях активной революционной борьбы.

Немецкий тип занимает как бы промежуточное положение между этими двумя полюсами и поэтому более противоречив внутренне. Для него характерны значительное отчуждение от буржуазного государства и общества, тенденция к созданию организованной и сплоченной политической партии, дуализм революционной идеологии и реформистской практики. Поэтому развитие немецкого рабочего движения шло более сложным и противоречивым путем, в нем действовали различные тенденции: реформистская и революционная, реально-практическая и эфемерно-теоретическая, национально-лояльная и интернационалистская. Первую линию проводили в жизнь Ст. Борн, Ф. Лассаль, Э. Бернштейн, вторую - А. Бебель, В. Либкнехт, К. Либкнехт, Р. Люксембург. При этом резонно подчеркивается, что национальная идея была вначале сильнейшим объединяющим фактором, но после образования империи она стала монополией консервативных сил, злоупотребивших ею во имя своих эгоистических целей¹⁵. Тем не менее, национальные чувства не были утрачены рабочими, а сама германская социал-демократия представляла, в сущности, особую форму "национально-революционного движения". Для доказательства этого тезиса гейдельбергская школа разработала модель "двойной лояльности" - к нации и к классу. Интернационализм выступает в этом случае как "эрзац национальной общности".

Одним из исходных тезисов школы явилась идея противоречия теории и практики у немецкой социал-демократии, что напрямую связано с проблемой распространения влияния марксизма. По этой интерпретации Маркс и Энгельс предстают далекими от жизни и практической деятельности теоретиками, плохо знако-

мыми с положением и настроениями немецких рабочих в отличие от Борна или Лассаля, трезвых реалистов и практиков. Переход СДПГ на марксистские позиции и принятие Эрфуртской программы объясняются реакцией на исключительный закон против социалистов, который привел к отчуждению социал-демократии от государства и ее переходу на враждебные позиции. Решающую роль в появлении этого чувства ненависти к государству сыграли причины не столько политического, сколько психологического характера. Социал-демократия, превратившись в изгоев и преследуемых париев, быстро радикализировалась. В этом и состояла самая тяжелая ошибка Бисмарка, упустившего шанс привлечь рабочих на сторону властей.

Однако процесс демократизации и парламентаризации Германии уже принял исторически необратимый характер. Все попытки воспрепятствовать этому могли иметь только временный успех, но в долгосрочной перспективе были обречены на провал. В этом смысле Конце считал, что события 1918-1919 гг. в Германии вообще вряд ли можно определить как революцию, поскольку они не изменили общего направления развития в современное индустриальное общество. "Включение рабочих в нацию" началось уже с 1914 г., но неожиданное военное поражение привело к "импровизированному характеру первой немецкой демократии". Она не смогла, поэтому предотвратить "атомизацию" общества, его распад на многочисленные и враждебные друг другу партии и организации. Не привыкшие к деятельности в условиях демократической системы, широкие слои легко воспринимали радикальные и экстремистские лозунги слева и справа. Развитие фатально шло по нисходящей линии, ведущей к общему кризису Веймарской республики. Ее государственно-конституционный кризис усугубился кризисом экономическим. Несовершенное плюралистическое общество рухнуло под двойной чрезвычайной нагрузкой. Стабильная парламентарно-демократическая

система была установлена лишь после вторичного краха Германии.

Марбургская школа. Центром изучения немецкого рабочего и социал-демократического движения с марксистских позиций стала школа, сложившаяся к началу 70-х гг. в Марбургском университете вокруг профессора политических наук В. Абендрота. Ранес он являлся членом СДПГ, но за выступления против ремилитаризации, политической реакции и реставрации власти капитала был в 1961 г. исключен из партии.

В работах марбургской школы освещаются в основном два круга проблем: идейно-политическое развитие рабочего и социалистического движения, положение и стачечная борьба немецкого пролетариата. Эти вопросы исследуются в книгах Абендрота "Подъем и кризис немецкой социал-демократии" (1964), "Социальная история европейского рабочего движения" (1965), в коллективных трудах его учеников "Немецкая социал-демократия, 1890-1933" (1974), "История немецкой социал-демократии, 1863-1975" (1975), "История немецкого профсоюзного движения" (1977), "Марксизм и рабочее движение" (1980), основанных на широком круге источников и литературы.

Определяющей чертой всех этих работ является тезис о том, что наиболее решительным и последовательным носителем идей демократии, антимиитаризма и социализма в Германии был рабочий класс. Выделяется два различных периода развития немецкого рабочего движения в 1871-1914 гг.: переходный от домонополистического капитализма к монополистическому и период империализма.

Характерной чертой второго периода марбургская школа считает интенсивное вторжение юнкерско-буржуазного государства в экономику и создание значительного государственного сектора в хозяйстве. Ее представители подчеркнули, что деление германской буржуазии на монополистическую и немонополистическую еще недостаточно. Сам монополистический капитал так же не был единым

ни в экономическом, ни в политическом отношениях. На рубеже XIX-XX вв. внутри него образовалось два главных лагеря - магнаты тяжелой и руководители легкой промышленности. Ведущую роль играли монополисты горно-металлургической индустрии, по отношению к которым ориентированная более на экспорт продукции буржуазия в легкой, химической и электротехнической промышленности играла роль оппозиции, готовой в определенной мере пойти на союз с реформистской частью социал-демократии против ультраправого картеля. Однако из-за, классовый позиции большинства членов СДПГ и нерешительности самой буржуазии такого союза не получилось. Наоборот, в дальнейшем на общей платформе империалистической экспансии возобладала тенденция к сближению различных группировок немецкой буржуазии.

В целом, оценки марбургской школой рабочего и социалистического движения в Германии были созвучны утвердившимся в советской историографии. Но имелись и некоторые отличия. Например, Г. Фюльберт и Ю. Харрер полагают, что в конце XIX в. рабочей аристократии как политической опоры реформизма в Германии не существовало. Считают они также, что до первой мировой войны ни Бебель, ни Ленин не разглядели центристского направления в СДПГ, и его появление было для них совершенно неожиданным.

Видным представителем марбургской школы является профессор **Рейнхард Кюнль** (1936 г.р.), специалист по истории фашизма, автор книг "Национал-социалистическая левая" (1966), "Формы буржуазного господства. Либерализм, фашизм (1971), "Фашизм. Причины. Структура господства. Актуальность" (1983), "Веймарская республика" (1985), "Нация. Национализм. Национальный вопрос" (1986).

Кюнль считает, что приход Гитлера к власти был обусловлен тем, что главные цели господствующих в Германии кругов совпали с целями, провозглашенными национал-социалистами. Но традиционные

¹⁵ Conze W., Groh D. Die Arbeiterbewegung in der nationalen Bewegung. Stuttgart, 1966, S. 114-116.

буржуазные партии не могли создать себе массовую базу, тогда как НСДАП привлекла на свою сторону многомиллионные массы. Дело не столько в финансовой поддержке монополий, сколько в комплексе факторов, когда роковым образом совпали "последствия кризиса, общие идеологические традиции Веймарской республики, особенно сильное влияние правоконсервативных сил и действенная агитация нацистского руководства"¹⁶.

Касаясь структуры нацистского господства, Кюнль полагает, что она имела бонапартистский характер, при котором в Германии 1933-1945 гг. существовал союз двух в целом равноценных партнеров - национал-социалистической партии и старой промышленно-аристократической элиты. Они нуждались друг в друге в силу общности интересов и целей. Но утверждать, что нацисты являлись агентурой крупного капитала, по справедливому мнению Кюнля, было бы явной примитивизацией проблемы. Капитал начинает интересоваться нацистским движением серьезно тогда, когда оно достигает массового размаха и превращается в заметную политическую силу. До этого же нацизм представляет собой автономное движение мелкой буржуазии и соединяет в себе как антисоциалистические, так и антикапиталистические устремления и настроения. Поэтому следует четко различать фашистские и диктаторские режимы, внешне во многом схожие, но по сути своей совершенно различные. Таким образом, для Кюнля франкистская Испания, салазаровская Португалия не были фашистскими государствами, поскольку открытая террористическая диктатура не опиралась там на массовое движение.

"Нужна ли еще история?" Развитие социальной истории, представлявшее шаг вперед, повлекло за собой на рубеже 60-х - 70-х гг. неожиданное последствие. Соглашаясь с тем, что в современном технологическом обществе многие связи с про-

шлым оказались прерванными, часть ученых стала выражать сомнение в ценности и значимости изучения прошлого вообще. Неясным оставался вопрос о месте истории среди других социальных наук и ее соотношении с ними. Тем более, что последние переживали бурный подъем. Социология, политология, быстрее реагировали на политико-идеологические потребности общества. Они были менее отягощены грузом старых теоретико-методологических и идейно-политических традиций.

Под вопрос была поставлена не только способность исторической науки играть в обществе активную роль, но даже правомерность ее существования как научно-учебной дисциплины. Тревожным сигналом для историков прозвучала ликвидация в начале 70-х гг. преподавания истории и замена ее курсом социального обществоведения в старших классах гимназий таких земель как Гессен, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, где у власти стояли социал-демократические правительства. Реформа вызвала резкий протест Союза историков, заявившего, что исторические знания необходимы для ориентирования в реальности. Их отсутствие влечет за собой "некритичное восприятие псевдонаучных и недемократических идеологий". Протест был поддержан фракцией ХДС в гессенском ландтаге, потребовавшей принятия специального закона о преподавании истории. Через несколько лет это было восстановлено в полном объеме.

Конкуренция и критика со стороны представителей социальных наук, считавших историю "метафизической тоской по прошлому", вызвали ответную реакцию, хотя заметной была растерянность историков. На съездах в Кельне (1972) и Регенсбурге (1974) были сделаны пленарные доклады под характерными названиями "Нужна ли еще история?" и "Жить без истории?". Оживились и перешли в наступление на этих съездах и приверженцы идеалистического историзма. Они усматривали причины кризиса в том, что соци-

альная история очутилась в опасной близости к марксизму и перестала быть наукой.

Пессимизм чувствовался и на Мангеймском съезде в 1976 г., прошедшем в атмосфере вялых и бесплодных теоретических дискуссий. Пресса упрекала историков в недостатке мужества к постановке острых проблем и констатировала наличие пропасти между исторической наукой и ожиданиями общественности. Выступивший при открытии съезда президент ФРГ Вальтер Шеель призвал историков осознать свою ответственность перед обществом. Подчеркнув их высокую роль, он заявил, что судьба Германии XX века могла бы сложиться более счастливо, если бы учебники истории создавали такие ученые как Леопольд Ранке. И на Гамбургском съезде 1978 г. канцлер Гельмут Шмидт выразил пожелание, чтобы историки писали свои работы в привлекательной, интересной и доступной для широкого читателя форме.

В связи с таким положением развернулась широкая дискуссия о роли и задачах исторической науки и ее теоретико-методологических основах. Выяснилось, что умеренный вариант социальной истории, оставивший в неприкосновенности многие элементы идеалистического историзма, не привел к подлинной модернизации исторического исследования. Обозначилось отставание западногерманской историографии от развития исторической науки в США, Великобритании, Франции, где сформировались крупные научные школы, изучавшие социально-экономические процессы и их воздействие на общество. Развитие полемики привело к размежеванию внутри неолиберального направления. От него отделилась сравнительно небольшая, но чрезвычайно активная группа историков, образовавших новую школу.

Социально-критическая школа. Специфичной чертой новой школы явились две отличительные особенности. Она провозгласила своей задачей "анализ социальных слоев, политических форм гос-

подства, экономического развития и социокультурных феноменов". Это означало, что следует не просто выделять и изучать социальные аспекты исторических явлений, а брать эти явления в комплексе составляющих их социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных факторов. Понятие социальной истории следует интерпретировать так широко, чтобы из него не оказались выброшенными событийно-личностные аспекты. Отсюда следовал важный вывод о том, что структурно-исторический принцип не может быть монополией лишь социально-экономической истории, а должен применяться ко всем сферам исторической действительности. Социальная история в этом расширенном варианте исследует социальные структуры, процессы и действия, развитие классов, слоев и групп, их взаимоотношения и конфликты. Но поскольку вся эта проблематика есть не что иное, как история человеческого общества, то такую историю можно назвать "общественная история". При этом писать ее необходимо с критической точки зрения. Только в этом случае историческая наука может внести весомый вклад в создание "рационально-гуманного общества", которого пока не сложилось окончательно ни в одном государстве на земном шаре.

Центром социально-критической школы стал Билефельдский университет, а ее рупором выпускаемый с 1975 г. журнал "История и общество. Журнал исторической социальной науки".

Несмотря на то, что между отдельными представителями этой школы существуют определенные идейно-политические и теоретико-методологические расхождения, в главном они придерживаются одинаковых позиций.

Их объединяет убеждение в необходимости взаимосвязи научного исследования с общественной практикой, проведения реформ с целью улучшения и определенного изменения существующих общественных отношений, опоры исторического

¹⁶ Kuhn R. Der Faschismus. Heilbronn, 1983, S. 24-30.

исследования на прочные теоретические основы.

Они подчеркивают, что предметом изучения исторической науки должны стать не отдельные явления или личности сами по себе, а широкие общественные процессы, которые большей частью не осознаются их участниками. Поэтому, историю нельзя интерпретировать как науку о духе, ибо нельзя исследовать эпоху, исходя из ее собственного самопонимания. Анализ и теория, а не вчувствование и описание должны быть главным инструментом исторического познания. Значимость последнего определяется не антикварным интересом, а потребностями сегодняшнего дня, поэтому историческая наука приобретает функцию "критического просвещения" и выполняет роль "политической педагогики".

Настаивая на необходимости преодоления дефицита теории, социально-критические историки стремятся к тесной кооперации с системно-социальными науками, в том числе и к широкому использованию диалектико-материалистического метода. Касаясь последнего, социально-критическая школа подчеркивает, что марксистская историческая теория не может быть единственным инструментом исторического познания, ее необходимо применять в сочетании с другими методами и принципами. Представители школы убеждены в том, что ни одна историко-философская теория не может служить универсальной отмычкой ко всему богатству истории в целом. Марксистская теория, с этой точки зрения, образцовый пример научного познания процессов XVIII-XIX вв., но не более того. Для изменившихся условий XX века она пригодна лишь частично, наряду с другими теориями "среднего радиуса действия", т. е. теориями, ограниченными определенными пространственно-временными рамками.

Одно из основных мест среди них занимает теория модернизации, суть которой состоит в следующем.

Модернизация, точно его общепринятого определения которой не существует,

обозначает содержание истории нового времени с возникновения капиталистической общественной системы. Европейский и североамериканский капитализм понимается как норма и образец процесса модернизации, которому в иных, своеобразных и причудливых вариантах последовали прочие регионы, в том числе социалистические и развивающиеся страны. Критериями модернизации выступают индустриализация, научно-техническая революция, развитие системы образования и просвещения, социально-политическое преобразование традиционных структур власти в направлении парламентарно-демократической системы.

Для исторического познания теория модернизации в глазах социально-критической школы имеет первостепенное значение в силу нескольких обстоятельств. Она привлекательна как раз из-за своего многозначного и многовариантного характера без претензий на роль жестко завершенной схемы, что дает возможность плюралистического толкования истории. Понятие модернизации охватывает не только экономические аспекты, но включает в себя социальные, политические и культурные феномены, не настаивая при этом на примате какого-то одного из этих факторов. Поэтому теория модернизации отбрасывает откровенный вульгарно-материалистический технологический детерминизм концепции индустриального общества. Она стремится осмыслить исторический процесс в его комплексности и целостности.

Что касается марксистской схемы общественно-экономических формаций или теории "пяти стадий роста" У. Ростоу, то их основной недостаток социально-критическая школа усматривает в том, что ни одна из них не дает удовлетворительного ответа и объяснения причин расхождения путей развития стран с примерно одинаковым экономическим уровнем и аналогичными социальными отношениями. Отказалась школа и от трехступенчатой схемы истории, легшей в основу теории индустриального общества, сокра-

тив ее до двух типов обществ: традиционного и современного.

Переход общества из традиционного в современное состояние происходит путем рационализации всех сфер общественной жизни. В этом отношении социально-критическая школа стоит на плечах Макса Вебера, который интерпретировал процесс всемирно-исторического развития именно как процесс возрастания рационализации в экономике, политике и культуре. Школу нельзя назвать веберовской в полном смысле, но ее представители в наибольшей степени стремятся использовать многие идеи Вебера и в теоретическом, и в конкретно-историческом отношении.

В духе Вебера многомерная модель объяснения прошлого социально-критическими историками основывается на принятии трех принципиально равноправных осей исторического развития: экономической, политической и культурной. В своем многообразном переплетении в различные исторические периоды каждая из этих осей приобретает различный вес и влияние. Задача исторического исследования как раз и состоит в том, чтобы точно определить, какая из них доминировала и в соответствии с этим дать анализ и объяснение конкретного исторического феномена в его неповторимости и своеобразии, но с учетом его включения в более общие исторические взаимосвязи. В отношении современного мира эти оси конкретизируются в индустриальном капитализме, бюрократизированном государстве, рациональной науке и культуре.

Социально-критические историки стремятся связать воедино теорию и эмпирику. Показательны в этом отношении работы одного из виднейших представителей школы **Юргена Кокки** (1941 г.р.). В книге о состоянии немецкого общества в годы первой мировой войны¹⁷ он исследует социально-экономические структуры и

¹⁷ Kocka J. Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914-1918. Göttingen, 1973.

процессы развития в недрах общества вместо традиционной интерпретации, концентрирующей внимание на деятельности руководящих личностей в области экономики и политики. Свой анализ Кокка стремится вести на основе классовой теории марксизма, дополнив ее, несколько эклектично, новыми теориями конфликта. Поскольку марксистская теория классовой борьбы обособлена автором от общего контекста учения Маркса, она очень близка к механистической схеме объяснения. Сам Кокка в принципе согласился с такими критическими замечаниями, но подчеркнул, что эта модель была выбрана, поскольку лучше всего позволяет понять возрастание социально-политических противоречий в Германии, которое с "неумолимой последовательностью" привело к революции 1918-1919 гг. Такая модель позволяет принять во внимание и иные тенденции, религиозные факторы, региональные особенности, не теряя при этом общих контуров, выразившихся, прежде всего, в растущем отчуждении рабочих не только от государства, но и от бюрократизировавшихся профсоюзов и СДПГ. В духе Макса Вебера Кокка подчеркнул, что его концепция является идеальным типом или эвристическим средством, которое невозможно ни верифицировать, ни опровергнуть. Это - инструмент "аналитической идентификации, объясняющий связи, и убедительного изображения элементов и факторов исторической действительности"¹⁸.

Автор аргументированно показал, как в ходе войны внутри юнкерско-буржуазного блока произошла передвижка сил в пользу усиления промышленных элементов, оттеснивших аграрную аристократию на второй план. Под влиянием индустриальных магнатов оказались не только органы гражданского управления в рейхе, но и верховное командование армии, которое совместно с промышленниками разрабатывало методы государственного регулирования экономикой. Но принци-

¹⁸ Ibid., S. 138.

ального изменения в политике германских правящих кругов в связи с такой передвижкой не произошло. По-прежнему преобладало общее единодушие в главном - в негативном отношении к назревшим реформам. Это ослабляло и тыловое хозяйство, и саму армию. Привилегированные структуры допускали государственное вмешательство только в весьма ограниченных пределах, а это помешало мобилизации всех сил для проведения тотальной войны. В конечном счете, заключил Кокка, господствующие слои Германии, а вовсе не революция, несут ответственность за моральное разложение армии. Государство, отказываясь от проведения реформ, утратило свой авторитет среди трудящихся масс. Имущие же классы были недовольны тем, что оно не могло обеспечить порядок в стране и предотвратить поляризацию классовых сил. Революция стала следствием не проигранной войны, а логическим итогом кризиса, нараставшего по линии: классовые противоречия - классовая напряженность - классовый конфликт.

Богатейший фактический материал вошло в себя трехтомное исследование по истории рабочего движения в Веймарской республике, созданное другим крупным представителем социально-критической школы, профессором Фрейбургского (с 1991 г. - Берлинского) университета **Генрихом Августом Винклером** (1938 г.р.)¹⁹.

Занимая в политическом плане социал-демократические позиции, Винклер исходит из признания значимости марксизма для научного анализа, но считает, что необходимо использовать и достижения немарксистской историко-политической мысли.

Главное место в его фундаментальном, насчитывающем более 2, 5 тысяч страниц

исследовании занимает история организованного в рядах СДПГ и свободных профсоюзов рабочего движения. Он полагает, что в дни германской революции руководство партии не сумело укрепить основы демократической республики. Вместо этого оно пошло на союз с реакционным бюрократическим аппаратом старой империи и контрреволюционным офицерским корпусом. Упустив благоприятный для проведения радикальных демократических преобразований момент, оно предпочитало дожидаться созыва Национального собрания для придания своей власти и политике легитимного характера. Но социал-демократы не получили большинства мест в парламенте и были вынуждены заключить с буржуазными партиями компромисс.

Винклер исходит из постулата о том, что предпосылок для социалистической революции в Германии не было. Поэтому союз социал-демократии с коммунистами оказался практически невозможным, тем более что компартия не имела массовой базы и влияния в стране, а ее радикально-социалистические требования лишь ослабляли левые силы и закрепляли их разобщенность.

Подробно и доказательно автор проследил, как шаг за шагом СДПГ уступала натиску буржуазии и юнкерства, отказываясь от решительного противодействия правым силам, опасаясь развязывания гражданской войны, и возлагала мифические не оправдавшиеся надежды на свою победу путем парламентских выборов. Это приводило к общему ослаблению республиканских институтов и постепенному свертыванию достигнутых демократических свобод.

Анализируя деятельность компартии Германии, Винклер обстоятельно показал сектантские ошибки коммунистов и негативное влияние Коминтерна на ее уставовки и деятельность. Он делает вывод о том, что после отстранения Коминтерном от руководства партией Пауля Леви она перестала быть самостоятельной и в дальнейшем действовала строго по указаниям

Кремля, стремившегося осуществить в Германию экспорт социалистической революции. Превращение КППГ в партию сталинистского тоталитарного типа, враждебную Веймарской республике, внесло заметную лепту в расшатывание демократических устоев. И в условиях нарастания фашистской опасности в 1930-1933 гг. компартия, как выделил Винклер, не отказалась от печально известной теории социал-фашизма, допуская создание единого рабочего фронта только снизу. Более того, ряд приводимых в исследовании фактов (избрание президента Германии в 1925 г., референдум по вопросу о роспуске прусского ландтага в 1931 г., забастовка транспортников Берлина в 1933 г.) показывают, что компартия и национал-социалисты в этих и многих других случаях действовали совместно как союзники.

На основе своего анализа Винклер пришел к выводу о том, что ответственность за гибель Веймарской республики несут нацисты, правые националистические партии, КППГ и Коминтерн. Что касается социал-демократии, то автор не снимает с нее долю вины, но считает, что вина эта имела объективные корни, поскольку СДПГ была не в состоянии спасти демократию в одиночку и была окружена стеной вражды, как справа, так и слева.

В социально-критическую школу входит и один из ведущих западногерманских специалистов по творчеству Макса Вебера и проблемам империализма, профессор Дюссельдорфского университета **Вольфганг Моммзен** (1930 г. р.). В своих многочисленных исследованиях он также использует системно-аналитические методы, не отказываясь радикально при этом и от применения традиционных, зарекомендовавших себя филолого-герменевтических приемов текстуального анализа.

Произведения Моммзена "Эпоха империализма" (1968), "Теории империализма" (1977), "Европейский империализм" (1979) исходят из признания необходимости плюралистической трактовки этого сложнейшего исторического явления. По

его мнению, все прежние классические теории империализма страдают тем, что, во-первых, они базируются, прежде всего, на определенных политических, а не на научных позициях, и, во-вторых, вся их аргументация чересчур монокаузальна, т.е. сводит все к одной причине. Моммзен же считает, что необходима комбинированная модель объяснения.

В общих контурах концепция империализма самого Моммзена заключается в следующем.

Империализм - это, прежде всего, следствие льющейся через край энергии европейских обществ в экономической, политической и военной сферах, но не присущая этой системе необходимость. Империалистическая экспансия была вызвана к жизни технологическим и экономическим превосходством индустриальных государств, которым стали тесны собственные границы. Способствовали этому и общественные процессы внутри стран, прежде всего стремление традиционных доиндустриальных господствующих элит сохранить свое положение путем активной внешней экспансии. Специфически экономические интересы буржуазии, несомненно, сыграли в каждом конкретном случае решающую, но не абсолютную роль. Мотивы, скрывавшиеся за империалистической политикой, были весьма разнообразны и выражали интересы различных социальных групп и классов.

Империализм, по убеждению Моммзена, нельзя охарактеризовать однозначно уже потому, что есть два различных его типа - реакционный и исторически прогрессивный. Первый осуществляет открыто насильственную захватническую политику, которую Моммзен справедливо и недвусмысленно осуждает. Сложнее обстоит дело с транснациональным финансовым капиталом, нацеленным не на войны, а на международное сотрудничество и кооперацию. Поэтому, ленинская теория империализма, по небезосновательному суждению Моммзена, построена на опыте лишь определенной фазы развития капитализма на рубеже XIX-XX веков.

¹⁹ Winkler H. A. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik. Bd. 1. - Von der Revolution, zur Stabilisierung, 1918 bis 1923. Bd. 2. - Der Schein der Normalität, 1924 bis 1930. Bd. 3. - Der Weg in die Katastrophe, 1930 bis 1933. Berlin-Bonn, 1984-1987.

Не оправдались прогнозы этой теории в отношении исчезновения средних немонаполистических слоев, господство финансового капитала так и не стало всеобъемлющим, ни территориальный, ни экономический раздел мира не стали существенными чертами системы, наконец, капитализм доказал свою эластичность и способность выживаемости в трудных ситуациях.

Концепция немецкой истории Ганса-Ульриха Велера. Лидером социально-критической школы выступил необычайно плодовитый историк, профессор Билефельдского университета **Ганс-Ульрих Велер** (1931 г. р.), создавший логичную и законченную концепцию немецкой истории XIX - первой половины XX века. Она изложена в трех книгах "Бисмарк и империализм" (1969), "Очаги кризисов кайзеровской империи" (1970) и "Германская империя, 1871 -1918" (1973, 7-е изд. В 1994 г.).

В первом произведении Велер проанализировал колониальную политику Германии во взаимосвязи с процессом индустриализации. Последнюю он понимал не как прямолинейный путь постоянного экономического роста, а как колеблющееся развитие, прерываемое кризисами и несущее печать национальной специфики. Рассматривая общество в совокупности экономических, политических и идейных факторов, Велер отметил, что изменения в одной сфере вызывают сдвиги в других. Поэтому империализм бисмарковского периода, отождествляемый автором с колониальными захватами, нельзя объяснить чисто экономическими причинами. Нужно рассматривать его в свете также социальных, политических и идеологических факторов, т. е. как функцию не только внешней, но и внутренней политики.

Империализм Велер трактует как социал-империализм, как стратегию и средство оборонительной стабилизации господства, чтобы разрешить внутренние социальные противоречия и конфликты не коренными реформами, а переводом интересов и энергии в направлении внешней экспан-

сии. Но стройной связи теоретического и эмпирического изложения Велеру полностью добиться не удалось. Фактический материал, приведенный в книге, свидетельствует скорее не о целенаправленной социал-империалистической стратегии отвлечения, а о противоречивом сочетании экономических, внешнеполитических соображений, да и о чисто случайных факторах.

В других работах по истории империи Велер более тщательно соединил теорию и эмпирику и развил далее свои мысли на основе концепции модернизации и идей Макса Вебера, который в свое время требовал проведения социально-политических реформ, чтобы привести в соответствие с быстрым экономическим развитием Германии уже устаревшую структуру политического господства, перевести ее на либерально-парламентарные рельсы. Но этого не произошло. Авторитарная система власти, сложившаяся при Бисмарке, закрепила ведущие позиции и определяющее влияние за крупными аграриями. Результатом явилась, как подытожил Велер, объективная неспособность кайзеровской империи к необходимой модернизации, что и предопределило ее внутреннюю слабость и крушение.

Наиболее важным элементом концепции Велера стало проведение четкой линии преемственности истории Германии от образования империи на консервативной платформе до немецкого фашизма. Он доказывал, что силы, которые привели Веймарскую республику к гибели, а национал-социалистов - к власти, сформировались и окрепли еще в период кайзеровской монархии. Таким образом, путь развития от Бисмарка к Гитлеру определили в первую очередь элементы доиндустриального общества, воспрепятствовавшие установлению в стране системы массовой социально-политической парламентарной демократии.

Ценной и научно-плодотворной стороной произведений Велера явился детальный и тщательный анализ общего механизма функционирования государствен-

ной машины, убедительное раскрытие сути политического господства в обществе. Однако по сравнению с действительно роковой для Германии ролью реакционной аграрной и военной аристократии функция и значение крупной буржуазии оказались отодвинутыми в тень, хотя Велер не раз подчеркивает теснейшие связи аграриев и магнатов тяжелой промышленности.

Правильно указав на несостоятельность попыток изолировать германский нацизм от всей предшествующей истории и представить его как трагическую случайность, Велер все-таки начертил слишком жесткую линию преемственности с элементами фатального предопределения и роковой неизбежности нацизма.

После исследования кайзеровской империи Велер поставил цель проследить еще более глубокие корни и истоки особого немецкого пути развития и приступил к созданию обобщающего труда по истории германского общества XVIII-XX веков²⁰.

Свособразие Германии, по его концепции, определилось тем, что в ней на рубеже нового времени так и не произошло успешной буржуазной революции. Из-за этого страна стала отставать в своем развитии, подвергаться все более усиленному внешнему давлению и превратилась в объект мировой политики. Решающее усилие для рывка вперед было предпринято только после катастрофического разгрома, нанесенного германским государствам Наполеоном и выступило в облике "дефензивной модернизации".

Рассматривая проблему реформы и революции в истории, Велер отдает предпочтение эволюционному пути развития как более адекватному инструменту социального прогресса. Революция - это стремительная вспышка в истории, "насильственно ускоренный процесс структурных изменений", в то время как реформа - постоянный и основной компонент медленного векового потока истории. Она - пра-

вило исторического процесса, а революция - редкое исключение.

Оформление неонисторизма. Резко критические и полемически заостренные работы Велера, завоевавшие широкую популярность, особенно среди студенчества, вызвали живую ответную реакцию историков, пораженных провоцирующей остротой суждений билефельдского ученого. В очень академической и спокойной форме против излишней политизированности его концепции высказался Вернер Конце. Другие критики проявили большее раздражение и упрекали Велера за дух абсолютного нигилизма и отрицания чего бы то ни было позитивного в немецкой истории. Наиболее фундаментальный критический анализ концепции дал известный мюнхенский историк **Томас Ниппердай** (1927-1992), возражения которого были весьма серьезными, взвешанными и указывали на действительно сомнительные и уязвимые моменты²¹.

Ниппердай соглашался с необходимостью использования социологических методов в историческом исследовании и считал оправданным повышенное внимание к социально-экономическим структурам. Но его насторожило требование исключительно критической функции историографии, превращение ее в политическую педагогику. Если история ограничивается только извлечением уроков из прошлого, считал Ниппердай, она видит в нем лишь те негативные стороны, которые надо преодолеть. Коль скоро историческое исследование превращается в судилище над предками, оно ограничивается задачами самоутверждения общества нынешнего или отдельных социальных групп в нем и становится наукой не критической, а апологетической. Наука, как в духе Макса Вебера, подчеркнул Ниппердай, не должна претендовать быть способной дать ответ на вопрос: что делать? Ее задача иная:

²⁰ Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte, Bd.1-3. München, 1987-1995. 4-й том еще не вышел.

²¹ Nipperdey T. Wehlers "Kaiserreich". Eine kritische Auseinandersetzung.-Geschichte und Gesellschaft, 1975, H. 1, S. 539-560.

показать, что произошло в прошлом и почему случилось именно так, а не иначе.

История, по словам критика, имеет открытый характер, в ней нет лишь одной линии преемственности, в каждый исторический момент существуют альтернативные возможности. Поэтому, каждую историческую эпоху следует изучать в ее целостности и своеобразии, а не превращать последующие события, в данном случае 1933 год, в мерило оценки всей немецкой истории. Конечно, это не означает, что Ниппердай отверг необходимость объяснения последующего из предыдущего. Он признал преемственность развития, но убежденно заявил, что нельзя объяснять более раннее из того, что произошло позднее. Преемственность не следует путать с каузальной зависимостью, поскольку первая предполагает определенную схожесть элементов, составляющих различные явления.

Была несомненная линия преемственности от Бисмарка к Гитлеру, но это только одна среди прочих, пусть и реализовавшаяся. Но неправомерно отбрасывать иные линии, в частности, линию либерально-демократическую, шедшую от прусских реформ начала XIX века через революцию 1848-1849 гг. к Веймарской республике и, наконец, к ФРГ. Отвергать эту линию было бы антиисторично. Историк должен подходить к прошлому не с предвзято-политической точки зрения, а с позиции исторической объективности, которая была одним из краеугольных камней немецкого историзма. Поэтому, Ниппердай и другие сторонники применения модернизированных принципов историзма и умеренного варианта социальной истории выступили с позиций неисторизма.

Ярким произведением неисторической литературы явилась фундаментальная биография Бисмарка, созданная профессором Франкфуртского университета и одним из издателей "Исторического журнала" Лотаром Галлем

(1936 г.р.)²². Книга была не просто политической биографией, она обосновывала возможность персонифицирующего и индивидуализирующего подхода к истории. Проявилось это, прежде всего, в том, что Бисмарк изображен как исключительно прагматический циник, изолированный даже в пору своих наибольших успехов от всех политических групп и течений.

То, что называют процессом модернизации, связано в Германии с личностью Бисмарка, осознавшего исторический характер эпохи, которая нуждалась в насильственных переменах. Поэтому, начавшийся в 1866 г. после разгрома Австрии период Бисмарка как творца истории закончился, по мнению Галля, уже в конце 70-х гг., хотя у власти он оставался еще два десятилетия.

Причина этого в том, считал автор, что к 1879 г. Бисмарк пришел к выводу о нежелательности и опасности для Германии и Пруссии, да и себя самого, любых дальнейших перемен. Вся его последующая деятельность была поэтому направлена на сохранение и укрепление сложившегося статус-кво. Стремясь удержать роль арбитра между различными социальными силами, Бисмарк изжил себя как политический деятель, его курс во многих отношениях зашел в тупик. На арену выступило новое индустриальное общество, и канцлер оказался уже не в состоянии справиться с теми силами, которые он же сам вызвал к жизни.

Разумеется, Галль не утверждает, будто Бисмарк творил историю по своему произволу. В нем наиболее ярко отразилась связь выдающейся личности с тенденциями ее времени, с прошлым и будущим. В этом плане Бисмарк был революционером и консерватором одновременно. Идеал его стремлений целиком принадлежал прошлому, реальная его политика, привела к прорыву в будущее, к созданию централизованного мощного бюрократического государства, совер-

²² Gall L. Bismarck: Der weiße Revolutionär. Frankfurt a. M., 1980.

шенно необходимого для рождения и развития индустриального общества.

Оформление компромиссного по своей сути неисторизма имело еще одну причину. Социально-критическая школа возникла в период активной политической борьбы за реформы на рубеже 60-х - 70-х гг. Спустя десять лет положение стало иным, возрос интерес не к критике прошлого, а к традициям, которые могли бы послужить стабилизирующим элементом общества. Работы социальных историков не отвечали интересам и запросам широкой публики, которой графики, таблицы, диаграммы, теоретические рассуждения были непонятны и просто скучны. Она искала и не могла найти в их произведениях живого человека. Не случайным явилось, поэтому возрождение и быстрый расцвет нарративной (повествовательной) историографии в духе стилистически блестящих работ Леопольда Ранке.

История повседневности. Стремление вернуть в историю человека, отразилось не только в подъеме нарративной литературы, но и в появлении направления, изучающего историческую повседневность, жизнь и чаяния маленького человека - главного действующего лица истории. Сложилось это направление под влиянием англо-французской историографии и объединяет молодых ученых, призвавших отказаться от изучения государственных акций, глобальных общественных структур и процессов. Они требуют исследовать условия жизни простых людей, их быт, нравы, одежду, жилище, питание. Обращение к микроистории должно, по замыслу ее приверженцев, стать базой будущих обобщений на новых видах источников - церковных метрических записях, документах лечебных заведений, предметах быта, материалах устных опросов свидетелей и современников различных событий прошлого и современности. Широко используются при этом также методы прикладной социологии, исторической демографии, антропологии, социальной психологии, культурологии.

Возросло при этом значение количественных методов исторического исследования, к которым большинство западно-германских историков относилось с явной прохладой, несмотря на то, что социальная статистика была хорошо развита в Германии уже к середине XIX века. Еще в 1971 г. в первом томе "Энциклопедии социально-экономической истории" были подчеркнута проигнорированы достижения зарубежной науки в области клиометрии. Ученые же ФРГ не без основания настаивали на том, что в истории существует слишком много вещей и явлений, которые невозможно подсчитать. Так, в четырехтомной "Аграрной истории Германии" (1967-1970) лишь один из авторов, Вильгельм Абель использовал количественные методы. Однако Гёттингенский институт социально-экономической истории Абеля, где было подготовлено много исследований по динамике цен на продукты питания, заработной плате и демографической ситуации в различных немецких городах для выяснения их социальной структуры, долгое время оставался уникальным в своем роде. Лишь к концу 60-х гг. подобные школы сложились в Западном Берлине под руководством Вольфрама Фишера и в Мюнстере под руководством Рихарда Тилли.

Свою лепту внес и созданный Конце Институт социально-экономической истории в Гейдельберге, выпустивший капитальный труд "Социальная история семьи в Европе нового времени" (1976) и ряд других работ. Но и в этих институтах не фетишизируются количественные методы, поскольку даже самые точные цифровые показатели, допустим, структуры семей, почти ничего не могут сказать о содержательной, духовной стороне семейного уклада. Мало поддаются подсчетам и такие основополагающие для истории повседневности аспекты как факторы сознания, образы поведения, формы социально-политического авторитета. Поэтому количественные методы получили сравнительно скромное распространение в западно-германской истории повседневности.

Она значительно расширила горизонты западногерманской науки. Ее палитра благодаря изучению совершенно новых и нетрадиционных проблем и сюжетов стала гораздо многокрасочней. Хотя, из-за того, что специфические источники истории повседневности содержат большое количество пробелов, эта литература носит во многом импрессионистский характер.

Но даже отдельные штрихи высвечивают прежде неизвестные и темные уголки прошлого. Так, используя многочисленные воспоминания, дневники и письма в семейных архивах, Рольф Энгельзинг в книге "Неграмотность и чтение" (1973) показал, что читали широкие круги немецкого населения в начале эпохи капитализма. Эти же вопросы, только в период с конца XVIII до начала XX века, исследовал Рудольф Шенда в работе "Народ без книги" (1970). Любопытные проблемы преступности, ее распространенности и отдельных видов в предреволюционной Пруссии показаны Дирком Блазиусом в книге "Буржуазное общество и преступность" (1976), а условия жизни и их влияние на быт и семейное положение - Клаусом Тенфельде в монографии "Социальная история горняков Рура в XIX веке" (1977). Неизвестный прежде мир бродяг и нищих в Баварии, Швабии и Франконии во второй половине XVIII века встает со страниц книги Карстена Кютхера "Люди на улице" (1983), а жизнь и положение работниц в годы первой мировой войны - в произведении Уты Даниэль "Работницы в военном обществе" (1989).

Общей чертой этих и множества других работ подобного рода является их чисто эмпирический характер, отказ от каких-либо обобщений и выводов теоретического плана. Выгодно отличается в этом отношении подготовленный под руководством директора Института современной истории **Мартина Брошата** (1926-1989) шеститомник "Бавария во времена национал-социализма" (1977-1983). На широкой источниковой базе, материалах полицейских и гестаповских архивов, опросах населения показана объемная панорама,

свидетельствующая о том, что далеко не все население Баварии поддерживало нацистский режим, что среди людей было весьма распространено чувство недовольства, вмешательством нацистских властей в личную жизнь, в церковные дела, в мир искусства и науки. Неприятие фашистской системы колебалось от активного организованного или индивидуального сопротивления до внутреннего неподчинения и проявлений неконформизма, что вообще характерно для тоталитарных обществ. На материалах повседневной жизни подтвержден вывод о том, что наиболее упорное сопротивление режиму оказывали рабочие. Осталось чуждым нацистской пропаганде и большинство баварского крестьянства в силу иммунитета к мировоззренческой фразеологии, равнодушия к общественно-политической жизни и значительного влияния католической церкви в деревне.

В целом, направление повседневной истории крайне неоднородно, его спектр простирается от серьезных исследований на высоком научном уровне до мелкотемных полулюбительских работ, потонувших в океане деталей и частных историй. Но и в этом направлении заметно усиливается внимание к теоретико-методологическим основам исследования, нашедшее отражение в крупных коллективных сборниках "История в повседневной жизни - повседневность в истории" (1982) и "История снизу" (1984).

Проблема национал-социализма. Вполне понятно, что тема нацизма стала одним из центральных сюжетов историографии ФРГ. Представители всех направлений обращались и обращаются к исследованию этого трагического феномена немецкой истории, элементы которого живы до сих пор. Необычайно широк разброс мнений, от попыток прямой реабилитации национал-социализма до его безоговорочного осуждения, от персонализации всего нацизма в фигуре Гитлера до анализа его политического и социального содержания. Между этими полюсами лежат сотни оценок, взглядов, концепций, от-

личных друг от друга либо принципиально, либо только в нюансах.

В 50-е гг. исследования нацизма велись в основном с позиций доктрины тоталитаризма, но с ее отходом на второй план встала настоятельная задача определения сущности собственно фашизма.

Одним из первых крупных исследований, возродивших понятие фашизма, стала книга **Эрнста Нольте** (1923 г.р.) "Фашизм в его эпоху" (1963), созданная на основе метода, который сам автор определил как "феноменологический". Это означало, что, учитывая вождистский принцип фашистской идеологии, единственный надежный источник для понимания и объяснения этого явления - речи и произведения фашистских лидеров Муссолини, Гитлера и вождей помельче.

При рассмотрении проблемы зарождения фашизма Нольте выдвинул броскую формулу - "Фашизм - это антимарксизм", из чего логически следовал вывод, что не будь социалистической революции в России, не было бы в Европе и фашизма. Он заявил, "что капитализм является почвой фашизма, но саженцы прорастают только тогда, когда есть слишком большая доза марксистского удобрения"²³. Такое определение схватывало важнейшую сущностную черту фашизма, но было все же явно недостаточным, ибо ничего не говорило о фашизме как о социальном явлении и вводило исследование в область предположительных версий, а не реальных процессов и следствий. Понимая фашизм как чисто идеологическое явление, Нольте попытался разработать его типологию от низшей авторитарной ступени через ранний фашизм и оформившийся фашизм к высшей - радикальному фашизму или тоталитаризму.

Но речь шла здесь скорее о классификации, чем о собственно типологизации фашизма. Чувствуя этот недостаток, Нольте в дальнейшем создал идеальнотипическую модель фашизма, выделив в

качестве основополагающих элементов шесть его черт: антимарксизм, антилиберализм, принцип вождизма, создание партийной армии, антиконсервативные модернистские тенденции, стремление к тоталитарному господству. Не все эти черты являются, по мнению Нольте, равнозначными, но он не определил - какие из них являются сущностными, а какие - второстепенными. Схема Нольте была известным шагом вперед, поскольку позволяла установить особенности различных форм фашизма, хотя только в идеологической сфере. Но, по сути, она представляла лишь предварительный этап типологического анализа. Ее абстрактно-социологизированный характер не удовлетворил большинство историков.

Более значительный вклад в конкретное исследование проблемы внесла книга **Карла Дитриха Брахера** (1922 г.р.), давшая комплексный анализ национал-социализма от его зарождения до краха и современного наследия²⁴. В нашей литературе Брахера часто относили к консервативному крылу на том основании, что он стоит на позициях доктрины тоталитаризма. При этом не учитывается, что Брахер последовательно выступает против и левого, и правого радикализма. Он высказывался за запрещение деятельности неофашистской партии в ФРГ, против принятия чрезвычайного законодательства, т.е. занимал позицию типичного либерального ученого, сторонника парламентарно-демократической системы. Изложенная Брахера исходит не из изолированной трактовки фашизма, а берет его в контексте всей эпохи. Движущие ее силы Брахер находит в демократии, социализме и национализме. В этом треугольнике сконцентрировались все тенденции после первой мировой войны. Он справедливо считает, что война явилась фактическим завершением XIX века и определила

²⁴ Bracher K. D. Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln-Berlin, 1969.

²³ Nolte E. Kapitalismus - Marxismus - Faschismus. - Merkur, 1973, Nr. 298, S. 124.

как революции, так и диктатуры нового типа, неизвестного в прошлом. Два движения-антипода: коммунизм и фашизм поставили под вопрос само существование старого европейского общества и его культуры. В разоренных войной государствах - Италии и Германии поднимается националистически-авторитарная волна, революционная по общеисторической сути, ибо она была направлена на уничтожение либерально-демократического парламентаризма. В Германии парламентарная демократия оказалась особенно слабой из-за глубокого разлада общественных сил, не сумевших или не успевших адаптироваться в эту систему.

Брахер подчеркнул, что цели и представления нацистов определяла их близость к реакционному консерватизму, которая и привела их к победе. Он возражал против тезиса о фашизме как инструменте монополистического капитализма, но указывал, что еще до прихода к власти установились теснейшие связи между крупными промышленниками и национал-социалистической партией. После 1933 г. регламентирующая экономическая политика нацизма не только не тормозила процесс концентрации в экономике, но, наоборот, государственная машина действовала в интересах и на пользу крупной индустрии. Однако простым и прямолинейным этот процесс не был, поскольку в личности Гитлера, как и фашизме вообще, причудливо смешивались "романтически-иррационалистические и технократически-модернизирующие" элементы. Поэтому, однозначной политика нацистов не была.

Рассматривая гибель Веймарской демократии, Брахер особо подчеркнул роковую роль президиальных кабинетов на последней стадии существования республики. Он опроверг распространённое мнение о Брюнинге как защитнике конституции и сделал вывод, что его кабинет подготовил процесс "авторитарных перемен", с которой были согласны широкие круги крупной буржуазии, руководители рейхсвера и сам президент Гинденбург, кото-

рый "привел страну к авторитарной системе"²⁵. Заметно в этом случае, что личностный фактор выдвинут автором на передний план. Неудивительно поэтому, что Брахер весьма высоко оценил появившуюся в 1973 г. фундаментальную биографию Гитлера, созданную известным публицистом Иахимом Фестом в персоналистском ключе²⁶.

Книга Феста произвела сенсацию. Несмотря на внушительный объем в 1200 страниц и высокую цену, первое издание разошлось почти мгновенно. За ним последовал ряд новых, книга вышла также в десятках зарубежных переводов и была даже экранизирована.

Читаемая как увлекательный роман, написанная прекрасным стилем, биография Гитлера, естественно, поставила в центр истории своего героя, единолично сокрушившего первую немецкую демократию. Фест проявил себя подлинным мастером психологического анализа, но практически обошел молчанием социальную природу фашизма как общего явления. Его взаимоотношения с финансово-промышленными кругами и тесная связь между ними не отрицается, но маячит далеко на заднем плане книги и ограничивается кругом личных контактов фюрера с магнатами Рура и Рейна.

Гитлер в книге Феста представлен как личность, наиболее полно воплотившая интересы, предрассудки и мироощущение немецко-австрийского мелкого буржуа. Но его чудовищная по масштабу воля к власти обусловила установление нацистской диктатуры и продемонстрировала "поразительную силу влияния личности на исторический процесс". Не одобряя чело-веконенавистническую политику Гитлера, особенно его зоологический антисемитизм, Фест объясняет это фанатизмом фюрера, несокрушимой верой в свое предна-

²⁵ Bracher K. D., Sauer W., Schulz G. Die nationalsozialistische Machtgreifung. Köln-Opladen, 1960, S. 35.

²⁶ Fest J. C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt a. M.-Berlin-Wien, 1973.

чертание, вытекающей в свою очередь из психопатологических особенностей его личности, поданных в книге необычайно ярко в стиле фрейдизма и бихевиоризма.

Книга Феста продемонстрировала богатейшие познания автора, но оставила открытыми слишком большое количество вопросов относительно места и социальной природы нацизма, если, конечно, не считать, что этот феномен исчерпывается Гитлером. А к началу 80-х гг. определилась тенденция к изучению фашизма именно как социального явления. Возросло внимание к проблеме отношений между отдельными классами и социальными группами, с одной стороны, и национал-социалистической партией, с другой. В связи с этим участились попытки определить, играл фашизм стимулирующую или тормозящую роль в развитии индустриального общества, был ли он модернизаторской или консервативной силой? Наконец, существует ли общее явление фашизма или только его отдельные национально-конкретные типы? Такие подходы характерны, прежде всего, для представителей социальной и социально-критической историографии.

В большой работе "Подъем национал-социализма. Кризис и революция в Германии" (1975) Герхард Шульц (1924 г.р.) придерживается тезиса о фашизме как революционном проявлении крайнего национализма, охватывающего широкие массы в ходе первой мировой войны и послевоенное трудное десятилетие. В этот период происходит быстрая политизация и радикализация масс, нарастает грандиозная и противоречивая, эмоционально-революционная волна, из которой и выплеснулся нацизм. Его роднила с ультраконсерватизмом, марксизмом и анархизмом принципиально схожая радикальная платформа, хотя все эти движения боролись друг против друга.

В книге Шульца рисуется единая цепочка экстремизма, звеньями которой были столь различные внешне явления как движение фашистов в Италии, Баварская советская республика, Советская ре-

спублика в Венгрии, создание хеймвера в Австрии, кемалистское движение в Турции, возникновение зародыша национал-социализма в Мюнхене. Левый и правый радикализм понимается автором как общее насильственное, находящееся во власти эмоций и идеологических императивов политическое движение, которое не поддается рациональному познанию. Поэтому, само единое понятие фашизма кажется Шульцу неуместным, в лучшем случае - это идеально-типическая конструкция с довольно ограниченной эвристической ценностью. Тем не менее, и на ее основе можно выделить ряд отдельных видов фашизма.

Подобную задачу попытался решить видный исследователь этой проблемы Вольфганг Шидер (1935 г.р.). Он выделил три основных типа фашистского господства в аграрных (Венгрия, Испания, Румыния), аграрно-индустриальных (Италия) и высокоразвитых промышленных (Германия) странах. Ценным здесь было то, что это явление трактовалось не в рамках идеологических постулатов, а увязывалось с внешними условиями своего возникновения и развития, т. е. как явление социально-историческое. Но многообразие форм проявления фашизма столь велико, что Шидер пришел к выводу о невозможности рассматривать их как варианты одного и того же феномена. Поэтому, однозначного определения фашизма нет и быть не может, существует не фашизм, а фашизмы.

Анализ проблемы, как считает Г. А. Винклер, должен исходить из поиска ответов на три вопроса. Какими конкретными условиями объясняется тот факт, что в одних государствах установились фашистские режимы, в других - либерально-демократические институты сумели отстоять свою власть? В чем специфичное содержание фашистской политики и какими факторами оно определяется? Каково историческое место фашизма и его со-

отношение с прочими структурами господства?²⁷

Винклер пришел к выводу о том, что фашизм победил в тех странах, где сложились своеобразные обстоятельства, вытекающие во многом из их прошлой истории. Наиболее важными из них являются следующие.

Все эти страны в свое время запоздали в развитии, поэтому процесс перехода от капитализма свободной конкуренции к образованию и господству монополий принял там форсированный характер. Выбитые из колеи традиционного привычного существования, средние слои не успели адаптироваться к новым условиям и оказались чрезвычайно восприимчивыми к радикальным лозунгам и враждебными к либерально-парламентарной системе правления. В обществе сохранили влияние сильные доиндустриальные группы земельной аристократии, военных и бюрократии, ставшие союзниками консервативных магнатов тяжелой промышленности и фашистских движений в их борьбе против парламентаризма и демократии. Слабая парламентарная система в этих странах деградировала до паралича власти, не могла обеспечить стабильность в обществе, что вело к нарастанию недовольства, беспокойства и ощущению кризиса. Чувство национального унижения вследствие проигранной войны (Германия, Венгрия) или украденной победы (Италия, Румыния) создавало благоприятную почву для экстремистского национализма. Большая роль в этом принадлежала также участникам войны, которые не смогли возвратиться к упорядоченной мирной жизни и внесли в общество дух милитаризма и насилия.

Таким образом, в тех странах, где феодально-абсолютистское наследие и пережитки были ликвидированы еще в первой стадии промышленного переворота, предпосылки широких фашистских движений были весьма ограничены. Поэтому, раз-

личные пути выхода из величайшего экономического кризиса 1929-1933 гг. были обусловлены не самим кризисом, а различным историческим прошлым этих государств. Отсюда Винклер делает заслуживающий внимания и дальнейших исследований вывод о том, что "условия возникновения фашизма связаны с феодализмом и абсолютизмом по крайней мере, настолько же, что и с капитализмом"²⁸.

Сама фашистская верхушка представляет из себя клику деклассированных авантюристов, манипулирующих по своему усмотрению одуроченной массой и навязывающих свою волю традиционным элитам. Но это вовсе не означает, подчеркнул Винклер, что национал-социализм можно объяснить исключительно личностью Гитлера, хотя полностью игнорировать эту фигуру также было бы неверно. Винклер считает, что в Гитлере своеобразно переплелись три социальных общественных типа. Это был мелкий буржуа, проникнутый духом германского национализма и антисемитизма. В психологическом ракурсе он воплощал тип человека, который ненавидел буржуазное общество в силу своего люмпенского существования, но одновременно жаждал не только быть признанным в этом мире, но и повелевать им. Наконец, это был участник войны, после которой он оказался навсегда отравленным ядом милитаризма. Только учитывая все эти объективные и субъективные факторы, можно найти ответ на вопрос - почему в фашизме так много иррационализма, неподвластного разумной человеческой логике. Во многом, по убеждению Винклера, это вызвано тем, что политика, основанная на чисто идеологических принципах, в конце концов, подчинила себе экономику и опрокинула расчеты тех кругов тяжелой промышленности и земельной аристократии, которые решающим образом содействовали приходу фашистов к власти, но не смогли удержать их под своим влиянием и контролем в дальнейшем.

Стратегические цели нацизма, сделал заключение Винклер, не были продиктованы конкретными экономическими интересами ни крупного капитала, ни средних слоев. Хотя идеология национал-социализма имела среднесословные корни, политические цели руководителей фашистского движения не выражали ничьих интересов, кроме своих собственных. А поскольку это была группа деклассированных элементов, то проблема социальной природы нацизма лишается смысла вообще.

В целом западногерманская историография внесла значительный вклад в разработку научной концепции фашизма. Она дала огромное количество нового документального материала, проследила несомненную преемственность развития Германии в XIX - первой половине XX века, детально исследовала проблему массовой базы нацизма, его экономическую, социальную и военную политику. Но какой-то единой теории фашизма так и не было создано, прежде всего, потому, что большинство историков ФРГ считает, что это явление вообще нельзя определить однозначно, в виде всеобъемлющей формулы.

"Спор историков". Во второй половине 80-х гг. в западногерманской историографии развернулась широкая дискуссия о сущности и уроках нацизма, принявшая весьма ожесточенный характер.

Начало полемики было положено статьями видных историков консервативной ориентации, кельнского профессора **Андреаса Хилльгрубера** (1925-1989) и Эрнста Нольте, появившимися в апреле-июне 1986 г. в авторитетных газетах "Вельт" и "Франкфуртер алльгемайне". Они выдвинули тезис о том, что преступления национал-социализма не представляют собой чего-то особенного и уникального в драматической истории XX века. Массовое уничтожение неарийских народов нацистами можно понять и объяснить только на фоне других преступлений, прежде всего "совершенных сталинским режимом". Между массовыми убийствами по классовым причинам и убийст-

вами по причинам расовым нет никакой принципиальной разницы, наоборот, между ними существует причинно-следственная связь. В поддержку этих тезисов выступили также Иохим Фест и боннский профессор **Клаус Хильдебранд** (1941 г.р.), автор больших работ "Внешняя политика Германии в 1933-1945 гг." (1971), "Третья империя" (1979) и "Ушедший рейх. Внешняя политика Германии от Бисмарка до Гитлера" (1995). Они подчеркнули, что история национал-социализма полностью вписывается в свойственную XX веку "общетоталитарную тенденцию".

Фактически это означало попытку сдвинуть вправо основы общественного сознания в Федеративной республике, усилить неоконсервативные настроения среди ее населения, восстановить национальную идентичность немцев со своей историей, какой бы горькой она не была. Резко критическую статью против таких апологетических устремлений опубликовал в ответ один из лидеров неомарксистской Франкфуртской школы Юрген Хабермас. Он отметил, что суть проблемы лежит не в научных, а в политических расчетах: создать заново образ коварного и алчного врага в лице Советского Союза с его столь же преступным, но в отличие от Германии так и не преодоленным прошлым.

В ходе дискуссии, вызвавшей оживленные отклики в Италии, Соединенных Штатах, Великобритании, Франции, Израиле, возродился забытый, казалось бы, тезис о превентивной войне Гитлера против СССР. Консервативные авторы дружно утверждают, что к лету 1941 г. у Германии оставалась последняя возможность предупредить другого агрессора, поэтому немцам следует избавиться от комплекса вины за свое историческое прошлое. Снова оживились сторонники доктрины тоталитаризма, делающие основной упор на сходстве кровавого гитлеровского террора и чудовищных преступлений сталинизма. При этом упорно подчеркивается "первичность" коммунистического террора и

²⁷ Winkler H. A. Revolution, Staat, Faschismus. Göttingen, 1978, S. 67.

²⁸ Ibid., S. 83.

"вторичность" аналогичных деяний нацистов.

Несмотря на необычайную активность и разрекламированность правоконсервативного наступления, его приверженцы составили явное меньшинство в западногерманской исторической науке. Встревоженные оживлением направленных вправо традиций немецкой истории, угрозой демократическому развитию против консервативной волны выступило внушительное число ученых либеральной, демократической и даже умеренно-консервативной ориентации.

Большую активность проявил в этом отношении бохумский профессор, член Исторической комиссии при Правлении СДПГ Ганс Моммзен (1930 г.р.). В его многочисленных статьях дан подробный аргументированный анализ несостоятельности и политических причин оживления консервативных ученых. Моммзен с основанием показал, что за дискуссией скрывается проблема не столько прошлой, сколько будущей истории, чтобы сделать консервативные настроения платформой широкого общественного консенсуса и базой нового национального, вернее националистического, возрождения.

Обе стороны использовали в "споре историков", к которому оказались подключенными также философы, социологи, политологи и журналисты, практически все имеющиеся и возможные аргументы, но ни к какому согласию, естественно, не продвинулись. К концу 80-х гг. дискуссия несколько приутихла, хотя эти споры могут в любой момент вспыхнуть с удвоенной силой, поскольку современная историческая наука в ФРГ представляет собой весьма пестрое зрелище и какой-либо единой парадигмы в ней не существует ни в теоретико-методологическом отношении, ни в конкретно-исторической проблематике.

Историческая наука после воссоединения. С 1990 года немецкая историческая наука оказалась в новой ситуации. Ее составной частью стала восточногерманская историография, которая за почти

полувековой раскол приобрела собственное лицо и отличительные черты. Была у нее своя специфика и по сравнению с другими восточноевропейскими странами. В Польше, Венгрии и Югославии уже с конца 50-х годов историческая наука была более гибкой и открытой для влияния западных концепций. Там, особенно в Польше, марксизм никогда не обладал монопольным господством в культуре и науке. Напротив, с 70-х годов историография в Чехословакии, Румынии и Болгарии сравнительно отставала по профессиональному уровню развития от исторической науки ГДР, сохранившей все же некоторые традиции немецкого исторического мышления и культуру исследования. Там сложился ряд научных центров и школ, имевших значительный мировой авторитет.

Это касается центров по изучению истории Ганзы и Скандинавии в Грайфсвальде, по истории политических партий в Йене, по сравнительной истории революций нового времени и формирования социальных классов в Лейпциге, по истории стран Латинской Америки в Росток. Что же касается аграрной истории, то один из ведущих сегодня немецких ученых, билефельдский профессор Ганс-Ульрих Велер справедливо заметил, что он может назвать только двух-трех специалистов в ФРГ, такого же уровня и компетенции, что ученые-аграрники из бывшей ГДР.

После воссоединения историческая наука ФРГ получила в свое распоряжение богатейшие фонды архивных материалов в Потсдаме и Мерзебурге, а также документы бывшего Центрального партийного архива СЕПГ, на основании которых специальная комиссия бундестага, в работе которой в качестве экспертов участвовали и видные историки, опубликовала к середине 90-х годов девять внушительных томов документации о режиме СЕПГ и методах ее диктатуры.

В целом историческая наука ГДР оставалась апологетической наукой, создающей партийные легенды, в ней совершен-

но не было плюрализма мнений и концепций, кроме разногласий по частным вопросам. Хотя, с другой стороны, от историков требовалось и точное следование фактам и они стремились иметь минимальное свободное пространство, необходимое и в интересах их международной репутации. Но обычно на первый план выдвигались подходящие факты, а неудобные замалчивались, что приводило к появлению многочисленных "белых пятен", прежде всего в истории самой ГДР.

После воссоединения в шести восточногерманских университетах возникла сложная ситуация, связанная с тем, что их обновление собственными силами оказалось невозможным. Большинство историков, у которых с падением Берлинской стены буквально за одну ночь ушла почва из-под ног, пассивно ожидало дальнейшего развития событий или под покровом демократических рассуждений фактически бойкотировало и тормозило проведение необходимых реформ.

Стремясь спасти свое положение, многие из тех, кто прежде эйфорически исполнял гимн социалистическому "наследию и традиции", теперь запели песню о необходимости закрытия "белых пятен". Гротескно выглядело то, что громче всех заговорили о важности исторической объективности именно те историки, которые прежде всего несли ответственность за многочисленные искажения, умолчания, гонения на инакомыслящих и являлись самыми непримиримыми и активными идеологическими противниками и критиками "реакционной буржуазной" историографии ФРГ. Сложность ситуации была связана и с тем, что из архивов министерства госбезопасности ГДР стало ясно, что многие историки неофициально в той или иной форме тесно сотрудничали с ведомством "штази", травили диссидентов и доносили на них.

С 1992 года, когда стало очевидно, что реформа университетов топчется на месте, было принято решение временно закрыть исторические факультеты и возобновить их работу заново после набора преподава-

телей по принятой в ФРГ процедуре и проверке их квалификации, в целом независимо от политических убеждений. Наиболее же быстрым и оптимальным решением стало приглашение в восточные земли ученых из западногерманских университетов. Так, например, с 1991 года профессором новейшей истории и директором Института исторических наук в Берлинском университете стал один из крупнейших немецких историков, до этого почти двадцать лет проработавший во Фрейбурге Генрих Август Винклер.

Надо отметить, что в новых землях ФРГ не устраивалось никакой "охоты на ведьм". Значительная часть историков по возрасту была отправлена на пенсию, другие продолжают работать в прежних университетах или в новых научных центрах вроде Берлинского исследовательского центра по истории и теории науки. Сохранились и продолжают выходить исторические журналы, но с новым руководством. Так, издание главного в ГДР "Журнала исторической науки" возглавили известные ученые В. Бснц, Э. Шуберт, П. Штейнбах, Г. Иггерс из США, а также историки бывшей ГДР - Ф. Клейн и Л. Томас.

В 90-е годы развитие немецкой исторической науки определяется несколькими тенденциями, характерными и для мировой историографии.

В ней осуществляется сейчас ряд крупных научно-исследовательских проектов. С 1992 года под патронатом фонда Фольксвагенверк началась работа над проектом "Диктатуры в Европе XX века", в котором ведущая роль отводится Исследовательскому центру современной истории в Потсдаме под руководством Юргена Кокки.

Под эгидой фонда Фридриха Эберта осуществляется другой крупный проект - "История рабочих и рабочего движения в Германии с конца XVIII века" под руководством мюнхенского профессора Герхарда Августа Риттера. Из запланированных 12 (возможно, их будет больше) вышло уже шесть томов, в том числе фундаменталь-

ный труд Г. А. Риттера и К. Тенфельде "Рабочие в кайзеровской Германии 1871-1914" (1992). В нем впервые удачно и органично сочетаются социальная история рабочего класса с политической историей его организации - партий и профсоюзов. Книга опровергла целый ряд распространенных легенд и мифов. Вместо марксистской легенды о всемирно-исторической миссии пролетариата авторы показали реальный жизненный мир рабочих и их организаций, совершенно различную ментальность и историческую судьбу отдельных категорий рабочего класса, его воздействие на формирование современного социального государства и его регулируемой рыночной экономики.

Рабочие в книгах этой серии берутся в широком смысле, не только фабрично-заводские, но и лица, занятые в ремесле и сельском хозяйстве, в домашних промыслах или в прислуге, то есть может быть точнее было бы говорить не о рабочих, а о людях наемного физического труда. По богатству материала и убедительности интерпретаций эта серия уникальна в том смысле, что ни в одной другой национальной историографии нет аналогов.

В этом же направлении исследования социальных классов и слоев общества, но уже в европейском масштабе, с 1991 года началось издание большой серии "Буржуазия", в которой появился ряд таких интересных работ как книга Х. Бергхоффа "Английские предприниматели, 1870-1914" (1991), М. Винфорт "Монархия в буржуазном обществе" (1993), Г.-Ф. Будде "На пути в гражданскую жизнь. Детство и воспитание в немецких и английских буржуазных семьях 1840-1914" (1994). Замысел этой серии состоит в том, чтобы на конкретном материале выяснить, что такое буржуазия? И есть ли вообще такая единая социальная формация? Или насколько применимо понятие "буржуазия", родившееся в XIX веке к реалиям века двадцатого? Насколько обоснована концепция, по которой буржуазное общество - это переходное общество между сослов-

ным прошлым и демократическим будущим?

Нынешние интеграционные процессы в Европе послужили толчком к изданию серии "Европейская история", которая должна в 65 книгах историков из ряда стран осветить историю континента от античности до наших дней не в хронологическом порядке, а по отдельным проблемам. Серия была задумана профессором Технического университета в Берлине и руководителем Центра по изучению антисемитизма Вольфгангом Бенцем, сегодня одной из самых заметных фигур в немецкой исторической науке, а в ее Научном совете представлены видные ученые Натали Дэвис, Рихард ван Дюльмен, Бронислав Геремек, Эрик Хобсбоум, Герман Грамль и другие. К 1998 году вышло уже более двадцати книг серии, созданных историками из Германии, Франции, Великобритании, США, Польши, Венгрии. Этот действительно международный проект, охватывающий все аспекты европейской истории, политики, экономики, культуры, формы жизни, мир символов и представлений, является одним из самых показательных примеров эволюции национальных историографий к единому содружеству ученых.

Сейчас еще трудно судить, какие изменения и последствия для немецкой исторической науки влечет объединение страны. Но некоторые тенденции как позитивного, так и негативного плана проявляются уже довольно отчетливо.

Марксистский подход даже в области социальной истории ослабел, что сказалось в обращении к чисто эмпирическим исследованиям.

Поскольку понять и объяснить события 1989-1990 годов на Востоке Европы в категориях классового анализа невозможно, то явно возрос интерес к политической стороне истории и роли в ней личности.

Появилась новая и большая проблема причин и механизма падения "реального социализма", а это открывает благоприятные перспективы как раз для социального подхода к истории, тем более что история

ГДР и ФРГ в определенном смысле представляет идеальный случай для сравнительно-исторического компаративного исследования.

Возрос интерес к проблеме национального в истории, поскольку неоднозначность объединительного процесса сказалась в усилении "нового немецкого национализма" и правого консерватизма,

которые казались давно преодоленными, но в 90-е годы явно оживились особенно в сфере исторической мысли и исторической науки, как в старых, так и в новых землях ФРГ. Но сейчас все это находится еще в стадии становления и кристаллизации, а делать прогнозы, занятие для историка неподходящее.

Глава 6

Итальянская историография (1945 - начало 90-х гг.)

После второй мировой войны освободившаяся от фашизма Италия вступила на путь глубокой демократизации всей общественной жизни. На смену монархии пришла республика. Принятая в 1947г. республиканская конституция впитала дух Сопrotивления и закрепила его важнейшие завоевания. Костяк новой многопартийной системы образовали партии, превратившиеся в ходе Сопrotивления в массовые, - христианско-демократическая, коммунистическая, социалистическая.

К началу 90-х годов открывшийся с окончанием войны период новейшей истории Италии завершается. К этому времени выявилось, что те формы демократии, которые сложились в условиях становления республики, исчерпали свой "запас прочности". Существующие партии стали терять влияние, раскалываться, пресматривать свой идейный багаж, принимать новые или, наоборот, старые, "исторические" названия. Подверглась реформированию избирательная система, изменился весь расклад политических сил. Официально началась подготовка к пересмотру конституции 1947 г. Вошла в обращение формула "переход от I ко II Республике".

В сфере духовной жизни с конца 40-х гг. стал утрачивать былое влияние кроччанский идеализм. Новое поколение интеллигенции, пройдя через опыт Сопrotивления, уже не удовлетворялось ни философией Кроче, ни его политической программой, предусматривавшей лишь восстановление дофашистской либерально-парламентской системы. Симпатии этой интеллигенции обращались влево - к рабочим партиям, особенно к стремительно росшей ИКП. В ее среде пробуждался активный интерес к марксизму. Этому способствовала публикация трудов Грамши, получивших широкий общественный резонанс и ставших приобретением всей итальянской гуманитарной культуры.

В последующие десятилетия авторитет марксизма в интеллектуальных кругах значительно снизился под влиянием сложных перипетий идейной борьбы в итальянском рабочем движении, эволюции ИКП, краха "реального социализма". Но и теперь в Италии марксизм, имеющий сильную традицию на национальной почве, признается важной составной частью мировой культуры, а в различных областях гуманитарного знания и среди университетской профессуры немало ученых,

сформировавшихся в русле марксизма или под его воздействием.

Таков общественный контекст, в котором развивалась после второй мировой войны итальянская историография.

Организация исторической науки (конец 40-х - 80-е гг.). После освобождения Италии от фашизма с исторической науки были сняты путы, наложенные на нее тоталитарным режимом. В университетах было отменено принесение профессорами присяги. Национальный фашистский институт культуры прекратил свое существование. Обществам по изучению отечественной истории была возвращена их автономная организация.

Центральная джунта исторических исследований сохранилась лишь как орган, координирующий деятельность четырех общенациональных институтов специализированного характера: античной истории, истории средних веков, новой и новейшей истории¹, истории Рисорджименто. В нее вошли президенты этих институтов и представители университетов. Под ее эгидой ведется учет текущей исторической библиографии и издается соответствующая серийная публикация.

Был установлен новый порядок использования находящихся на государственном хранении архивных материалов, который открывал доступ к ним по истечении 50-летнего (для отдельных категорий - 70-летнего) срока давности документов. Тем самым впервые была создана возможность широкого привлечения фондов государственных архивов² для исследований по новой, а в перспективе и по новейшей истории.

¹ В Италии отсчет новой истории начинается с XVI в., а новейшей - со второй половины XIX в.

² Система этих архивов после второй мировой войны включила в себя Центральный государственный архив в Риме, где хранятся фонды правительственных учреждений и личные фонды бывших министров за период после объединения Италии, и архивы в главных городах всех провинций

Огромное развитие получила научная историческая периодика. В 60-е гг. вышло свыше 250 исторических журналов, по данным на 1985 г. их насчитывалось 334 (включая ежегодники). Рядом со старыми периодическими изданиями - такими, как возродившийся в 1948 г. "Итальянский исторический журнал", "Новый исторический журнал", "Журнал по истории Рисорджименто" - появилось множество новых, специально посвященных отдельным отраслям исторических знаний. Наиболее значительные из них в области новой и новейшей истории возникли вместе с созданием крупных исследовательских центров, профиль деятельности которых отвечал пробудившемуся общественному интересу к истории рабочего, демократического, антифашистского движения.

Изучение проблем рабочего и социалистического движения сосредоточилось, прежде всего, в центре, основанном в 1948 г. в Милане на средства Джанджакомо Фельтринелли - крупного предпринимателя, участвовавшего в Сопротивлении и до 1956 г. состоявшего в ИКП. Первоначально этот центр назывался Библиотекой, с 1960 г. - Институтом, с 1974 г. именуется Фондом Фельтринелли. Он располагает богатым архивом, в 1949-1957 гг. издавал журнал "Рабочее движение" ("Movimento operaio"), а с 1958 г. выпускает "Ежегодники" ("Annali"), где публикуются исследования и документы.

В 1950 г. в Риме был учрежден Фонд Грамши, впоследствии преобразованный в Институт его имени. Многие годы институт Грамши был исследовательской организацией. Он имеет филиалы в ряде городов. Важнейшее направление деятельности института - изучение наследия Грамши. Здесь хранятся подлинники "Тюремных тетрадей", проделана огромная работа по подготовке их научно-критического издания, вышедшего в 1975 г., собирается литература о Грамши на различных языках. Институт провел ряд научных конференций, посвященных Грамши, в том числе несколько международных. Он же яв-

ляется хранителем архива ИКП и личных архивов П. Тольятти и некоторых других деятелей компартии. Но работа Института не замыкается только в рамках проблематики, связанной с Грамши и историей ИКП. В 1961 г. он отметил проведением специальной конференции 100-летие объединения Италии. Значителен его вклад в изучение истории Сопротивления (в Институте хранится архив партизанских "Бригад Гарибальди"). Институт сотрудничает с научными учреждениями Франции в разработке проблем, выдвигаемых на первый план новейшей французской историографией. Так, совместно с парижским Домом наук о человеке им организована конференция, посвященная функциям и формам города-столицы (1983 г.), совместно с редакцией "Анналов" - конференция на тему "Труд, ментальность, культура" (1984 г.). В 1959 г. начал издаваться орган института - журнал "Исторические исследования" ("Studi storici").

Сразу же по окончании второй мировой войны в различных городах Италии стали возникать институты, ставившие своей целью сбор и сохранение документов Сопротивления. На их базе в 1949 г. в Милане был создан Национальный институт истории освободительного движения. К началу 80-х гг. в возглавляемую им федерацию входило 44 местных института. В его архиве представлен богатейший материал по истории Сопротивления, а также итальянского и европейского антифашизма 20-х - 30-х гг. Институт издает серию монографий о Сопротивлении, провел около двух десятков конгрессов и конференций, является инициатором создания Международного комитета по истории второй мировой войны, с которым связано 35 институтов этого профиля из различных стран. В 1972 г. Институтом принята новая программа исследований, в центре которой - проблема перехода от фашизма к демократическому республиканскому строю. Она предполагает более широкое, чем прежде, изучение новейшей истории Италии. Журнал Института, первоначально выходивший под названием "Освобо-

дительное движение в Италии" ("Movimento di liberazione in Italia"), с 1974 г. стал называться "Современная Италия" ("Italia contemporanea").

Из ранее существовавших научных учреждений наиболее крупными являются четыре института, связанные между собой через центральную джунту исторических исследований. Входящие в эту систему Институт истории Рисорджименто и Институт новой и новейшей истории издают источники и монографические исследования по соответствующей тематике. Институт истории Рисорджименто продолжает регулярно проводить специализированные в этой области конгрессы с участием также и зарубежных ученых. Институт новой и новейшей истории является инициатором ряда международных исторических конгрессов (только с 1974 по 1985 г. их прошло четыре, в том числе два по тематике, связанной с наполеоновским господством в Италии, и один по актуальной в условиях европейской интеграции проблеме - "Европа: истоки, формирование, реальность"). В канун 200-летия Великой Французской революции Институт участвовал в подготовке академической публикации сочинений Буонарроти и архива Бабефа - совместно с французскими, а в последнем случае также и с советскими историками.

Продолжает исследования по истории международных отношений основанный при фашизме Институт международной политики (Милан). Внешнеполитической проблематикой (по преимуществу современной) занимается также Римский институт международных отношений, существующий с 1965 г. и поддерживающий связи с центрами сходного типа в других странах. В начале 80-х гг. при кафедре новой и новейшей истории Пизанского университета стал действовать Межуниверситетский центр исследований военной истории Италии.

Профессиональная подготовка историков по-прежнему осуществляется через систему университетского образования, которая сохранила традиционно прису-

щую ей гуманитарную ориентацию. В итальянских университетах нет исторических факультетов, хотя с 1981 г. введен диплом по специальности "история". Исторические кафедры и преподавание исторических дисциплин рассредоточены по различным факультетам, прежде всего таким, как имеющие преимущественно филологический профиль факультеты гуманитарных наук (facoltà di lettere) и факультеты политических наук.

Для усовершенствования исторической подготовки выпускников университетов в Неаполе в 1947 г. по инициативе Б. Кроче был основан Итальянский институт исторических наук (Институт Кроче). Программа обучения в нем рассчитана на 1-2 года и осуществляется силами как штатных, так и приглашенных извне профессоров. Подготовленные слушателями работы могут быть опубликованы в издаваемом с 1968 г. ежегоднике Института.

Расширению контактов между историками различных специальностей способствовало создание в 1963 г. Общества итальянских историков. В 1967 г. состоялся их первый общенациональный конгресс, который подвел своеобразный итог развитию исторической науки в Италии за два послевоенных десятилетия. Второй такой конгресс собрался в 1972 г. и был посвящен новым методом исторического исследования. Установлено, что впредь конгрессы будут созываться раз в 10-15 лет, а в промежутках предполагается организация конференций, встреч историков со специалистами в смежных областях знания и т. п.

Исторические исследования в Италии осуществляются при известной финансовой поддержке государства - через министерства, в ведении которых находятся те или иные институты, или через Национальный совет исследований³. Так, На-

циональный институт истории освободительного движения частично финансируется министерством народного образования. 20 исторических институтов (специализированных преимущественно в области археологии и античной истории) по закону 1980 г. отнесены к организациям, пользующимся ежегодной дотацией министерства культуры. Национальный совет исследований финансирует главным образом работы по конкретным программам, выполняемые по договору в научных институтах или на базе университетских кафедр. Среди организаций, пользующихся его ассигнованиями, Фонд Фельтринелли и Институт Грамши.

Подавляющая часть средств, отпускаемых Национальным советом исследований на поддержку научной деятельности, направляется в область естественных и точных наук. В общей сумме его расходов на эти нужды доля исторической науки ничтожно мала (в 1979 г. - 0, 9%). Однако из этой доли 61% составляли в 1960 г. ассигнования на исследования по новой и новейшей истории.

Историографические направления и школы. После второй мировой войны в итальянской историографии начался закат "этико-политической" школы Кроче, связанный с общим ослаблением идейно-культурного влияния крочеанства. Ему способствовало также то, что крочеанская интерпретация истории единого итальянского государства не позволяла убедительно объяснить ни возникновение, ни падение фашизма.

В первые послевоенные годы вокруг книги Кроче "История Италии с 1871 по 1915 гг." (вышедшей в 1947 г. новым изданием) среди историков вспыхнула полемика. Кроче упрекали в том, что он оставил без ответа вопрос об истоках фашизма, - причем даже те, кто в прошлом признавал его право абстрагироваться от этой проблемы в работе, доведенной лишь до 1915 г.

нансирование научных изысканий было включено в круг его задач в 1945 г.

Кроче в ответ не только отстаивал свою старую позицию, но изложил ее еще более категорично и безапелляционно. Он утверждал, что установление фашистской диктатуры в Италии было необъяснимой неожиданностью, подобной смертельной болезни, внезапно поразившей здорового и сильного человека, и объявил поиски причинных связей в историческом процессе вообще неправомерными с методологической точки зрения.

Однако такие доводы лишь усиливали критическое отношение к крочеанской трактовке либерального периода. В свете опыта Сопротивления выглядело анахронизмом и представление Кроче о том, что творческой силой в истории являются "верхи", господствующие классы и группы, "политическая аристократия".

Тем не менее в 50-е - 60-е гг. в научном мире еще сохраняли влияние многие историки, начавшие свою деятельность значительно раньше и сложившиеся как ученые в недрах крочеанской школы, либо в том или иной степени близкие к Кроче (сам он в 1952 г. умер). **Федерико Шабо** (1901-1960) стоял у истоков важного издательского начинания - многотомной публикации итальянских дипломатических документов, которая должна охватить период от объединения Италии до ее освобождения от фашизма⁴. Вплоть до своей смерти Шабо также возглавлял Институт Кроче в Неаполе. Среди ведущих университетских профессоров новой и новейшей истории и истории Рисорджименто были тяготевшие к крочеанству **Франко Вальсекки** (1903 г. р.) **Альберто Мария Гизальберти** (1894-1985), **Вальтер Матури** (1902-1961), **Нипо Валери** (1897-1978) и др. Они играли видную роль и в системе организации исторической науки. После создания Общества итальянских историков Ф. Вальсекки стал его председателем. А. М. Гизальберти в течение более 30 лет возглавлял Институт истории Рисорджимен-

⁴ I documenti diplomatici italiani. Roma, 1952 - ... На начало 90-х гг. издание еще далеко от завершения.

то. Под общей редакцией Н. Валери был создан написанный в основном в традициях "этико-политической" школы пятитомный коллективный труд "История Италии" - одна из первых в национальной историографии обобщающих работ подобного рода⁵.

Новое же поколение итальянских историков избирало другие ориентиры. Многие слушатели Института Кроче позднее выросли в крупных ученых, но пошли совершенно разными путями. Из них даже **Розарио Ромео** (1924-1987), в наибольшей степени сохранивший генетическую близость к крочеанству, уже не был крочеанцем в полном смысле слова. **Ренцо Де Феличе** (1929 г.р.) стал основателем собственной исторической школы, заявившей о себе преимущественно исследованием фашизма и в методологическом отношении далекой от крочеанской традиции. **Джулиано Прокачи** (1926 г.р.) и **Паскуале Виллани** - известные историки-марксисты.

Сложившаяся примерно в одно время с крочеанской "экономико-юридическая" школа на протяжении 50-60-х гг. как таковая практически исчезла. Ее "патриарх" **Джоаккино Вольпе** как бывший видный деятель фашистского идеологического аппарата был отстранен от преподавания. Он оказался единственным, к кому в Италии была применена подобная санкция, что, впрочем, не повлекло за собой ostracismo по отношению к нему в научной среде⁶. Находясь уже в весьма преклонном возрасте (он дожил до 95 лет и умер в 1971 г.), Вольпе до конца своих дней не утратил работоспособности. К началу 50-х гг. он завершил трехтомную "Современную Италию", явившуюся кардинальной

⁵ Arnaldi G. e. a. Storia d'Italia. Coordinata da N. Valeri. Voll. 1-5. Torino, 1959-1960 (2-ое изд. - 1965). Новой и новейшей истории посвящены три последних тома, изложение доводится до провозглашения республики (1946 г.)

⁶ К 80-летию Вольпе его бывшие ученики, в том числе и историки-антифашисты, подготовили в его честь двухтомный сборник научных трудов.

переработкой "Италии в пути"⁷, а в 60-е гг. переиздал, снабдив их новыми предисловиями, некоторые свои труды по средневековью. И все же в основном это было подведение итогов прежней деятельности Вольпе как ученого. Значительно раньше Вольпе ушли из жизни другие важные представители "экономико-юридической" школы – **Газтано Сальвемини** (1957), **Коррадо Барбагалло** (1952). Завершил свою научную деятельность начавший ее еще до первой мировой войны **Джино Луццатто** (1878-1964). Известный главным образом как медиевист, он выступил в 1949 г. с обобщающим трудом по экономической истории Италии, охватывающим античность и средневековье (до конца XV в.), а годом раньше закончил публикацию аналогичного исследования по новому времени (до конца XIX в.). Но научной смены в следующем поколении историков "экономико-юридическая" школа не имела – также и в средневековью, где она в начале XX в. сказала новое слово в изучении социальной жизни и юридических институтов городских коммун, а теперь утратила самостоятельную роль и перестала как-либо выделяться особенностями своего подхода.

Одновременно с увяданием традиционных исторических школ в Италии после освобождения от фашизма сложилось и завоевало сильные позиции в историографии марксистское течение, которое внесло заметный вклад в разработку прежде всего проблем новой и новейшей истории. Историко-марксисты группировались вокруг центров по изучению Сопротивления, истории итальянского и международного рабочего движения и т. д. Постепенно они получали признание и в университетской среде. Университетскими профессорами стали Эрнесто Раджонери (Флоренция)⁸,

Розарио Виллари, Джулиано Прокаччи (Рим), Паоло Алатри (Мессина, Перуджа), Энцо Сантарелли (Урбино), Филиппо Фрассати (Пиза) и др. Ученому-марксисту Джорджо Канделоро принадлежит фундаментальный 11-томный труд по истории Италии в новое и новейшее время (с конца XVIII в. до установления республики), над которым он работал в течение 30 лет⁹.

Марксистская историография в Италии формировалась в условиях мощного демократического подъема первых послевоенных лет и роста политической активности интеллигенции. Для большинства историков, становившихся приверженцами марксизма, это был выбор не только научной методологии, но и политической позиции: они вступали в ИКП, реже в ИСП, в то время также признававшей учение Маркса основой своих программных принципов. Позднее (начиная с 1956 г.) часть из них отошла от ИКП, что, однако, не всегда означало разрыв в сфере профессиональной научной деятельности.

Потребность в поиске исторических корней массовых партий и движений, ставших в послевоенной Италии важнейшей общественной силой, вызвала к жизни не только марксистскую, но и католическую историографию. Ее специфической сферой является история церкви, религиозных организаций, светского католического движения, взаимоотношений церкви с государством в различные периоды после объединения Италии. Как особое направление она оформилась в 40-е – 50-е гг., когда появились обращавшиеся к подобной тематике католические журналы "Комментарий" ("Il Commento"), "Жизнь и мысль" ("Vita e pensiero"), "Историко-политическое обозрение" ("Rassegna di politica e storia") и др., стали созываться посвященные ей научные конференции, было основано католическое издательство "Пять лун", предпринявшие

публикацию серии локальных исследований в этой области и т. д.

Наиболее видные представители католической историографии – профессор церковного права в Римском университете **Артуро Карло Емоло** (1891-1981), исследователь янсенизма и религиозных проблем эпохи Рисорджименто в Пизанском университете **Этторе Пассерэн д'Антрев** (1914 г.р.), **Габриэле Де Роза** (1917 г.р.), **Пьетро Скоппола** (1926 г.р.). Существующий с 1921 г. католический университет "Святого сердца" в Милане имеет сильную в научном отношении кафедру истории средних веков.

В смысле методологии католическая историография близка к "этико-политической" школе Кроче. Границы между нею и другими историографическими направлениями определяются скорее различиями в политических и ценностных ориентациях, всегда игравшими большую роль в итальянской историографии. По традиции, восходящей к тому времени, когда церковь находилась в оппозиции к либеральному государству, католическая историография отделяет себя от историографии либеральной, а к этому последнему направлению преимущественно ко второй половине XX в. обычно относят историков, при "I республике" в политическом отношении тяготевших к светским центристским партиям (либеральная, республиканская). Внутри католической историографии, в свою очередь, существует значительная дифференциация, отражающая политическую неоднородность ХДП и в особенности массового католического движения.

В конце 70-х – начале 80-х гг. появилось несколько обобщающих коллективных трудов по истории католического движения¹⁰. По оценке католического ав-

тора конца 80-х гг., они подводят своего рода итог предшествующим изысканиям и свидетельствуют о том, что в развитии этого историографического направления наметился новый этап: специфический предмет католической историографии становится все труднее отделить от общегражданской тематики (история различного рода ассоциаций, партий, общественного сознания и т. д.). Способ преодоления этих трудностей упомянутый автор видит в том, чтобы "рассматривать судьбы католического движения и церкви лишь как определенный ракурс...общего процесса развития, в котором участвуют своим опытом все силы, действующие в современной Италии"¹¹.

По отношению к наиболее острым проблемам сравнительно недавнего прошлого или современности в послевоенной итальянской историографии иногда выделяют и некоторые другие направления, характеризующиеся по их политической позиции – радикально-демократическое, социал-реформистское, ультралевое. Но они достаточно определенно представлены лишь в литературе о фашизме, Сопротивлении, установлении республики, социалистическом и коммунистическом движении.

При всей значительности расхождений между отдельными течениями, подчас выливавшихся в острые дискуссии, итальянская историография второй половины XX в. обогатилась и опытом плодотворного сотрудничества ученых разных взглядов. Наглядный пример тому – новый жанр исследований: фундаментальные коллективные труды по истории Италии и всемирной истории, созданные с участием и историков крочеанского формирования,

⁷ Volpe G. Italia moderna. Voll. 1-3. Firenze, 1945-1952.

⁸ После смерти Раджонери (1975) во Флоренции был создан названный его именем научный центр по изучению социальных и политических движений новейшего времени.

⁹ Candeloro G. Storia dell'Italia moderna. Voll. 1-11. Milano, 1956-1986 (русск. пер.: Канделоро Дж. История современной Италии. тт. 1-7. М., 1958-1979).

¹⁰ Introduzione alla storia del movimento cattolico in Italia. A cura di B. Gariglio e E. Passerin d'Entrèves. Bologna, 1979; Storia del movimento cattolico in Italia. Voll. 1-6. Roma, 1980-1981; Dizionario storico del movimento cattolico in Italia: 1860-1980. A cura di F. Traniello e G.

Campanini. Voll. 1-3. Casale Monferrato, 1981-1984.

¹¹ Veccio G. Orientamenti attuali della storiografia sul movimento cattolico italiano // In formazione. Notizario bibliografico di storia contemporanea italiana, № 15, maggio 1989, p. 3.

и марксистов, и представителей других направлений¹².

Изменения в тематике исследований. После второй мировой войны итальянская историография новой и новейшей истории в значительной мере преодолела характерную для нее прежде замкнутость в рамках отечественной тематики и существенно расширила свой диапазон. Уже на первом общенациональном конгрессе историков в 1967 г. стали предметом отдельных докладов работы по истории международных отношений, стран Восточной Европы, США, стран исламского региона, Восточной Азии, Африки. Некоторая исследовательская традиция во всех этих областях (за исключением американистики) существовала в Италии и раньше, но либо культивировалась в связи с определенными внешнеполитическими целями (колонизальная политика в Африке, великодержавные планы фашизма), либо - как в славяноведении - была представлена преимущественно изучением языков, религии, культуры, но не собственно истории.

В исследованиях по зарубежной проблематике особое и очень значительное место заняла история России в XIX-XX вв. Она привлекала интерес как во взаимоотношении с историей Европы и различного рода связях с итальянской историей, так и сама по себе - и в дореволюционный, и в советский период. Этот интерес профессиональных историков питался широко распространенными в первые послевоенные годы общественными настроениями: освобождавшаяся от наследия фашизма Италия стремилась ближе узнать страну, сыгравшую столь очевидную роль в военных усилиях антигитлеровской коалиции и в разгроме фашистского блока.

В 1944-1945 гг. вышла двумя изданиями и необычайно быстро разошлась книга К. Барбагалло "Коммунистическая Россия (1917-1959)". За ней последовал доведенный до 1947 г. очерк истории СССР В.

¹² Storia d'Italia. Coordinatori R. Romano, C. Vivanti. Voll. 1-6. Torino, 1972-1981, и др.

Джустини (автора опубликованного еще в 1945 г. сводного труда "Русская политическая мысль за два века") и его же работы об Октябрьской революции (1945) и о взглядах Троцкого (1949). Философ А. Пасторе обратился к анализу философской мысли Ленина. Ф. Вентури выступил в 50-е гг. с исследованиями о декабристах и народничестве, В. Дзилли - о революции 1905 года (1965). Появились перевод "Философических писем" Чаадаева и ряд статей о нем, комментированные антологии произведений Чернышевского и Добролюбова. Изучалось славянофильство, панславизм, идеи Достоевского, русская религиозная философия. Результатом многолетних изысканий журналиста и политолога Дж. Боффы явилась фундаментальная "История Советского Союза", охватывающая период от Октябрьской революции до 1964 г.¹³

В историографии истории Италии (не только нового времени, но и более ранней) качественно возрос удельный вес социально-экономической проблематики. Падение фашистского тоталитарного режима заново пробудило у историков интерес к сфере гражданского общества и различным силам, формирующимся и действующим на этом уровне. Поворот к социально-экономическим исследованиям стимулировался и происшедшим "открытием заново" марксизма (через труды Грамши). Наконец, в то же русло вливалась развивавшаяся историография католического движения: в Италии оно исторически "специализировалось" на экономической деятельности и социальных проблемах, т. к. возникло и стало массовой силой в условиях папского запрета на участие католиков в политической жизни. Руководители Общества итальянских историков отмечали сложившуюся под воздействием всех этих факторов "решительную ориентацию современной историо-

¹³ I Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. Voll. 1-2. Milano, 1976-1979 (русс. пер.: Боффа Дж. История Советского Союза. В двух томах. М., 1990).

графии в сторону социально-экономических проблем" как один из важнейших итогов развития исторической науки в Италии за два послевоенных десятилетия.

На конгрессе итальянских историков в 1967 г. был заслушан специальный доклад об исследованиях по экономической истории, автор которого констатировал, что если когда-то она считалась в Италии в лучшем случае служанкой истории как таковой, то теперь "вступила в царство Клио через главный вход". Применительно к новому времени особенно интенсивно изучалось состояние сельского хозяйства в различных областях Италии с XVIII в. до национального объединения. Много внимания уделялось истории цен, относительно меньше - истории промышленности и торговли.

Изучение экономической истории обогатилось в методологическом отношении. Важный импульс к тому исходил от авторитетного ученого старшего поколения **Луиджи Даль Пани** (1905-1980), известного как трудами в данной области, так и исследованиями об Антонио Лабриоле. В своих послевоенных публикациях по методологическим вопросам он призвал расширить традиционное понимание экономической истории и интерпретировать ее через марксистскую категорию базиса, т. е. как историю отношений между людьми в процессе производства. Вокруг Даль Пани сложилась группа молодых историков (прежде всего аграрников), которые пошли в этом направлении. Даль Пани выступал также за специальное изучение истории трудящихся классов (он сам был автором вышедшей в 1944 г. "Истории труда в Италии с начала XVIII в. до 1815 г.").

Возросший интерес к социально-экономическим аспектам исторического процесса и роли в нем народных масс нашел особенно яркое проявление в историографии Рисорджименто (подробнее см. ниже). Эта ключевая проблема национальной истории продолжала оставаться одним из главных объектов исторического

исследования и занимала важное место в дискуссиях, сопровождавших процесс переосмысления итальянским обществом своего прошлого после освобождения от фашизма. К вопросам о социальном содержании Рисорджименто, о роли в нем различных классов с их материальными интересами, об отношении к национально-патриотическому движению городских "низов" и крестьянства особенно активно привлекали внимание авторы-марксисты. Но к этим темам обращались в специальных монографиях, статьях, выступлениях на научных конгрессах также и видные представители немарксистской историографии (Д. Демарко, Н. Родолико и др.).

Как новое тематическое направление исследований возникла историография социалистического рабочего движения. Особенно основательно, с широким привлечением архивных материалов изучался период его становления (60-е - 80-е гг. XIX в.).

Вплоть до конца 60-х гг. историческая наука в традиционном, академическом понимании почти не занималась историей Италии после первой мировой войны. В материалах конгресса итальянских историков в 1967 г. доклад об историографии по периоду 1915-1945 гг. отсутствует, т. к. он был представлен лишь в устном виде, а в дальнейшем автор так и не оформил его для печати. По-видимому, это объяснялось по преимуществу публицистическим характером появившихся к тому времени работ в данной области. Ни фашизм, ни Соппротивление, ни становление республиканской демократии тогда еще не были темами, весомо представленными в научной исторической литературе.

Но со второй половины 60-х гг. начал нарастать поток исследований по этим проблемам. Они выходят на передний план в новейшей итальянской историографии, привлекают к себе особо пристальное внимание, становятся предметом наиболее острых дебатов. В 1976 г. было отмечено, что за истекшее десятилетие появилось значительное количество трудов, поставивших в центр историо-

графических споров в Италии проблему кризиса либерального государства и прихода фашизма к власти, и что интерес к ней не ослабевает и после того, как наметился другой узловой пункт дискуссий - тема краха фашизма и рождения республики¹⁴.

Таким образом, за несколько послевоенных десятилетий в тематике итальянской историографии новой и новейшей истории произошли существенные сдвиги. Они являлись составной частью и выражением на научном уровне глубокого процесса переориентации исторического сознания общества. С другой стороны, они были связаны с открывшимися возможностями использования архивов, с отмеченным выше расширением международных контактов историков, с обновлением методологического подхода к традиционным областям исследования - таким, как история Рисорджименто.

Историография Рисорджименто (проблематика, дискуссии, научные результаты). Освобождение Италии от фашизма - так же как в свое время его приход к власти - вызвало волну споров вокруг Рисорджименто: оба крутых поворота в истории единого итальянского государства побуждали заново всмотреться в процесс его создания, оценить роль в этом процессе различных сил и итоги их деятельности. К тому же сразу после завершения "второго Рисорджименто" (Соппротивления) Италия погрузилась в предъюбилейную атмосферу: приближалось 100-летие революции 1848-1849 гг., а затем (в 1961 г.) - 100-летие образования Итальянского королевства.

Отношение к этим датам общественно-го мнения и историков отнюдь не было академически беспристрастным, оно вполне определенно окрашивалось разными политическими предпочтениями. Одна из католических газет прямо призвала не праздновать годовщину революции 1848 г.

Либеральные круги также не хотели широко отмечать ее, о чем свидетельствовала, в частности, позиция Кроче¹⁵. Для либералов куда более важной исторической вехой, чем революция 1848 г. с ее ярким демократическим компонентом, были события 1861 г. - объединение большей части Италии в форме, отвечавшей планам умеренных и Савойской династии. Левые же политические силы и разделявшие их позиции историки апеллировали именно к революционным традициям Рисорджименто и придавали первостепенное значение памяти о 1848 году.

Возобладало признание важной общественной и научной значимости юбилея революции 1848 г. Ему были посвящены специальные публикации, очередной конгресс по истории Рисорджименто и другие начинания, хотя некоторые участвовавшие в них историки рассматривали поражение этой революции как окончательный переход политической инициативы в национальном движении к либерально-монархическому крылу. Официальное празднование в 1961 г. 100-летия объединения Италии проходило уже в иной, менее политически наэлектризованной атмосфере. Однако и тогда в юбилейных мероприятиях проявилась до известной степени альтернативная направленность научных интересов историков, связанная с разным пониманием роли того или другого течения в объединительном процессе.

Сильнейшим стимулом к переосмыслению в новом ключе проблематики Рисорджименто стала публикация в 1949 г. соответствующего тома "Тюремных тетрадей" Грамши. Его концепция Рисорджименто была не только плодом раздумий

¹⁵ В конце 1947 г. Кроче опубликовал в печати открытое письмо, где высказывал мнение, что Италия "после двадцати лет грехопадения, приведшего к краху" еще недостойна вспоминать о такой героической странице своего прошлого, и особенно - озабоченность по поводу возможной подмены юбилея итальянской революции юбилеем "Коммунистического манифеста". См.: *Croce B. Scritti e discorsi politici (1943-1947)*. Vol. 2, Bari, 1973, p. 443-445.

политика - она сложилась как определенный ответ на те вопросы, над которыми билась итальянская историческая мысль 20-х - 30-х гг. Но лишь теперь, когда эта концепция была обнародована, она реально включилась в процесс развития итальянской историографии.

Воздействие идей Грамши существенно ускорило уже наметившийся поворот историков различных направлений к конкретному исследованию таких аспектов Рисорджименто, как социальное содержание движения за национальное единство, отношение к нему различных классов и в особенности - степень участия в нем народных масс. Появился ряд солидных работ, рассматривавших эти проблемы преимущественно в масштабе отдельных областей и государств Апеннинского полуострова (Ф. Делла Перута - о положении ломбардского крестьянства и его позиции во время революции 1848-1849 гг., Г. Куацца - о социальных движениях в итальянских государствах в 1815-1861 гг., Д. Демарко - о торгово-промышленной буржуазии Неаполитанского королевства и его социальной структуре к моменту объединения и др.). В результате был достигнут новый уровень знания, позволивший преодолеть распространенное прежде представление о Рисорджименто как деянии лишь меньшинства итальянской нации. К началу 60-х гг. его несостоятельность признали и некоторые видные представители немарксистской историографии - например, Л. Сальваторелли. Настаивать на нем продолжали лишь наиболее правые католические историки, отождествлявшие итальянский народ с массой католиков, а его отношение к Рисорджименто - с враждебной объединению Италии позицией церкви.

В поле зрения исторической науки полноправно вошли теперь те демократические силы, которые на завершающем этапе Рисорджименто (после похода Гарибальди на Юг в 1860 г.) были оттеснены сторонниками объединения "сверху" и в этом смысле оказались побежденными. На необходимость изучения их вклада в на-

циональное движение указал опять-таки Грамши, отметив, что в предшествующей историографии не нашлось, например, места исследованию о Партии действия (так называли себя после революции 1848-1849 гг. сторонники Мадзини). Наиболее значительными достижениями в этой области стали две работы марксистских авторов: "Демократы и итальянская революция" (1958) Ф. Делла Перута и "Демократы и инициатива Юга" (1962) Дж. Берти.

Стала интенсивно разрабатываться проблематика, которую традиционная историография Рисорджименто либо вообще не включала в его рамки, либо трактовала в сугубо негативном плане: история "революционного трехлетия", 1796-1799 гг. Особое внимание привлекла до того почти не изученная деятельность так называемых итальянских якобинцев - участников республиканского патриотического движения, в прошлом изображавшихся лишь как слепые и фанатичные приверженцы заимствованных из Франции идей, которые не имели корней в итальянской почве.

Исследованию якобинской идеологии положил начало Д. Кантимори, еще в 1943 г. выступивший с обширным трудом по истории итальянской общественной мысли за полвека (1794-1847 гг.), а тринадцать лет спустя - со специальной публикацией источников "Итальянские якобинцы". С другой стороны, интерес к этой теме стимулировался "Тюремными тетрадями" Грамши, где способность различных течений Рисорджименто к проведению "национально-народной", учитывающей интересы крестьянства политики оценивалась в контрастном сравнении с опытом якобинства во Франции. Значительный вклад в изучение итальянского якобинства внесли А. Галанте Гарроне и А. Саитта - авторы двух капитальных работ о Филиппо Буонаротти, чье имя вписано в историю, как бабуизма, так и республиканского движения конца XVIII в. в Италии¹⁶. Роль этого движения в станов-

¹⁴ См.: *Sabbatucci G. La crisi italiana del primo dopoguerra. La storia e la critica*. Roma-Bari, 1976, p. 4.

¹⁶ *I Galante Garrone A. Buonarroti e Babeuf*. Torino, 1948 (в более позднем расширенном

лении итальянской национальной идеи обстоятельно выяснил Дж. Ваккарино. Итальянскому якобинству посвятил свои первые исследования Р. Де Феличе, в то время (50-е - нач. 60-х гг.) сотрудничавший с Кантимори и защищавший подход к этой проблеме в русле, намеченном Грамши.

Проникновению идей Грамши в историографию Рисорджименто сопутствовала дискуссия, с особой силой разгоревшаяся во второй половине 50-х гг. и в общей сложности длившаяся около десятилетия. Отправлявшиеся от этих идей исследователи-марксисты, которые по большей части начинали свою деятельность в бурные 40-е гг., внесли в освещение поставленных Грамши проблем полемическую остроту, непривычную для ученых традиционного склада. Последние, отдавая им должное за возвращение в историю Рисорджименто несправедливо забытых имен, событий, движений и признавая односторонность господствовавших ранее трактовок, усматривали в марксистской литературе конца 40-х - начала 50-х гг. односторонность с обратным знаком, воспринимали представленную в ней позицию как "суд" над Рисорджименто, как сведение мотивов борьбы за национальное единство лишь к узким социально-экономическим интересам и своскорыстным побуждениям буржуазии.

В полемике вокруг восходящего к Грамши истолкования Рисорджименто на первый план выдвинулась проблема "несостоявшейся аграрной революции", тогда как у самого Грамши ключевое значение имела не она, а вопрос о политическом руководстве национальным движением. Прочитанную с подобными смещением акцентов концепцию Грамши особенно активно оспаривали историки-крожчанцы. Они утверждали, что тезис о "несостоявшейся аграрной революции" не вытекал из реальностей эпохи Рисорджименто, а был

подсказан Грамши совершенно иной, позднейшей исторической ситуацией, в которой развертывалась его деятельность как политика.

Наиболее серьезным оппонентом марксистской историографии Рисорджименто стал Р. Ромео, впитавший крожчанские идеи, но обратившийся к нетрадиционной для последователей Кроче социально-экономической проблематике. В 50-е гг. он заявил о себе работами, в которых история Рисорджименто рассматривалась в связи с развитием в Италии капиталистических отношений - в частности, в аграрной сфере¹⁷. В этом контексте Ромео подверг критике идею "несостоявшейся аграрной революции". Он допускал, что с точки зрения ситуации в самой Италии крестьянская аграрная революция французского типа была в ходе Рисорджименто возможна, но полагал, что она натолкнулась бы на непреодолимое сопротивление извне - со стороны европейских держав. Главное же - Ромео доказывал, что такая революция отнюдь не была бы благом для Италии, т. к. нанесла бы удар не только по феодальному, но и по капиталистическому землевладению и тем самым привела бы к задержке экономического развития. Поэтому то, что в Рисорджименто интересы крестьянства оказались принесены в жертву, он считал исторически неизбежным и оправданным.

В аргументации Ромео наиболее уязвимым пунктом была исходная посылка: он с явным преувеличением оценил удельный вес капиталистических элементов в итальянской аграрной экономике эпохи Рисорджименто. С крожчанской историографической традицией его роднила по-иному обоснованная, но столь же апологетическая оценка исторически данного исхода национально-буржуазной революции (по словам глубокого знатока историографии Рисорджименто В. Матури,

"Ромео обосновывает ту мысль, что капитализм в Италии в экономическом и социальном плане выполнил такую же позитивную и революционную функцию, какую в этико-политическом плане выполнила идея свободы"¹⁸).

Как продолжатель крожчанской линии в интерпретации Рисорджименто и его итогов Ромео выступил и в своих работах, посвященных Кавуру, роли Пьемонта в объединительном движении, либеральному периоду¹⁹. Подобно книге Кроче "История Италии с 1871 по 1915 г.", они ясно говорили о либеральных политических симпатиях автора. Но общая оценка либерального периода была у Ромео более критической, чем у Кроче. Связывая (как и Кроче) победу фашизма преимущественно с воздействием первой мировой войны, он тем не менее, не отрицал, что в итальянском обществе и до войны существовала "опасность скатывания к авторитарной власти", хотя и считал, что тогда эта тенденция перекрывалась "потенциалом развития и прогресса", которым обладала либеральная Италия.

Дискуссия по проблемам Рисорджименто между Ромео и "политической марксистской историографией" не вылилась в бесплодное противопоставление двух взаимоисключающих позиций, но способствовала продвижению вперед всего фронта исследований в этой области. При всей спорности выводов Ромео он ввел в оборот громадный новый материал по социально-экономической истории Рисорджименто, обогативший базу дальнейших научных поисков. В связи с поставленными Ромео вопросами активизировалось конкретное изучение (по преимуществу марксистами и близкими к марксизму авторами) поземельных отношений и аграрной экономики периода Рисорджименто. В

конце 50-х - начале 60-х гг. появилась целая серия значительных работ подобного рода, выполненных на локальном материале: Р. Дзангери (Эмилия), Л. Кафанья, М. Романи (Ломбардия), М. Беренго (Венето), П. Виллани (Неаполитанское королевство в года наполеоновского господства) и др. Наконец, историков-марксистов эта дискуссия побудила заново осмыслить оспаривавшиеся Ромео положения Грамши и кое в чем уточнить свое первоначальное, не вполне адекватное их истолкование.

Но Ромео встретил возражения не только со стороны марксистов. В 1959 г. в полемику с ним вступил американский специалист по экономической истории А. Гершенкрон, не согласившийся с его интерпретацией процесса первоначального накопления капитала в Италии. Тем самым Гершенкрон, в сущности, начал уже другую дискуссию, предвосхитив свои расхождения с Ромео по кругу вопросов, который занял важное место в итальянской историографии несколько позднее - в 60-е гг.

К тому времени споры о Рисорджименто среди историков стали затихать, и наместился известный спад интереса к этой тематике как таковой. Под воздействием "экономического чуда" 50-х начала 60-х гг. большую актуальность приобретало выяснение связанных с исходом Рисорджименто особенностей индустриализации Италии и в частности - "стартового" этапа ее промышленного развития (конец XIX - начало XX в.). К середине 60-х гг. была переиздана впервые вышедшая в 1951 г. работа Р. Моранди "История крупной промышленности в Италии" и появился ряд новых исследований в этой области - в том числе Ромео и его американского оппонента²⁰. Ромео в соответствии со своим представлением об аграрной сфере как форпосте капиталистического развития

издании - Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento. Torino, 1951); Saitta A. Filippo Buonarroti. Roma, 1950.

¹⁷ Romeo R. Il Risorgimento in Sicilia. Bari, 1950; Idem. Risorgimento e capitalismo. Bari, 1959 (ранее опубликована в виде двух журнальных статей)

¹⁸ Maturi W. Interpretazioni del Risorgimento. (Torino), 1962, p. 671.

¹⁹ Romeo R. Cavour e il suo tempo. 3 voll. Roma-Bari, 1969-1984. Idem. Dal Piemonte sabauda all'Italia liberata. Torino, 1963; Idem. L'Italia liberale: sviluppo e contraddizioni. Milano, 1987.

²⁰ Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1961; Gerschenkron A. Il problema storico dell'arretratezza economica. Torino, 1965 (в США книга вышла в 1962 г.).

Италии настаивал на том, что именно она стала главным источником капиталов, вложенных в создание итальянской промышленности. Гершенкрон считал, что уровень накопления в самой Италии мог в лучшем случае обеспечить создание средств сообщения и других элементов инфраструктуры, тогда как начавшаяся индустриализация финансировалась в большей мере за счет прибылей от роста цен на мировом рынке и притока иностранного (немецкого) капитала.

В связи с анализом итогов Рисорджименто в поле зрения итальянской историографии по-прежнему оставался южный вопрос, история и условия его возникновения. Тема Юга активно разрабатывалась после второй мировой войны авторами-марксистами, воспринявшими (через Грамши) демократические традиции меридионализма. Ей уделено значительное место в трудах известного специалиста по аграрной истории Италии Э. Серени²¹. В 1961 г. была опубликована подготовленная Р. Виллари антология "Юг в истории Италии", охватывающая весь период после национального объединения и впоследствии не раз переиздававшаяся, и его же очерки под общим названием "Юг и крестьяне в новое время" (хронологические рамки - с середины XVII в. до падения неаполитанских Бурбонов в 1860 г.)²². Истории Юга в эпоху Рисорджименто и его судьбам в процессе перехода от феодализма к капитализму посвящены работы А. Лепре²³. Л. Де Роза исследовал воздей-

ствие на возникновение дуализма Север - Юг промышленного переворота и последующего индустриального развития Италии²⁴.

В начале 70-х гг. в историографии южного вопроса обозначились некоторые новые тенденции. Одна из них, в дальнейшем не получившая существенного развития, была связана с активизацией левозэкстремистской критики политического курса ИКП в отношении Юга, которая затронула также взгляды Грамши и позиции отправлявшихся от его идей историков.

Те, кто выступал с подобной критикой²⁵, отвергли представление Грамши и других марксистов о южном вопросе как специфическом проявлении незавершенности итальянской буржуазной революции в сфере аграрных отношений. Они полагали, что к моменту национального объединения южное общество было уже не полуфеодальным, а капиталистическим, причем уровень развития капитализма на Юге был не намного ниже, чем на Севере, южный же вопрос как проблема хронического отставания Юга от Севера возник лишь позднее - в результате целенаправленной политики нового государства.

Настаивая на капиталистическом характере южноитальянской экономики в эпоху Рисорджименто, ультралевые критики марксистской историографии, казалось бы, шли в русле идей Ромео, хотя и значительно дальше его (Ромео специально оговаривал, что на Юге тогда господствовали не капиталистические, а полуфеодальные аграрные отношения). Тем не менее, они полемизировали и с Ромео, усматривая между ним и "грамшианцами" нечто общее, а именно: представление о разрешимости южного вопроса в рамках капитализма - с помощью реформ ("официальная", "грамшианско-тольяттинская"

²⁴ De Rosa L. La rivoluzione industriale in Italia e il Mezzogiorno. Bari, 1973 (второе издание - 1974 г.).

²⁵ Напр., Carlo A. e Capocelatro E. M. Contro la questione meridionale, Roma, 1973.

коммунистическая культура) или в результате благотворного воздействия самой капиталистической системы (Ромео).

Гораздо более значительным оказалось другое направление, возникновению которого способствовали происшедшие на Юге в послевоенный период немаловажные перемены (ликвидация помещичьих латифундий, осуществление правительственной политики развития южных областей). Его представители призывают для лучшего понимания современного Юга иначе, чем прежде, подойти к освещению его предшествующей истории, обратить внимание на не исследовавшиеся ранее проблемы (например, втягивание Юга в международные рыночные связи, усилия по социальному развитию Юга, предпринимавшиеся либеральным государством), преодолеть в историографии южного вопроса идеологизирующее влияние меридионалистской традиции с ее разоблачительным пафосом и дать меридионализму более взвешенную, критическую оценку²⁶. Необходимость учесть новый опыт в современном подходе к южному вопросу и меридионализму признается и в марксистской историографии²⁷.

В 80-е гг. южный вопрос после некоторого спада интереса к нему на рубеже этого десятилетия вновь стал привлекать внимание научной общественности, о чем свидетельствовали различные конференции, новые издательские начинания и т. д. В то же время проблематика Рисорджименто в собственном смысле в 70-е - 80-е гг. постепенно уходила в тень, уже не занимая в сфере исследований по новой ис-

²⁶ См.: Bevilacqua P. Critica dell'ideologia meridionalistica: Salvemini, Dorso, Gramsci. Padova, 1973; Idem. Questione meridionale e storia del Mezzogiorno // Passato e presente, N 12, settembre-dicembre 1986; Pezzino P. Mezzogiorno e potere locale. Analisi classiche e revisioni storio-grafiche // Rivista di storia contemporanea, fasc. 4, ottobre 1987.

²⁷ Об этом писал, напр., Р. Виллари в предисловии к предпринятому в 1978 г. переизданию своей антологии, куда входит ряд классических меридионалистских текстов.

тории прежнего, бесспорно доминирующего места. Властной потребностью становилось осмысление более близкого прошлого и, прежде всего - анализ на уровне профессионального исторического знания такого явления, как фашизм.

Историография фашизма. Природа фашизма, причины его возникновения, его соотношение с предшествующим развитием итальянского общества и государства - все эти вопросы активно обсуждались (преимущественно на уровне публицистики и не в самой Италии, а в среде антифашистской эмиграции) уже в 20-е - 30-е гг. Тогда же сформировались различные концепции фашизма, тесно связанные с определенными политическими позициями по отношению к фашистскому режиму. В том или ином виде они прослеживаются и в послевоенной историографии фашизма.

Первоначально исследование фашизма сосредоточилось главным образом на выяснении его генезиса. В этой связи неизбежно вставал вопрос об исторической ответственности за приход фашизма к власти, имевший большую политическую остроту, - тем паче в условиях, когда освободившаяся от тоталитарного режима Италия оказалась перед выбором между возрождением либеральных институтов дофашистского образца или обновленной, более последовательной демократией.

Груз этой ответственности особенно тяготил правившие страной перед фашистским переворотом либеральные круги, лидером которых в период Сопротивления стал Кроче. В своих политических выступлениях 1943-1947 гг. маститый ученый отстаивал ту же мысль, которая пронизывала его книгу "История Италии с 1871 по 1915 г.": фашизм не имел корней в либеральном периоде. Дофашистскую Италию он считал одной из самых демократических стран мира, а фашизм - явлением, не связанным с какими-либо классовыми интересами, своего рода моральной болезнью итальянского общества, вызванной потрясениями первой мировой войны. Позднее либеральная тенденция в истолковании фашизма стала проявляться

в том, что ему приписывалась по преимуществу антилиберальная, а не антисоциалистическая направленность - например, в "Истории Италии в период фашизма" Л. Сальваторелли и Дж. Мира²⁸.

Самими фашистами в свое время усиленно насаждалось представление о фашизме как "спасителе Италии от большевизма". В опровержение этой версии немалый вклад внесла опирающаяся на солидную документальную базу книга А. Таски "Зарождение и приход к власти фашизма", написанная в 30-е гг. в эмиграции, а в Италии впервые опубликованная в 1950 г.²⁹ Таска (участник создания ИКП, позднее исключенный из нее и примкнувший к социалистам) показал, что фашизм пришел к власти уже после того, как революционный подъем в Италии закончился и рабочий класс потерпел поражение. Но вину за то, что победа фашизма оказалась возможной, он возложил на социалистическое рабочее движение: на реформистское крыло ИСП - за отказ войти ради отпора фашизму в правительство, на коммунистов - за осуществленный в 1921 г. раскол ИСП.

Среди историков-марксистов проблемой возникновения фашизма занялся с конца 40-х гг. П. Алатри (1918-1996) - автор нескольких исследовательских очерков, собранных затем в книгу³⁰. Он показал, что фашизм, поначалу бывший малозначительным движением, окреп и достиг власти при содействии того же самого класса, который был правящим при либеральной системе, но оказался не в состоянии удержать свое господство прежними методами.

Основы марксистской концепции фашизма в современной итальянской историографии были заложены еще в годы фашистской диктатуры теоретическими разработками Грамши и Тольятти. Они подошли к пониманию фашизма как блока различных социальных сил, в котором интересы ведущих и ведомых находятся в сложном взаимодействии, выделили в фашизме общее и национально-специфическое, подметили, что первоначальный характер фашизма во многом меняется после его прихода к власти и что фашистский политический режим обладает собственной, до известной степени автономной логикой развития. Но в полной мере вклад обоих теоретиков ИКП в анализ фашизма был оценен и стал осваиваться значительно позднее. Только к 1970 г. была разыскана и опубликована большая часть (11 из 15) лекций о фашизме, прочитанных Тольятти в 1955 г. в Москве слушателям Международной ленинской школы при Коминтерне, где его точка зрения представлена в наиболее полном и завершенном виде³¹. Работы Грамши о фашизме после публикации всего его наследия были изданы отдельным сборником под редакцией признанного специалиста в этой области, известного историка-марксиста Э. Сантарелли³².

Сантарелли принадлежит, в частности, один из наиболее солидных обобщающих трудов о фашизме за весь период его существования³³. Из очерков разных лет сложилась его работа "Фашизм и неофашизм"³⁴. Сантарелли выступил также как научный редактор и автор предисло-

вия к изданию политических произведений Муссолини³⁵.

К марксистскому направлению в историографии фашизма можно отнести работы Ф. Каталано, охватывающие период фашистской диктатуры в целом³⁶ или посвященные тем или иным специальным проблемам (фашистский корпоративизм, фашизм и положение рабочего класса). По некоторым параметрам к марксистской концепции фашизма близки и исторические направления, занимающие левые политические позиции (Дж. Кароччи, Г. Куацца и др.).

Среди ученых левой ориентации многие участвовали в Соппротивлении или сформировались идейно в атмосфере первых лет после его победы. Унаследованный от того времени дух антифашистского единства способствовал их сотрудничеству в разрабатывающих историю фашизма специализированных институтах, университетских центрах и т. д. Совместными усилиями левых историков и политических деятелей в 1959-1961 гг. были организованы циклы лекций о фашизме и антифашизме в Риме, Милане, Турине и по одной из программ национального телевидения, которые вызвали большой общественный интерес. Материалы этих лекций были впоследствии опубликованы³⁷.

С начала 60-х гг. в итальянской историографии фашизма стала вырисовываться новая тенденция. Послышались призывы к отказу от "идеологических" интерпретаций фашизма, каковые приписывались историкам, стоявшим на антифашистских позициях. Взамен подобных "исчерпавших себя" истолкований предлагался подход к фашизму, претендовавший на полную объективность. Его особенно ак-

тивно отстаивал Р. Де Феличе, вокруг которого в дальнейшем сложилась целая школа единомышленников и учеников (Де Феличе является профессором Римского университета, где преподает историю политических партий и руководит исследовательским подразделением - департаментом политических наук). Ученые "круга Де Феличе" объединяются вокруг издаваемого с 1969 г. под его редакцией журнала "Новейшая история" ("Storia contemporanea").

Де Феличе как основатель направления, называемого им самим "новой" историографией фашизма, отошел от своих прежних, близких к марксизму методологических позиций, которые были характерны для его работ об итальянском якобинстве. Но он отверг и методологию Кроче, что особенно проявилось в его подходе к источникам: Де Феличе склонен к фетишизации исторического документа, в сущности, возвращаясь в этом к позитивистской традиции.

Среди множества написанных Де Феличе работ о фашизме главной является многотомная биография Муссолини³⁸, которая наиболее выпукло характеризует его исследовательский подход. История фашизма персонифицируется: личности Муссолини Де Феличе придает "решающее значение для понимания фашизма". Огромное количество документов, зачастую непроверенных и используемых некритически, должно убедить читателя в абсолютной непредвзятости историка, но увлекает его самого на путь, ведущий к апологии Муссолини и фашистского режима.

Существенные черты присущей Де Феличе концепции фашизма (не только итальянского) отражены в его работах, специально посвященных различным истолкованиям фашизма, и в опубликован-

²⁸ *Salvatorelli L. e Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista.* Roma, 1956 (в дальнейшем неоднократно переиздавалась).

²⁹ *Tasca A. Nascita e avvento del fascismo.* Firenze, 1950 (есть двухтомное переиздание 1965 г.).

³⁰ *Alatri P. Le origini del fascismo.* Roma, 1956 (русс. пер.: Алатри П. Происхождение фашизма. М., 1961; пятое итальянское издание - 1977 г.).

³¹ *Togliatti P. Lezioni sul fascismo.* Roma, 1970 (русс. пер.: Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974).

³² *Gramsci A. Sul fascismo.* A cura di E. Santarelli, Roma, 1973.

³³ *Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista.* Voll. 1-2. Roma, 1967 (в позднейшем издании - *Storia del fascismo.* Voll. 1-2, Roma, 1981).

³⁴ *Santarelli E. Fascismo e neofascismo.* Roma, 1974.

³⁵ *Scritti politici di Benito Mussolini. Introduzione e cura di E. Santarelli.* Milano, 1979.

³⁶ *Catalano F. L'Italia dalla dittatura alla democrazia (1919-1948).* Milano, 1962 (есть позднейшее двухтомное переиздание).

³⁷ *Fascismo e antifascismo (1918-1948). Lezioni e testimonianze.* Voll. 1-2. Milano, 1962; Alatri P., Antonicelli F., Arfè G. e. a. Trent'anni di storia politica italiana. Torino, 1967.

³⁸ *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario.* Torino, 1965; *Mussolini il fascista.* Voll. 1-2. Torino, 1966-1968; *Mussolini il duce.* Voll. 1-2. Torino, 1974-1981.

ном в 1975 г. "Интервью о фашизме"³⁹. С точки зрения Де Феличе отдельные национальные варианты фашизма настолько специфичны, что дать какое-либо общее определение его сущности невозможно. Специфику итальянского фашизма Де Феличе видит в прогрессирующей автономизации по отношению ко всем тем силам, которые поддержали его в момент захвата власти, - но при сохранении до самого конца особых отношений с мелкой буржуазией.

Представления Де Феличе о роли в судьбах фашизма верхов имущих классов претерпели любопытную эволюцию. В 1964 г. он опубликовал почерпнутые из архивов неопровержимые данные о том, что именно с этой стороны фашизм в период борьбы за власть получил основную финансовую поддержку. Два десятилетия спустя, выступая в качестве главного консультанта выставки "Итальянская экономика между двумя мировыми войнами: 1919-1959 гг.", он сделал лейтмотивом этой выставки ту мысль, что на протяжении всего указанного периода фашизм и крупный капитал были автономны и нейтральны по отношению друг к другу.

Значительное место в работах Де Феличе и его последователей уделяется анализу фашистской мифологии, усилиям фашизма по формированию "нового человека" и "новой культуры", в которой главное - ритуальная сторона, "сила слов, способных действовать на воображение и эмоциональность масс". Внимание к этой проблематике связано с представлением о том, что тоталитарный характер фашистского государства обеспечивался не репрессивными мерами, а массовым консенсусом. Новый, целенаправленно формируемый тип человека - это, по Де Феличе, идея, которую фашизм воспринял от Про-

свещения мелкобуржуазной демократии, утопического социализма.

Де Феличе считает фашизм в Италии (в отличие от нацизма) формой "левого тоталитаризма". В этом его концепция близка к идеям католического философа А. Дель Ноче, который рассматривает фашизм (наряду с нацизмом и коммунизмом) в качестве одной из форм тоталитаризма, а именно - "левой", "революционной" формы.

Взгляды на фашизм, которых придерживается Де Феличе и его школа, излагаются и в популярной литературе, широко пропагандируются средствами массовой информации. В 1982 г. Де Феличе консультировал многосерийную телевизионную передачу "Все люди дуче", критически оцененную в левой печати из-за ее односторонней, окрашенной "в розовые тона" направленности.

Пolemика вокруг концепции Де Феличе идет постоянно и на разных уровнях. Особенно остро реагировала левая общественность на публикацию его "Интервью о фашизме". Журнал Института истории освободительного движения поместил редакционную статью, где были подвергнуты критике как его методы использования документов, так и присущие ему тенденции к апологии фашизма. Видный деятель ИКП, активный участник антифашистского движения Дж. Амэндола выступил с "Интервью об антифашизме". Аргументированным ответом Де Феличе по ряду позиций стал сборник "Фашизм и капитализм", где участвовали П. Алатри, Г. Куацца, Дж. Кароччи, Э. Коллотти (исследователь истории Германии, известный в частности работами о нацизме) и другие авторы⁴⁰.

Наконец, в итальянской историографии фашизма существует, но не является сколько-нибудь значительной, фашистская и неофашистская струя. В первые послевоенные годы она была представлена двумя работами А. Тамаро, посвященными "республике Сало" (1943-1945 гг.) и

⁴⁰ Fascismo e capitalismo. Milano, 1976.

собственно фашистскому двадцатилетию (1922-1943 гг.)⁴¹. Фашизм он рассматривал сквозь призму своих националистических взглядов и изображал как режим, в целом отвечавший национальным интересам. В дальнейшем более или менее откровенная апология фашизма зазвучала лишь после того, как с начала 70-х гг. активизировалось неофашистское движение.

В 1983 г. появился сборник "Фашизм сегодня", где были представлены различные оттенки неофашистского истолкования фашизма времен Муссолини (в том числе и критика отдельных его сторон)⁴². Некоторые участники этого сборника вступили в полемику с концепцией Де Феличе - в частности, с его представлениями о фашизме как "левом" движении и о генетической связи фашистской идеи "нового человека" с просветительской и демократической традицией. Современные итальянские неофашисты возводят ее к совершенно иным истокам - к образу "человека античной расы" (древний римлянин, средневековый рыцарь, крестоносец и т. д.) и к идеям из нацистского арсенала, которым симпатизируют и они сами.

Историография Сопротивления и конституирования республики. Объектом широкого исследования стала в Италии история борьбы против фашистского режима и особенно ее кульминационный этап - Сопротивление (1943-1945 гг.) С анализом и оценкой итогов Сопротивления тесно связано изучение еще одной проблемы - становления республиканской государственности.

У истоков историографии этих проблем стояли непосредственные участники событий, в том числе видные политиче-

⁴¹ Tamaro A. Due anni di storia: 1943-1945. Voll. 1-3. Roma, 1948-1950; idem. Vent'anni di storia: 1922-1943. Voll. 1-3. Roma, 1953-1954.

⁴² Fascismo oggi. Cunes, 1983. Сборник вышел в год 100-летия со дня рождения Муссолини. Материалы различных начинаний, организованных специально в связи с этой датой, опубликованы в 1986 г. - к 40-летию создания неофашистской партии Итальянское социальное движение.

ские деятели. Поэтому историографические направления в данной области разграничиваются, прежде всего, линиями политических расхождений, а в позициях историков и несколько десятилетий спустя иногда чувствуется отголосок споров того времени.

Вплоть до начала 60-х гг. в литературе о Сопротивлении преобладали работы мемуарного и публицистического, а не собственно исследовательского характера. Но уже тогда обозначились узловые вопросы, по которым сталкивались различные точки зрения: чем было движение Сопротивления по своему содержанию и характеру, в какой мере оно достигло своих целей, насколько правомерно применение к нему понятия "второе Рисорджименто".

Сопротивление стали называть "вторым Рисорджименто" еще в период вооруженной борьбы против нацистской оккупации и режима "республики Сало". Черты сходства были очевидны: Италии вновь пришлось отвоевывать себе свободу от чужеземного господства и преодолевать разобщенность различных частей своей территории. Возникшая, по видимому, спонтанно на уровне народного исторического сознания, эта аналогия работала как эффективный стимул освободительного движения и, так или иначе, использовалась всеми антифашистскими партиями. Но когда Сопротивление успешно завершилось, термин "второе Рисорджименто" стал осмысливаться более критически. Выявились различия в его понимании и отношении к нему, связанные с разными представлениями о том, куда и каким путем пойдет Италия после освобождения.

Кроме, считавший фашизм перерывом в нормальном историческом развитии страны и выступавший за возврат к дофашистскому либерализму, рассматривал Сопротивление как воскрешение либеральных ценностей Рисорджименто и звено, восстанавливающее преемственность либеральной традиции. Иного взгляда придерживались антифашисты радикаль-

³⁹ De Felice R. Le interpretazioni del fascismo. Bari, 1969 (переиздание - Roma, 1977); Idem. Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici (introduzione). Bari, 1970; Idem. Intervista sul fascismo. A cura di M. A. Ledeen. Roma, 1975.

но-демократического направления, представленного в ходе Сопротивления Партией действия (название, заимствованное из эпохи Рисорджименто), а в послевоенной литературе - поздними работами вернувшегося из эмиграции Сальвемини. Это направление восприняло критическую оценку Рисорджименто в русле идей Гобетти. Соответственно Сопротивление понималось как воплощение таких качеств, которые в Рисорджименто отсутствовали, как его своеобразное завершение, реализация того, что в Рисорджименто реализовано не было. Так, Сальвемини подчеркивал в Сопротивлении характер глубоко народного движения, каким так и не стало Рисорджименто, и особенно - широкое участие в нем крестьянства, а возрождение духа Рисорджименто видел в том, что Сопротивление осуществило чаяния его лучших деятелей⁴³. Внутри радикального направления существовало и так называемое европейское истолкование Сопротивления, разделяемое, например, руководителем миланского Института истории освободительного движения Дж. Ваккарино. В Сопротивлении европейцы выступали за преодоление "принципа национальностей" в рамках будущей единой Европы и с этой точки зрения видели в нем, прежде всего черты отличия от Рисорджименто - движения под национальными лозунгами.

Неоднозначно трактовала Сопротивление католическая историография, складывавшаяся в условиях характерного для 50-х гг. резкого противостояния ХДП левым партиям. Некоторые ее представители (Дж. Бьянки, П. Мальвестити) демонстрировали открытое неприятие "классовой" интерпретации Сопротивления и изображали это движение как "восстание из-за любви к ближнему", вдохновляемое религиозно-этическими мотивами⁴⁴. Другие

(например, Дж. Россини) не игнорировали социальный состав участников Сопротивления и особо выделяли роль в нем крестьянства, но объясняли ее влиянием приходских священников, а народный характер Сопротивления сводили к массовому включению в него католиков⁴⁵. Сравнение с Рисорджименто в таком контексте становилось не столько уподоблением, сколько противопоставлением: в Рисорджименто католики (= народ) не участвовали; либеральный режим потому и оказался непрочным, что закрепил разрыв между государством и народом; преодолеть этот разрыв позволило лишь Сопротивление. Но так или иначе католические концепции Сопротивления способствовали обособлению примата ХДП в политической жизни "I республики".

Уже к середине 50-х гг. идея "второго Рисорджименто" приобрела статус своего рода официальной концепции Сопротивления, на которой сошлись историки католического и либерального направлений. Это выразилось в участии как тех, так и других в сборнике "Второе Рисорджименто", подготовленном специальной правительственной комиссией к юбилейной дате - 10-летию победы Сопротивления⁴⁶.

В марксистской историографии возобладавало сдержанное и в значительной мере критическое отношение к аналогии между Сопротивлением и Рисорджименто. Не отрицая ее известной правомерности и реально проявившегося в Сопротивлении непреходящего значения лучших традиций Рисорджименто, авторы-марксисты (Л. Лонго, В. Батталья, П. Секкья) выступали против поверхностных исторических сближений, настаивали на различии эпох, которым принадлежали два освободительных движения, и соответственно - на существенных, содержательных различиях между ними⁴⁷.

К началу 60-х гг. дискуссия вокруг концепции "второго Рисорджименто" начала затихать. Потенциал этой идеи, по видимому, был исчерпан: споры о месте Сопротивления в истории Италии все больше концентрировались на том, как соотносятся его цели с реальными результатами, и уже не нуждались в подобной оболочке.

В связи с этим возникали расхождения относительно того, было ли Сопротивление лишь движением национально-освободительного, патриотического характера и борьбой за отнятые фашизмом свободы (так считали, прежде всего, либеральные авторы) или также и порывом к социальному и политическому обновлению (на этом настаивали историки и публицисты, разделявшие идеи левого крыла Сопротивления). Сторонники последней точки зрения, в свою очередь, не во всем были согласны между собой, что имело в основе разные позиции в ходе самого Сопротивления социалистов и Партии действия - с одной стороны, коммунистов - с другой.

В 1943-1945 гг. социалистов и приверженцев Партии действия роднила свойственная тем и другим, хотя и проявлявшаяся по-разному склонность к сектанству, к выдвиганию не соответствовавших реальной обстановке лозунгов и целей. Часть социалистов стремилась направить антифашистское движение в русле социалистического переустройства Италии. Партия действия в разгар борьбы, требовавшей объединения всех антифашистских сил, несвоевременно поставила вносивший рознь в их ряды вопрос о замене монархии республикой. В дальнейшем из этих сектантских тенденций и завышенных ожиданий выросла пессимистическая оценка итогов Сопротивления, представление о том, что оно завершилось не

победой, а поражением. Такая трактовка представлена, например, в сборнике "Десять лет спустя" (работы Л. Вальяни и других авторов из распавшейся после войны Партии действия)⁴⁸ и в некоторых публикациях социалистов⁴⁹.

Те, кто считал Сопротивление несостоявшейся или неудавшейся, потерпевшей поражение революцией, возлагали вину за подобный оборот событий на ИКП с ее политикой антифашистского единства будто бы всецело подчиненной внешнеполитическим планам СССР. В действительности ИКП направляла свои усилия на реализацию целей, вытекавших из понимания Сопротивления как революции - но не социалистической, а антифашистской, демократической, осуществляющей такие социальные преобразования, которые закроют путь возрождению фашизма. Намеченная уже в документах ИКП периода Сопротивления, эта концепция была в развернутом виде изложена Тольятти на IX съезде партии (1960 г.). Сопротивление рассматривалось им как "великая демократическая революция, какой Италия никогда не знала прежде", позволившая выиграть освободительную войну, ликвидировавшая фашизм, заложившая основы нового государства, но оставшаяся незавершенной, т. к. она была прервана в момент, когда подошла к решению созидательных задач (реформа экономической структуры и др.).

Результаты Сопротивления марксистская историография оценивала с учетом воздействия внешнеполитических факторов, имея в виду не только политику СССР, которая, как показал, например, Э. Раджонери, благоприятствовала борьбе за демократическое развитие Италии⁵⁰, но и присутствие в стране наступающих с

⁴³ *Salvemini G.* La guerra per bande // *Aspetti della Resistenza in Piemonte*. Torino, 1950.

⁴⁴ *Bianchi G.* Antifascismo e Resistenza nel problema storiografico // *Vita e pensiero*, luglio 1959; *Malvestiti P.* *Achtung: Banditi*. Milano, 1960.

⁴⁵ *Rossini G.* *Il fascismo e la Resistenza*. Firenze, 1955.

⁴⁶ *Il secondo Risorgimento d'Italia*. Roma, 1955.

⁴⁷ *Longo L.* *Un popolo alla macchia*. Verona, 1947 (русс. пер.: *Лонго Л.* *Народ Италии в борьбе*.

М., 1951); *Battaglia R.* *storia della Resistenza italiana*. (Torino), 1953 (русс. пер.: *Батталья Р.* *История итальянского движения Сопротивления*. М., 1954); *Secchia P.* *Resistenza e Risorgimento*. Biella, 1959.

⁴⁸ *Dieci anni dopo: 1945-1955*. Bari, 1955.

⁴⁹ *Basso L.* *Il principe senza scettro*. Milano, 1958; *idem.* *Il partito socialista italiano*. Milano, 1958.

⁵⁰ *Ragionieri E.* *I comunisti nella Resistenza // Valiani L., Bianchi G., Ragionieri E.* *Azionisti cattolici e comunisti nella Resistenza*. Milano, 1971.

Юга англо-американских войск. Из специального исследования темы "Сопrotивление и союзники", предпринятого совместно одним из руководителей Сопrotивления П. Секкья и видным профессиональным историком Ф. Фрассати, явствовало, что сдерживавшее размах и ограничивавшее цели движения умеренное крыло антифашистов опиралось на поддержку союзнического командования и военной администрации⁵¹.

Начиная со второй половины 60-х гг. истолкование Сопrotивления как "неудавшейся революции" нашло новых сторонников. Как и в других странах, в Италии в это время возникали различные ультралевые группы, и складывалось движение "новой левой", проявлявшее себя в историографии преимущественным интересом к стихийным, автономным действиям неорганизованных и не охваченных политическим влиянием масс. С этих позиций Сопrotивление изображалось как социальная революция рабочих, крестьян, молодежи, интеллигенции, "преданная" преследовавшимися собственными целями партиями и, прежде всего ИКП, против которой направлялся главный огонь левоэкстремистской критики⁵².

Ответом на эту критику явился дальнейший рост исследований по истории Сопrotивления, в которых на документальной базе раскрывалась роль в нем организующего начала - политического и военного руководства партизанской борьбой. Институт истории освободительного движения осуществил важные публикации

⁵¹ *Secchia P., Frassati F.* La Resistenza e gli Alleati. Milano, 1962. Этими же авторами создана двухтомная "История Сопrotивления" (*Secchia P., Frassati P.* Storia della Resistenza. Voll. 1-2. Roma, 1965, переиздание - Roma, 1972).

⁵² Напр., *Del Garria R.* Proletari senza rivoluzione. Vol. 2. Milano, 1966 (в позднейшем четырехтомном издании - Vol. 4, Roma, 1976); *Gobbi R.*, Operai e Resistenza. Torino, 1973; *Operai e contadini nella crisi italiana del 1943-1944.* A cura di G. Quazza. Milano, 1974; *Quazza G.* Resistenza e storia d'Italia. Problemi e ipotesi di ricerca. Milano, 1976.

архивных источников-документов главного командования Корпуса добровольцев свободы (объединенная партизанская армия), Комитета национального освобождения Северной Италии, "Бригад Гарибальди" (партизанских формирований ИКП)⁵³. Документы из архива ИКП были широко использованы в новых работах о Сопrotивлении П. Секкья ("ИКП и освободительная война 1943-1945 гг."), Л. Лонго ("Руководящие центры ИКП в Сопrotивлении"), Дж. Амендолы ("Письма из Милана"), в посвященном Сопrotивлению последнем томе фундаментальной "Истории ИКП" П. Сприано⁵⁴.

В последние десятилетия подход к истории Сопrotивления стал более свободным от того духа резкой политической конфронтации, который был характерен для ранней историографии этой проблемы. Приметой иного времени стало проявляемое и на официальном уровне понимание того, что победа над фашизмом, установление республики, выработка ее конституции были плодом совместных усилий различных партий - как бы ни сложились их отношения в дальнейшем.

Изданный в 1979 г. двухтомный коллективный труд по истории Учредительного собрания 1946-1947 гг. и принятия конституции (первая специальная публикация на эту тему) составлен из разделов, посвященных каждой деятельности какой-либо одной партии, но в совокупности охватывает весь антифашистский полити-

⁵³ *Atti del Comando generale del CVL* (giugno 1944-aprile 1945). A cura di G. Rochat. Milano, 1972; *Verso il governo del popolo. Atti e documenti del CLNAI: 1943-1946.* Milano, 1977; *Le brigate Garibaldi nella Resistenza: Documenti.* Voll. 1-3. Milano, 1979.

⁵⁴ *Secchia P.* Il PCI e la guerra di liberazione (1943-1945) // Istituto G. G. Feltrinelli. Annali, anno XII. Milano, 1973; *Longo L.* I centri dirigenti del PCI nella Resistenza. Roma, 1973; *Amendola G.* Lettere da Milano, Roma, 1973; *Spriano P.* Storia del PCI. Vol. 5, Torino, 1975.

ческий спектр⁵⁵. В 1984 г., когда исполнилось 50 лет со дня смерти лидера ХДП А. Де Гаспери и 20 лет со дня смерти П. Тольятти, национальное телевидение почтительно память обоим политическим деятелям специальной передачей, поставив их рядом как "отцов-основателей" республики.

Но это не значит, что тематика Сопrotивления (и шире - борьбы с фашизмом) уже не вызывает споров, окрашенных влиянием политических страстей. Вспышка таких споров произошла в конце 80-х гг., когда в итальянских журналах появился ряд остро дискуссионных статей специально или преимущественно о Сопrotивлении, с особым упором на проблему гражданской войны и ее соотношение с освободительной антифашистской войной.

Период конституирования республики, иногда именуемый также периодом Реконструкции, по большей части рассматривается в работах более широкого плана - либо по истории Сопrotивления (как ее завершение), либо по истории Италии после второй мировой войны. Но есть и работы, посвященные ему специально⁵⁶. Затрагивающие этот период представители "новой левой" историографии (как К. Павоне) в соответствии со своей оценкой исхода Сопrotивления подчеркивают в республиканских политических институтах не их новизну, а "преимущество" по отношению к фашистскому государству.

Историки обращаются и к анализу отдельных аспектов периода Реконструкции. В обширной литературе по актуальной для Италии теме взаимоотношений государства и церкви авторы разной ориентации уделяют внимание дискуссиям по этому вопросу в Учредительном собрании, в результате которых было найдено разумное компромиссное решение. Частью руково-

⁵⁵ *Cultura politica e partiti nell'età della Costituente.* Vol. 1; L'area liberal-democratica. Vol. 2; L'area socialista. Il PCI. Bologna, 1979.

⁵⁶ Напр., *Pavone C.* La continuità dello Stato in Italia (1945-1948). Le origini della Repubblica. Torino, 1974; *Piscitelli E.* Da c. Parri a De Gasperi. Storia del dopoguerra (1945-1948). Milano, 1975.

димой К. Валлаури серии коллективных исследований по послевоенной истории итальянских политических партий являются три тома, посвященные восстановлению демократических партий в 1943-1948 гг.⁵⁷ Предметом специального изучения стала выработка Учредительным собранием заложенного в конституции подхода к проблемам образования⁵⁸. Во второй половине 80-х гг. появился ряд работ (в частности, историков школы Де Феличе), анализирующих важнейшие для первых послевоенных лет проблемы внешней политики Италии - ее взаимоотношения с США и Советским Союзом, а также образ СССР в сознании итальянцев того времени⁵⁹.

К 40-летию республики в Риме была организована выставка, основанная на материалах Центрального государственного архива. Значительная часть этих материалов вошла в опубликованный каталог выставки. Широко было отмечено и 40-летие конституции - в том числе посвященными ей исследовательскими статьями в журналах.

Сопrotивлению, победе республики, значению ее конституции 80-е г. отводилось важное место в школьных курсах новейшей истории. По инициативе местных институтов истории Сопrotивления было организовано множество конференций, встреч, циклов лекций по этой тематике для школьных учителей. В ее изучение широко вводились аудиовизуальные средства, школьников приобщают к уст-

⁵⁷ *La ricostruzione del partiti democratici (1943-1948).* A cura e con introduzione di C. Vallauri. Voll. 1-3. Roma, 1977-1978.

⁵⁸ *Ambrosoli L.* La scuola alla Costituente. Brescia, 1987.

⁵⁹ *Quartararo R.* Italia e Stati Uniti. Gli anni difficili (1945-1952). Napoli, 1986; *Morozzo Della Rocca R.* La politica estera italiana e l'Unione Sovietica (1944-1948). Roma, 1985; *Sechi S.* Tra neutralismo ed equidistanza: la politica estera italiana verso l'URSS 1944-1948 // Storia contemporanea, 1987, N 4; *Peiracchi G.* Russophobia, mito e antimito dell'URSS in Italia; 1943-1948 // Storia contemporanea, 1988, № 2.

ройству выставок, сбору живых свидетельств участников событий и т. д.

В 1985 г. в связи с 40-летием освобождения от фашизма в Италии был проведен опрос общественного мнения, имевший целью выявить отношение к идеалам и ценностям Сопротивления. Он показал, что Сопротивление воспринимается послевоенными поколениями итальянцев не как событие, ушедшее в историю, а как остающийся жизненным политический урок, источник демократических установлений и общее наследие всех, кому они дороги.

Поиски новых исследовательских подходов. Современное состояние исторического знания. В 70-е - 80-е гг. в итальянской историографии стали все более заметно проявляться новые веяния. Активизировалась критика историзма - в крочеанском и особенно в марксистском понимании, трактовавшая его как производное от определенной идеологии, как выражение теологического подхода к истории. Ощущалась потребность обновить коренные представления о том, как "делается история", о целях и методах исторического исследования. О ней свидетельствовала тематика различных встреч историков, постановка дискуссионных проблем в научной печати, возникновение новых исторических журналов и даже сами их названия: "Какая история?" ("Quale storia" - с 1974 г.), "Истории и история" ("Storie e storia" - с 1979 г.), "Занятия историей" ("Pare storia" - с 1981 г.).

Широко обсуждался вопрос об освоении междисциплинарных подходов, о взаимодействии истории и социальных наук (социологии, демографии, антропологии и др.). Существенное влияние на эти поиски оказывал опыт развития исторической науки в других странах - прежде всего Франции (школа "Анналов") и Англии ("новая социальная история", "новая экономическая история").

В дискуссиях о том, каким должен быть отвечающий современным требованиям уровень исторического знания, особое и весьма важное место занимал вопрос

об истории как учебной дисциплине, о новых методах ее преподавания в школе, о качестве исторической подготовки в системе университетского образования. Журналы публиковали материалы по таким темам, как тип учебника по истории в 80-е гг., взаимоотношения преподавателя и учащегося в процессе ее изучения, будущее истории в итальянских школах, роль истории в европейском воспитании и т. д. В сущности, тем самым затрагивались более широкие проблемы: история и молодежь, история и общество. К их осмыслению подключались и уроки событий 1968 г., ознаменованного в Италии - как и в других странах - массовыми выступлениями учащейся молодежи. Иногда молодежь сама выступала инициатором обсуждения насущных проблем развития исторической науки. Так, в Римском университете группа студентов организовала встречу с рядом видных историков, превратившуюся в своеобразный научный семинар на эту тему, материалы которого были затем опубликованы⁶⁰.

Усиливался интерес к историческим документам, к архивам. В середине 80-х гг. появился ряд книжных новинок в области архивного дела, в том числе учебников. Создавались новые хранилища документов - такие, как архив основанного в 1984 г. во Флоренции исследовательского центра "Шестьдесят восьмой год" (там сосредоточена периодика, листовки и другие материалы студенческого движения и различных ультралевых организаций за несколько десятилетий), архив по истории крестьянского движения (Рим), где хранятся фонды различных крестьянских организаций второй половины XX в., а также личные фонды некоторых их руководителей и исследователей аграрно-крестьянской проблематики⁶¹, архив, специально собирающий неопубликованные

⁶⁰ *Intorno alla storia. Ipotesi di ricerca.* Roma, 1985; *Incontro con gli storici.* Roma - Bari, 1986.

⁶¹ Этот архив действует как одна из структур Института Альчиде Черви, созданного в 1972 г. и находящегося в Реджо-Эмилии.

дневники, письма и иные документы личного происхождения (организован в 1984 г. в Пьеве Сан-Стефано - провинция Арrezzo) и др. Состоялась специальная конференция, посвященная организации и использованию архивов по новейшей истории - с последующей публикацией ее материалов⁶². В этой связи отмечалось растущее значение архивов нетрадиционного типа - таких, которые хранят звукозаписи, фотоматериалы, машиночитаемые документы и т. д.

Впрочем, вплоть до конца 80-х гг. потребность в обновлении инструментария и методологии исторического исследования выражалась больше в постановке тех или иных проблем, чем в практической реализации новых подходов. Те, кто особенно активно выступал за "встречу" истории и социальных наук, констатировали, что в Италии она пока не состоялась, отмечали, что историки не получают необходимой для этого подготовки в университетах, где имеют хождение новые идеи, но господствуют еще вполне традиционные взгляды на историческое познание.

Опробованные опытом других стран новые методы и направления исследований укоренились в Италии лишь в той мере, в какой их могла подкрепить собственная историографическая традиция. Так, например, здесь почти не привились (если не брать в расчет работающую на современном материале политологию) широко вошедшие в обиход американской историографии количественные и математические методы⁶³. Зато значительное развитие получили воспринявшие импульс из Анг-

⁶² *Qli archivi per la storia contemporanea.* Organizzatone e fraizione. Alli del seminaric di studi. Mondori, 23-25 febbraio 1984. Roma, 1986.

⁶³ Среди немногих исторических работ, выполненных с их применением, - относящиеся еще к 60-м гг. исследования ученого-марксиста Э. Серени о формировании в Италии единого национального рынка, где использован метод корреляционного анализа: *Sereni E. Mercato nazionale e accumulazione capitalistica nell' Unita italiana // Studi storici, 1960, № 3; Idem. Capitalismo e mercato nazionale in Italia, cit.*

лии исследования в русле "новой экономической истории" и "новой социальной истории" - сама социально-экономическая проблематика разрабатывалась в Италии достаточно давно, в том числе и на локальном уровне. Подобным же образом традиционный для итальянской историографии интерес к сфере сознания способствовал освоению идей и подходов французской школы "Анналов", относящихся к изучению ментальности.

С направлением "новой экономической истории" можно, по-видимому, связать такие работы итальянских авторов, где исследование ведется в масштабе небольшого района, специфической для определенной местности отрасли производства или даже отдельной хозяйственной единицы (деревенская фактория, фабрика, промышленная корпорация). Начиная с 70-х гг. внимание исследователей экономической истории привлекают открывшиеся для научного использования архивы предприятий, о них появляется специальная литература⁶⁴. В 70-е - 80-е гг. в Италии нашла значительный отклик развернувшаяся в Англии и во Франции дискуссия о предметном содержании так называемой индустриальной археологии - дисциплины, объектом которой сначала были лишь вещественные памятники эпохи промышленного переворота (фабричные здания, шахты, машины, инструменты, жилища рабочих и т. д.). В итоге утвердился более широкий подход, нацеленный на комплексное изучение (в социальном, культурном и иных аспектах) целых территорий, характерный облик которых был сформирован промышленным переворотом и процессом индустриализации.

В этом пункте данное направление исследований пересекается с "новой социальной историей" - особенно таким ее ответвлениями, как городская история, история ландшафта и природной среды и т. д. С 1978 г. выходит обращенный ко всему кругу подобных проблем журнал "Город-

⁶⁴ *Salvaguardia e valorizzazione degli archivi d'impresa.* Genova, 1985.

ская история" ("Storia urbana") центром изучения социальной истории села является Институт Альчиде Черви, которым подготовлены, в частности, публикации о мужьях крестьянского быта, о сельских жилищах провинции Реджо-Эмилия, коллективная работа о земледельческом районе долины По в конце XIX в. в контексте взаимоотношений деревни и общества.

Довольно интенсивно изучаются и другие проблемы, которые принято относить к области "новой социальной истории", - история отдельных социально-профессиональных общностей (чаще всего в локальном масштабе), проявление на различных социальных уровнях тех или иных тенденций демографического развития, социальные аспекты заболеваемости, история семья, женщин, детства. В г. Козенца (Южная Италия) в 1989 г. организован постоянно действующий семинар по истории женщин, понимаемой в духе современного антропологического подхода.

Важным объектом исследования стала повседневная жизнь различных слоев населения, характерные особенности их менталитета, сфера массовой народной культуры. В связи с разработкой подобных проблем активно осваивается методика устной истории. С 1981 г. издается журнал "Устные источники" ("Fonti orali"), особенностям таких источников и возможностям их использования посвящается специальная литература, итальянские ученые участвуют в международных конференциях по устной истории.

Но устные исторические свидетельства используются не только в исследованиях по тематике, типичной для "новой социальной истории" и других современных историографических школ. Им придается важное значение и при разработке истории фашизма, участия Италии во второй мировой войне, Сопротивления. В последнее время с широким их привлечением изучается, в частности, история применения фашистских расовых законов, массовых

депортаций населения в нацистскую Германию и т. д.⁶⁵

Новая и особенно новейшая история остается такой областью исторического значения, которая наиболее чувствительна к воздействию современных исследователю общественных запросов и политической "злобы дня". Но влияние приводящих обстоятельств, так или иначе связанных с политикой, не определяет лица современной итальянской историографии новой и новейшей истории. Она открыта для новых исследовательских подходов, усваивает их в органическом слиянии с собственными традициями и стоит на общем высоком уровне, характерном в настоящее время для развития исторической науки в Италии.

⁶⁵ Свидетельства лиц, подвергавшихся депортации, специально собираются по инициативе их национальной ассоциации. Ею проведена конференция под девизом "Обязанность свидетельствовать" и изданы сборники: *La deportazione nei campi di sterminio nazisti. Studi e testimonianze*. A cura di P. Cereja e B. Mantelli. Milano, 1986; *La vita offesa. Storia e memoria dei lager nazisti nei racconti di duecento sopravvissuti*. Milano, 1986.

Глава 7

Основные тенденции развития современной латиноамериканской историографии

Проблемы самобытности исторического развития континента в общественной мысли. Основные этапы развития историографии. События первой мировой войны и вызванная ею мощная революционная волна - два фактора, оказавшие ведущее воздействие на историческое развитие Латинской Америки, общей тенденцией которого стала активизация усилий по преодолению экономической и политической отсталости. Новые реалии, особенно резко усилившаяся экономическая и идеологическая экспансия со стороны США, необычайно обострили проблему определения места латиноамериканского континента в быстро меняющемся мире.

В момент крупных сдвигов в общественно-политической жизни латиноамериканских стран подверглись пересмотру и отрицанию - как устаревшие - исторические концепции XIX века. Прежде всего, была отвергнута, как неадекватная латиноамериканской действительности, позитивистская формула аргентинского философа и политического деятеля Д. Сармьенто (1812-1888) "варварствоцивилизация" за ее тотальное неприятие наследия Испании с одной стороны, и страстную, до слепоты, апологию исторического опыта передовых стран Европы и США. Не менее жесткие отрицательные оценки получили и все иные пессимистические концепции отсталости и неполноценности народов Америки.

В повестку дня встал новый подход к проблеме своеобразия континента, у истоков изучения которого стояли такие известные мыслители как Х. Марти (Куба), Э. Родо (Уругвай) и М. Угарте (Аргентина), а еще ранее Х. Васконселос, А. Касо (Мексика), Р. Рохас (Аргентина) и другие.

"Назад к корням", "возрождение американизма" - вот основа, на которой совершалось заново открытие собственной истории. Эту задачу взяло на себя весьма широкое и неоднородное историографическое течение, получившее в современной латиноамериканистике достаточно условное, но общепринятое название "исторического ревизионизма". Зародившись на стыке первого-второго десятилетий, оно в 30-40 гг. определяло общие тенденции развития исторической науки Латинской Америки.

Исходной методологической посылкой "исторического ревизионизма" была идея о том, что Латинская Америка представляет собой не механическую совокупность глубоко чуждых друг другу, антагонистических элементов, а определенную органическую целостность, которую нужно не опровергать, а всемерно защищать и развивать. Другой отличительной чертой, на которой строятся концепции нового направления, является мысль о том, что самоутверждение латиноамериканского континента происходило и будет происходить только на путях синтеза, т. е. усвоения всего многообразия исторического опыта при условии полной независимости, демократизации и свободы.

Однако в понимании самой природы культурно-исторического единства Латинской Америки и компонентов ее самобытности не было общей точки зрения, что во многом предопределило ту пестроту взглядов, которая существовала в рамках "исторического ревизионизма" и, в конечном счете, ставила предел попыткам воссоздания историками-ревизионистами целостной картины исторического пути латиноамериканских народов.

В творчестве уругвайского философа **Хосе Энрике Родо** (1871-1917), получили свое развитие идеи духовно-культурной общности стран Латинской Америки, им была выдвинута концепция о негативном влиянии на Латинскую Америку идей позитивизма и прагматизма. К Родо восходит попытка ограничения идеи единства и своеобразия Латинской Америки строгими рамками исключительно духовной жизни. В качестве движущей силы ее истории Э. Родо провозглашает некий духовный импульс, основу которого составляет унаследованная от Испании общность исторических, языковых, культурных традиций. В свете новых исторических задач происходит своеобразный пересмотр смысла испанского наследия, в возрождении которого Х. Э. Родо видит путь к полному самоутверждению и свободному развитию Латинской Америки.

Иной, во многом полемичный по отношению к Э. Родо и его последователям, подход возник соответственно в Уругвае в связи с преобладанием в этой стране выходцев из Европы и в Мексике, где был наиболее полным и глубоким процесс взаимодействия испанского и индейского культурных потоков.

Идея латиноамериканской самобытности приобрела совершенно иной характер в андских странах - Перу, Боливии, где преобладающим является индейское население. Здесь на первый план выходит не этносинтез как таковой, а, прежде всего - а порой и исключительно - подход к аборигенной расе как ведущей силе и доминанте исторического процесса.

Наконец, особое место занимает концепция культурно-исторической самобытности, принадлежащая выдающемуся перуанскому мыслителю Х. К. Мариатеги. В наиболее полном виде она изложена в его знаменитой работе по истории Перу¹. Идея синтеза двух истоков (испанского и индейского) - главная в построениях Мариатеги. Он одновременно выступал и

¹ *Mariátegui X. K.* Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.

против абсолютизации испанского начала, и против ультраиндихенистов², целиком отмечающих европейское наследие. Для Мариатеги вслед за Васконселосом была бесспорной двуединая основа латиноамериканской культуры, но при этом он отвергал содержащиеся в концепции мексиканского ученого иррационализм и мистическую экзальтацию этносинтеза. Мариатеги считал интеграцию обоих элементов исторически неизбежной и необходимой задачей.

Выдвижение на первый план идеи общности Латинской Америки и концепций культурно-исторической самобытности, несмотря на их многообразие, создало условия для выработки историками-ревизионистами определенных общих подходов к самому предмету исторической науки.

Для латиноамериканской историографии XIX века было характерно исключительное внимание к фактам политической, событийной истории, особенно к деятельности отдельных личностей. Кроме того, традиционная историография выполняла четкие идеологические функции, путем пересказа нравоучительных легенд на темы прошлого, оправдывая политику господствующих олигархических кругов. Крайне узкий тематический диапазон традиционной историографии был неприемлем для историков-ревизионистов, т. к. уже сама по себе постановка вопроса о синтезе как доминанте исторического развития Латинской Америки, содержала в себе потребность в расширении рамок исследования. Логично, что в данной ситуации быстро возрос интерес к положению индейского населения: его месту в истории континента, характеру доколумбовых цивилизаций, последствиям конквисты, социальному статусу индейца в колониальный и постколониальный периоды,

² Индихенизм-идеологическое течение, сторонники которого выступают в защиту интересов коренного населения. От испанского "indijena" - туземец.

традиционным формам социальной организации коренного населения (общине).

"Колония держалась и росла на плечах индейца, только он трудился и производил богатство в Новой Испании (Мексике), - писал мексиканский историк М. О. де Мендисабаль. Даже во времена, когда казалось, что индеец отступил на задний план, что история забыла его, он и тогда находился в самом центре социальной эволюции, как движущая сила испанского и креольского общества. История, быть может, сама того не подозревая, сконцентрировалась вокруг него"³.

В заявлении Мендисабалья сформулированы основные установки индихенистской историографии, сформировавшейся в 20-40 гг. в общем русле "исторического ревизионизма". Наиболее ярко индихенистское направление проявилось в работах мексиканских историков М. Гамио, автора фундаментального труда "Население долины Теотиуакан"⁴ и Л. Чавеса Ороско, опубликовавшего в середине 30-х гг. серию документальных очерков под общим названием "Документы по экономической истории Мексики"⁵.

Позднее исследования по индейской проблематике появились в других странах. В Колумбии в начале 40-х гг. вышла блестящая книга Х. Фриде "Индейцы в борьбе за землю"⁶, а в Чили был опубликован ряд работ А. Липшутца, посвященных судьбам индейского населения в колониальный период. Общими чертами для историков-индихенистов были приверженность к строго документальному исследованию и критическое отношение к апологетике испанского компонента в процессе формирования общества в Латинской Америке.

³ *Viloro L.* Los grandes momentos del indigenismo en México. México, 1950. p. 215.

⁴ *Gamio M.* La población del Valle de Teotihuacan. t. 1-2, México, 1922.

⁵ *Documentos para la historia económica de México*, vol. 1-5. México, 1934.

⁶ *Friede J.* El indio en el lucha por la tierra. Bogotá, 1944.

Крупной заслугой историков-индихенистов по праву следует назвать тот факт, что в значительной степени благодаря их усилиям в качестве специальной дисциплины складывается экономическая история, которая имела, по крайней мере, две характерные особенности. Во-первых, уже потому, что системообразующими факторами повсеместно признавались либо духовные, либо этнические компоненты, а экономическая история оставалась на втором плане. И, во-вторых, исследования по экономической истории, как правило, не выходили за хронологические рамки колониального периода. В 30-40-е гг. появились исследования, посвященные экономической истории Аргентины (Л. Гондра), Венесуэлы (Э. Арсило Фариас), Колумбии (Э. Ньето Артета), Мексики (А. Куэ Кановас), ставшие заметным явлением в латиноамериканской историографии⁷.

Одна из главных целей, которые ставила перед собой общественная мысль Латинской Америки 20-40-х гг., состояла в выработке такой интерпретации культуры, которая бы служила целям сохранения и развития национальных духовных ценностей. Вот почему явления культурно-исторической жизни становятся объектом пристального внимания историков-ревизионистов. В 30-е годы появляется целая группа исследователей: Энрикес Уренья (Доминиканская республика), М. Пикон Салас (Венесуэла), Х. Л. Ромеро (Мексика), которая не только реабилитирует культурное прошлое континента, но и стремится вычлнить сущностные черты латиноамериканской культурно-исторической самобытности. Заметным явлением стало формирование в конце 30-х гг. в Мексике особой школы, положившей начало новому направлению - исто-

⁷ *Gondra L.* Historia económica de la República Argentina. Buenos Aires, 1943; *Arcila Fariás E.* Economía colonial de Venezuela. México, 1946; *Nieto Artea E.* Economía y cultura en la historia de Colombia. Bogotá, 1962 (первое издание вышло в 1936 г.); *Cue Canovas A.* Historia social y económica de México. México, 1947.

рии идей. Ее основателем и руководителем был ученик Ортеги-и-Гассета Х. Гаос.

Гораздо медленнее и слабее в поле деятельности ревизионистской историографии входила социальная история. Ощутимый сдвиг в этом направлении относится к концу 40 - началу 50-х гг. Он непосредственно связан с именем Г. Морона (Венесуэла), Э. Паласио (Аргентина), С. Варгаса (Уругвай), Х. Эйсагирре (Чили), Д. Валькарсея (Перу), и особенно колумбийца И. Льевано Агирре, автора широко известной книги "Великие социальные и экономические конфликты нашей истории" (1962). В качестве глубинных причин движения истории они рассматривали не только деятельность отдельных крупных личностей или необходимость политических изменений, но и коллективные действия, и волеизъявление народных масс. Применительно к Латинской Америке эта посылка реализовалась через изучение многочисленных проявлений социального протеста со стороны индейцев и метисов в эпоху колониального владычества Испании⁸.

Рассмотрение предмета исторического исследования, введение в его ткань экономических, социальных и культурных факторов было во многом направлено на преодоление господствовавшего в историографии XIX в. расового и географического детерминизма, выведившего своеобразие латиноамериканской истории (частые перевороты, каудильизм, экономическая и социальная отсталость) из особенностей климата, пространства и географического положения, а также характера индейского населения и латинской расы. Значительная роль здесь принадлежала М. Брисеньо-Ирагорри (Венесуэла), А. Куэ Кановасу (Мексика), С. Багу (Аргентина) и другим.

Пересмотр политико-идеологических основ, предмета и инструментария исторических исследований сопровождался укреплением организационной и матери-

⁸ Valcarcel D. *Rebellones indigenas*. Lima, 1946.

альной базы латиноамериканской историографии. Это выразилось в частности в возникновении в конце 30-х - 40-е гг. специализированных научно-исследовательских учреждений, поскольку академии истории, как правило, контролировались представителями традиционных школ. В Мексике начал свою деятельность "Эль Колехио де Мехико" (ставший одновременно центром подготовки кадров высшей квалификации), Институт исторических исследований при Национальном университете, в Аргентине - Институт аргентинской истории (во главе с Э. Равиньяни), в Венесуэле - школа истории при Центральном университете, в Бразилии - философский факультет университета Сан-Паулу, в Чили - центр исторических исследований при университете Сантьяго. Перемещение центра тяжести исторических исследований в высшую школу не только освободило историческую науку стран Латинской Америки от диктата академий истории, но и позволило в сравнительно короткие сроки наладить подготовку профессиональных историков в Аргентине, Мексике, а позднее в других государствах.

Тем не менее, рассматриваемый период в развитии латиноамериканской исторической науки был глубоко противоречив. С одной стороны, это объяснялось тем, что положенная в основание ревизионистской историографии антитеза двух Америк как противостояние духовного богатства и культурного единства Латинской Америки и меркантилистской эгоистической морали англосаксонской нации, была выстроена в сугубо идеалистическом ключе. Тем самым социально-экономические факторы исторического развития отодвигались на второй план, и в значительной степени сохранялась ориентация на старые традиции историографии XIX в. Это, в частности, проявилось в живучести идеи Д. Ф. Сармьенто, рассматривавшего феномен каудильизма, политической и социальной нестабильности как результат естественного и неизбежного результата существования мало заселен-

ных пространств в сочетании с климатическими условиями. На этой базе выстраивал, например, свою концепцию "демократического цезаризма" венесуэльский историк Л. Вальенилья Ланс, объясняя слабость демократии в Южной Америке спецификой природного и расового материала⁹. Другой известный историк Х. Басадре (Перу) во введении к работе "История республики Перу" (1949), обращаясь к теме различия двух Америк, их первоначально видит в природно-географических условиях. Острые идеологические коллизии вокруг проблемы самобытности стран Латинской Америки и выраставший на этой почве национализм оказывали непосредственное влияние на историографию.

Это противостояние особенно усилилось в годы мирового экономического кризиса 30-х годов, сопровождавшегося в Латинской Америке подъемом массового движения. В этой обстановке историки-ревизионисты отходят от идеи единства латиноамериканских стран, замыкаются в границах своих государств, сосредотачивают свои усилия на изучении истории своих стран. Наиболее ярко такая тенденция прослеживается на примере Аргентины. Пересмотр концепций либеральной историографии обернулся превращением аргентинского каудильо XIX в. М. Росаса в национального героя. В вышедшей в 1930 г. книге К. Ибаргурсна "Хуан Мануэль Росас: его драма, его время" Росас предстает как национальный герой и символ борьбы аргентинского народа за независимость, создатель современной Аргентины. Идея синтеза в ряде работ аргентинских исследователей замсняется тезисом о преобладающей роли креольского наследия и таким образом воспроизводится позиция реакционных испанистов XIX в.¹⁰ В свою очередь в Перу, Боливии, Эквадоре под воздействием одного из основателей индеанизма Г. Прада отрицается значимая

⁹ Vallenilla Lanz L. *Gesarismo democrático*. Caracas, 1919.

¹⁰ Gandía E. *de Nueva historia de América*. Buenos Aires, 1946.

роль испанской компоненты при параллельной идеализации места и роли индейского фактора.

В целом, к концу рассматриваемого периода явно возобладал страновой историко-географический подход. В тематических рамках исследований, несмотря на расширение рамок исследований, политическая история по-прежнему занимала ведущее место.

На рубеже 50-60-х гг. в странах Латинской Америки произошло резкое углубление кризиса традиционных социально-экономических структур. Новые коллизии в жизни континента породили потребность в интеллектуальном обновлении общества и стремление к реформированию всей политической системы. В исторической науке это привело к упадку старых школ и появлению иных направлений, пытавшихся в прошлом найти ответы на злободневные вопросы современности. Изменилась география исторических исследований. Если Мексика и Бразилия сохранили свою роль ведущих историографических центров, то две другие страны - Аргентина и Чили - в 60-70 гг. ее утратили. Их место уверенно заняла Венесуэла. Заметно выросли объем и уровень исторических исследований в Колумбии и Перу, а в последнее десятилетие - в Эквадоре. Общей характеристикой латиноамериканской исторической науки стало окончательное перемещение ее базы на исторические факультеты и в научные центры университетов. В 60-е и особенно в 70-е гг. сложилась основанная на международных стандартах система подготовки профессиональных исследователей, что позволило существенно поднять теоретический и организационный уровень исторической науки, расширить ее тематический и историко-географический диапазоны.

Начиная с 60-х годов сначала в Аргентине и Мексике, а затем в Венесуэле, Бразилии, Колумбии и других странах на ведущее место в историографии уверенно претендует направление, именуемое себя обычно "новая история". По аналогии с американской "новой научной историей"

или французской "новой исторической наукой" она называется новой потому, что ее последователи, хотя и опираются на выработанные в веках принципы и методы исторического анализа, тем не менее, в своих исследованиях во многом отходят от "традиционной" исторической науки.

О "новой истории" как о чем-то едином для Латинской Америки можно говорить лишь с немалой долей условности. Здесь нет общепринятой концепции исторического развития, определенной, разделяемой всеми ее сторонниками методологии. Если посмотреть на предмет исследований "новой истории", мы не увидим здесь четких очертаний, напротив, границы весьма размыты. Она взаимодействуют с различными направлениями исторической мысли и разными научными дисциплинами - экономикой, географией, исторической антропологией, психологией и другими. Научные школы "новой истории" отдельных стран сохраняют сильную национальную специфику и редко поднимаются до обобщений и исследований общеконтинентального масштаба. В Мексике, например, в "новую историю" на правах самостоятельных дисциплин входят экономическая и социальная история. Ведущее место при этом отводится социальной истории, предметом которой являются такие категории, как население, социальная структура, социальные конфликты, социальные институты¹¹. В Венесуэле и Колумбии в рамках "новой истории" экономическая и социальная истории чаще рассматриваются как идентичные дисциплины, а упор делается на региональных исследованиях¹². В Эквадоре внимание акцентируется на социальной проблематике, предметом которой является как общество

в целом, так и его макро- и микроструктуры¹³.

Тем не менее, есть и то, что формирует своего рода каркас этого направления, цементирует его, определяет отличие от других исторических школ и направлений. Таких характерных особенностей несколько.

Во-первых, "новая история" направлена, прежде всего, против политизации истории, которая всегда была реальностью для Латинской Америки. Концепция истории как "чистой" науки представляет собой вполне определенный методологический и ценностно-ориентированный подход. Экономика за счет политики, структура за счет события, проблема за счет хронологии и т. д.

Во-вторых, осознанный эклектизм как один из главных методологических принципов в борьбе против старых представлений об истории, с одной стороны, и в деле освоения достижений западной послевоенной историографии, с другой. В каждой исторической школе есть верные и неверные положения; перед каждым исследователем должна стоять задача не выбора определенной школы или учения, отдельного автора, а отбора верных положений и идей других учений, которые необходимы для решения каких-либо научно-познавательных и социально-культурных задач. В рассматриваемом случае эклектизм выступает одновременно и в качестве формы подключения к достижениям методологической революции в послевоенной западной историографии и в качестве пути создания предпосылок для самостоятельного подхода к решению проблемы формирования собственных методологических основ. Безусловно, имеют место и прямые заимствования методологических установок американской или французской историографии. О влиянии Маркса, которое признает основная

часть сторонников "новой истории", следует говорить в том смысле, что марксистская интерпретация исторического процесса послужила своего рода "трамплином", от которого первоначально отталкивались исследователи социальной и экономической истории. Отправляясь во многом в своих поисках от вопросов, стоящих в центре марксистского учения об обществе, "новая история" в качестве основополагающей ценности отстаивает плюрализм своей методологической ориентации.

То же самое можно сказать и о характере взаимодействия с французской школой "Анналов" и шире "новой исторической наукой" Франции. В концепции школы "Анналов" представителей латиноамериканской "новой истории" в первую очередь привлекало представление о "глобальной истории", как всеобъемлющей истории человечества, что воспринималось как отказ от европоцентризма. Вторая черта школы "Анналов", на который обратили внимание историки нового направления, состояла в том, что отдельные разделы исторической науки расценивались "Анналами" не как обособленные, автономные элементы исторической реальности, а как сложные системы, включающие в себя вопросы экономики, культуры, психологии, политики.

Третьим общепризнанным методологическим источником является североамериканская "новая экономическая история" с ее детальной проработкой количественных методов исследования. Следует подчеркнуть, что последователи "новой истории" как правило рассматривают количественный метод анализа источников в качестве инструментария, а не методологии исторических исследований.

Общезначимой чертой "новой истории" с полным основанием может быть также названо стремление ее представителей рассматривать общество на разных этапах развития как некую целостность в качестве предмета исторической науки. Это был новый гносеологический принцип. В отличие от него историки ревизионистского этапа латиноамериканской ис-

торической науки считали естественным и вполне допустимым наличие перегородок между различными областями истории, причем фактически допускался приоритет политической истории.

И хронологически, и тематически в "новой истории" прослеживаются три уровня исследований. Начальный уровень - это изучение микроструктур (асьенда, латифундия, индейская община), региональные исследования и отраслевые (история животноводства и промышленной переработки его продукции в Аргентине и Уругвае, горного дела и добычи драгоценных металлов в Колумбии, Мексике и Перу, плантационного хозяйства в Бразилии и Венесуэле и т. д.). К сказанному следует добавить исследование форм эксплуатации индейского населения в их эволюции, динамики освоения отдельных районов и территорий, этнических и расовых процессов. Благодаря, такого рода, исследованиям историки "новой школы" Мексики, Венесуэлы, Колумбии, Аргентины добились значительных успехов в изучении таких пластов истории как экономическая и социальная политика Испании в колониальный период и ее последствия, эволюция индейской общины и становления крупного землевладения, история рабства, социальные исследования, процессы формирования буржуазии, крестьянства, земельной аристократии. Наиболее известны здесь имена Э. Флорескано (Мексика), С. Багу и А. Феррер (Аргентина), М. Уррутия (Колумбия), Р. Кинтеро (Эквадор).

Второй уровень - это создание обобщающих трудов по социальной и экономической истории стран Латинской Америки. Подобная работа проделана в Аргентине, Мексике, Венесуэле, Бразилии и Колумбии, А. Фариас (Венесуэла), А. Каррера Дамас (Венесуэла), Х. Колменарес (Колумбия), Т. Гальперин Донгхи (Аргентина), С. Вильялобос (Чили), С. Фуртадо (Бразилия) в основу периодизации истории своих стран положены изменения в экономике. Согласно их точке зрения развитие социальных процессов и политической жизни определяются экономичес-

¹¹ Huerta M. T. Balance y perspectivas de la historiografía social en México. vol 1-2. México, 1980.

¹² Historia de la historiografía venezolana. t. 1. Caracas, 1985; La nueva historia de Colombia. Bogotá, 1976.

¹³ Borchart C. Moreno Yanes E. La historia socio-económica ecuatoriana del siglo XVIII; análisis y tendencias. "Revista de Indias", 1989, № 189, p. 379-409.

кими циклами, выделение которых они считают одним из главных достижений.

Третий уровень - работы общеконтинентального характера почти отсутствуют. Лишь в 80-е годы приверженцы "новой истории" приступили к подготовке "Всеобщей истории Америки". К настоящему времени под редакцией венесуэльского историка Г. Морона издано три тома, охватывающие доиспанский и колониальный периоды¹⁴. Безусловной заслугой представителей "новой истории" является введение в оборот новых источников по социально-экономическим проблемам, широкое применение количественных методов, отход от чисто описательной истории.

Характерной чертой этого направления является эклектизм: концепции европейских и североамериканской школы "новой истории" сочетаются с неопозитивизмом, теорией "стадий экономического роста" У. Ростоу, отдельными элементами марксизма. К началу 90-х гг. "новая история" как методологическое направление еще не сложилась, она находится в процессе становления.

Появление и развитие "новой истории" в 60-70-е гг. является одной из главных характеристик латиноамериканской историографии этого периода в целом. Однако "новая история" - это не вся современная историческая наука Латинской Америки, а лишь одно (хотя и центральное) из ее направлений. Вне "новой истории" остаются самостоятельные школы и течения. Это, прежде всего, леворадикальная историография, которая в 60-70-х гг. даже оспаривала у "новой истории" пальму первенства.

Радикальное течение латиноамериканской общественной мысли получило широкий резонанс в связи с выдвинутой теорией "зависимого капитализма", ставящей вопрос о закономерностях исторического развития стран региона, о характере, пределах и возможностях латиноамериканского капитализма, альтернативах выхода

из структурного кризиса. Оценка генезиса, природы и системы функционирования капитализма в Латинской Америке, а также его исторических перспектив служит базисом для анализа ключевых вопросов истории континента.

Левый радикализм сформировался в 60-е годы в обстановке подъема освободительного движения в Латинской Америке после победы Кубинской революции. Леворадикальное направление сложилось в различных странах континента. Его наиболее видные представители - П. Гонсалес Касанова, А. Агиляр, Ф. Кармона (Мексика); О. Сункель, А. Пинто, Ж. Чончоль, П. Вускович (Чили); Т. Дос Сантос, Ф. Э. Кардозо, С. Фуртадо (Бразилия); А. Куэва (Эквадор); А. Кихано (Перу); М. Х. Аранго, Харамильо и О. Фальс Борда (Колумбия); Х. А. Сильва Мичелена (Венесуэла) и другие.

В основу леворадикальной концепции исторического развития Латинской Америки была положена идея о единстве исторического процесса, согласно которой "слаборазвитость" и "развитость" есть две стороны этого процесса. Внутри каждой страны "традиционный" и "современный" секторы являются частями единого общества. Леворадикальная школа утверждает, что развитость и отсталость связывают общество в единое целое подобно тому, как притягиваются друг к другу отрицательный и положительный заряды¹⁵. Ее представители разработали теорию "внутреннего колониализма", согласно которой на общую внутреннюю социально-экономическую структуру латиноамериканских стран проектируются отношения господства и подчинения, характерные для положения этих стран в мировых хозяйственных связях. Теория "внутренних колоний" возлагает на капитализм ответственность за отсталость и сохранение

¹⁵ *Cardoso F. H. Notas sobre estado e dependencia. Sao Paulo, 1973; Dos Santos T. Imperialismo y dependencia. México 1978; Chonchol J. El desarrollo de América Latina y la reforma agraria. Santiago de Chile, 1964.*

докапиталистических пережитков. Левые радикалы рассматривают процесс исторического развития как изменение экономических, социальных и политических структур, имеющее стратегической целью построение нового общества, основанного на принципах демократизации экономической и политической власти. Стремление к целостному системному анализу латиноамериканского общества сближало леворадикальную историографию с "новой историей", однако принципы этого подхода были у двух направлений резко различными. Во-первых, если "новая история" в центр внимания ставит факт и из него выводит общую концепцию, то леворадикальная историография шла от теории к факту. В результате в работах леворадикальных авторов четко прослеживается не только игнорирование конкретных условий той или иной страны, но часто и пренебрежение ими исторического времени в реконструкции прошлого Латинской Америки. В построениях леворадикальной историографии прошлое построено из тех же элементов, что и настоящее. Отрицание капитализма ведет ее к воссозданию докапиталистических традиций. В этом плане примечательна позиция известного колумбийского историка и социолога М. Аранго, открыто декларирующего: "Наше будущее - это наше прошлое"¹⁶.

Во-вторых, левые радикалы в отличие от представителей "новой истории" не уделяли внимания исследованию внутренних факторов становления капиталистического способа производства. Они не принимали во внимание то, что, несмотря на сильную внешнюю зависимость, изменения, происходившие в латиноамериканских странах, были тесно связаны и с внутренними процессами развития капитализма. Тем не менее, левый радикализм, безусловно, явился шагом вперед в осмыслении таких важных теоретических проблем, как причины отсталости и зави-

¹⁶ *Arango Jaramillo M. Ancetro afroindígena de las instituciones colombianas. Bases para una revolución nacional. Bogotá, 1972, p. 288.*

симости Латинской Америки, в разработке альтернативы общественного развития стран континента. Леворадикальная мысль завоевала авторитет и влияние в 60-70 гг., когда поиск революционной альтернативы составлял стержень идеологических концепций латиноамериканских ученых. Изменения в политической ситуации в 80-90-е гг., в частности, кризис социализма на Кубе и крах большинства леворадикальных движений, предопределили общий упадок леворадикальной историографии в последнее десятилетие, утрату завоеванных прежде позиций. Ее представители переживают период сложной идейно-теоретической эволюции, многие из них, как, например, колумбийский историк О. Фальс Борда идут на сближение с "новой историей".

Самостоятельной, обладающей большим авторитетом и богатыми традициями на протяжении всего послевоенного периода остается школа по изучению истории идей Латинской Америки. Сформировавшись первоначально в Мексике, на базе семинара испанского философа Х. Гасса, она затем становится общеконтинентальной как по тематике, так и по составу участников. До настоящего времени ее организационной базой являются Панамериканский институт истории и географии и комиссия ЮНЕСКО по Латинской Америке. На протяжении последних двух десятилетий это направление возглавляет крупный мексиканский ученый Л. Саа, в него входят известные историки А. Ардао (Уругвай), Л. Вильоро (Мексика), Х. Харамильо Урибе (Колумбия), Р. Морено (Мексика), А. Андрес Ройг (Эквадор), Х. Чиарамонте (Аргентина). Представителям этой школы принадлежит приоритет в исследовании такого яркого, но малоизученного явления, как латиноамериканское Просвещение¹⁷, эволюции идеи латино-

¹⁷ *Pensamiento de la Ilustración. Economía y sociedad iberoamericana en el siglo XVIII. Compilación J. C. Chiaramonte, Caracas 1980.*

американского единства в 19 в.¹⁸, концепций историко-культурной самобытности Латинской Америки¹⁹. Результаты изучения истории идей обобщены в коллективной монографии "Латинская Америка и ее идеи", вышедшей в 1986 г. под общей редакцией Л. Сеа.

Фактором латиноамериканской историографии остается марксистская историческая школа, переживающая в последние годы период кризиса. Ее появление связано с именем Х. К. Мариатеги. В послевоенные годы наиболее прочные позиции марксистская интерпретация исторического прошлого Латинской Америки приобрела в Аргентине (Ф. Надра, Л. Пасо), Уругвае (Р. Арисменди) и Венесуэле (Л. Брито Фигероа).

В 80-е - начале 90-х гг. после определенного перерыва вновь заявили о себе представители традиционной событийной истории. Объективно этому способствовали две принципиально важные даты латиноамериканского исторического календаря: 200-летие со дня рождения С. Боливара (1783-1830) и 500-летие открытия Колумбом Америки (1492), которые обострили интерес к личностям Боливара, Колумба, конкистадоров и т. д., породив новую волну споров о них. С другой стороны, в последнее десятилетие в самой "новой истории" отчетливо просматривается смещение от сциентизма к идеологизации и политизации, что проявилось в полемике вокруг 200-летия североамериканской революции. Критика "новой историографии" ведется по двум основным направлениям. Ряд историков обратил внимание на то, что в работах сторонников "нового" направления совершенно исчезает образ истории, который столь привычен для латиноамериканца - истории как рассказа, истории-повествования, где сильны сопричастность, сопереживание читателя конкретному историческому

времени. "На деле, - пишет один из старейших мексиканских историков С. Савала, - для одних история сводится к построению графиков и схем, для других - к способам и отношениям производства, стратегии классов, зависимости и т. п. Намечилась тенденция отделять от экономики культурные факторы, как будто культура не играет никакой роли в истории"²⁰. Подобные перекосы и крайности, по мнению С. Савалы, привели к тому, что экономическая и социальная история в своем чистом выражении в 90-е гг. утратила привлекательность и сменилась стремлением ввести в ткань исторического исследования помимо экономических, политические, культурные, религиозные и другие факторы. Другое направление критики вызвано причинами идеологического порядка. Так в 1989 г. колумбийская академия истории в лице ее президента Х. Арсиньегаса обрушилась с грубыми нападениями на книгу представителя "новой истории" Х. Кальмановитца "История Колумбии", усмотрев в ней пренебрежение национальной гордостью и национальными чувствами колумбийцев. Х. Арсиньегас посчитал неприемлемым представление о национальной истории как истории антагонистической, начиная с истоков независимости. Одновременно академия высказалась против включения экономической и социальной истории в школьные учебники, призвав акцентировать внимание на деятельности Ф. Сантандера и других национальных героев Колумбии. Усиление критики "Новой истории" свидетельствует об утрате ею прежнего авторитета.

Историография колониального периода. Трехсотлетний колониальный период оказал огромное влияние на последующее развитие стран континента и во многом предопределил их историю в новос и новейшее время.

Проблемы колониального периода привлекали и привлекают до сих пор внимание не только историков, но и широкой общественности. Среди исторических ис-

следований всех без исключения стран история конкисты и колонизации занимает центральное место.

Как показывают новейшие исследования, изучению этой эпохи уделяется большое внимание в начальной и средней школе, в школьных учебниках большинства латиноамериканских стран история колониального периода составляет до половины всего учебного материала²¹.

В латиноамериканской историографии новейшего времени можно выделить три периода "всплеска" интереса к колониальной истории стран континента:

1. В 30-40 гг. XX в. После победы Мексиканской революции (1910-1917), в эпоху проведения в Мексике глубоких социально-экономических преобразований, которые вызвали большой интерес во всех латиноамериканских странах.

2. В 60-х - начале 70-х гг. в условиях интенсивного процесса деколонизации и крушения колониальной системы в странах Азии и Африки и ликвидации последних колоний в Западном полушарии, а также под влиянием победы революции на Кубе.

3. В конце 80-х - начале 90-х гг. в связи с 500-летием открытия Америки и встречи двух миров.

Как уже отмечено, история колониального периода занимает важное место в национальной историографии каждой из стран континента. Однако среди латиноамериканских стран приоритет в изучении этой эпохи, безусловно, принадлежит мексиканским ученым.

На протяжении 20-30 гг. для мексиканской историографии была характерно преобладание "испанистского" направления, что являлось для клерикальных и реакционных кругов попыткой идеологического реванша. В связи с этим достигла высокого накала полемика между историками-"испанистами" и сторонниками "индихенистского" направления.

Мексиканские историки К. Перейра, Т. Эсекивель-Обрегон, М. Куэвас, объявляя испанских завоевателей подлинными создателями мексиканской нации. М. Куэвас автор трехтомной "Истории мексиканской нации" (1952) прославлял Э. Кортеса как "героя и христианина, двинувшего Мексику по пути цивилизации и прогресса". В его трудах разрабатывается концепция о роли католической церкви как главного орудия и основы "испанской освободительной миссии". Историки-"испанисты" в своих работах настойчиво проводили мысль о том, что индейцы - коренное население Мексики - это тупая, ленивая масса, неспособная к творческому труду и восприятию исторического прогресса. События в Испании и установление диктатуры Франко способствовали активизации реакционного испанизма в Латинской Америке, в связи с этим усилились расистские тенденции в оценке колониального прошлого. Так, известный историк Т. Эсекивель Обрегон (1864-1946) в своих трудах доказывал, что испанские колонии в Америке не были колониями в полном смысле слова, а являлись очагами греко-романской культуры среди полудиких народов континента²².

Сходные тенденции наблюдались в аргентинской историографии. С позиций испанизма выступали видные историки-позитивисты Р. Левене (1885-1959) и Э. Гандиа. В первых своих работах, посвященных истории испанской администрации и колониального управления на Ла Плате, а затем в подготовленной под его руководством "Истории аргентинской нации"²³ Левене выступал с позиций позитивизма. Постепенно в его работах по колониальному периоду усиливается идеализация испанской колониальной политики и апологии конкисты.

¹⁸ Ardao A. Genesis de la idea y el nombre de América Latina. Caracas 1980.

¹⁹ Сеа Л. Философия американской истории. М., 1984.

²⁰ Historia mexicana, vol. 39, № 153, 1989, p. 28.

²¹ Pérez Siller J. La "découverte" de l'Amérique? Les regards sur autres à travers les manuels scolaires du Monde. Paris, 1992.

²² Esquivel Obregon T. Apuntes para la historia del derecho en México. México, 1937-1943. t. 3. p. 94, 505.

²³ Levene R. Historia de la Nación Argentina. t. 1-10. 1939-1955, Buenos Aires.

Идеализируя испанское колониальное управление, Р. Левене высказывал мысли, созвучные с концепцией Эсекивеля Обрегана. Особенно ясно проступили эти черты в одной из его последних работ с красноречивым названием "Индии не были колонией"²⁴.

В 30-е гг. в Аргентине приобрела большое влияние школа психологической интерпретации. Наиболее известными ее представителями были Л. Айарагарай, А. Салдис, К. Ибаргурен. Для историков этого направления характерны субъективизм в оценке исторических событий и отдельных деятелей, избирательный подход к изложению исторического процесса.

Так, Л. Айарагарай усматривал исторический прогресс в победе белой расы - конкистадоров над индейцами и неграми.

Как и Р. Левене, представители психологической школы прославляют диктатуру Росаса как народного каудильо, наиболее полно воплотившего в своей деятельности национальные традиции аргентинского народа.

Приход к власти в Аргентине 30-40-х гг. военных диктатур способствовал усилению в исторических исследованиях апологетики каудильнизма и цезаризма.

Непримиримыми оппонентами "испанистов" в Мексике стали в эти годы историки-индехинисты. Наиболее известными среди них были Л. Чавес Ороско, Л. Гонсалес-Обрегон, Х. Ромеро Флорес, Куэ Кановас и философ М. О. Мендисабаль. На основе огромного исторического материала в их исследованиях показано, что именно индейцы, а не испанцы-завоеватели являются подлинными творцами современной Мексики. "Не плодородные латифундии и богатые серебряные рудники составили экономическую основу испанских колоний, а человеческий труд, труд индейцев"²⁵. В 30-40 гг. в Мексике неуклонно падало влияние испанистских

концепций. Это объяснялось несколькими причинами и, прежде всего тем, что сторонники испанизма не привлекали новых архивных материалов, их положения не подкреплялись введением в оборот новых источников, часто они использовали избитые приемы и ничем не аргументировали свои утверждения. Чтобы окончательно не подорвать влияние своей школы, с конца 40-х гг. испанисты начинают выступать под покровом академизма и научной объективности. Примером этого может служить исследование Х. Рубио Манье по истории испанской королевской администрации в Новом Свете²⁶.

В этой полемике окончательно сформировалось индехинистское направление, основоположником которого был вплоть до 50-х гг. археолог, антрополог и историк М. Гамио (1883-1962). В 1940 г. был проведен Первый конгресс индехинистов, началось издание журнала "Америка индехена", был создан Межамериканский индехинистский институт.

С середины 30-х гг. внимание специалистов привлекли исследования крупного историка и видного общественного деятеля Л. Чавеса Ороско (1901-1966). Он первым в мексиканской историографии обратился к проблеме индейской общины в колониальный период. В 1935 г. вышла его работа, посвященная индейским общинам Центральной Америки, написанная на основе материалов Национального архива. В этой работе главное внимание было уделено организации, внутренней структуре и жизни индейской общины в колониальной Мексике и на материале источников было показано, что испанская администрация использовала общину, включив ее в колониальную систему, как налоговую, административную и социальную ячейку колониального управления²⁷.

²⁶ Rubio Mañe J. I. Introducción al estudio de los virreyes de Nueva España. 1536-1746. t. 1-4, México, 1944-1947.

²⁷ Chaves Orosco L. Las Instituciones democráticas de los indígenas mexicanos la época colonial. México, 1943.

Важное значение имела подготовленная Чавесом Ороско публикация: "Документы по экономической истории Мексики"²⁸. Не будучи марксистом, он испытал определенное влияние марксизма и принял некоторые его положения.

Огромное влияние в 30-50-е гг. оказали на мексиканскую историографию труды историка и философа Х. Васконселоса - ректора Автономного Национального Университета Мексики, который дал оригинальную трактовку этнических проблем колониального периода. В созданной им концепции "космической расы" была сделана попытка философски осмыслить прошлое не только Мексики, но и всех латиноамериканских стран. В противовес историкам-позитивистам прошлого века, которые видели в метисации источник всех бед Америки и отрицали положительный вклад Испании в развитии колонии и латиноамериканских наций, Васконселос исходил из того, что в этой части земли был создан "общий, единый, исторический мир"²⁹. Им была поставлена проблема индейца и метиса как человека, униженного и ограбленного европейскими завоевателями. Еще в своих ранних работах "Космическая раса" (1925) и "Индология" (1926), признавая, что креольская культура, сформировавшаяся в колониальную эпоху, явилась основой всей иберо-американской культуры, мексиканский ученый приходил к выводу, что смешение рас на всем континенте благотворно повлияло на латиноамериканское общество. Ибо благодаря этому возникла "интегральная", "космическая раса", впитавшая в себя все лучшее от испанцев, индейцев и африканцев. Васконселос считал, что латиноамериканцев ждет великое будущее, ибо их общество - прообраз этого будущего, где будут ликвидированы все расовые барьеры. Работы Васконселоса оказали неоднозначное и весьма противоречи-

²⁸ Documentos para la historia económica mexicana. vol. 1-2. México, 1936-1939.

²⁹ Vasconcelos J. Breve Historia de México. México, 1956.

вое воздействие на латиноамериканскую историографию колониального периода. В трудах североамериканских, европейских и наших отечественных историков Васконселос оценивался и как сторонник реакционного испанизма, и как расист или сторонник национальной исключительности латиноамериканцев. Исходя из его позитивной оценки роли креольского населения и испанской культуры в становлении латиноамериканских наций, его противники объявляют его сторонником "испанизма". Однако не следует забывать, что "испанизм" Васконселоса приобрел антиамериканскую окраску, что было вполне объяснимо усиленной экспансией США, которая в 30-40 гг. представлялась мексиканцам куда более опасной, чем испанская. Первая была сегодняшней угрозой, а вторая осталась в прошлом, "войдя в плоть и кровь нации"³⁰. Оценивая работы Васконселоса, следует заметить, что он идеализирует положительные последствия колониального периода для латиноамериканских стран и роль креольского элемента в борьбе за независимость колоний.

В 50-е гг. труды Васконселоса сохраняли свою актуальность и, можно сказать, вдохнули новые силы в "испанизм", что стало причиной новой вспышки дискуссий между "испанистами" и "индехинистами". В 30-40 гг., выступая в защиту коренного населения в борьбе против расистских теорий "испанистов", историки-индехинисты нередко выступали с позиций своеобразного "индейского национализма", недооценивая вклад новых этнических групп, а также африканцев и европейцев. Индехинисты оставляли в стороне социальные проблемы, были далеки от понимания классовой структуры общества. В их работах не уделялось должного внимания проблеме борьбы индейского населения против испанского господства. Еще с конца XVII-XVIII в. стала складываться легенда о счастливой и безмятежной жизни колоний под испанским господством. И в XIX, и в XX вв. не

³⁰ "Латинская Америка", 1987, № 6, с. 52.

²⁴ Levené R. Las Indias no eran colonias. Buenos Aires, 1951.

²⁵ Villoro. Los grandes momentos del indigenismo en México. México, 1950, p. 215.

была изжита легенда о "колониальной сиесте" в работах историков либерального направления. Положение меняется в 40-е гг., когда появляются первые работы, посвященные восстаниям индейцев против Испании. Во второй половине нашего века этот интерес все время возрастал. Появляются исследования о восстаниях индейцев в XVII-XVIII вв., больше внимания стало уделяться этой проблеме в общих работах по истории Мексики. Их авторы выступали против идеализации колониального периода и отдельных руководителей конкисты и, прежде всего, против культа Э. Кортеса.

Проблемам острой классово-борьбы в колониях были посвящены труды известного мексиканского историка в 50-60 гг. Куэ Кановаса. Он явился одним из первых исследователей, сосредоточивших главное внимание не на этническом, а на социальном аспекте проблемы.

В 50-х гг. вновь заявила о себе либерально-позитивистская школа во главе с выдающимся исследователем **Сильвио Савалой** (1907 г.р.). В эти годы вспыхнула с новой силой дискуссия о характере и формах эксплуатации индейского населения в колониальный период и особенностях колониальной системы Испании и Португалии по сравнению с англосаксонскими формами проведения колониальной политики. В центре внимания оказались такие колониальные институты, как энкомьенда и репартимьенто³¹.

Для "испанистов" была характерна идеализация энкомьенды, которую они рассматривали как форму "попечительства" конкистадоров - энкомендеро над отсталыми, неспособными к созидательному труду индейцами и приобщения их к христианству. Так, упоминавшийся выше М.

Куэвас считал энкомьенду "учреждением христианским в своей основе с отеческой властью и естественно сложившейся классовой структурой..."³². Другой историк Чавес Ороско считал энкомьенду идеальной формой ведения хозяйства, которая "спасла индейцев от рабства", а может быть и от полного истребления"³³. Подобные оценки были крайне тенденциозными и не основывались на серьезном исследовании источников.

Еще в 30-40 гг. известным мексиканским историком Сильвио Савалой были проведены конкретные исследования об энкомьенде с привлечением архивных материалов, в том числе об энкомьенде Э. Кортеса и других крупнейших деятелей конкисты. Результатом явился ряд работ, в которых по-новому был поставлен вопрос о сущности энкомьенды и репартимьенто³⁴. На основе большого фактического материала в работах Савалы было показано, что владение энкомьендой не давало права собственности на землю, которая принадлежала индейским общинам и была неотчуждаемой. Автор проследил и наметил основные этапы эволюции энкомьенды, подчеркнув, что она существовала за счет эксплуатации индейцев общинников, которые в испанском законодательстве рассматривались как "свободные люди-подданные испанского короля". Впервые энкомьенда рассматривалась как феодальный институт, который претерпел значительную трансформацию в сторону сокращения использования труда индейцев в частном хозяйстве энкомендеро и резкого увеличения его использования на королевских рудниках и других государственных повинностях³⁵.

³² Cuevas M. Op cit. p. 247.

³³ Chaves E. Apudes sobre la colonia. t. 1, México, 1958, p. 59.

³⁴ Zavala S. Fuentes para la historia del trabajo en Nueva España. Recopilados por S. Zavala y M. Castelo. t. 1-8, México, 1939-1948.

³⁵ Zavala S. Aproximacion a la historia de Mexico, 1953; Zavala S. La economieda Indiana, Madrid, 1935.

Работы С. Савалы высоко оцениваются историками многих стран, но некоторые его выводы до сих пор являются предметом дискуссий. Ему, как и другому известному историку Х. Миранде свойственна модернизация. Так, оба отождествляют пеонаж с наемным трудом³⁶. Х. Миранда считает энкомьенду XVI в. капиталистическим предпринимателем. Тем не менее, работы этих историков убедительно показали, что столь широко распространенная в XVIII-XIX вв. асьенда не была наследницей энкомьенды (феодалного владения), а является результатом экспроприации индейских общин и возникновения частной собственности на землю.

Еще в 20-30 гг. идеи марксизма стали оказывать большое влияние на развитие общественных наук в Латинской Америке, начало формироваться марксистское направление в историографии. Одной из первых работ, где была сделана попытка применить марксистскую теорию к изучению истории стран Латинской Америки, была книга общественного деятеля, писателя и историка **Хосе Карлоса Мариатеги** (1895-1930) "Семь очерков истолкования перуанской действительности (1928). Его труды и способствовали возникновению марксистских концепций в изучении колониального периода в различных странах. С 30-х гг. марксизм стал оказывать значительное влияние на мексиканскую историографию. В центре внимания многих историков, испытавших влияние марксизма, были вопросы, связанные с применением к истории Латинской Америки теории социально-экономических формаций, универсального характера всемирно-исторического процесса, проблем сравнительно-исторического анализа генезиса капиталистических форм хозяйства.

³⁶ Miranda J. España y Nueva España en la epoca de Felipe II. Mexico, 1962; El tributo indigena en la Nueva Espana durante el siglo XVI. Mexico, 1952; Miranda J. Los indigenas de America en la epoca colonial: teorias, legislacion, realidades. En Cuadernos americanos, 1964, № 4.

Разгром фашизма и крушение колониальной системы в странах Азии и Африки обострили интерес к марксистской теории во многих странах и в особенности в Латинской Америке, пережившей значительный экономический подъем в годы второй мировой войны. Во второй половине 50-х гг. он сменился глубоким экономическим кризисом, перешедшим в затяжной кризис социально-экономических и политических структур. Как уже было сказано выше, новая ситуация обострила интерес к колониальному прошлому, но уже под другим углом зрения: учесть опыт и традиции прошлого для разработки альтернатив на будущее.

В эти годы был создан "Центр исторических исследований" при "Колехио де Мехико", стал выходить новый журнал "Американский исторический журнал" ("Revista de historia de America"). В журнале "Мексиканская история" ("Historia mexicana") появился специальный отдел по колониальной истории. С 1965 г. стал выходить новый журнал "История и общество" ("Historia y sociedad"), ставший трибуной социологов и историков-марксистов. Значительную часть научных публикаций в этих журналах составляли исследования по колониальной истории.

В конце 50-х гг. важнейшей темой дискуссий стал вопрос об особенностях социально-экономических формаций в Латинской Америке, о возможности применения марксистской теории генезиса капитализма к изучению истории стран континента и в первую очередь о специфике капитализма в этом регионе. Эта дискуссия длилась почти 20 лет и вызвала к жизни много различных концепций латиноамериканского капитализма, истоки которых, как правило, восходили к колониальному периоду, а нередко истоки своеобразия исторического развития ученые искали в отдаленной эпохе доколумбовых цивилизаций.

Одной из наиболее распространенных теорий, вызвавших оживленные дискуссии не только в Латинской Америке, но и во всем мире, была концепция "колони-

ального капитализма", выдвинутая впер-
вые аргентинским ученым Серхио Багу в
1949 г. Он утверждал, что в Латинской
Америке не было феодализма, а в колони-
альный период господствовал торговый
капитал, который несовместим с господ-
ством натурального хозяйства³⁷. К этой
концепции присоединились и некоторые
консервативные историки, например, член
колумбийской академии истории Херман
Арсиньегас, который утверждал, что "ис-
панский конкистадор был подлинным "ка-
питалистом-индивидуалистом", в то время
как английский колонизатор в ту эпоху
был "членом акционерного общества", а
сама конкиста была "ничем иным, как ка-
питалистическим предприятием"³⁸.

Проблемы войны за независимость.
Война за независимость американских
колоний Испании, охватившая в первой
четверти прошлого столетия обширную
территорию от Техаса до Патагонии и
приведшая к возникновению ряда само-
стоятельных государств, традиционно яв-
ляется одной из узловых тем ла-
тиноамериканской историографии.

В изучении этого важнейшего события
в истории Латинской Америки в XX в.
можно выделить три этапа, с присущими
им количественными и качественными
характеристиками. Первый этап включает
в себя 20-50 годы XX в.; для него, с одной
стороны, характерно сохранение тради-
ций, заложенных либеральной и консерва-
тивной историографией XIX в., и замыка-
ние историков Латинской Америки на ис-
тории своих стран, с другой. Право на
обобщающие труды по войне за независи-
мость отдавалось историкам вне Латин-
ской Америки, прежде всего испанским и
североамериканским. Последнее обстоя-
тельство в значительной степени было
связано с тем, что в архивах латиноамери-
канских государств имелись источники
лишь по своей стране, в то время как в

Испании и США хранились обширные
коллекции документов континентального
характера. Наибольшее воздействие в этот
период на латиноамериканскую историо-
графию оказали концепции двух извест-
ных испанских историков Р. Бланко-
Фамбона и С. Мадариаги. Р. Бланко-
Фамбона утверждал, что война за незави-
симость носила олигархический и муни-
ципальный характер, ибо определенные
цели преследовала лишь немногочислен-
ная верхушка колониального общества,
опиравшаяся на муниципальные органы.
Со своей стороны, Сальвадор Мадариага,
оспаривая значение глубинных внутрен-
них причин в возникновении революции,
решающую роль отводил роли внешних
факторов: воздействию идей французских
просветителей, "подрывной деятельности
масонов, евреев и иезуитов", вторжению
Наполеона в Испанию, влиянию револю-
ций в США и Франции³⁹. Одновременно
он выдвинул ставшую весьма популярной
концепцию войны за независимость как
своеобразной консервативной реакции
колониальной креольской верхушки на
реформы, проведенные во второй полови-
не XVIII в. представителями испанского
просвещенного абсолютизма. Идеи Мада-
риаги нашли широкий отклик у истори-
ков-ревизионистов, что особенно ярко
проявилось в Аргентине. Наиболее раз-
вернутое изложение этой концепции дал
Э. де Гандия. Отрицая революционный
характер освободительной войны против
Испании, он обосновал тезис о том, что
это была борьба не против Испании, а
против тирании Наполеона - врага испан-
ской революции, поработившего метропо-
лию и угрожавшего колониям⁴⁰. Касаясь
Майской революции 1810 г. в Аргентине,
он утверждал, что ее первопричиной по-
служили события в Испании, вызванные
вторжением Наполеона. Суть освободи-
тельного движения Гандия сводил к эле-

ментарному конституционному конфлик-
ту, приведшему к "смене правления, про-
изведенной по предложению самого вице-
короля"⁴¹. С Гандия солидарен колумбий-
ский историк А. Гомес Уртадо, освещаю-
щий события 1810 г. как часть борьбы,
которую испанский народ вел против На-
полеона⁴². Отвергая какое бы то ни было
влияние идей Французской революции,
ревизионисты формулируют вывод о том,
что в основе духовных предпосылок Вой-
ны за независимость лежали испанские
схоластические традиции, восходящие к
философу XVII в. Ф. Суаресу.

Оппонентами ревизионистов были ис-
торики-традиционалисты, опиравшиеся на
наследие историографии предыдущего
столетия. Под их влиянием первый кон-
гресс историков Испанской Америки
(1949) констатировал, что южноамерикан-
ская революция является частью всемир-
но-исторического процесса, обусловлен-
ная всем предшествующим развитием ко-
лоний. Традиционалисты дали много ис-
следований, опирающихся на архивные
материалы. Однако, следуя своим предш-
ественникам, они ограничивались конста-
тацией новых фактов, не претендуя на
обобщающие оценки. Для представителей
традиционализма была характерна идеа-
лизация и канонизация лидеров освободи-
тельного движения, и тем самым они в
немалой степени способствовали поддер-
жанию в своих странах культов Боливара
(Венесуэла), Сан-Мартина (Аргентина),
Сантандера (Колумбия), О. Хиггинса (Чи-
ли). Общей чертой традиционалистов и
ревизионистов было позитивное отноше-
ние к испанскому колониальному влады-
честву. В качестве важного аргумента час-
то использовалось то обстоятельство, что
ни в одном из 6377 законов, вышедших к
1680 г., не упоминается слово колония.

Празднование в 1960 г. 150-летия Вой-
ны за независимость стало своего рода

отправной точкой второго этапа в изуче-
нии освободительного движения первой
четверти XIX в. С одной стороны, сам
юбилей породил потребность в новом ос-
мыслении антиколониальной революции,
а с другой - в 60-е гг. появляются новые
историографические школы, которые бер-
ут на себя эту задачу. Несмотря на со-
хранение в ряде работ традиционной трак-
товки проблем революции, в 60-е гг. в ла-
тиноамериканской историографии явно
возрос интерес к углубленному раскры-
тию социально-экономического содер-
жания освободительного движения; к ос-
вещению в нем массового действующего
лица - народа, раскрытию последствий
Войны за независимость для последующе-
го развития стран континента.

Еще в 50-е гг. мексиканский автор М.
Морено выдвинул тезис о том, что осво-
бодительная борьба носила характер соци-
альной революции⁴³. В развернутом виде
эта концепция была сформулирована ко-
лумбийцем И. Льсвано Агирре в книге
"Испания и социальная борьба в Новом
свете", впервые изданной в 1962 г. В ин-
терпретации Льсвано Агирре движение за
независимость предстает как классовая
борьба между креольской олигархией,
стремившейся к сохранению своих при-
вилегий, и народными массами, которые
выступали за радикальное обновление
общества. По мнению колумбийского ис-
торика, интересы олигархии выражал один
из основателей Великой Колумбии **Сан-
тадер** (1792-1840), в то время как Боливар
отстаивал интересы народа. Близкой точки
зрения придерживается венесуэлец Л.
Сальседо-Бастардо, автор "Фундаменталь-
ной истории Венесуэлы"⁴⁴. Признавая но-
ваторский характер их позиции, следует
все же отметить, что она выводится, пре-
жде всего, из конечного результата рево-
люции и недостаточно учитывает диалек-

³⁷ Bagú S. Economía de la Sociedad Colonial. Buenos Aires, 1949.

³⁸ Arciniegas G. El capitalismo en la conquista de América. Revista "Nosotros" Bogotá, 1952, № 1.

³⁹ De Madariaga S. The Fall of the Spanish American Empire. London, 1947.

⁴⁰ De Gandía E. La independencia americana. Buenos Aires, 1961.

⁴¹ De Gandía E. La revisión de la historia argentina. Buenos Aires, 1952, p. 270, 304.

⁴² Gomez Urtado A. La revolución en América. Barcelona, 1958.

⁴³ Moreno M. Genesis sociología de la independencia hispano-americana. Mexico, 1952. p. 3-4.

⁴⁴ Salsedo-Bastardo L. Historia fundamental de Venezuela. Caracas, 1979.

тику ее развития, "выпрямляет" динамику соотношения социально-политических сил. В отличие от них аргентинский ученый Л. Пасо считает, что Война за независимость была лишь "освободительной революцией", она не могла быть буржуазной революцией "просто потому, что не имелось такого элемента, как буржуазия ни в городе, ни в деревне"⁴⁵.

Существенный интерес к раскрытию социально-экономического содержания Войны за независимость проявили "новая история" и леворадикальная историография. Представители "новой истории" не создали фундаментальных специальных исследований по истории освободительного движения первой четверти XIX в., так как это яркое, но кратковременное событие не вписывалось в характерное для этого направления неприятие "событийной" истории. Проблема революции рассматривается ими, как правило, в рамках анализа так называемого "переходного периода", охватывающего примерно столетие: (1750-1850 гг.). Х. Каррера Дамас (Венесуэла), Т. Гальперин Донгхи (Аргентина), Х. Кальмановиц (Колумбия) и другие считают 1750-1850 гг. единым этапом перехода от колониального строя к независимому развитию латиноамериканских государств⁴⁶. По их мнению, Война за независимость представляла собой преимущественно политическое действие, а реальные социально-экономические изменения произошли позднее, в середине XIX в. Важную роль в возникновении революции сыграли реформы испанского просвещенного абсолютизма 60-80-х гг. XVIII в., который, как показывает Гальперин Донгхи, не только не достигли цели усиления контроля над заокеанскими владениями, но оказали

прямо противоположное действие: способствовали дальнейшему развитию центральных тенденций в недрах испанской колониальной империи.

Точка зрения, предложенная "новой историей", отвергает, кроме того, взгляд на освободительное движение как на явление целостное, которое при всей сложности и противоречивости составлявших его компонентов, обладало определенным общим историческим содержанием. В Войне за независимость ее представители различают несколько различных, даже противоположных по происхождению, характеру, направленности движений. Первое из них - движение креольских верхов, выступление которых носило характер превентивной акции. Цель последней состояла в том, чтобы предотвратить народное восстание. Движение "цветного" населения индейского и африканского происхождения имело совершенно иные цели, на что одним из первых обратил внимание Х. Каррера Дамас при анализе выступлений пастухов-льянеро в Венесуэле во главе с Бовесом в 1812-1813 гг. Он показал, что восстания низов имели своей непосредственной целью не столько достижение независимости, сколько улучшение своего материального положения. По мнению Х. Карреры Дамаса в выступлениях социальных низов проявился не созидательный, а разрушительный потенциал⁴⁷. Чем радикальнее выступали "низы", тем консервативнее становилась позиция креолов (вплоть до прямой поддержки роялистов, как это было в Мексике и Перу). Целесообразно отметить, что хотя образ действий креолов в немалой степени обуславливался размахом народных выступлений, он не сводим к одной причине. Достаточно напомнить, что лидеры революции типа Боливара, О'Хиггинса также выдвигали в своих программах требования социально-экономического характера и стремились направить разные

потоки в одно антиколониальное освободительное русло. Обращаясь к теме структуры и периодизации испаноамериканского освободительного движения, представители "новой истории" предпочитают рассматривать его не как единый революционный процесс континентального масштаба, а как серию революций, происходивших в различных частях Испанской Америки. При этом они исходят из того факта, что события, развертывавшиеся в отдельных регионах Испанской Америки, были почти или совсем не связаны между собой, особенно на первом этапе войны (1810-1815).

Значительным своеобразием отличается подход к Войне за независимость леворадикальной историографии, для которой само понятие "революция" является центральной категорией. Ведущей силой исторического развития согласно леворадикальным авторам выступают силы "ниспровержения", отрицающие традицию. Источник "ниспровержения" коренится в утопиях, распространяемых критически мыслящими меньшинствами ("антиэлита"). Распространившись в массах и подтолкнув общество на революционный переворот, утопии теряют взрывчатую силу, страна вновь обретает стабильность. Латиноамериканские народы прошли несколько этапов революционных изменений, одним из которых стала Война за независимость. Согласно точке зрения О. Фальс Борды суть антиколониальной революции состоит в том, что "либеральная" утопия нанесла удар по колониальному обществу, но не сумела трансформировать его. Руководителей Войны за независимость, в частности Боливара, Фальс Борда относит к "либеральной антиэлите", полагая, что они добивались "модернизации колониального общества в буржуазном духе". Анализируя причины незавершенности Войны за независимость как революции, он приходит к выводу, что "либеральная антиэлита" не смогла создать социальную утопию, которая захватила бы массы, и проявила себя недостаточно решительной в деле "ниспровержения" и

неспособной к самопожертвованию"⁴⁸. Другой видный леворадикальный историк и социолог Р. Солер (Мексика), полемизируя с "новой историей", считает, что в своем зарождении Война за независимость представляла собой общекоонтинентальное явление и только потом распалась на отдельные потоки⁴⁹. В качестве доказательства Солер ссылается на представления ряда руководителей патриотов. Так, венесуэлец Ф. Миранда еще в конце XVIII в. выдвинул идею превращения Испанской Америки после завоевания независимости в одно государство под названием "Колумбия". Мексиканский революционер М. Идальго был провозглашен "генерал-капитаном Америки" и в своих воззваниях обращался к "американской нации".

Значительный вклад в изучение проблем Войны за независимость внесла латиноамериканская школа идей. В 60 - начале 80-х гг. ее представители опубликовали целый ряд монографий, в которых по-новому ставился вопрос об идейно-теоретических предпосылках освободительного движения первой четверти XIX в. и идеологических процессах в период революционной борьбы⁵⁰.

Исходной посылкой для нового теоретического осмысления освободительной идеологии стало стремление школы "истории идей" рассматривать культуру второй половины XVIII - начала XIX вв. не только и не столько в плане ее генетических связей с испано-европейскими источниками, но как явление, адекватно отражающее внутренние тенденции развития креольского общества данного этапа. Такой подход сделал возможным постановку вопроса о латиноамериканском Просвещении как закономерном, специ-

⁴⁵ Paso L. De la colonia a la independencia nacional. Buenos Aires, 1963, p. 220.

⁴⁶ Carrera Damas G. La crisis de la sociedad colonial. Caracas, 1971; Halperin Donghi T. Reforma y disolucion de los imperios iberios. Madrid, 1985; Kalmanovitz J. Economía y nación. Una brève historia de Colombia. Bogotá, 1985.

⁴⁷ Carrera Damas J. Sobre el significado socio-economico de la acción histórico de Boves. Caracas, 1964.

⁴⁸ Fals Borda O. Las revoluciones en América Latina (1809-1968). México, 1970.

⁴⁹ Soler R. Idea y cuestion nacional latinoamericanas de independencia a la emergencia del imperialismo. México, 1980, p. 41.

⁵⁰ Pensamiento político de la Emancipación, t. 1. Caracas, 1980; Ocampo Lopez J. El proceso ideológico de la emancipación en Colombia. Bogotá, 1983.

фическом этапе в идейно-политическом развитии Испанской Америки, не сводимом к поиску источников внешних влияний. Иначе говоря, речь должна идти не о первостепенности внешних и второстепенности внутренних условий или наоборот, а об их диалектическом единстве. С одной стороны, становление идеологии латиноамериканского Просвещения неотделимо от тенденции к духовной "автономизации" жителей испанских колоний, с другой - от воздействия извне. По мнению аргентинского ученого Х. Чиарамонте следует говорить о наличии непосредственной причинно-следственной связи между формированием просветительства в Испанской Америке и реформаторством испанского "просвещенного абсолютизма". Что же касается французского или североамериканского влияния, то преобладание добуржуазного по своему характеру общественного сознания, слабый уровень культурной и национальной интеграции населения Испанской Америки делали французское Просвещение в известной мере формационно-инородным. В результате в Латинском Просвещении в канун Войны за независимость и на первом ее этапе сложились две линии. Первую составляли сторонники политической автономии и уравнивания креолов в правах с испанцами. Вторую представляли те (их было меньшинство), кто воспринял достижения мировой просветительской мысли и на их основе обосновывали законность революционного отделения Испанской Америки от метрополии. Просвещение в Латинской Америке не превратилось в отличие от западноевропейского в широкое общественное движение, став достоянием лишь части креольской элиты. В целом продолжал господствовать духовный авторитет католицизма, вследствие чего широко были распространены традиционные взгляды и представления. На этой основе латиноамериканские ученые вплотную подошли к постановке принципиально важной проблемы - о влиянии Войны за независимость, нарушившей естественное развитие про-

светительских идей, на возникновение социокультурного раскола латиноамериканского общества, т. е. существования прямо противоположных систем ценностей и действий. Он выразился согласно точке зрения Х. Чиарамонте и других исследователей в активном противостоянии массового сознания (в основном индейского и метисного населения) и той формы сознания, которая культивировалась в среде креольской элиты.

Новый импульс изучению проблем освободительного движения первой четверти XIX в. придало 200-летие со дня рождения Боливара, убедительно подтвердившее их научно-методологическую значимость и непосредственную общественную актуальность. Юбилей, прежде всего, обострил интерес к вопросу о содержании деятельности Боливара и значении его идейного наследия. Важным событием в научной жизни Латинской Америки явился состоявшийся 17-24 июля 1983 г. в Каракасе конгресс историков, приуроченный к празднованию юбилейной даты. Он, в первых, показал, что латиноамериканские историки из учеников окончательно превратились в равноценных партнеров своих зарубежных коллег. Во-вторых, он подвел итог предшествующему этапу изучения истории Войны за независимость и одновременно обозначил вопросы, требующие дальнейших исследований. Тематика конгресса была составлена таким образом, чтобы показать личность Боливара в тесном единстве с эпохой, в которую он жил. При всем различии точек зрения по отдельным вопросам деятельности Боливара, как руководителя освободительного движения, достаточно четко просматриваются два направления.

Для первого из них характерно преобладание нормативистских оценок личности Боливара, когда она измеряется по меркам соответствия или несоответствия выведенным из традиций европейской и североамериканской политических культур определенным принципам. Ярким представителем подобного подхода является один из старейших латиноамерикан-

ских историков Х. Арсиньегас, выпустивший в 1984 г. на шумевшую книгу "Боливар и революция". В ней он утверждает, что образ Боливара, как оригинального мыслителя и революционера, есть не что иное, как результат "бумажного мифотворчества" ряда историков. По мнению автора, действительное место Боливара определяется тем, что он был освободителем и выдающимся, не уступающим Наполеону, полководцем. Х. Арсиньегас ставит временную диктатуру Боливара, установленную в 1828 г. в момент крайнего обострения классовой борьбы в Великой Колумбии в один ряд с одиозными диктатурами Х. Висенте Гомеса в Венесуэле и А. Пиночета в Чили. Он объявляет, что социально-политические взгляды Боливара реакционны и их следует предать забвению.

Другое направление отличает стремление к целостному системному анализу социально-классовой характеристики Боливара, его идейных воззрений. Деятельность Освободителя исследуется через выявление глубинных внутренних связей между его политикой и логикой развития освободительной борьбы. Оно представлено такими именами, как И. Льевано Агирре, А. Риваданейра, А. Михарес, Ф. Маса Савала, Х. Сальседо-Бастардо. Первую фазу революции (1810-1815 гг.) эти историки рассматривают как аристократическую, противостоящую движению низов. Деятельность и взгляды Боливара в этот период отмечены печатью глубоких противоречий между политическим радикализмом, выражавшемся в стремлении добиваться полной независимости, и консерватизмом в социальной области. Во второй, собственно боливарийской, фазе Боливар вплотную подходит к идее социальной революции⁵¹. Особое место занимает оценка деятельности Боливара в период его диктатуры (1828-1830). И. Льевано Агирре и Х. Сальседо-Бастардо убеди-

тельно показывают несостоятельность попыток изобразить Боливара первым латиноамериканским бонапартистом лишь потому, что он использовал диктаторские полномочия для углубления революции.

Юбилей Боливара привлек внимание историков еще к одной существенной проблеме - цене революции. Характеризуя диктатуру Боливара, ряд латиноамериканских исследователей делает однозначный вывод: Война за независимость породила милитаризм и его олицетворение - каудильлизм, отражавший слабость республиканских институтов, которые сразу не могли заполнить брешь, образовавшуюся в результате краха колониального режима. Кроме этого констатируется, что в ходе войны во всех регионах Испанской Америки разрушались исторически сложившиеся, вечные, с точки зрения авторов, понятия о праве собственности, власти, законах, т. е. о тех институтах, которые являются основой прочности и незыблемости общества. В Войне за независимость враждующие стороны использовали такие методы, как конфискация имущества, штрафы, принудительные займы, повсеместно имело место разграбление и разрушение материальных ценностей. Это подрывало принцип неприкосновенности частной собственности, утверждавшийся веками, а также веру широких масс населения в справедливость и незыблемость законов и права. В результате длительной войны новые государства оказались настолько ослабленными, что их развитие по пути социального и экономического прогресса стало невозможным. Из сказанного следует вывод, что освободительная война как всякая революция означает, прежде всего, насилие и разрушение; всего этого можно было бы избежать, если бы победила линия креольской элиты 1808-1810 гг. на простое отделение от Испании и дело не дошло до социальной революции⁵².

В известной мере подобная оценка порождена политическими реалиями совре-

⁵¹ Congreso Bicentenario de Simon Bolivar. Informe final, 17 al 24 de julio de 1983, Caracas, 1983, p. 88-89.

⁵² Ibid. p. 1-5.

менного мира, равным образом, как и возрождением некоторых старых схем. Так, известный венесуэльский историк А. Услар Пьетри считает, что Война за независимость в Испанской Америке составляет одну из глав в длительной борьбе двух Испании. "Испанские либералы и американские освободители, - пишет он, - суть одни и те же люди"⁵³. "Движение за независимость, - дополняет его мексиканский автор К. Бош, - не переросло в социальную революцию. В социальном плане сохранился консенсус. Проблема состояла лишь в том, кто из креолов захватит политическую власть и навязет ее остальным"⁵⁴. Несомненно, что приближающееся 200-летие начала Войны за независимость поставит перед историками новые вопросы и активизирует исследование дискуссионных аспектов освободительного движения.

Особенности развития капитализма в странах континента в историографии 60-80-х гг. В 60-70 гг. в Латинской Америке обострилась борьба вокруг перспектив дальнейшего развития стран континента. Это было связано с ростом антиимпериалистических выступлений и обострения социальных конфликтов в отдельных странах и регионах (Боливия, Перу, Панама, Чили, Центральная Америка). Расширился социальный состав оппозиционных движений, в борьбу включились крестьянство, городские средние слои, интеллигенция, студенчество, усилились оппозиционные течения в армии и в церковных кругах.

В этих условиях все большее распространение получили идеи марксизма, усилилось их влияние на общественные науки и особенно на политологию и историю, что явилось одной из главных причин возникновения леворадикальных течений в

историографии, сформировались группы историков-марксистов, в ряде стран возникли исследовательские центры при компартиях и "левых университетах".

Леворадикальные течения были связаны, прежде всего, с перспективами развития революционных процессов, поисками путей преодоления отсталости стран континента, его зависимого положения в мировой системе капиталистического хозяйства.

Это в свою очередь повлекло за собой повышение интереса к прошлому, к проблемам историко-культурной самобытности народов Латинской Америки. Большое внимание стало уделяться социально-экономическим проблемам и истории народных движений. Следует отметить, что восприятие марксизма многими историками как леворадикального, так и позитивистского направления, было односторонним, многие историки ограничивались лишь использованием марксистской терминологии, другие, не воспринимая марксизм в целом, брали лишь некоторые его элементы.

Многие из будущих идеологов левого радикализма в 50-е гг. активно участвовали в политической жизни своих стран и в международных организациях, в том числе в Экономической комиссии по Латинской Америке ООН (ЭКЛА), где в эти годы господствовало влиятельное реформистское течение - десаррольизм ("теория развития"), сторонники которого хотели перенести на латиноамериканскую почву различные теории "экономического роста", основанные на идеях неокейнсианства и неолиберализма. Концепции ученых ЭКЛА впоследствии явились основой для многих реформистских программ, в том числе программы "Союза ради прогресса"⁵⁵.

Однако к концу 60 - началу 70-х гг. в большинстве стран Латинской Америки эти модели социально-экономических

преобразований оказались неэффективными.

В связи с этим усилилось влияние леворадикального направления, к нему примкнули некоторые сторонники десаррольизма, в т. ч. С. Фуртадо, Ф. Э. Кардосо, занимавшие важные посты в ЭКЛА. В леворадикальном течении возникло стремление разработать такие национально-экономические и политические альтернативы для своих стран, которые учитывали бы исторические и социальные аспекты.

Полемика между десаррольистами и представителями леворадикального направления в 60-70-е гг. заняла центральное место не только в исследованиях по экономике и политологии, но и в исторических работах. Вновь оживился интерес к колониальной истории и к экономическим проблемам XIX в. В подходе к этой тематике у историков леворадикального направления ощущается влияние школы "Анналов" и "количественной" истории, а также "каталонской исторической школы", основателем которой был выдающийся испанский историк Х. Висенс Вивес.

Главное место в дискуссии было отведено вопросу о характере социально-экономической структуры Латинской Америки: "феодализм или капитализм". Сторонники ЭКЛА выдвинули концепцию "периферийного капитализма" в Латинской Америке, подчеркивая слаборазвитость и зависимое положение в системе мирового хозяйства. Причиной этого они считали т. н. "традиционализм" - пагубное влияние испанского колониального наследия, специфику национального характера и "менталитет" латиноамериканцев. Они считали вслед за североамериканскими латиноамериканистами, что преодоление отсталости возможно только на путях разрыва с историческими традициями, которые они отождествляли с "испанским феодальным наследием" и в усвоении латиноамериканскими народами основ западной и, прежде всего, американской цивилизации.

Приверженцы десаррольизма опирались на теорию "стадий экономического роста" североамериканского экономиста У. Ростоу и его идею о возможности для слаборазвитых стран с помощью иностранного частного капитала в ускоренном темпе пройти все стадии развития капитализма и преодолеть отсталость.

Дискуссия о характере социально-экономических структур в странах континента развернулась, как уже было сказано выше, вокруг проблемы: "феодализм или капитализм". Начало было положено в середине 60-х гг. выступлением известного историка, социолога и экономиста Гюндера Франка⁵⁶. Он родился в 1929 г. в Берлине, эмигрировал в США, где получил образование и защитил диссертацию в Чикагском ун-те, затем работал в Бразилии, Чили и Мексике. В своих монографиях и многочисленных статьях он отстаивал тезис, что конкиста была капиталистической акцией, предпринятой средиземноморским, итальянским и испанским капиталом, и результатом ее было возникновение и развитие в Иberoамерике капиталистических форм хозяйства. Поскольку в самой Испании феодализм клонился к упадку, то втягивание колоний в мировую торговлю уже в XVI в. предопределило капиталистический путь развития, который имел свои особенности.

Вторым важнейшим тезисом Гюндера Франка было утверждение о том, что отсталость латиноамериканских стран объясняется особым типом капитализма, который, по мнению автора, носил и носит "колониальный" характер, поскольку его развитие определяется индустриально-развитыми странами не только в экономической, но и в политической и идеологической сфере. Происходит, по словам Гюндера Франка, сателлизация латиноамериканских стран и превращение их в клиентуру крупных монополий.

Третьим важным моментом в концепции Г. Франка является теория "внутрен-

⁵³ Uslar Pietri A. Existe una comunidad iberoamericana? - Cuadernos hispanoamericanos, México, 1991, № 487, p. 35.

⁵⁴ Bosch C. García. La transición en la historia general de América. - Cuadernos americanos, México, 1990, № 19, p. 3.

⁵⁵ См. Посконин Л. С. Латинская Америка: Критика леворадикальных концепций. М.: "Наука", 1988.

⁵⁶ Gunder Franc. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. N. Y. 1969.

них колоний" - отсталых районов в каждой стране, эксплуатируя которые латиноамериканская буржуазия восполняет свои потери на мировом рынке. Таким образом, вопрос об особенностях латиноамериканского капитализма переносится в сферу внешней торговли и внешнеэкономических отношений, при этом игнорируются внутренние факторы развития. Так, Г. Франк утверждает, что никакие докапиталистические пережитки не влияют на развитие стран Латинской Америки.

Главными оппонентами Г. Франка явились аргентинские ученые Родольфо Пуигросс, которые отстаивали прямо противоположную точку зрения на социально-экономический строй испанских колоний, считая, что вплоть до Войны за независимость там существовал феодализм, а конкиста являлась чисто феодальным военно-колониальным движением, в ходе которого в Америке насаждались феодальные формы хозяйства, и что феодализм в самой Испании, клонившийся к упадку в начале XVI в., получил новые импульсы для своего сохранения и развития в Испании за счет прилива драгоценных металлов из Америки.

Р. Пуигросс критикует Г. Франка, который рассматривает простое товарное производство, существовавшее в колониях в XVI-XVII вв. как капиталистическое, а труд индейцев-общинников на рудниках и в хозяйствах энкомендеро, равно как и труд негров, как капиталистическую форму найма рабочей силы. При этом автор широко использует марксистскую терминологию и отдельные положения марксизма о роли торгового капитала, внутреннего рынка и рынка рабочей силы. В ходе полемики Р. Пуигросс высказал очень важную мысль о синтезе доколумбовых цивилизаций и испанского феодализма как исходного момента формирования социально-экономических структур колонии. Эрнесто Лаклау останавливается подробно на роли внешнего рынка и показывает, что в XVI-XVII вв. господствовал торговый капитализм, который не мог осуществить трансформацию колоний,

хотя в отдельных районах, например в аргентинской пампе, складывались районы торгового скотоводства, интегрированные в мировой рынок. Лаклау выступал также против унификации процессов, происходивших в разных частях колонии, подчеркивая значительное разнообразие условий в различных районах континента.

Важным вкладом в разработку проблем капитализма в Латинской Америке явилась трехтомная работа мексиканского историка-марксиста Э. Семо "История капитализма в Мексике" (1975), в которой рассматривается экономическая история Мексики в течение всего колониального периода.

Эта работа интересна, прежде всего, тем, что автор подводит черту под длительной дискуссией: феодализм или капитализм и приходит к выводу, что в XVI-XVIII вв. экономика колонии носила многоукладный характер, что в XVI в. преобладали докапиталистические отношения, широко использовались формы эксплуатации, существовавшие в доколумбовой Америке, наряду с феодальными - репартименты и энкомьенда. Однако на экономическое развитие огромное воздействие оказывал мировой капиталистический рынок, складывавшийся в ту эпоху. Зарождение и укрепление капиталистического уклада Э. Семо относит к XVIII в.

Связывая причины экономической отсталости континента исключительно с испанским колониальным наследием, сторонники доктрины ЭКЛИА как экономисты, так и историки считали, что преодоление отсталости возможно только на путях полного разрыва с историческими традициями и усвоения основ "западной", т. е. североамериканской цивилизации.

Кризис реформизма в 70-е гг., обострение социальной напряженности в большинстве стран, приход к власти правоторитарных режимов ослабил влияние десаррольсма и реформистских течений в историографии и способствовал укреплению позиций леворадикальной историографии и влияния марксизма. Однако это обращение леворадикалов к марксизму

носило противоречивый характер. Называя себя сторонниками и продолжателями марксизма, широко используя марксистскую терминологию, они считали, что классический марксизм неприменим к Латинской Америке и претендовали на создание собственной теории. Так, бразильский историк и социолог Ф. Кардозо отрицал такие положения марксизма, как всемирно-исторический характер истори-

ческого процесса. Т. Дос Сантос вслед за Гюндером Франком считал, что экономика Латинской Америки уже в XVI в. носила капиталистический характер лишь на том основании, что в Европе развивался капитализм, а Латинская Америка была сырьевым придатком и через экономические связи оказалась втянутой в международные экономические отношения.

XX век явился важной вехой в развитии латиноамериканской историографии. Историкам континента удалось преодолеть исключительное внимание к политической истории и деятельности отдельных исторических личностей.

В 30 - начале 50-х гг. на смену традиционной историографии пришло новое направление - "исторический ревизионизм" на первый план выдвинулась проблема синтеза европейской и индейской культуры, как важнейшей особенности в развитии стран континента. Это в свою очередь привело к изучению экономической и социальной истории, народных восстаний и общественных движений, (изучение этих проблем велось преимущественно на материалах колониального периода). Пристальное внимание историков континента привлекали проблемы латиноамериканской самобытности.

Некоторые тенденции в развитии западной исторической науки на пороге XXI века

В последние годы нашего столетия в мировой исторической науке происходит определенная переориентация в мышлении и практике, которыми определяется работа историков. Под вопрос поставлены те предпосылки, на которых покоилось историческое исследование с возникнове-

ния истории как научной дисциплины в XIX веке и на протяжении почти всего XX века.

Многие ученые начали понимать и писать историю по-другому. В центре их внимания оказываются теперь не действия выдающихся исторических персонажей,

не безличные структуры и процессы развития общества и экономики, а экзистенциальные переживания отдельных людей, которые прежде не были видны, потому что они находились в тени истории, на ее задворках. Но теперь они выступили на свет и стали главным объектом изучения формирующейся новой социокультурной истории.

Этот поворот не следует понимать как чисто внутринаучное развитие, он связан с фундаментальными изменениями условий самого человеческого существования. Еще со времени Ницше стали проблематичными некоторые прежде незыблемые аксиомы исторической науки. Пошатнулась вера в историю как разумный и наполненный смыслом процесс, в ходе которого овладение силами природы и прогресс научного знания ведут к благосостоянию человечества, к бурному расцвету культуры.

Однако XX век с его разрушительными мировыми войнами, тоталитарными режимами, уничтожением окружающей среды показал противоречивость прогресса, в ходе которого наука и техника стали средством не только освобождения, но и порабощения человека. Прогресс знания вел не только к "расколдовыванию мира" (Макс Вебер), но и к мысли о том, что история приближается к своему концу.

И в той мере, в какой усиливались сомнения в смысле жизни, под вопросом оказался и смысл истории, а значит - и историческая наука, познавательные возможности которой стали проблематичными. От систематизации источниковедческой критики, разработанной Ранке в начале XIX века, до применения количественных методов и теоретических моделей в работах Роберта Фогеля в 70-е годы нашего столетия историки были убеждены в том, что историческое исследование имеет свой объект, который можно познать научными методами. Такая точка зрения предполагала строгое и четкое разделение исторического и литературного дискурса, разграничение труда историка, понимающего себя как ученого, и автора популяр-

ных исторических произведений, который рассматривал их как часть литературы.

В 70-е годы казалось, что историческая наука достигла пика научности. В трехтомной антологии "Творить историю" (1974) под редакцией Жака Ле Гоффа и Пьера Нора говорилось, что наступила эпоха взрыва интереса к истории, а она сама как дисциплина изменила свои методы, цели и структуры, обогатилась привлечением идей из смежных наук, обратилась к исследованию материальной культуры, цивилизаций и менталитета. Пределы истории расширились за счет неписаных свидетельств - археологических находок, образных представлений, устных традиций, а текст как таковой перестал править бал.

Для того периода все это было верно, но оказалось, что не прошло и десяти лет, как текст взял реванш. Заговорили о том, что история вступила в фазу "лингвистического поворота" и "семиотического вызова", что сложилась новая постмодернистская парадигма, изложенная ее гуру, калифорнийским историком Хайденом Уайтом в книге "Метаистория" (1973), которую одни объявили "самым значительным произведением по исторической теории в XX веке", а другие - "опасной и деструктивной" концепцией, разрушающей "все критерии истины".

Действительно, позиция постмодернистов выглядела экстремистской, ибо они заявили, что слова свободно изменяют свой смысл, независимо от намерения того, кто их употребляет. Обосновывая свою концепцию деконструкции, то есть выявления в тексте опорных понятий и слоя метафор, французский философ Жак Деррида, имевший феноменальный успех в США, утверждал, что "не существует ничего, кроме текста", а сама истина "является вымыслом, чья вымышленность забыта".

Однако, если это утверждение справедливо, то следовало закончить все дискуссии, ибо никакими фактами нельзя было бы подтвердить никакие аргументы. В моду вошли загадочные письма и нев-

нятный жаргон, вызывающие обоснованные подозрения, что это - дымовая завеса, чтобы скрыть отсутствие содержания. Историков окружили носители двух новых языков, которые многим просто непонятны, идет ли речь о бездушных математических и алгебраических формулах климетристов или о жаргоне постмодернистов и деконструктивистов, который часто сбивает с толку.

Во всяком случае, пока нельзя назвать ни одного значительного конкретно-исторического произведения, которое основывалось бы только на принципах лингвистической метаистории. Справедливо Джойс Эпплби напомнил, что текст является пассивным материалом, так как словами играют люди, а не слова сами собой. Чтобы установить их смысл, надо выявить намерения автора, социально-политический и духовный контекст и как бы погрузиться в эпоху. С другой стороны, надо отметить, что теоретическая дискуссия вокруг постмодернизма имеет то позитивное значение, что она способствовала уяснению вопроса о необычайной сложности и опосредованности любого исторического познания.

К середине 90-х годов все отчетливее стала проступать новая тенденция - отход от радикальных лингвистических и культуралистских позиций. Один из ведущих французских историков культуры Роже Шартье в 1993 году в газете "Монд" заявил, что самоуверенность социальной истории того вида, в каком она проявилась в школе "Анналов" явно пошатнулась, так как примат структур и процессов оказался под вопросом, а историки осознали, "что их дискурс, независимо от формы, всегда является повествованием". В связи с этим видный немецкий историк Генрих Август Винклер в своей фундаментальной книге "Веймар. История первой немецкой демократии" (1993) с правом подчеркнул, что "в определенной мере структуры обнаруживаются и в событиях, а повествование тоже может быть анализом".

Подобные здравые позиции занимает сейчас основная часть историков.

Отчетливо проявилось это на Монреальском историческом конгрессе в августе 1995 года в дискуссии по теме "Объективность, нарратив и фикционализм", в которой в числе прочих приняли участие такие авторитетные ученые как Мисаки Мияке, Роже Шартье, Георг (Джордж) Иггерс, Игнасио Олабарри, Марк Филлипс, Йорн Рюзен, Нэнси Парнер и другие. Отход от радикально-экстремистского "лингвистического поворота" очень характерен для юбилейного сотого номера журнала "Американское историческое обозрение" (1995), где прежний приверженец этого поворота Доминик Ла Капра едко заметил, что если довести до логического конца взгляды постмодернистов, то следует признать, что "не существует ничего и в самом тексте". В этом же ряду можно назвать и подготовленный под руководством Франсуа Бедаридэ коллективный труд "История и специальность историка во Франции, 1945-1995" (1995).

Очевидный спад интереса к исследованию материальных факторов и социально-экономических структур выразился и в том, что социальной истории был предъявлен целый букет более или менее обоснованных обвинений и упреков, а среди историков резко возросло увлечение изучением высокой и низкой культуры на фундаменте исторической антропологии. Это направление блистает именами звезд первой величины. В Париже работают Эммануэль Ле Руа Лядюри, Франсуа Фюре (скончался в 1997 году), Мона Озуф; в Болонье - Карло Гинцбург; в Венеции - Джованни Леви; в Принстоне - Натали Дэвис и Роберт Дарнтон, в Мельбурне - Грег Дэнинг и Инга Клендинген, в Гёттингене - Ганс Медик, в Йене (с 1993 года) - Лутц Нитхаммер.

Сейчас все большее значение приобретает изучение отношений между полами и поколениями, религиозных убеждений и верований, роли и традиций воспитания и образования, локальной и региональной истории. В центре внимания находятся уже не коллективные феномены, а ма-

ленькие группы и даже отдельные индивиды, так как может быть и социальная история буржуазии, и социальная история одного предпринимателя икс.

Но при этом нельзя не видеть и опасности, с которой связано чрезмерное разветвление и раздробление исторических исследований, так называемая "тоннельная история", темы и проблемы которой зачастую производят впечатление случайных и выхваченных наугад. Так, во Франции появилась целая серия работ по истории сексуальности, обонания и чистоплотности. Не ставя под сомнение правомерность таких трудов и приводимых там многих любопытных данных, следует все же заметить, что никто не в состоянии толком объяснить - какое отношение к истории, политике, экономике имеет поведение людей в чисто бытовой сфере?

Можно ли утверждать, что постмодернизм - это уже пройденный этап? С одной стороны, об этом вроде бы свидетельствуют дискуссии 90-х годов на страницах журналов "Анналы", "Прошлое и настоящее", "Американское историческое обозрение", "Нью-Йоркское книжное обозрение", "История и теория", "История историографии", "История и общество", где звучали обоснованные предостережения против излишнего увлечения "культурно-символической антропологией" в духе Клиффорда Гирца и его единомышленников, для которых "реальность точно так же воображаема, как и само воображение".

Очень взвешенные суждения высказала в журнале "Прошлое и настоящее" Габриэла Спигел. Она справедливо занесла в актив постмодернистов то, что они привлекли внимание к тому факту, что не существует ментальности помимо слова и нет такого метаязыка, который позволил бы рассматривать действительность независимо от ее языка. Но роль языка заключается не в нем самом, а в том, что он выступает посредником между текстом и реальностью.

Со времени провозглашения "новой истории" произошел не только поворот к исторической антропологии и истории

культуры, но и новое обращение к политике и проблемам современности, чему в значительной мере способствовали процессы в Восточной Европе и Советском Союзе в 1989-1991 годах.

Быстрый и неожиданный крах системы "реального социализма" и стремительное объединение Германии, чего не предвидел никто, да методами исторической науки этого и нельзя было предсказать, обострили интерес к политике. Конечно, история не является наукой, позволяющей точные высказывания о будущем, но она может и должна попытаться понять и объяснить прошлое. Однако ни нарративно-повествовательная политическая история, ни социально-структурная история, ни культурно-историческая антропология порознь не в состоянии понять это прошлое. Они могут сделать это только вместе, ибо каждая из них понимает и объясняет лишь свою часть, свой сегмент прошлого.

Можно утверждать, что бесконечное и неконтролируемое копание в прошлом, которое вызвано стремлением обнаружить прошлую реальность и научно реконструировать ее, не является больше бесспорной задачей историка. Видимо, сейчас приходит время, когда историки должны больше думать о прошлом, нежели исследовать его. На этом новом этапе осмысление приобретает большее значение, чем реконструкция и поиски генезиса. Отсюда и проистекает основной конфликт в современной историографии, который заключается в противоречии между метафизическим подходом (постмодернизмом или постструктурализмом) и подлинным историзмом.

Во всяком случае, можно исходить из того, что в своей профессиональной деятельности историку не следует выступать ни в роли наставника, ни в ипостаси политического пропагандиста. Однако если трудом профессиональных историков не будет получено надежное знание о прошлом, то и современное общество окажется не в состоянии решать свои проблемы.

Надежность исторических знаний является достаточно сложной проблемой. Однако она разрешима при учете некоторых принципов, которыми, так или иначе, следует руководствоваться.

Задача истории заключается в том, чтобы предоставить более или менее надежное и достоверное знание о прошлом, а любой исторический труд - это вклад в изучение этого прошлого, который может быть оспорен, дополнен и исправлен. Следует не забывать о том, что история - это не само прошедшее, тем более не метафизические рассуждения о природе прошлого, а знания, полученные историками из первоисточников, как реликтов и следов, сохранившихся от прошлого.

Наконец, невозможно обойтись без концептуальной основы, как в интерпретации источников, так и при изложении результатов исследовательской работы. Но, в конечном счете, концепции должны быть приведены в соответствие с тем, что обнаружено в источниках, а не наоборот. Однако историк должен стремиться не к тому, чтобы все глубже и глубже погружаться в бесконечные детали своего предмета, не к тому, чтобы открывать скрытую, но не имеющую большого значения истину, а к тому, чтобы, как заметил видный британский историк Хью Тревор-Роупер, постоянно прокладывать "новые пути", непрерывно вносить свесжие течения в "старые русла".

Направлен, в каком движется историческая наука на исходе XX столетия, ее переориентацию можно уловить из тех изменений в подзаголовках, которые сочли сделать необходимыми два крупнейших и авторитетных журнала. В 1994 году

знаменитый журнал "Анналы" сменил прежний подзаголовок - "Экономика. Общество. Цивилизация" на новый - "История - социальная наука". По заявлению издателей, это изменение означает расширение проблематики за счет более основательного обращения к политике и проблемам современности. А в первом номере 1995 года у британского журнала "Историческая мастерская" исчез прежний подзаголовок "Журнал историков-социалистов и феминистов", в предисловии же пояснялось, что он является чресчур узким, слишком политизированным и вообще уже не отвечает новым общественно-политическим реалиям конца нашего столетия.

Если охарактеризовать состояние, переживаемое мировой исторической наукой на рубеже XX-XXI веков, как "историографическую революцию", то эта революция не первая и, скорее всего - не последняя. Всякий раз радужные надежды на то, что наконец-то найден волшебный "золотой ключик", в образе новой исторической теории или очередного нового поворота в методах исследования, сменялись разочарованием и заявлениями о невозможности научного исторического познания вообще. За многообещающими новациями всегда следовал крах иллюзий, потому что в той или иной форме, но во всех этих "революциях" речь по существу идет об одной и той же проблеме - специфике истории как науки, что является, видимо, бесконечным процессом в той мере, в какой бесконечна и сама история, открытая для описания, понимания и объяснения, но не для приращений, оракулов и шаманов музыки Клио.

Библиография

КО ВСЕМ РАЗДЕЛАМ

- Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. М., 1991.
- Антипов Г. А.* Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, 1987.
- Барг М. А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- Буржуазная историография второй мировой войны (отв. ред. *О. А. Ржещевский*). М., 1985.
- Буржуазная социология на исходе XX века. Критика новейших тенденций (отв. ред. *В. Н. Иванов*). М., 1986.
- Буржуазные революции XVII-XIX в. в современной зарубежной историографии. Отв. ред. *И. П. Дементьев*. М., 1986.
- Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962.
- Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1-2. Отв. ред. *А. О. Чубарьян*. М., 1989.
- Гулыга А. В.* Искусство истории. М., 1980.
- Диалог со временем: историки в меняющемся мире. Отв. ред. *Л. П. Репина*. М., 1996.
- Ерофеев Н. А.* Что такое история? М., 1976.
- История и социология. Ред. *В. В. Альтман, В. А. Куманев*. М., 1964.
- К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. Отв. ред. *Б. Г. Могильницкий*. Томск, 1994.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
- Количественные методы в советской и американской историографии. Отв. ред. *И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков*. М., 1983.
- Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.
- Лооне Э. Н.* Современная философия истории. Таллин, 1980.
- Могильницкий Б. Г.* Введение в методологию истории. М., 1989.
- Могильницкий Б. Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978.
- Национальные исторические организации в странах Западной Европы и США. Отв. ред. *В. В. Согрин*. М., 1988.
- Политическая история на пороге XXI в.: традиции и новации. Отв. ред. *Л. П. Репина*. М., 1995.
- Ракитов А. Г.* Историческое познание. М., 1982.

- Репина Л. П.* "Новая историческая наука" и социальная история. М., 1998.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
- Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977.
- Санцевич А. В.* Методика исторического исследования. Киев, 1984.
- Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. Отв. ред. *В. Л. Мальков*. М., 1989.
- Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.
- Социальная история: проблемы синтеза. Отв. ред. *В. В. Согрин*. М., 1994.
- Философские проблемы исторической науки. Отв. ред. *А. В. Гулыга, Ю. А. Левада*. М., 1969.
- Философия и методология истории. Под ред. *И. С. Кона*. М., 1977.
- Экономическая история: проблемы, исследования, дискуссии. М., 1993.

К ГЛАВАМ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

- Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции (Материалы "круглого стола" 19-20 сентября 1988г.). Отв. ред. *Е. Б. Черняк*. М., 1989.
- Альперович М. С.* Советская историография стран Латинской Америки. М., 1968.
- Болховитинов Н. Н.* Изучение новой истории США в СССР // Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
- Болховитинов Н. Н.* Россия и США: архивные документы и исторические исследования. Аналитический обзор. М., 1984.
- Великая французская революция: история и современность // Материалы международной научной конференции 23-24 ноября 1989 г. Под ред. *Б. Н. Бессонова*. М., 1990.
- Галкин И. С. Н. М. Лукин* - революционер, ученый. М., 1984.
- Гусев В. В.* Изучение новой истории стран Западной Европы и США в СССР. 1976-1981. Воронеж, 1983.
- Драбкин Я. С.* Проблемы и легенды в историографии германской революции 1918-1919. М., 1990.
- Дудзинская Е. А.* Международные научные связи советских историков. М., 1978.

Дунаевский В. А., Кучеренко Г. С. Западно-европейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981.

- Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.
- История и сталинизм. Сост. *А. Н. Мерцалов*. М., 1991.
- Италия в трудах советских историков. Отв. ред. *Л. С. Чикалин*. М., 1989.
- Мерцалов А. Н.* В поисках исторической истины. М., 1984.
- Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник. Отв. ред. *В. Г. Ревуненков*. Л., 1967.
- Проблемы историографии международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы. Отв. ред. *М. Т. Панченкова*. М., 1982.
- Рахимир П. Ю.* Историография западно-европейского фашизма. Пермь, 1993.
- Ревуненков В. Г.* Марксизм и проблема якобинской диктатуры (историографический очерк). Л., 1966.
- Советская историография. Под ред. *Ю. Н. Афанасьева*. М., 1996.
- Соколов О. Д. М. Н. Покровский* и советская историческая наука. М., 1970.
- Советская латиноамериканистика 1961-1986. Отв. ред. *В. В. Вольский*. М., 1986.
- Строганов А. И.* Латинская Америка в XX в. проблемы развития и модернизации общества. Научный доклад. М., 1997.
- Чапкевич Е. И.* Евгений Викторович Тарле. М., 1997.
- К ГЛАВАМ ПО ИСТОРИОГРАФИИ США
- Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
- Болховитинов Н. Н., Согрин В. В.* Об основных тенденциях в развитии историографии США // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. Отв. ред. *В. Л. Мальков*. М., 1989.
- Дементьев И. П.* Чарлз Остин Бирд // Новая и новейшая история. 1995. № 3.
- Дементьев И. П.* Американская историография гражданской войны в США (1861-1865). М., 1963.
- Историография // История США. т. 1. Гл. ред. *Г. Н. Севостьянов*. М., 1983-1987.
- Кунина А. Е.* США: методологические проблемы историографии, практика исследований. М., 1988.
- Листиков С. В., Станкевич С. Б.* Изучение социальной истории в США // Современная

зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. Отв. ред. *В. Л. Мальков*. М., 1989.

- Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К.* Американская буржуазная "психоистория" // Критический очерк. Томск, 1985.
- Мурадян А. А.* Американская историография тихоокеанской политики США в американской историографии // От колониального периода до гражданской войны 1861-1865 гг. / Под ред. *Г. Н. Севостьянова*. М., 1971.
- Основные проблемы истории США в американской историографии 1861-1865 гг. Под ред. *Г. Н. Севостьянова*. М., 1974.
- Попова Е. И., Станкевич С. Б.* Математические методы в американской историографии политической борьбы в конгрессе США // Американский ежегодник, 1981. М., 1981.
- Попова Е. И.* Внешняя политика США в американской политологии. М., 1987.
- Ржещевский О. А.* Война и история: Буржуазная историография США о второй мировой войне. М., 1984. 2-с изд.
- Согрин В. В.* Критические направления немарксистской историографии США XX в. М., 1987.
- Тишков В. А.* История и историки в США. М., 1985.
- Уманский П. Б.* Американская революция XVII в. в буржуазной историографии США (конец XVIII- 60-е гг. XX в.). Казань, 1988.
- К ГЛАВАМ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
- Болдырева Н.* Архивохранилища Великобритании // Проблемы британской истории. М., 1980.
- Виноградов К. Б.* Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1975.
- Еремин Л. Н.* Некоторые проблемы генезиса идеологии британского империализма в английской буржуазной историографии // Вопросы методологии и истории исторической науки. Отв. ред. *Ю. С. Кукушкин*. М., 1977. Вып. 1.
- Зверева Г. И., Модель Г. А.* Организация исторической науки в Великобритании // Организация исторической науки в странах западной Европы. Отв. ред. *В. В. Согрин*. М., 1988.
- Киссель М. А. Р. Дж. Коллингвуд* - историк и философ // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Меццеракова Н. М.* Прогрессивные историки Англии о народных движениях в буржуаз-

ной революции XVII века // Буржуазные революции XVII – XIX вв. в современной зарубежной историографии. Отв. ред. И. П. Дементьев. М., 1986.

Мучник В. М. Формирование и эволюция идейно-теоретических воззрений А. Дж. Тойнби. Томск, 1987.

Нейман А. М. Некоторые тенденции развития современной немарксистской исторической мысли в Англии и теоретико-познавательные воззрения Э. Х. Карра // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Отв. ред. М. Я. Гефтер. М., 1969.

Парфенов И. Д. Англия и раздел мира в последней трети XIX в. Проблемы историографии. Саратов, 1978.

Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. М., 1991.

Шарифжанов И. И. Современная английская историография буржуазной революции XVII в.: основные идейно-методологические тенденции и направления. М., 1982.

Шарифжанов И. И. Современная английская буржуазная историография: проблемы, теории и метода. М., 1984.

К ГЛАВАМ ПО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Адо А. В. Великая французская революция и ее современные критики // Буржуазные революции XVII-XIX вв. в современной зарубежной историографии. Отв. ред. И. П. Дементьев. М., 1986.

Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии. М., 1980.

Бессмертный Ю. Л. "Анналы: переломный этап?" // Одиссей, 1991. М., 1991.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. Под ред. И. С. Кона. М., 1977.

Бродель Ф. Свидетельство историка // Французский ежегодник. М., 1984.

Вжозек В. Историография как игра метафор: судьбы "новой исторической науки" // Одиссей, 1991. М., 1991.

Годио Ж. О книге Ф. Фюре // Французский ежегодник, 1979. М., 1981.

Годио Ж. Альбер Матьез // Французский ежегодник, 1982. М., 1984.

Гуревич А. Я. Марк Блок и "Апология истории" // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа "Анналов" М., 1993.

Далин В. М. Историки Франции XIX-XX в. М., 1981.

Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей, 1991. М., 1991.

Ле Гофф Ж. Существовала ли французская историческая школа "Анналов"? // Французский ежегодник 1968. М., 1970.

Манфред А. З. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции // Французский ежегодник, 1976. М., 1978.

Пименова Л. А. "Анналы". Экономика. Общества. Цивилизации. // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Гл. ред. А. Полетаев М., 1993, т. 1, вып. 1.

Савина И. С. Французская историография движения Сопротивления во Франции // Зарубежная историография антифашистского движения Сопротивления в странах Западной Европы. Под ред. Н. П. Комоловой. М., 1988.

Смирнов В. П., Посконин В. С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. Гл. 1, 2, 5. М., 1991.

Собуль А. Жорж Лефевр - историк французской революции // Французский ежегодник, 1959. М., 1961.

Собуль А. Классическая историография французской революции // Французский ежегодник, 1976. М., 1978.

Собуль А. Жорес, Матьез и история французской революции // Французский ежегодник, 1980. М., 1982.

Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы "Анналов". М., 1993.

Фюре Ф. О некоторых проблемах, поставленных развитием отечественной истории // Философия и методология истории. Под ред. И. С. Кона. М., 1977.

Черняк Е. Б. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой Французской рево-

люции // Французский ежегодник, 1987. М., 1989.

Шоню П. Экономическая история: эволюции и перспективы // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Гл. ред. А. Полетаев. М., 1993, т. 1, вып. 1.

К ГЛАВАМ ПО ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Драбкин Я. С. Проблемы и легенды в историографии германской революции 1918-1919. М., 1990.

Мерцалов А. Н. Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978.

Мерцалова Л. А. Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ. М., 1990.

Оболенская С. В. Бисмарк в современной западногерманской буржуазной историографии // Ежегодник германской истории, 1984. М., 1986.

Оболенская С. В. Проблемы образования германской империи 1871 г. в освещении современной буржуазной историографии ФРГ // Ежегодник германской истории, 1987. М., 1988.

Оболенская С. В. "История повседневности" в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990.

Овчинникова Л. В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М., 1983.

Орлова М. И. Германская революция 1918-1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986.

Патрушев А. И. Неолиберальная историография ФРГ. Формирование, методология, концепции. М., 1981.

Патрушев А. И. Проблемы германской революции 1848-1849 гг. в буржуазной историографии ФРГ // Буржуазные революции XVII-XIX вв. в современной зарубежной историографии. Отв. ред. И. П. Дементьев. М., 1986.

Патрушев А. И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.

Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968.

Сухоруков С. Р. Западногерманская буржуазная историография советско-германских отношений 1917-1932. М., 1976.

ФРГ глазами западногерманских социологов. Техника - интеллектуалы - культура. М., 1989.

К ГЛАВАМ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ИТАЛИИ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Бондарчук В. С. Проблема итальянского якобинизма в историографии Италии (40-60-е годы) // Буржуазные революции XVII-XIX вв. в современной буржуазной историографии. Отв. ред. И. П. Дементьев. М., 1986.

Григорьева И. В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978.

Григорьева И. В. Наследие Антонио Грамши и некоторые проблемы современной историографии буржуазных революций // Буржуазные революции XVII-XIX вв. в современной зарубежной историографии. Отв. ред. И. П. Дементьев. М., 1986.

Михайленко В. И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.

Ромео Р. Послевоенная итальянская историография нового времени (1815-1915) // Проблемы советско-итальянской историографии. Материалы советско-итальянской конференции историков 12-14 октября 1964 г. Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1966.

Токарева Е. С. Организация исторической науки в Италии // Организация исторической науки в странах Западной Европы. Отв. ред. В. В. Согрин. М., 1988.

Филатов Г. С. Проблема "второго Рисорджименто" в историографии итальянского Сопротивления // Объединение Италии: 100 лет борьбы за независимость и демократию. М., 1963.

Матлина А. А. Критические концепции "мирной" регулируемой революции. М., 1971.

Окунева Л. С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. М., 1994.

Посконина Л. С. Латинская Америка: критика леворадикальных концепций. М., 1980.

Шульговский А. Ф. Романтизм и позитивизм в Латинской Америке // Вестник мировой культуры, 1960, № 4.

Шульговский А. Ф. Теория "демократического цезаризма" и венесуэльская действительность // Венесуэла. Экономика. Политика. Культура. М., 1967.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КРУПНЕЙШИХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ XX ВЕКА

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Пер. с англ. М., 1996.

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. Пер. с фр. М., 1993.
- Блок М. Апология истории. Пер. с фр. М., 1986.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV- XVIII вв.: 3 тома. Пер. с фр. М., 1986-1992.
- Бурстин Д. Американцы: 3 тома. Пер. с англ. М., 1993.
- Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. Пер. с нем. СПб., 1999.
- Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М., 1990.
- Вебер М. Избранное: Образ общества. Пер. с нем. М., 1994.
- Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Пер. с нем. М., 1988.
- Геллер Э. Нации и национализм. Пер. с англ. М., 1995.
- Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. Пер. с англ. М., 1969.
- Зомбарт В. Буржуа. Пер. с нем. М., 1994.
- Камю А. Бунтующий человек. Пер. с фр. М., 1990.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. Пер. с англ. М., 1980.
- Кроче Б. Теория и история историографии. Пер. с итал. М., 1998.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. М., 1994.
- Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. Пер. с фр. М., 1996.
- Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Пер. с исп. М., 1991.
- Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. Пер. с польск. М., 1987.
- Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: 2 тома. Пер. с англ. М., 1992.
- Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Пер. с нем. СПб., 1997.
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Пер. с нем. М., 1998.
- Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. Пер. с англ. М., 1968.
- Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. Пер. с англ. М., 1992.
- Тойнби А. Дж. Постыжение истории. Пер. с англ. М., 1991.
- Трельч Э. Историзм и его проблемы. Пер. с нем. М., 1994.
- Февр Л. Бои за историю. Пер. с фр. М., 1991.
- Фромм Э. Душа человека. Пер. с англ. М., 1992.
- Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. Пер. с фр. М., 1998.
- Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Пер. с англ. М., 1992.
- Харц Л. Либеральная традиция в Америке. Пер. с англ. М., 1992.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. Пер. с англ. СПб., 1998.
- Шлезингер-мл. А. Циклы американской истории. Пер. с англ. М., 1992.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1: Гештальт и действительность. М., 1993. Том 2: Всемирно-исторические перспективы. Пер. с нем. М., 1998.
- Элиаде М. Космос и история. Пер. с фр. и англ. М., 1987.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М., 1991.
- Абель В. 349
- Абендрот В. 145, 326, 329, 339
- Авербух Р. А. 186
- Агиляр А. 392
- Агюлон М. 254, 267, 273, 276
- Адамс Дж. Т. 96, 98
- Адо А. В. 133, 168, 170-172, 177
- Адорно Т. 325
- Айарагарай Л. 396
- Айвазова С. Г. 176
- Айзин Б. А. 179
- Алатри П. 364, 374, 376
- Александр I 205
- Алексеев-Попов В. С. 169
- Аллен Д. 108
- Аллен Дж. 193, 239
- Алпатов М. А. 154, 158
- Алпровиц Г. 248
- Альенде С. 208
- Альперович М. С. 203-205, 209
- Амендола Дж. 210
- Антонов Ю. А. 208
- Андердаун Д. 305
- Андрес Ройг А. 393
- Анотто Г. 42, 56
- Антюхина-Московченко В. И. 177
- Анрио Г. 53
- Аптекаер Г. 238-239
- Аранго Харамильо М. Х. 392-393
- Ардао А. 393
- Арзаканян М. Ц. 178
- Ариес Ф. 273
- Арисменди Р. 394
- Армстронг Г. 110
- Арон Раймон 43, 139, 254, 271
- Арон Робер 270
- Арсеньев Э. А. 175
- Арсило Фариас Э. 387
- Арсиньегас Х. 394, 405
- Архангельский С. И. 25, 163
- Арш Г. Л. 189
- Аскольдова С. М. 194
- Афанасьев Ю. Н. 158
- Бабёф Г. 32, 54, 152, 169, 361
- Багу С. 388, 391, 400
- Байбакова Л. В. 201
- Бакунин И. А. 133, 159
- Бантке С. С. 21-22, 31
- Барбагалло К. 116, 127, 364, 366
- Барг М. А. 51, 153-154, 163-164
- Баркер Т. 285
- Барнав А. 171
- Барраклоу Дж. 161, 297
- Барт Р. 321
- Бартенева Е. С. 28
- Барышников В. Н. 217
- Басадре Х. 389
- Батталья В. 378
- Баттерфилд Г. 63-64, 294-295
- Бауэр О. 187, 215
- Бebel А. 338-339
- Бедарида Ф. 279, 411
- Бейзнер Р. 252
- Бейли Т. 233
- Бейтман Ф. 242
- Беккер К. 9, 94, 225
- Белкин Н. Д. 173
- Белл Д. 139, 236
- Беллами Дж. 288
- Беллерс Дж. 32, 164-165
- Белов Г. 74
- Белоусов Л. С. 186
- Белявская И. А. 194, 201
- Бемис С. 234
- Бенсон Л. 245
- Бенц В. 357-358
- Бергсон А. 41, 162
- Бергхофф Х. 358
- Бергштрессер Л. 82-83
- Беренго И. 371
- Берёзкин А. В. 199
- Бери Дж. 59-60
- Берк П. 290, 297, 301, 303
- Берлин И. 136, 295
- Бернхем У. Д. 245
- Бернштейн Э. 17, 179, 215, 338
- Берр А. 12, 42-44, 142
- Бертоф Р. 247
- Бетман-Гольвег Т. 331-332
- Бёме Х. 333-334
- Бжезинский З. 139, 236
- Бил Г. 100, 225
- Бимба А. 107
- Бирд Ч. О. 9, 13, 94, 96, 99-101, 105, 107, 110, 136, 156, 225
- Бисмарк Г. 329
- Бисмарк О.
- Биссолати Л. 115
- Блазиус Д. 350
- Бланки О. 54, 265
- Бланко-Фамбона Р. 400
- Блинов А. И. 193
- Блок М. 9-10, 41-45, 51, 158, 158, 254-256, 258, 278
- Блюм Р. 82
- Богина Ш. А. 194
- Боливар С. 133, 204, 208, 394, 401-405

- Болховитинов Н. Н. 132, 156-157, 191-193, 196, 199-200
Бондарчук В. С. 184
Боннер Т. 229
Бордига А. 215
Борисюк В. И. 198
Борн К. 317-318
Борн С. 82, 86, 338
Боултон Г. 94
Боффа Дж. 366
Бош К. 406
Брайан У. 230
Бранденбург Э. 76, 80, 90
Брандлер Г. 215
Браун Дж. 193
Браун Р. Е. 226-228
Брахер К. Д. 160, 351-352
Брейзиг К. 74
Бриггз А. 288-290, 297, 310
Брисеньо-Ирагорри М. 388
Брито Фигероа Л. 394
Бродель Ф. 158, 162, 254-257, 261, 265, 273-275, 277
Бродский Р. М. 195
Броули Б. 105
Брошат М. 350
Бруннер О. 337
Брюа Ж. 57, 265, 267
Брюнинг Г. 352
Брюншвиц А. 268
Буассель Ф. 32
Бувье Ж. 254, 260
Будде Г.-Ф. 358
Бузескул В. П. 19
Бунин И. М. 175
Буонарроти Ф. 32, 361, 369
Бурджалов Э. Н. 147
Буржен Ж. 53-54,
Бурин С. Н. 192
Бурстин Д. 137, 199, 226-228
Бухарин Н. И. 148
Буш Дж. 246
Бьянки Дж. 378
Бэнкрофт Дж. 96
Бюлов Б. 77, 81
Бюхер К. 103
- Вайнштейн Г. И. 197
Вайнштейн О. Л. 156
Ваккарино Дж. 370, 378
Валентин Ф. 82, 89, 91, 155
Валери Н. 363
Валлаури К. 381
Валь А. 77
Вальдерзее А. 180
Вальенилья Ланс Л. 389
Вальсекки Ф. 363
Вальяни Л. 379
- Ван Вудворд В. 146
Ван Вудворд К. 96, 100, 229
Ван Тайн К. 102
Варгас С. 388
Варлен Э. 54
Васильцов С. И. 186
Васконселос Х. 385-386, 397
Вашингтон Б. 224
Вашингтон Дж. 192, 224
- Гаранин Ф. А. 207
Гардинер С. 66
Гарибальди Дж. 120, 127, 369
Гарднер Л. К. 248, 250
Гартман Л. М. 86
Гатман Г. 243
Гвишиани Л. 199
Гвоздарев Б. Н. 209
Гед Ж. 50, 53, 173
Геевский И. А. 194, 198
Гитлер А. 14, 73, 89-90, 182, 217, 276, 324, 330-332, 335, 339, 346, 348, 350-355
Генрих IV 264
Георг III 67
Гераклит 7
Гердер И. Г. 79
Геремек Б. 358
Герлах Э. Л. фон 329
Геронимус А. 199
Герхард Д. 91
Герцен А. И. 133
Гершенкрон А. 371-372
Гефтер М. Я. 153
Гёрделер К. 330
Гёте И. В. 7, 79
Гёц В. 89
Гизальберти А. М. 363
Гинденбург П. 90, 332, 352
Гинцберг Л. И. 182
Гинцбург К. 411
Гирц К. 292, 412
Глинкин А. Н. 205, 209, 211
Глисон С. Е. 234
Гобетти П. 117-120, 125, 378
Годвин У. 32
Годунов Н. И. 174
Годшо Ж. 263-264
Голдуотер Б. 247
Гольц Ш. де 177, 269-270
Гольц 181
Гомес Уртадо А. 401
Гомперс С. 201, 215
Гондра Л. 387
Гонионский С. А. 209
Гонсалес Касанова П. 392
Гонсалес-Обрегон Л. 396
Гончарова Т. В. 211
Гордон Л. С. 171
- Горелик С. Б. 195
Горовиц Д. 248, 250
Грамль Г. 358
Грамши А. 14, 116, 123-125, 152, 184, 218, 238, 321, 360-362, 366, 368-372
Грант А. 59
Грант У. 220
Грау В. 91
Грей Р. 314
Греков Б. Д. 147
Гривин Ф. 244
Григорьева И. В. 162, 184
Григулевич /Лаврецкий/ И. Р. 203, 208
Гринфилд Р. 121
Громыко А. А. 217
Грюнберг К. 14, 329
Губер А. А. 195
Губер П. 265
Гудуэй Д. 313
Гульга А. В. 199
Гульбин Г. К. 246
Гуревич А. Я. 44, 153-154, 158-159
Гурович П. В. 167
Гутнова Е. В. 156
Гуч Дж. 59, 65
Гэддис Дж. 251
Гэлбрейт Дж. 139, 236
Гэш Н. 282, 313
Гюндер Франк А. 407, 409
- Давидович Д. С. 182
Даже 28
Дайос Дж. 289
Д'Аламбер Ж. 171
Далин В. М. 31, 133, 168-169, 256
Далин С. А. 37
Даллес А. У. 110
Даллес Ф. Р. 233
Данилевский Н. Я. 7
Данилов А. И. 156, 159
Даниэль У. 350
Данн Дж. 292
Дантон Ж. Ж. 49
Дарлинг А. Б. 108
Дартон Р. 411
Дашевский Г. М. 203
Де Векки Ч. М. 113-115, 117, 126
Де Гаспери А. 381
Де Канио С. 241
Де Леон Д. 194
Де Роза Г. 365
Де Роза Л. 372
Де Санктис Г. 114
Де Феличе Р. 363, 370, 375-377, 381
Делла Перута 369
Дель Ноче А. 376
Дебс Ю. 194
Дезами Т. 32
- Дельбрюк Г. 159
Демарко Д. 367, 369
Дементьев И. П. 156, 162, 193-194, 196
Демос Д. 244
Деннетт Т. 109
Деов Ж. 266
Деррида Ж. 321, 410
Дестлер Ч. 100, 225
Дешан Г. 268
Джеджула К. Е. 173
Джеймс М. 306, 308
Джеймсон Дж. Ф. 96, 98
Джексон Э. 96, 99, 106, 201
Дженкс Л. Г. 110
Дженсен М. 98, 228
Дженовезе Ю. 157, 222, 238, 241
Джентиле Дж. 112, 116, 118-119, 126
Джерниган У. 98
Джефферсон Т. 88, 99, 101, 106, 192, 194, 201, 224, 238, 248
Джоберти В. 127
Джозефсон М. 104-105
Джойс П. 314-315
Джойс Эпплби 411
Джолитти Дж. 115, 133
Джолл Дж. 318
Джордан У. 303
Джоунс Д. 313
Джулиано Б. 126
Джусти В. 366
Дзангери Р. 371
Дзилли В. 366
Диас Х. 188
Дидро Д. 42, 171
Дизраэли Б. 88, 167
Диккенс А. 282
Дилигенский Г. Г. 175
Дильтей В. 91, 135, 162
Дмитриева /Томановская/ Е. Л. 28
Добролюбов Н. А. 366
Добролюбский К. П. 26
Долд У. 94
Доллеан Э. 52, 266
Домманже М. 54, 265
Дорпален А. 91
Дорсо Г. 116
Дос Сантос Т. 392, 409
Достоевский Ф. М. 366
Дотри Ж. 267
Драбкин Я. С. 160, 181-182
Дружинин Н. М. 147
Дуглас Ф. 224, 239
Дуглас Э. 228
Дунаевский В. А. 16, 26, 28, 32
Дусе М. 243
Дьюи Дж. 94
Дьяков В. М. 154
Дэвид Г. 105

- Дэвис Г. 63, 66-67
 Дэвис Н. 358, 411
 Дюби Ж. 159, 258, 273, 277-278
 Дюбуа У. 106-108
 Дюверже М. 270
 Дюльмен Р. ван 358
 Дюркгейм Э. 43, 50, 142
 Дюррозель Ж.-Б. 261
- Егоров Д. Н. 19
 Егоров Ю. В. 176
 Емоло А. К. 365
 Ермолаев В. И. 162, 203
 Ерофеев Н. А. 165-166
 Ерусалимский А. С. 23, 133, 147, 180
 Ефимов А. В. 29, 31, 133, 190-193, 200
- Желубовская Э. А. 31, 173
 Жиль В. 260
 Жиро Р. 262
 Жорес Ж. 49-50, 83, 173
 Жуков Е. М. 154
 Жюльен Ш.-А. 56, 268
- Загорин П. 305
 Зайдель Г. О. 19, 20
 Зайдель Г. С. 30, 327
 Зайончковский П. А. 132
 Зак Л. А. 216
 Зак Л. М. 176
 Заславский Д. О. 191
 Застенкер Н. Е. 155, 172
 Захаров С. В. 31
 Захарова М. Н. 193, 201
 Захер Я. М. 20, 168-169
 Звавич И. С. 23
 Зверева Г. И. 167
 Зеваэс А. 53, 265
 Зигфрид А. 56-57, 270-271
 Зильберфарб И. И. 172
 Зиновьев Г. Е. 19
 Золотухин В. П. 197
 Зомбарт В. 76-77
 Зорге Р. 88-89
 Зорина А. М. 206
 Зоркий М. С. 23
 Зубок Л. И. 23, 190, 192-196
- Ибаргурен К. 389, 396
 Иванов Л. Н. 38
 Иванов Р. Ф. 134, 192-193
 Ивановский З. В. 211
 Иггерс Г. 357, 411
 Идальго М. 403
 Иден Э. 167
 Иерусалимский В. П. 183
 Иоаннисян А. Р. 170, 172
 Истратов В. Н. 167
- Йелн С. 105
- Кавур К. Б. 120, 127, 371
 Калмыков Н. П. 207
 Кальмановиц Х. 394, 402
 Кампанелла Т. 31
 Кампфмейер П. 87
 Кан С. Б. 175, 179
 Канделоро Дж. 364
 Каннинг Дж. 317
 Каннингем Х. 314
 Кант И. 78
 Кантимори Д. 127
 Канторович Э. 91
 Капланд Р. 102
 Карано-Донвито Г. 116
 Карбоннель Ш.-О. 273
 Карденас Л. 208
 Кардозо Ф. Э. 392, 409
 Кареев Н. И. 14-16, 19-20, 27
 Карл XII 331
 Карлинер М. М. 167
 Кармона Ф. 392
 Карнап Р. 11
 Кароччи Дж. 375-376
 Карр Э. 161, 296-297
 Каррера Дамас А. 391, 402
 Карстенс К. 328
 Касо А. 385
 Каталано Ф. 375
 Каутский К. 22, 30, 84, 86, 152, 179, 215
 Катц М. 243, 245
 Кафанья Л. 371
 Кашен М. 215
 Кварк М. 87
 Кейр Гарди Дж. 72
 Келле В. Ж. 154
 Кеннап Дж. 232-233
 Кеннеди Дж. 198, 201, 207, 230-231, 247, 250
 Кеннеди П. 318-319
 Кеплер Ч. 110
 Керенский А. Ф. 233
 Керк Н. 314
 Керк Р. 247-248
 Кертман Л. Е. 166
 Кёрти М. 225
 Кингери Р. 391
 Кирова К. Э. 185
 Кислова А. А. 194
 Китсон Кларк Дж. 296
 Кихано А. 392
 Кларк А. 313
 Кларк Г. 240
 Кларк Дж. 63, 66-68
 Кларк П. 298, 303, 307, 313
 Клаузевиц К. 329
 Клейн Ф. 357
 Клендиннен И. 411
- Клепэм Дж. 59, 65, 68, 71
 Книжник-Ветров И. С. 28
 Кнорозов Ю. В. 203
 Коббэн А. 276, 296
 Коббет У. 72
 Коваль Б. И. 211
 Ковальская М. И. 185
 Ковальченко И. Д. 132, 150, 154, 172
 Кожокин Е. М. 171, 177
 Козеллек Р. 335-337
 Козенко Б. Д. 194
 Козюченко В. А. 179
 Кокка Ю. 343-344
 Кокри-Видрович К. 268
 Колко Г. 250
 Коллингвуд Р. Дж. 9, 13, 61-63
 Коллотти Э. 376
 Колменарес Х. 391
 Колпаков А. Д. 189
 Колумб Х. 203, 394
 Кольбер Ж. Б. 171
 Комаров К. В. 205
 Коммаджер Г. 225
 Коммонс Дж. 12, 103
 Комолова Н. П. 162
 Кон И. С. 155
 Кон Ф. 148
 Кондорсе Ж. А. Н. 171
 Конполи Дж. 189
 Консидеран В. 54
 Конт О. 295
 Конце В. 145, 334-335, 337, 347, 349
 Корвин-Круковская /Жаклар/ А. В. 28
 Кормилец А. А. 193
 Корню О. 57
 Королёв Ю. Н. 162
 Кортес Э. 395, 398
 Корш К. 14-15
 Косарев Б. М. 193, 201
 Косминский Е. А. 25, 133, 155
 Коул Дж. 71-72
 Коулинг М. 284, 319
 Коулмен Д. 285
 Коуэн И. 309
 Кохлэн Ф. 319
 Кохрэн Т. 241
 Коэн Р. 246
 Кравченко Е. А. 176
 Кратч Р. 225
 Крижель А. 266
 Кристи И. 318
 Кромвель О. 164
 Кроссик Дж. 314
 Кроули Г. 195
 Кроче Б. 9, 13, 15, 114, 118-120, 127, 359, 362-363, 365, 368, 370-371, 373, 375, 377
 Крэйвен Э. 102
 Куацца Г. 369, 375-376
- Куманёв Г. А. 207
 Кун Б. 148
 Кунина А. Е. 162, 217, 225
 Кунов Г. 87
 Куорлс Б. 156
 Курелла А. 89
 Курков Н. В. 201
 Куропятник Г. П. 192-193, 195, 200
 Кут Х. 7
 Кутон Ж. 178
 Кутузов М. И. 34
 Кучеренко Г. С. 171-172
 Куэ Кановас А. 387-388, 396, 398
 Куэва А. 392
 Куэвас М. 395, 398
 Кюльман 331
 Кюнль Р. 339-340
 Кюгхер К. 350
- Лабриола Ант. 124
 Лабутина Т. Л. 165
 Лавджой А. О. 13
 Лависс Э. 42
 Лавров Н. М. 203, 205, 209
 Лавровский В. М. 29, 163
 Ла Капра Д. 411
 Ламартин А. 85
 Лампрехт К. 145
 Лан В. И. 37, 190, 194, 196
 Лангер У. Л. 234
 Ланглуа Ш. В. 44
 Ларин Е. А. 207, 210
 Ласлетт П. 287, 302
 Лассаль Ф. 75, 84, 87, 152, 159, 338
 Лафарг П. 17, 84, 152, 173
 Лафибер У. 248-249
 Ле Гофф Ж. 271, 273-274, 277-278, 410
 Лебедев В. В. 196
 Лебон Г. 51
 Левене Р. 395-396
 Леви Дж. 411
 Леви П. 344
 Леви-Лебуайе М. 260
 Леви-Стросс К. 140, 257
 Левин И. П. 186
 Левитас И. Я. 193
 Левицкий Я. А. 163
 Легин К. 215
 Лельчук В. С. 217
 Леман М. 78
 Лемаршан Г. 263, 277
 Лемисш Д. 237
 Ленин В. И. 17-22, 24, 26, 31-32, 53-54, 148, 151-153, 156, 166, 173, 204, 339, 366
 Лео А. 28
 Лепешинская О. В. 36
 Лепре А. 372

- Ле Руа Лядюри Э. 158, 254, 258, 272-274, 277, 411
 Лефевр Ж. 50-51, 155, 254, 262-263
 Либкнехт В. 338
 Либкнехт К. 152, 338
 Лильберн Дж. 164
 Линд С. 237
 Линкольн А. 192-193, 201, 229, 248
 Липинский Р. 87
 Липсон Е. 68
 Липшутц А. 387
 Литаврина Э. Э. 204
 Литвак Л. 222, 239
 Ллойд Джордж Д. 133, 167
 Локк Дж. 247
 Локрюдж К. 244
 Ломоносов М. В. 190, 199
 Лонгмейт Н. 313
 Лонго Л. 378, 380
 Лопухов Б. Р. 185-186
 Лоуви Т. Дж. 248
 Луи П. 52, 53, 265
 Луи-Филипп 276
 Лукач Д. 14-15
 Лукин Н. М. 14, 18-19, 21, 23, 25-28, 30-32, 168
 Лурье Х. Г. 23
 Луццатто Дж. 364
 Лучицкий И. В. 27, 50
 Льевано Агирре И. 388, 401, 405
 Лэнгфорд П. 315
 Лэш К. 250
 Люблинская А. Д. 168, 170-171
 Люблинский В. В. 175
 Людвиг Э. 75-76, 329
 Людендорф Э. 81, 331
 Людовик XIII 264
 Людовик XIV 331
 Людовик XVI 276
 Люксембург Р. 17, 22, 148, 152, 338
 Лютер М. 43, 78, 90, 138
 Лябрусс Э. 45-47, 50, 155, 254, 258-261, 266-267, 269, 277
 Лягущенко Н. Н. 193
- Мабли Г. Б. де 169
 Мадариага С. 400
 Мадзини Дж. 120, 123, 127, 133, 185, 369
 Маркези К. 127
 Маркс К. 14-15, 17, 24, 31-32, 43, 50, 53, 57, 72, 82, 84-85, 87-88, 91, 93, 107, 130, 133, 140, 148, 152, 156, 159, 164, 166, 173, 204, 254, 265, 271, 300, 321, 326, 338-339, 342-343, 358, 364, 390
 Мазорик К. 263, 277
 Мазур Г. 91
 Майданик К. Л. 188, 211
 Майер Г. 74-75, 84, 91
 Мак Мастер Дж. 96
 Макаренкова Е. М. 173
- Макиавелли Н. 93
 Макинтайр А. 284
 Маккарти Д. 247
 Маккей У. 309
 Маккормик Т. 248-249, 252
 Макферлейн А. 290, 303
 Малкин М. М. 193
 Малов В. Н. 171-172
 Мальвестиги П. 378
 Мальков В. Л. 162, 197, 202
 Мамфорд Л. 225
 Мандл Д. 241
 Мандру Р. 258
 Манн Г. 91
 Манн Т. 8
 Маннгейм К. 91
 Манфред А. З. 31, 133-134, 168-169, 171, 173
 Манькин А. С. 195, 198
 Марат Ж. П. 169
 Марвик А. 300
 Мариатеги Х. К. 207, 386, 394, 399
 Марру А. И. 254
 Марти Х. 206, 385
 Мартин Дж. 321
 Мартино А. 56
 Мартов Л. 22
 Мартынов Б. Ф. 209
 Марушкин Б. И. 217
 Марчевский Ж. 260
 Маршалл Дж. 148, 233, 252
 Маса Савала Ф. 405
 Матиас П. 285, 310
 Матлина А. А. 211
 Матури В. 363, 370
 Матъез А. 26, 47, 48, 49, 50, 54, 83, 275
 Медик Г. 411
 Мейн Дж. 237
 Мейнеке Ф. 74, 78-79, 84, 89-91, 93, 323
 Мелье Ж. 32, 169
 Мендельсон Л. А. 201
 Мендисабаль М. О. де 387, 396
 Мерин Б. М. 206
 Меринг Ф. 30, 84-85, 159
 Меркер П. 89
 Мерцалов А. Н. 162
 Мерцалова Л. А. 162
 Мещеряков М. Т. 188
 Мещерякова Н. М. 165
 Мёзер Ю. 79
 Мёллер ван ден Брук А. 93
 Мёстр Ж. де 227
 Мизиано К. Ф. 185
 Милицына Т. В. 31
 Миллер А. 264
 Миллер П. 13
 Миллс Ч. Р. 139
 Милов Л. В. 172
 Милуорд А. 319
- Милокова В. И. 183
 Мира Дж. 374
 Мирабо О. Г. 169
 Миранда Ф. 208, 399, 403
 Мирошевский В. М. 24, 203
 Мисаки Мияке 411
 Миттеран Ф. 277
 Михайленко В. И. 169
 Михайлов Б. Я. 197
 Михайлов М. И. 214
 Михарес А. 405
 Михельс Р. 111
 Мишель А. 269
 Мишле Ж. 47
 Могильницкий Б. Г. 140, 154
 Молок А. И. 20, 28, 155, 173
 Молотов В. М. 16, 19, 132
 Молчанов Н. Н. 134, 173, 177
 Мольтке Х. 331
 Моммзен В. 345
 Моммзен Г. 356
 Моносов С. М. 21
 Монро Дж. 108, 196, 233-234
 Мор Т. 31, 93
 Моранди К. 116, 127
 Моранди Р. 116, 371
 Морган К. 110, 284
 Моргентау Г. 232
 Морейс Г. 107-108
 Морелли 169
 Морено М. 401
 Морено Р. 393
 Морилл Дж. 307
 Морисон С. 221
 Морон Г. 388, 392
 Моррис Р. 228, 315
 Моррис У. 72
 Мортон А. Л. 70, 285, 306
 Моска Г. 111
 Мостовец Н. В. 198
 Мочульский Н. Ф. 167
 Муссолини Б. 89, 111-112, 114-116, 122, 126, 186, 351, 375, 377
 Мэддокс Р. 251
 Мэддисон Дж. 224
 Мэннинг Б. 306-307
 Мэтрон Ж. 266
 Мюллер К. А. 89
- Надра Ф. 394
 Наджафов Д. Г. 202
 Намазова А. С. 189
 Наполеон I 34, 75, 78, 171, 188, 331, 347, 400, 401, 405
 Наполеон III 75, 79, 83, 127, 216
 Наринский М. М. 175
 Нарочницкая Н. А. 217
 Нарочницкий А. Л. 169, 195, 216
- Науман Ф. 78, 327
 Наумов П. 183
 Наумова Н. Н. 178
 Неймарк М. А. 189
 Нейрат О. 11
 Некрич А. М. 148
 Нельсон Г. 167, 316
 Неусыхин А. И. 14, 161
 Неф Дж. 71
 Никитина Т. В. 189
 Николаев Е. С. 31
 Николаева И. Ю. 157
 Николс Р. 229
 Николсон Г. 65
 Никонов В. А. 198
 Никсон Р. 198
 Никулин Н. М. 215
 Нин А. 188, 363
 Ниппердай Т. 347-348
 Нириг С. 109-110
 Нитобург Э. Л. 209
 Нитти Ф. С. 115
 Нитхаммер Л. 411
 Ницше Ф. 7, 410
 Новиков Г. Н. 178
 Новинская М. И. 198
 Нойбауэр Т. 89
 Нойман З. 85-86
 Нойман Ф. 91-92
 Нольте Э. 351, 355
 Нора П. 279
 Норт Д. 240-241
 Нотович Ф. И. 216
 Ньето Артета Э. 387
 Нэмир Л. 13, 63, 67, 68, 137, 296
 Нэш Г. 145
 Оболенская С. В. 159, 180
 Овчаренко Н. Е. 179
 Озуф М. 277, 411
 Ойленберг Г. 75
 Окунева Л. С. 211
 Олабарри И. 411
 Олар А. 48, 49, 55, 83, 105
 Омодео А. 114, 119-121, 123, 126-127
 Омэн Ч. 59
 Онкен Г. 75, 79-80, 89-90
 Оппенгеймер Ф. 74
 Орлик О. В. 173
 Орлов Б. С. 183
 Орлова М. Е. 189
 Орлова М. И. 160, 182
 Ортега-и-Гассет Х. 388
 Осгуд Р. 232
 Осипов Ю. М. 175
 Оукшотт М. 294-295
 Оусли Ф. 229
 Оуэн Р. 17, 32, 52, 72
 О'Хиггинс Б. 402

- Павлова Т. А. 164-165
Павлович /Вельман/ М. П. 38
Павоне К. 381
Паласио Э. 388
Паллизер Д. 302
Палмер Р. 264
Пальмерстон Г. Дж. 317
Панков Ю. Н. 189
Панкратова А. М. 36, 147
Парвус А. 22
Парето В. 111
Паркер Р. 319
Паррингтон В. Л. 104
Парсонс Т. 143
Партнер Н. 411
Пасо Л. 394, 402
Пассерэн д'Антрес Э. 365
Пасторе А. 366
Патрушев А. И. 161, 214
Педен Дж. 319
Пейн Т. 228
Пенетье К. 266
Перегудов С. П. 167
Перейра К. 395
Перкин Г. 286, 288-289, 310, 312
Перкинс Д. 108, 232, 234
Перри Дж. 284
Перро М. 267, 278
Пестковский С. С. 203
Песчанский В. В. 167
Петерс К. 90
Петренко Е. Л. 179
Петрушевский Д. М. 14, 16
Петэн А. Ф. 270
Печатнов В. О. 194
Пётр I 331
Пивовар Е. И. 217
Пизакане К. 122-123, 127
Пик В. 89
Пикон Салас М. 387
Пименова Л. А. 178
Пиночет А. 405
Пинто А. 392
Пинтор Дж. 127
Пиоло М. 265
Писарев Ю. А. 216
Питт У. Младший 244-245, 317
Пламб Дж. 161, 284, 297
Платон 7, 79
Платонов С. Ф. 16, 19
Платт Д. 284, 321
Плеханов Г. В. 17
Плеханов С. М. 198
Пожарская С. П. 188
Покок Дж. 292
Покровский М. Н. 7, 16, 18, 24, 33-34, 85
Покровский Н. Е. 200
- Полетаев А. В. 162
Поллард А. 58, 61
Поллард С. 297
Поль К. А. 22
Пономарёв Б. Н. 217
Попов А. А. 197
Попов С. И. 215
Попова Е. И. 199, 249
Поппер К. 294-295
Портер Б. 321
Поршаков С. А. 193
Поршнев Б. Ф. 133, 153, 168, 170, 215, 264-265
Посконин В. С. 178
Поспелов П. Н. 147
Потапенко В. А. 28
Потёмкин Ф. В. 29, 133, 172
Потокова Н. В. 209
Поуик Ф. 59
Поул Дж. 284
Прада Г. 389
Пратт Д. 109, 234
Преображенский П. Ф. 23
Прокачки Дж. 364
Протеро Дж. 61
Прудон П. Ж. 52, 133, 152
Пуадевен Р. 262
Пуигросс Р. 408
Пуле Г.-Ю. 335-336
- Рабле Ф. 43
Равиньяни Э. 388
Радек К. 148
Раджониери Э. 364, 379
Райтсон К. 302
Райх В. 15
Ранке Л. 325, 327, 341, 349, 410
Рассел К. 307
Ратмэн Д. Б. 144
Ратнер Н. Д. 187
Раунд 296
Ревуенков В. Г. 169
Ревякин А. В. 172
Реизов Б. Г. 158
Рейган Р. 246
Ремон Р. 262, 270
Ренар Ж. 52
Ренир Дж. 136
Ренувен П. 55-56, 254, 261-262, 269
Репина Л. П. 161, 163
Риваданейра А. 405
Ригли Е. 287, 302
Рид К. 138, 221
Риккерт Г. 10, 94, 135
Риппи Дж. 110
Риттер Г. 77-78, 84, 90, 92-93, 136-137, 330-332
Риттер Г. А. 357-358
Рицлер К. 329
Робен Р. 141
- Робеспьер М. 25, 49-50, 88, 169, 262-263
Робинс К. 319
Робинсон Р. 320-321
Рогинский В. В. 162, 188
Рогулев Ю. Н. 197
Родолико Н. 367
Рожков Б. А. 165
Розанов Г. Л. 183
Розенберг Альфред 328
Розенберг Артур 87- 91
Розенберг Г. 91
Романи Л. 371
Романова З. И. 211
Романова Н. Х. 194
Ромео Р. 363, 370-373
Ромеро Х. Л. 387
Ромеро Флорес Х. 396
Росас Х. М. 389, 396
Росселли К. 126
Росселли Н. 121-123
Россини Дж. 378
Ростоу У. 139, 235-236, 310, 342, 392, 407
Ротфельс Т. 91, 145, 335
Роуз Дж. 59, 65
Роуз Р. 284
Рохас Р. 385
Рочестер А. 107, 143
Рош Д. 273
Ру Ж. 265
Рубинский Ю. И. 176
Рубинштейн Е. И. 187
Рубио Манье Х. 396
Руденко Б. Т. 205, 209
Ружери Ж. 267
Рузвельт Т. 105, 133, 230-231
Рузвельт Ф. Д. 37, 93-94, 97, 99, 101, 196-197, 199, 201, 209, 223, 230, 231-232, 234, 247-248
Руссо Ж.-Ж. 171
Руссо Л. 114
Руффини Ф. 114
Руффини-Авондо Э. 114
Рюде Дж. 141, 162, 285
Рюзен Й. 411
Рязанов Д. Б. 17
- Савала С. 394, 405
Савельев В. А. 198
Савельева И. М. 162, 197
Савин А. Н. 25
Саитта А. 369
Саландра А. 115
Салмин А. М. 175
Салов В. И. 159-160
Салычева Л. А. 198
Салычева Т. А. 162
Сальваторелли Л. 116, 126-127, 369, 374
Сальвемини Г. 114, 116, 121, 127, 364, 378
Сальковский О. В. 183
- Сальседо-Бастардо Л. 401, 405
Самойло А. С. 192
Сандомирский Г. Б. 37
Сан-Мартин Х. 401
Сантандер Ф. 394, 401
Сантарелли Э. 364, 374
Сармьенто Д. 385, 388
Сатерленд Я. 302
Светочев М. И. 199
Сеа Л. 393-394
Севостьяпов Г. Н. 156, 190-191, 202
Седых В. Н. 215
Секкья П. 378, 380
Селезнев Г. К. 207
Семенов А. Л. 176
Семенов С. И. 204, 206
Семо Э. 408
Сен-Жюст Л. 58
Сен-Симон А. 17, 32, 152, 172
Сеньобос Ш. 42, 44
Серени Э. 372
Серова О. В. 185
Сеше Р. 276
Сивачев Н. В. 140, 195-197
Сиволап И. И. 171
Сидоров А. Н. 38
Силби Дж. 252
Силин А. С. 181
Сильва Мичелена Х.-А. 392
Симиан Ф. 11, 42-43, 45-46, 50
Симкинс Ф. 229
Сиполс В. Я. 217
Сироткин В. Г. 171
Ситон-Уотсон Р. 65
Сказкин С. Д. 34, 147, 170
Скалов Г. Б. 203
Скиннер К. 284, 292
Скоппола П. 365
Скулер Дж. 96
Слэзкин Л. Ю. 192, 200, 204-206
Слуцкий А. Г. 21-22
Слэк П. 284
Смаут Кр. 308-309
Смирнов В. П. 174, 176, 178
Смит А. 247
Смит А. Е. 228
Смит Л. Э. 98
Смоленский Н. И. 160
Собуль А. 57, 253, 262-263
Согрин В. В. 157, 191, 194, 201
Соколов А. А. 204, 207
Соколова М. Н. 158
Сокольский С. Л. 183
Солер Р. 403
Сорель А. 34
Соркин Г. З. 215
Сорокин П. А. 137, 231
Сориа И. С. 267

- Спигел Г. 412
Спиц Д. 225
Сприано П. 380
Сталин И. В. 14, 17, 19, 21-24, 131-132, 146-149, 152, 190, 203, 217, 251, 276
Старосельский Я. В. 168
Стаффорд М.
Стедмен Джонс Г. 301
Стейнер С. 318
Сторч Р. 314
Стоун Л. 301-303, 305
Строганов А. И. 204, 207, 211
Стэмп К. 229
Стэнтон Ф. 59
Суарес Ф. 401
Сункель О. 392
Суслов М. А. 147
Суфилл Дж. 110
Сюре-Каналь Ж. 168
Сэвил Дж. 288
Сэмюэл Р. 287, 290
- Такер Р. 251
Талейран Ш. М. 34
Тамаро А. 376
Тарле Е. В. 16, 19-20, 23, 26-27, 29, 33-35, 171
Таска А. 374
Таут Т. 59
Тейлор Дж. 310
Тельман Э. 215
Темин П. 240-241
Темперли Г. 59, 65
Тенфельде К. 350, 358
Терехов В. И. 198
Тернер Дж. 298
Тернер Дж. К. 109-110
Тернер Н. 239
Тернер Ф. Д. 99, 143, 157
Терсен З. 267
Терск Дж. 285
Тилли Р. 349
Тимофеев Т. Т. 215
Титтони Т. 115
Тихвинский С. Л. 132
Тихомиров М. Н. 132, 147
Тишков В. А. 157-158
Тоби Ж. 262
Тойнби А. Дж. 8-9, 61- 63, 137, 155, 231, 293-294
Токарева Е. С. 214
Тольятти П. 361, 374, 379, 381
Томас К. 290, 297, 303
Томас Л. 357
Томис М. 310
Томпсон Д. 313, 315
Томпсон П. 288
Томпсон Э. 144, 162, 285, 288, 290, 301, 303, 310, 313, 315
- Торез М. 57
Торре А. 125
Тоскано М. 125
Тоуни Р. 68-70, 304, 306
Трампе Р. 267
Тревельян Дж. 12
Тревельян Дж. М. 61, 69
Тревор-Роупер Х. 137, 296, 304, 307, 413
Трейчке Г. 80
Трельч Э. 74
Троцкий Л. Д. 22, 148-149, 366
Троянская М. О. 194
Трумэн Г. 219, 233
Трунский Ю. Г. 172, 175
Трухановский В. Г. 134, 137
Туган-Барановский Д. М. 171
Тумаркин Д. Д. 195
Туполев Б. М. 181
Турок В. М. 187
Тьер А. 34
Тэн И. 48, 51, 234
Тэнзил Ч. К. 234
Тюльпанов С. 214
Тюрго А. Р. Ж. 276
- Уайт Х. 300, 410
Угарте М. 385
Уилсон К. 315, 318, 321
Уильямс Р. 200, 321
Уильямс У. Э. 222, 248-249
Уинер Д. 241
Уинстенли Дж. 32, 164
Уинтроп Дж. 200
Улунян А. А. 189
Ульбрихт В. 89
Уманский П. Б. 193
Ундасынов И. Н. 167
Уорд А. 165
Уорд Л. 195
Уррутия М. 391
Услар Пьетри А. 406
Успенский Ф. И. 27
Ушаков В. А. 200
Уэбстер Ч. 65
Уэрмен Д. 315
Уэргенбейкер Дж. 228
Уэсли Ч. 105
- Фадеев Ю. А. 207
Фадеева Т. М. 175, 214
Фальс Борда О. 392-393, 403
Февр Л. 9-10, 27, 41- 45, 51, 158, 254- 257, 269
Федоренко Е. Н. 209
Федоров В. Г. 217
Федосов И. А. 147
Федосова Е. И. 171
Фельтринелли Дж. 218, 360, 362
Феррер А. 391
- Ферри Ж. 276
Ферро М. 158, 274, 277
Ферс Ч. 59, 66
Фест И. 352-353, 355
Фестер Р. 74
Физон Р. 313
Филатов Г. С. 162, 186
Филатов Р. С. 215
Филдхауз Д. 321
Филлиппс М. 411
Филлиппс У. Б. 102, 106, 156, 229
Финберг Г. 289
Фишер В. 349
Фишер Ф. 332-335
Флауд Р. С. 285
Флеминг Д. Ф. 110, 235
Флинн М. 310
Фогел Р. 146, 157, 240-241, 410
Фогт К. 82
Фольмар Г. 87
Фонер Ф. 194, 239, 242
Фонер Э. 222, 239
Фортескью Дж. 59
Фостер Дж. 310
Фостер Р. 283
Фостер У. З. 193
Франк В. 90, 92
Франк Г. 407-409
Франклин Б. 192, 200, 224
Франклин Дж. Х. 156
Франц-Иосиф I 187
Фрассати Ф. 364, 380
Фрейберг Н. П. 20
Фрейд З. 15, 41
Фриде Х. 387
Фридлянд Г. С. 168
Фридрих II 75, 81, 90, 138, 332
Фридрих Вильгельм I 331
Фуко М. 257, 300, 321
Фурсенко А. А. 191, 195, 200
Фургадо С. 391-392, 407
Фурье Ш. 17, 32, 172
Фюльберт Г. 339
Фюрс Ф. 48, 158, 178, 254, 273, 275- 277, 411
- Хабакук Дж. 282
Хабермас Ю. 325, 355
Хайем Р. 321
Хайнс Дж. 225
Хальгартен В. Г. 84-85, 91
Харамильо Урибе Х. 393
Харди Д. 107
Харрисон Б. 313
Харрисон Р. 288
Хартвелл Р. 310
Харц Л. 137, 199, 226-228
Хаттон Р. 283
Хвостов В. М. 23, 217
- Хегеман В. 75
Хейвуд У. 215
Хельбок А. 324
Хикс Д. 100
Хилл Кр. 70, 162, 285, 303, 306
Хиллыруббер А. 355
Хилтон Р. 285
Хильдебранд К. 355
Хинтце О. 74, 83, 159
Хинтце Х. 83
Хобсбоум Э. 144, 162, 285, 310, 313, 358
Ховард М. 284
Хоган М. 252
Хоган Д. 324
Холмс К. 305
Холмс С. 284
Холодковский К. Г. 186
Холт Дж. 282
Холт М. 244-245
Хольборн Х. 91
Хоркхаймер М. 14
Хоскинс У. 289
Хофстедтер Р. 137, 157, 225-226, 230-231, 236
Хрулева И. Ю. 200
Хрущев Н. С. 132, 147
Хубач В. 332
Хьюз Э. 307
Хэкер Л. М. 94, 96, 225
Хэммонд Б. и Дж. 69, 71
Хюртен Х. 160
- Цикурш И. 81
Цфасман А. Б. 181
- Чаадаев П. Я. 366
Чавес Ороско Л. 396, 398
Чаннинг Э. 102
Че Гевара 208
Чедвик Х. 284
Чемберлен Дж. 167
Чемберлен М. 317, 319
Черви А. 384
Черкасов П. Л. 177
Чернега В. Л. 178
Чернуха З. В. 176
Чернышевский Н. Г. 193, 366
Черняк Е. Б. 154-155, 165
Черткова Г. С. 169
Черчилль У. Д. С. 167, 217
Чжоу Янг 7
Чиано Г. 115
Чиарамонте Х. 393, 404
Чончоль Ж. 392
Чубинский В. В. 180
Чудинов А. В. 178
- Шабо Ф. 116, 126, 363
Шарифжанов И. Л. 161

Шарло Ж. 270
 Шартье Р. 411
 Швейцер В. Я. 187
 Шеель В. 328, 341
 Шейдеман Ф. 83
 Шелавин К. И. 36
 Шелер М. 74
 Шемякин Я. Г. 211
 Шенда Р. 350
 Шеннон Ф. 225
 Шестаков А. В. 23
 Шефер Д. 74
 Шённерер Г. 187
 Шёпс Г. 137, 331
 Шидер В. 353
 Шидер Т. 145, 335
 Ширяев Б. А. 192
 Шлезингер-младший А. М. 99, 157, 199, 225, 229-232
 Шлезингер-старший А. И. 94, 96, 100, 105, 225
 Шлепаков А. Л. 194
 Шлик М. 11
 Шляйфштейн Й. 326
 Шмидт Г. 328, 341
 Шнабель Ф. 80
 Шнерсон А. Л. 36
 Шоню П. 158, 257-258, 273, 276
 Шотвелл Дж. 110
 Шпенглер О. 7- 9, 74, 162
 Шпотов Б. М. 192, 200-201
 Штаерман Е. М. 153
 Штегман Д. 335-336
 Штединг К. 91
 Штейн К. 78, 357
 Штейнбах П. 357
 Штёккер А. 90
 Штранге М. М. 173
 Штрахов А. Н. 205
 Штюрмер М. 335-336
 Шуберт Э. 357
 Шуйский В.С. 183
 Шульговский А. Ф. 203, 205, 207-209, 211

Шульц Г. 353
 Шуман Ф. Л. 110, 235
 Шустов К. С. 209
 Щеголев П. П. 20, 26
 Эберт Ф. 83, 327, 329, 357
 Эверитт А. 289, 302
 Эйзенхауэр Д. 198, 207, 231
 Эйк Э. 91
 Эйлмер Дж. 282, 305
 Эйнштейн А. 41
 Эйсагирре Х. Э. 388
 Элдридж Ч. 321
 Эди Р. 60, 281
 Элиот Дж. 307
 Элкинс С. 229
 Элтон Дж. 282-284, 295, 298, 300, 307
 Энвин Дж. 68
 Энгельс Ф. 14, 17, 24, 30-31, 82, 84, 133, 140, 148, 152, 159, 166, 173, 180, 338
 Энгерман С. 146, 240-241
 Эндрюс Ч. М. 101, 281
 Энрикес Уренья 387,
 Эплби Э. 302
 Эпстейн Дж. 315
 Эпштейн А. Д. 179
 Эсекивель-Обрегон Т. 395-396
 Этак Д. 240, 242
 Эшли У. 68
 Эштон Т. 68, 310
 Яжборовская И. С. 215
 Язьков Е. Ф. 195-197, 199
 Яковлев Н. Н. 134, 196-197, 215
 Яковлев П. П. 209
 Янчук И. И. 209
 Яхимович З. Л. 185

Оглавление

Предисловие	3
Часть I. Историческая наука в межвоенный период (1918- 1945)	5
Введение (А. И. Патрушев)	6
Глава 1. Становление и развитие советской историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки (В. А. Дунаевский)	15
Глава 2. Французская историография межвоенного периода. Кризис позитивистской историографии. Формирование школы "Анналов" (А. В. Адо, В. П. Смирнов)	40
Глава 3. Историческая наука Великобритании в 1918-1945 гг.: традиции и новации (Г. И. Зверева)	59
Глава 4. Германская историография в 1918- 1945 гг. Проблема преемственности или разрыва с прошлым (А. И. Патрушев)	73
Глава 5. Историческая наука в США: подъем прогрессивистской школы (И. П. Дементьев, В. В. Согрин)	94
Глава 6. Итальянская историография в 1918- 1945 гг. (И. В. Григорьева)	112
Часть II. Историческая наука второй половины XX века (1945-середина 1990-х гг.)	129
Введение (И. П. Дементьев)	130
Глава 1. Отечественная историческая наука во второй половине XX в. (И. П. Дементьев, А. И. Патрушев)	146
Глава 2. Историческая наука в США во второй половине XX века. От теории "консенсуса" к "новой исторической науке" (И. П. Дементьев, В. В. Согрин)	219
Глава 3. Французская историография во второй половине XX века. "Новое историческое мышление" и "новая историческая наука" (В. П. Смирнов)	253
Глава 4. Историческое знание в Великобритании второй половины XX века: пути "новой социальной истории" (Г. И. Зверева)	280
Глава 5. Историческая наука Федеративной Республики Германии. От идеалистического историзма к социально- критической истории (А. И. Патрушев)	323
Глава 6. Итальянская историография (1945- начало 90-х гг. (И. В. Григорьева)	359
Глава 7. Основные тенденции развития современной латиноамериканской историографии (Е. А. Винокуров, Э. Э. Литаврина)	385
Некоторые тенденции в развитии западной исторической науки на пороге XXI века (А. И. Патрушев)	409
Библиография	414
Именной указатель	419
Оглавление	431

Учебное издание

**Анатолий Васильевич Адо,
Игорь Петрович Дементьев,
Александр Иванович Патрушев и др.**

**ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ**

ЛР № 061761 от 25.11.97.

Подписано в печать 22.11.99. Формат 70×100^{1/16}. Бум. Офс. №1
Объем 32 п.л., 35 уч.-изд. л. Тираж 3000 экз. Заказ №16.

Издательство «Простор»
141250. Московская обл., г. Ивантеевка.
проезд Маяковского, 7-11.

Издательство «ЧеРо»
Редакционно-издательский отдел:
121002, Москва, Б. Власьевский пер., д. 11, комн. 208
тел. (095)-241-3390, (095)-241-1869

Отдел реализации:
118899, Москва, ул. Акад. Хохлова, д.11
тел./факс: (095)-939-3493, (095)-939-4709

Издано при участии РИП «Петит»
220116. Минск, пр. им. Газеты «Правда», 30
Издательская лицензия ЛВ № 87 от 26.11.97.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Инпредо».
ЛП № 179 от 05.01.98.
220089, Минск, Семашко, 15